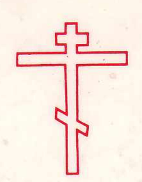
М. В. Шкаровский

Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве

М. В. Шкаровский

Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве

(Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах)

Крутицкое Патриаршее Подворье
Общество любителей церковной истории

Москва 1999

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Книга 24

(работа над серией ведется с 1991 г.)

Ответственные за выпуск книги:
Вановский Д. В., Гнатченко А. Н., Пичугин А. В.
(сотрудники Издательства Крутицкого Патриаршего Подворья)

Издается при участии Издательского Дома «Грааль»
ЛР № 0171334 от 22.08.96 г.

От издательства

История Русской Церкви советского периода есть, прежде всего, история неслыханного ранее в России гонения на веру. Накал антицерковной борьбы властей то утихал, то вспыхивал с новой силой. Известно, что сталинские репрессии 1930-х годов унесли жизни сотен тысяч православных священнослужителей и мирян. В это страшное время было закрыто подавляющее большинство храмов, упразднены монастыри, разрушена система духовного образования, уничтожены миллионы книг религиозного содержания, разграблено, сожжено или распродано за границу множество ценных икон, уникальная церковная утварь, словом, нанесен огромный и пока невосполнимый урон Русской Православной Церкви.

Антицерковная деятельность советской власти широко известна во всем мире, однако можно сказать, что известна она лишь с «внешней» стороны террора, насилия и наглой атеистичской пропаганды. Свидетельства об этих «внешних» гонениях можно найти в воспоминаниях уцелевших жертв коммунистического террора, материалах, опубликованных в русской зарубежной и иностранной печати, и, увы, в небольшом пока еще количестве научных исследований. Вместе с тем за рамками этих источников, как правило, оставались скрытые от посторонних глаз механизмы направленной на уничтожение Церкви партийно-государственной работы. Еще несколько лет тому назад исследователи не могли и помыслить о возможности пользования так называемыми «закрытыми» фондами архивов, материалами из хранилищ советских карательных органов, следственными «делами» лиц, осужденных за веру. Даже до сего дня определенная часть этих документов в силу различных обстоятельств остается сокрытой от взоров историков. И все же именно последние годы открыли перед исследователями принципиально новые возможности для их научных изысканий [1].

Предлагаемая читателям книга доктора исторических наук М. В. Шкаровского является одной из первых в отечественной историографии попыток представить перед нами обобщенную картину церковно-государственных отношений в СССР в период правления Сталина и Хрущева. В работе М. В. Шкаровского рассматриваются многие еще совершенно незатронутые исследователями аспекты российской церковной истории новейшего времени. Особый интерес представляет использованный в книге обширный корпус источников, в числе которых много ранее недоступных архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот.

Большинство затронутых в книге проблем напрямую связано с современностью. К их числу относится, например, вопрос о «внешнеполитическом» курсе Московской Патриархии и, в частности, об участии Русской Право-

---

[1] Укажем для интересующихся несколько сборников архивных документов, вышедших в нашей стране за последние годы. См. «Русская Православная Церковь в советское время» (составитель *Г. Штриккер*), М., 1995, т. 1, 2; *М. И. Одинцов* «Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны», М., 1995, «Политбюро и Церковь 1922—1925» (составители *Н. Покровский* и *С. Петров*), Москва—Новосибирск, т. 1 — 1997 г., т. 2 — 1998 г.

славной Церкви в экуменическом движении [2]. Нет никакого сомнения в том, что еще со сталинских времен советское руководство стремилось использовать Церковь в интересах своей внешней политики, видя в ней союзника в деле привлечения мирового общественного мнения на сторону внешнеполитических инициатив СССР. Государство хотело направить внешние контакты Московской Патриархии на объединение деятельности Православных Церквей (прежде всего из стран т. н. «народной демократии», а также Ближнего Востока) «в противостоянии политике капиталистических держав». Однако церковное руководство сумело использовать эти контакты для защиты и отстаивания интересов Церкви внутри страны. С течением времени советское правительство было вынуждено все в большей степени считаться с мнением мировой общественности, соответственно корректируя свои действия по отношению к Церкви.

Важное место в исследовании М. В. Шкаровского уделено вопросу о роли тех или иных церковных деятелей в развитии государственно-церковных отношений в СССР. К их числу принадлежат, например, Патриархи Сергий (Страгородский) и Алексий (Симанский), митрополиты Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич), Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов) и др.

Немалый интерес представляет вызвавшая в последние годы многочисленные спекуляции проблема взаимоотношений Московской Патриархии с органами государственной безопасности и иными учреждениями, призванными осуществлять контроль над церковной деятельностью. Автор рассматривает общий курс политики советского руководства в отношении религии и те колебания, которым он подвергался в зависимости от внутриполитической ситуации, внутрипартийной борьбы и «нужд текущего момента».

Значительное место в работе М. В. Шкаровского уделено рассмотрению проблемы так называемого «религиозного сопротивления в СССР». Под этим термином автор понимает всю совокупность разнородных по своему составу течений, выступавших, во-первых, против гонений на веру со стороны гражданской власти и, во-вторых, против компромиссов, на которые вынуждено было пойти в этих условиях руководство Московской Патриархии. В рамках этой проблемы М. В. Шкаровский сосредоточил свое внимание на истории т. н. «катакомбной церкви», движения «иосифлян» и «истинно-православных христиан», деятельности религиозных диссидентов. Безусловным достоинством этой части книги является использование множества редких источников, проливающих свет на ранее совершенно неизвестные страницы истории этих течений. Необходимо, однако, признать, что «религиозное сопротивление» с церковно-канонической точки зрения не было однородным.

Надо заметить, что сопротивление гонениям на веру было начато уже на историческом Поместном Соборе Российской Православной Церкви 1917—1918 годов. В разных формах оно продолжалось с этого времени вплоть до падения безбожного коммунистического режима. Это движение за церковную

---

[2] См. об этом также в книге «Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902—1997». Издание Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата и Круглого стола по религиозному образованию и диаконии. М., 1998 г.

свободу не следует смешивать с оппозицией официальному курсу Русской Православной Церкви (Московской Патриархии).

Первые оппоненты курсу Патриаршей Церкви появились еще при жизни Святейшего Патриарха Тихона (Беллавина). К их числу относятся не только т. н. «обновленцы» и живоцерковники, но и представители ультраконсервативных церковных кругов (например, «даниловская оппозиция»). И лишь с появлением подписанной митрополитом Сергием и единомышленными с ним архиереями «Декларации» 1927 года оппозиционные настроения получили значительно большее развитие. Однако, если «даниловская оппозиция» не прерывала молитвенного общения с Патриархом Тихоном и сохраняла, таким образом, свое единство с Матерью Церковью, то движение «непоминающих» (разорвавших молитвенное и евхаристическое общение с Временной Высшей Церковной Властью в лице митрополита Сергия и его Синода) уже вышло за церковные рамки и согласно церковному праву явилось **расколом**. С церковной точки зрения помещение глав о деятельности раскольников требует от автора канонической оценки их действий, которая, увы, в значительной степени отсутствует в работе М. В. Шкаровского [3].

В заключение отметим, что имя автора книги — доктора исторических наук Михаила Витальевича Шкаровского (родился в 1961 г.) наверняка известно тем, кто следит за новейшей литературой по истории Русской Церкви советского периода [4]. В настоящее время М. В. Шкаровский работает ведущим научным сотрудником в Государственном архиве Санкт-Петербурга и преподает в Санкт-Петербургском государственном Университете.

Илья СОЛОВЬЕВ

---

[3] Этот недостаток работы отчасти позволят восполнить книги: *Иоанн (Снычев), митрополит.* Церковные расколы в Русской Церкви 20—30-х гг. XX столетия, Сортавала, 1993 г., *Стратонов И. А., профессор.* Русская церковная смута 1921—1931 // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии, М., 1995. Позиция М. В. Шкаровского до определенной степени совпадает с отстаиваемой в новейшей литературе «теорией ветвей», будто бы существовавших внутри Русской Православной Церкви в XX столетии.

[4] См. его книги Русская Церковь и советское государство в 1943—1964 гг., СПб., 1995; Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917—1945, СПб., 1995; Свято-Иоанновский женский ставропигиальный монастырь. 1900—1998, СПб., 1998; Справочник по истории православных монастырей и соборов г. Санкт-Петербурга. 1917—1945 (в соавторстве с Н. Ю. Черепениной), СПб., 1996, а также статьи «Иосифлянское движение в 1927—1940 гг.» // История Православия в России: люди, факты, источники, СПб., 1995. С. 124—152; Русская Православная Церковь и государство в 1940—1950 гг. // Церковь и государство в русской православной и западной латинской традициях, СПб., 1996. С. 111—126; Монастыри северо-запада России в 1920—1930 гг. // Церковь в истории России. Сб. 1, М., 1997. С. 187—190 и др.

От автора

В предлагаемой читателю книге освещаются важные страницы истории главным образом Русской Православной Церкви (РПЦ), хотя частично рассматриваются проблемы взаимоотношений и с другими религиозными организациями. Это объясняется тем, что Православие было и остается самой крупной и влиятельной конфессией в СССР и России. Естественно, что Русская Церковь находилась в центре внимания соответствующих властных структур и отношения с ней определяли государственную религиозную политику в целом.

Выбор хронологических рамок работы (1939—1964 гг.) объясняется необходимостью выделить чрезвычайно важный, во многом ключевой и относительно целостный период этой политики в СССР (при всех ее колебаниях и изменениях). Период, когда Московская Патриархия играла значительную роль в планах советского государства, нередко оказываясь в самом центре «большой политики». Начальной вехой является отказ от замыслов удушения Церкви, существовавших в 1930-е гг., первые шаги в перестройке всех государственно-церковных отношений, переход к активному использованию Московской Патриархии в целях внешней и внутренней политики правительства. Заключительной гранью стал крах «хрущевской политики» насильственной ликвидации религиозных организаций в стране, прекращение во второй половине 1960-х гг. открытых антицерковных кампаний и угасание интереса к РПЦ со стороны высшего руководства страны.

При исследовании церковно-государственных отношений в 1939—1964 гг. рассмотрены определяющие факторы, этапы религиозной политики советского правительства, ее последствия для страны и Русской Церкви, обратное влияние. На основе обширной новой источниковой базы автор попытался восполнить существующие значительные пробелы в знаниях по избранным проблемам, по-новому взглянуть на уже разработанные аспекты темы, подтвердить или опровергнуть существующие концепции, а также сделать свои собственные выводы.

Материалы книги могут быть использованы и при изучении современного состояния РПЦ, перспектив ее воздействия на общественную ситуацию в стране.

Проблема государственно-церковных отношений в целом, на наш взгляд, нуждается в комплексном изучении представителями различных гуманитарных дисциплин как в теоретических, так и в конкретно-исторических аспектах, относительно отдельных периодов и всей истории СССР. Но необходимость сделать один из первых шагов на этом пути, попытаться наметить методологические подходы к проблеме, показать, как развивались эти отношения в 1939—1964 гг., определила выбор темы настоящего исследования.

Глава I

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СССР — ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

§1. Задачи исследования, терминология, методологическая основа

Основной целью монографии было изучение процесса развития государственно-церковных отношений в СССР, выявление их характера в избранный период (1939–1964 гг.). Представленная работа является первым опытом комплексного исследования, обобщения и осмысления истории этих отношений. При ее написании ставились следующие задачи: 1) определение факторов, влияющих на государственную религиозную политику, что частично позволит спрогнозировать и дальнейший курс; 2) выделение ее этапов и их основных характеризующих черт, изучение эволюции конституционно-правовой базы и деятельности специальных органов, непосредственно осуществлявших данную политику; 3) исследование репрессивных акций по отношению к духовенству и мирянам — их форм, масштабов, последствий; 4) определение реакции Московской Патриархии на действия государственных органов, степени самостоятельности ее руководства, меры вовлечения в "большую политику"; 5) выяснение внутренних эволюционных процессов идеологии Русского Православия, характера качественных изменений структуры церковного управления и вероучения; 6) изучение отражения религиозной политики правительства, гонений на Церковь в общественной и культурной жизни страны; 7) рассмотрение проблемы сопротивления в Русском Православии и его воздействия на курс властей.

Существенным специальным вопросом исследования является выявление определяющих факторов религиозной политики. Некоторые из них уже изучались ранее — идеологический, внешнеполитический и др., но в основном частично. Важно проследить взаимное влияние международных акций и внутриполитического положения Русской Церкви. Ряд факторов указывается и изучается впервые, например, экономический. Так, в конце 1950-х гг. Н. С. Хрущев активно искал источники пополнения государственного бюджета — за счет вооруженных сил, колхозов и т. п. Одним из таких источников было ограбление Церкви. Новая волна наступления на религиозные организации в 1958 г., по-существу, началась с многократного увеличения налогов, изъятия части их имущества.

До сих пор в существующей историографии недостаточно разработана такая важная проблема, как периодизация государствен-

ной религиозной политики в СССР. И для зарубежных, и для современных российских историков в основном характерно выделение неоправданно продолжительных по времени ее этапов. Так, например, прот. И. Мейендорф и В. Мазар писали о 1917–1943 гг. как эпохе преследования верующих [1]. Г. Штриккер в своей монографии изучал три этапа: 1917–1941, 1941–1953, 1953–1988 гг. [2] Российский исследователь М. И. Одинцов выделял лишь два периода: 1917 — начало 1940-х гг. и 1932–1985 гг.[3] Наиболее плодовитые историки 1990-х гг. — В. А. Алексеев и Д. В. Поспеловский этот вопрос вообще специально не рассматривали. Некоторые современные отечественные исследователи все-таки разрабатывали более дробную периодизацию, но доводили ее только до конца Великой Отечественной войны. В частности, монография М. Ю. Крапивина делится на три части: 1) Церковь и большевистская революция (1917–1920 гг.). 2) Религиозный НЭП (1921–1927 гг.). 3) Воинствующее безбожие и большевистский антирелигиозный террор (1928–1941 гг.)[4]. А А. Н. Кашеваров подробно изучает следующие, выделенные им в качестве ключевых, этапы: 1917–1920, 1929–1932, 1941–1945 гг.[5] И с подобной периодизацией можно согласиться далеко не во всем. Так, английский ученый У. Флетчер (один из очень немногих) справедливо писал о том, что уже в 1939 г. начался отказ от резко антицерковной политики предшествовавшего десятилетия[6]. По-своему решается эта проблема в исторических трудах священнослужителей Московской Патриархии. Порой гранью, отделяющей окончание одного этапа и начало другого, служит смерть Патриарха, проведение Поместного Собора и другие, не имеющие первостепенной важности обстоятельства[7].

Автор предложил свою периодизацию, хотя и она отчасти условна. Необходимо отметить, что курс правительства в определенной степени менялся и внутри выделенных временных промежутков. В целом советскую государственную политику по отношению к религиозным организациям можно разделить на десять основных этапов: 1917–1920, 1921–

---

[1] *Meyendorff I.* Living Tradition. Grestwood, New York: SVS Press, 1978; *Masar W.* Genossen beten nicht. Kirchenkampf des Kommunismus. Köln, 1963.

[2] *Stricker G.* Religion in Russland. Darstellung und Daten zu Geschichte und Gegenwart. Gütersloh; Gütersloher Verlagshaus, 1993.

[3] *Одинцов М. И.* Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 29–71.

[4] *Крапивин М. Ю.* Противостояние: большевики и Церковь. 1917–1941 гг. Волгоград: Перемена, 1993.

[5] *Кашеваров А. Н.* Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917–1945 гг. СПб.: СПб. гос. техн. ун-т, 1995.

[6] *Fletcher W.* The Russian Orthodox Church Underground, 1917–1970. Oxford: University Press, 1971.

[7] *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви. 1917–1990. Учебник для православных духовных семинарий. М.: Московская Патриархия, 1994.

1928, 1929–1938, 1939–1943, 1943–1948, 1948–1953, 1953–1958, 1958–1964, 1965–1988, 1988–1991 гг. Они во многом совпадают с переломными этапами в истории государства и общества. И такое совпадение не случайно, поскольку церковная политика всякий раз по-своему отражает внутреннюю политику властных структур в целом; со своей стороны, и Церковь никогда не отделяла себя от интересов общества. До сих пор в историографии отсутствует достаточно разработанная аргументация смены курса религиозной политики. В книге подробно исследована эта проблема применительно к избранному периоду 1939–1964 гг., состоящему из пяти этапов. Так, в 1948 г. повлияло резкое падение заинтересованности властей в международных акциях Русской Церкви: крах средиземноморских планов И. Сталина (Греция, Турция, Израиль) и, соответственно, утрата острого интереса к Восточным Патриархам; в основном завершилось и выполнение Московской Патриархией своей "миссии" в странах народной демократии; неудачей закончились планы создания "Православного Ватикана", что ярко проявилось в ходе совещания глав автокефальных церквей 1948 г. и т. п. Кроме того, существовал комплекс внутриполитических причин: переключение внимания И. Сталина к новому витку внутриполитической борьбы, чисток и репрессий, вынужденные уступки части партийного аппарата, не понимающей и неприемлющей послаблений Церкви, некоторые кадровые перестановки и т. д. Вообще "благополучие" Московской Патриархии в первое послевоенное восьмилетие в существующих исторических трудах явно преувеличивается. В этот период преобладал сугубо прагматический подход. Как только острая заинтересованность пропала, с осени 1948 г. и до смерти И. Сталина правительство не разрешило открыть ни одного храма, участились аресты священнослужителей. Соответственно охарактеризовывался каждый переход к новому этапу и основные их особенности.

С середины 1940-х гг. религиозная политика в СССР осуществлялась в контексте общего послевоенного развития страны. На нее самым непосредственным, зачастую определяющим образом влияли имперские амбиции "сталинского" периода, атмосфера холодной войны, борьба за лидерство в КПСС 1950-х гг., коммунистические прожекты "великого десятилетия". Московская Патриархия расценивалась руководством СССР прежде всего как инструмент государственной внешней политики — в разные периоды более или менее важный. До 1948 г. Советский Союз не располагал ядерным оружием, и сталинское окружение для реализации своих далеко идущих планов вынуждено было использовать другие средства, в том числе небезуспешно и церковные каналы. После 1948 г. пришло время другой политики, связанной с ядерным противостоянием. Московской Патриархии в ней также отводилась определенная, но гораздо более скромная роль — главным образом участие в просоветском "движении за мир", призванном компенсировать отставание СССР по военному и экономическому потенциалу

от стран Запада. Кроме того, в первые послевоенные годы в строго ограниченных рамках поощрялась и деятельность Русской Церкви внутри страны. Это объяснялось логическим продолжением движения от интернационализма и других марксистско-ленинских постулатов к строительству "национальной империи", намечавшегося еще в 1930-е годы, с возобновлением преподавания "гражданской истории" и через роспуск Коминтерна и победу в войне приведшего к антикосмополитической кампании конца 1940-х гг.

Следует отметить противоречивость процесса "огосударствления" Церкви. "Взаимовыгодные контакты" части государственного аппарата с Патриархатом достигли максимальной степени в 1943–1948 гг., тогда же Русская Церковь играла заметную роль в планах правительства, ей уделялось наибольшее внимание высшего руководства страны, выдавались крупные суммы валюты и т. п. С другой стороны, максимальный контроль и использование более значительной части деятельности Церкви в государственных целях, несмотря на гонения, осуществлялись в 1958–1964 гг. С конца 1950-х гг. постепенно начала проводиться и широкомасштабная кадровая политика контролирующих органов в Московской Патриархии, осуществляться отбор и селекция лояльных кадров священнослужителей. Складывается целый слой духовенства, заинтересованного во внешней, а с 1965 г. и во внутренней политике государства (помощь в борьбе с сектантами, униатами и др.).

Значительным своеобразием отличалась религиозная политика руководства СССР в конце 1950-х — начале 1960 гг. В этот период основными направлениями государственного давления на жизнедеятельность Церкви были: 1. резкое сокращение количества приходов и монастырей; 2. подрыв материально-финансовой базы; 3. ликвидация духовных учебных заведений; 4. изменение положения об управлении Церковью, жесткий контроль над кадровой политикой Патриархии; 5. давление на различные категории верующих, вплоть до полного запрещения некоторым из них (подростки, военнослужащие и т. д.) посещать храмы. В СССР уже имелся опыт массовых антирелигиозных кампаний 1920–1930-х гг. Он был учтен при переходе в очередное открытое наступление на религию, но уже на новой идеологической основе и в новых политических условиях. Сходство прежней и нынешней политики заключалось в стремлении ликвидировать Церковь как сколько-нибудь значимый общественный институт, вытеснить из общественной жизни страны. В то же время, в 1930-е гг. официально никогда не ставилась цель полностью уничтожить ее, искоренить религию в стране, как это было в начале 1960-х гг. Хотя в период "большого террора" отношение к Церкви определялось на базе видения ее в качестве "классового врага" и даже "шпионской, фашистской агентуры", в борьбе с ней руководствовались прежде всего практическими целями укрепления

существующего тоталитарного режима, уничтожения потенциально опасной оппозиции. Ко времени оттепели образ Церкви как классового врага был в основном уже давно преодолен, но его заменило видение религиозных организаций как реакционного, "идеологически чуждого" социализму и коммунизму явления. Теперь преследовались в первую очередь идеологические цели, что повлияло и на методы борьбы.

Значительно больше внимания стало уделяться пропагандистской, атеистической работе, причем в ней гораздо ярче проявлялось стремление к научному подходу (создание специальных институтов, изданий). Кроме того, вводились элементы новой обрядности, к антирелигиозной агитации активно привлекали ренегатов — отрекшихся от сана священников, что почти отсутствовало в 1930-е гг., и т. п. Однако с самого начала было совершенно очевидно, что достичь отмирания религии без прямого государственного вмешательства в жизнедеятельность Церкви невозможно. По сравнению с 1930-ми гг. набор внешних, административно-репрессивных методов воздействия был гораздо более ограниченным. О массовых репрессиях духовенства уже быть не могло и речи. Конечно, от администрирования не отказались, но теперь появилась принципиально новая политика разложения Церкви "изнутри", проведение ограничительных мероприятий там, где это возможно, руками самой Патриархии. Впервые начала осуществляться целенаправленная массовая кадровая селекция духовенства, происходило вмешательство в богослужебную практику, попрание канонических принципов церковной жизни и т. д. Контроль за церковной деятельностью достиг максимальных размеров. Это обеспечивалось существованием специального государственного органа — Совета по делам РПЦ, во многом управлявшего Патриархией, через который можно было действовать под маской законности. Органы госбезопасности, всемогущие в 1930-е гг., отошли "в тень", предпочитая добиваться своих целей опосредованно.

В то же время на антицерковную политику сильное влияние оказывало международное положение СССР. Советское государство возглавляло лагерь стран социализма, входило в ООН, и его руководство было вынуждено считаться с мировым общественным мнением. Поэтому бóльшее значение придавалось идеологическому камуфляжу антирелигиозных акций. На различных уровнях официально неустанно заявлялось, что в СССР существует полная свобода вероисповедания. Завеса "хрущевской либерализации" позволяла долгое время держать в заблуждении мировую общественность. Но в конце концов к середине 1960-х гг. для многих "тайное стало становиться явным" и голословно отрицать гонения на веру уже было невозможно. Кроме того, международная ситуация в 1950-1960-х гг. складывалась так, что государство не могло обойтись без Церкви в решении ряда существенных внешнеполитических вопросов. И это также приходилось учитывать при планировании антирелигиозных кампаний. Результат же подобных ак-

ций и в 1930-х и в 1960-х годах был общий — в конечном итоге их провал.

Специальным вопросом исследования была позиция Московской Патриархии. Ее руководство в начале 1940-х гг. вынужденно пошло на частичное исполнение отведенной ему государством роли, преследуя цели — возродить Русскую Церковь из руин, сохранить ее целостность (оно было заинтересовано в государственной поддержке борьбы с расколами и ради достижения единства было согласно на многое). Патриархии удалось за послевоенное десятилетие значительно усилить свои позиции в обществе, даже в определенной степени влиять на его духовное и нравственное развитие, собрать оставшиеся после репрессий 1930-х гг. силы, подготовить новые кадры священнослужителей. Все это позволило выстоять в период "хрущевских" гонений. В заключенном в 1943 г. компромиссном соглашении Патриархия оказалась дальновиднее властей. Были ликвидированы и основные расколы в Русской Церкви. Однако успехи оказались достигнуты ценой победы консервативного начала. Хотя определенная модернизация богословия во второй половине XX века в Московской Патриархии происходила. Ряд иерархов, преподавателей Духовных Академий стремились сделать церковное учение ближе и понятнее человеку, утвердить идею социальной правды христианства. Прежде всего это было связано с деятельностью в 1960–1970-е гг. митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова). Разрабатывалась богословская концепция религии как инструмента обновления общественных отношений во все времена. Следует отметить, что советские и многие зарубежные исследователи, недостаточно учитывая специфику Православной Церкви как конфессии (ее вероучительные догматы, канонический уклад и т. д.), в целом не смогли объективно осветить внутрицерковную жизнь, представить без искажений подлинно церковные оценки и отклики на общественно-политические события в стране.

Одной из догм советского общественного сознания долгое время было утверждение, что всякие религии во все времена реакционны, что Церковь может играть только сугубо отрицательную роль в жизни людей. "При этом распространялись иллюзии, что с уничтожением религиозных убеждений общество освободится от старого хлама — морали рабов" и быстро выработает некую новую, в корне отличную от прежней, "классовую мораль победителей старого мира"[1]. Цена подобных утверждений сейчас хорошо видна. Гораздо сложнее определить, как же трагедия Русской Православной Церкви отразилась на общественной жизни, духовной культуре, экономике страны, какой невосполнимый ущерб был нанесен России. Это стало одной из задач книги. Глубоких научных исследований по данной теме еще не было. Между тем к 1917 г. благотворная роль Церкви во многих сферах жизни народов России была очень значительной.

---

[1] *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. С. 5, 6.

Прежде всего последствия отпадения новой государственной власти от христианских начал, ее острого конфликта с православным духовенством проявились в политической сфере. Следует учесть традиционную стабилизирующую, консолидирующую нацию роль Церкви в обществе. Гонения на нее стали одной из важнейших причин обострения внутреннего положения в стране в 1918–1920, 1929–1931, начале 1960-х и другие годы. Характерным для Церкви было также выступление за преобразование мира ненасильственными средствами, свободу политической жизни верующих. По мере утверждения тоталитаризма в стране часть духовенства превратилась в очаг свободомыслия, оппозиции господствующему политическому режиму (почитание новомучеников, молебны о репрессированных и т. д.). В конечном счете разгром и внутренний кризис РПЦ самым непосредственным образом сказался на ограничении свободы совести, утверждении тотального идеологического контроля, размывании нравственной основы борьбы и протеста в стране. Антирелигиозные гонения явились также подготовкой и репетицией массовых репрессий 1930-х гг., способствовали созданию соответствующей общественной атмосферы (появление категории "лишенцев", в т. ч. священнослужителей, преследования их родственников). Движение комсомольцев-безбожников служило фактически подготовкой способного на любые бесчеловечные акции молодого поколения и т. д.

И все же народные массы сберегали в своей основе истинное Православие (не приняв подрывавших основы вероучения лозунгов вождей обновленческого раскола), сдерживали натиск государственных попыток уничтожить Церковь. Все 70 лет советской власти сохранялась религиозность значительной части русского народа, несмотря на правительственные акции (прежде всего в 1930-е, 1960-е гг.), но в то же время происходило постепенное размывание православного церковного сознания верующих.

Всегда значительной была роль РПЦ в сохранении русского национального самосознания, воспитании патриотизма. Особо следует отметить ее вклад в защиту Родины от иностранных вторжений в XX веке. Именно необходимость обращения в ходе Великой Отечественной войны к русским патриотическим традициям стала одной из важнейших причин, заставивших И. Сталина и его окружение изменить церковную политику и разрешить в сентябре 1943 г. выборы Патриарха. Последствия в этом плане антицерковных акций — уничтожение русских национальных святынь (чудотворных икон, мощей св. угодников и др.), искажение истории России, ликвидация института военных священников и т. д. — также оказались трагичными.

Трудно переоценить влияние Церкви на морально-нравственное сознание общества и последствия подрыва ее духовного авторитета. В

СССР происходила подмена христианских (общечеловеческих) ценностей классовыми. Был разрушен деревенский микромир с его религиозной доминантой. Искоренялись и православные элементы традиционного образа жизни русского народа (церковные праздники, посты, крестные ходы). Особенно масштабными являлись соответствующие акции 1920-х гг. — публичное снятие икон в общественных местах, красные "крестины", свадьбы, новые имена, комсомольские "пасхи" и т. п. В это время исчезли понятия о семье, плотской чистоте и святости плодоношения. Последствия были печальны — рост проституции, венерических заболеваний и т. д. Некоторое распространение (в обновленческой "Церкви") получили даже брачный епископат, многобрачие клириков, ликвидированные только к 1940-м гг. Разрушались традиции почитания усопших — ограничение отпеваний, уничтожение значительной части кладбищ, государственное разграбление могил.

Значительной к 1917 г. была роль духовного образования и религиозного воспитания детей в обществе (деятельность детских церковных союзов и т. п.), а также религиозной благотворительности, борьбы Церкви с преступностью, алкоголизмом, наркоманией (православные общества трезвости). Соответствующие виды деятельности Московской Патриархии: закрытие больничных, приютских, тюремных храмов — были окончательно запрещены в начале 1960-х гг. Этим, в частности, ликвидировалась духовная ниша для изгоев общества.

Особо следует выделить роль Русской Православной Церкви в культуре народов России. Религия всегда служила источником великого в человеческом творчестве. Антицерковные акции не только стали причиной гибели значительной части культурных ценностей страны (уничтожение храмов, колоколов, угасание церковной музыки, живописи, народных ремесел), но и оказали негативное влияние на отношение к старому культурному наследию в целом. Способствовали они также и снижению интеллектуального потенциала общества: уничтожение монастырей — культурных, духовных центров страны, вытеснение "лишенцев", в их числе значительных слоев интеллигенции из общественной жизни СССР, гонения на богословие, идеалистическую философию (высылка в 1922 г. из страны С. Булгакова, Н. Бердяева, убийство о. Павла Флоренского и т. д.). В этой связи необходимо отметить последствия запретов на издательскую деятельность Патриархии, ввоз духовной литературы из-за рубежа, ликвидации церковных архивов, библиотек, уничтожения их книг, документов. Неслучайно в настоящее время одинаково остро стоят взаимопереплетающиеся проблемы возрождения Православной Церкви и национальной духовной культуры.

Негативно повлияла государственная религиозная политика и на экономику страны. Она привела не только к лишению финансовых прав Церкви, но и к кризису религиозного отношения к труду, потере уважения к частной собственности.

В монографии решалась задача изучения всех основных форм сопротивления православных верующих антирелигиозной политике советского государства: иосифлянского движения, катакомбного движения, церковного диссидентства. Иосифлянское движение возникло в 1927 г. после "легализации" временного Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском). Оно получило свое название по имени руководителя — митр. Иосифа (Петровых). В работе сформулирована концепция иосифлянского движения как попытки части духовенства и мирян найти самостоятельный, альтернативный к т. н. "сергианскому" и катакомбному (тайному), путь развития Русской Церкви в условиях утверждавшегося тоталитарного режима — легальной или полулегальной оппозиции. Были определены тактика движения, его характер, примерный численный состав, хронологические рамки (1927 — середина 1940-х гг.), причины исчезновения.

Все 70 с лишним лет советской власти в стране существовало катакомбное движение. Первые его общины возникли в 1918 г. вслед за выходом январского воззвания Патриарха Тихона, предававшего анафеме гонителей верующих. Автор впервые разработал периодизацию нелегальной церковной деятельности в СССР. Первый основной этап продолжался с 1918 по конец 1920-х гг. В подполье в это время находилась небольшая часть священнослужителей и мирян — исключительно "истинно-православные христиане" (ИПХ), а с 1928–1929 гг. и некоторые общины иосифлян. Второй этап приходится на 1930-е — середину 1940-х гг. В результате ожесточенных антирелигиозных гонений произошел резкий рост рядов катакомбного движения, на нелегальное положение перешло значительное количество священнослужителей, основная часть которых сохранила верность Патриархии. В последние годы войны они снова вышли из подполья. Общее количество катакомбников многократно уменьшилось. Заключительный — четвертый этап — охватывает конец 1950-х — начало 1990-х гг. Хотя общин ИПХ становилось все меньше, ряды катакомбного движения вновь заметно выросли вследствие очередной кампании в борьбе с религией. В "катакомбах" произошли качественные изменения: оформилось 8 основных течений как на базе истинно-православных, так и, главным образом, на основе нового "пополнения". Таким образом, к моменту падения советской власти тайная церковь не только не перестала существовать, но и находилась на подъеме. Феномен православных "катакомб" показал не только свою чрезвычайную устойчивость в разных условиях, но и наличие тенденции к самовоспроизводству и увеличению за счет обращаемых.

В конце 1950-х гг. в Русской Церкви возникла новая форма сопротивления — церковное диссидентство. Появление ее связано как с началом второй стадии "религиозного возрождения" — процесса

обращения к вере некоторых групп советской интеллигенции, так и с кризисом доверия к руководству Патриархии среди определенной части священнослужителей и мирян в период хрущевских гонений. Церковное диссидентство представляло собой принципиально иную, чем предшествующие, форму сопротивления. Для нее были характерны следующие отличительные признаки: открытый, хотя и незаконный характер деятельности и даже афиширование ее; организационная неоформленность (хотя внутри движения и существовали отдельные кружки, семинары и т. п.), что затрудняло проведение репрессивных акций государственными органами; публичные обращения к нецерковной общественности (иосифлян и катакомбников она практически не интересовала); апеллирование к существующим законам; постоянные обращения к международной общественности (и в ответ — ее активная поддержка); принадлежность значительной части участников движения к Московской Патриархии (те, кто изначально относился к ее юрисдикции, как правило, из нее не выходили). Мы предложили свою периодизацию деятельности церковных диссидентов, разделив ее на 3 основных этапа. Первый — начальный — приходится на 1958–1969 гг., когда постепенно набиравшее силу движение в целом существовало еще в рамках Московской Патриархии. На втором этапе — в 1970–1979 гг. — оно вышло из них и пережило бурный подъем. 1980–1991 гг. характеризуются сначала сильным спадом под ударами КГБ, а затем новым ростом с 1986–1987 гг. Условной границей завершения третьего периода можно считать осень 1991 г. — время крушения советской власти. Все указанные формы религиозного сопротивления помогали Русской Церкви выстоять даже в периоды самых жестоких гонений, оказывали непосредственное воздействие на государственную политику, являясь важной причиной изменения ее курса, тех или иных уступок советского руководства.

В связи с описанием задач исследования необходимо остановиться и на некоторых вопросах терминологии. Специально следует оговорить неоднократно употребляемое выражение “религиозное возрождение”. Это явление следует понимать как процесс, характеризующийся новым обращением к вере различных слоев советского, российского общества. Начался он в годы Великой Отечественной войны и прошел три стадии: возрождение Церкви в 1940-е гг., пробуждение интереса к религии в среде интеллигенции с конца 1950-х гг. и, наконец, массовый религиозный подъем в последние восемь лет. Данное явление было также тесно связано с отходом от официальной коммунистической идеологии. Протоиерей А. Киселев справедливо писал в 1988 г.: “Процесс, который начался во время войны с Германией, есть медленная мучительная деидеологизация государства, общества, человека... Долгие годы процесс этот шел подспудно, с редкими выплесками в

официальную жизнь. Но вот наступает время, когда совершавшееся в глубине выходит на поверхность"[1].

Несколько спорным представляется термин "религиозные диссиденты" применительно к участникам движения конца 1950-х — 1991 гг. Они никоим образом не покушались на православные каноны и догматы, поэтому более правильным является выражение "церковные диссиденты". Но поскольку в современной научной литературе данные термины часто употребляются как синонимы [2], в этом значении в отдельных случаях они используются и в книге. Очень запутанными являются вопросы терминологии и классификации в отношении различных толков и групп в катакомбном движении. Малоизучены и многие стороны мировоззрения катакомбников, особенно их эсхатологические (представления о конце света) и антихристологические (взгляды на антихриста) воззрения. В книге эти проблемы подробно рассматриваются. Так, например, объясняется появление и смысл понятий "истинно-православная церковь" и "истинно-православные христиане", которые нередко ошибочно рассматриваются в качестве равнозначных.

Объектом исследования был процесс развития отношений между советским государством и Русской Православной Церковью. Избранные тема и способ описания заставляют вести разговор о двух хотя и связанных, но разных предметах: о государственной религиозной политике и истории самой Церкви. Необходимость "переключаться" с одного на другое влечет за собой потенциальную опасность путаницы в понятиях и подходах. Эту трудность приходилось постоянно учитывать. При изучении истории Церкви следует опираться на развитые в XX веке прежде всего в зарубежной историографии методы социальной истории. Из работ, написанных в этом ключе и касающихся истории Русской Церкви, можно назвать труды американского ученого Г. Фриза. Он занимался исключительно дореволюционными сюжетами, но в 1995 г. опубликовал первую статью и по советскому периоду[3]. К сожалению, ни одна из работ Г. Фриза пока не переведена на русский язык. Среди отечественных историков пользуются указанной методологией очень немногие, например, медиевист А. Гуревич[4].

---

[1] *Киселев А.* Крещение Руси — духовный стержень нашей истории // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М.: Столица, 1991. С. 7.

[2] *Тихонов М. В.* Основные направления деятельности и теоретические концепции Британского центра по изучению религии и коммунизма (Кестон-колледжа) 1970–1989 гг. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. М.: Акад. общ. наук при ЦК КПСС, 1990. С. 14.

[3] *Freeze G.* Counter — reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922–1925 // Slavic Review, 1995. V. 54. No 2. P. 305–339.

[4] *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и школа "Анналов". М.: Индрик, 1993.

Для монографии характерно в основном первичное исследование. Основными методами сбора данных были архивные изыскания, проведение опросов, анкетирование и запись воспоминаний. Работа содержит и элементы вторичного исследования с использованием материалов прессы, научной литературы, проведения обзора юридических и политических директив, документирующих эволюцию государственной религиозной политики.

Полученные в ходе первичного исследования данные подвергались качественным методам анализа. Собранные сведения оценивались с точки зрения их достоверности и весомости, архивные материалы сопоставлялись с другими источниками. Например, сопоставление соответствующих обзорных архивных документов с анкетами, воспоминаниями, биографическими материалами помогло выявить характер и значение церковного сопротивления, масштабы и формы репрессий. Сравнительный анализ содержания опубликованных официальных актов правительства и недавно рассекреченных документов по тем же вопросам с учетом установленных фактических действий властей по отношению к верующим позволил определить действительные намерения советского руководства в его церковной политике. Полученная в ходе вторичного исследования информация также изучалась аналитически.

Уделялось внимание и количественной стороне описываемых процессов. Собранные данные о реальной численности действовавших храмов, монастырей, учебных заведений Московской Патриархии за 1945–1964 гг. были сведены в специальную таблицу и проанализированы. Освещалась и финансово-бюджетная сторона деятельности Патриархии: сколько Церковь "зарабатывала сама" в различные периоды и как расходовались эти средства, какая часть затрат (на международные акции) покрывалась из государственного бюджета. Надо сказать, что цифры о количестве официально зарегистрированных приходов в 1940–1960-х гг. в советской историографии и информации для мировой общественности сознательно завышались более чем вдвое. В рассматриваемый период можно назвать лишь единственный уникальный случай, когда в книге Н. И. Юдина 1962 г. издания сообщались примерно соответствующие действительности сведения — 11,5 тыс. действовавших православных церквей и 14 тыс. представителей духовенства (вероятно, включая псаломщиков)[1].

В работе также прослеживалась динамика религиозности основных слоев населения СССР. При этом использовались работы советских социологов, хотя к их выводам, как правило, очень тенденциозным, надо подходить критически. Перед войной, согласно материалам переписи 1937 г., верующие составляли около половины населения страны, что признавалось и отечественными исследователями. Практически

[1] *Юдин Н. И.* Правда о петербургских "святых" Л.: Лениздат, 1962. С. 8.

все они подчеркивали и то, что в годы Великой Отечественной войны религиозность граждан СССР выросла. Однако это признание не спасло их от серьезного искажения реального положения дел. Так, социолог М. К. Тепляков, используя метод экстраполяции, "установил", что доля верующих среди взрослого населения равнялась в 1937 г. — 47%, в 1945 г. — 37%, в 1950 г. — 34%, в 1961 г. — 26%, в 1967 г. — 22,4%[1].

В 1960–1980-х гг. в СССР неоднократно проводились социологические обследования с целью получения представления об объекте атеистического воспитания, однако их методика являлась достаточно уязвимой. В соответствующей литературе было принято делить верующих по степени их религиозности на фанатиков, убежденно-верующих, верующих по традиции и колеблющихся. Но это деление очень условно и относительно. На практике исследователям приходилось встречаться с самыми разными по характеру, психологическим особенностям, социально-политическим взглядам верующими. И далеко не каждому, проводящему опрос, удавалось вызвать на откровенный разговор религиозно ориентированных людей, а тем более изучить их за время короткой беседы. Кроме того, даже некоторые советские исследователи признавали, что сознание человека не находится в застывшем состоянии, а меняется. "В зависимости от тех или иных причин и условий верующий мог быть и фанатиком, и верующим по традиции и даже колеблющимся"[2].

В целом в советской социологии утвердилась точка зрения, что общая численность верующих и колеблющихся не превышала в конце 1960-х гг. 25%, а в 1980-х гг. 10–15% взрослого населения[3]. Например, А. И. Барменков в 1986 г. утверждал, что "около 90% населения страны навсегда порвали с религией" и даже в республиках Средней Азии и в Казахстане "среди опрошенных уровень религиозности колеблется между 10 и 15%"[4]. Причем эти цифры многократно уступали доле людей, совершавших религиозные обряды. Характерен пример воронежского исследователя А. И. Демьянова, писавшего, что по данным социологических обследований в области в начале 1980-х гг.

---

[1] *Тепляков М. К.* Проблемы атеистического воспитания в практике партийной работы. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1972. С. 122.

[2] *Демьянов А. И.* Критика идеологии истинно православного христианства (по материалам социологического исследования в Центральных областях РСФСР). Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Л.: ЛГПИ, 1974. С. 6–7.

[3] Конкретные исследования современных религиозных верований. (Методика, организация, результаты). М.: Мысль, 1967. С. 72–82, 138–144; Общество и религия. М.: Наука, 1967. С. 454–468; *Куроедов В. А.* Религия и церковь в Советском государстве. М.: Политиздат, 1981. С. 159; *Розенбаум Ю. А.* Советское государство и церковь. М.: Наука, 1985. С. 22.

[4] *Барменков А. И.* Свобода совести в СССР. М.: Мысль, 1986. С. 178–179.

оставалось лишь 9,8% верующих. Но несколькими страницами ниже он же сообщал, что при этом 52,5% всех жителей отмечали религиозные праздники, 43,2% имели в домах иконы, 44,5% крестили детей и свыше 60% хоронили умерших по религиозному обряду[1]. Трудно сопоставить такие взаимоисключающие цифры. Ведь необходимо учитывать, что в условиях жесткого контроля за всеми требами, их обязательной регистрации в специальных книгах совершение таинств венчания или крещения порой являлось актом гражданского мужества. Последствия могли быть самыми плачевными — увольнение с работы, исключение из общественных организаций. Не многие неверующие, зная об этом, стали бы сознательно рисковать своей карьерой по просьбе родственников, ради традиции, моды и т. п.

С другой стороны, значительная часть зарубежных исследователей утверждала, что в СССР насчитывалось и в 1970–1980-х гг. 100–150 млн. верующих. Так, У. Флетчер в 1981 г. писал о 115 млн., или 45% населения страны[2]. Вслед за ними и некоторые современные отечественные историки пришли к такой точке зрения. В. А. Алексеев считает, что в начале 1960-х гг. верующих было до 120 млн., то есть более половины населения СССР[3]. Это преувеличение. Архивные статистические данные свидетельствуют, что после окончания Великой Отечественной войны в стране существовало два периода роста религиозной обрядности — в 1953–1957 гг. и 1964–1967 гг., в остальное время она снижалась. А в начале 1960-х гг. в РСФСР отпевали 33% умерших и крестили 30% новорожденных. В других союзных республиках эта доля традиционно была выше — в 1967 г. в Молдавии количество крещений составляло 57%, на Украине — 51% и т. д. Представляется, что в целом по стране численность верующих в 1960-х гг. примерно равнялась 40–45% (а в последующие десятилетия, вплоть до 1988 г. она постепенно снижалась). Результаты некоторых замалчиваемых обследований на местном материале давали сходные данные. Например, в ходе опроса 1966 г. в селах Пензенской области советские социологи выявили, что даже по их методике 47% населения составляли верующие или колеблющиеся, а от 63 до 97% семей держали в домах иконы[4].

Важное методологическое значение для написания книги имели

---

[1] *Демьянов А. И.* Факты против измышлений (миф о “религиозном возрождении” в СССР и его несостоятельность). Воронеж: Центрально-Черноземное изд-во, 1989. С. 17, 61.

[2] *Флетчер У.* Советские верующие // Социологические исследования, 1987, № 4. С. 33.

[3] *Алексеев В. А.* “Штурм небес” отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Россия молодая, 1992. С. 244.

[4] Центр хранения современной документации (ЦХСД), ф. 5, оп. 33, д. 91, л. 21; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6991, оп. 2, д. 529, лл. 3–4.

труды российских, советских и зарубежных ученых — философов, политологов, социологов, а также богословов, посвященные вопросам взаимоотношения государства и Церкви, отношения коммунистической партии к религии. В частности, в работе использовались выводы и положения, содержащиеся в книгах и статьях выдающихся русских мыслителей начала XX века — А. В. Карташева, Н. А. Бердяева, протоиерея С. Н. Булгакова, В. Н. Ильина, продолживших заложенные ими традиции Н. М. Зернова, протопресвитеров А. Шмемана, И. Мейендорфа и других[1].

Вначале необходимо остановиться на основных принципах христианского отношения к государству. В книгах Нового Завета нет общественно-философских определений смысла государства или отношения христиан к нему. С точки зрения веры оно есть лишь необходимый элемент земного падшего мира. Государство призвано ограничивать зло, но не способно окончательно покончить с ним. Только в Царстве Божием может быть окончательное торжество добра. Первый и главный аспект христианского отношения к государству — разделение между Царством Божиим и царством мира сего. Второй аспект вопроса заключается в том, как должна соотноситься Церковь, живущая одновременно в двух царствах, с государством, относящимся всецело к миру падшему? По мнению видного богослова, протопресвитера Иоанна Мейендорфа, в Новом Завете выражено два отношения. С одной стороны, апостолы Павел и Петр в некоторых посланиях высказывали положительное отношение к Римской империи, призывая чтить кесаря, и даже говорят, что нет власти кроме как от Бога. Государство призвано выполнять определенную роль в обществе, которую апостолы считают положительной. Немыслимо жить без закона в этом падшем мире. С другой — в Откровении Иоанна Богослова та же империя превращается в блудницу, антицарство (так как в ней осуществлялись преследования за веру)[2]. Таким образом, все зависит от того, какое государство. Есть признающее свою ограниченность и выполняющее свою определенную законом роль, а есть выходящее из своих границ, посягающее на то, что есть Божие, уподобляющееся Вавилону и блуднице. Если первому государству следует отдавать должное, то второе должно исчезнуть.

[1] *Карташев А. В.* Революция и Собор 1917–1918 гг. (Наброски для истории Русской Церкви наших дней) // Богословская мысль. Париж: Православный Богословский ин-т, 1942. С. 75–101; *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990; *Ильин В. Н.* Религия революции и гибель культуры. Париж: Имка-Пресс, 1987; *Булгаков С. Н.* Христианский социализм. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991; *Зернов Н. М.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж: Имка-Пресс, 1991; *Прот. Иоанн Мейендорф.* Церковь и государство // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. С. 281–287; Прот. Александр Шмеман. Исторический путь Православия. Париж: Имка-Пресс, 1989.

[2] *Прот. Иоанн Мейендорф.* Указ. соч. С. 281–282.

Взаимоотношения советской власти и Московской Патриархии невозможно изучать в отрыве от особенностей исторического опыта государственно-церковных отношений в дореволюционной России, где Православная Церковь долго занимала особое положение и выполняла важные социальные функции. Русь, ставшая ядром будущей империи, восприняла христианство от Византии вместе с ее церковно-политическими концепциями. Именно они во многом определили кризис Православия в XIX-XX вв. Византийские императоры, начиная с Константина, полностью контролировали Церковь, выбирали и смещали Патриархов. Их власть не имела юридических ограничений, но только духовно-нравственные. Из Византии была воспринята и идея симфонии, то есть гармонического взаимодействия, духовного союза между Церковью и государством, когда обе стороны преследуют одну цель, признают одного Бога Иисуса Христа.

Эта концепция сыграла важную роль в становлении русской государственности. Положительная сторона симфонии заключалась в том, что Церковь имела возможность проявлять свои объединяющие и стабилизирующие общество способности. Ее духовно-нравственная, религиозно-просветительная деятельность способствовала смягчению нравов, устойчивости семейной жизни, включению христианских принципов в государственное законодательство. Но уже в конце XV-XVI вв. Церковь как общественный институт начала порабощаться государством и постоянно ограничиваться формализованной регламентацией повседневной жизни.

Отношения Православной Церкви с царской властью со времен Петра I ярко свидетельствуют о развитии тенденции к безоговорочному подчинению государству. Патриаршество было упразднено, и в синодальный период Церковь оказалась низведена на уровень одного из правительственных учреждений. К концу XIX в. многие церковные деятели осознали, что идея симфонии исторически себя исчерпала [1]. Подобные взгляды выражали и некоторые русские богословы. Государственное подчинение нарушало важнейшее каноническое правило внутрицерковной жизни — соборность, предусматривавшую проведение церковных соборов, съездов духовенства и мирян для избрания приходских священников, архиереев и Патриарха.

Негативные последствия "константиновского наследия" особенно сильно проявились в начале XX века. Авторитет епископата, влияние лишенной самостоятельного голоса Церкви сильно упали. Канадский историк Д. Поспеловский писал, что если бы было четкое разделение между ней и царской властью, "неизвестно, произошла бы революция в 1917 г." [2] Кроме того, в отличие от стран католических, где пере-

[1] *Бессмертный А. Р.* Национализм и универсализм в русском религиозном сознании // На пути к свободе совести. С. 147.

[2] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 18.

мена власти, как правило, не отражалась на инфраструктуре религиозных организаций, в православных государствах такое изменение глубоко травматически сказывалось на всей жизни, структуре, положении и даже внутреннем самоощущении Церкви. Каждый раз она отождествлялась с рухнувшей политической системой и ей приходилось доказывать свою лояльность новой власти.

Еще одна отрицательная сторона "константиновского наследия" — рост обособленности, изолированности Поместных Церквей, зачастую националистический характер автокефалий. Неудивительно, что политические лидеры активно способствовали достижению Церквами своих стран "автокефального" (независимого) статуса. И как только они приобретали такой статус, то превращали их в бюрократическую структуру государственной машины. Подобные процессы происходят и сейчас в некоторых странах СНГ.

В России вплоть до 1917 г. не было широкой веротерпимости, хотя все основные предпосылки для нее имелись. В начале XX в. стала очевидной необходимость преобразования не только в этой области, но и во взаимоотношениях Церкви и государства, принципах церковного управления. Назрела необходимость реформ. В 1905 г. в среде столичного приходского духовенства возникло идеологическое направление христианско-социального реформаторства. Его представители обосновывали необходимость соединения христианского идеала и религиозной морали с экономическими требованиями социализма; выступали они и против "государственной религии". Христианские социалисты предусматривали усвоение тенденций социального истолкования Православия, отказ от аскетизма и отрешенности от действительности, обращение к проблеме человека, в частности, его социальной активности. Один из их идеологов, протоиерей А. И. Боярский, в брошюре 1918 г. "Церковь и демократия (Спутник христианина-демократа)" наметил следующий план преобразования общества: соборный (коллективный) разум в основе государства, отрицание агрессивной войны, смертной казни, сословий, замена капиталистической собственности на средства производства кооперативной, всеобщий труд, исключительно мирные методы борьбы со злом и т. д. [1]

Однако эти и другие проекты обновления Церкви, общества реализованы не были. На территории Советской России в 1920-е гг. христианский социализм выродился в обновленчество, но в эмиграции его идеи продолжали развиваться, и прежде всего Н. Бердяевым. Перечисляя издержки русской церковной традиции — тенденцию к подчинению Церкви государству, церковный национализм, обрядоверие, недостаточную активность христианской жизни, он все же указывал, что в Православии разлит дух свободы и даны бесконечные возможности. В книге "Новое средневековье", посвященной вопросу, как пре-

---

[1] *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1. Küsnacht: Glaube in der 2. Welt, 1978. С. 35–36.

одолеть большевизм и какая система должна заменить его, Н. Бердяев отвергает и западный капитализм, и материалистический социализм. Он объявляет себя сторонником такой формы общества, где личность будет высшей ценностью, и называет себя с некоторыми оговорками христианским социалистом. По мнению философа, государство должно иметь корпоративную форму, то есть состоять из представителей профессиональных, экономических и культурных объединений, в которые будут входить и работодатели, и рабочие [1].

Подобные взгляды существовали и во второй половине XX века, в том числе в СССР. Так, например, их высказывала крупнейшая после Великой Отечественной войны нелегальная организация в стране — "Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа". В его программе было записано: "Цель социал-христианского движения — внутренне преобразовать безличный коммунистический коллектив в коллектив персоналистический — одухотворенный, свободный, самодеятельный, братски взаимосвязанный... Величайшее зло в истории — тоталитарная система — возникает в том случае, когда государство поглощает общество... становясь, таким образом, лжецерковью... Возрожденная церковь должна пользоваться независимостью от государства и полным суверенитетом в своей области"[2]. Многие русские мыслители конца прошлого — начала нынешнего века воспринимали материалистический социализм, как своеобразную лжерелигию. С. Н. Булгаков писал: "Ибо социализм в наши дни выступает не только как нейтральная область социальной политики, но, обычно, и как религия, основанная на атеизме и человекобожии, на самообожествлении человека и человеческого труда"[3]. Также и С. Л. Франк называл "революционный социализм" — "религией абсолютного осуществления народного счастья", "религией служения материальным интересам"[4]. Аналогичную точку зрения развивал и Н. Бердяев в статье "Марксизм и религия", в другой своей работе философ писал о прозрениях Ф. М. Достоевского: "Он религиозно познал, что социалистический коллективизм есть лжесоборность, лжецерковь, которая несет с собой смерть человеческой личности, образу и подобию Божьему в человеке, конец свободы человеческого духа... И он же почувствовал, что для русских социализм есть религия, а не политика, не социальное реформирование и строительство" [5].

---

[1] *Бердяев Н. А.* Новое средневековье: размышление о судьбе России и Европы. Берлин: Обелиск, 1924. С. 50–51, 139–140.

[2] Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. Париж: Имка-Пресс, 1975. С. 63, 73.

[3] *Булгаков С. Н.* Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. 2. М.: Путь, 1911. С. 36.

[4] *Франк С. Л.* Этапы нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 192.

[5] *Бердяев Н. А.* Духи русской революции. Рига: Об-во друзей книги Латвии, 1990. С. 17.

В этих утверждениях есть доля истины. Уже вскоре после Октябрьской революции создание социалистического общества в СССР приобрело во многом религиозный или, вернее, псевдорелигиозный характер. Классики марксизма-ленинизма в своих трудах уделяли заметное место проблемам религии. С. Н. Булгаков даже писал в статье "Маркс как религиозный тип", что "воинствующий атеизм есть центральный нерв всей деятельности Маркса, один из главных ее стимулов; борьба с религией есть истинный, хотя и сокровенный мотив важнейших его чисто теоретических трудов".

Высказывания В. Ленина о конкретных методах и формах борьбы с религией, Церковью, духовенством были достаточно противоречивы. С одной стороны, он призывал сражаться "чисто идейным" оружием, выступал против "всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма"[1]. С другой — был сторонником вскрытия мощей святых, что сильнейшим образом оскорбляло эти чувства, в 1922 г. в связи с изъятием церковных ценностей писал: "Чем большее число представителей реакционного духовенства... удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать" [2].

В 1920–1930-е гг. "научный атеизм" все более сводился к антирелигиозной работе. В высказываниях Л. Троцкого, Н. Бухарина, Е. *Ярославского*, И. *Сталина проводилась* мысль, что он должен бороться с религией как классово чуждым явлением. В конце концов атеизм был уложен в рамки "теории" обострения классовой борьбы в период построения социализма, в нем почти исчезли элементы научно-просветительного характера. Воинствующее безбожие "оглавляло" официальную идеологию, навязывалось как обязательная установка всякой области духовного производства — литературы, искусства, поэзии, права. Формировалась нравственная атмосфера, нивелировавшая личность и суверенность человека. С этим связано отмеченное Н. Бердяевым начало "диктатуры миросозерцания, диктатуры не только политической и экономической, но и интеллектуальной, диктатуры над духом, над совестью, над мыслью" [3]. В 1930-е гг. на практике осуществлялась антинаучная теория о возможности уничтожения репрессивными мерами не только Церкви, но и религии.

Эти процессы были объективно обусловлены. Тонкий интеллигентский слой, где существовала мировоззренческая терпимость, был сметен революцией. Снизу поднялись социальные слои с глубоко архаичным сознанием, которые могли воспринимать новую революционную

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 143. Т. 38. С. 118.

[2] Новые документы В. И. Ленина (1920–1922 гг.) // Известия ЦК КПСС, 1990. № 4. С. 193.

[3] *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 137.

идеологию лишь в квазирелигиозной и догматической форме. Сознание миллионов новообращенных "марксистов" не допускало возможности функционирования церквей, в которых открыто пропагандировалась "реакционная идеология". Российский историк Н. Б. Лебина писала, что "массовое сознание, носившее полуфеодальный характер, оставалось по сути религиозным, готовым к восприятию новых догм, теперь уже социалистического толка. Именно как теологическое учение был воспринят марксизм, причем его примитивизация и неизбежная теологизация шли как официально, так и стихийно, на уровне массового сознания... Краеугольным камнем марксистско-ленинской этики была идея классовой борьбы и классового характера морали, что неизбежно вводило в ранг коммунистических добродетелей чувство классовой ненависти. Именно на этом чувстве произрастал социалистический фанатизм — свойство, присущее людям, тяготеющим к мировоззренческим системам религиозного толка, разновидностью которых и стал для поколения 20-х и 30-х гг. марксизм-ленинизм"[1]. Н. Лебина даже считает, что в течение жизни двух поколений произошла замена "одного культового теистического учения другим"[2] (в реальности это осуществилось лишь частично).

Многие важные аспекты создания "новой религии" вскрыл современный богослов протоиерей Александр Мень. Он писал, что народные мечты о рае на земле, стихийная эсхатология масс находили пищу в утопизме, который вдохновлял строителей новой жизни. Разгром Православной Церкви преследовал и цель образования "религиозного вакуума", а после изгнания всех других божеств на "одинокий Олимп" взошел "отец всех народов". "Один из секретов успеха сталинщины состоит именно в том, что, создав религиозный вакуум, она соединила в общее русло атавистические и духовные стремления людей. Сумела слить в сознании народа верховный идеал, "меру всех вещей" с мифологизированной фигурой Вождя и тем самым наделила его атрибутами божественности и безграничной власти" [3]. В итоге государственная власть пришла к полному самообожествлению. Протоиерей Александр Мень считал, что этот "страшный опыт" должен привести "к отказу от самой идеи государственной религии, которая имела столько аналогий со сталинизмом, идет ли речь о Женеве при Кальвине или о Тегеране при Хомейни"[4].

Современные российские "антисергиане" — принципиальные противники компромиссного курса Патриархии, заложенного Владыкой

[1] *Лебина Н. Б.* Социально-политическое развитие рабочей молодежи в условиях становления тоталитарного режима в СССР (20–30-е гг.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: МПГУ, 1994. С. 17–18.

[2] Там же. С. 19.

[3] Прот. Александр Мень. Религия, культ личности и секулярное государство (Заметки историка религии) // На пути к свободе совести. С. 91, 105, 107.

[4] Там же. С. 109.

Сергием (Страгородским), считают, что само установление и развитие советского тоталитаризма было тесно связано с позицией Патриаршей Церкви. Так, З. Крахмальникова полагает, что тоталитаризм есть высшее проявление борьбы узурпаторов мира с Богом, которая может дать результаты, только если они создают свою религию для удовлетворения человеческой жажды гармонии и духовного общения с высшим существом. Борьба эта приносила узурпаторам успех, когда им удавалось "рекрутировать в свои сообщества" тех, кто хотел модернизировать христианство. И. Сталин нуждался в Церкви для создания новой "сталинской породы" людей, его культ был бы ущербным без участия в нем священнослужителей. В результате якобы произошел "неожиданный и, казалось бы, невозможный синтез двух религиозных систем: сталинизма как языческого обожествления тирана и сергианства"[1].

Сходную крайне жесткую позицию занимала и занимает Зарубежная Русская Церковь. Ее представители утверждают, что Московская Патриархия колаборировала с коммунистическим режимом: спасла его от "приближавшегося краха" во время войны, "облагораживала облик", вуалировала или отрицала злодеяния этого режима, способствовала распространению его гегемонии над миром. За такую "преступную роль" Патриархия называлась ими "церковью лукавнующих" [2]. Путь церковного компромисса отрицался как путь человеческой трусливой лжи. В своем послании 1945 г. глава Зарубежной Русской Церкви митрополит Анастасий писал: "В угоду власти даже высшие и наиболее ответственные иерархи не стыдятся распространять повсюду заведомую неправду... Блаженный Августин говорит, что если бы весь мир висел на волоске и им была бы ложь, — он без сожаления пересек бы эту тонкую нить, предпочитая, чтобы мир погиб, чем коснел в неправде"[3]. Подобную непримиримость можно понять, но трудно оправдать. Причем богословие данного направления приняло романтически-славянофильскую окраску с ностальгией по патриархальному церковному укладу, враждебностью к инославному окружению и некоторым уклоном в сторону идеализации "Православного Царства" (в реальности неосуществимого).

Многие же представители катакомбного движения, еще более жестко оценивая Московскую Патриархию как "вавилонскую блудницу", то есть антихристову лжецерковь, совсем иначе, чем зарубежники,

---

[1] *Крахмальникова З.* В поисках обещанного рая. Заметки о церковной жизни в России XX века // Нева, 1992, № 10. С. 215, 224.

[2] *Константин, архимандрит.* Церковь лукавнующих открывает свое лицо // Православная Русь (Джорданвилль), 1955, № 23. С. 1.

[3] *Аделин Н.* Православное Зарубежье о Русской Православной Церкви в СССР // Русская Православная Церковь в СССР. Мюнхен: Центр. объед-е политических эмигрантов из СССР, 1960. С. 237.

относятся к проблеме церковно-государственных отношений в принципе. На основе борьбы за полную свободу от атеистического государства в среде катакомбных "истинно-православных христиан" (ИПХ) постепенно сформировалась доктрина полного отрицания каких-либо форм государственной власти. Здесь они отчасти продолжили традиции антиэтатистского протеста еретиков первых веков новой эры, но пошли даже дальше, не признавая авторитет римского права, принципы Священного Римского государства. Эта часть катакомбников не считала СССР, Россию своей земной родиной, предпочитая называть себя в национальном аспекте не русскими, а ИПХ. Со временем они приобрели характеристики некоей этноконфессиональной общины, члены которой, подобно древним христианам, заявляют: "У нас вместо родины — чужбина, а на чужбине — родина, и подданные мы не государства, граждане Небесного Иерусалима"[1]. Философско-политологических исследований зарубежных советологов, посвященных положению религии, Церкви и верующих в СССР, относительно немного [2]. В англо-американской историографии преобладала концепция "государственного атеизма". Признавалась идеологическая несовместимость марксизма-ленинизма и христианства, нерелигиозный характер власти в Советском Союзе. Так, американский философ Д. Пэнкхерст предлагал при анализе правового положения религии в СССР пользоваться термином "государственно-атеистические нации", под которым понимал нации, в которых "содействие атеизму является общепризнанной и осознанной частью официальной политики"[3]. В работах советологов много говорилось о законодательном ущемлении прав верующих, вмешательстве государства во внутренние дела Церкви, жестком ограничении рамок ее деятельности, преследованиях за религиозные убеждения. Некоторые авторы утверждали, что советское государство ведет беспощадную экономическую и политическую борьбу против религиозных организаций с целью полного их уничтожения в возможно более короткий исторический срок. Известный английский теолог М. Бурдо заявлял: "В Советском Союзе преследуются все церкви, будь то православная, протестантские или католические"[4]. А редактор выходившего в Великобритании журнала "Религия в коммунистических странах" Д. Эллис писала:

[1] *Сиверс Амвросий.* Государство и "катакомбы". М., 1994. Рукопись. С. 4, 6, 8.

[2] *Broucker J.* Chretiens en URSS, Cent reucontres pour un millinaire // Actualites religieuses dans le monde, 15 juin 1988. P. 15–36; *Poupard P.* Le discour a la rencontre de Zagreb // Atheisme et dialogue, 1989, № 3. P. 197–201; *Fereis K.* L'aspect philosophigue des modeles d'interpretation du marxisme-leninisme // Atheisme of foi, 1990, № XXV–1. P. 47–62, etc.

[3] *Pankhurst Y.* Religion and Political Process in State Atheist Nations // Religion and Communist Society. Berkeley, 1983. P. 46.

[4] *Bourdeaux M.* Risen Indeed. Lessons in Faitn from the USSR. L., N. Y.: Macmillan, 1983. P. 29–30.

"...сохранение Русской Православной Церкви и других религиозных объединений в Советском Союзе, с точки зрения коммунистической партии, является какой-то аномалией. Коммунистическая партия Советского Союза не делает секрета из своего желания искоренить всякую религиозную жизнь"[1]. Такой подход представляется односторонним.

Свой вклад внесли в последние годы советские и российские философы, религиоведы, политологи. В 1988 г. после апрельской встречи М. С. Горбачева с Патриархом Пименом началась перестройка всей системы церковно-государственных отношений. Впервые после Октябрьской революции религия стала рассматриваться как социокультурный феномен, а не враждебная социализму идеология. Существенное изменение политики КПСС в религиозном вопросе, вопросы перестройки теории и практики марксистского атеизма рассматривались в работах А. И. Клибанова, Л. Н. Митрохина, В. А. Сапрыкина и других[2]. В начале 1990-х гг. наиболее активно разрабатывал проблему церковно-государственных отношений в России и СССР философ и историк М. И. Одинцов. Он считает, что в XX в. сменилось три модели религиозной политики государства: самодержавная, буржуазная и "социалистическая", имевшая разные векторы — проправославный, вероисповедный плюрализм и атеистический. Все они якобы были отторгнуты большей частью духовенства, верующих и общества в целом. Причины заключались в особенностях этой политики: недооценке со стороны государства "религиозного фактора" в предкризисные и кризисные фазы политического развития страны; запаздывании в корректировке курса; исключении религиозной сферы из числа приоритетных интересов. В результате неразрешенность религиозных проблем, потеря государством возможности и способности управлять этой сферой общественных отношений объективно приобретали роль катализатора разрушительных процессов, дезинтеграции страны, а лозунг религиозной свободы подхватывался оппозиционными политическими силами, нередко придававшими ему националистическую окраску. Все это в сочетании с экономическими и социально-политическими трудностями способствовало распаду общественно-политических систем. Так было в 1905 г., феврале и октябре 1917 г., в период развала СССР[3]. Со многими из этих выводов можно согласиться.

Таким образом, проблема государственно-церковных отношений в СССР в теоретическом плане изучалась целым рядом ученых. Но и советская церковная политика и внутренние эволюционные процессы

---

[1] *Ellis J.* The Russian Orthodox Church: a Contemporary History. London, Sidney: Croom Helm, 1986. P. 7.

[2] *Клибанов А. И., Митрохин Л. Н.* Религия как предмет науки // Религии мира: История и современность. М.: Наука, 1987. С. 5–34; *Гараджа В. И.* Переосмысление // Наука и религия, 1989, № 1. С. 2–5; *Митрохин Л. Н.* Философы и религия // Вопросы философии, 1989, № 9. С. 16–35; *Сапрыкин В. А.* Трудовой коллектив: атеисты и верующие. М.: Политиздат, 1990.

[3] *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России XX век. М.: Луч, 1994. С. 130–131.

в Русской Церкви еще не стали в полной мере объектом научного анализа.

Новейшая история Русской Православной Церкви и государственная религиозная политика в СССР привлекали и привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей, однако в силу целого ряда объективных причин изучены они в относительно небольшой степени. Только-только начинается обращение к колоссальным уникальным пластам архивных документов, которые пока почти не введены в научный оборот. Работы по избранной теме, носящие конкретно-исторический характер, можно условно разделить на четыре основные группы.

Труды советских исследователей, как правило, имеют очень общий, обзорный характер, к тому же несут идеологический отпечаток прежнего официального негативного отношения к религии[1]. Церковь в них зачастую представляется реакционным, антинародным институтом, а органы государственной власти показаны исключительно в положительном плане. Но хотя до конца 1980-х гг. условия для объективного изучения государственно-церковных отношений фактически отсутствовали, важные в научном плане работы все же появлялись. Наибольшую ценность, по мнению автора, имеют монография А. А. Шишкина, посвященная проблеме обновленческого раскола [2] и книга З. В. Балевица, уделившая значительное внимание деятельности Русской Церкви на оккупированной территории Прибалтики и Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны[3]. Интересные фактические данные о трагических обстоятельствах изъятия церковных святынь и ценностей в начале 1920-х гг. содержатся в работах Р. Ю. Плаксина, в целом очень тенденциозных и односторонних[4]. Религиозная же политика советского государства в послевоенный период вообще не подвергалась специальному исследованию.

К этой литературе с оговорками можно отнести и публиковавшиеся в 1920-е гг. работы видных обновленческих деятелей — А. И. Введен-

---

[1] *Гордиенко Н. С., Курочкин П. К.* Особенности модернизации современного русского православия. М.: Знание, 1978; *Гордиенко Н. С.* Эволюция русского православия (20-е—80-е годы XX столетия), М.: Знание, 1984; *Его же.* Современное русское православие. Л.: Лениздат, 1988; *Барменков А. Н.* Свобода совести в СССР; *Куроедов В. А.* Религия и церковь в советском обществе; *Корзун М. С.* Русская Православная Церковь 1917–1945 гг. Изменение социально-политической ориентации и научной несостоятельности вероучения. Минск: Беларусь, 1987; Русское православие: вехи истории. М.: Политиздат, 1989; *Красников Н. П.* Социально-этические воззрения русского православия в XX веке. Киев: Выща школа, 1988.

[2] *Шишкин А. А.* Сущность и критическая оценка "обновленческого" раскола русской православной церкви. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970.

[3] *Балевиц З. В.* Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944). Рига: Зинате, 1967.

[4] *Плаксин Р. Ю.* Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. М.: Наука, 1968; *Его же.* Тихоновщина и ее крах. Л.: Лениздат, 1987.

ского, Б. В. Титлинова, Д. Адамова и других[1]. В них не пожалели черной краски для описания Патриаршей Церкви. Данные издания находятся на грани воспоминаний и исторических исследований и интересны лишь фактической стороной, глубокой научной разработки изучаемые сюжеты в них не получили. Следует отметить, что все многочисленные антирелигиозные книги и брошюры 1920 — начала 1930-х гг. были небольшими по объему и носили в основном агитационный, полемический характер. В конце 1930-х гг. попытку написать историю русского Православия после Октябрьской революции предпринял бывший Ленинградский обновленческий митрополит Николай (Платонов)[2]. Однако она оказалась неудачной. К тому времени Платонов отрекся от религии и Бога и стал атеистическим агитатором. Естественно, что в обстановке массовых гонений на Церковь он смог создать лишь антирелигиозный пасквиль.

Вторую группу составляют труды священнослужителей и мирян Московской Патриархии, до сих пор в значительной части неопубликованные и хранящиеся в виде рукописей в библиотеках духовных академий — митрополита Мануила (Лемешевского), епископа Сергия (Ларина), А. И. Кузнецова, А. Сергеенко, В. Цыпина и других[3]. Значительное внимание в них уделялось обновленческому расколу. Другие же движения в Русской Церкви специально изучал в основном скончавшийся осенью 1995 г. митрополит Ленинградский и Ладожский Иоанн (Снычев)[4]. На исследования церковных историков порой сильно влияла их принадлежность к Московской Патриархии. Всячески доказывалась оправданность церковной позиции ее руководства, несколько идеализировалось его отношение к советской власти.

---

[1] *Введенский А. И.* Церковь и государство (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России. 1918–1922). М.: Красная Новь, 1923; *Его же.* Церковь патриарха Тихона. М.: Госиздат, 1923; *Титлинов Б. В.* Новая церковь. М.; Пг., 1923; *Его же.* Церковь во время революции. Пг.: Былое, 1924; *Адамов Д.* Политическое обоснование церковного обновленчества. Воронеж: Газета “Воронежский коммунист”, 1925.

[2] *Платонов Н. Ф.* Православная церковь в 1917–1935 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 206–271.

[3] *Мануил (Лемешевский),* митрополит. Русские православные иерархи периода с 1863 по 1965 годы. Т. 1–6. Эрланген: Кафедра истории и теологии христианского Востока, 1979–1989; *Кузнецов А. И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви. Т. 1–3. Астрахань, 1956–1959. Рукопись; *Сергий (Ларин), епископ.* Обновленческий раскол. Т. 1, 2. Астрахань; М., 1953–1959. Рукопись; История Русской Церкви. Миссия Русской Православной Церкви в современном мире. М., 1987. Рукопись; *Сергеенко А. О* положении Церкви в России. Париж, 1947. Рукопись; *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви, 1917–1990.

[4] *Иоанн (Снычев),* митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие. Их особенности и история. Сортавала: Сортавальская кн. типография, 1993; *Его же.* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания.

Наибольший вклад в изучение темы внесла иностранная (англоязычная, германская) и русская эмигрантская, диссидентская литература. Историками Р. Реслером, Д. Поспеловским, Н. Струве, У. Флетчером, Г. Штриккером и другими был создан ряд монографий, в целом реалистично освещавших церковную политику советского государства, жестокие антирелигиозные акции властей[1]. Мимо книг известных церковных диссидентов А. Краснова-Левитина и В. Шаврова не может пройти ни один ученый, занимающийся изучением церковных расколов 1922–1940-х гг.[2] А. Левитин, сам бывший обновленческий священнослужитель (умерший в эмиграции), написал достаточно подробное и богатое фактическими данными исследование, особое внимание уделяя Ленинграду. Однако некоторые моменты истории обновленчества освещены в нем недостаточно объективно, присутствует определенная идеализация движения, к тому же преувеличивается его близость к социалистическим идеям. Противоположный взгляд на историю церковных движений 1920–1940-х гг. отстаивает другой церковный диссидент Л. Регельсон. В своем в целом очень интересном исследовании он стремится доказать, что истина была на стороне "непоминающих" за богослужением в храмах гражданские власти и Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергия[3]. По-своему ценны и работы других эмигрантов, священнослужителей Зарубежной Русской Церкви: А. А. Валентинова, М. Польского, К. Криптона, епископа Григория (Граббе) и др.[4] В то же время внутри третьей группы существуют очень серьезные различия при оценке позиции Московской Патриархии, во многих случаях заметно влияние групповых пристрастий. Так после II Мировой войны по отношению к Русской Патриаршей Церкви на Западе были достаточно широко

---

[1] *Rössler R.* Kirche und Revolution in Russand. Patriarch Tichon und der Sovietstaat. Köln-Wien, 1969; *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке; *Его же.* A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Antireligions Policies. London: Macmillan, 1987; *Struve N.* Les chretiens en URSS. Paris: Editions du Sevil, 1963; *Fletcher W.* The Russian Orthodox Church underground, 1917–1970; *Stricker G.* Religion in Russland. Darstellung und Daten zu Geschichte und Gegenwart.

[2] *Краснов-Левитин А.* Лихие годы. 1925–1941. Париж: Имка-Пресс, 1977; *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1–3.

[3] *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. Париж: Имка-Пресс, 1977. (Репринт — М., 1996).

[4] *Валентинов А. А.* Черная книга ("Штурм небес"). Париж: Русское национальное студенческое объединение, 1925; *Польский М.* Новые мученики российские. Т. 1–2. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1949, 1957; *Криптон К.* Защита канонов православия. 1922–1925 // Вестник русского христианского (студенческого) движения (Вестник РХД, Париж), 1979, № 128. С. 218–243; *Григорий (Граббе), епископ.* К истории русских церковных разделений за границей. Опровержение ошибок и неправд в сочинении Д. Поспеловского "The Russian Church under the Soviet Regime 1917–1982". Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1992.

распространены два противоположных подхода. Для одного вся советская действительность рисовалась в черном цвете, и в результате до такой степени терялись всякие различия, что, например, церковные иерархи казались лишь простой ширмой КГБ. Другой подход, наоборот, идеализировал ситуацию, и зарубежные представители Московской Патриархии принимались за подлинных выразителей интересов всей Русской Церкви. На самом деле среди епископата были самые разные архиереи — от проводников влияния властей и осведомителей до лиц, ведущих постоянную борьбу с государственными органами. Кроме того, в силу объективных причин, вся зарубежная эмигрантская и диссидентская литература имеет несколько ограниченную источниковую базу, материалы российских архивов использовались в ней в небольшой степени.

С начала 1990-х гг. стала быстро расти новая отечественная историография темы. По ряду спорных моментов она занимает промежуточную позицию. Первоначально большинство российских историков — В. А. Алексеев, М. И. Одинцов, Ю. А. Бабинов и другие сохраняли приверженность некоторым прежним концепциям, обелявшим церковную политику советского государства[1]. Например, М. Н. Бессонов в своей монографии утверждал, что "без сомнения главной причиной" резкого сокращения числа верующих в 1920–1930-е и 1960-е гг. было влияние революционных социалистических преобразований, хотя уже критиковал и "хрущевские гонения" на Церковь, впрочем, объясняя их только волюнтаризмом и доминированием командно-административного метода[2]. Но постепенно под влиянием знакомства с рассекреченными документами взгляды этих историков становились более объективными. В последнее время появляются и принципиально новые работы следующего поколения российских ученых — О. Ю. Васильевой, П. Н. Кнышевского, А. Н. Кашеварова, но пока главным образом в виде статей в сборниках и журналах[3].

Хронологически первой из основных спорных проблем являет-

[1] *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы; *Его же.* "Штурм небес" отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР; *Одинцов М. И.* Государство и церковь (История взаимоотношений 1917–1938 гг.). М.: Знание, 1991; *Его же.* Государство и церковь в России, XX век; *Бабинов Ю. А.* Государственно-церковные отношения в СССР: история и современность. Симферополь: Таврия, 1991.

[2] *Бессонов М. Н.* Православие в наши дни. М.: Политиздат, 1990. С. 190, 197.

[3] *Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н.* "Тайная вечеря" // Ленинградская панорама, 1991, № 6. С. 10, 28–29, № 7. С. 27–29; *Васильева О. Ю.* Кремль против Ватикана. Полковник Карпов под руководством генералиссимуса Сталина атакует папу римского // Новое время, 1993, № 30. С. 38–40; *Ее же.* Русская православная церковь и советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории, 1993, № 8. С. 40–54; *Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н.* Красные конкистадоры. М.: Соратник, 1994; *Кашеваров А. Н.* Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917–1945 гг.

ся определение состояния Русской Православной Церкви накануне 1917 г. Вплоть до 1980-х гг. в зарубежной (Р. Пайпс, Х. Солсберри, А. Солженицын)[1] и, естественно, советской историографии господствовала точка зрения, что она была изолированным от общественной деятельности, совершенно несамостоятельным, фактически умирающим институтом, верной союзницей царизма. Важной вехой здесь стала монография Д. Каннингема, убедительно показавшего, что в начале XX в. Русская Церковь не была ни замкнутой в себе, ни нетерпимой к другим конфессиям, ни угасающей. Рассказав о массовом стремлении духовенства к реформам в период первой русской революции, он, однако, сделал вывод, что уже к 1908 г. рассвет надежд на оживление Церкви не оправдался[2]. Исследование подлинного возрождения русского Православия (обладавшего уникальной потенциальной силой) в 1917–1918 гг. было проведено в относительно недавних работах Д. Поспеловского и Г. Шульца[3]. Но проблема религиозной революции весны-лета 1917 г. продолжает оставаться неизученной.

Горячую полемику вызывает история обновленческого раскола 1922 г. и его корней в предшествующие годы. Идеологи "обновленчества" доказывали, что они продолжали дело "церковной революции", якобы прерванное Собором 1917–1918 гг., а сам раскол назревал давно и естественно. Многие утверждения А. Введенского и Б. Титлинова разделяют диссидентские историки 1960-х гг. А. Левитин и В. Шавров. Они также полагают, что февральская революция застала Церковь врасплох и лишь будущие обновленцы не растерялись и чуть ли не спасли ее от анархии, напрямую связывают реформаторство 1905, 1917 гг. и обновленчество 1920-х гг. У советских исследователей (А. А. Шишкина) преобладал вульгарно-социологический подход: обновленцы якобы выражали взгляды мелкобуржуазных слоев, пытавшихся приспособиться к советской действительности. Священнослужители же Московский Патриархии (о. Георгий Митрофанов)[4], наоборот, видели в этих людях прежде всего реформаторов чисто протестантского образца, пытавшихся разрушить, уничтожить Православную Церковь изнутри. Сейчас, после знакомства с рассекреченными

---

[1] *Солженицын А.* Христианство на Руси // Вестник РХД, 1988, № 153. С. 110–117; *Его же.* Черты двух революций // Вестник РХД, 1988, № 153. С. 143–170; *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 1, 2. М.: Росслэн, 1994; *Salisbury H.* Black Night, White Snow: Russia's Revolutions, 1905–1917. Garden City, New York: Doubleday, 1978.

[2] *Каннингем Д.* С надеждой на Собор. Русское религиозное пробуждение начала века. Лондон: Overseas Publications Interchange LTD, 1990.

[3] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь, испытания начала XX века. // Вопросы истории, 1993, № 1. С. 43–60; *Schulz G.* Begann für die Russische Orthodoxe Kirche das dritte Jahrtausend im Jahre 1917? // Kirchen im Kontext unterschiedlicher Kulturen. Auf dem Weg ins dritte Jahrtausend. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1991. S. 561–576.

[4] *Митрофанов Г.* Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. СПб.: Ноах, 1995.

документами ЦК РКП(б) и ЧК очевидно, что обновленческий раскол был организован органами государственной власти (причем первые подобные попытки относятся к 1919–1920 гг.), без их прямого вмешательства в жизнь Церкви ничего подобного бы не произошло. В то же время нельзя согласиться и с утверждениями ряда зарубежных историков (И. Хризостом, У. Флетчер), сводивших истоки "обновленчества" к действиям властей и моральной нечистоплотности его лидеров[1]. Существовали и определенные объективные факторы, например, социальное расслоение духовенства.

О том, что Поместный Собор 1917–1918 гг. не только не прервал "церковной революции", но и во многом узаконил ее завоевания, продолжил развитие в новых условиях ее идей, убедительно показано в работе Г. Шульца. Германский ученый даже утверждает, что этим Собором, а не формальной датой 1988 г. Русская Церковь вступила в свое второе тысячелетие и, возможно, заняла первое место в христианстве. Недавно рассекреченный в РГИА фонд Собора дает яркое представление как о его выдающемся значении, так и подлинном оживлении приходской, проповеднической, миссионерской деятельности Церкви в конце 1917 — первой половине 1918 гг. В научной литературе можно встретить прямо противоположные оценки политической роли Собора. Советские ученые (Г. В. Воронцов, Р. Ю. Плаксин) утверждали, что основной его целью была борьба с революцией[2]. Подобной же крайней точки зрения придерживались и представители Зарубежной Русской Церкви (Г. Граббе)[3]. Идеологи обновленцев и некоторые иностранные ученые (И. Куртис) условно делят работу этого церковного собрания на две части: первоначально созванное для решения религиозных проблем, оно приняло затем преобладающий политический характер[4]. Основная же группа зарубежных историков (И. Хризостом, Н. Струве, А. Боголепов) справедливо представляют деятельность Собора как направленную в первую очередь на рассмотрение церковных вопросов, хотя ему часто приходилось реагировать на возникавшие политические проблемы[5].

---

[1] *Chrysostomus J.* Kirchengeschichte Russlands der neuesten Zeit, Bd. I — Patriarch Tichon, 1917–1925. München-Salzburg: Pustet, 1965; *Fletcher W.* Op. cit.

[2] *Воронцов Г. В.* Ленинская пропаганда атеистического воспитания в действии (1917–1937 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1973; *Плаксин Р. Ю.* Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг.

[3] *Граббе Г.* Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом. Джорданвилль, Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1961.

[4] *Curtiss J.* The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. Boston: Little, Brown, 1953.

[5] *Chrysostomus J.* Op. cit.; *Struve N.* Op. cit.; *Боголепов А. А.* Церковь под властью коммунизма. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1958; *Его же.* Church Reforms in Russia, 1905–1918. Bridgeport, Conn.: Committee of the Metropolitan Council of the Russian Orthodox Church of America, 1966.

С данным вопросом тесно связана дискуссия о политической позиции Русской Церкви в целом в период гражданской войны. В советской историографии подчеркивалось, что она выступала как самостоятельная антисоветская сила, стремящаяся возглавить все остальные контрреволюционные силы. Антисоветская направленность позиции патриархии преувеличивалась и рядом иностранных ученых. Так, У. Флетчер писал, что советский строй восстановил против себя первоначально выжидавшую Церковь, вызвал ее активное политическое противодействие. Нейтральная, миротворческая позиция патриархии особенно аргументированно показана в книге Л. Регельсона.

Нет однозначной оценки и проблемы эволюции отношения руководства Церкви к советской власти. Большая группа авторов, от антирелигиозников до критиков Патриарха Тихона из правого лагеря подчеркивают его оппортунизм и приспособленчество. Но, как справедливо отметил Д. Поспеловский, послание от 8 октября 1919 г. появилось во время успешного поначалу наступления войск Деникина на Москву и ни о каком "приспособленчестве" в тех обстоятельствах речи быть не могло. Первосвятитель прозрел неизбежность большевизма и увидел спасение от него в духовности, а не в кровавой войне. Действительно, ставшие доступными документы Святейшего Синода и канцелярии Патриарха Тихона свидетельствуют, что первоначально прочность позиций советской власти вовсе не казалась безусловной. Например, в начале марта 1918 г. предпринимались попытки сохранить Петроградскую синодальную контору, т. к. оккупация столицы немцами представлялась Высшему Церковному Управлению "несомненной"[1]. Но уже 6 декабря 1918 г. Патриарх написал в СНК о том, что против советской власти он никаких действий не предпринимал и предпринимать не собирается, и хотя многим мероприятиям правительства не сочувствует, "не наше дело судить земные власти"[2]. Эти новые материалы свидетельствуют, что указанная эволюция началась раньше и была более последовательной, чем считалось прежде. Ясна теперь и надуманность утверждений российского историка М. Одинцова, будто Патриарх "изменил политический курс Церкви", чтобы не остаться без своей многомиллионной паствы[3].

Развивая свою концепцию, Д. Поспеловский доказывал преемственность взглядов первосвятителя Тихона и последующих первоиерархов Русской Церкви. В его работах подчеркивалось, что идея идти на максимальный компромисс с властями в гражданской области при сохранении полной богословско-литургической неприкосновенности проводилась с 1919 г. С этим положением полностью согласиться нельзя,

[1]Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 445, д. 246, лл. 4–19.

[2]Там же, ф. 831, оп. 1, д. 293, л. 5.

[3]*Одинцов М. И.* Государство и церковь (История взаимоотношений 1917–1938 гг.). С. 22.

как и с противоположным утверждением антисергиан (М. Польского, Л. Регельсона, В. Степанова (Русака) и др.), что будущий Патриарх Сергий (Страгородский) изменил делу своего предшественника[1]. Определенная преемственность их политики, несомненно, была, хотя Владыка Сергий пошел на значительно большие уступки властям.

Одним из самых дискуссионных является вопрос о религиозной политике советского государства и РКП(б) в первые годы после Октябрьской революции. Советские историки, заявляя, что все работы о гонениях на Церковь — "ложь реакции", оправдывали случаи арестов священнослужителей борьбой с их контрреволюционной деятельностью. Такие российские ученые, как В. Алексеев, уже признавая "беззакония", объясняли их недостатками нового аппарата управления и засильем левацких настроений в советской и партийной среде. С другой стороны, многие зарубежные ученые, как например П. Андерсон, писали, будто антирелигиозная пропаганда сразу же приняла "физический характер мстительной и жестокой атаки воинствующего атеизма на верующих"[2]. Можно встретить и утверждения, что в 1918 г. советский закон имел целью уничтожить возможность отправления культа и служб (Н. Струве). Подобной цели в тот период не ставилось. Религиозная политика СНК при всей ее антицерковной направленности не была изначально жестко детерминирована. Среди руководства РКП(б) существовали различные точки зрения на место Церкви в новом государстве, происходили колебания общей линии, многие антирелигиозные акции были следствием конкретно-исторической обстановки. Так, архивные документы свидетельствуют, что в апреле 1918 г. планировалось создание межконфессиональной комиссии по доработке декрета об отделении Церкви от государства. В мае в Наркомюсте шла дискуссия об обоснованности "нонсенса" — лишения религиозных организаций прав юридического лица, эта мера расценивалась почти всеми как временная. Другое дело, что планируемая в дальнейшем некоторыми советскими деятелями "демократизация" норм декрета так никогда и не состоялась. Интересы Церкви глубоко задевали ряд общих законов, не направленных специально против нее. Свою роль играл и экономический фактор — постоянное желание пополнять почти пустую государственную казну за счет церковных ценностей.

В зарубежной историографии явно недостаточное внимание уделяется объективной основе гонений на религиозные организации — антиклерикализму значительных слоев населения, без которого широкомасштабные гонения вряд ли были бы вообще возможны. Так,

---

[1] *Польский М.* Указ. соч.; *Регельсон Л.* Указ. соч.; *Степанов (Русак)* В. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Т. 1–3. Джорданвилль, Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1987–1988.

[2] *Anderson P.* People, Church and State in Modern Russia. New York: Macmillan, 1944. P. 85.

прот. Иоанн Мейендорф полагал, что в России существовали расцерковленные верхи и интеллигенция, а народные массы были преданы Церкви[1]. Об отсутствии напряженного антиклерикального состояния в русском народе писал и А. Солженицын. Однако многочисленные факты свидетельствуют, что антицерковные настроения к октябрю 1917 г. распространились достаточно широко и не только среди интеллигенции или в маргинальных группах.

Одной из ключевых спорных проблем является оценка действий Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского) в конце 1920-х гг. — издание "Декларации 1927 г.", означавшей уход с позиций аполитичности, допущение вмешательства властей в назначения иерархов и т. п. Именно с этого времени государственным структурам удалось, после неоднократных неудачных попыток, взять под свой контроль внутрицерковную жизнь. Деятельность митр. Сергия вызывала и вызывает резкую критику многих историков, особенно в среде российских эмигрантов. Однако автору представляется, что другой реальной альтернативы в условиях тех лет ей не было. Аргументация этой точки зрения содержится в последнем параграфе главы. Здесь же хотелось привести некоторые исторические аналогии. Так, можно вспомнить политику Православной Церкви в период татаро-монгольского ига. Ее компромиссная позиция позволила уцелеть многим островкам неразоренной русской земли и в конечном итоге способствовала возрождению государственности. В еще более драматических обстоятельствах оказалась Болгарская Церковь после турецкого нашествия. Она признала власть завоевателей-иноверцев, отказалась от призывов к прямому вооруженному свержению ее и этой своей политикой помогла болгарскому народу сохраниться как нации. Именно Церковь в значительной степени спасла его от ассимиляции. Православные храмы и монастыри на протяжении многовекового Османского владычества играли роль очагов национального самосознания и будущего возрождения страны.

Если сравнивать новейшую историю Русской Православной Церкви с положением религиозных организаций в других социалистических странах Восточной Европы, можно отметить, что серьезные объективные основы для избранной митр. Сергием политики были. Все "коммунистические режимы" проявляли настороженное или негативное отношение к Церкви, однако в большинстве государств эта враждебность никогда не доходила до широкомасштабных репрессивных акций. К несчастью, в силу ряда факторов, существенная часть расчетов митр. Сергия не оправдалась. Из всех социалистических стран нигде, кроме Албании, не было такого широкомасштабного разгрома

[1] *Прот. Иоанн Мейендорф.* Святейший Патриарх Тихон — служитель единства Церкви // Вестник Ленинградской Духовной Академии, 1990, № 3. С. 30–41.

Церкви, как в СССР. Хотя и в истории нашей страны бывали периоды смягчения отношения к религии, частичного признания ее роли в духовной жизни миллионов верующих.

Из исследователей, осуждавших политику Владыки Сергия (Страгородского), наиболее последовательно и аргументированно доказывает реальность альтернативы упоминавшийся диссидентский историк Л. Регельсон. Так, в частности, он считает, что если бы вся Православная Церковь пошла катакомбным путем, в 1943 г. "Сталин вызвал бы из подполья разрозненные группы духовенства и все равно восстановил бы патриаршее управление, которое было бы внутренне свободнее и нравственно чище, чем "Сергиевское"[1]. Но к началу Великой Отечественной войны в подполье уцелели относительно небольшие группы клириков, практически без архиереев, которые могли бы претендовать на роль патриарха. Кроме того, вряд ли руководство ВКП(б) обратилось бы к заведомым "врагам", тем более, что тогда еще действовали "просоветские" обновленцы и григориане. И, наконец, если бы "истинно-православные" и приняли предложения И. Сталина, то они были бы вынуждены пойти на те же компромиссы, тем же путем, что и митр. Сергий при легализации в 1927 г. Без преувеличения можно сказать, что эта ключевая проблема еще не одно десятилетие будет предметом острых дискуссий как историков, так и религиозных, политических, общественных деятелей.

Тесно связан с ней и вопрос о церковном сопротивлении. В советской историографии не было работ, специально посвященных этой теме и в частности деятельности иосифлян. В трудах же по истории Православной Церкви, имевших общий обзорный характер, иосифлянское движение голословно называлось черносотенным и т. п.[2] Появившиеся недавно книги В. А. Алексеева и М. И. Одинцова посвящены государственной религиозной политике в СССР и ситуации в самой Православной Церкви внимания уделяют немного. В отношении внутрицерковной борьбы у этих исследователей преобладает нейтральный подход. Касаясь же иосифлянского раскола, В. Алексеев не вполне справедливо считает, что он не стал заметным явлением в истории Православия[3].

Исторические труды священнослужителей Патриаршей Церкви второй половины XX века — митрополита Мануила (Лемешевского), игумена Иннокентия (Павлова) и особенно митрополита Санкт-Петербургского Иоанна (Снычева) содержат интереснейшие фактические данные, в концептуальном же отношении характеризуются полной апологией митр. Сергия (Страгородского), к оценке действий которого отсутствует какой-либо критический подход. Иосифляне на-

---

[1] *Регельсон Л.* Указ. соч. С. 617.

[2] *Гордиенко Н. С.* Эволюция русского православия (20-е — 80-е годы XX столетия); *Корзун М. С.* Указ. соч. и др.

[3] *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы; *Одинцова М. И.* Указ. соч.

зываются раскольниками, а митр. Иоанн даже утверждает, что они подвергали поруганию все, что признавалось в Православной Церкви святыней. К этим работам примыкают и воспоминания скончавшегося в 1986 г. профессора Ленинградского университета Н. А. Мещерского, в молодости игравшего активную роль на начальном этапе иосифлянского движения, но затем отошедшего от него и изменившего свою оценку на негативную[1].

Существенный вклад в разработку истории сопротивления в Русском Православии внесли зарубежные, главным образом, российские эмигрантские исследователи. Последних также можно разделить на два непримиримых лагеря. Антисергиане от М. Польского и И. Андреева до В. Степанова (Русака) считали, что Заместитель Патриаршего Местоблюстителя предал новомучеников, томившихся в лагерях, пошел на неизмеримо более глубокий, чем его предшественники, компромисс с властью и этим изменил Патриарху Тихону и Местоблюстителю митрополиту Петру (Полянскому). Указанные работы были посвящены в целом движению сопротивления в Церкви (оценка его масштабов порой сильно различалась), иосифляне в них отдельно не выделялись и подробно не анализировались[2].

То же можно сказать и об изданиях противоположного лагеря. Протопресвитер Василий Виноградов, протоиерей Иоанн Мейендорф, митрополит Елевферий (Богоявленский) и др. в основном указывали на оправданность в целом позиции митр. Сергия, причем утверждали, что он к заявлениям о лояльности Патриарха Тихона фактически ничего не прибавил[3].

Наиболее известные в России западные историки стоят ближе ко

---

[1] *Мануил (Лемешевский), митрополит.* Русские православные иерархи периода с 1863 по 1965 годы; *Иннокентий (Павлов), игумен.* О декларации митрополита Сергия // Журнал Московской Патриархии (ЖМП), 1992, № 11/12. С. 70–75; *Иоанн (Снычев), митрополит.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие; *Его же.* Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. СПб.: Danza, 1993; *Мещерский Н. А.* На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. Рукопись.

[2] *Польский М.* Указ. соч.; *Андреев И. М.* Заметки о катакомбной церкви в СССР. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1947; *Регельсон Л.* Указ. соч.; *Степанов (Русак) В.* Указ. соч.

[3] *Елевферий (Богоявленский), митрополит.* Неделя в Патриархии. Париж: Имка-Пресс, 1933; Доклад митр. Елевферия митр. Евлогию (1928 г.) // Вестник РХД, 1990, № 158. С. 285–293; Крестный путь русской иерархии, из писем протопресвитера В. Виноградова владыке Иоанну Шаховскому // Вестник РХД, 1987, № 150. С. 251–255; *Прот. Иоанн Мейендорф.* Указ. соч.

второму направлению, хотя, конечно, занимают более объективную и научно взвешенную позицию. К их числу относятся — Дмитрий Поспеловский, Никита Струве, И. О. Хризостом (Блашкевич), Ганс-Дитер Депман и др.[1] Так, Н. Струве аргументированно доказывает, что более 20 епископов, находившихся в заключении в Соловецком лагере в 1927 г., в основном поддержали митр. Сергия. И. Хризостом утверждает в своей работе, что в случае отказа пойти на соглашение с властями ОГПУ угрожало митр. Сергию расстрелять всех заключенных в тюрьмах и лагерях архиереев и т. д. Значительное внимание проблемам "церковной смуты" конца 1920-х гг. уделяет Д. Поспеловский. Некоторые его выводы представляются справедливыми. Однако, утверждая, что митр. Сергий в основном продолжал линию Патриарха Тихона и Местоблюстителя Петра, Д. Поспеловский умалчивает о допущенном в 1927 г. контроле ОГПУ за кадровой церковной политикой. Именно с тех пор любое назначение священнослужителей стало осуществляться лишь после санкции со стороны соответствующих государственных органов. Нельзя согласиться и с оценкой иосифлянского движения как самого крайнего раскола справа в пределах России; утверждением, что митр. Иосиф пытался образовать параллельную Церковь.

До сих пор не создано специальных монографий, посвященных всей истории катакомбного движения. Существование в 1920-х — начале 1930-х гг. значительного количества тайных общин не прошло незамеченным для советских авторов, в этот период появилось несколько десятков брошюр, освещавших их деятельность. Однако слабая изученность процессов, происходивших в Православии, поспешность в терминологии и классификации приводили к тому, что все враждебно настроенные к советской власти группы верующих зачислялись в сектанты[2].

---

[1] *Поспеловский Д.* Митрополит Сергий и расколы справа // Вестник РХД, 1990, № 158. С. 53–81; *Его же.* The Russian Church under the Soviet Regime 1917–1982. New York: St. Vladimir's Seminary Press, 1984. *Струве Н.* Соловецкие епископы и декларация митрополита Сергия 1927 г. // Вестник РХД, 1988, № 152. С. 207–211; *Chrysostomus J.* Op. cit.; *Döpmann G.-D.* Die Russische Orthodoxe Kirche in Geschichte und Gegenwart. Berlin, 1977.

[2] *Рожицын Ф.* Тихоновцы, обновленцы и контрреволюция. М.; Л.: Госиздат, 1926; *Путинцев Ф. М.* Сектантство и антирелигиозная пропаганда. М.: Безбожник, 1928; *Его же.* Политическая роль и тактика сект. М.: ГАИЗ, 1935; *Навагинский С.* Церковное подполье (о секте "федоровцев"). Воронеж: Коммуна, 1929; *Попов М. В.* Церковь в наши дни. Иваново: Ивановский обл. Совет СВБ, 1930; *Его же.* Церковь в годы реакции и революции. Иваново: Ивановский обл. Совет СВБ, 1930; *Лунин А.* Федоровцы — крестоносцы. Сектантская контрреволюция перед судом. М.: Безбожник, 1930; *Долотов А.* Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930; *Дубровский М.* Черный отец и желтые братцы. М.: Безбожник, 1930; *Логинов А.* Сектантская контрреволюция перед пролетарским судом. М.: Союз воинствующих безбожников, 1933 и др.

Со второй половины 1930-х до конца 1950-х гг. в атеистической литературе, за исключением 3–4 статей и брошюр, катакомбникам внимания не уделялось[1]. История их возникновения, состав, организационная деятельность, идеология оставались белым пятном. Впервые вопрос о научном изучении этого религиозного течения в связи с его активизацией оказался включен в программу исследований, проводившихся в 1959–1961 гг. на территории Центрального Черноземья сотрудниками Института истории Академии Наук СССР под руководством известного советского историка А. И. Клибанова. Было проведено свыше 600 собеседований с верующими, собран богатый фактический материал. Результаты исследования нашли отражение в нескольких публикациях [2]. В этих работах уже присутствовала правильная оценка "истинного Православия" как "внецерковного религиозного течения"[3], разделялись общины "истинно-православных христиан" и "Истинно-православной церкви" (ИПЦ) — непримиримых иосифлян, влившихся в катакомбное движение. Но многие вопросы — о времени возникновения этого течения, соотношении различных толков и групп в нем, его классификации, как и некоторые стороны мировоззрения "истинно-православных" остались малоизученными.

И после опубликования итогов экспедиций Института истории большинство советских авторов продолжало зачислять ИПХ и ИПЦ в сектанты[4]. В 1970–1980-е гг. их изучением активно занимался воронежский ученый А. И. Демьянов. В 1970–1972 гг. он провел обследование 1361 ИПХ в Центральном Черноземье России и по его материа-

---

[1] *Абросенко К. П.* Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск: Иркутское обл. изд-во, 1938; *Юрин А.* Под маской религии. М.: ГАИЗ, 1939; *Тубанов С.* Церковь на службе врагов народа. Свердловск: Свердловское обл. изд-во, 1940.

[2] *Клибанов А. И.* Современное сектанство в Тамбовской области (по материалам экспедиции Института истории Академии Наук СССР в 1959 г.) // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 59–100; *Его же.* Современное сектанство в Липецкой области. // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 10. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 157–185; *Митрохин Л. Н.* Реакционная идеология "истинно православной церкви" на Тамбовщине // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 144–162; *Никольская З. А.* К характеристике течения истинно православных христиан // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9. С. 161–188.

[3] *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство и современность (социологические и исторические очерки). М.: Наука, 1969. С. 55.

[4] *Стенькин В. С.* Черная паутина (сборник атеистических статей). Пенза: Пензенское обл. изд-во, 1960; *Федоренко Ф. И.* Секты, их вера и дела. М.: Политиздат, 1965; *Белов А. В.* Современное сектантство. М.: Знание, 1969.

лам подготовил кандидатскую диссертацию, а затем и монографию[1]. Основное внимание в них уделялось проблеме идеологии "истинного Православия", особенно эсхатологическим и антихристологическим воззрениям ИПХ.

В начале 1980-х гг. А. Демьянов повторил социологическое обследование и опубликовал еще две книги[2]. В его работах прослеживались причины возникновения и развития течения ИПХ, формирование идеологии, характеризовались его состояние в 1970–1980-е гг., некоторые вопросы классификации. Но наряду с верными автор делает и целый ряд ошибочных выводов: об отсутствии в прошлом и настоящем каких-либо различий между ИПХ и ИПЦ, угасании и вырождении катакомбного движения и т. д. Он совершенно упускает из виду качественное изменение состава этого движения за последние три десятилетия, формирование в "катакомбах" нескольких новых течений.

Относительно же времени зарождения тайных православных общин (впервые возникших в 1918 г.) среди советских исследователей существовали 4 точки зрения. Одни полагали, что ИПХ появились в первые послереволюционные годы и оформились в самостоятельное религиозное течение в середине 1920-х гг.[3] Другие авторы относят эти события к периоду коллективизации[4], третьи к середине 1940-х гг.[5] А. Демьянов отстаивал компромиссный вариант — процесс выделения ИПХ из Православной Церкви начался в первые годы после Октябрьской революции и закончился к 1940-м гг.[6] В целом следует отметить, что работы советских ученых содержат ценный фактический материал, однако они страдают тенденциозным подходом. Численность катакомбников сильно занижалась, делался вывод, что в

---

[1] *Демьянов А. И.* Критика идеологии истинно православного христианства (по материалам социологического исследования в Центральных областях РСФСР); *Его же.* Истинно православное христианство. Воронеж: Воронежский ун-т, 1977.

[2] *Его же.* Религиозность: тенденции и особенности проявления (социально-психологический анализ). Воронеж: Воронежский ун-т, 1984; *Его же.* Факты против измышлений (Миф о "религиозном возрождении" в СССР и его несостоятельность).

[3] *Булдаков В. П.* Они приносят людям горе (о религиозной секте истинно православных христиан). Пермь: Пермское кн. изд-во, 1960; *Сажин К. Г.* Кто такие сектанты? Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1961; Словарь атеиста. М.: Политиздат, 1964.

[4] Краткий научно-атеистический словарь. М.: Наука, 1964; *Белов А. В.* Указ. соч.; *Каушанский П. Л.* Идеология и деятельность христианских сект. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1965.

[5] *Никольская З. А.* Указ. соч.; *Митрохин Л. Н.* Указ. соч.; *Федоренко Ф. И.* Указ. соч.

[6] *Демьянов А. И.* Истинно православное христианство. С. 9.

подполье находится только относительно небольшое количество групп мирян (практически без священников). Кроме того, заключения, сделанные на локальном материале одного региона, распространялись на всю страну, что порой приводило к серьезным ошибкам. Российские ученые к данной теме пока не обращались.

Несколько работ в последние годы написали сами "катакомбники" и священнослужители Патриаршей Церкви. Особенно выделяются статьи Амвросия Сиверса[1]. Он широко использовал недоступные другим исследователям материалы тайных архивов еп. Марка (Новоселова) и иеромонаха Никифора (Рихтер-Меллина). Амвросий глубоко изучил вопросы идеологии ИПХ, но не рассматривал историю других течений катакомбной церкви. Пробел частично восполняет работа иеродиакона Московской патриархии Ионы (Яшунского), в которой кратко характеризуются 8 основных группировок, существовавших в "катакомбах" в 1980-е гг.[2] К сожалению, эти труды представляют из себя лишь относительно небольшие по объему статьи.

Свой, хотя и не очень большой, вклад внесли зарубежные историки. М. Бернштам писал о появлении первых тайных общин в годы гражданской войны[3]. П. О. Чаев — о катакомбных монастырях[4], деятельности некоторых православных иерархов и священников, служивших в подполье, была посвящена публикация в журнале "Русское Возрождение"[5]. Глубоко же данной темой занимался только И. Андреев-Андреевский. В 1940–1950-е гг. он написал несколько статей и книг, которые теперь уже в значительной степени устарели[6]. Правда, в 1954 г. опубликовал свою монографию западногерманский

---

[1] *Сиверс Амвросий.* Истоки и связи катакомбного движения в Ленинграде и области (1922–1992 гг.) М., 1965. Рукопись; *Его же.* "От ранней зари" (Германцы в Российском Православии) // Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып. II. М.: Прогресс-Культура, 1993. С. 373–384; *Его же.* Государство и "катакомбы".

[2] *Иона (Яшунский), иеродиакон.* Наши катакомбы // Вестник РХД, 1992, № 166. С. 243–259.

[3] *Бернштам М.* Стороны в гражданской войне 1917–1922 гг. (Проблематика, методология, статистика) // Вестник РХД, 1978, № 128, с. 252–345.

[4] *Чаев П. О.* Катакомбные монастыри // Грани (Франкфурт-на-Майне), 1982, № 123. С. 190–196.

[5] Катакомбы. // Русское Возрождение, 1982, № 19. С. 170–181, № 20. С. 125–137, 1983, № 21. С. 184–200.

[6] *Андреев И. М.* О положении Православной Церкви в Советском Союзе. Катакомбная Церковь в СССР. Доклад, прочитанный 7 декабря 1950 г. перед Архиерейским Собором. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1951; *Его же.* Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль; Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1951; *Его же.* Russia's Catacomb Saints. Lives of the New Martyrs. Platina, California: Saint Herman of Alaska Press, 1982 и др.

историк А. Густафсон, а в 1971 г. — У. Флетчер, но они опирались во многом на те же работы русских эмигрантов[1].

Движение религиозных диссидентов в Русской Православной Церкви появилось только в конце 1950-хх гг., и историография его невелика. Работы советских ученых, в которых затрагивались те или иные стороны этого явления, отличались крайней тенденциозностью[2]. Значительный интерес представляют статьи самих участников движения, напечатанные в различных эмигрантских журналах (Е. Вагина, Ю. Машкова, В. Осипова, Г. Якунина и др.), хотя их трудно назвать научными исследованиями[3]. К жанрам воспоминаний или публицистической прозы в основном относятся и книги одного из самых активных церковных диссидентов 1960–1970-х гг. А. Краснова-Левитина[4]. Из зарубежных историков первый этап движения (1958–1969 гг.) изучали Д. Константинов, Д. Дэнлоп и М. Бурдо. Но их работы страдают фрагментарностью, целостной картины никому создать не удалось[5].

Наибольшее же значение имеют две книги — сборник "Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа", посвященный истории этой подпольной организации, и монография английской исследовательницы Джейн Эллис[6]. Она разработала свою (несколько спорную) периодизацию деятельности религиозных диссидентов, подробно осветила этап 1970-х гг. История же движения в 1960-е и

---

[1] *Gustafson A.* Die Katakombenkirche. Stutgart: Evangelisches Verlagswerk, 1954; *Fletcher W.* The Russian Orthodox Church Underground, 1917–1970. Oxford: University press, 1971.

[2] *Белов А., Шилкин А.* Диверсия без динамита. М.: Политиздат, 1976.

[3] *Вагин Е.* Религиозное инакомыслие в сегодняшней России // Русское Возрождение, 1978, № 1. С. 50–70; Машков Ю. Т. Голос с родины // Русское Возрождение, 1978, № 4. С. 12–21; *Аксенов-Меерсон М.* Русская Православная Церковь сегодня // Религия и атеизм в СССР (Мюнхен), 1980, № 9–10. С. 2–11; *Осипов В.* Площадь Маяковского, статья 70 // Грани, 1971, № 80. С. 118–134; *Якунин Г.* Московская Патриархия и "культ личности" Сталина // Русское Возрождение, 1978, № 1. С. 103–137, № 2. С. 110–150 и др.

[4] *Левитин А. Э.* Защита веры в СССР. Рукопись, привезенная из Советской России. Париж: Имка-Пресс, 1966; *Краснов-Левитин А.* Родной простор. Демократическое движение. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981.

[5] *Константинов Д.* Религиозное сопротивление в СССР. К 50-летию советской диктатуры. Лондон (Канада): СБОНР, 1967; *Дэнлоп Д.* Национально-религиозное возрождение в современной России // Русское Возрождение, 1978, № 1. С. 15–36; *Bourdeaux M.* Patriarch and Prophets: Persecution of the Russian Orthodox Church. London, Oxford: Mowbrays, 1975.

[6] Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях; *Эллис Д.* Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие. Лондон: Overseas Publications Interchange LTD, 1990.

1980-е гг. рассматривается в небольшой степени. Не использовались в монографии и материалы российских архивов. Только сейчас появилась возможность изучить все основные формы церковного сопротивления в русском Православии.

До сих пор не существует серьезных научных исследований репрессий среди духовенства. Известные публикации носят случайный и фрагментарный характер, в основном посвящены отдельным судьбам или локальным событиям. Наиболее полной работой остается упоминавшийся двухтомник М. Польского, хотя он выполнен не как научное исследование, а является сборником материалов к агиографии новомучеников и содержит большое количество неточностей и фактических ошибок. Подобную книгу в 2-х частях выпустил недавно иеромонах Дамаскин (Орловский), однако ее сюжет ограничен рамками нескольких епархий[1].

История Церкви в местах заключения оказалась вообще практически вне поля зрения историков. До 1994 г. лишь в некоторых общих работах, близких по жанру к лагерной мемуаристике, можно было найти сведения о судьбе духовенства в тюрьмах, лагерях и ссылках[2]. Первым и единственным научным исследованием стала книга И. Резниковой, посвященная истории пребывания православного духовенства в Соловецком лагере особого назначения[3]. Так как в историографии нет серьезных работ об антирелигиозных гонениях 1930-х гг., не существует и ясного понимания того, что же представляла собой Русская Православная Церковь к началу Великой Отечественной войны.

Военный период исследован значительно лучше, хотя тоже явно недостаточно. Активная патриотическая деятельность Московской Патриархии в советской историографии, как правило, замалчивалась. Например, в многочисленной литературе, посвященной обороне Ленинграда в 1941–1944 г., полностью отсутствуют даже упоминания о том, что в нем имелись действующие храмы. В объемном сборнике "Блокада день за днем" скрупулезно перечисляются самые разнообразные, порой малозначительные события жизни осажденного города, но в нем невозможно найти ни одного свидетельства религиозности ленинградцев. Даже в той части военно-документальной литературы, где в

---

[1] *Дамаскин (Орловский), иеромонах.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. I. Тверь: Булат, 1992.

[2] *Волков О. В.* Погружение во тьму: Из пережитого. Париж: Имка-Пресс, 1987; *Розанов М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939 годы. Т. 1–3. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1979–1987; *Чирков Ю. И.* А было все так... М.: Политиздат, 1991; *Ширяев Б. Н.* Неугасимая лампада. М.: Товарищество Русских художников, 1991.

[3] *Резникова И.* Православие на Соловках: Материалы по истории Соловецкого лагеря. СПб.: НИЦ "Мемориал", 1994.

первых изданиях упоминались имена священнослужителей, принимавших участие в партизанском движении, из последующих изданий их изъяли. Так, в книге И. Шубитыдзе "Полесские были" 1969 г. выпуска они есть, а уже в издании 1974 г. — отсутствуют[1]. В то же время делался акцент на сотрудничестве некоторых священников с гитлеровцами. Этому сюжету уделялось внимание и при публикации сборников документов, и в специальных работах[2]. Только с середины 1980-х гг. положение стало меняться. В своей последней книге Н. С. Гордиенко давал уже более взвешенную оценку деятельности духовенства и паствы в военное время, хотя и отталкивался от постулата, что война как массовое страдание и всенародное горе была стимулятором роста религиозности, а духовенство использовало беды людей для усиленного насаждения религиозных чувств. Вопросы эволюции отношений Русской Церкви и советского государства специально он не рассматривал[3].

До конца 1980-х гг. работы священнослужителей и мирян Московской Патриархии по данной теме ограничивались статьями в ЖМП и несколькими небольшими рукописями[4]. Затем стали появляться различные журнальные и газетные публикации[5]. Специальных же изданий почти нет. Исключением является небольшая брошюра П. К. Раины, посвященная участию православного духовенства Белоруссии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Автор, сам партизан, после войны окончивший Духовную Академию, сообщает ценные, неизвестные ранее сведения. Так, в книге содержатся свидетельства участников партизанского движения об активной помощи им митрополита Украинской автокефальной Церкви Александра (Иноземцева)[6]. В 1985 г. к сорокалетию победы в Великой Отечественной войне планировалось издать сборник о патриотической деятельности Русской

---

[1] *Шубитыдзе И.* Полесские были. Минск: Беларусь, 1969.

[2] Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. Минск: Беларусь, 1964; *Суглобов Г. А.* Союз креста и меча. М.: Воениздат, 1969.

[3] *Гордиенко Н. С.* Современное русское православие. С. 65–69.

[4] *Сергий (Ларин)*, епископ. Православие и гитлеризм. Одесса, 1946–1947. Рукопись; *Павлов С.* Церковная жизнь Ленинграда во время блокады 1941–1944 гг. Л., 1983. Рукопись.

[5] Великую победу предопределила победа духовная // Вятский епархиальный вестник, 1992, № 5. С. 3–4; *Якунин В. Н.* "Велик Бог земли Русской" // Военно-исторический журнал, 1995, № 1. С. 37–41; *Прот. Владислав Цыпин.* Патриотическое служение Русской Православной церкви в Великую Отечественную войну // Новая и новейшая история, 1995, № 2. С. 41–47.

[6] *Раина П. К.* За Веру и Отечество: очерки. Л.: Ленинградская панорама, 1990.

Церкви, но он так и не вышел. Лишь небольшая часть из собранных для него материалов была опубликована в 1995 г. в журнале "Наука и религия"[1].

Патриотическая позиция Московской Патриархии оказалась непонятной для многих зарубежных специалистов, ожидавших от нее проведения антисоветской линии или нейтрального отношения к военным событиям. Им казалось, что начавшаяся война должна была обострить противоречия между Церковью и государством, предоставив для первой удобную возможность свести счеты с богоборческой властью. Однако этого не произошло. И вплоть до 1980-х гг. некоторые западные исследователи, особенно из клира и мирян Зарубежной Русской Церкви, стремились объяснить происшедшее прежде всего страхом оставшихся на свободе архиереев во главе с Местоблюстителем митрополитом Сергием перед новыми репрессиями[2].

Современные российские историки (В. А. Алексеев, М. И. Одинцов) при характеристике военного периода очень большое внимание уделяют предпосылкам и обстоятельствам встречи в Кремле 4 сентября 1943 г. И. В. Сталина с руководством Московской Патриархии[3]. В этом плане от их книг выгодно отличаются работы О. Ю. Васильевой, диссертация которой была в значительной степени посвящена исследованию основных направлений и объективной оценке патриотической деятельности Русской Церкви, ее вклада в общенародное дело достижения победы в Великой Отечественной войне. Изучались в диссертации боевой путь танковой колонны имени Дмитрия Донского, построенной на средства верующих; деятельность Совета по делам РПЦ, созданного в 1943 г.; история Православной Церкви в период оккупации на территории Северо-Запада России и отчасти Белоруссии. Другие публикации О. Васильевой содержат новые интересные взгляды на сталинскую религиозную политику[4]. Она аргументированно доказывает объективную неизбежность изменения государственного курса в годы войны, но в то же время создание лишь видимости взаимопонимания между правительством и Патриархией, преимущественно показной характер многих акций. За ширмой благополучия в религиозном вопросе

---

[1]Священники на фронте // Наука и религия, 1995, № 5. С. 4–6; Партизанский акафист // Наука и религия, 1995, № 5. С. 6–8.

[2]*Боголепов А. А.* Церковь под властью коммунизма. С. 23; *Константинов Д.* Гонимая Церковь (Русская Православная Церковь в СССР). Нью-Йорк: Всеславянское изд-во, 1967. С. 35–36; *Степанов (Русак) В.* Указ. соч. Т. 1. С. 182–183.

[3]*Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. С. 332–346; *Одинцов М. И.* Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству. С. 57–62.

[4]*Васильева О. Ю.* Государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. Дисс. ...канд. ист.-наук. М.: АН СССР, Ин-т истории СССР, 1990; *Ее же.* Русская Православная Церковь в 1927–43 годах // Вопросы истории, 1994, № 4. С. 35–46.

для И. Сталина было важным поставить Церковь под жесткий контроль, одновременно сделав ее послушно управляемой силой в своей политической игре.

Истории Московской Патриархии в годы Великой Отечественной войны посвящена заключительная глава в монографии А. Н. Кашеварова. Но в этой книге используются только опубликованные источники[1]. Интереснейшие трофейные материалы содержатся в Центре хранения историко-документальных коллекций; в частности, документы фонда Главного Управления Имперской безопасности Германии позволяют проследить многие аспекты религиозной жизни на оккупированной территории СССР. К сожалению, сведения, содержащиеся в них, пока использованы лишь в двух небольших статьях[2].

И в целом религиозная политика оккупационных властей и церковная жизнь на временно захваченной фашистами части Советского Союза остается одним из слабо изученных вопросов. В советской историографии этой теме посвящены книги З. Балевица и Я. Веверса, которые уделили главное внимание деятельности Псковской Православной Миссии и Прибалтийского экзархата Московской Патриархии в 1941–1944 гг.[3] Они далеки от объективности, но если Я.週еверс видит в Псковской Миссии лишь агентуру фашистской разведки, то З. Балевиц все же более объективен. Так, он пишет о противоречивости политики главы Прибалтийского экзархата митр. Сергия (Воскресенского), его отнюдь не прогерманских симпатиях.

Обращались к этой теме и зарубежные, в основном русские эмигрантские историки. Серьезным исследованием церковной жизни на оккупированной Украине является книга германского ученого Ф. Хейера, хотя ей присущи многие пробелы и неточности[4]. Гитлеровскую политику по религиозному вопросу относительно полно документирует монография Х. Файерсайда, но автор слабо разбирается в канонике и истории Православия[5]. По-своему интересную работу написал П. Андерсон, неоднократно приезжавший в СССР в качестве переводчика с представителями Епископальной Церкви США. Правда, он широко использовал в качестве источника советскую печать, почерпнув оттуда и основные статистические данные, что привело к известной односторонности в освещении и оценке многих церковных событий и явлений

[1] *Кашеваров А. Н.* Указ. соч. С. 118–138.

[2] Третий рейх и православная церковь // Наука и религия, 1995, № 5. С. 22–25; Откровения бывшего штурмбаннфюрера СС, доктора теологии и философии Карла Нейгауза // Наука и религия, 1995, № 6. С. 8–16.

[3] *Балевиц З. В.* Указ. соч.; *Веверс Я. Я.* Православная духовная миссия — агентура фашистской разведки. Рига: Знание, 1973.

[4] *Heyer F.* Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945. Köln, Braunsfeld: Verlagsgesellschaft Rudolf Müller, 1953.

[5] *Fireside H.* Icon and Swastika: The Russian Orthodox Church under Nazi and Soviet Control. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.

во время второй мировой войны[1]. Можно упомянуть и две статьи германских ученых о деятельности Псковской Православной Миссии и Прибалтийского экзархата[2].

К работам русских эмигрантов относятся несколько воспоминаний священников, служивших во время оккупации, книга В. Самарина о периодических изданиях, выходивших на занятой фашистами территории СССР[3] и т. д. Но из всей перечисленной отечественной и зарубежной литературы выделяются труды В. И. Алексеева и Ф. Г. Ставру. Они единственные попытались в своей книге дать целостную картину церковной жизни во всех оккупированных областях и республиках Советского Союза[4]. Более поздний журнальный вариант их работы хотя и имеет меньший объем, дополнен новыми материалами[5]. В. Алексеев и Ф. Ставру справедливо утверждали, что впечатление о благоприятном отношении гитлеровской администрации к религиозному подъему на оккупированной территории СССР ложно и этот подъем произошел стихийно. Правда, они ошибочно считали, что в 1941 г. правительство Германии еще не имело ясно сформулированной религиозной политики в странах Восточной Европы. Целью книги провозглашался показ влияния возрождения Русской Церкви на оккупированной территории на резкое ослабление антицерковных акций в СССР. Религиозное возрождение в период оккупации называлось “вторым крещением Руси”, утверждалось, что оно сыграло решающую роль в судьбе Русской Церкви, заставило И. Сталина избрать курс временного сосуществования с ней. Соответственно время с сентября 1943 г. до начала хрущевских гонений называлось “религиозным НЭПом”[6]. Некоторое преувеличение роли исследуемого явления здесь очевидно. Хотя авторы и используют трофейные сводки СД, архивная база книги в целом довольно скудна. Это привело к серьезным пробелам и ошибкам в статистических подсчетах. Лучшей

---

[1] *Anderson P.* Op. cit.

[2] *Treulieb E.* Mitropolit Sergij von Riga und die “Orthodoxe Mission in Pleskau” // Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde. Band 8. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1965. S. 55–66; *Kahle W.* Die Orthodoxie im baltischen Raum // Kurche im Osten. Band 21/22, 1978/1979. S. 78–107.

[3] *Samarin V. D.* Civilian Life under the German Occupation, 1942–1944. New York. Research Program on the USSR: Mimeographed Series, № 58, 1954.

[4] *Alexeev W., Stavrou T.* The Great Revival. The Russian Church under German Occupation. Minneapolis: Burgess Publishing Co., 1976.

[5] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение, 1980, № 11. С. 91–118, № 12. С. 108–126, 1981, № 13. С. 75-97, № 14. С.118–154, № 15. С. 85–100, № 16. С. 91–121, № 17. С. 97–114, № 18. С. 105–125.

[6] Там же // Русское Возрождение, 1980, № 11. С. 94–95, 1981, № 13, с. 81, 91.

является глава о положении Церкви в Белоруссии, раздел же, посвященный Церкви на Украине, представляет собой в основном беглый пересказ части книги Ф. Хейера с повторением его ошибок. Еще слабее раздел о религиозной жизни в южных и центральных областях России, о многих важных регионах вообще нет никаких сведений. Численность же открытых в период оккупации православных храмов занижается примерно в два раза.

Подобное положение существует и с изучением истории Русской Православной Церкви после Великой Отечественной войны, ее отношений с атеистическим государством. Эта проблема привлекала внимание историков, однако, в силу ряда объективных причин, изучена явно недостаточно. В отечественной историографии, по существу, первым к данной теме обратился В. А. Алексеев. В 1991–1992 гг. он написал две упоминавшиеся выше книги, в которых частично рассматривается и послевоенная государственная религиозная политика. Алексеев собрал интересный фактический материал, выдвинул ряд обоснованных гипотез. В частности, он справедливо подчеркивал значительную силу политической традиции, инерции антирелигиозной борьбы у большей части партийного и комсомольского аппарата, которая определяла и многие аспекты политики государства по отношению к Русскому Православию в целом. Однако практически не рассматривается ответная реакция Церкви, не уделяется должного внимания позиции духовенства и мирян. При изучении действий государства акций отсутствует комплексный подход, исследуются, главным образом, идеологические аспекты. А, например, влияние внешнеполитической линии руководства страны почти не учитывается. Нет в книгах и четко выделенной периодизации религиозной политики. Кроме того, В. Алексеев — бывший работник аппарата ЦК КПСС; как и в своих статьях 1980-х гг. он несколько идеализирует государственно-церковные отношения.

Таким же недостатком страдает небольшая по объему монография М. И. Одинцова “Государство и церковь в России. XX век”, изданная тиражом в 150 экземпляров. Послевоенному периоду в ней посвящен 6-й параграф второй главы. Основное внимание уделяется изучению деятельности органов, непосредственно осуществлявших государственную политику в религиозном вопросе, и эволюции конституционно-правовой базы государственно-церковных отношений. Попытки совместить представления 1980-х гг. с информацией из рассекреченных архивных фондов порой приводили автора к противоречащим друг другу утверждениям. Так, с одной стороны, говорилось, что с созданием в 1943 г. Совета по делам РПЦ возрождался институт оберпрокурорства, с другой, — что заслуги председателя Совета Г. Карпова в возрождении Церкви были велики и пока еще объективно не оценены. Справедливо утверждалось, что “церковный институт” использовался для решения прагматических политико-идеологических целей внутри

страны и на внешнеполитической арене, но в то же время подчеркивалось, что в аппарате КПСС всегда имелись силы, выступавшие против подчинения государственной религиозной политики идеологии правящей партии. Очень уязвим для критики и итоговый вывод: в 1917–1965 гг. у государства не было какой-либо единой линии, существовало "своеобразное сочетание элементов предшествующих моделей" — традиционной самодержавной, буржуазной и "присоединившихся к ним собственно социалистических элементов"; "в различные периоды преобладали то одни, то другие элементы, определяя в целом характер государственно-церковных отношений"[1].

В нескольких работах российских историков рассматривались отдельные, частные сюжеты. Так, П. Н. Кнышевский писал об использовании религиозных организаций советской разведкой, Д. А. Волкогонов о влиянии личных качеств И. В. Сталина на церковную политику государства. О. Ю. Васильева большое внимание уделяла попыткам сделать сразу после окончания войны Московскую Патриархию "Православным Ватиканом" и ожесточенной борьбе с Ватиканом подлинным, что сильнейшим образом влияло на общую картину[2].

Священнослужители Московской Патриархии до сих пор в своих работах мало писали об истории Русской Церкви во второй половине XX века. В затрагивающих же эту тему трудах порой встречаются очень разные оценки. Так, протоиерей Владислав Цыпин в своей книге избегает обобщающих выводов и полемических крайностей, достаточно спокойно излагает самые трагические события. Он считает, что новая, доброжелательная к Церкви политика государственной власти продолжалась с 1943 г. около 15 лет, а после периода хрущевских гонений (якобы почти не сопровождавшихся арестами) руководство страны встало на почву реальности в своей политике по отношению к верующим[3]. Гораздо более резок в оценках митрополит Иоанн (Снычев). Он предполагает, что благоприятный для Церкви этап завершился со смертью Сталина в 1953 г. и наступившая сразу же вслед за этим хрущевская оттепель сопровождалась отказом от национально-патриотических элементов официальной идеологии, ее окончательным переводом на интернациональные рельсы и соответственно новым витком антицерковных гонений (как результат процесса "десталинизации"). Полностью замалчивается изменение курса

---

[1] *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России. XX век. С. 106, 128–129.

[2] *Кнышевский П. Н.* Истоки тотального шпионажа // Государственная безопасность и демократия, 1993, № 2. С. 30–52; *Волкогонов Д. А.* Сталин и религия // Наука и религия, 1989, № 2. С. 10–11; *Васильева О. Ю.* Ватикан в горниле войны // Наука и религия, 1995, № 6. С. 14–16; *Ее же.* Кремль против Ватикана. Полковник Карпов под руководством генералиссимуса Сталина атакует папу римского.

[3] *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви 1917–1990.

государственной религиозной политики в 1948 г., существенное улучшение положения Московской Патриархии в середине 1950-х гг., численность закрытых в 1950-х — начале 1960-х гг. храмов завышается в несколько раз (говорится о 12 тыс.) и т. д.[1]

Заметный вклад в изучение темы внесли зарубежные и русские эмигрантские историки. Следует отметить, что если в 1920–1930-е гг. за границей фактически не существовало расхождений в оценках между научными исследователями и публицистикой — СССР считался государством, стремящимся к уничтожению религии, то после второй мировой войны ситуация существенным образом изменилась. Восстановление патриаршества, проведение грандиозного Поместного Собора 1945 г., активная международная деятельность Московской Патриархии оказали сильное воздействие на позицию значительной части русской эмиграции и руководящие органы Церквей различных конфессий. Многие эмигранты перешли в юрисдикцию Московской Патриархии, представители же Русской Православной Церкви в Америке и Западноевропейского Русского экзархата стали относиться к ней достаточно лояльно. Непримиримой осталась лишь Зарубежная (карловацкая) Русская Церковь, однако она оказалась почти в полной изоляции. Основные западные Церкви, поверив, что православие в СССР растет и развивается, стали подчеркивать свою солидарность с Московской Патриархией, во многом приняв проводимую ее иерархами удалить линию в борьбе за мир, разоружение. В духовной печати утвердилась точка зрения, что верующие в Советском Союзе пользуются полной свободой. Иное мнение могли выражать почти исключительно ученые и публицисты, не зависимые от церковных структур. Причем эта часть публицистов впадала в другую крайность, огульно осуждая всю деятельность Московской Патриархии и стремясь прежде всего обратить внимание западного читателя на страдания верующих в социалистических странах.

Из эмигрантов историей послевоенного периода занимались в основном священнослужители и миряне Зарубежной Русской Церкви. Так, в книгах М. Польского и епископа Григория (Граббе) опровергались утверждения о ее прогерманской позиции в годы второй мировой войны и подробно освещалась борьба в русском Православии за рубежом во второй половине 1940-х гг.[2] В. И. Алексеев написал работу, содержащую подборку биографий православного епископата в СССР за 1941–1953 гг.[3] Правда, он пользовался только опубликованными источниками, что не могло не сказаться на уровне книги. Антицер-

---

[1] *Иоанн (Снычев), митрополит.* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 312, 323–326.

[2] *Польский М.* Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1948; *Григорий (Граббе),* епископ. К истории русских церковных разделений за границей.

[3] *Alexeev W.* Russian Orthodox Bishops in Soviet Union, 1941–1953. New York. Research Program on the USSR: Mimeographed Series, № 61, 1954.

ковным акциям советских властей в 1950–1960-е гг. были посвящены монографии протоиерея Д. Константинова и А. А. Боголепова[1]. Значимость для Московской Патриархии в свете этих гонений связей с экуменическим движением (являвшихся "важнейшим средством противостояния режиму") подчеркивалась в статье священника М. Аксенова-Меерсона[2]. В целом работы русских эмигрантов чаще всего субъективны, пристрастны и обычно затрагивают ограниченный круг вопросов какого-то конкретного периода времени. Обобщающих, аналитических монографий ими написано не было. На эту роль претендует упоминавшийся трехтомник В. Степанова (Русака). Однако он является не научным исследованием, а страстной и достаточно наивной публицистической книгой, страдающей нарушением хронологии, отсутствием последовательности изложения, обилием фактических ошибок.

Зарубежные историки уже в 1950–1970-е гг. высказали ряд гипотез и идей, подтверждение которым сейчас находит в архивном материале автор. Написавший несколько книг У. Флетчер справедливо считал, что изменение государственного религиозного курса наметилось еще в 1939–1941 гг., выделил 1945–1948 гг. как период особенно активного содействия Русской Церкви советским внешнеполитическим акциям. В то же время он датирует начало деятельности Московской Патриархии как "проводника советского империализма" апрелем 1945 г., а не осенью 1943 г.; рассматривает только два основных аспекта задач Русской Церкви на международной арене в "сталинскую эпоху". Не оправдывает себя и выделение в качестве последовательных этапов установление контроля Московской Патриархии над Православными Церквами Восточной Европы и попытки получить гегемонию в других регионах — эти акции осуществлялись фактически одновременно. У. Флетчер предвзято оценивает внешнюю деятельность Русской Церкви исключительно с политических позиций. Нельзя согласиться с его утверждением, что международное движение в защиту мира было исключительно "советским творением" с самого начала[3].

---

[1] *Константинов Д.* Православная молодежь в борьбе за Церковь в СССР. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1956; *Его же.* Гонимая Церковь; *Его же.* Зарницы духовного возрождения. Русская Православная Церковь в СССР в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов. Лондон (Канада): Заря, 1973; *Боголепов А. А.* Указ. соч.

[2] *Aksenov-Meerson M.* The influtner of the Orthodox Church on Russian Ethnic identity // Ethnic Kussia in the USSR. The Dilemma of Dominance, Edited by Edward Allworth. Pergamon Press, 1980. P. 105–115.

[3] *Fletcher W.* Religion and Soviet Foreign Policy, 1945–1970. London: Oxford University Press, 1973; *Его же.* Portrait of the Most Praised and VIlified of Modern Churchmen — Metropolitan Nikolai of the Russian Orthodox Church — and of the Dilemma the Faces as Religions Leader in a Militantly Secular Soviety Nikolai. London: Collier-Macmillan, 1968; *Lowrie D., Fletcher W.* Khrushchev's Religious Policy 1959–1964 // Aspects of Religion in the Soviet Union 1917–1967. Chicago: The University of Chicago Press, 1971. P. 131–155.

Следует также выделить работы Н. Струве, М. Спинки и У. Коларза[1]. Первый из этих историков, подчеркивая, что внешние связи Московской Патриархии являются областью, в которой ее зависимость от государства ощущалась более всего, верно отмечал связь уступок в интересах Церкви с последующими важными международными акциями Патриархии. Однако исторический обзор Н. Струве носит в целом беглый характер и сосредоточен на "хрущевском" периоде и реакции верующих на гонения этого времени. Хорошая монография М. Спинки доходит, к сожалению, лишь до начала 1950-х гг. У. Коларз аргументированно раскрывает политическую подоплеку участия Московской Патриархии в движении за мир, вынужденность вступления ее во Всемирный Совет Церквей. В то же время его работам присущи многие названные недостатки трудов У. Флетчера.

Большинство западных историков преувеличивает степень контроля государства над Русской Церковью, не учитывает обратного воздействия, вынужденности считаться с интересами миллионов верующих. Спорной и недостаточно разработанной представляется и периодизация государственной религиозной политики, всплесков репрессивных акций в их работах, в том числе у наиболее плодовитого автора 1980–1990-х гг. — Д. Поспеловского. Для его, несомненно, ценных в научном плане книг характерно, однако, некритичное, дословное воспроизведение большого количества нарративных источников. Трудно согласиться и с рядом утверждений этого историка. Так, например, он пишет, что государство в СССР осуществляло административные меры в борьбе с религией, так как "Советы рассматривали Русскую Православную Церковь как угрозу их монополии на власть"[2]. Но церковные организации отнюдь не подменяют органы государственного управления.

Некоторые из западных историков, например Д. Куртис, собрав большой фактический материал, оказались неспособными объяснить причины советских гонений на верующих. Принадлежа к поколению американской левой интеллигенции 1930-х гг., позитивно оценивавшей "сталинские достижения", Д. Куртис обвинял в этих гонениях их жертв. А французский историк К. Грюнвальд вообще писал, что репрессии священнослужителей были оправданы, так как вызывались не их религиозными убеждениями, а активной антисоветской деятельностью[3]. Д. Поспеловский так (в основном справедливо) писал в 1995 г. о своих зарубежных предшественниках: "...не будучи право-

---

[1] *Struve N.* Op. cit.; *Spinca M.* The Church in Soviet Russia. New York: Oxford University Press, 1956; *Kolarz W.* Religion in the Soviet Union. London: Macmillan, 1961.

[2] *Pospielovsky D.* The Russian Church under the Soviet Regime, 1917–1982. P. 425.

[3] *Curtiss I.* Op. cit.; *Grunwald C.* The Churches and the Soviet Union. New York: Macmillan, 1962.

славными, а часто плохо зная историю России и историю Русской Православной Церкви дореволюционного периода, они нередко совершали ошибки в суждениях и сравнениях, проявляли неспособность понять органические церковные процессы, внутреннюю (мистическую) жизнь Церкви"[1]. Уже отмечалась и ограниченность источниковой базы работ западных историков.

Можно сделать вывод, что на сегодняшний день отсутствуют исследования, в которых бы целиком рассматривалась в качестве предмета специального изучения избранная тема как в теоретическом, так и в конкретно-историческом аспекте.

§ 2. *Характеристика источников*

Роль существующих публикаций источников, использованных в работе, пока относительно невелика в силу специфики исследуемой темы и невозможности (за редкими исключениями) для ученых как отечественных, так и зарубежных, на протяжении многих лет получить доступ к соответствующим архивным материалам или, во всяком случае, опубликовать их. Тем не менее были использованы, во-первых, опубликованные источники, характеризующие политику советского государства и коммунистической партии по отношению к религиозным организациям. Сюда относятся материалы партийных съездов, конференций, пленумов ЦК, постановления и циркуляры центральных органов ВКП(б)-КПСС, посвященных проведению атеистической пропаганды, использованию Русской Церкви в различных международных акциях и т. д. Изучались документы В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, И. В. Сталина, Н. С. Хрущева и других руководителей коммунистической партии, в том числе опубликованные в журнале "Известия ЦК КПСС". Подробно прослеживалось государственно-правовое регулирование деятельности Русской Церкви актами законодательных и исполнительных органов советского государства, причем активно использовались издания, предназначенные для служебного пользования[2]. Большую ценность представляют подобные материалы Советов по делам религий и по делам Русской Православной Церкви, опубликованные в виде брошюр тиражом 500–700 экземпляров (в основном доклады председателей Советов на всесоюзных совещаниях уполномоченных). В то же время в этих официальных документах нередко искажалось действительное положение религиозных организаций, сильно преуменьшалось их влияние.

Вторую группу составляют опубликованные документы Московской Патриархии. Первые сборники их вышли в годы Великой Оте-

---

[1] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 6.

[2] Законодательство о религиозных культах (Сборник материалов и документов). Перепечатка с советского издания "Для служебного пользования". Нью-Йорк: Chalidze Publications, 1981 и др.

чественной войны или сразу после ее окончания. Они содержали послания иерархов, постановления Священного Синода, патриотические воззвания, письма, телеграммы[1]. В 1950–1980-е гг. подобные издания выходили очень редко и были посвящены почти исключительно миротворческой деятельности Патриархии на международной арене. В последнее время положение изменилось. Так, ценным источником стал появившийся в 1994 г. сборник документов Русской Православной Церкви за 1917–1943 гг., в основном хранящихся в уникальной коллекции, собранной М. Е. Губониным[2].

С 1991 г. в журналах, исторических альманахах начали публиковаться и подборки архивных документов по истории религиозной политики советского государства. В основном они касались материалов 1920–1930-х гг.[3] Несколько подобных публикаций подготовил московский историк М. И. Одинцов, в том числе серию, посвященную деятельности патриархов Русской Церкви 1917–1990 гг.[4] Особенное значение для написания книги имели публикации М. И. Одинцовым документов периода Великой Отечественной войны[5]. Он использовал, как правило, материалы Государственного архива Российской Феде-

---

[1] Правда о религии в России. М.: Московская Патриархия, 1942; Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М.: Московская Патриархия, 1943; Патриарх Сергий и его духовное наследство. М.: Московская Патриархия, 1947.

[2] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917–1943. Сборник. Ч. 1, 2. М.: Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 1994.

[3] "Церковь отделяется от государства" // Исторический архив, 1994, № 1. С. 136–147; "Взять на Учет Все Духовенство… " / Публ. Н. Сидорова // Источник, 1994, № 6. С. 102–105; Политбюро и церковь // Новый мир, 1994, № 8. С. 186–213.

[4] Дело патриарха Тихона / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы, 1993, № 6. С. 46–71; Крестный путь патриарха Сергия: документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины) / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы, 1994, № 2. С. 44–80; Письма и диалоги времен "хрущевской оттепели" (Десять лет из жизни патриарха Алексия. 1955–1964 гг.) / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы, 1994, № 5. С. 25–83; Пимен (Извеков) — последний "советский" патриарх / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы, 1995, № 1. С. 27–66.

[5] Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.) / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы, 1995, № 2. С. 37–67; Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы, 1995, № 3. С. 41–70; "Русская православная церковь стала на правильный путь". Докладные записки председателя Совета по делам русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943–1946 гг. / Публ. М. И. Одинцова // Исторический архив, 1994, № 3. С. 139–148, № 4. С. 90–112; Униаты и советская власть (встреча в Москве. Декабрь 1944 г.) / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы, 1994, № 3. С. 56–71.

рации, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории и Архива Московской Патриархии. Ряд подборок архивных материалов по истории государственной религиозной политики и церковного сопротивления в СССР опубликовал и автор монографии[1]. Все они являются относительно небольшими по размеру.

Интерес представляют и опубликованные нарративные источники различного характера (мемуары, дневники, автобиографии, письма и т. д.), позволяющие сопоставить с ними, откорректировать, дополнить соответствующие архивные материалы. К сожалению, подобных изданий пока вышло немного. Среди них можно выделить сборник воспоминаний о церковной жизни 1920-х гг. из собрания М. Е. Губонина, публикацию писем тайного епископа Марка (Новоселова) — видного деятеля иосифлянского движения, автобиографический очерк архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого)[2]. Пребывание в лагере священника Патриаршей Церкви подробно описывается в воспоминаниях об о. Арсении[3], а хрущевские гонения на религиозные организации — в свидетельствах духовных детей о жизни и деятельности протоиерея Николая Голубцова[4]. Несомненно, это только начало, уже в ближайшие годы количество подобного рода изданий должно вырасти в несколько раз. Хотя, конечно, при использовании нарративных источников необходимо учитывать их субъективный характер.

В книге широко применялась периодическая печать 1920–1960 гг.: ленинградские, общесоюзные газеты и журналы, издания "Союз воинствующих безбожников". В них содержатся интересные сведения о

---

[1]Под угрозой гибели / Публ. М. В. Шкаровского // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 12. Париж: Atheneum-Феникс, 1991. С. 249–257; Два эпизода борьбы с церковью в Петрограде / Публикация М. В. Шкаровского // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1992. С. 555–579; Иосифлянское движение и оппозиция в СССР / Публ. М. В. Шкаровского // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 15. М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1994. С. 446–463; В огне войны. Русская православная церковь в 1941–1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии) / Публ. М. В. Шкаровского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб.: Logos, 1994. С. 259–316; Антицерковные гонения в Ленинградской епархии: 1958–1964 / Публ. М. В. Шкаровского // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. II. М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1995. С. 123–168.

[2]Патриарх Тихон и история Русской Церковной смуты. Кн. 1. СПб.: Сатисъ, 1994; *Новоселов М. А.* Письма к друзьям. М.: Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 1994; *Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ.* "Я полюбил страдание... ". Автобиография. М.: Русский Хронограф, 1995.

[3]Отец Арсений. М.: Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1993.

[4]*Вышеславцева О. Н.* Пастырь во времена безбожия. Об отце Николае (Голубцове). СПб.: Сатисъ, 1994.

борьбе с влиянием религиозных организаций, проведении атеистической пропаганды. Однако интерпретация фактов и далеко не всегда надежный цифровой материал требуют тщательной дополнительной проверки. Значительное внимание уделялось периодическим изданиям Московской Патриархии. В первые годы советской власти их выходило немало: "Церковные Ведомости", "Церковно-Общественный Вестник", различные епархиальные вестники. Однако после 1922 г., если не считать обновленческих журналов "Живая Церковь", "Соборный разум", "Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви", несколько лет выпускался только "Журнал Московской Патриархии" (ЖМП). В середине 1930-х гг. вся церковная печать была запрещена. После значительного изменения курса государственной религиозной политики, в сентябре 1943 г. издание ЖМП возобновилось. В этом журнале приводились сведения о внутренней жизни Московской Патриархии, аналогичных которым нет в других источниках. Правда, необходимо учитывать жесточайшую цензуру, осуществлявшуюся Советами по делам Русской Православной Церкви и по делам религий.

Трудно переоценить и значение русских эмигрантских журналов, выходивших в Германии, Франции, США. Некоторые их них публиковали преимущественно религиозные материалы, прежде всего "Вестник русского христианского движения" (Париж) и "Русское Возрождение" (Нью-Йорк). Отдельные работы по истории Русской Церкви XX века печатались в журналах "Грани", "Посев", "Континент" и других. Несколько периодических изданий в послевоенные годы издавалось в центре Зарубежной Русской Православной Церкви — Джорданвилле (США): "Православная Русь", "Православный путь", "Православная жизнь". Публикации в указанных журналах отражают взгляды представителей различных направлений русской церковной эмиграции: Американской митрополии, Карловацкой группировки, Западноевропейского экзархата и зачастую страдают тенденциозностью и полемичностью. В то же время некоторых сюжеты из истории церковного диссидентства, катакомбного движения, "религиозного возрождения" в годы второй мировой войны на оккупированной территории СССР и т. д. освещались только в них.

Автор использовал и самиздатовские религиозные журналы: "Вече", "Надежда". Комплексы их хранятся в библиотеке Научно-информационного центра "Мемориал" (Санкт-Петербург). Там же была изучена и наиболее ценная часть документов Архива Самиздата радио "Свобода" (Мюнхен, с 1995 г. Будапешт), опубликованная ротапринтным способом[1].

Основной же источниковой базой были материалы государственных архивов России, Украины и Германии. В общей сложности, работа по выявлению и изучению неопубликованных источников проводилась в

[1]Материалы Самиздата. Вып. 1–420. Мюнхен: Архив Самиздата. Радио Свобода, 1969–1979.

восемнадцати архивохранилищах. Их можно условно разделить на четыре основные группы. Во-первых, это центральные архивы, где сосредоточены документы высших партийных и государственных учреждений, а также материалы, поступившие с мест. К этой группе относятся Государственный архив Российской Федерации, Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Центр хранения современной документации. Ряд материалов был получен из Архива Президента Российской Федерации (при участии в их подготовке к публикации).

Во вторую группу входят архивы Санкт-Петербурга и Ленинградской области, где хранится документация местных органов власти (в том числе контролировавшая религиозные организации) Северо-Запада России. Это Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга и Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Их важное значение в изучении избранной темы определяется особой ролью северной столицы для судеб Русской Православной Церкви. Ленинград значительную часть советской истории во многом оставался церковным центром страны. Неслучайно все Патриархи, избранные после Октябрьской революции, были Ленинградскими митрополитами (Патриарх Алексий I, Пимен, Алексий II) или временно управляющими епархией (Патриарх Сергий). Церковная общественность города на Неве особенно чутко реагировала на все изменения в политической и социальной жизни страны. Именно здесь зародились самые влиятельные движения, возникшие в Русской Церкви в XX веке — обновленческое и иосифлянское. Все это обусловливало повышенное внимание органов власти к местной религиозной обстановке. Благодаря налаженности делопроизводства, лучшей, чем в большинстве других районов, в петербугских архивах сохранилось много различных материалов по проблемам контроля за деятельностью религиозных организаций и борьбы с ними: руководящие указания партийных и государственных органов, сводки о религиозной ситуации в городе и области, информационные материалы, составлявшиеся уполномоченными Совета по делам РПЦ, органами НКВД-МГБ-КГБ и т. д.

К третьей группе относятся архивы Управлений Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Москве и Московской области, Архангельской области, Информационный центр Министерства внутренних дел Карелии. С делами репрессированных священнослужителей, хранящимися в них, удалось познакомиться через общество “Мемориал” или родственников осужденных. В некоторых регионах фонды архивно-следственных дел органов госбезопасности уже были переданы в областные и республиканские архивохранилища: в Центр документации новейшей истории Воронежской области, Центральный государственный архив общественных организаций Украины, Центр документации но-

вейшей истории Костромской области. Близок к ним по составу документов и Архив НИЦ "Мемориал" (Санкт-Петербург), в котором хранятся в основном материалы о репрессиях граждан СССР. Естественно, что следственные дела являются очень специфическим видом документов, требующим особой осторожности при работе с ними.

Наконец, к четвертой группе можно отнести архивохранилища, содержащие фонды религиозных организаций и учреждений. Ряд подобных фондов имеется в Российском государственном историческом архиве. Изучались и материалы за 1943–1990-е гг., хранящиеся в Архиве Санкт-Петербургской епархии, а также документы германского Архива института восточных религий в Мюнстере.

Таким образом работа с материалами различных по принципам документообразования архивохранилищ дала возможность познакомиться с разного вида документами. Особенности каждого из вышеперечисленных архивов учитывались при обследовании соответствующих фондов и описей.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) были изучены три фонда, прежде всего Совета по делам Российской Православной Церкви (ф. 6991), представляющий основную ценность. Ведь этот орган контролировал и во многом управлял всей деятельностью Московской Патриархии в 1943–1960-е гг. Анализ его документов позволяет проследить как начало этапа "примирения" в отношениях между государством и Церковью осенью 1943 г., так и переход в 1958 г. к новым ожесточенным гонениям на религиозные организации. В фонде содержатся: протоколы заседаний Совета и Священного Синода, переписка с Патриархом, записи бесед церковных иерархов с работниками Совета, докладные записки в ЦК КПСС, инструкции, аналитические обзоры, документы о международной деятельности Московской Патриархии. По ним можно наглядно проследить трансформацию работы Совета — от первоначального стремления, помимо установления контроля, способствовать нормализации государственно-церковных отношений до попыток осуществить разгром церковной организации. Удалось познакомиться как с материалами описи 2, так и описи 1с, по-прежнему недоступной для большинства исследователей. В особой папке И. В. Сталина (ф. Р-9401сч) были обнаружены документы 1944 г. о насильственном переселении, истинно православных христиан, из центральных областей России в Сибирь и на Алтай. Они свидетельствуют о том значении, которое высшее руководство страны придавало борьбе с катакомбным движением. В фонде ВЦИК РСФСР (ф. 1235) интерес представляли материалы о проведении антирелигиозных акций в начале 1920-х гг.

В Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) исследовался фонд Центрального комитета ВКП(б)-КПСС следующих 5 описей: оп. 88 — Сектор информации Организационно-инструкторского отдела, оп. 121 — Технический секре-

тариат Оргбюро, оп. 122 — Организационно-инструкторский отдел, оп. 125 — Управление пропаганды и агитации, оп. 132 — Отдел пропаганды и агитации. Среди выявленных материалов, впервые вводимых в научный оборот, находятся секретные циркуляры ЦК, постановления Секретариата и Политбюро ЦК, документы Управления пропаганды и агитации, рассказывающие об организации контроля за деятельностью религиозных объединений, о роли партийных комитетов в проведении этой работы, сборе секретной информации о религиозной ситуации в стране, различного вида сводки, поступившие в ЦК из НКВД-МГБ, Совета по делам РПЦ и других государственных органов. Значительный интерес представляют материалы военного времени, в том числе немецкие трофейные документы, содержащие данные о религиозной политике фашистской Германии, патриотической позиции Русской Церкви.

Основная часть архивных дел Центрального Комитета КПСС с 1956 г. содержится в Центре хранения современной документации (ЦХСД), составляя специальный фонд (ф. 5). Они просматривались вплоть до 1966 г., причем особое внимание уделялось материалам отдела пропаганды и агитации ЦК. Именно он в значительной степени руководил антирелигиозной кампанией конца 1950-х — начала 1960-х гг. Ведь после смерти И. Сталина существенная часть функций органов госбезопасности в области контроля за Церковью перешла к партийным организациям. Материалы указанного фонда также позволяют проследить борьбу, которая в 1950-е гг. шла в высшем руководстве страны по вопросу определения курса религиозной политики.

Из Архива Президента Российской Федерации, благодаря предоставившейся возможности, был изучен ряд документов фонда Политбюро ЦК КПСС (ф. 3) из дел по изъятию церковных ценностей и проведению судебных процессов над православными священнослужителями в начале 1920-х гг. Они представляют собой протоколы заседаний Политбюро ЦК РКБ(б) за 1922–1923 гг., письма Л. Д. Троцкого, возглавлявшего в тот период осуществление антицерковных акций. Эти материалы свидетельствуют о том, что захват церковной власти обновленцами проводился по инициативе, под давлением и при активном участии государственных органов.

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.) были изучены практически все фонды, содержащие сведения по избранной теме (всего более 50). Поиски облегчались тем, что автор работает ведущим научным сотрудником этого архива. Большая часть выделенных материалов содержалась в пятнадцати фондах. Следует отметить, что епархиальные власти лишь несколько лет назад получили возможность создавать собственный полноценный архив, документов до 1943 г. в нем почти нет, и поэтому источники, содержащиеся в ЦГА СПб., являются уникальными. Значительная доля их ранее была засекречена и закрыта для исследователей, другая находи-

лась в свободном доступе, но практически не вовлекалась в научный оборот.

В ЦГА СПб. содержатся, в основном, материалы государственных учреждений, регулирующих деятельность религиозных организаций в Петроградской губернии и Ленинградской области.

Наиболее крупный комплекс документов хранится в фонде Ленгорисполкома (ф. 7384), в описи дел городской комиссии по делам культов. Это, прежде всего, дела по наблюдению за деятельностью храмов северной столицы с 1917 г.: исторические справки, инвентарные описи, анкеты и списки членов двадцаток, священнослужителей, протоколы приходских собраний, переписка, планы, фотографии церковных зданий и т. д. Значительную ценность представляют данные об открытии и закрытии храмов, проведении религиозных празднеств, регистрации различных религиозных обществ. Имеются в материалах комиссии и дела по изъятию церковных ценностей, содействию властей захвату обновленцами руководящей роли в епархии в 1922 г.; уничтожению колоколов, разрушению церквей, арестам и высылке священнослужителей в 1930–40-е гг. Аналогичные сведения по другим городам Ленинградской области содержатся в документах Леноблисполкома (ф.7179).

Обширное собрание материалов за 1918–1923 гг. хранится в фонде Петроградского губернского отдела управления (ф. 1001) — протоколы заседаний и отчеты о деятельности столов регистрации, сводки об общем, политическом, административном состоянии районов города в период изъятия церковных ценностей, переписка с епархиальным советом, митрополитами, обновленческим епархиальным управлением (ЛЕУ). Здесь же, а также в документах Ленгорисполкома имеются стенограммы, протоколы епархиальных собраний и съездов обновленцев, списки и анкеты членов ЛЕУ. Материалы районных столов регистрации сохранились далеко не полностью. Лучше они представлены в фонде Петроградского (ф. 151), Московско-Нарвского (ф. 104) и Центрально-городского (ф. 56) райисполкомов, в них имеются и малоизвестные циркуляры вышестоящих инстанций.

Основным источником для изучения проблем общей религиозной политики советского государства в 1918–1919 гг., кампании вскрытия и изъятия мощей канонизированных святых Православной Церкви и т. п. являются фонды Центрального исполнительного комитета и Совета Комиссаров Союза коммун Северной области (ф. 143), а также Комиссариата внутренних дел СКСО (ф. 142). На основании директив и распоряжений НКВД, VIII (ликвидационного) отдела Наркомата юстиции они дают представление о деятельности центральных властей в этих вопросах. Сохранились в указанных фондах и письма, заявления, резолюции канонизированного митрополита Вениамина (Казанского). Ценные сведения можно почерпнуть из документов Петроградского губернского Совета (ф. 1000), в ряде стенографических отчетов и протоколов заседаний за 1921–1927 гг. которого отложились

материалы обсуждения депутатами различных религиозных вопросов. В этом же фонде хранится и переписка Ленгорисполкома с ОГПУ за конец 1920-х — начало 1930-х гг., проливающая свет на репрессивные антирелигиозные кампании. Следует упомянуть и документы о духовном образовании в фонде Богословских института и училища (ф. 8952), несмотря на все преграды сумевших просуществовать до конца 1920-х гг.

История епархии в первые годы Великой Отечественной войны отражается в материалах Ленгорисполкома, Леноблисполкома и некоторых райисполкомов. Например, в фонде Дзержинского РИКа (ф. 4769) имеется отчет общины Спасо-Преображенского собора о всех сторонах ее деятельности за 1941–1944 гг. Сведения о религиозной жизни на подвергшейся оккупации части Северо-Запада России, а также Прибалтики содержатся в фонде Коллекции документов немецких оккупационных властей (ф. 3355). В библиотеке архива хранится и ценнейшая трофейная коллекция газет, выходивших в период оккупации. Наконец, данные по избранной теме за 1944–1960-е гг. были почерпнуты из трех фондов Ленинградских уполномоченных Советов по делам Русской Православной Церкви (ф. 9324), по делам религиозных культов (ф. 2017) и по делам религий (ф. 9620). Они позволяют достаточно полно представить историю епархии за послевоенный период.

В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга просматривались материалы шести фондов: Ленинградского областного комитета ВКП(б)-КПСС (ф. 24) и пяти райкомов партии: Выборгского, Московского, Василеостровского, Невского и Петроградского (ф. 2, 3, 4, 5, 6). Использовались политсводки, отчеты, переписка, различного рода доклады органов ОГПУ, НКВД и МГБ, в которых имелись сведения о религиозных организациях. К примеру, важная информация о ликвидации тайной иосифлянской общины содержалась в справке областного управления НКВД от 1 октября 1942 г. Однако надо учитывать условия создания этих документов, а также источник их происхождения. В отличие от официальных отчетов, порой приукрашивавших действительность, секретная переписка дает более правильное представление о событиях.

Автор работал и с материалами восьми фондов Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге: Ленинградских областного и губернского судов (ф. Р-3820 и ф. Р-2205), Лужского, Волосовского, Винницкого, Гатчинского РИКов (ф. Р-2019, Р-1328, Р-1397, Р-1432), административных отделов Ленинградского окружного исполкома и Гатчинского райисполкомов (ф. Р-3176, Р-3183). Они содержат отдельные документы, дополняющие общую картину взаимоотношений религиозных организаций и областных органов власти, созданную по документам ЦГА СПб. и ЦГАИПД СПб. К этим материалам относятся судебные дела об “антисоветской” религиозной агитации и деятельности, информация о закрытии храмов, запрещении

колокольного звона, паломничества к святым местам в 1958–1964 гг. и т. д.

В третьей группе архивов было просмотрено несколько десятков следственных дел, в основном содержащих материалы о церковном сопротивлении: деятельности иосифлян и других групп "непоминающих", представителей катакомбного движения. Изучение истории нелегальных организаций имеет свою специфику. В государственных архивах сведения о них почти полностью отсутствуют. Исключением являются документы, хранящиеся в органах Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ РФ), дополняющие материалы устной истории и личных коллекций. Так, в Архиве Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области удалось познакомиться с групповым делом иосифлянского монашества 1932 г., а также нелегальной организации "Воскресенье", которую возглавлял известный религиозный философ А. Мейер. Следует отметить, что в следственных делах нередко содержится большое количество вещественных доказательств — разного рода "антисоветских" документов. Целая коллекция религиозного самиздата была конфискована и при разгроме "Воскресенья" в 1928 г., в том числе иосифлянские воззвания, брошюры и т. п.

Автору удалось изучить и очень важное семитомное следственное дело, хранящееся в Архиве Управления ФСБ РФ по Москве и Московской области. Оно посвящено расследованию деятельности организации "Истинное православие" в Подмосковье и Тверской епархии и датируется 1930–1931 гг. По делу проходило 63 человека, в том числе руководители московских, серпуховских, тверских иосифлян. В Архиве Управления ФСБ РФ по Архангельской области и Информационном центре МВД Карелии просматривался фонд личных дел, в основном Соловецкого лагеря особого назначения, являвшегося в 1924–1937 гг. крупнейшим местом заключения православного духовенства.

Ценным источником стали два следственных дела по процессам "буевцев" — сторонников епископа Алексия (Буя) 1930 и 1932 гг., недавно рассекреченные и переданные в Центр документации новейшей истории Воронежской области (ф. 9323). Эти объемные дела состоят в общей сложности из 14 томов и позволяют подробно осветить историю иосифлянского движения в его втором по значению центре — Центрально-Черноземной области. В этом же архиве изучались и материалы о деятельности катакомбников в 1940–1950-е гг.

В Центральном государственном архиве общественных организаций Украины просматривалось 7 следственных дел украинских "непоминающих" и иосифлян конца 1920-х — 1930-х гг. (ф. 263). Особенный интерес представляло 20-томное дело "Истинно-православной церкви" 1932 г., охватывавшее все основные районы Украины: Донбасс, Подолье, Киевскую, Харьковскую, Одесскую и другие области. А в Центре документации новейшей истории Костромской области изу-

чались в основном материалы послевоенного времени — следственные дела 1940–1950-х гг. катакомбников и священнослужителей Патриаршей Церкви (ф. 3656).

Архив НИЦ "Мемориал" (Санкт-Петербург) был создан в 1989 г., но уже достиг значительного объема. В нем прорабатывались фонды: специальных анкет, заполнявшихся репрессированными и их родственниками (ф. 1), биографических материалов о подвергавшихся репрессиям (дневников, писем, автобиографий, копий документов следственных дел и т. п.) (ф. 2), неопубликованной мемуаристики (ф. 4) и Р — фонд материалов по истории репрессий религиозных организаций в СССР. Ценность этого архива заключается в большом количестве нарративных источников, собранных в нем.

Интереснейший комплекс церковных документов за 1917–1925 гг. хранится в Российском государственном историческом архиве. Подробные сведения о первых столкновениях органов советской власти с Православной Церковью — конфискации синодальной типографии, попытке захвата Александро-Невской Лавры, занятии синодальных зданий и др., содержатся в фондах Канцелярии Святейшего Синода (ф. 796), Учебного комитета Священного Синода (ф. 802), Петроградской Синодальной типографии (ф. 800). Уникальную ценность имеют недавно рассекреченные материалы Канцелярии Патриарха Тихона (ф. 831) и Поместного Собора 1917–1918 гг. (ф. 833). В них в основном присутствует общероссийская или московская тематика. Автором использовались также некоторые документы из фонда Александро-Невской Лавры (ф. 815) и письма, отчеты бывшего директора департамента по делам Русской Православной Церкви В. И. Яцкевича из его личного фонда (ф. 1579).

Ряд неопубликованных подборок документов по новейшей истории Русской Церкви и биографическая картотека петербургского духовенства были изучены в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной Академии. Некоторые неизвестные прежде диссертанту документы найдены в фонде Русской Православной Церкви Архива Института восточных религий в Мюнстере (Германия).

Подводя итог характеристике источников по избранной теме, можно сделать вывод, что нам удалось обнаружить и изучить следующие группы документов: законодательные, нормативные акты, определявшие задачи, формы, методы проведения государственной религиозной политики в масштабах страны и роль при этом различных партийно-государственных структур; документы, освещавшие роль репрессивных органов в проведении курса властей по отношению к религиозным организациям, формы, масштабы и последствия репрессий; материалы, характеризующие конкретную деятельность на различных уровнях органов госбезопасности, КПСС, государства по реализации общей политики и всех составляющих ее элементов; церковные документы, показывавшие реакцию Московской Патриархии на действия государственных органов, ее внутреннюю жизнь; материалы основных

движений церковного сопротивления; нарративные источники, содержащие разносторонний материал о чувствах, мыслях, настроениях и поведении священнослужителей и верующих различных религиозных течений. Отметим, что большая часть этих источников стала доступной для работы с ними лишь в последние годы в связи с проводимой работой по рассекречиванию архивных фондов на основе ряда постановлений и указа Президента РФ от 17 марта 1994 г.

Работа в различных архивохранилищах потребовала от автора определить методику поиска и отбора документов. С учетом невозможности изучения всех массивов соответствующих материалов был применен комплексный метод, включавший фронтальное, целенаправленное и выборочное обследование архивных фондов. Фронтальное изучение применялось в отношении дел, содержащих материалы Политбюро, Президиума, Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС, других руководящих партийных органов, ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, относительно разработки и осуществления государственной религиозной политики. Целенаправленный просмотр проводился при работе с фондами Совета по делам РПЦ, архивно-следственных дел Управлений ФСБ РФ, Ленгорисполкома, Ленинградского уполномоченного Совета по делам РПЦ и других. Выборочное обследование имело место в тех случаях, когда в архивных фондах (райисполкомов, биографических материалов в Архиве НИЦ "Мемориал" и т. д.) отложилось большое количество однотипных материалов: наблюдательные дела за церковными общинами, информационные сводки, доклады и обзоры представителей различных органов власти, личные документы.

§ 3. Русская Православная Церковь и государственная религиозная политика в 1917–1938 гг.

К началу революционных потрясений 1917 г. Русская Православная Церковь находилась в состоянии глубокого внутреннего кризиса. Внешне она представляла внушительную силу. В империи было 115–125 млн. православных верующих (около 70% населения), 78 тыс. храмов и часовен, около 120 тыс. священников, диаконов и псаломщиков, 130 архиереев, 1253 монастыря и скита с 95 тыс. монашествующих и послушников, 57 духовных семинарий и 4 духовные академии[1]. Однако

[1] Верноподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Пг.: Святейший Синод, 1916; *Соколов П.* Путь Русской Православной Церкви в России—СССР (1917–1961) // Русская Православная Церковь в СССР. Мюнхен: Центральное объединение политических эмигрантов из СССР, 1960. С. 81–82; *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 35.

авторитет и влияние этой мощной организации оказались в значительной степени подорванными.

Кризис в Русской Церкви постепенно нарастал на протяжении двух последних столетий. Отмена в начале XVIII в. патриаршества, введение синодальной системы с подчинением Церкви бюрократическому аппарату лишили ее самостоятельного голоса в обществе, уподобили приходского священника — полицейскому чиновнику, который присягал служить властям, сообщал о политических настроениях своей паствы. Это способствовало бюрократизации духовенства, роняло его авторитет. Ложность положения Церкви была и в том, что формально она являлась государственной, а потому противники легко могли возлагать на нее долю ответственности за репрессивную политику самодержавия и все социальные несправедливости, творимые государственным аппаратом. В результате с конца XIX в. в российском обществе, прежде всего в среде интеллигенции, наступает заметное охлаждение к ценностям православной веры и к значимости церковной организации среди других общественных институтов. Антиклерикальные настроения начинали проникать и в широкие народные массы; уже в революцию 1905–1907 гг. происходили случаи погрома домов священников, изгнания их и даже убийства.

Однако Русская Церковь не была замкнутой в себе реликвией культурного прошлого. В ней также созрела своеобразная "революционная ситуация". С 1905 г. основная часть духовенства, в том числе епископата, проявляла недовольство политикой Святейшего Синода и существовавшей системой в целом. Появилось много признаков обновления, стремления к церковным реформам. Создавались разнообразные приходские братства, религиозно-нравственные кружки и общества, выходили Православные журналы, возрождалось проповедничество и т. д. Но Русской Церкви так и не удалось до 1917 г. обрести желательную самостоятельность, созвать Поместный Собор из-за противодействия правительства. Более того, засилие в годы первой мировой войны в Синоде ставленников Г. Распутина, определявших церковную политику, способствовало дальнейшему значительному росту антиклерикальных настроений в стране[1]. Внутренний кризис Церкви, ее зависимость от государства, подрыв ее авторитета, не позволили ей стать нравственным барьером на пути экстремистских методов политической борьбы.

Февральская революция сопровождалась рядом антицерковных акций, вплоть до арестов архиереев по указанию местных Советов. И в то же время она фактически стала и "религиозной революцией", уникальной в истории Православия. В марте—апреле 1917 г. по стране прокатилась волна чрезвычайных епархиальных съездов духовенства и мирян. В соответствии с их решениями, с кафедр были сме-

[1] *Каннингем Д.* С надеждой на Собор. Русское религиозное пробуждение начала века. С. 7, 307–308; *Титлинов Б. В.* Новая церковь. С. 38.

щены свыше 10 наиболее скомпрометированных архиереев, избранные епархиальные советы значительно ограничивали епископскую власть. Вводился выборный порядок замещения всех духовных должностей, коллегиально-представительное начало церковного управления, демократизировалась приходская жизнь[1]. Все эти изменения стихийно шли в одном направлении, намеченном проектами церковных реформ 1905–1907 гг.

Кризис самодержавия пробудил надежды на изменение отношений Церкви и государства и у епископата. Поэтому даже члены Синода отказались 26 февраля обратиться с воззванием к народу поддержать монархию. Более того, 6 марта Синод опубликовал послание, в котором призвал "верных чад Православной Церкви" поддержать Временное правительство. Новым "революционным" обер-прокурором правительство назначило активного борца с распутинщиной в Государственной Думе, давнего сторонника реформ в Церкви В. Н. Львова. Вскоре старый состав Синода на фоне развертывавшихся преобразований стал выглядеть анахронизмом. Он отказывался санкционировать перемены в епархиальной и приходской деятельности, что грозило церковной анархией. В середине апреля по инициативе Львова правительство распустило Синод. Были назначены новые, в основном либеральные по своим взглядам члены органа высшей церковной власти[2].

К июлю обновленный Синод утвердил право епархиальных съездов выбирать себе епископов, наделил приход статусом самоуправляющейся основной демократической единицы Церкви с широкой активизацией мирян, учредил Предсоборный совет по подготовке Поместного Собора. В ряде епархий впервые в истории Русского Православия прошли свободные выборы архиереев, в том числе митрополитов Московского и Петроградского.

Православное духовенство не было однородно, к 1917 г. оно уже характеризовалось значительным социальным расслоением. Соответственно расходились и политические симпатии различных групп. Не все одобрительно встретили революцию, в некоторых храмах продолжали поминать императора Николая II. С другой стороны, ряд священников состояли в социалистических партиях. Наиболее активно из левых группировок действовал основанный 7 марта 1917 г. в Петрограде "Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян". При содействии В. Н. Львова эта организация взяла в свои руки официальное издание Синода "Церковно-Общественный Вестник". Наряду с требованием широких внутрицерковных реформ, выступая под лозунгом "Христианство на стороне труда, а не на стороне насилия и эксплуатации", Союз сближался и с социалистическими

[1] *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1. С. 37; *Бакулин Б. С.* Несвоевременные воспоминания // Религия и демократия: На пути к свободе совести. С. 149–150.

[2] *Титлинов Б. В.* Церковь во время революции. С. 55.

идеями[1]. Но подобные радикальные группировки являлись лишь небольшими крайними течениями. Основная масса духовенства была в целом аполитична и выступая за демократические преобразования в структуре Церкви, не разделяла программные требования социалистических партий об отделении ее от государства.

Подобные настроения ярко проявились уже на Всероссийском съезде духовенства и мирян, проходившем 1–10 июня 1917 г. в Москве. На нем были сформулированы требования и предложения по основным пунктам реформы для будущего Собора. Съезд в специальной декларации приветствовал революцию, однако отверг идею отделения Церкви от государства. Он высказал пожелание, чтобы религиозные организации по-прежнему получали правовую и материальную поддержку, Закон Божий был обязателен для изучения и у Православной Церкви остались руководимые ею народные школы.

В результате вскоре произошел конфликт с правительством. Синод выразил протест по поводу закона от 20 июня о передаче церковно-приходских школ в ведомство Министерства народного просвещения. Аналогичное столкновение произошло и относительно подготовки проекта об исключении Закона Божия из числа обязательных предметов. Религиозная политика Временного правительства отличалась своеобразием. Своими постановлениями “Об отмене вероисповедных и национальных ограничений” (20 марта 1917 г.) и “О свободе совести” (14 июля 1917 г.) оно много сделало для утверждения подлинной свободы вероисповеданий. В то же время правительство признавало за религией значительную роль в духовно-нравственной сфере жизни людей. Хотя в программах всех партий, входивших в него, присутствовало положение о постепенном отделении Церкви от государства, решительных шагов в этом направлении сделано не было. Приобретя некоторую самостоятельность, юридической свободы Православная Церковь не получила. Временное правительство не отказалось от прерогатив верховной власти. Первоначально в его состав входил обер-прокурор Синода, а 5 августа его сменил министр исповеданий А. В. Карташев с прежними правами и обязанностями. Перед самым открытием Поместного Собора было принято постановление о том, что выработанный на нем законопроект о новом порядке самоуправления Русской Церкви подлежит обязательному утверждению правительством[2].

Открывшийся 15 августа в Москве Всероссийский Поместный Собор стал заметным явлением общехристианской истории. Ряд его ре-

---

[1] *Плаксин Р. Ю.* Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг.. С. 17; *Титлинов Б. В.* Указ. соч. С. 56–57; *Левитин А., Шавров В.* Указ. соч. С. 153–154; *Шишкин А. А.* Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви. С. 121.

[2] *Одинцов М. И.* Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.). С. 4–5; Карташев А. А. Революция и Собор 1917–1918 гг. (Наброски для истории Русской Церкви наших дней). С. 76–77.

шений и постановка самих вопросов во многом опережали весь христианский мир. Выборы членов Собора были свободными и тайными, впервые на уровне приходов в них участвовали женщины. Из 564 депутатов больше половины — 299 составляли миряне. На ходе первых заседаний сказывались серьезные разногласия их участников. Особенно они проявлялись в вопросе возрождения Патриаршества. Еще в Предсоборном совете большинство во главе с архиепископом Сергием (Страгородским) отвергало эту идею. Левое крыло Собора также активно предлагало вместо патриаршества демократически-коллегиальную систему управления, в которой голос приходского духовенства был бы равен архиерейскому. Настроение стало меняться с октября 1917 г. по мере назревания политического кризиса. Становилось все яснее, что в условиях разгула антирелигиозных сил им должна противостоять Церковь, возглавляемая конкретным духовным вождем. Кроме того, теперь отпадали обоснованные сомнения в том, что введение Патриаршества не утвердит Временное правительство. 30 октября подавляющим большинством голосов Собор принял решение восстановить должность первосвятителя, а 5 ноября Патриархом был избран митрополит Московский Тихон (Беллавин)[1]. Согласно уставу, при Патриархе учреждались Священный Синод из архиереев и Высший Церковный Совет с выборным представительством белого духовенства и мирян. Учитывая неопределенность тогдашнего положения и неизвестность будущего, Собор также принял 25 января 1918 г. беспрецедентное постановление, сыгравшее важнейшую роль в дальнейшей истории Русской Церкви, о предложении Патриарху самому избрать нескольких Блюстителей Патриаршего престола на случай его болезни, смерти и т. д., чем обеспечивалось сохранение их имен в тайне[2].

Всего с 15(28) августа 1917 г. по 7(20) сентября 1918 г. состоялось 3 сессии Собора, затем он был вынужден прекратить работу, не завершив ее. Среди принятых постановлений следует отметить определения об активизации женщин в церковной жизни, о братствах ученых монахов, о проповедничестве. Успел Собор и выпустить уставы новой соборной структуры всей Церкви, основанной на началах широкой инициативы и выборности — от Патриарха до самоуправляющих-

[1]Тихон (Беллавин Василий Иванович, 1865–1925) — Патриарх Московский и всея России. Родился в г. Торопце Псковской губ. Закончил в 1888 Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Преподавал в Псковской духовной семинарии, Казанской Духовной Академии. 19.10.1897 хиротонисан во епископа Люблинского, с 1898 епископ Алеутский и Аляскинский. Десять лет руководил Православной Церковью в Америке. С 1907 архиепископ Ярославский, с 1913 архиеп. Виленский. 23.06.1917 избран на Московскую кафедру, 5.11.1917 избран и наречен Патриархом. В 1918–1923 неоднократно находился под арестом. Скончался 7.04.1925 в Москве.

[2]Церковные Ведомости, 1918, № 11–12. С. 66–68.

ся приходов, окончательно узаконив большую часть преобразований "церковной революции" 1917 г.[1] Без этого обновления Русской Церкви было бы значительно сложнее пережить агрессию атеистического государства.

С первых дней Октябрьской революции стал завязываться трагический конфликт Церкви с новой властью. Само избрание Первосвятителя проходило в период ожесточенных боев за Московский Кремль, в ходе которых серьезно пострадали его храмы. Основная доля ответственности за ухудшение отношений с Патриархией лежит на вновь образованном Совнаркоме. Его соответствующие мероприятия основывались на двух предпосылках: мировоззренческой несовместимости учения марксизма с религиозной верой и отношением к Церкви, как союзнице царизма, а после свержения самодержавия — эксплуататорского строя. Поэтому к сотрудничеству религиозные организации не звали, их начали усиленно вытеснять из политической, экономической, культурной жизни страны. Антиклерикальная направленность деятельности советского правительства имела и объективную основу — народную реакцию на казенные национализм и религию. В это русло укладывались гонения на Православие, национальную культуру, отказ от старого быта и уклада.

С другой стороны, большая часть иерархов и клира без энтузиазма или враждебно встретила приход вооруженным путем к руководству страны крайне левого фланга общественно-политических партий. Несмотря на укоренность Православной Церкви в дореволюционной России, она не стала вести политическую борьбу, не перешла открыто на сторону какой-либо из противоборствующих сил. Усилия Патриархии были направлены на прекращение партийных и социальных раздоров, разгоравшейся братоубийственной войны. 2 ноября, в период боев в Москве, Поместный Собор обратился к обеим сражающимся сторонам с призывом остановить кровопролитие, не допустить расправы с побежденными. 11 ноября он принял решение об отпевании всех погибших, а также обращение к победителям в гражданской войне, призывая не осквернять себя пролитием братской крови[2]. Этой линии Православная Церковь в основном придерживалась и в дальнейшем.

Уже первые постановления советской власти непосредственно затронули большинство сфер жизнедеятельности Церкви. Так, декрет о земле II съезда Советов и основанный на нем декрет о земельных комитетах от 4 декабря 1917 г. касался и наделов храмов, монастырей. Национализация частных банков повлекла утрату хранившихся

---

[1] Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. Вып. 1. М.: Изд-е Соборного Совета, 1918. С. 17–33; *Бакулин Б. С.* Указ. соч. С. 160–161.

[2] *Левитин А., Шавров В.* Указ. соч. С. 101; *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917–1945. С. 217.

там вкладов духовенства. В декабре были приняты декреты о передаче всего дела образования, включая богословские учебные заведения, в ведение Наркомпроса, регистрации актов рождения, брака и смерти в исключительное ведение государственных организаций. Первоначально эти законы в основном игнорировались. 2 декабря 1917 г. Поместный Собор, еще не теряя надежды на урегулирование церковно-государственных отношений в желательном смысле, принял "Определение о правовом положении Православной Российской Церкви". В нем хотя и предусматривалась "независимость Церкви от государственной власти", но сохранялось за Православием "первенствующее среди других исповеданий" положение, перечислялись многие прежние права и привилегии[1]. Однако это Определение было невыполнимо.

В конце декабря 1917 г. — январе 1918 г. по стране прокатилась серия антирелигиозных акций, явно предвосхищавшая готовившийся закон об отделении Церкви от государства. Были закрыты дворцовые и некоторые домовые храмы, изъята синодальная типография, предпринята попытка силой осуществить реквизицию жилых помещений Александро-Невской Лавры в Петрограде. В результате 19 января на территории Лавры произошло столкновение красногвардейцев с верующими. Были жертвы, но монастырь удалось отстоять. А 21 января по распоряжению митрополита Петроградского Вениамина состоялся общегородской крестный ход в защиту Церкви, в котором участвовало до 500 тысяч человек[2].

Антицерковные акции не остались без ответа Патриарха. Они, а также становящаяся все более кровавой гражданская война, были причиной появления его воззвания от 19 января 1918 г. В нем Патриарх заклеймил врагов Истины Христовой, которые кровопролитием, братской междоусобицей по всей стране выполняли "дело сатаны", и предал их анафеме[3]. Большевики и советская власть в послании нигде не упоминались, но оно было воспринято как выражение контрреволюционного настроения.

20 января был принят и 23 января опубликован декрет СНК, вошедший в историю под названием "Об отделении церкви от государства и школы от церкви". Он заложил основы будущего бесправного положения Церкви, хотя содержал и ряд демократических положений, в том числе о свободном исповедании любой религии. Однако в декрете провозглашалось запрещение религиозным обществам владеть

---

[1]Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. Вып. 2. М.: Изд-е Соборного Совета, 1918. С. 6.

[2]Церковные Ведомости (Прибавления), 1918, № 1. С. 23–27, № 2. С. 82–83; Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. VI. Вып. 1. М.: Изд-е Соборного Совета, 1918. С. 58–59; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.,), ф. 143, оп. 1, д. 84, л. 31 об.

[3]РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 792, л. 9 об.

собственностью, лишение их прав юридического лица и национализация церковного имущества. Эти ограничения были вызваны прежде всего политическими и идеологическими соображениями, именно они наиболее отягощали практический смысл декрета для Церкви[1].

Духовенство и миряне, болезненно воспринимавшие антирелигиозную ориентацию советской власти, отрицательно встретили и указанный закон. 27 января Собор утвердил воззвание "К православному народу", призывая верующих объединиться под церковными знаменами для защиты святынь. В различных городах страны прошли многолюдные крестные ходы, причем некоторые из них были расстреляны, в общественных местах устраивались богослужения в поддержку Патриархии, в адрес правительства отправлялись коллективные петиции и т. д. В России начался массовый религиозный подъем. В 1918 г. к Православной Церкви, гонимой, а не господствующей, как ранее, пришли тысячи новообращенных, в том числе видные представители интеллигенции. Распространению религиозности способствовали и бедствия гражданской войны. В Петрограде, а затем по всей стране создаются массовые организации — союзы, братства, комитеты мирян и т. д. Возник и "Всероссийский союз объединенных приходов Православной Церкви"[2].

События зимы—весны 1918 г. оказались неожиданными для Совнаркома, рассчитывавшего на быстрое и относительно безболезненное воплощение декрета в жизнь. Однако этому помешало прежде всего недовольство многомиллионного крестьянства. Если оно в целом поддерживало отчуждение церковно-монастырской собственности, то в отношении ведения гражданской метрикации, лишения приходов имущественных прав, устранения из школ Закона Божия отреагировало негативно. Крестьянство выступало против обмирщения традиционного уклада жизни, ломки незыблемых устоев жизни по вере в российской деревне. Мешали проведению декрета и отсутствие подготовленных работников, непоследовательность местных властей, различное понимание и толкование норм закона.

Даже в обстановке сопротивления правительственным указам Церковь не отступала от своей избранной линии. Правда, 18 марта Патриарх Тихон написал свое единственное открыто политическое воззвание с осуждением Брестского мира. Но примерно в то же время отказался благословить начинающееся белое движение. А после переезда правительства в Москву церковное руководство попыталось вступить с ним

---

[1]Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ), 1918, № 18, ст. 263; *Титлинов Б. В.* Указ. соч. С. 116.

[2]Церковные Ведомости, 1918, № 3–4. С. 20–22; Петроградский Церковно-епархиальный Вестник, 1918, 27 февраля, 4 мая; *Введенский А. И.* Церковь и государство. С. 221; ЦГА СПб., ф. 143, оп. 3, д. 5, лл. 48–53, 72–73.

в непосредственные контакты. 27 марта в Совнарком пришла соборная делегация, выразившая свое несогласие с январским декретом. В ходе переговоров ей дали понять, что СНК не настаивает на толковании этого закона в худшую сторону и последний может быть дополнен новым, более либеральным декретом. Во втором заявлении церковной стороны уже отмечались лишь наиболее неприемлемые пункты, вроде национализации всех церковных имуществ. Возникла основа для компромисса. Управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич дал обещание привлечь священнослужителей к дальнейшей работе над законом о культах, но оно так и не было выполнено. Постепенно переговоры заглохли, не приведя к реальным результатам[1].

После их срыва, с мая—июня 1918 г., антицерковные мероприятия резко активизировались. Это происходило в контексте общего ужесточения внутренней политики РКП(б). 8 мая при Наркомате юстиции был создан VIII (позднее V) отдел по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства во главе с П. А. Красиковым. Вскоре возникла система его местных органов при губисполкомах. 10 июля V Всероссийский съезд Советов принял Конституцию РСФСР, которая вводила ограничение политических прав в отношении служителей культа. В ответ на определение Поместного Собора “О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь”, наметившее некоторые защитные действия, СНК 30 июля принял постановление “О набатном звоне”. Согласно ему, за участие в созыве населения набатом виновные предавались суду трибунала. 24 августа наконец появился документ, разъяснявший многие спорные аспекты положения Церкви. Но вопреки ожиданиям духовенства это оказался не новый закон, а инструкция Наркомата юстиции о порядке проведения в жизнь прежнего декрета, еще более ужесточившая требования властей. На реализацию ее статей отводился явно недостаточный двухмесячный срок[2]. На практике процесс осуществления декрета затянулся на несколько лет, во многих губерниях России до 1921 г.

Обеспокоенные медленной реализацией своих директив, наметившимся совместным противостоянием им представителей различных конфессий, к концу лета власти решили использовать карательные меры. В это же время обострение политической ситуации в стране в целом вызвало появление постановления о “красном терроре”. Он самым непосредственным образом затронул духовенство, погибли сотни священников, монахов, архиереев. В сентябре 1918 г. были ликвидированы братства приходских советов, закрыто большинство церковных

---

[1]РГИА, ф. 833, оп. 1, д. 56, лл. 23–25.

[2]СУ, 1918, № 17, ст. 628, № 62, ст. 685; Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. Вып. 3. М.: Изд-е Соборного Совета, 1918. С. 55–57.

органов печати, из-за противодействия властей прекратил свою деятельность Поместный Собор и т. д.[1]

Процесс подлинного обновления русского Православия оказался прерван в самом начале. Продлись Собор в 1919 г., церковная организация, несомненно, продвигалась бы дальше по пути реформ, все больше приобретая черты живого динамичного организма. Октябрьский переворот, прекратив процесс возрождения Церкви, постепенно ликвидировав демократические преобразования ее жизни и дискредитировав саму идею реформаторства путем внедрения в 1920-е гг. обновленчества, по сути, стал своеобразной религиозной "контрреволюцией". Кроме того, основной идеолог преобразований — либеральная церковная интеллигенция, не принимая Октябрь, и в целом занимала все более консервативные позиции. Ярко выраженная антирелигиозная направленность деятельности СНК, тяжелейшие удары по Церкви, нанесенные уже в течение первого года после Октябрьской революции и серьезно поколебавшие многие ее устои, также стали одной из важнейших причин неудачи миротворческой функции Патриархии. Антицерковные акции сильнейшим образом отразились на сознании всех основных социальных слоев России и явились существенным фактором ужесточения гражданской войны.

В ответ на гонения в своем самом резком послании Совнаркому от 26 октября 1918 г. Патриарх Тихон писал: "Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы, ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство... И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции". Через месяц — 24 ноября Патриарх был впервые подвергнут домашнему аресту[2].

Дальнейшее разрастание гражданской войны сопровождалось в начале 1919 г. новым ужесточением антирелигиозной политики РКП(б). Расчет строился на полном и недолгом отмирании Церкви и религии, которые определялись не более как предрассудки. Считалось, что их может достаточно быстро преодолеть "целенаправленная система воспитания" и "революционного воздействия", в том числе насильственного. Позднее в советской атеистической литературе этот период борьбы с Церковью получил название "бури и натиска". Подобные взгляды получили отражение в принятой в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) Программе партии. По существу, в ней ставилась задача тотального наступления на религию, говорилось о грядущем "полном отмирании религиозных предрассудков"[3].

---

[1]ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 82, лл. 60–61, д. 83, л. 7; *Вострышев М.* Божий избранник: Крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. М.: Современник, 1990. С. 88–89.

[2]*Алексеев В. А.* Вначале был декрет // Диалог, 1991, № 4. С. 90.

[3]КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. С. 114.

Для реализации намеченной цели вводились все новые ограничения религиозной деятельности. 3 апреля 1919 г. Наркомат юстиции установил, что дозволенные добровольные денежные сборы верующих могут быть производимы "лишь на нужды определенного храма", хотя практически в тот период подобное требование являлось неосуществимым. Тяжелым ударом для Церкви стало полное запрещение в начале 1919 г. преподавания всех вероисповеданий детям до 18 лет. Развернулось наступление на монастыри, хотя первоначально допускалось их существование при условии преобразования в трудовые артели и коммуны. С конца 1918 г. стали закрывать обители. Всего до 1921 г. было национализировано более половины имевшихся в России монастырских комплексов — 722[1]. Одним из самых сомнительных шагов органов советской власти в их религиозной политике стала широкомасштабная кампания по ликвидации святых мощей. Она никак не согласовывалась с принципами декрета об отделении и являлась грубым вмешательством в сугубо внутренние дела Церкви, попыткой, по сути, регулировать канонические нормы ее жизни и богослужебную практику. Первые подобные случаи относятся к лету 1918 г., а с весны 1919 г. они приобрели массовый характер. Эти акции были расценены как действенное средство антирелигиозной пропаганды и получили полное одобрение в Совнаркоме. 14 марта Наркомат юстиции принял постановление с указанием, что "вскрытие мощей... необходимо приветствовать"[2].

На Церковь также смотрели, как на источник беспрепятственного пополнения государственной казны. В 1919 г. начались внешнеторговые операции со спекуляцией ценностями, в том числе церковными. Соответственно развернулось их изъятие из храмов — только в Петрограде за вторую половину 1919 г. вывезли в государственные хранилища церковных ценностей на 1915 тыс. рублей.

В то же время в руководстве РКП(б) не было единства в отношении религиозной политики. Группа "непримиримых" считала, что все духовенство реакционно и необходимо неослабно бороться с Церковью до ее полного уничтожения. "Государственники" же полагали, что целесообразно произвести раскол в Патриархии, выделить "прогрессивную" часть духовенства и, предоставив ей определенные льготы, использовать в своих целях. Свое собственное видение содержания и способов "церковной политики" имели НКВД и ВЧК, практически пытавшиеся развалить Патриархию изнутри еще с 1918 г. В годы гражданской войны было осуществлено несколько таких попыток — создание "Исполнительного комитета духовенства" в Москве, деятель-

[1] Революция и церковь, 1919, № 3–5. С. 67–69; *Зыбковец В. Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М.: Наука, 1975. С. 72, 94, 98–105.

[2] ЦГА СПб., ф. 142, оп. 1, д. 5, л. 27, ф. 1000, оп. 79, д. 24, лл. 14–17.

ность "Народной церкви" в Пензе, "илиодоровщина" в Царицыне[1]. Однако все они закончились неудачей, подавляющая часть духовенства и мирян оставалась верна Патриарху.

Политика же высшего церковного руководства в 1919–1920 гг. претерпела определенные изменения. По мере превращения большевистской партии из относительно небольшой организации в мощную силу, фактически правившую страной, Патриарх и его окружение начали использовать тактику сочетания признания новой власти с отстаиванием самостоятельности Церкви, опираясь на провозглашенный принцип отделения ее от государства. В послании от 8 октября 1919 г. Патриарх призвал духовенство "уклоняться от участия в политических партиях и выступлениях", подчиняться "велениям" советской власти[2]. Несмотря на все препятствия, Православной Церкви в годы гражданской войны частично удавалось сохранять многие свои структуры. Продолжали функционировать тысячи приговоренных к закрытию домовых храмов, в том числе в столицах, действовали богословские учебные заведения, осуществлялась религиозная благотворительность, устраивались общегородские крестные ходы (в Петрограде до осени 1921 г.) и т. д.

Естественно, не все духовенство придерживалось нейтральной линии. Небольшое число священников служило бойцами в Красной армии. Правая же часть активно проявляла себя на территориях, занятых белогвардейскими формированиями. В ходе войны отторгнутые от Патриархии епархии переходили на самоуправление, организуя местные центры. С ноября 1918 г. действовало Временное Высшее Духовное Управление в Сибири и Приуралье, такой же орган возник на юге России в мае 1919 г. Нередко их втягивали в политическую борьбу. В белых армиях служило военное духовенство — в войсках Колчака около 2 тыс., у Деникина — более 1 тыс., Врангеля — более 500[3]. Значительная их часть впоследствии оказалась в эмиграции.

Подобные факты, несмотря на то, что руководство Патриархии старалось не провоцировать конфликтных ситуаций, служили питательной средой для новых антицерковных акций. В 1920 г. государственные органы в основном продолжали придерживаться тактики вытеснения религии из всех сторон жизни. В соответствии с циркуляром Наркомата юстиции от 18 мая в РСФСР была проведена ликвидация почти всех епархиальных советов. К лету по стране в целом произвели 58 вскрытий мощей и правительство решило полностью завершить эту кампанию. 29 июля Совнарком утвердил предложения Наркомата

[1] *Одинцов М. И.* Указ. соч. С. 24–25; *Васильева О., Кнышевский П.* Бриллианты для диктатуры пролетариата // Санкт-Петербургская панорама, 1992, № 8. С. 28.

[2] *Боголепов А. А.* Церковь под властью коммунизма. С. 23; Советская Россия, 1991, 25 января.

[3] *Плаксин Р. Ю.* Указ. соч. С. 124–125.

юстиции "О ликвидации мощей во всероссийском масштабе". Однако сохранившийся значительный авторитет Церкви помешал полному осуществлению задуманного плана. Через 8 месяцев секретный циркуляр Наркомюста от 1 апреля 1921 г. фактически признал поражение в этом вопросе. К осени 1920 г. завершилась национализация церковного имущества. Согласно отчету VIII отдела Наркомата юстиции, к этому времени было изъято 7150 млн. руб., 828 тыс. десятин монастырской земли, 1112 доходных домов и т. д.[1]

Но подрыв материальной базы и административные гонения не приблизили к поставленным целям. Первый период антирелигиозного наступления не принес тех результатов, на которые рассчитывали некоторые теоретики большевизма (например, Н. И. Бухарин). Большинство населения страны, несмотря ни на какие варварские методы по отрыву людей от Церкви, продолжало оставаться верующим. Партриархия также вышла из гражданской войны в своей основе несокрушенной.

Постепенно руководство РКП(б) пришло к пониманию необходимости изменения тактики борьбы с Церковью, прекращения ее "военных приемов и методов". Акценты в этой борьбе начали смещаться в плоскость активизации пропагандистских усилий среди населения. Была проведена централизация соответствующей работы по партийной линии. С августа 1920 г. начал функционировать организованный отдел пропаганды и агитации ЦК РКП(б). 12 ноября Совнарком принял декрет о создании Главного политико-просветительного комитета республики во главе с Н. К. Крупской. При губкомах партии появились антирелигиозные семинары для подготовки квалифицированных пропагандистов и т. д. А весной 1921 г. В. И. Ленин уже писал секретарю ЦК В. М. Молотову по поводу появления в печати одного из лозунгов к первомайским праздникам, что по случаю Пасхи надо рекомендовать не разоблачать ложь, а избегать всякого оскорбления религии[2]. Вводившаяся в стране новая экономическая политика значительно скорректировала позицию руководителей государства по данному вопросу. Она требовала сделать более терпимым отношение к религиозным организациям, особенно в деревне, подавляющая часть населения которой оставалась верующей. "Кавалерийская атака" на Церковь не удалась.

Центральным стержнем советской религиозной политики в годы нэпа были периодически повторяющиеся попытки подчинить Православную Церковь, поставить ее под полный контроль, сделать в конечном итоге придатком государственного аппарата. Для достижения этой цели применяли любые средства. Назревавшее устано-

---

[1]Там же. С. 88; *Титлинов Б. В.* Указ. соч. С. 157; ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 4, д. 73, лл. 83–84.

[2]*Воронцов Г. В.* Ленинская пропаганда атеистического восприятия в действии. С. 30.

вление дипломатических отношений со странами Запада в перспективе требовало смягчения ситуации вокруг "религиозного вопроса". И в начале 1922 г. в ЦК РКП(б) и СНК пришли к выводу, что руководство Православной Церковью должно взять в свои руки духовенство, лояльное советской власти и правительству. А уже с этим духовенством и предполагалось на время нормализовать отношения.

21 марта в докладной записке ГПУ в Политбюро весьма откровенно говорилось о необходимости произвести своеобразный "переворот": "ГПУ располагает сведениями, что некоторые местные... иереи стоят в оппозиции реакционной группе Синода и что они в силу канонических правил и других причин не могут резко выступить против своих верхов, поэтому они полагают, что с арестом членов Синода им предоставляется возможность устроить церковный собор, на котором они могут избрать на патриарший престол и в Синод лиц, настроенных более лояльно к Советской власти. Оснований для ареста Тихона и самых реакционных членов Синода у ГПУ и его местных органов имеется достаточно. ГПУ находит: 1) что арест Синода и патриарха сейчас своевременен, 2) что допущение духовного собора на предмет избрания нового Синода и патриарха сейчас тоже возможно..."[1]. Предложения карательных органов попали на благоприятную почву, хотя "операция" по тактическим соображениям оказалась отсрочена на полтора месяца.

В недавно рассекреченной докладной записке Л. Д. Троцкого от 30 марта, без возражений утвержденной Политбюро, была практически сформулирована вся тактическая и стратегическая программа деятельности партийного и государственного руководства по отношению к обновленческому духовенству, провоцированию раскола в Русской Церкви: "Если бы медленно определяющееся буржуазно-соглашательское сменовеховское крыло церкви развилось и укрепилось, то оно стало бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в ее нынешнем виде... Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать, как опаснейшего врага завтрашнего дня. Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью. В этой борьбе мы должны опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально... Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей; во-вторых, заставить довести их эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии... Попутно расправляемся вечекистскими способами с контрреволюционными попами... К моменту созыва собора нам надо подготовить теоретическую пропагандистскую кампанию против обновленной церкви. Про-

[1] Архив Президента Российской Федерации, ф. 3, оп. 60, д. 63, л. 29.

сто перескочить через буржуазную реформацию церкви не удастся. Надо, стало быть, превратить ее в выкидыш..."[1]. Таким образом, власти изначально планировали использовать обновленцев в своих целях, явно переоценивая их возможности, а затем выбросить, как отработанный материал. Правда, на практике сопротивление "тихоновцев" оказалось гораздо сильнее, чем предполагалось, поэтому в обновленцах продолжали нуждаться и, соответственно, поддерживать их еще несколько лет.

Ситуация, значительно облегчившая наступление на Церковь, сложилась вследствие страшного голода в Поволжье. В Политбюро ЦК РКП(б) некоторое время шла борьба по вопросу отношения к духовенству. А. Рыков, Л. Каменев, М. Калинин выступали против применения"решительных мер" к священнослужителям, на чем настаивал Л. Троцкий (он был ответственным от Политбюро за проведение кампании по изъятию ценностей), Г. Зиновьев, Н. Бухарин и некоторые другие. В. И. Ленин сначала колебался. Однако первые спровоцированные столкновения при конфискации ценностей дали повод перейти в наступление на "церковных мракобесов" и изменили расстановку сил, и Ленин поддержал Троцкого и его сторонников[2]. В своем письме В. М. Молотову для членов Политбюро 19 марта 1922 г. он писал: "...данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову... Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей... мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления"[3]. Ставилась и цель создания золотого запаса для нужд государства.

После первых сообщений о голоде в Поволжье Православная Церковь сразу же откликнулась на это событие. Еще в августе 1921 г. она создала епархиальные и Всецерковный комитеты для оказания помощи голодающим. В короткий срок было собрано около 9 млн. рублей. Но такая помощь значительно поднимала авторитет Церкви в глазах народа. Это никак не соответствовало намечавшимся планам. Решением правительства Всецерковный комитет был закрыт, собранные средства реквизированы. Газеты тогда писали, что советская власть имеет возможности справиться с голодом и сама. Однако последний неудержимо рос. И 9 декабря Президиум ВЦИК постановил разрешить сборы религиозным управлениям и отдельным религиозным общинам, поручив государственному комитету помощи голодающим (Помгол) войти в сношение с ними о форме сбо-

---

[1]Там же, лл. 73–74.

[2]*Алексеев В. А.* Был ли патриарх Тихон "вождем церковной контрреволюции"? // Диалог, 1990, № 10. С. 96.

[3]Новые документы В. И. Ленина (1920–1922 гг.). С. 191.

ра пожертвований, учитывая их желание. Вскоре Помгол предложил Церкви добровольно сдавать ценности, не имеющие богослужебного употребления. Патриарх дал согласие и 19 февраля выпустил послание: "Разрешить приходским советам жертвовать не богослужебные предметы"[1]. Очень активно сбор средств шел в Петрограде.

Декрет ВЦИК от 23 февраля о немедленной конфискации местными советами всех драгоценных предметов, "изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа"[2], имевший явно антицерковную направленность, был полной неожиданностью для духовенства. Позднее, на допросах, находившийся уже под арестом Патриарх подтвердил, что пока он вел переговоры с Помголом, "за спиною" был выпущен декрет[3]. Различные инструкции, реальные действия местных властей показывают, что этот документ трактовался очень широко. На практике проводилась линия лишения Церкви наиболее почитаемых верующими святынь. В ответном послании Патриарха от 28 февраля насильственное изъятие называлось святотатством, религиозным общинам возбранялась передача священных предметов, но при этом они призывались к милосердию и щедрости в сборе иных средств. Так вспыхнул новый трагический конфликт Церкви с государством. В результате в 1922–1923 гг. было физически уничтожено 8100 священников и монахов[4].

Подводя итоги кампании по изъятию церковных ценностей, следует отметить, что надежды ЦК РКП(б) на легкое обогащение не оправдались. Все расчеты относительно сотен миллионов или даже миллиардов золотых рублей, о которых писал В. Ленин, оказались мифом. Несмотря на непрерывное подстегивание местных властей Л. Троцким, лично заинтересованным в этой акции, так как определенная часть добытых сумм должна была пойти на нужды возглавляемой им Красной армии, во многих регионах операции проводились очень неохотно. Так, 4 мая руководящий орган партии с горечью постановил: "Заслушав сообщение о ходе кампании по изъятию ценностей, Политбюро констатирует крайнюю медлительность и вялость ее проведения и ставит это на вид всем ее участникам"[5]. Всего же, согласно ведомости ЦК Последгола от 1 ноября 1922 г., оказалось собрано, помимо 964 антикварных вещей, церковных драгоценностей на 4651 тыс. золотых рублей. Причем из них более четверти осталось на местах, губернские власти также желали иметь "на черный день" свой резервный фонд[6]. Таким образом, в центр поступило лишь около 3,5 млн. золо-

---

[1] *Регельсон Л.* Указ. соч. С. 278–279.

[2] Красная газета, 1922, 23 февраля.

[3] *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Т. 1–3. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 341.

[4] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 106.

[5] Архив Президента Российской Федерации, ф. 3, оп. 60, д. 63, л. 62.

[6] Там же. Л. 76–77.

тых рублей, из которых на нужды голодающих, судя по всему, пошла меньшая часть.

Но если первая цель антицерковной кампании в значительной мере достигнута не была, то вторая первоначально увенчалась бóльшим успехом. В мае 1922 г. началась "церковная революция", породившая раскол и смуту среди духовенства и верующих. Возникшее обновленческое движение по своему составу было очень неоднородным. Известная часть духовенства желала проведения некоторых назревших реформ церковной жизни и поэтому пошла в фарватере обновленчества, не зная, на первых порах, каких конкретно сторон коснется это реформаторство. Большинство же рядовых участников движения оказалось включено в него самой логикой развития событий. После ареста Патриарха Тихона и вынужденного отказа его 12 мая 1922 г. от руководства Православной Церковью обновленцы более года доминировали в церковной жизни страны[1].

Во многих районах, в том числе в Петрограде, они первоначально встретили решительное сопротивление. 28 мая митрополит Вениамин (Казанский) в своем послании к пастве отлучил петроградских обновленцев от Церкви. Именно это стало основной причиной его ареста. С 10 июня по 5 июля 1922 г. в городе проходил судебный процесс над 86 священнослужителями и мирянами. Их обвиняли в организации сопротивления изъятию церковных ценностей. Надуманность процесса была очевидна, и все же четверых обвиняемых, в том числе митрополита Вениамина, расстреляли в ночь на 13 августа[2]. На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 1992 г. в числе других новомучеников канонизировали и четверых петроградских.

Преобладающая часть прихожан была настроена к обновленцам враждебно, верующие оказывали всяческую поддержку тем священникам и архиереям, которые не подчинялись постановлениям обновленческого Высшего Церковного Управления. Занимавшие такую позицию иерархи переходили на самостоятельное автокефальное управление.

К концу 1922 г. при активной поддержке государства обновленцы все же смогли занять две трети из 30 тысяч действовавших в то время церквей. На своем майском 1923 г. "Соборе" они приняли решение о лишении Патриарха его сана. Но уже вскоре ситуация кардинально изменилась. Желая избежать судебного процесса, который неминуемо нанес бы сильный удар по Православию в целом, и стремясь сохранить

[1] *Кузнецов А. И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви. Т. 1. С. 99–103; *Титлинов Б. В.* Новая церковь. С. 55.

[2] "Дело" митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М.: Российский архив, 1991. С. 8, 23; *Валентинов А. А.* Черная книга ("Штурм небес"). С. 211–212, 220, 235; ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 6, д. 41, л. 135, д. 108, л. 68, оп. 169, д. 1420, л. 44; Петроградская правда, 1922, 30 мая; Красная газета, 1922, 31 мая, 1, 9 июня.

верную традициям Русскую Церковь, 16 июня Патриарх Тихон подал заявление в Верховный Суд РСФСР с раскаянием в своей прежней "антисоветской деятельности" и с просьбой об освобождении из-под стражи. 19 июня комиссия при ЦК РКП(б) рассмотрела заявление и решила добиваться от него внесения в текст некоторых поправок. Под нажимом Патриарх согласился внести часть из них, конкретизировав свою "вину"[1]. 25 июня судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда постановила отменить ранее принятую в отношении "гражданина Беллавина В. И." меру пресечения — содержание под стражей. 27 июня он был освобожден. Существенную роль в этом сыграла и широкая кампания в странах Западной Европы с требованием освободить Патриарха; в тот период советское правительство было вынуждено считаться с ней. Уже в первом послании Первосвятителя к Церкви от 28 июня говорилось о неправомочности "Собора" 1923 г. и его решений[2]. Вскоре число обновленческих приходов резко сократилось.

С начала 1924 г. Патриарх стал добиваться приема у высших государственных руководителей, чтобы донести до них озабоченность состоянием отношений Церкви и государства. Несмотря на противодействие ряда ответственных лиц в ЦК РКП(б) и СНК, в марте он сумел пробиться на беседу к М. И. Калинину и А. И. Рыкову. Особенно благожелательно к нуждам Православной Церкви отнесся председатель СНК. Он обещал помочь в уменьшении налогов с храмов и духовенства, освобождении из ссылок, заключения ряда иерархов, уменьшить давление на религиозные организации со стороны властей и т. д.[3] В то время отнюдь не ставилась задача расправиться с религией "железной рукой пролетариата в два счета". Более того, установился, хотя и не надолго, период сравнительно спокойных отношений властей с церковными организациями, своеобразный "религиозный нэп". Это было вызвано необходимостью обеспечить экономическую и политическую стабильность в стране, укрепить "смычки" города с деревней, преимущественно религиозной, наладить внешнеполитические связи. Инициатором и проводником более мягкого курса являлась группа сторонников Н. Бухарина, некоторое время доминировавшая в партийном руководстве. Она считала возможным даже идти по ряду вопросов на сотрудничество с церковными организациями. Так, на XIII съезде ВКП(б) в мае 1924 г. по предложению М. Калинина было принято решение оказать материальную помощь религиозным сельскохозяйственным кооперативам. В другой резолюции съезда говорилось: "Не-

---

[1] *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. С. 248–251; *Савельев С.* Бог и комиссары (к истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП(б) — антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия: На пути к свободе совести. С. 190–192.

[2] *Регельсон Л.* Указ. соч. С. 342.

[3] *Алексеев В. А.* Указ. соч. С. 256–257.

обходимо решительно ликвидировать какие бы то ни было попытки борьбы с религиозными предрассудками мерами административными вроде закрытия церквей... Особо внимательно необходимо следить за тем, чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на годы и десятки лет рассчитанной работой просвещения..."[1] 21 марта ЦИК СССР принял специальное постановление о прекращении дела по обвинению в антисоветских преступлениях Патриарха Тихона. Суд над ним, как этого ни добивались "борцы с религией", так и не состоялся. 25 августа при Председателе ВЦИК для рассмотрения дел и жалоб по религиозным вопросам (на решения губисполкомов о закрытии храмов, расторжении договоров с 20-ми и т. п.) был организован Секретариат по делам культов[2].

Патриарх не прекращая усилий в поисках возможностей для созыва Собора, образования церковного управления, признанного гражданской властью. 28 февраля 1925 г. он официально обратился в НКВД с ходатайством о регистрации Временного Патриаршего Священного Синода из 7 иерархов до созыва Поместного Собора. В этом же свете, возможно, следует рассматривать и послание Патриарха к Церкви, подписанное в день его кончины 7 апреля и при опубликовании в газетах неправомерно получившее название "Завещание". В нем указывалось: "...не погрешая против нашей веры и Церкви, не переделывая чего-либо в них, словом, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее..."[3] Правда, подлинность этого документа многими ставилась под сомнение. Смерть Патриарха явилась большой и невосполнимой утратой для Русской Церкви. 12 апреля он был торжественно погребен в Донском монастыре. В тот же день 59 иерархов, прибывших на похороны Тихона, ознакомившись с завещанием Патриарха о Местоблюстителе, подписали заключение о вступлении в эту должность митрополита Крутицкого Петра (Полянского)[4].

Уже вскоре, 10 декабря 1925 г., он был арестован и руководство Церковью перешло к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митр.

---

[1] Известия ВЦИК, 1924, 3 июня.

[2] *Гидулянов П. В.* Отделение церкви от государства в СССР. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик. М.: Юридическое изд-во, 1926. С. 9.

[3] Известия ВЦИК, 1925, 15 апреля.

[4] Русская Православная Церковь 988–1988. Вып. 2. Очерки истории 1917–1988 гг. М.: Московская Патриархия, 1988. С. 34.

Сергию (Страгородскому)[1]. Последний также подвергался арестам, но 27 марта 1927 г. был окончательно освобожден. 10 мая Заместитель Патриаршего Местоблюстителя послал ходатайство в НКВД о разрешении ему на управление Церковью, а 18 мая созвал в Москве совещание епископов, на котором выступал с проектом организации Временного Патриаршего Священного Синода (ВПСС) из 8 членов. 20 мая НКВД сообщил митр. Сергию, что "препятствий к деятельности этого органа впредь до утверждения его не встречается" (Синод был утвержден в августе). 25 мая состоялось официальное заседание ВПСС, в тот же день по епархиям было разослано постановление, в котором правящим архиереям предлагалось организовать при себе временные (до избрания постоянных) епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти. При викарных епископах предписывалось учреждать благочиннические советы. Так было положено начало работе по созданию на "законных основаниях" всей церковно-административной структуры Патриархата[2].

29 июля митр. Сергием совместно с членами Синода было выпущено "Послание к пастырям и пастве" ("Декларация 1927 г."), где при обращении ко всем верующим заявлялось: "Нам нужно не на словах, а на деле доказать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи..."[3]

Уже в "Декларации" некоторых православных задели слова, расцененные как свидетельство перехода с позиций лояльности и аполи-

---

[1]Сергий (Страгородский Иван Николаевич, 1867–1944) — Патриарх Московский и всея Руси. Закончил Петербургскую Духовную Академию. С 1893 инспектор МДА. 1901 — еп. Ямбургский, 1905 — архиеп. Финляндский. С 1911 — член Синода, с 1913 — председатель миссионерского Совета при Синоде и исп. обязанности председателя Учебного комитета. С 1912 — председатель Предсоборного Совещания. С 10.08.1917 — архиеп. Владимирский и Шуйский. 28.11.1917 возведен в сан митрополита. В 1922 уклонился в обновленчество. В 1924 принес покаяние Патриарху Тихону и с 18.03.1924 — митр. Нижегородский. С 10.12.1925 — Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. 10.11.1926–27.03.1927 находился под арестом. С 1934 — митр. Московский и Коломенский, с 1.01.1937 — Патриарший Местоблюститель. 8.09.1943 избран Патриархом. Скончался 15.05.1944 в Москве.

[2]*Шишкин А. А.* Указ. соч. С. 302–303; *Регельсон Л.* Указ. соч. С. 414–417.

[3]Известия, 1927, 19 августа.

тичности на позицию внутренней духовной солидарности с властью. В сентябрьском 1927 г. отзыве на нее заключенных на Соловках епископов говорилось: "... мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и Государства..."[1]

Сам митр. Сергий после долгих колебаний избрал путь сотрудничества с властями ради преемственности "законного" Православия. Ведь, как не без оснований писал протопресвитер Иоанн Мейендорф: "Согласиться на упразднение патриаршего "центра" означало передачу монополии "легализованной" церковности обновленческому "Синоду" (признанному Восточными Патриархами!!!), который постепенно получил бы пользование всеми открытыми церквами. Но сохранение Патриаршего управления предполагало государственный контроль"[2] Следует отметить, что к весне 1927 г. политика ОГПУ по ликвидации единого центра Патриаршей Церкви была близка к успеху. Шантажируемый угрозой ареста всей православной иерархии, в обмен на "легализацию" Патриархии, митр. Сергий согласился выполнить основные требования властей и прежде всего допустить их вмешательство в кадровую политику: проведение епископских хиротоний с согласия ОГПУ, перемещение архиереев по политическим мотивам и т. п.

Митрополит Сергий при всей своей дальновидности и осмотрительности ошибся в расчетах на то, что его уступки позволят свернуть репрессии священнослужителей. Однако в свете событий последующего десятилетия, когда встал вопрос уже не о подчинении, а полном уничтожении Православия в стране, компромиссная позиция Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, позволившая хотя бы частично сохранить Церковь, представляется во многом оправданной. Но для значительной части духовенства и мирян она оказалась неприемлемой ни при каких обстоятельствах. В Патриаршей Церкви произошли новые разделения, о которых будет рассказано в III главе. Заканчивался период неопределенности, когда судьба Русского Православия еще находилась на распутье. Теперь наступала развязка многолетнего трагического конфликта Церкви и советского государства.

С рубежа 1928–1929 гг. произошло существенное изменение всего курса политики по отношению к религиозным организациям в СССР. Период относительно спокойных контактов с ними сменился длительной полосой крайне воинственного, нетерпимого отношения к Церкви. Это было связано с принятием общего курса руководящей группы ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным на свертывание нэпа, насильственную коллективизацию, обострение классовых отношений в городе и

---

[1] *Иоанн (Снычев), митрополит.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. С. 127–128.

[2] *Регельсон Л.* Указ. соч. С. 616.

деревне и т. д. В период ликвидации нэпманов, кулачества власти обрушились и на Церковь, усматривая в ней инструмент эксплуататорских классов, охранителя старого. Следует отметить, что хотя высшие государственные органы в 1930-е гг. и не ставили задачу полного искоренения религии в стране, некоторые влиятельные общественные организации (например, "Союз воинствующих безбожников") и местные власти эту цель несомненно преследовали[1].

Первые крупные вехи нового курса пришлись на весну 1929 г. 8 апреля ВЦИК и СНК РСФСР приняли закон "О религиозных объединениях", по которому вся жизнь последних окончательно ставилась под контроль государства. В мае XIV Всероссийский съезд Советов изменил статью 4 Конституции РСФСР — вместо "свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды" теперь дозволялась лишь "свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды". В июне на II съезде "Союза воинствующих безбожников" (СВБ) прозвучал лозунг — "борьба с религией есть борьба за социализм", говорилось о необходимости объявления "безбожной пятилетки"[2].

Прежде всего, в связи с разжиганием классовой борьбы в деревне была предрешена участь монашеских коммун, артелей и монашества в целом, как "социальных институтов, чуждых социалистическому образу жизни"[3]. Так, уже 28 марта 1928 г. ОГПУ послало в Ленинградское земельное управление документы, тенденциозно негативно характеризующие хозяйственную и общественную деятельность монастырских сельскохозяйственных коммун и артелей области, и потребовало их ликвидации[4]. Только в 1930 г. были окончательно уничтожены Пятигорский, Черемснецкий, Николо-Беседный, Творожковский монастыри, Троице-Сергиева пустынь. С 1928 г. в СССР начала осуществляться массовая ликвидация церквей "силовым порядком" и не домовых, как раньше, а теперь уже приходских. Если в 1927 г. в России было закрыто 134 молитвенных здания, то в 1928 г. — 542, а в 1929 г. — 1000[5]. Осенью этого года в инструкции местным органам НКВД и советским работникам указывалось на необходимость активизации борьбы на "религиозном фронте".

Начало 1930 г. характеризовалось продолжением натиска. 29 января на заседании исполнительного бюро Центрального Совета СВБ был принят план первой "безбожной пятилетки", по которому, в частности,

---

[1] *Савельев С.* Указ. соч. С. 202.

[2] СУ, 1929, № 35, ст. 353; *Алексеев В. А.* "Правая оппозиция" и борьба с религией // Агитатор, 1989, № 5. С. 41, 43.

[3] *Зыбковец В. Ф.* Указ. соч. С. 111; *Его же.* Безбожники и социалистическая перестройка деревни. М.: Безбожник, 1930. С. 18–19; Правда, 1928, 13 апреля.

[4] Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ), ф. 4727, оп. 3, д. 3, лл. 95-104.

[5] *Регельсон Л.* Указ. соч. С. 476.

предполагалось довести число членов организации до 10 миллионов. 6 февраля незадолго до этого созданная Комиссия по вопросам культов при ВЦИК решила, что процедура закрытия церквей подлежит упрощению, по сравнению с законом от 8 апреля 1929 г. Теперь право окончательного решения вопроса по большинству случаев было передано областным и краевым советам. Наконец, 11 февраля ЦИК и СНК СССР приняли постановление "О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений", в котором правительствам союзных республик предлагалось при регистрации органов центрального управления этих объединений исключать из них кулаков, лишенцев и иных "враждебных советской власти" лиц[1].

К весне 1930 г. ситуация в религиозном вопросе стала критической. Гонения властей вызывали массовые выступления в деревнях, а кое-где, в частности в Псковском округе, происходили и вооруженные столкновения с верующими.

Все это самым неблагоприятным образом сказывалось на создании колхозов. Неудачи в колхозном движении вызвали появление известной статьи И. Сталина "Головокружение от успехов", критиковавшей некоторые прежние методы. 19 февраля 1930 г. митр. Сергий в письме уполномоченному по вопросам культов при Президиуме ВЦИК П. Смидовичу обратил внимание последнего на недопустимость начала создания колхозов "со снятия колоколов" и закрытия храмов. Письмо было рассмотрено, и официально признано, что епископы и священники порой "сами выходили на поле вместе с ударными бригадами"[2]. По выраженной митр. Сергием просьбе, с начала 1931 г., хотя и не всегда регулярно, стал выходить "Журнал Московской Патриархии". 14 марта ЦК ВКП(б) было принято постановление "О борьбе с искривлениями в колхозном движении", осуждавшее перегибы в отношении религии: "Решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. Допускать закрытие церквей лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян и не иначе, как с утверждения постановлений сходов областными исполкомами. За издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности"[3]. Через два дня "Правда" поместила статью об ошибочных методах, которые применялись в некоторых сельсоветах Ленинградской области, где коллективизацию начинали с предложения закрыть церкви. Ленинградские власти быстро отреагировали на их критику[4].

---

[1] *Одинцов М. И.* Указ. соч. С. 45–46.

[2] *Тальберг Н. К* сорокалетию пагубного евлогианского раскола. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1966. С. 79

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М., 1984. С. 104.

[4] ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 13, д. 92, л. 117, ф. 7179, оп. 4, д. 25, л. 157.

Важной причиной временного смягчения политики по отношению к религиозным организациям в СССР было послание Папы Римского Пия XI от 2 февраля 1930 г. с призывом к верующим всего мира о молитве за гонимую Русскую Церковь, существенно подрывавшее международный авторитет советского правительства. Последнее попыталось опровергнуть послание Папы и свернуло некоторые уже подготовленные антицерковные акции.

Отступление от твердого курса оказалось кратковременным. Уже с середины 1931 г. религиозная политика в СССР вновь резко ужесточается. Нарастает новая волна ликвидации церквей большевистскими темпами. Органы власти в ряде регионов страны впервые ставят задачу полного искоренения действующих храмов. Так, в официальном отношении в Ленинградский Областной Совет народного хозяйства от 9 августа 1931 г., подписанном заведующим сектором адмнадзора К. М. Неглюевичем, указывалось: "Сектор адмнадзора при Секретариате ОБЛИКа и Ленсовете сообщает, что, руководствуясь наказами рабочих г. Ленина, мы стремимся закрыть все церкви по городу... " И если в 1931 г. областная комиссия по делам культов рассмотрела 43 вопроса о закрытии храмов, из которых положительно решила 36, то в 1932 г. — из 134 подобных запросов было удовлетворено 133[1].

Несмотря на все усилия, к середине 1932 г. стало ясно, что первая "безбожная пятилетка" провалилась. И в июле рабочий президиум Центрального Совета СВБ рассмотрел вопрос о директивах к составлению II пятилетнего плана безбожников. Состоявшаяся в начале года XVII конференция ВКП(б) определила контуры II народнохозяйственной пятилетки, основной задачей которой ставилось построение "бесклассового социалистического общества". Отсюда и возникла идея ликвидировать капиталистические (а значит, как считалось, и религиозные) пережитки в сознании людей. СВБ поставил утопическую цель — окончательно порвать с религией в бесклассовом обществе[2].

В 1933 г. усилия Комиссии по вопросам культов при ВЦИК хотя бы внешне оставаться в рамках законности слабеют и она все чаще отступает перед силами, открыто ставившими на административный диктат. Так, в феврале Комиссия по настоянию ГПУ приняла постановление "О состоянии религиозных организаций" с призывом проводить решительную линию по сокращению возможного влияния служителей культов в массах трудящихся. В следующем месяце тяжелый удар по духовенству был нанесен при проведении паспортизации населения в крупных городах страны. В Ленинграде, например, из 600 православных священнослужителей примерно 200 было отказано в паспортах, и им пришлось покинуть город. Во второй половине 1933 г., вскоре после запрещения во многих населенных пунктах колокольного звона, началась широкомасштабная кампания по снятию и переплавке колоколов

---

[1]Там же, ф. 1000, оп. 48, д. 77, л. 48.

[2]*Алексеев В. А.* "Штурм небес" отменяется? С. 128–129.

с действующих церквей. Проводилась она по всей стране в соответствии с директивами Совнаркома, тщательный учет бронзы шел по линии ОГПУ[1].

Достигнув к началу 1934 г. пика, гонения на Православную Церковь затем начинают постепенно ослабевать. С весны вновь происходит определенное изменение отношения к религиозным организациям в СССР. В руководящих органах партии, в том числе в Политбюро ЦК ВКП(б) консолидируется умеренная группа во главе с С. М. Кировым, недовольная многими левацкими перегибами в области внутренней политики. На отношение к Церкви повлияло не только некоторое общее смягчение внутренней политики, но и перемены на международной арене — установление дипломатических связей с США, приход в Германии к власти фашистов, а в более глобальном плане отказ, по существу, от концепции разжигания мировой революции. В этих условиях, видимо, начал вырабатываться план сотрудничества с Православной Церковью в сфере внешней политики (осуществленный на практике только через 10 лет — в годы Великой Отечественной войны). Правда, предполагалось сохранить помимо Московской Патриархии и обновленчество, еще более углубив их противостояние, так как староцерковная иерархия, включавшая много епископов дореволюционного поставления, не внушала властям особого доверия.

27 апреля 1934 г. Патриарший Синод при участии других архиереев (всего 21 человек) присвоил митр. Сергию титул “Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский”, т. е. с разрешения властей возвел его на Патриаршую кафедру[2].

Вторая небольшая “оттепель” в отношениях Церкви и государства оказалась еще более кратковременной, чем в 1930–1931 гг. В декабре 1934 г. был убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Киров. Его гибель использовали для нагнетания широкомасштабной кампании репрессий и террора. Она затронула все слои населения, однако особенно пострадали духовенство и рядовые верующие. Церковные организации все более и более обвинялись в контрреволюционной, антисоветской деятельности. Гонения на них в 1935–1938 гг. шли по нарастающей. Требовались все новые жертвы для обоснования концепции И. Сталина об обострении классовой борьбы в обществе по мере строительства социализма. И Церкви отводилось место только в лагере противников этого строительства. В 1937 г. председатель ЦС СВБ Е. Ярославский заявлял, что “религиозные организации — единственные легальные реакционные вражеские организации”, а другой член Центрального Совета Ф. Олещук писал: “Реакционные церковники действуют в одном направлении с троцкистко-бухаринскими

[1] ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 2, д. 20, лл. 5-6, д. 39, лл. 143, 156, оп. 33, д. 204, л. 145, ф. 1000, оп. 51, д. 26, лл. 30-35, 87, 99.

[2] ЖМП, 1934, № 20–21. С. 3–4.

шпионами и диверсантами, буржуазными националистами и прочей агентурой фашизма"[1].

В послании IV расширенного пленума ЦС СВБ И. Сталину в феврале 1938 г. также отмечалось, что перед трудящимися "все ярче обнаруживается реакционная роль религии и гнусная контрреволюционная деятельность религиозных организаций, смыкающихся с фашистскими контрреволюционными элементами". В конце 1930-х гг. общественное мнение уже обрабатывали таким образом, чтобы создать представление о подготовке в стране широкого заговора духовенства, руководимого зарубежными центрами и направленного на свержение советской власти. Для этого органами НКВД выстраивалась версия, что подобные шпионско-диверсионные организации действуют во многих областях СССР [2]. Фактически встал вопрос о самом существовании Православной Церкви, религии в стране.

Летом 1935 г. власти запретили "Журнал Московской Патриархии", а в конце года из-за невозможности пополнить свой поредевший состав прекратил существование Временный Патриарший Священный Синод. В конце 1935 г. возобновились и массовые аресты епископата, духовенства, активных мирян. Особенного размаха они достигли в 1937 г. Руководство антирелигиозной кампанией возглавлял лично нарком внутренних дел Н. И. Ежов. По стране прокатилась волна судебных процессов над священнослужителями по обвинению их в шпионаже и террористической деятельности. К 1938 г. церковная организация оказалась в основном разгромлена.

Только в 1937 г. было закрыто более 8 тысяч церквей, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно около 60 архиереев [3]. О количестве репрессированных иерархов существуют различные мнения. Так, по подсчетам историка и публициста Р. Медведева, в 1936–1938 гг. было арестовано около 800 архиереев (в т. ч. обновленческих, григорианских и т. п.). А. Левитин полагал, что в 1937–1939 гг. погибло около 670 епископов (280 патриарших и 390 обновленческих)[4]. Но эти оценки сильно завышены. Более точен Д. Поспеловский, оценивавший число до 1956 г. скончавшихся насильственной смертью архиереев в 300 человек. Количество же репрессированных священнослужителей этот ученый занижает — 45 тыс. в 1930-е гг. и еще 5–10 тыс. в 1918–1929 гг.[5] В ноябре 1995 г. председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических

---

[1] *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. С. 322–323.

[2] *Его же.* Цели разные, участь общая // Агитатор, 1989, № 21. С. 39–40.

[3] *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви, 1917–1990. С. 106; *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Т. 1. С. 178–180.

[4] *Алексеев В. А.* Указ. соч. С. 327; Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925–1941. С. 322.

[5] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 170–171.

репрессий А. Яковлев привел следующие данные: за годы советской власти в СССР были уничтожены 200 тысяч священнослужителей, еще полмиллиона подверглись репрессиям[1]. Но эта информация явно неточна, хотя она касается представителей всех конфессий. В указанную цифру включены, вероятно, и православные церковнослужители: псаломщики, дьячки, сторожа храмов и т. п., а также миряне, проходившие по церковным делам. Наиболее точными представляются подсчеты Комиссии по реабилитации Московской Патриархии — 350 тыс. репрессированных за веру к 1941 г. (в том числе не менее 140 тыс. священнослужителей). Из них 150 тыс. было арестовано в 1937 г. (80 тыс. расстреляно). Последняя цифра почти совпала с данными, указанными А. Яковлевым в его недавней книге — за 1937–38 гг. репрессировано 165,2 тыс., в т. ч. 106,8 тыс. расстреляно[2].

К осени 1938 г. антирелигиозная политика государственных органов достигла пика своего развития. 7 октября Президиум Верховного Совета РСФСР постановил отменить положение о Центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов[3]. Это означало уничтожение самой возможности контакта Церкви и государства. К тому времени в среде партийного и советского актива получило широкое распространение мнение о необходимости полной ликвидации законодательства о культах и в частности постановления ВЦИК и СНК РСФСР "О религиозных объединениях" 1929 г. С таким предложением к И. Сталину обращался, в частности секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков. Выдвигалось и требование "покончить в том виде, как они сложились, с органами управления церковников, с церковной иерархией"[4]. С 1938 г. единственной организационной структурой, занимавшейся религиозной политикой, оставался специальный церковный отдел в НКВД.

Однако разгром церковной организации не привел к желательным для властей результатам. С уничтожением большей части духовенства не исчезла вера в Бога у колоссального количества людей. Даже на страницах органа ЦК ВКП(б) журнала "Большевик" появилось признание, что отсутствие молитвенных зданий и служителей культа не дает преодоления церкви, такого рода борьба "лишь укрепляет позиции религиозных организаций"[5]. Наглядно показали истинную ситуацию в стране результаты переписи 1937 г., включавшей вопрос о

[1] Известия, 1995, 29 ноября.

[2] *Емельянов А.* Репрессии духовенства и мирян Русской Православной Церкви в 1917–1941 гг.: Конференция в Российском государственном историческом архиве. СПб., 1995; *Яковлев А. Н.* По мощам и елей. М.: Евразия, 1995. С. 94–95.

[3] ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 69, л. 21.

[4] *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России. XX век. С. 96.

[5] *Фоминов Н.* Против благодушия и беспечности в антирелигиозной работе // Большевик, 1937, № 20. С. 43.

религии. Из 97 521 тыс. ответивших на него — 55 278 тыс. (56,7%) заявили о своей вере в Бога[1]. Очень многие в обстановке террора, когда людей порой арестовывали лишь за то, что у них дома хранилась Библия, уклонились от ответа. Учитывая это обстоятельство, можно предполагать, что в СССР в тот период не менее половины граждан верило в Бога. Неудача планов искоренения религии становилась все более очевидной. И уже в конце 1938 г. появляются первые симптомы намечавшегося нового изменения курса государственной политики по отношению к религиозным организациям в СССР.

К началу второй мировой войны данная политика прошла через три основных этапа. На эти этапы делится и история Русской Церкви в целом в первые два десятилетия советской власти. Осень 1917–1921 гг. являлась временем "бури и натиска", жестокого, но бессистемного преследования Русской Церкви при одновременном поощрении некоторых других конфессий. Был принят ряд законодательных актов, не только отделявших Церковь от государства, но и ставивших ее в дискриминационные по сравнению с иными общественными организациями положение. Окончание гражданской войны, введение нэпа потребовали изменения религиозной политики в сторону ее смягчения. Правда, в 1922 г. государственным органам удалось произвести обновленческий раскол в Русской Церкви и этим серьезно ослабить ее. А в 1927 г. благодаря своеобразному компромиссу, заключенному с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергием, Московская Патриархия была в значительной степени поставлена под контроль государства. В то же время к концу 1920-х гг. влияние ее вновь усилилось, согласно ряду опросов религиозность населения вновь начала расти. Правительство было вынуждено признать, что Патриархия уже не является "изнеженной церковью эпохи царизма", она смогла разработать "целый арсенал" средств влияния и связи с массами сообразно советским условиям, сумела закрепить свои нынешние позиции[2]. Второй этап, начавшись в 1922 г., завершился в 1928 г.; третий (1929–1938 гг.) уже характеризуется целенаправленной политикой разгрома религиозной жизни в СССР. Репрессии привели к почти полному истреблению легального духовенства всех конфессий. К 1939 г. властям в значительной степени удалось создать видимость безбожного государства, но она была иллюзорна. Перепись 1937 г. показала, что более половины населения продолжало оставаться верующими.

---

[1]Всесоюзная перепись 1937 г. Краткие итоги. М.: Институт Истории СССР АН СССР, 1991. С. 106–107.

[2]Против религии. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 7–8.

Глава II

ИЗМЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

§1. Положение Русской Церкви накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.)

В конце 1938 г. период открытого, активного наступления на Церковь подходил к своему завершению; появились первые симптомы намечавшегося изменения прежней линии. Неудача планов искоренения религии была очевидна. После отстранения от руководства НКВД Н. И. Ежова в рамках общего пересмотра многих следственных дел были освобождены и сотни священнослужителей, в том числе несколько архиереев: архиепископ Иоанн (Соколов), епископ Иосиф (Чернов) и др. В закрытых циркулярах различных административных органов стали появляться указания проявлять сдержанность в ликвидации храмов.

Отчасти это было связано с постепенным общим изменением курса советского правительства с интернационально-коммунистического на национально-патриотический. Подобные перемены начались вскоре после прихода к власти в Германии фашистов, но в конце 1930-х гг. они значительно усилились. Так, в 1937 г. ведущий советский исторический журнал "Историк-марксист" опубликовал статью о значении Крещения Руси. Автор ее, известный историк С. В. Бахрушин, давал положительную оценку этому событию, открывшему для России современный ей мир европейской культуры через посредничество развитого государства, центра науки и культуры того времени, каким была Византия[1]. Даже журнал "Безбожник" в свете исполнения 950-летия одного из известнейших событий в истории России был вынужден пойти тем же путем и в номере 5 за 1938 г. выступил со статьей Грекулова "Крещение Руси". С этих пор подобное отношение к христианизации Русского государства стало официальной советской доктриной. В 1938 г. был поставлен знаменитый фильм С. Эйзенштейна "Александр Невский", прославлявший святого князя, мощи которого в мае 1922 г. оказались вскрыты, а через 4 месяца изъяты из Троицкого собора Александро-Невской Лавры и переданы в антирелигиозный музей[2] и т. д.

---

[1] *Бахрушин С. В.* К вопросу о Крещении Руси // Историк-марксист, 1937, № 2. С. 40–77.

[2] Мощи св. князя Александра Невского сохранились. 3 июня 1989 г. они были переданы Русской Православной Церкви и возвращены в Троицкий собор.

Но вплоть до осени 1939 г. серьезных перемен все же не произошло. Значительную активность проявлял "Союз воинствующих безбожников". Его руководитель Е. Ярославский, выступая в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), заявил: "Товарищ Молотов... был тысячу раз прав, когда указал при открытии съезда, что с точки зрения наших внутренних задач центр тяжести переносится теперь на вопросы воспитательные, на вопросы коммунистического воспитания, на задачу ликвидации столь живучих пережитков капитализма в сознании трудящихся. А если так, то можем ли мы в связи с этим ослабить или ликвидировать на ближайший период нашу работу по борьбе с таким живучим предрассудком, как религия, можем ли мы ослабить нашу пропаганду?" Разумеется, нет, отвечал Е. Ярославский и призывал еще более активизировать борьбу с религией и церковниками "всех мастей"[1]. По-прежнему в выступлениях председателя Центрального совета СВБ священники объявлялись врагами народа. К примеру, встречаясь в апреле 1939 г. с активом СВБ Москвы, он разъяснял: "Враги социализма действуют через религиозные организации. А в тех районах, где нет религиозных организаций, нет ни церкви, ни мечети, ни синагоги, нередко имеется переезжающий с места на место "бродячий поп-передвижка" или осели бывшие обитатели монастырей, орудуют развенчанные вожаки религиозных сект, бывшие церковные старосты и тому подобные бывшие люди"[2].

Чтобы продолжить существование СВБ, Е. Ярославский направлял его на борьбу за "исправление партлинии по религиозному вопросу" с профсоюзами, работниками просвещения, прессы и особенно комсомолом. В первом же номере журнала "Антирелигиозник", вышедшем после завершения XVIII съезда ВКП(б), помимо публикации решений последнего и речи на нем Е. Ярославского, были помещены два материала о недостатках в антирелигиозной работе комсомола, прежде всего в Средней Азии[3]. Выступая через несколько месяцев со статьей в журнале "Большевик", член Центрального совета СВБ Ф. Олещук также указал на слабую работу комсомола в Средней Азии, обвинив в ней ЦК ВЛКСМ. Эта статья подводила "теоретическую базу" под призывы об активизации борьбы на "безбожном фронте" уже в 1940-е гг. В ней утверждалось, что всякий, даже самый "советский поп — мракобес, реакционер, враг социализма", и поэтому задача третьей пятилетки состоит в том, чтобы "вытравить из сознания людей все эти пережитки ...сделать всех трудящихся атеистами". И хотя признавалось, что в СССР еще много верующих, Ф. Олещук даже определял примерную дату "полного преодоления религиозных предрассудков" среди населения страны (1950–

[1]XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. С. 135; Антирелигиозник, 1939, № 4. С. 3.

[2]Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 89, оп. 4, д. 80, л. 6.

[3]Антирелигиозник, 1939, № 4. С. 33–37.

1955 гг.): "Вряд ли в третьей пятилетке удастся преодолеть все религиозные предрассудки. (Если) для перегона в экономике капиталистических стран надо 10–15 лет, то и для полного преодоления религиозных пережитков вряд ли можно говорить о сроках более коротких"[1].

Можно было ожидать, что Е. Ярославский объявит о планах третьей "безбожной пятилетки". Ведь им уже заявлялось о необходимости воссоздания антирелигиозной организации из 5–6 миллионов членов, на IV расширенном пленуме Центрального совета СВБ в 1938 г. прозвучало его обещание: "Если мы усилим свою работу, то следующее десятилетие станет временем полного освобождения масс от реакционного влияния религии"[2]. Однако же без воздействия партийного руководства третья "безбожная пятилетка" так и не была провозглашена, не состоялся и планируемый III съезд СВБ. "IV пленум ЦС СВБ, почти сплошь состоявший из кооптированных членов, в 1938 году решил провести III съезд Союза безбожников, но ... Ярославский и его "команда" побоялись настоять на этом перед Сталиным, который все меньше, судя по всему, видел для себя проку в деятельности этой организации"[3]. Союз безбожников переживал глубокий кризис, и только усилиями прессы искусственно создавалось впечатление о его кипучей жизнедеятельности. Количество числившихся членами СВБ упало с 5670 тыс. в 1932 г. до 2000 тыс. в 1938 г., вместо запланированных 22 млн. В реальности их было гораздо меньше, так как процент уплачивающих членские взносы понизился с 45 до 13 (то есть платило их лишь 260 тыс. человек)[4]. Людям надоедал казенный, бюрократический стиль работы организации, свое формальное членство в ней, участие в бесконечных кампаниях, "безбожных займах", сборах денег на "безбожные" подлодки, эскадрильи, танковые колонны и т. д. Сокращалось количество организаций СВБ, его издательская деятельность. Тираж ежемесячного иллюстрированного журнала "Безбожник" упал с 230 тыс. в 1938 г. до 155 тыс. на следующий год. Содержание ежемесячника "Антирелигиозник" становилось все более примитивным и однообразным. Его объем при тираже 40–50 тыс. экземпляров сократился со 130 страниц до 64 в 1940 г., но многие номера выходили сдвоенными и содержали не более 80 страниц[5]. На совещании в ЦС СВБ в апреле 1939 г. признавалось, что резкого перелома к лучшему в работе союза не произошло. Еще через полгода Центральный совет отмечал: "Большинство ячеек

[1] *Олещук Ф.* Коммунистическое воспитание масс и преодоление религиозных предрассудков // Большевик, 1939, № 9. С. 38–48.

[2] Антирелигиозник, 1938, № 2. С. 6.

[3] *Алексеев В. А.* "Штурм небес" отменяется? С. 162.

[4] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 173.

[5] *Curtiss J.* The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. P. 205; *Ярославский Е.* Задачи антирелигиозной пропаганды // Антирелигиозник, 1941, № 5. С. 2

Союза воинствующих безбожников не ведут систематической антирелигиозной работы, являются пассивными, бездеятельными"[1].

Не проявлял активности в борьбе с религией в конце 1930-х гг. и комсомол, тем более, что указания партийного руководства в этой сфере уже были противоречивы и непоследовательны. Не испытывал склонности к данному "участку работы" и новый руководитель комсомола Н. А. Михайлов (в конце 1938 г. сменивший арестованного А. В. Косарева), тяготясь и опасаясь его. Неслучайно в 1938–1939 гг. ЦК ВЛКСМ не обсудил на заседаниях бюро и секретариата ни одного целевого вопроса по антирелигиозной работе среди детей и юношества. И даже в текстах таких постановлений пленумов ЦК, как "Об улучшении работы комсомола в деревне", "О работе организаций ВЛКСМ в связи с решениями XVIII съезда ВКП(б)", "О работе комсомола в начальной и средней школе" никаких указаний комитетам комсомола по части активизации антирелигиозной работы вообще не было[2].

Опыт 1930-х гг. показал, что даже в самых неблагоприятных для Церкви условиях, при полной монополии антирелигиозной печати, успехи воинствующего атеизма, несмотря на всемерную помощь со стороны правительства, оказались чрезвычайно скромными.

В то же время к 1939 г. Русская Православная Церковь как организационная структура в результате жесточайших гонений и открытого террора была практически разгромлена. Из примерно 37 тыс. православных храмов всех течений, действовавших на начало 1930 г., в 1938 г. оставалось формально незакрытыми 8302 (в том числе 3903 на Украине и 3617 в РСФСР). Однако реально из них действовала лишь небольшая часть, так как следствием массовых репрессий стала острая нехватка духовенства. Так, уже в 1936 г. на Украине из 4487 незакрытых молитвенных зданий действовало лишь 1116[3]. К сожалению, сохранившиеся в архивах учетные сведения, отражающие динамику сокращения численности религиозных объединений в конце 1930-х — начале 1940-х гг., отрывочны и приблизительны. Отсутствуют и данные о количестве православных приходов и священнослужителей в 1939 г.

Известно лишь, что летом 1939 г. в Патриаршей Церкви осталось только четыре правящих архиерея — Патриарший Местоблюститель митрополит Московский Сергий (Страгородской), митрополит Ленин-

---

[1]Антирелигиозник, 1939, № 5. С. 54; Там же, № 9. С. 3

[2]*Алексеев В. А.* Указ. соч. С. 179.

[3]Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.). С. 44–45.

градский Алексий (Симанский)[1], архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), управлявший Новгородской и Псковской епархиями, архиепископ Дмитровский Сергий (Воскресенский), с 1937 г. занимавший должность управляющего делами Московской Патриархии. Каждый из них был по-своему выдающимся церковным деятелем, обладавшим большими организаторскими и дипломатическими способностями. Все они в тот или иной период могли претендовать на вакантный пост Патриарха Русской Церкви.

Еще около 10 уцелевших архиереев Патриархии находились на покое или совершали богослужения как настоятели храмов. Так, епископ Астраханский Андрей (Комаров), уволенный в апреле 1939 г. на покой, в октябре был назначен на место приходского священника в город Куйбышев. Вся церковная жизнь Куйбышевской епархии сосредоточена была тогда вокруг этой одной церкви. Под Москвой на даче у родственников проживал как частное лицо будущий экзарх Украины архиепископ Иоанн (Соколов), отбывший незадолго перед этим ссылку. В Красноярске на положении ссыльного жил епископ Лука (Войно-Ясенецкий), работая главным хирургом-консультантом городских госпиталей. Под Ростовом-на-Дону жили на покое епископ Таганрогский Иосиф (Чернов) и архиепископ Ростовский Николай (Амасийский), в Киеве — схиархиепископ Димитрий (Абашидзе) и т. д.[2]

Епархий как административных единиц в 1939 г. уже почти не существовало, и отдельные приходы поддерживали нерегулярную связь с Патриархией. Не запрещенная официальная Церковь по своему фактическому положению стала приближаться к нелегальной организа-

---

[1] Алексий (Симанский Сергей Владимирович, 1877–1970) — Патриарх Московский и всея Руси. Закончил Московский Николаевский лицей, в 1899 юридический факультет МГУ и в 1904 МДА. В 1902 пострижен в монашество, в 1903 — иеромонах. Работал по учебному ведомству. 1913 — еп. Тихвинский, викарий Новгородский, 1921 — еп. Ямбургский. В 06.1922 после ареста митр. Вениамина (Казанского) возглавил Петроградскую епархию, вел переговоры с обновленцами, но вскоре порвал с ними и оставил свой пост. 21.10.1922 арестован и сослан на 3 года в Семипалатинск. В 1926 — архиеп. Хутынский, управляющий Новгородской епархией. С 07.1927 — постоянный член Синода при митр. Сергии. С 18.05.1932 — митр. Старорусский, с 11.08.1933 — митр. Новгородский, с 5.10.1933 — митр. Ленинградский. Согласно патриаршему завещанию с 1944 г. Местоблюститель, а с 2.02.1945 — Патриарх.

[2] *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. С. 106–107; *Alexeev W.* Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941–1953. P. 83; *Кишковский А. И.* Рецензия на статью W. Alexeev, L'Eglise orthodoxe russe sous l'occupation allemande (1941–1944), "Irenikon" (Revue trimestrielle), tome XXIX, 3er trimestre, 1956, Chevetogne, Belgique // Вестник института по изучению СССР (Мюнхен), 1958, № 2(27). С. 132.

ции, так как общение с "церковниками" считалось признаком политической неблагонадежности со всеми вытекающими последствиями. Таким образом, Патриархия оказалась в значительной степени отрезанной от своей паствы и, кроме того, с середины 1930-х гг. почти полностью — от связей с заграницей. Однако она не была уничтожена полностью. Процесс над "Всесоюзным контрреволюционным центром церковников" во главе с митрополитом Сергием так и не состоялся. Хотя по воспоминаниям близких к нему людей в конце 1930-х гг. Владыка постоянно ожидал ареста.

Ряд зарубежных историков полагает, что существование катакомбных (тайных) приходов являлось одной из важных причин того, что Патриаршему Местоблюстителю удалось сохранить к 1939 г. несколько сот приходов и сокращенное до минимума церковное управление. "Советское правительство, очевидно, боялось, чтобы вся Церковь не ушла в подполье, так как официальная и строго контролируемая Церковь представляла меньшую опасность, чем подпольная"[1].

Интересным источником в этом плане являются найденный после второй мировой войны историком В. И. Алексеевым в архиве Еврейского института Нью-Йорка меморандум "Заметки о положении Православной Церкви в Остланде", написанный митрополитом Сергием (Воскресенским) 12 ноября 1941 г. в Риге для германского командования. Объясняя немцам положение Московской Патриархии и причины продолжения ее существования, он говорил о решающей роли в этом деятельности катакомбного движения и ее психологического давления на атеистическое государство: "Следует заметить, что насильственный роспуск общественно признанного руководства Патриархата вызвал бы только в жизнь тайное руководство Патриархатом, что значительно затруднило слежку за ним со стороны полиции. Вообще же существовала в России очень живая тайная религиозная жизнь (тайные священники и монахи; тайные молитвенные места; тайные богослужения; крестины; исповеди; причастия; свадьбы; тайные теологические занятия; тайное хранение Священного Писания, литургической утвари, икон, богослужебных книг; тайные сношения между общинами, епископствами и руководством Патриархата и т. д.). Если бы захотели также уничтожить и тайное руководство Патриархатом, то должны были бы казнить и всех епископов, среди них и тайных, которые в такой нужде были созданы один за другим. И если мы посчитаем невероятным, что когда-то все же удастся совершенно уничтожить церковную иерархию, то религия все же остается здесь, а атеистическая пропаганда не сделала ни шагу вперед. Советское правительство поняло это и поэтому предпочло, чтобы руководство Патриархатом существовало"[2].

[1] *Alexeev W., Stavrou T.* The Great Revival. The Russian Church under German Occupation. P. 27–29; *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 175.

[2] *Алексеев В., Ставру Ф.* Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение, 1980, № 12. С. 116–117.

Действительно, в 1930-е гг. тайные богослужения широко распространились. Их совершали сотни священников, уклонившихся от ареста или освобожденных, а затем скрывших свое прошлое. Большая часть этих "полукатакомбников" не была принципиальным противником Патриаршего Местоблюстителя и никогда не порывала с ним. Они ушли в подполье только потому, что открытое совершение религиозных обрядов на территории очень многих областей и республик оказалось невозможным. Признавая митрополита Сергия законным временным главой Русской Церкви, эти священники после 1943 г., когда подобное стало возможным, восстановили с ним каноническую связь и литургическое общение.

Деятельность катакомбников, несомненно, вызывала тревогу властей. Уже в 1937 г. в партийной прессе отмечалось влияние "невидных руководителей" на рядовую массу верующих и даже на советский и колхозный актив вплоть до комсомольцев и членов ВКП(б)[1]. А через два с половиной года прямо признавалось, что закрытие церквей ведет к увеличению нелегальных религиозных организаций[2].

Но сохранение высокой религиозности населения СССР, распространение тайных богослужений было только одной из целого ряда внутренних и международных причин намечавшегося в 1939 г. свертывания антицерковных акций. Массовое насильственное закрытие храмов явно усиливало недовольство широких слоев населения, в том числе рабочих. Среди множества обращений верующих в различные органы власти конца 1930-х гг. с просьбами и требованиями о сохранении церквей, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, имеется, например, коллективное послание 1938 г. рабочих Выборгского района Ленинграда[3]. Это становилось опасным не только в политическом, но и в экономическом отношении, сказываясь на эффективности труда: усиливался бессознательный, а порой и сознательный саботаж.

Важную роль начинала играть надвигавшаяся вторая мировая война. Советское руководство было заинтересовано теперь в укреплении единства нации, а не в разделяющих нападках марксистского пуризма и атеизма. Переломным моментом в этом плане стали события сентября 1939 г. — вступление советских войск на территорию Польши и присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. Правительство оказалось перед фактом включения в государственную жизнь страны областей с нетронутой гонениями религиозной жизнью. В состав населения СССР осенью 1939 г. и летом 1940 г. с присоединением стран Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины вошло свыше 7500 тыс. православных верующих, организованных в епар-

---

[1] *Фоминов Н.* Против благодушия и беспечности в антирелигиозной работе // Большевик, 1937, № 20. С. 43.

[2] *Олещук Ф.* Коммунизм и религия // Большевик, 1940, № 8. С. 39.

[3] ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 50, лл. 87–87 об.

хии и приходы. Вновь в стране после длительного перерыва появились действующие монастыри, церковные и монастырские земельные угодья, духовные учебные заведения, благотворительные учреждения, церковные библиотеки, редакции религиозных газет, журналов и т. п.

Точно известно число православных монастырей на присоединенных землях — 64 с 5100 насельниками, в том числе в Бессарабии — 25, в Западной Украине — 19, Белоруссии — 14, Латвии — 1, Литве — 3, Эстонии — 2[1]. Численность же приходов установить сложнее. В архивных документах имеются сведения об их количестве в Западной Белоруссии — 749, Бессарабии — 893, Латвии — 164, Эстонии — 164, Литве — 72, однако относительно Западной Украины и Северной Буковины они отсутствуют. Известно лишь, что общее число формально зарегистрированных православных приходов на Украине на конец 1938 — середину 1940 гг. выросло с 3903 до 5181, то есть на 1278[2]. Переставшие функционировать религиозные общества в данной республике в тот период с регистрации почти не снимали, и цифра примерно в 1300 новых украинских приходов представляется наиболее верной. В работах западных историков можно встретить явно ошибочное утверждение, что на присоединенной территории Польши находилось около 1200 православных церквей (и украинских, и белорусских). Тот же В. И. Алексеев в другом месте своей книги пишет, что на Волыни (Западная Украина) в годы войны действовало свыше 600 храмов только Автономной Украинской Церкви. Впрочем, он занижает и численность православных приходов на других присоединенных землях, например, в Прибалтике — до 300[3]. Таким образом, общее количество действующих православных церквей в СССР увеличилось за счет территориальных приобретений на 3350.

Особо следует отметить большое количество богословских учебных заведений. В Эстонии имелась Духовная семинария в Печорах и православный богословский факультет в Дерптском университете, в Латвии — Духовная семинария в Риге и православная секция при протестантском факультете Рижского университета. В Бессарабии была Духовная семинария в Кишиневе, а в Северной Буковине Духовная семинария в Черновцах. Наконец, на бывшей польской территории существовали две Духовные семинарии — Кременецкая и Виленская (хотя они в связи с проводившейся тогда в Польше общей школьной реформой находились уже в стадии ликвидации), а также две постоянные школы псаломщиков. Одна находилась при Богоявленском монастыре в Кременце (Волынская епархия), а вторая — при Свято-Онуфриевском монастыре в Жировицах (Гродненская епархия) и их

---

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 497, л. 18; оп, 125, д. 44, л. 15.

[2]Там же, д. 593, л. 81; Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. С. 45.

[3]*Alexeev W., Stavrou T.* Op. cit. P. 46–47; *Соколов П.* Путь Русской Православной Церкви в России-СССР (1917–1971). С. 55.

судьбе школьная реформа не угрожала. Кроме того, в несколько раз выросло число правящих православных архиереев в СССР, только в республиках Прибалтики их было восемь: митрополит Эстонский и Таллинский Александр (Паулус), епископ Нарвский Павел (Дмитриевский), епископ Печерский Николай (Лейсман), заштатный, не признававший автономии Эстонской церкви, бывший Печерский епископ Иоанн (Булин)[1], митрополит Рижский и Латвийский Августин (Петерсон), архиепископ Елгавский Иаков (Карп), епископ Якобштадтский (Ерсикский), Александр (Витол), митрополит Ковенский и Литовский Елевферий (Богоявленский). Семь архиереев имелось в бывших польских восточных областях: архиепископ Виленский и Литовский Феодосий (Феодосиев), архиепископ Полесский и Пинский Александр (Иноземцев), архиепископ Волынский и Кременецкий Алексий (Громадский), епископ Острожский Симон (Ивановский), епископ Камень-Каширский Антоний (Марценко), епископ Луцкий Поликарп (Сикорский) и бывший епископ Пинский и Новогрудский Пантелеймон (Рожновский), за непризнание автокефалии Польской Православной Церкви находившийся в заточении в Жировицком монастыре[2].

Перед советским руководством встал острый и неотложный вопрос определения своей религиозной политики на новых территориях. Решение его проходило в свете необходимости ассимилировать и политически нейтрализовать миллионы новых, в основном православных граждан. Правительство сознавало, что этого невозможно достигнуть открытой антицерковной кампанией. Обычно советские пограничные зоны контролировались особенно тщательно — церкви там закрывались полностью. Но ликвидировать тысячи приходов и десятки монастырей западных областей в обозримые сроки было нереально. От обычной политики пришлось отказаться. Рисковано для советской власти было массовое недовольство населения гонениями на церковь, когда германская армия стояла у границы. Кроме того, был учтен и благоприятный для СССР факт дискриминации польскими властями Православной Церкви. Перед самым началом второй мировой войны они закрыли сотни храмов на том основании, что царское правительство в XIX веке возвратило их из унии в Православие. Так, в Холмщине из 393 православных храмов в 1914 г. к 1938 г. осталось 227, а к сентябрю 1939 г. — 53, причем 140 церквей и 2 монастыря были разрушены. Естественно, что подобные акции вызвали сильное недовольство

[1] Он был арестован незадолго до начала Великой Отечественной войны и с тех пор бесследно исчез. См.: *Польский М.* Новые мученики российские. Т. 2. С. 286–287.

[2] *Vries W.* Der Christliche Osten in Geschichte und Gegenwart. Würzburg: Augustinus Verlag, 1951. S. 193–196; *Heyer F.* Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945. S. 136, 144; *Tobias R.* Communists Christian Encounter in East Europe, Indianapolis: School of Religion Press, 1956. P. 320; *Николаев К. Н.* Восточный обряд. Париж: ИМКА-Пресс, 1950. С. 249.

и создали почву для роста симпатий к СССР. Этим во многом объясняются нередкие случаи, когда православные священники в сентябре 1939 г. организовывали праздничные встречи с населением частей советской армии и вывешивали красные флаги на колокольнях[1]. В подобных условиях правительству СССР было особенно трудно начать сразу массовые гонения на Церковь и ликвидировать еще не закрытые поляками храмы.

Документы конца 1939 г. свидетельствуют о признании советским руководством факта гораздо более сильного влияния Церкви в западных областях, чем на остальной территории СССР, и его намерении проводить более осмотрительную религиозную политику[2]. Она заключалась в использовании хорошо контролируемой Московской Патриархии — подчинении ей православных иерархов и приходов. При этом учитывались национальные чувства западных украинцев и белорусов, воссоединившихся с восточными; русских, живших в Прибалтике; православных молдаван, эстонцев, латышей и карелов, близких к русским по своей культуре. Подобная практика стала первым примером использования Московской Патриархии для распространения советского влияния на вновь приобретенные или попавшие под контроль территории. Он оказался успешным и получил широкое распространение после окончания второй мировой войны.

Считаясь с новыми массами православного населения и нуждаясь в деятельности Московской Патриархии, советское государство в конце 1939–1940 гг. стало создавать видимость религиозной терпимости в стране, значительно уменьшив масштабы антицерковных акций. Как справедливо отмечал историк У. Флетчер: "Сергий впервые с тех пор, как он возглавил церковь, оказался в таком положении, что мог требовать уступок от правительства[3]. В течение 1939 г. менялся тон публикаций в партийной прессе. Так, Ф. Олещук, который в 1938 г. "докладывал" о разоблачениях и высказывался о духовенстве и верующих, как о врагах, теперь писал: "Только незначительное меньшинство в рядах религиозных организаций составляют классово-враждебные элементы... большинство верующих это наши люди, отсталые рабочие и крестьяне". Он же обвинял в закрытии церквей "врагов народа" — левых уклонистов, якобы стремившихся озлобить верующих и создавших "своеобразный рецидив контрреволюционного троцкизма"[4]. А в апреле 1940 г. Ф. Олещук со страниц главного идеологического печатного органа ВКП(б) осуждал разворачивавшуюся антирелигиозную деятельность в западных областях за чрезмер-

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, л. 31.

[2] Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. С. 39.

[3] *Fletcher W.* A Study in Survival. P. 98.

[4] *Олещук Ф.* Коммунистическое воспитание масс и преодоление религиозных предрассудков. С. 48.

ную агрессивность, советуя не организовывать пока в них ячейки СВБ, и говорил о необходимости прекратить ликвидацию храмов, которая ведет к образованию "церковного подполья"[1].

Почти в то же время и журнал "Антирелигиозник" определил "внешне эффективную деятельность по закрытию церквей" как вредную шумиху[2]. Процесс закрытия остановить сразу было невозможно, но такая тенденция наметилась. Как уступка сохранившим религиозную традицию западным украинцам и белорусам была воспринята в стране отмена в 1940 г. в СССР пятидневной рабочей недели и восстановление воскресного отдыха. Существенно изменилось положение Московской Патриархии. Теперь угроза ее ликвидации была полностью снята; более того, хотя и крайне осторожно, убирались некоторые запреты. Патриарший Местоблюститель вновь стал совершать архиерейские хиротонии, замещались пустующие кафедры и т. п.

Весной 1940 г. Патриархия приступила к "устройству церковных дел" во вновь присоединенных областях. Ей предстояло передать местным священнослужителям свой богатый опыт церковной деятельности в условиях атеистического государства. Важность поставленной правительством задачи подчеркивает тот факт, что в западные области были посланы двое из четверых уцелевших правящих архиереев — архиепископы Николай (Ярушевич) и Сергий (Воскресенский), причем владыка Николай согласился только под сильнейшим давлением. Его назначили временным экзархом Западной Украины и Белоруссии. Владыка же Сергий в январе 1941 г. стал митрополитом Литовским и Виленским, а в марте экзархом Латвии и Эстонии. Кроме того, на Кишиневскую кафедру был назначен епископ Алексий (Сергеев). Несмотря на наличие 15 местных архиереев в Москве, провели хиротонии 4 новых епископов для западных областей. В важнейший монастырь — Свято-Успенскую Почаевскую Лавру на Волыни из РСФСР прислали в качестве наместника архимандрита Панкратия и архимандрита Нектария — его помощником. Уже весной 1941 г. состоялись хиротонии во епископа Черновицкого Дамаскина (Малюты) и во епископа Пинского Вениамина (Новицкого)[3].

Действовать всем им пришлось в сложных условиях. Местное население первоначально считало архиереев из Москвы чуть ли не "агентами ЧК". Кроме того, несмотря на осторожную политику, в присоединенных областях намечалось все же постепенное приведение религиозной жизни в соответствие с советским законодательством. Соответственно на бывшей польской территории уже 29 октября 1939 г.

---

[1] *Олещук Ф.* Коммунизм и религия. С. 39–40.

[2] *Теляковский Е.* Церковь в настоящее время // Антирелигиозник, 1940, № 2. С. 25.

[3] *Алексеев В., Ставру Ф.* Указ. соч. С. 125; *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах. С. 41.

было объявлено о национализации церковной собственности. Были закрыты все духовные учебные заведения, в школах прекратили преподавание Закона Божия, духовенство (по примеру СССР) обложили высокими налогами, ликвидировались религиозные партии и церковные общественные объединения, закрывались церковные типографии, часть монастырей и отдельные храмы. Был даже случай взрыва собора в Пинске. Во многих обителях сокращали число монашествующих. Так, в Почаевской Лавре оно уменьшилось с 300 до 80[1].

Хотя воссоединение духовенства западных областей с Московской Патриархией проходило в подавляющем большинстве случаев добровольно, и здесь не обошлось без административного вмешательства советских властей. Тех священнослужителей, которые пытались отстоять принципы автокефалии (самостоятельного управления), депортировали в Сибирь. Всего по данным, приводимым В. И. Алексеевым и Ф. Ставру, до 22 июня 1941 г. на бывшей польской территории было арестовано 53 священника, 10 из них позднее освободили, 37 пропали и 6 умерли или были расстреляны. Из 15 архиереев практически все согласились с переходом в Московскую Патриархию, большинство ездило для воссоединения в столицу. Однако архиепископ Алексий (Громадский) и епископ Иоанн (Булин) все же подвергались арестам, а архиепископ Александр (Иноземцев) был вынужден уйти на покой. В качестве оправдания этих или иных подобных мер в печати заявлялось, что среди духовенства и церковного актива особенно много тех, кто борется с советской властью и выступает за возвращение старых порядков[2].

Переход священнослужителей в Московскую Патриархию облегчался тем, что Польская Православная Церковь отделилась от Русской в 1923 г. в значительной степени под давлением польского правительства. Автокефалия ей была дарована Вселенским (Константинопольским) Патриархом и никогда не признавалась Московской Патриархией. Глава Польской Церкви митрополит Дионисий (Валединский), хотя и русский по происхождению, оказавшись под давлением правительства и украинских националистов, поддерживал как полонизацию русских и белорусских приходов, так и украинизацию украинских. Это вызывало недовольство многих священников и части архиереев. В 1939 г. митрополит Дионисий остался на территории, отошедшей к Германии, и влиять на церковную жизнь в бывших восточных областях Польши уже не мог.

Более сложной была ситуация в республиках Прибалтики, на территории которых проживало 450 тыс. православных. Здесь только Литва, где православными были русское и белорусское меньшинства,

---

[1] *Алексеев В., Ставру Ф.* Указ. соч. С. 125; Соколов П. Указ. соч. С. 56.

[2] *Алексеев В., Ставру Ф.* Указ. соч. С. 125; Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. С. 39.

оставалась к 1939 г. в юрисдикции Московской Патриархии. В 1924–1940 гг. Литовской Церковью бессменно управлял бывший Виленский архиепископ, а с 1928 г. митрополит Елевферий (Богоявленский). С 1931 г. ему было поручено возглавлять все православные приходы в Западной Европе, остававшиеся в юрисдикции Московской Патриархии. Эстонская же Православная Церковь в 1923 г., а Латвийская в 1936 г. провозгласили автономию под юрисдикцией Константинопольского Патриарха. Так как это было сделано без канонического отпуска их Московской Патриархией, последняя никогда не признавала законность данного акта. Причиной его являлось не только бедственное положение Русской Церкви в СССР, решающую роль здесь сыграло стремление получивших независимость государств предельно оградиться от какого бы то ни было российского влияния. Упорное сопротивление русского духовенства (особенно монахов Псково-Печерского монастыря) в Эстонии удалось сломить в 1920-е гг., а в Латвии только во второй половине 1930-х гг. Так, например, оказалась закрыта влиятельная организация "Единение русских православных студентов Латвии"[1].

В июле 1940 г. республики Прибалтики вошли в состав СССР, и уже в августе Синод, а затем и глава Латвийской Православной Церкви митрополит Августин (Петерсон) под давлением верующих и оппозиционного духовенства ходатайствовали перед Московской Патриархией о воссоединении с Русской Церковью. В том же месяце с подобным ходатайством обратился и глава Эстонской Церкви митрополит Александр (Паулус). После получения разрешения советских властей в конце 1940 г. в Прибалтику в качестве полномочного представителя Московской Патриархии с целью обсудить условия воссоединения выехал архиепископ Сергий (Воскресенский). Первоначально главой православных приходов Латвии и Эстонии был назначен митрополит Елевферий, но 1 января 1941 г. он скончался, и новым митрополитом Литовским, а затем и экзархом Прибалтики стал Сергий.

Указом Московской Патриархии от 24 марта 1941 г. был учрежден экзархат, то есть особая митрополичья область, в состав которой входили Латвийская и Эстонская епископии. Никто из их архиереев не лишался сана. Распускались Синоды в Латвии и Эстонии и Епископское управление в Литве. Вместо них митр. Сергий должен был создать в соответствующих викарных епископствах управления экзархата, а также периодически созываемый Синод епископов, которые по отношению к нему имели только совещательные права. Таким образом посланец Москвы становился руководителем, совершенно независимым от местного духовенства. 28 марта митрополиты Августин и Александр в кафедральном соборе Москвы исполнили процедуру публичного покаяния в грехе раскола, клятвенно обещали хранить в дальнейшем

---

[1] *Vries W.* Op. cit. S. 193–195; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, лл. 70, 78.

постоянную верность Русской Церкви и были приняты в литургическое общение. Согласно достигнутому компромиссу — в Эстонии митр. Александр должен был на правах викария непосредственно окормлять эстонские общины, а епископ Нарвский Павел — русские, в Латвии русские — сам митр. Сергий, а латышские — митр. Августин и епископ Ерсикский (будущий Мадонский) Александр[1].

Поселившийся в Риге митрополит Сергий перед этим в течение почти 4 лет фактически являлся "вторым человеком" в Московской Патриархии, был лично близок Патриаршему Местоблюстителю и сразу повел себя решительно и властно. Согласно воспоминаниям прибалтийского духовенства: "Чувствовалось, что приехал не представитель гонимой большевиками Церкви, а полномочный представитель Москвы, облеченный большой властью". В частности, их поражало, как легко владыка добивался прямой телефонной связи с различными организациями в столице СССР. Экзарх начал прежде всего с "подтягивания" духовенства в уставном отношении: запретил сокращать богослужения, отпевать протестантов по православному чину и т. д., затем стал проводить административные преобразования. Секретари его также приехали из Москвы, однако духовником своим митрополит взял настоятеля Рижского собора протоиерея Василия Евстафьева. В Прибалтике советские власти действовали еще более осторожно, чем на бывших польских территориях, и приведения религиозной жизни в соответствие с законами СССР, в том числе и национализации церковной собственности, там фактически не произошло. Почти полностью избежало прибалтийское духовенство до начала войны и арестов, депортаций[2].

Но несмотря на всю появившуюся "осторожность" в политике по отношению к Церкви и в 1939–1941 гг. по-прежнему приоритетной задачей в ней считалось строительство безрелигиозного общества. В этой связи все большую озабоченность властей начинала вызывать активизация церковной жизни в СССР, отчасти под влиянием примера новых западных областей. Интересные факты приводятся в докладной записке начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову из ЦК КП(б) Белоруссии — "Сообщении о фактах деятельности церковников в западных областях БССР" от 27 февраля 1941 г. В ней говорится, что после поездки в апреле 1940 г. в Жировицкий монастырь архиепископа Сергия (Воскресенского) "деятельность церковников" заметно усилилась. В обители разместились вновь созданные консистория и Гродненский епархиальный совет. Возглавил их епископ Пантелеймон (Рожновский), остававшийся верным Московской Патриархии все 1920–1930-е гг. За 1940 г. в монастыре бы-

---

[1] *Балевиц З.* Православная церковь Латвии под сенью свастики. С. 19–20; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 80.

[2] *Alexeev W.* Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941–1953. P. 90–91.

ло организовано 4 крестных хода с большим количеством верующих (так, 14 октября участвовало более 2 тыс. человек), многие из которых приезжали из различных городов Белоруссии. В докладной сообщалось также о том, что в Пинской области местные власти пытались запретить колокольный звон, но это им не удалось. Приводились примеры "случаев администрирования и оскорбления религиозных чувств верующих", например, явного завышения налогов для священников[1]. По тону записки чувствовалось, что белорусское партийное руководство очень обеспокоено и недовольно "мягкой" церковной политикой.

На присоединенных территориях оказалось большое количество советских военнослужащих, членов их семей, и многие из них активно включились в религиозную жизнь. В. И. Алексеев и Ф. Ставру приводят в своей работе свидетельство бывшего настоятеля собора в Западной Украине, который отмечал, что после появления советских граждан число крещений значительно выросло — с сентября 1939 по январь 1940 гг. на 30%, а за 1940 г. втрое. Даже коммунисты и работники НКВД крестили своих детей, иногда родственники военных специально для этой цели привозили мальчиков и девочек из РСФСР. На службах в храме всегда присутствовало много советских офицеров и солдат, причем одного из них, наиболее активно и регулярно посещавшего богослужения, арестовали прямо у дверей собора[2].

Как только пик репрессий спал, активизировалась деятельность Церкви и на остальной территории СССР. Террор 1937–1938 гг. породил у значительной части граждан СССР страх перед неясным будущим, за близких, за свою судьбу и лишь усилил религиозные настроения. Яркая картина, воспроизводящая эти настроения в предвоенном Ленинграде, нарисована в воспоминаниях эмигрантки Натальи Китер: "В воскресные и праздничные дни эти храмы были так переполнены, что не могли вместить всех притекавших... В эти дни причащались почти все поголовно. В Пасхальную ночь 1941 г. тысячные толпы народа стояли плечо к плечу вокруг храмов, с горящими свечами в руках, и единодушно пели пасхальные песнопения, не обращая внимания на беснование конной милиции, тщетно пытающейся их разогнать, так как все уличное движение вокруг храмов было нарушено..."[3] Эти сведения подтверждают материалы Центрального государственного архива историко-политической документации Санкт-Петербурга о праздновании Пасхи 1941 г. в Ленинграде.

Постепенно в ЦК ВКП(б) стало скапливаться все больше докладных о тревожной ситуации на "церковном фронте". Так, 18 июня

---

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, лл. 15–31.

[2]*Алексеев В., Ставру Ф.* Указ. соч. // Русское Возрождение, 1981, № 13. С. 79.

[3]*Китер Н.* Исповедники и мученики 30-х годов // Вестник РХД, 1983, № 139. С. 242.

1941 г. уполномоченный Комиссии партийного контроля (КПК) по Орджоникидзевскому краю в письме "Об антирелигиозной пропаганде..." сообщал председателю Комиссии А. А. Андрееву, что этот участок работы является одним из наиболее отсталых и запущенных, в 21 районе оргбюро и советы "Союза воинствующих безбожников" полностью распались. В крае же активно функционируют 14 храмов (в том числе 11 обновленческих) и "остатки разгромленных контрреволюционных церковных элементов в глубоком подполье", причем и "вокруг действующих церквей и молитвенных домов группируются контрреволюционные элементы из церковников и белогвардейцев и ведут свою работу". В нескольких районах в пасхальные дни не работало до половины колхозников, в Новоселицком районе крестили своих детей даже "видные коммунисты": заведующий военным отделом и инструктор райкома ВКП(б), заведующий райздравотделом и т. д. Многие верующие в СССР "не питали любви" к советской власти, и в докладной приводится несколько резких публичных высказываний "церковников". Так, житель г. Ворошиловска Александр в январе 1941 г. говорил: "Все законы и постановления, издаваемые советским правительством не во благо своего народа, а в защиту и укрепление низменных интересов кучки эксплуататоров, заседающих в Кремле, которые думают только о себе, остальной народ давят, порабощают, и в результате весь народ закрепостили хуже, чем в средневековье..." А другой верующий, Иван, 7 апреля 1941 г. заявил: "Пусть они даже и не мечтают провести свою коммуну. Им это сделать не удастся, им придется без оглядки бежать. Они народу настолько насолили, что их будут бить везде и всякий их не пощадит ...и эта расправа с угнетателями осуществится в этом году". Уполномоченный КПК подчеркивал утрату эффективности административных мер. Так, в 1940 г. провалились попытки путем угроз, арестов и насилия закрыть храмы в городах Ессентуки и Черкесске, прихожане отстояли их. В результате делался вывод: "Отрицательно влияют одни административные меры против действующих церквей, они толкают верующих в лапы контрреволюционных церковников, которые организуют подпольные молитвенные дома и используют эти слои к сколачиванию контрреволюционных группировок"[1].

Письмо было переслано секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову с сопроводительной записью председателя КПК: "Подобные сообщения поступают и от других уполномоченных о возрастающей активности церковников"[2].

Реакция на такие "сигналы" последовала быстро. Уже в 1940 г. государственная религиозная политика вновь начинает постепенно ужесточаться. Весной на страницах антирелигиозной прессы опять появились критические материалы о бездеятельности комсомола на "безбожном фронте", и 15 июля было принято единственное за все 1940-е гг.

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, лл. 75–82.

[2]Там же, л. 74.

постановление ЦК ВЛКСМ об усилении борьбы с религиозностью: "О состоянии антирелигиозной пропаганды в Бухарской комсомольской организации". Оно оказалось "сконструированным" в духе документов СВБ: прямолинейным, ультимативно-приказным, "ругательным"[1]. 27 февраля 1940 г. Наркомпрос РСФСР издал приказ о постановке антирелигиозной пропаганды в школе, а с 1941/42 учебного года в высших учебных заведениях СССР предполагалось ввести преподавание курса по истории религии и атеизма в объеме 60 часов[2].

Предпринимались активные попытки и оживить деятельность "Союза воинствующих безбожников". К 1941 г. официальная численность его членов вновь выросла — до 3,5 млн. Тираж антирелигиозных изданий в 1940 г. достиг 140 млн. экземпляров, а в течение первого полугодия 1941 г. (времени пика) издавалось 10 атеистических газет и 23 журнала. Однако этот рост носил в основном формальный, показной характер. Хотя в 1940 г. было проведено 239000 антирелигиозных лекций для аудитории в 11 млн. человек, это составляло среднюю посещаемость всего 50 человек на лекцию[3]. Мало результатов принесло стремление перенести деятельность СВБ в новые западные районы СССР. В докладной записке ЦК КП(б) Белоруссии "О мерах по укреплению антирелигиозной работы в западных областях Белоруссии" от 26 февраля 1941 г. сообщалось, что проверка ЦК этой работы в конце 1940 г. выявила ее слабость и многочисленные серьезные недостатки. Деятельность СВБ в основном заключалась в лекциях и докладах, причем за год оказалось прочитано всего 526 лекций. 10 февраля 1941 г. Бюро ЦК КП(б)Б было вынуждено принять специальное решение об организации систематической антирелигиозной пропаганды и агитации в западных областях республики, началась подготовка выпуска к лету атеистического учебника (тиражом всего 5 тыс. экземпляров)[4].

Очень показательным для характеристики двойственности политики советского государства по отношению к Церкви и положения СВБ в тот период является последнее предвоенное программное выступление Е. Ярославского на всесоюзном совещании работников антирелигиозных музеев 28 марта 1941 г. С одной стороны, председатель ЦС СВБ предостерег против тенденции "упростителей антирелигиозной пропаганды" осуждать всех верующих как "слепых невежд и полных идиотов... Среди них много совершенно лояльных советских граждан". Он призвал к терпению и предложил дифференцированный подход, в зависимости от ареала или региона, указав, что в новых советских республиках, где религия все еще сильна, не следует при-

---

[1] *Алексеев В. А.* Указ. соч. С. 181.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, л. 79; Атеизм в СССР: становление и развитие. М.: Мысль, 1986. С. 73.

[3] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 173; *Pospielovsky D. A.* History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Antireligious Policies. P. 58, 65.

[4] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, лл. 33–36.

бегать к грубой оскорбительности. Говоря о достижениях атеистической работы в новых западных регионах, Ярославский, однако, привел только одну цифру: 75 посетителей нового курса антирелигиозных пропагандистов в Эстонии (при населении республики в 1 200 000 человек). Он сообщил также характерную статистику в целом по СССР: СВБ провел 484 антирелигиозных мероприятия в 1939 г. и 622 — в 1940 г., но общее число слушателей упало с 12622 до 10968, то есть составило менее 17 человек на каждом мероприятии; аналогично численность кружков СВБ увеличилась с 5089 до 9698, а число участников уменьшилось с 82536 до 71982 — около 7 человек в кружке; количество семинаров выросло с 4824 до 5068, но в их работе участвовало не 77231, а 77011 человек, несмотря на включение новых западных территорий. Призвав к умеренности, Ярославский в то же время, упомянув о том, что отмечаются лишь немногочисленные попытки вновь открыть церкви, не говоря уже о строительстве новых храмов, представил эти факты как свидетельство полного упадка религии в СССР. “Охотников, — резюмировал он, — обращаться с такими ходатайствами с каждым днем становится все меньше и меньше. А там, где такие ходатайства поступают, то потому, что инициаторами их являются — кулаки, служители культа и бывший церковный актив, единоличники”. В итоге руководитель СВБ призвал усилить “борьбу за окончательное преодоление религиозных предрассудков, так как “социализм... не мирится ни с какой верой в сверхъестественное, ни с какой религией”[1].

Постепенно вновь усиливаются репрессии в отношении священнослужителей. По подсчетам ученых Свято-Тихоновского Богословского института и материалам комиссии Московской Патриархии по реабилитации, если в 1939 г. произошло резкое падение этих репрессий, то в 1940 г. начинается их очередной подъем, прерванный лишь нападением Германии на СССР. В прессе снова появляются обвинения священников в шпионаже, например, статья “Религия на службе японского империализма” в журнале “Под знаменем марксизма”[2].

В изданной весной 1941 г. ЦС СВБ книге “Вторая империалистическая война и церковь” в полном противоречии с логикой утверждалось: “Укрепление обороноспособности страны предполагает и развернутую борьбу с пережитками капитализма в сознании людей и, в частности, с религиозными пережитками. Религиозные проповеди в церквах, сектантская пропаганда, религиозные праздники отвлекают трудящихся от активного участия в общественно-политической жизни, в оборонной работе... Религиозные организации сплошь и рядом являются пристанищем для всякого контрреволюционного сброда, шпионов, диверсантов...”[3] Даже в июне 1941 г., за несколько дней до начала вой-

[1] *Ярославский Е.* Задачи антирелигиозной пропаганды. С. 1–8.

[2] *Шейнман М.* Религия на службе японского империализма // Под знаменем марксизма, 1940, № 2. С. 180–188.

[3] Вторая империалистическая война и церковь (материалы к лекции). М.: ЦС СВБ, 1941. С. 25.

ны в статье "Патриотизм и религия" (журнал "Безбожник") столь же бездоказательно утверждалось: "Религия является злейшим врагом советского патриотизма... История не подтверждает заслуг церкви в деле развития подлинного патриотизма"[1]. Такая установка официальной пропаганды мало способствовала укреплению сплоченности населения перед Великой Отечественной войной.

Колебания правительственного курса остро воспринимались руководством Московской Патриархии. Патриарший Местоблюститель митр. Сергий постоянно пребывал в атмосфере внутренней напряженности, подвергаясь повседневной слежке. О встрече с ним в Москве осенью 1939 г. рассказывал епископ Пантелеймон (Рожновский). Отправляясь осматривать московские церкви, Местоблюститель прошептал на уху епископу: "Владыко, помолитесь прежде, не я вас везу храмы осматривать, а нас везут... Куда нас везут, сам не знаю..." Епископ Пантелеймон, прибывший на эту встречу из Западной Белоруссии, был потрясен[2]. В 1940 г. руководству Патриархии казалось, что обстановка изменилась к лучшему. Но уже весной 1941 г. у митрополита Сергия вновь стали преобладать пессимистические оценки положения Церкви. Так, в мае он сказал заехавшему к нему по дороге из ссылки о. Василию Виноградову: "Раньше нас душили, но по крайней мере исполняли свои обещания. Теперь нас продолжают душить, но обещаний своих больше не исполняют"[3].

Сильнейший кризис в это время переживало обновленчество. Еще в начале 1938 г. насчитывалось 49 правящих обновленческих архиереев и 11 пребывавших на покое, но через год в результате репрессий их осталась лишь треть, а затем еще меньше. Ускоренными темпами закрывались церкви. Так, к 1939 г. в обширной Ленинградской епархии осталось лишь 3 действующих обновленческих храма. Тяжелейший удар был нанесен обновленчеству одним из его основных руководителей митрополитом Ленинградским Николаем (Платоновым). В январе 1938 г. он публично заявил в газете "Известия" о снятии сана, отречении от Бога, церковного общества и стал работать сотрудником Музея истории религии. Видимо, желая в обстановке террора спасти свои жизни, от сана отреклись еще несколько обновленческих священнослужителей[4]. Обновленческий первоиерарх в ответ на это, по сути, промолчал, он лишь уволил Платонова с должности. На освободившееся место Ленинградского владыки митрополит Виталий (Введенский) не назначил преемника, а поручил заведывание дел епархии протопресвитеру Алексию Абакумову.

В 1939 г. обновленческий первоиерарх вообще запретил епархиальным архиереям посещение своих приходских храмов, а также всякие рукоположения священников. Правда, "митрополит" Александр

---

[1] *Евстратов А.* Патриотизм и религия // Безбожник, 1941, № 6. С. 2–3.

[2] *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 41.

[3] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 182.

[4] *Левитин А., Шавров В.* Указ. соч. Т. 3. С. 362–365; ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 206, л. 81.

(Введенский)[1] игнорировал это распоряжение, считая его посягательством на архиерейские прерогативы, и продолжал рукополагать клириков. Это были так называемые священники-любители. Их рукополагали без назначения на приход, они работали в гражданских организациях, а когда надо было составить Введенскому "богослужебный антураж", сослужили ему. С 1939 г. "митрополит" Виталий и на пустовавшие кафедры, несмотря на неоднократные просьбы, никого не назначал. По сути, под давлением властей первоиерарх вел дело к ликвидации обновленческой церкви, и она постепенно умирала. Прекратились все связи с Православным Востоком, к 1941 г. от обновленцев осталась лишь горстка архиереев при 1–3 храмах в епархиях. Исключение составляли лишь Московская и Средне-Азиатская (имевшая по 6–7), а также Северо-Кавказская и Кубанская (включавшие по 10–11 храмов) епархии[2].

Правительство не было заинтересовано в успехе обновленцев в новых западных областях, так как там представители этого течения полностью отсутствовали. Поэтому некоторое оживление деятельности руководства обновленческой группировки наступило гораздо позднее, чем в Патриаршей Церкви, уже перед самой войной. В апреле 1941 г. опять было создано Высшее церковное управление из митр. Виталия и его заместителя митр. Александра (Введенского). Последний вновь начинает поездки по городам, производит ревизию церковной жизни. Так, 24 мая 1941 г. он приезжал в Ленинград, затем в Калинин[3]. Но все это оживление носило крайне ограниченный характер.

---

[1]Александр (Введенский Александр Иванович, 1889–1946) — обновленческий митрополит. Род. в г. Витебске в семье директора гимназии. Окончил юридический факультет в СПбГУ, в 1914 сдал экзамены за полный курс ДА. С 27.08.1914 в сане священника. Назначен к церкви гвардейского запасного полка в Новгородской губ., с 1.09.1915 служил в церкви свв. Захария и Елизаветы в Петербурге, в 1921–05.1923 протоиерей, настоятель храма. С 1922 идейный глава и один из лидеров обновленческого раскола. 19.05.1923 хиротонисан во "епископа Крутицкого". С 1923 архиепископ, в 1924 "архиеп. Лондонский и всея Европы". В 1924 возведен в сан "митрополита" с названием "митрополит-апологет-благовестник" и назначен "управляющим Московской епархией". С 1923 постоянный член, заместитель председателя обновлеческого Синода. С 1924 доктор богословия, профессор обновленческой Московской Богословской академии, с 1926 ее ректор, с 1933 "доктор христианской философии". В нач. 1930-х настоятель храма Христа Спасителя. С 04.1940 заместитель "первоиерарха", с 10.10.1941 "первоиерарах". В 10.1941–1943 жил в эвакуации в Ульяновске. Умер от паралича 8.08.1946 в Москве.

[2]*Кузнецов А. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 521–526; ЦГА СПб., ф. 7179, оп. 10, д. 1366, л. 7, д. 1384, л. 42.

[3]*Кузнецов А. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 527–529; ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 206, л. 102.

В еще более тяжелом положении оказалось григорианство. В 1937 г. в обстановке террора фактически перестали существовать все их епархии — в Западной Сибири, Среднем Поволжье, в Ростовской области и на Урале. К этому времени основные руководители движения — митрополиты Григорий (Яцковский), Виссарион (Зорин), Борис (Рукин), Петр (Холмогорцев) умерли или были арестованы и погибли. Из 27 архиереев григорианского епископата, служивших в 1932 г., через 7 лет, к 1940 г. остались лишь 4 малоизвестных епископа, управлявших несколькими приходами[1]. Почти полностью ушло в подполье иосифлянское движение. В конце 1930-х гг. существовало только 2 их официально действовавших храма — в Ленинграде и Московской области, причем последний был закрыт перед самой войной — весной 1941 г.

Процесс ликвидации храмов Православной Церкви в 1940 — первой половине 1941 г. продолжался. Еще летом 1940 г. в СССР на учете состояло 8296 православных обществ, то есть почти 5000 на старых территориях. Однако затем менее чем через год тысячи нефункционировавших храмов были сняты с регистрации. Так, в заявлении в Леноблисполком из дирекции Музея истории религии от 16 июня 1940 г. указывалось: "В Ленинградской области по требованию трудящихся закрывается и ликвидируется большое количество культовых зданий. Имущество, находившееся в этих зданиях, имеющее подчас большую музейную ценность, в ряде случаев уничтожается. Так, например, было уничтожено культовое имущество ликвидированных церквей Поддорского района, причем старинные иконы, древние книги и другие культовые предметы сжигались, рукописи шли на макулатуру, парча продавалась для изготовления тюбетеек. Музей истории религии Академии наук СССР заинтересован в получении из ликвидируемых церквей предметов, имеющих музейное значение, и в связи с этим ходатайствует о предоставлении ему права первоочередного отбора соответствующих вещей..."[2] Впрочем, во многих районах области последние действующие храмы исчезли еще в 1937–1938 гг.

Даже в обеих столицах продолжалось закрытие и уничтожение церквей. Решение о ликвидации православного Греческого храма на Лиговском пр. было принято президиумом Леноблисполкома 10 января 1939 г., Знаменскую церковь снесли весной 1941 г., уже летом готовилось уничтожение знаменитого собора Воскресения Христова (Спаса-на-Крови)[3]. Спасская церковь в вошедшем ныне в территорию Москвы с. Гиреево была закрыта весной 1941 г. На самом "по-

---

[1] *Иоанн (Снычев), митрополит.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия. С. 76–79.

[2] ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 17, д. 29, л. 110.

[3] Там же, оп. 33, д. 50, лл. 170–170об.

роге войны" на грани ликвидации находилась московская церковь Илии Обыденного, несколько месяцев не действовал Казанский храм в Коломенском[1].

Бывший киевский монах Леонтий, ставший в годы оккупации епископом Украинской Автономной Церкви, а впоследствии епископом Чилийским, описал в своих воспоминаниях положение Церкви в предвоенные годы, совершенно справедливо утверждая, что в большинстве главных городов оставалось по одной открытой церкви, в то время как в более маленьких городах, как правило, не существовало ни одной. Правда, далее он, сильно сгущая краски, писал, что в открытых церквах было оставлено по два священника, таких, которые согласились сотрудничать с НКВД. Они должны были доносить о содержании исповедей, о верующих должностных лицах и о подпольных священниках и мирянах. Епископ Леонтий приводит пример двух священников оставшегося в Киеве прихода. Один, очевидно, вызвал недовольство НКВД, был избит и после побоев скончался. Перед смертью в больнице он покаялся в своих грехах перед другими больными. У другого священника ушли жена и сын, взяв с собой черновики его донесений в НКВД. В 1941 г. жена донесла на него немцам, его арестовали, он сознался и был казнен[2]. Не ставя под сомнение приведенные факты, следует отметить, что осведомителями НКВД являлась лишь небольшая часть уцелевших священнослужителей. Так, в Ленинграде в 1941 г. из 20 оставшихся представителей духовенства Русской Церкви эти "функции" исполняли только четверо[3].

Существуют разные точки зрения на количество действовавших православных храмов на территории СССР перед началом войны — в июне 1941 г. Ранее большинство исследователей исходили в своих расчетах из цифр, приведенных в издании советского посольства в Лондоне "Soviet War News" от 28 августа 1941 г. — 4225 приходов, 5665 священников и 28 епископов[4]. Однако в последнее время и советские, и зарубежные историки некритично восприняли обнаруженную в архиве в докладе 1948 г. председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпова цифру в 3021 довоенный храм[5]. Соответственно утверждается, что около 3000 из них находилось на присоединенных западных территориях, а на остальной части СССР — около ста. Так,

---

[1] *Паламарчук П.* Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Т. 1. Кремль и монастыри. М.: Книга и бизнес, 1992. С. 17.

[2] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 182.

[3] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 14, л. 8–8об.

[4] См.: *Соколов П.* Указ. соч. С. 56; *Алексеев В., Ставру Ф.* Указ. соч. // Русское Возрождение, 1980, № 12. С. 118; *Anderson P.* People, Church and State in Modern Russia. P. 159–160.

[5] См.: *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 168; *Степанов (Русак) В.* Указ. соч. Т. 1. С. 180; *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 41 и др.

например, О. Васильева говорила о 121 церкви. Но в документе Г. Карпова речь шла лишь о том, что в составе действующих на 1 января 1948 г. 14 329 храмов Русской Церкви довоенные составляли 3021[1]. А ведь часть функционировавших в июне 1941 г. храмов к 1948 г. уже перестала существовать. Например, все три уцелевших к началу войны церкви в южных пригородах Ленинграда: Знаменская в Пушкине, Николаевская в Колпино и Троицкая в Петергофе — сильно пострадали в результате боевых действий, и службы в них прекратились. В другом докладе Г. Карпова в ЦК КПСС от 14 февраля 1947 г., обнаруженном автором, приводится иная цифра довоенных православных храмов — 3732[2]. Именно она представляется близкой к истине. В течение 1947 г. церкви в СССР почти не закрывались, и сокращение числа действовавших до войны храмов на 712 могло произойти только за весь период конца 1941–1947 гг.

Поскольку из указанных 3732 церквей около 3350 приходилось на западные области и республики, в остальной части СССР оставалось примерно 350–400 действовавших православных храмов. Эта цифра подтверждается и подсчетами по отдельным епархиям. Так, только Москва с пригородами (32 храма), Грузия (27), Казахстан и Средняя Азия (7), Орджоникидзевский край (14), Север и Северо-Запад России (всего 42: Ленинградская епархия — 21, Псковская — 8, Вологодская и Архангельская — по 5, Новгородская — 3) давали вместе 122 действовавших в июне 1941 г. православных церкви[3], что уже превышает цифру, указанную О. Васильевой. Вполне возможно, что специально не искажались и сведения, указанные в издании советского посольства. 500 же "лишних" храмов не были действующими, но в то время еще числились на регистрации.

В работах О. Васильевой приведено и количество священнослужителей накануне войны — 6376 (вместе с западными областями). Однако источником этой цифры вновь послужил один из докладов Г. Карпова, в котором говорилось, что на 1 апреля 1946 г. на территории СССР служило 9254 священника и диакона, из которых начали службу в годы войны 2878 человек[4]. Таким образом, остальные лишь были посвящены в сан в более ранний период, а какая часть из этих людей служила в 1941 г. — неизвестно. Маловероятно, чтобы цифра в 5665 священников в сообщении ТАСС была заниженной.

В любом случае количество храмов и священнослужителей, уцелевших к началу войны, было для такой страны, как СССР, просто мизерным. И тех и других оставалось на основной территории менее 5

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 7, л. 2.

[2] Там же, оп. 125, д. 407, л. 5.

[3] Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. С. 45, 50; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, л. 76; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 1, лл. 75, 108.

[4] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 4, лл. 24, 29; *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 41.

процентов от уровня конца 1920-х гг. В РСФСР в 25 областях не имелось ни одной действующей православной церкви, в 20 — от одной до пяти. На Украине — в Винницкой, Кировоградской, Донецкой, Николаевской, Сумской, Хмельницкой областях были закрыты все храмы. По одному действовало в Ворошиловградской, Полтавской, Харьковской областях[1].

Накануне Великой Отечественной войны казалось, что ВКП(б) близка к достижению провозглашенной цели в области религиозных отношений. "Бесцерковные" и "безбожные" деревни, поселки, города, районы и целые области насчитывались десятками и сотнями. Согласно проводимым тогда социологическим исследованиям и опросам, количество верующих якобы сокращалось[2]. Официальные средства массовой информации и антирелигиозная литература свидетельствовали о "поддержке трудящимися массами" курса церковной политики государства, как наиболее полно обеспечивающего свободу совести. Но это была иллюзия. Уже через несколько месяцев ситуация кардинальным образом изменилась — началось бурное "религиозное возрождение".

Таким образом, в 1939 г. произошло изменение курса государственной религиозной политики, закончился десятилетний период открытого активного наступления на Церковь. Причины этой перемены были как внутренними, так и международными: репрессивные акции не помогли снизить высокую религиозность населения СССР; росло количество тайных богослужений; массовое недовольство людей закрытием храмов; надвигавшаяся война требовала большего национального единства вместо атмосферы внутригражданской борьбы, провоцируемой постоянными нападками на верующих; заинтересованность в использовании Московской Патриархии для распространения советского влияния на миллионы православных жителей присоединенных к СССР в 1939–1940 гг. областей и республик. Положение Церкви временно улучшилось, Патриархия получила возможность совершать архиерейские хиротонии, замещать пустующие кафедры и т. д. Но и в 1939–1941 гг. по-прежнему приоритетной задачей в религиозной политике государства оставалось скорейшее построение безрелигиозного общества. Обеспокоенное активизацией церковной жизни, уже к середине 1940 г. правительство вновь начинает ужесточение ее курса. Продолжается закрытие храмов, снова растет число арестов священников, в последний раз оживляется деятельность СВБ и т. п.

Однако несмотря на почти полный разгром организационной структуры Русской Церкви, множество запретов, окутывавших ее со всех сторон, жесточайшие гонения, она сумела выстоять, выжить как институт. Все планы искоренения религии терпели неудачу, и это постепенно все больше осознавало советское руководство.

---

[1] *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России. XX век. С. 101.

[2] См.: *Барменков А. И.* Свобода совести в СССР. С. 162.

§2. *Патриотическая деятельность Московской Патриархии*

22 июня 1941 г., в день всех святых, в земле Российской просиявших, Германия напала на Советский Союз. Казалось бы, начавшаяся война должна была обострить противоречия между государством и Церковью. Однако этого не произошло. Складывавшиеся веками национальные и патриотические традиции Русского Православия оказались сильнее обид и предубеждений. Несмотря на духовную несвободу, гонения на них, верующие приняли самое активное участие в борьбе с агрессором.

О нападении на СССР Патриарший Местоблюститель митр. Сергий узнал, вернувшись в свою скромную резиденцию из Богоявленского собора, где он служил литургию. Сразу же ушел к себе в кабинет, написал и собственноручно отпечатал на машинке "Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви". И это было в тот момент, когда многие государственные и партийные руководители пребывали в растерянности — И. Сталин смог обратиться к народу только на двенадцатый день после начала войны. О каком-нибудь давлении властей на Патриаршего Местоблюстителя при написании им первого военного послания говорить не приходится. "Невзирая на свои физические недостатки — глухоту и малоподвижность, — вспоминал позднее архиепископ Димитрий (Градусов), — митрополит Сергий оказался на редкость чутким и энергичным — свое послание он не только сумел написать, но и разослать по всем уголкам необъятной Родины"[1].

В послании говорилось: "Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу". В своем обращении митр. Сергий нигде не упомянул ни Советский Союз, ни его правительство. Он писал: "... мы, жители России, надеялись, что пожар войны, охвативший почти весь земной шар, до нас не дойдет..." (в этих словах можно найти упрек советским властям, еще в июне 1941 г. уверявшим, что войны не будет). Местоблюститель призывал священников не оставаться молчаливыми свидетелями и тем более не предаваться "лукавым соображениям" о "возможных выгодах" по другую сторону фронта, что было бы, по его словам, "прямой изменой Родине и пастырскому

---

[1] Патриарх Сергий и его духовное наследство. С. 48; Русская Православная Церковь 988–1988. Вып. 2. М.: Московская Патриархия, 1988. С. 50.

долгу"[1]. Здесь звучал намек на то, что после всех репрессий у некоторых священнослужителей могли появиться подобные мысли. Это пастырское послание было разослано по всем приходам страны и уже вскоре читалось после богослужений.

26 июня в Богоявленском соборе митр. Сергий отслужил молебен "о даровании победы". С этого времени во всех храмах Московской Патриархии стали совершаться подобные молебствия, по специально для них составленным текстам: "Молебен в нашествии супостатов, певаемый в Русской Православной Церкви в дни Отечественной войны"[2]. В проповеди, произнесенной Местоблюстителем после молебна 26 июня, также содержалось прямое указание на то, что положение в СССР перед войной было неблагополучно: "Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие миазмы. Да послужит и наступающая военная гроза к оздоровлению нашей атмосферы духовной... Мы уже видим некоторые признаки этого очищения"[3]. Так началось активное участие Русской Церкви в патриотической борьбе. В речи на Архиерейском Соборе 1943 г. митр. Сергий, вспоминая июнь 1941 г., говорил: "О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться..."[4]

26 июля глава Ленинградской епархии митрополит Алексий (Симанский) написал свое обращение к духовенству и мирянам "Церковь зовет к защите Родины". Особенную же известность получило его слово за литургией, произнесенное 10 августа в Московском Богоявленском соборе. Он говорил прежде всего о патриотизме и религиозности русского народа: "Как во времена Димитрия Донского и св. Александра Невского, как в эпоху борьбы с Наполеоном, не только патриотизму русских людей обязана была победа Русского народа, но и его глубокой вере в помощь Божию правому делу... мы будем непоколебимы в нашей вере в конечную победу над ложью и злом, в окончательную победу над врагом"[5]. С аналогичными обращениями выступили и другие православные иерархи.

Послания главы Русской Православной Церкви носили не только призывный и консолидирующий характер, но и имели разъяснительные цели. В них определялась твердая позиция Церкви по отношению к захватчикам и войне в целом независимо от положения на фронте. Так, 4 октября 1941 г., когда Москве угрожала смертельная опасность

---

[1]Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 3–4.

[2]См.: Правда о религии в России. С. 87–92.

[3]*Рар Г. (Ветров А.)* Плененная церковь. Очерк развития взаимоотношений между церковью и властью в СССР. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. С. 42.

[4]ЖМП, 1943, № 1. С. 7.

[5]Правда о религии в России. С. 104.

и население переживало тревожные дни, митрополит Сергий выпустил послание к московской пастве, призывая к спокойствию верующих[1].

В ноябре 1941 г., уже находясь временно в Ульяновске, митр. Сергий издал новое обращение, укрепляющее в народе уверенность в близком часе победы: "Премудрый же и Всеблагий Вершитель судеб человеческих да увенчает наши усилия конечной победой и да ниспошлет успехи воинству русскому, залог нравственного и культурного преуспевания человечества"[2].

Особое внимание в своей патриотической деятельности Русская Православная Церковь уделяла работе с верующими на оккупированной территории. В январе 1942 г. в специальном обращении к православным людям на временно оккупированной немцами территории Патриарший Местоблюститель напомнил, чтобы они, находясь в плену у врага, не забывали, что они — русские, и сознательно или по недомыслию не оказались предателями своей Родины. Одновременно митрополит Сергий призывал содействовать партизанскому движению. Так, в послании было подчеркнуто: "Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом непрестанного попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизану, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к нашему собственному освобождению от фашистского плена"[3].

Всего за годы войны Патриарший Местоблюститель обращался к верующим с патриотическими посланиями 24 раза, откликаясь на все основные события в военной жизни страны. Патриотическая позиция Церкви имела особое значение для православных христиан СССР, миллионы которых участвовали в боевых операциях на фронте и в партизанских отрядах, трудились в тылу. Тяжелые испытания и лишения войны стали одной из причин значительного роста религиозности в стране. Представители разных слоев населения искали и находили в Церкви моральную опору и утешение, своеобразную психологическую нишу. Существует множество свидетельств активного проявления религиозных чувств буквально с 22 июня 1941 г. Так, упоминавшийся торжественный молебен 26 июня в Богоявленском соборе Москвы "прошел при исключительно большом стечении народа как внутри, так и вокруг храма"[4].

В посланиях иерархов и проповедях священников Церковь не только утешала верующих в скорби, но и поощряла их к самоотверженному труду в тылу, мужественному участию в боевых операциях, поддерживала веру в окончательную победу над врагом, способствуя тем

---

[1] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 7.

[2] Там же. С. 10.

[3] Там же. С. 12.

[4] *Лисавцев Э. И.* Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М.: Политиздат, 1971. С. 204.

самым формированию высоких патриотических чувств и убеждений среди тысяч соотечественников. Кроме того, и от имени Церкви подвергались осуждению дезертирство, сдача в плен, сотрудничество с оккупантами. Все это способствовало изживанию пораженческих настроений, получивших определенное распространение в первый период войны и в конечном итоге создавало "нравственные условия победы", которые в значительной мере изменили ход военных событий.

Проявления патриотической деятельности Русской Церкви были очень многообразны. Сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 г. на свободу, отбыв срок в лагерях, тюрьмах и ссылках, были призваны в ряды действующей армии. Так, уже побывав в заключении, заместителем командира роты начал свой боевой путь по фронтам войны С. М. Извеков, будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен. Наместник Псково-Печерского монастыря в 1950–1960-х гг. архимандрит Алипий (Воронов) воевал все 4 года, оборонял Москву, был несколько раз ранен и награжден орденами. Будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексий (Коноплев) на фронте был пулеметчиком; когда в 1943 г. он вернулся к священнослужению, на груди его блестела медаль "За боевые заслуги". Протоиерей Борис Васильев, до войны диакон Костромского кафедрального собора, в Сталинграде командовал взводом разведки, а затем сражался в должности заместителя начальника полковой разведки. А знаменитый старший сержант Павлов, возглавлявший группу советских бойцов, несколько месяцев удерживавших "Дом Павлова" в центре Сталинграда, был до службы в армии монахом и т. д.[1] В докладе Г. Карпова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову о состоянии Русской Церкви от 27 августа 1946 г. указывалось, что многие представители духовенства награждены орденами и медалями Великой Отечественной войны и приводились конкретные примеры: священник Ранцев (Татарская АССР) — орденом Красной Звезды, протодиакон Зверев и диакон Хитков (Крымская область) — каждый четырьмя медалями и др.[2]

Активно участвовали священнослужители и в партизанском движении. На оккупированной территории они подчас являлись единственным связующим звеном между населением и партизанами. Священники укрывали отставших при отступлении от частей красноармейцев, сбежавших из лагерей военнопленных, вели патриотическую агитацию

---

[1] *Кашеваров А. Н.* Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917–1945 гг. С. 121; *Левитин А. Э.* Защита веры в СССР. Рукопись, привезенная из Советской России. С предисловием архиепископа Иоанна Сан-Францисского. Париж: ИМКА-Пресс, 1966. С. 56; Священники на фронте. С. 4; *Якунин В. Н.* Свидетельствует спецхран // Наука и религия, 1995, № 5. С. 15.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 73.

среди населения, сами вступали в ряды антифашистских отрядов. Десятки их были награждены медалью "Партизану Великой Отечественной войны". В том же докладе Г. Карпова говорится, что в Курской области священник Говоров скрывал у себя бежавших из фашистского плена летчиков и помог им перейти к своим, а протоиерей Семыкин не только помогал пленным красноармейцам, но и после прихода советских войск мобилизовал местное население для дежурства и ухода за ранеными в полевом госпитале[1].

Особенно многочисленны были примеры участия священнослужителей в антифашистской борьбе на оккупированной территории в "партизанской республике" — Белоруссии. Так, протоиерей Александр Романушко из Полесья с 1942 по лето 1944 г. лично участвовал в боевых операциях, ходил в разведку. В 1943 г. он при отпевании полицая при большом скоплении народа и в присутствии вооруженной охраны прямо на кладбище сказал: "Братья и сестры, я понимаю большое горе матери и отца убитого, но не наших молитв и "Со святыми упокой" своей жизнью заслужил во гробе предлежащий. Он — изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо "Вечный памяти" произнесем же: "Анафема". Подойдя к полицаям, он просил их искупить свою вину, обратив оружие против фашистов. Эти слова произвели на людей очень сильное впечатление, и прямо с кладбища многие ушли в партизанский отряд. Из письма о. Александра, посланного осенью 1944 г. митрополиту Алексию (Симанскому) известно, что число священников в Полесской епархии уменьшилось на 55% в связи с расстрелами их фашистами за содействие партизанам[2].

Можно привести множество подобных примеров. Не случайно даже в выпущенном в годы войны кинофильме "Секретарь райкома" священник помогает партизанам, и в конце фильма набат церковного звона призывает на защиту Отечества. Подробнее о порой очень неоднозначных отношениях духовенства на оккупированной территории с партизанским движением будет рассказано в следующем параграфе главы [3].

Необходимо отметить не только присутствие священнослужителей в составе действующей армии или антифашистского подполья, но и обращение к вере многих солдат, офицеров, партизан, в том числе старших командиров. Из свидетельства очевидцев известно, что начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников (полковник царской армии) носил финифтевый образ свят. Николая и молился: "Господи, спаси Россию и мой народ!" Его преемником на посту начальника Генштаба стал сын священника из Кинешмы маршал А. М. Василевский. В освобожденной Вене в 1945 г. по приказу маршала Ф. И. Толбухина

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 73

[2] *Якунин В. Н.* Велик Бог земли Русской. С. 37; *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в 1927–43 годах. С. 43.

[3] Об этом рассказывалось также в нескольких статьях автора.

(брат которого — протоиерей служил все годы блокады в Ленинграде) были отреставрированы витражи в русском православном соборе и отлит в дар храму колокол с надписью "Русской Православной Церкви от победоносной Красной Армии". Неоднократно свои религиозные чувства публично проявлял командующий Ленинградским фронтом маршал Л. А. Говоров, после Сталинградской битвы стал посещать православные храмы маршал В. Н. Чуйков. Широкое распространение среди верующих получила убежденность, что всю войну с собой в машине возил образ Казанской Божией Матери маршал Г. К. Жуков. В 1945 г. он вновь зажег неугасимую лампаду в Лейпцигском православном храме-памятнике, посвященном "Битве народов" с наполеоновской армией. А в конце 1940-х гг., отправленный командовать Одесским военным округом, проезжая Киев, Г. Жуков принес в храм и попросил оставить в алтаре свою "военную" икону Казанской Божией Матери[1]. Естественно, что верующими становились и рядовые солдаты, ежедневно рисковавшие своей жизнью. В одном из писем с фронта, характеризующем типичность ситуации того периода, солдат М. Ф. Черкасов писал домой матери: "Мама, я вступил в партию. ...Мама, помолись за меня Богу"[2]. О росте религиозности в армии в годы войны свидетельствуют архивные документы, очевидцы и даже литераторы, например, писатель В. Ф. Тендряков[3].

О проявлениях религиозных настроений в войсках, как правило, быстро становилось известно в вышестоящих инстанциях, но те, в основном, ограничивались пассивным наблюдением. Так, 16 февраля 1944 г. при взятии г. Луги советскими войсками генерал Лобанов вызвал в д. Заозерье ранее помогавшего партизанам священника М. С. Образцова и предложил ему в присутствии населения окрестных деревень, работников штаба и красноармейцев отслужить благодарственный молебен об одержании победы. После молебна генерал публично поблагодарил священника за антифашистскую деятельность[4]. В отчете уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви в Марийской АССР за 1944 г. отмечалось: "... к великому сожалению, церковь посещает даже командный состав воинских частей. Характерный случай: верующие переносили в сентябре месяце иконы из Цибикнурской церкви в Йошкар-Олу, и по пути следования к этим иконам прикладывались... командиры воинских частей и жертвовали деньгами — было собрано 17 000 рублей"[5]. Г. Карпов, докладывая в ЦК

[1] *Якунин В. Н.* Свидетельствует спецхран. С. 15; *Саулкин В.* Очистительное испытание // Радонеж, 1995, № 3. С. 5; *Седов В.* Пастырь добрый // ЖМП, 1990, № 5. С. 21.

[2] Советская Россия, 1990, 13 сентября.

[3] *Тендряков В. Ф.* Собрание сочинений. Т. 1. М.: Советский писатель, 1978. С. 224.

[4] ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 10, л. 1.

[5] Там же, д. 9, л. 193.

ВКП(б) о праздновании Пасхи в московских и подмосковных храмах в ночь с 15 на 16 апреля 1944 г., также подчеркивал: "Почти во всех церквах города, в том или ином количестве, были военные офицерского и рядового состава, общим числом более 500 человек... В области были также посещения церквей офицерским и рядовым составом. Так, например, в Казанской церкви (с. Коломенское Ленинского района) военных было 50 человек, в церкви Александра Невского (пос. Бирюлево Ленинского района) — 275 человек, в Троицкой церкви г. Подольска — 100 человек"[1].

Были случаи, когда с фронтов посылались в Москву телеграммы с просьбами направить в действующую армию материалы с проповедями духовенства Русской Церкви. Так, 2 ноября 1944 г. в Главное политуправление РККА с 4-го Украинского фронта поступила телеграмма, заверенная подполковником Лесновским, с просьбой "по встретившейся надобности в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения проповедей в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов Православной Церкви"[2]. Таким образом командование хотело откликнуться на настроения солдат. Есть свидетельства о выступлениях в действующей армии не только священников, но и архиереев[3]. Например, о совершении в ноябре 1942 г. под Сталинградом, на другом берегу Волги, митрополитом Николаем (Ярушевичем) молебна перед Казанским образом Божией Матери[4].

Когда эта решающая битва войны близилась к концу, 19 января Патриарший Местоблюститель в Ульяновске возглавил крестный ход на Иордань. Он горячо молился о победе русского воинства, но неожиданная болезнь заставила его слечь в постель. В ночь на 2 февраля 1943 г. митрополит, как рассказывал его келейник, архимандрит Иоанн (Разумов), пересилив недуг, попросил помочь подняться с постели. Встав с трудом, он положил три поклона, благодаря Богу и затем сказал: "Господь воинств, сильных в брани, низложил восстающих против нас. Да благословит Господь людей своих миром! Может быть, это начало будет счастливым концом". Утром радио передало сообщение о полном разгроме немецких войск под Сталинградом[5].

Показательно для определения значительного роста религиозности рождение в военные годы легенд, объясняющих все крупнейшие победы советских войск: под Москвой, Курском, Сталинградом и другие — помощью Небесных сил. Одна из них в современном изложении гласит: "Зимой 1941 г... изрядно смутившийся Сталин вспомнил свое

---

[1] *Якунин В. Н.* Свидетельствует спецхран. С. 15.

[2] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 3, л. 45.

[3] *Филадельф, иеромонах.* Заступница усердная. М.: Московская Патриархия, 1994. С. 196.

[4] *Саулкин В.* Указ. соч. С. 5.

[5] Там же.

единственное незаконченное образование — Тбилисскую духовную семинарию ...и призвал к себе в Кремль духовенство для молебна о даровании победы; тогда же ...чудотворная Тихвинская икона Богоматери из Тихвинской в Алексеевском церкви была на самолете обнесена вокруг Москвы и Москву от врага спасла"[1]. Но эта легенда, в отличие от некоторых других, практически не опирается на реальные события.

Гражданским подвигом стало поведение верующих и духовенства Ленинграда. В городе и его северных пригородах, оказавшихся в кольце блокады, находилось 10 действующих православных храмов. По предложению митрополита Алексия (Симанского) уже с 23 июня приходы Ленинграда начали сбор пожертвований на оборону. Владыка поддержал желание верующих отдать на эти цели имевшиеся в храмах запасные суммы, порой очень значительные. Особенно активно проявлялось желание оказывать запрещенную с 1918 г. благотворительную помощь. Вспоминали опыт первой мировой войны, когда многие приходы устраивали госпитали. Так, двадцатка Князь-Владимирского собора предложила на свои средства открыть и содержать лазарет для раненых и больных воинов и 8 августа передала на него 710 тыс. из 714 тыс. имевшихся у нее рублей. Однако подобная конкретная благотворительная деятельность осталась под запретом и после начала войны. Приходам разрешили перечислять деньги только в общие фонды — Красного Креста, обороны и т. п. Но даже такое ограничение не погасило воодушевления верующих и духовенства. Храмы отказывались от всех расходов, кроме самых необходимых. Повсеместно солдатам собирали теплые вещи, прихожане жертвовали продовольствие для больных и т. д. 385 тыс. рублей в первые дни войны выделил Никольский собор, всего же к концу 1941 г. свои взносы сделали все православные приходы Ленинграда на общую сумму 2144 тыс. рублей[2].

С конца июня 1941 г. храмы стали заметно наполняться народом: многие приходили помолиться за своих близких. Но богослужения пришлось приспособить к военным условиям: утром они начинались в 8 часов, вечером — в 16. Молодые церковнослужители ушли в армию, народное ополчение, на оборонное строительство. Оставшиеся изучали средства противопожарной и противовоздушной обороны и возглавили соответствующие группы прихожан, созданные при каждом храме. Были созданы и группы сохранения порядка на случай паники во время богослужения. Среди оборонных мероприятий важное значение имела и маскировка соборов, которые могли бы стать ориентирами и целями при воздушных налетах на город. В августе началась маскировка их золотых куполов с помощью чехлов, маскировочных сетей и окраски в защитный цвет. Фронт стремительно приближался к городу. Немало ленинградцев, среди них и несколько священников,

---

[1] *Паламарчук П.* Указ. соч. С. 16.

[2] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 4, лл. 1–2, 53, ф. 7384, оп. 33, д. 209, л. 154.

опасаясь за свои семьи, проводившие лето на даче, выехали за ними, но неожиданно сами оказались в оккупации. Один из них, протоиерей Александр Петров, вскоре начавший служить в Гатчинском соборе, в августе 1942 г. был расстрелян фашистами.

8 сентября сомкнулось кольцо блокады. Начались артиллерийские обстрелы города. От снарядов и бомб пострадали Никольский, Князь-Владимирский соборы, здание бывшей Духовной Академии, где тогда размещался госпиталь. Даже отдаленная Коломяжская церковь в ноябре 1941 г. подверглась бомбардировке. Один из ее прихожан — С. И. Каяйкин был убит прямо в церковной сторожке. Но богослужения в действовавших храмах продолжали совершаться ежедневно. В первое время по сигналу тревоги молящиеся уходили в бомбоубежище, затем привыкли, и службы зачастую не прерывались, только дежурные МПВО занимали свои места.

К концу сентября фашистские войска под Ленинградом были остановлены. Рано наступившая зима оказалась на редкость суровой. В городе почти прекратилась подача электроэнергии, остановился транспорт, многие здания не отапливались. В храмах температура упала до нуля, порой замерзало масло в лампадах, все больше людей умирало от голода. Протоиерей Николай Ломакин, давая свидетельские показания на Нюрнбергском процессе, рассказывал, что вокруг Никольской церкви Большеохтинского кладбища можно было в течение целого дня видеть груды гробов — 100, 200 гробов, над которыми совершал отпевание священник. Всем ленинградским священнослужителям приходилось постоянно заниматься этим скорбным делом. В кафедральном Никольском соборе митрополит Алексий нередко сам отпевал усопших, обставляя эти службы очень торжественно.

Даже в самую страшную блокадную зиму 1941–1942 гг. храмы продолжали функционировать (лишь Серафимовская кладбищенская церковь в январе–апреле 1942 г. была закрыта), давая горожанам духовное утешение и поддержку. Весь период блокады продолжался значительный рост религиозного чувства горожан. Богослужения проходили при переполненных храмах. Один из прихожан Князь-Владимирского собора позднее вспоминал о декабре 1941 г.: "Певчие пели в пальто с поднятыми воротниками, закутанные в платки, в валенки, а мужчины даже в скуфьях. Так же стояли и молились прихожане. Вопреки опасениям, посещаемость собора нисколько не упала, а возросла. Служба у нас шла без сокращений и поспешности, много было причастников и исповедников, целые горы записок о здравии и за упокой, нескончаемые общие молебны и панихиды"[1]. Митр. Алексий в своем докладе 8 сентября 1943 г. на Соборе епископов Православной Церкви также указывал: "И мы можем отмечать повсюду, а живущие в местах, близких к военным действиям, как например, в Ленинграде, в особенности, — как

[1]Как мы переживали в Ленинграде первый год войны // ЖМП, 1943, № 3. С. 30–31.

усилилась молитва, как умножились жертвы народа через храмы Божии, как возвысился этот подвиг молитвенный и жертвенный. Тени смерти носятся в воздухе в этом героическом городе-фронте, вести о жертвах войны приходят ежедневно. Самые жертвы этой войны часто, постоянно у нас перед глазами...”[1]

Ленинград сражался не только силой оружия, но и молитвой Церкви, силой общего воодушевления. В чин Божественной Литургии вводились специальные молитвы о даровании победы нашему доблестному воинству и избавлении томящихся во вражеской неволе. Служился тогда и особый молебен “В нашествии супостатов, певаемый в Отечественную войну”. Позднее на некоторых богослужениях в Никольском кафедральном соборе присутствовало командование Ленинградским фронтом во главе с маршалом Л. А. Говоровым.

Голодная блокада не щадила и священнослужителей. Только в Князь-Владимирском соборе в 1942 г. умерло 8 служащих и членов клира: 2 приписных священника, протодиакон Георгий Верзилов, бывший регент хора, сторож и певчий Воробьев, 3 дворника, а также бессменный председатель двадцатки И. М. Куракин[2]. В Никольском соборе прямо за богослужением умер регент, звонарь А. А. Климанов, не пережил голодную зиму и келейник митрополита Алексия инок Евлогий.

Можно привести много примеров подвижнического служения ленинградского духовенства. “Всю войну не было дня, чтобы отец не пошел на работу, — вспоминала балерина Кировского театра И. В. Дубровицкая о своем отце, протоиерее Никольского собора Владимире Дубровицком. — Бывало, качается от голода, я плачу, умоляю его остаться дома, боюсь — упадет, замерзнет где-нибудь в сугробе, а он в ответ: “Не имею я права слабеть, доченька. Надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укрепить, ободрить”. И шел в свой собор. За всю блокаду обстрел ли, бомбежка ли — ни одной службы не пропустил”[3]. Священнослужители, сами испытывая все невзгоды, понимали, как нуждаются люди в поддержке, утешении. А ведь многие из них, уже очень немолодые, жили далеко от своих храмов.

Даже старейший протоиерей Иоанн Горемыкин на восьмом десятке лет каждый день пешком добирался с Петроградской стороны в Коломяги. Сохранились свидетельства прихожан, что он порой последний паек свой отдавал голодающим. Отец Иоанн благословлял земляков на фронт, а сыну, работавшему в городе главным инженером одного из военных заводов, сказал: “Как это так? Все идут защищать Родину, а мой сын будет отсиживаться?” И Василий Горемыкин пошел в армию.

---

[1] ЖМП, 1943, № 1. С. 11.

[2] ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 209, лл. 157, 203.

[3] *Каноненко В.* Поправка к закону сохранения энергии. Балет в блокадном Ленинграде // Наука и религия, 1986, № 5. С. 9.

Командующий фронтом Л. А. Говоров, узнав об этом, специально приезжал в Коломяжскую церковь благодарить отца-протоиерея[1]. Правда, другой сын пастыря Дмитрий только за то, что он служил священником в церкви на оккупированной территории Ленинградской области, был в 1944 г. арестован и отправлен на несколько лет в лагерь.

Священники и их паства в блокированном городе жили одной судьбой. Вокруг храмов существовали объединения людей, которые помогали друг другу выжить, выстоять. Так, например, автономно, без какого-либо существенного вмешательства городских властей функционировала община обновленческого Спасо-Преображенского собора. В его подвале было оборудовано бомбоубежище на 500 чел. для прихожан и жителей окрестных домов, в котором старались поддерживать тепло. Имелся кипяток, запас медикаментов, в случае необходимости, в подвале можно было переночевать. Нуждающимся людям помогали деньгами, дровами, свечами, маслом для освещения и т. д. В соборе с довоенных времен имелся запас строительных материалов, и прихожанам делали из железных листов печи для обогрева квартир, выделяли фанеру, картон, чтобы заменить ими выбитые взрывной волной оконные стекла.

Несмотря на оказываемую помощь, люди умирали. К весне 1942 г. из 6 членов предвоенного клира в Преображенском соборе в живых осталось лишь двое — протопресвитер Павел Фруктовский и протодиакон Лев Егоровский. Оба они жили на очень большом расстоянии от храма: настоятель на Васильевском острове, у Смоленского кладбища, протодиакон же — за городом, в Парголово. Но даже в самую тяжелую пору они постоянно служили в соборе. В ходатайстве прихожан осенью 1943 г. о награждении Фруктовского медалью "За оборону Ленинграда" говорилось: "...в зиму 1941–42 г., когда отсутствовало трамвайное сообщение, а живет отец Павел от собора 15 км., он, опухший от недоедания, в возрасте 65 лет, ежедневно посещал собор, он был единственный священник, временами он приходил на службу совсем больной и домой уже не мог возвращаться и ночевал в холодном соборе"[2]. Много месяцев Фруктовский обслуживал приход на пределе физических возможностей: он один и литургисал, и исповедовал, и отпевал, и совершал все требы. Но община выстояла. Весной 1942 г. она приступила к уборке прилегавших к храму площади и улиц, начала обрабатывать выделенный ей для огорода участок земли.

Приближалась первая военная Пасха (5/18 апреля). В праздничном послании митр. Алексия подчеркивалось, что в этот день исполняется 700 лет со дня разгрома немецких рыцарей в Ледовом побоище св. князем Александром Невским — небесным покровителем города на Неве. Пасхальное богослужение собрало много народа, однако меньше,

---

[1] *Седов В.* Указ. соч. С. 21.

[2] ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 67, л. 132.

чем год назад: сказывались последствия войны. Каждый третий житель города умер от голода, в первой половине 1942 г. развернулась массовая эвакуация. Важно отметить, что практически все служащее духовенство осталось на своих местах. Эвакуировались лишь заштатные священнослужители. Многие верующие вместо куличей освящали кусочки блокадного хлеба.

Богослужение было перенесено на 6 часов утра, что позволило избежать больших жертв. Именно к Пасхе гитлеровцы приурочили особенно яростный налет на Ленинград. Так, серьезные повреждения были нанесены в Пасхальную ночь Князь-Владимирскому собору. Фашистские самолеты не только сбрасывали на него бомбы, но и обстреливали на бреющем полете из пулеметов. Согласно акту специальной комиссии под председательством митр. Алексия, общий ущерб от попадания снарядов и бомб в собор с августа 1941 по 1 мая 1943 г. составил 5514 тыс. руб. В 1943 г. особенно часто обстреливался Никольский собор, однажды в него попали 3 снаряда, причем осколки врезались в стену покоев митрополита. Владыка вошел в Алтарь, показал причту осколок снаряда и улыбаясь сказал: "Видите, и близ меня пролетела смерть. Только, пожалуйста, не надо этот факт распространять. Вообще, об обстрелах надо меньше говорить... Скоро все это кончится. Терпеть недолго осталось"[1]. Следует отметить, что представители духовенства наравне со всеми жителями несли труды по обороне города, входили в группы самозащиты МПВО. Например, в справке, выданной 17 октября 1943 г. архимандриту Владимиру (Кобецу) Василеостровским райжилуправлением, говорилось, что он "состоит бойцом группы самозащиты дома, активно участвует во всех мероприятиях обороны Ленинграда, несет дежурства, участвовал в тушении зажигательных бомб"[2].

Активно включилось духовенство города в подписку на военные займы, сбор пожертвований в фонд обороны. К 1 июня 1944 г. сумма таких пожертвований достигла 390 тыс. руб., в том числе митрополит внес 50 тыс., а протодиакон Л. И. Егоровский, сдавший 49 тыс., получил персональную телеграмму с благодарностью от И. Сталина. Однако основной поток пожертвований шел от мирян. Всего же верующие ленинградцы за 1942 г. собрали 1485 тыс., а за 1943 — 5051 тыс. руб.[3]

Торжественно и празднично отмечалось ленинградским духовенством и мирянами полное освобождение города от вражеской блокады. Во всех храмах по благословению митрополита 23 января 1944 г. были совершены благодарственные молебствия, перед началом которых настоятели читали слово митр. Алексия: "Слава в вышних Богу, даровавшему нашим доблестным воинам новую блестящую победу

---

[1] *Ломакин Н.* За оборону Ленинграда — за нашу Советскую Родину // ЖМП, 1945, № 4. С. 27.

[2] ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 209, л. 243.

[3] Там же, л. 199, д. 210, лл. 1–11, ф. 9324, оп. 1, д. 4, лл. 54–55.

на нашем родном, близком нам Ленинградском фронте... Эта победа окрылит дух нашего воинства и как целительный елей утешения падет на сердце каждого ленинградца, для которого дорога каждая пядь его родной земли..."[1] 28 января Владыка вместе с членами областной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков посетил освобожденные пригороды — Петергоф, Пушкин и под впечатлением увиденной картины варварского разрушения дворцов и храмов написал гневную статью для "Журнала Московской Патриархии".

Религиозный подъем в епархии на заключительном этапе войны наглядно подтверждают статистические данные по Ленинграду. Например, если в Никольском соборе в первой половине 1944 г. было совершено около 86 тысяч треб, то в первом полугодии 1945 г. — 110 тыс. Количество отпеваний покойников составляло в I квартале 1944 г. 42,8% всех захоронений на кладбищах Ленинграда, во II квартале — 48,2%. В результате значительно выросли доходы городских священнослужителей — в 1945 г. в среднем по разным оценкам на 130–180% и превысили аналогичные показатели в Москве более чем в 3 раза, выйдя на третье место среди всех крупных городов СССР[2].

Подъем проявился и в том, что с освобождением Ленинграда от блокады патриотическое движение верующих в епархии еще более усилилось. Только за 3 первых послеблокадных месяца было собрано 1 млн. 191 тыс. рублей. Ленинградцы горячо поддержали митр. Алексия, 25 октября 1944 г. опубликовавшего послание об открытии всецерковного сбора в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной Армии. Общая сумма патриотических взносов духовенства и мирян Ленинградской епархии за июль 1941 — июнь 1945 гг. составила 17 423,1 тыс. рублей, в том числе 16 274,5 тыс. собрали жители города на Неве[3].

Таким образом, обращение к Церкви в блокадном Ленинграде носило массовый характер, более значительный, чем во многих других районах страны. Религиозный фактор сыграл очень существенную роль в обороне города. Действовавшие весь период блокады храмы активно способствовали мобилизации материальных средств и духовных сил ленинградцев.

Материальная помощь государству и советской армии в целом стала одним из самых важных направлений патриотического служения духовенства и верующих в период войны. Уже с лета 1941 г. не только ленинградские, но и практически все православные приходы страны начали сбор денежных пожертвований и ценных предметов в фонд обороны, хотя всецерковный призыв "трудами и пожертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам" митрополит Сергий огласил 14 октября[4]. Особенно активно в первые месяцы проявило себя

---

[1] Благодарственные молебны в Ленинграде // ЖМП, 1944, № 2. С. 11–12.

[2] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 29, лл. 10, 15, 18.

[3] Там же, д. 22, лл. 10, 22, 24.

[4] *Куроедов В. А.* Религия и церковь в Советском государстве. С. 98.

духовенство Горького и Харькова. Протоиерей единственной церкви г. Горького А. А. Архангельский в апреле 1942 г. писал Патриаршему Местоблюстителю: "Любовь к родине, защита ее целостности от врагов была заветом всех православных христиан. Поэтому верующие особенно горячо отнеслись к призыву о помощи на нужды фронта, на нужды и помощь раненым бойцам. Достаточно указать, что нами собрано пожертвований и передано в Фонд обороны свыше двух миллионов рублей. Верующие охотно несли по примеру своих предков не только деньги, облигации, но и лом серебра, меди и другие вещи, обувь, полотенца, полотно и пр. Было заготовлено и сдано немало валяной и кожаной обуви, шинелей, носков, перчаток, белья. Одной шерсти перевязали на носки более 4 пудов. Был организован особый сбор на подарки для бойцов в день годовщины Красной Армии, давший свыше 30 000 рублей. Подарки были разнесены по госпиталям для раненых, которые сердечно приняли такую внимательную о них заботу. Выпуск денежной вещевой лотереи также встретил поддержку среди верующих. Церковный совет внес за билеты 35 000 руб. с переводом их непосредственно в Фонд обороны для Красной Армии"[1]. В Саратове за 1943 г. верующие собрали 2339 тыс. руб., а к 15 сентября 1944 г. еще 1350 тыс. руб., из них 600 тыс. на строительство 6 самолетов эскадрильи имени Александра Невского[2].

В конце 1944 г. каждая епархия прислала в Синод отчеты о своей патриотической деятельности по специальной форме. Выяснилось, что к этому времени общая сумма церковных взносов на нужды войны по предварительным неполным данным составила более 200 млн. рублей, в том числе по Горьковской области — 9234 тыс., Ставропольскому краю — 6130 тыс., Свердловской области — 4615 тыс., Красноярскому краю — 4179 тыс. и т. д. Лишь священнослужители Кемеровской области, в основном принадлежавшие к "непоминающим", не признавали компромиссов митрополита Сергия с советской властью и к маю 1944 г. никакой церковно-патриотической работы еще не проводили[3].

Особую страницу составляет создание на церковные средства танковой колонны "Димитрий Донской". Не существовало почти ни одного даже сельского прихода на свободной от фашистов земле, не внесшего свой вклад в общенародное дело. В воспоминаниях о тех днях протоиерея церкви села Троицкого Днепропетровской области И. В. Ивлева говорится: "В церковной кассе денег не было, а их надо было достать... Я благословил двух 75-летних старушек на это великое дело. Пусть их имена будут известны людям: Ковригина Мария Максимовна и Горбенко Матрена Максимовна. И они пошли, пошли уже после того, как весь народ уже внес свою посильную лепту через сельсовет. Пошли две

[1]Крестный путь патриарха Сергия: документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины). С. 71.

[2]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 13, лл. 12–13.

[3]Там же, д. 16, лл. 2, 10–34; ЖМП, 1944, № 12. С. 11.

Максимовны просить Христовым именем на защиту дорогой Родины от насильников. Обошли весь приход — деревни, хутора и поселки, отстоявшие в 5–20 километрах от села, и в результате — 10 тысяч рублей, сумма по нашим разоренным немецкими извергами местам значительная"[1].

Собирались средства на танковую колонну и на оккупированной территории. Примером тому — гражданский подвиг священника Федора Пузанова из села Бродовичи-Заполье. На оккупированной Псковщине для строительства колонны он сумел собрать среди верующих целую котомку золотых монет, серебра, церковной утвари и денег. Эти пожертвования на общую сумму около 500 тысяч рублей были переданы партизанами на Большую землю[2].

40 танков "Т-34", которые составили общецерковную танковую колонну, были построены на заводе Челябинска. Их передача частям Красной Армии состоялась у деревни Горелки, что в 5 километрах северо-западнее Тулы, по месту расположения комплектующих военных лагерей.

На торжественном митинге в день передачи колонны, 7 марта 1944 г., выступил митрополит Николай (Ярушевич). Он весь период войны был одним из основных организаторов и руководителей патриотической деятельности духовенства Московской Патриархии. Уже летом 1941 г., будучи экзархом западных областей Украины и Белоруссии, владыка был вынужден покинуть свою резиденцию в Луцке, и, переезжая с места на место в прифронтовой полосе, своими богослужениями и проповедями поддерживал дух местного населения. Патриарший Местоблюститель одобрил его инициативу и 15 июля 1941 г. назначил митрополитом Киевским и Галицким, экзархом всея Украины. Но 19 сентября Киев был оставлен советскими войсками и владыка Николай эвакуировался в Москву и в период пребывания митрополита Сергия в эвакуации в Ульяновске в октябре 1941 — августе 1943 гг. был управляющим Московской епархии. Сохранилась обширная переписка между митрополитами Николаем и Сергием того времени. В ней, в частности, говорилось, что 25 патриарших храмов Москвы и пригородов ко дню рождения советской армии — 23 февраля 1942 г. собрали 1159 тыс. рублей, а к 1 мая на подарки военнослужащим — 541 тыс. рублей[3]. Под руководством Владыки Николая московские приходы внесли также 2 млн. рублей на танковую колонну "Димитрий Донской", свыше 1 млн. — на эскадрилью "Александр Невский" и т. д. Сам митрополит неоднократно выступал с патриотическими воззваниями и обращениями, а 2 ноября 1942 г. был утвержден одним из 10 членов

---

[1] ЖМП, 1944, № 7. С. 26.

[2] Московский церковный вестник, 1989, № 2. С. 6.

[3] Крестный путь патриарха Сергия. С. 48, 49, 69–73; Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. С. 49–50, 59–60.

Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. В этом качестве он совершил десятки поездок по разрушенным в ходе боев районам.

С каждым годом войны сумма церковных взносов заметно росла. В 1943 г. саратовские православные клирики и миряне 131 тыс. рублей внесли на восстановление Сталинграда, а новосибирские — 110 тыс. на строительство сибирской эскадрильи "За Родину". Но особенное значение в заключительный период войны имел начатый в октябре 1944 г. сбор средств в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной Армии. 10 октября в своем письме к И. Сталину возглавлявший Русскую Церковь после смерти митрополита Сергия митрополит Ленинградский Алексий писал: "Эта забота со стороны всех верующих нашего Союза о детях и семьях наших родных воинов и защитников да облегчит великий их подвиг, а нас да соединит еще более тесными духовными узами с теми, кто не щадит и крови своей ради свободы и благоденствия нашей Родины"[1]. Еще в мае 1944 г. митр. Алексий и его сестра А. Погожева передали свою дачу на станции Сиверская под детский дом детей погибших солдат и офицеров[2]. После освобождения части территории СССР ее духовенство и миряне также активно включались в патриотическую работу. Так, в Орле после изгнания фашистских войск было собрано 2 млн. рублей. "День освобождения Донбасса" — 10 сентября, в 1944 г. священники Ворошиловградской области ознаменовали сбором денежных средств — 202 тыс. рублей в фонд Красной Армии[3]. Епископ Уманский Иосиф (Чернов) в апреле 1944 г. сразу же после вступления советских войск в город обратился с воззванием к его жителям: "Поздравляем вас с освобождением от иноверцев — немецких оккупантов... мы призываем вас... помочь вашими пожертвованиями через Церковь или банк в Фонд обороны страны... Женщины и девушки! Не пожалейте своих колец и серег, своих ценностей, шейных крестиков и других золотых и серебряных предметов, они пойдут на помощь вашим мужьям и братьям. Помогите стране! Боголюбивые старушки! Не пожалейте для ваших сыновей ничего, ваша лепта будет принята самим Господом... да вознаградит вас Господь здесь и в загробной жизни"[4]. В рапорте благочинного Черкасского района Киевской области протоиерея Е. Телишенко Патриарху говорилось, что сразу же после освобождения Черкасс 14 ноября 1943 г. он призвал к сбору пожертвований на оборону страны, и в результате к 1 июля 1945 г. было собрано 223 тыс. рублей и 39 тонн продуктов. Монахи Киево-Печерской Лавры за 1944 г., хотя из 30 тыс.

[1] ЖМП, 1944, № 10. С. 2.

[2] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 13, л. 19.

[3] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 13, л. 34; ЖМП, 1944, № 7. С. 39.

[4] Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.). С. 51–53.

рублей их ежемесячных доходов 25 тыс. выплачивалось в виде налогов, дополнительно внесли на оборону страны более 70 тыс. рублей[1] и т. д.

В советских документах можно встретить самые разные суммарные цифры патриотических взносов Русской Церкви в годы войны — от 50 млн. до 10 млрд. рублей[2]. Но если первая цифра явно занижена, то вторая представляется многократно завышенной. По подсчетам Московской Патриархии, к лету 1945 г. было собрано более 300 млн. рублей, не считая драгоценностей, вещей и продуктов. Эту же цифру указывает в своем отчете в ЦК ВКП(б) от 27 августа 1946 г. Г. Г. Карпов[3]. Реально общая сумма была больше как минимум на несколько десятков миллионов, так как далеко не везде был организован четкий учет взносов даже прихожан Патриаршей Церкви, не говоря уже об обновленцах, григорианах и иосифлянах. Естественно, не учитывались и суммы, вносимые верующими под влиянием призывов иерархов Церкви непосредственно в банки.

Трудно назвать все виды патриотической деятельности духовенства. К ним относятся и антифашистские послания к народам захваченных Германией стран, и постановление Архиерейского Собора 8 сентября 1943 г. "Осуждение изменников вере и отечеству", в котором говорилось, что "всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана"[4]. В прифронтовой полосе при храмах существовали убежища для престарелых и детей, а также перевязочные пункты, особенно в период отступлений 1941–1942 гг., когда многие приходы взяли на себя попечение об оставленных на произвол судьбы раненых. Участвовало духовенство и в рытье окопов, организации противовоздушной обороны, мобилизуя людей, утешая потерявших родных и кров. В тылу, в сельских местностях, бывали случаи, когда священники после воскресной литургии призывали верующих вместе с ними выйти на колхозные поля для выполнения тех или иных срочных работ[5].

Особенно много священнослужителей трудилось в военных госпиталях. Такие госпитали были устроены в значительной части монастырей и находились на полном содержании и обслуживании монашествующих. Так, например, сразу же после освобождения Киева в ноябре 1943 г. Покровский женский монастырь исключительно своими силами организовал госпиталь, который обслуживали в качестве медсестер и санитарок насельницы обители, а затем в нем разместился эвакогоспиталь, в котором сестры продолжали работать до 1946 г.

---

[1] Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.). С. 67–68; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 18, лл. 50–58.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 313, л. 3.

[3] *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 42; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 72.

[4] ЖМП, 1943, № 1. С. 16.

[5] *Рар Г.* Указ. соч. С. 81; *Соколов П.* Указ. соч. С. 61–62.

Монастырь получил несколько письменных благодарностей от администрации за отличное обслуживание раненых, а настоятельница игуменья Архелая была представлена к награждению орденом за патриотическую деятельность. Настоятельницу другого — Одесского Михайловского женского монастыря игуменью Анатолию (Букач) наградили медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", так как она с сестрами оказала советской армии большую помощь медикаментами, продуктами и одеждой[1].

Слишком активную, по мнению властей, помощь духовенства госпиталям они порой даже пытались ограничить. Так, 12 мая 1943 г. заместитель наркома государственной безопасности Б. З. Кобулов писал секратарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову: "По сообщению УНКВД по Тульской области, в г. Калуге местный епископ православной церкви Питирим обратился к командованию госпиталя № 2751/ФЭП № 1 с предложением принять шефство над госпиталем. Согласовав этот вопрос с ... политотделом Западного фронта, командование госпиталя приняло предложение... В дальнейшем, осуществляя это шефство, церковный совет собрал среди верующих 50 000 рублей, приобрел на них до 500 подарков, которые были розданы раненым... На те же средства церковники купили и передали госпиталю плакаты, лозунги, портреты руководителей партии и правительства, нанимали парикмахеров, баянистов и т. д. В апреле месяце силами церковного хора в госпитале дважды устраивались концерты с программой русских народных песен и песен советских композиторов. Получив эти сведения, НКГБ СССР приняты меры к недопущению впредь попыток со стороны церковников входить в непосредственные сношения с командованием госпиталей и ранеными под видом шефства"[2].

В Красноярске в годы войны в должности главного хирурга эвакогоспиталя трудился епископ Лука (Войно-Ясенецкий), известный ученый-медик, прошедший лагеря и ссылки. Благодаря его операциям большому числу раненых воинов были сохранены жизнь и здоровье. В кабинете, операционной владыки висели иконы, и каждую операцию он начинал с молитвы. Это вызвало недовольство Г. Карпова, и 4 мая 1944 г. председатель Совета по делам Русской Православной Церкви попросил митрополита Сергия принять соответствующие "меры воздействия". И все же в 1945 г. за капитальный труд "Очерки гнойной хирургии" возведенному в сан архиепископа Луке была присуждена Сталинская премия I степени, большую часть которой он пожертвовал на помощь сиротам[3].

---

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 530, л. 53; Тихие обители // Наука и религия, 1995, № 5. С. 9.

[2]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 188, л. 13.

[3]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 4, л. 25; ЖМП, 1946, № 3. С. 44; *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Париж: Имка-Пресс, 1979. С. 330, 382–385.

Всего за патриотическую деятельность почти 40 представителей духовенства были награждены медалями "За оборону Ленинграда" и "За оборону Москвы", более 50 удостоены медали "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", несколько десятков — медали "Партизану Великой Отечественной войны"[1].

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война, вопреки ожиданиям многих, не обострила отношения Московской Патриархии с государством. Церковь не поддалась искушению рассчитаться за нанесенные ей жесточайшие удары. Патриотизм православного духовенства и мирян оказался сильнее обид и ненависти, вызванных долгими годами гонений на религию. С первого дня Отечественной войны руководство Московской Патриархии призвало народ к защите Родины и этим поддержало и государство. Такая позиция Церкви была особенно важна в свете значительного роста религиозности в первой половине 1940-х гг. как среди мирного населения, так и среди военнослужащих. Она создавала, по словам митрополита Алексия, "нравственные условия победы"[2]. Религиозный фактор сыграл очень существенную роль в изменении поначалу неблагоприятного для СССР хода боевых действий. Проявления патриотической деятельности Русской Церкви были очень многообразны: морально-нравственное влияние (через послания, обращения, проповеди); сбор денежных средств, драгоценностей, медикаментов, одежды, продуктов в фонд обороны; служба церковнослужителей в рядах действующей армии и участие в партизанском движении; помощь раненым бойцам шефством над госпиталями и созданием санитарных пунктов; участие в сооружении оборонительных укреплений, организации противовоздушной обороны и т. д. Личным примером духовенство Московской Патриархии призывало народ к мобилизации всех сил в помощь обороне и укреплению тыла. Все это не могло не оказать воздействие и на религиозную политику советского правительства.

§ 3. Религиозное возрождение на оккупированной территории СССР.

В первые же месяцы Великой Отечественной войны значительная часть СССР была оккупирована фашистскими войсками. Религиозная жизнь на ней весьма отличалась от жизни на советской территории. Как уже указывалось, подавляющее большинство районов страны к лету 1941 г. (а ведь среди сельского населения две трети являлись верующими) оказалось вообще без функционирующих храмов. Такое

[1]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 4, л. 1–3; *Якунин В. Н.* "Велик Бог земли Русской". С. 37; Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) С. 57–58.

[2]*Соколов П.* Указ. соч. С. 59.

неестественное положение могло поддерживаться только репрессивными мерами. Как следствие, на оккупированной территории произошло чрезвычайное оживление религиозной жизни. Об этом свидетельствуют многие факты. Так, по наблюдению протоиерея А. Ионова, написавшего "Записки миссионера о жизни в советской России", "религиозное пробуждение было общим, массовым и стихийным. Народ как в городах, так и в сельской местности... сам шел на открытие храмов, на их временный ремонт и украшение"[1]. В докладе митрополиту Алексию псаломщика Николо-Конецкого прихода Гдовского района Псковской области С. Д. Плескача от 25 января 1944 г. отмечалось: "Могу сообщить, что русский человек совершенно изменился, как только появились немцы. Разрушенные храмы воздвигались, церковную утварь делали, облачения доставляли оттуда, где сохранились, и много строили и ремонтировали храмы. Всюду красилось. Крестьянки вешали чистые вышитые самими полотенца на иконы. Появилась одна радость и утешение. Когда все было готово, тогда приглашали священника и освящался храм. В это время были такие радостные события, что я не умею описать. Прощали обиды друг другу. Крестили детей. Зазывали в гости. Был настоящий праздник, а праздновали русские крестьяне и крестьянки, и я чувствовал, что здесь люди искали утешение"[2]. Журналист В. Д. Самарин, живший в годы оккупации в Орле, вспоминал: "Проснулось, всплыло на поверхность души спрятанное глубоко при большевиках религиозное чувство. Молящиеся переполнили церкви, по деревням носили чудотворные образа. Молились так, как давно не молились. Не было семьи, в которой не было бы своего горя, не было бы жертв... Молились истово! Мне не забыть первого посещения церкви в Орле. Мы пришли всей семьей, с женой и дочерью, которая входила в церковь первый раз в жизни. Когда мы вошли, я вдруг увидел, как у дочери, у этого маленького человека, впервые вошедшего в храм, побежали по щекам слезы"[3] и т. д.

Планируя нападение на СССР, фашисты рассчитывали активно использовать религиозный фактор в своих целях. Они уже имели богатый опыт проведения подобной политики как в Германии, так и на захваченных ими территориях в Европе. В системе Главного управления имперской безопасности (СД) имелся специальный "церковный отдел". В его задачи входили контроль и наблюдение за деятельностью религиозных организаций всех конфессий, изучение настроений духовенства и активных прихожан, внедрение агентуры в церковные административно-управленческие структуры и вербовка агентов из среды священнослужителей. Практически во всех странах Европы действовала разветвленная агентурная сеть отдела. Он также обеспечивал про-

---

[1]Записки миссионера о жизни в Советской России // Вестник РХД, 1956, № 40. С. 35.

[2]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 3.

[3]*Samarin V. D.* Civilian Life under the German Occupation, 1942–1944. P. 55.

движение "своих" людей на различные иерархические должности, в церковные и общественные фонды, комитеты и т. п.

При этом основной линией в решении "религиозного вопроса" была ориентация на разрушение (внутреннее и внешнее) сложившихся традиционных устойчивых церковных структур, "атомизацию" конфессий и Церквей. Там, где это признавалось неэффективным или не отвечающим целям рейха, — ставилась задача, не останавливаясь ни перед какими средствами и методами воздействия, достижения полного над ними контроля. В самой Германии во второй половине 1930-х гг. разрушались храмы, активно арестовывали и расстреливали священников, прежде всего католических. Лишь в июле 1941 г., на территории собственной страны, А. Гитлер секретным приказом запретил на время войны с СССР проведение каких-либо мероприятий против Церкви без санкций свыше[1]. Хотя, конечно, и в дальнейшем такие санкции неоднократно давались.

Подобные методы и практика были перенесены и на религиозные организации в СССР. Кроме того, нацистская церковная политика здесь определялась в значительной степени общим отношением к славянам, и к русским в частности. В рамках этого отношения существовало несколько порой противоречащих друг другу подходов: А. Гитлер считал всех славян низшей расой и рассматривал их как будущих рабов; назначенный имперским комиссаром восточных территорий А. Розенберг стремился привлечь на сторону Германии национальные меньшинства России, обещая им независимость, отождествляя русский народ с коммунистической идеологией и террором; верховное командование вермахта выступало за создание "союзных" русских воинских частей (что привело к формированию власовских дивизий и казачьих соединений) и было поэтому против афиширования планов будущего расчленения России[2].

Партийного идеолога НСДРП А. Розенберга, враждебно настроенного к христианству (особенно к Католицизму) и считавшего Православие лишь "красочным этнографическим ритуалом", назначили министром оккупированных территорий СССР в конце июля 1941 г. Первые области он получил в свое ведение 20 августа, а 1 сентября были созданы рейхскомиссариаты "Остланд" и "Украина". К 16 августа относится самый ранний найденный автором циркуляр Главного управления имперской безопасности, касающийся религиозной политики на Востоке: "О церковном вопросе в оккупированных областях Советского Союза". В этом документе подчеркивалось, что в нем содержатся личные указания А. Гитлера. Ставились три основные задачи: поддержка развития религиозного движения (как враждебного

[1] Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.). С. 40–41.

[2] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 204.

большевизму), дробление его на отдельные течения, во избежание возможной консолидации "руководящих элементов" для борьбы против Германии и использование церковных организаций для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях[1].

Более долгосрочные цели религиозной политики фашистской Германии в отношении республик СССР указывались в другой директиве Главного управления имперской безопасности от 31 октября 1941 г., причем в ней уже начинает сквозить озабоченность массовым всплеском религиозности: "Среди части населения бывшего Советского Союза, освобожденной от большевистского ига, замечается сильное стремление к возврату под власть церкви или церквей, что особенно относится к старшему поколению... я вижу большую политическую опасность, равно как и опасность в области мировоззрения, в том, что в настоящее время в восточные области необдуманно допускают священнослужителей всех вероисповеданий. Несомненно то, что стремящимся к религии массам оккупированных бывших советских областей надлежит снова дать какую-то форму религии. Возникает только вопрос: какую?.. То, что теперь уже во многих местах церкви с попами, связанными вероисповеданиями, открываются вновь и что этому даже способствуют германские органы власти, вызовет лишь религиозную реакцию, которая когда-нибудь... может оказаться таковой в политическом отношении и будет противостоять необходимому освобождению восточных областей. Поэтому крайне необходимо воспретить всем попам вносить в свою проповедь оттенок вероисповедания и одновременно позаботиться о том, чтобы возможно скорее создать новый класс проповедников, который будет в состоянии после соответствующего, хотя и короткого обучения, толковать народу свободную от еврейского влияния религию. Ясно, что заключение "избранного Богом народа" в гетто и искоренение этого народа... не должно нарушаться духовенством, которое, исходя из установки православной церкви, проповедует, будто исцеление мира ведет свое начало от еврейства. Из вышесказанного явствует, что разрешение церковного вопроса в оккупированных восточных областях является чрезвычайно важной... задачей, которая при некотором умении может быть великолепно разрешена в пользу религии, свободной от еврейского влияния, эта задача имеет, однако, своей предпосылкой закрытие находящихся в восточных областях церквей, зараженных еврейскими догматами"[2]. Тотальный расизм директивы не оставляет сомнения в судьбе Православия в случае победы гитлеровской Германии. Его стали бы уничтожать, насаждая "новую религию", лишенную многих основных христианских догматов.

В своих показаниях 16 октября 1946 г. на Нюрнбергском процессе А. Розенберг заявил: "После вступления немецких войск на восточ-

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 5, л. 23.

[2]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 92, лл. 23–25.

ные территории армия по собственной инициативе даровала свободу богослужений; и когда я был сделан Министром восточных областей, я легально санкционировал эту практику, издав специальный указ о "свободе церкви" в конце декабря 1941 г."[1] Такой указ, действительно, был составлен А. Розенбергом, но из-за противодействия влиятельных противников, прежде всего М. Бормана, он никогда не издавался. Один из руководящих работников Министерства восточных территорий 25 октября 1943 г. в секретной записке указывал: "После переговоров, длившихся в течение месяцев, все же было решено не провозглашать свободу религии торжественным образом, но сделать это как можно тише"[2]. Пик этих переговоров пришелся на весну 1942 г. К этому времени религиозный подъем заставил особенно серьезно заняться церковным вопросом в России.

Следует отметить, что религиозными проблемами вплотную занимался и считал их одними из важнейших в деле "управления покоренными народами" А. Гитлер. 11 апреля 1942 г. в кругу приближенных он изложил свое видение религиозной политики: насильственное дробление Церквей, принудительное изменение характера верований населения оккупированных районов, запрещение "устройства единых церквей для сколько-нибудь значительных русских территорий". "Нашим интересам, — говорил Гитлер, — соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы"[3].

Точка зрения А. Гитлера о поощрении в России всякой формы разъединения и раскола получила законченную форму во время посещения 8 мая 1942 г. А. Розенбергом ставки фюрера. Историки В. И. Алексеев и Ф. Ставру даже считают этот день главной вехой в определении официальной политики оккупационных властей в отношении Русской Церкви. Сохранилось свидетельство самого А. Розенберга о его переговорах 8 мая с А. Гитлером и М. Борманом. На них отмечалось, что на занятых территориях России уже возникают "сами собой" большие религиозные объединения, которые необходимо использовать и контролировать. Было решено не издавать закон о религиозной свободе в восточных областях из-за возможности его нежелательного влияния на

---

[1] *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917–1945. С. 508.

[2] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение, 1981, № 13. С. 93.

[3] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе 1933–1941 гг. М.: Наука, 1973. С. 66.

Церковь в самой Германии, однако поручить рейхскомиссарам "Остланда" и "Украины" провести от своего имени мероприятия по установлению веротерпимости. "Помимо этого фюрер подчеркнул, что после войны он предпримет соответствующие меры против церкви. Он верит, что своим авторитетом сможет сделать то, что другим позже трудно будет осуществить"[1].

Через несколько дней после совещания А. Розенберг указал рейхскомиссарам "Остланда" и "Украины" принять необходимые меры для ограничения деятельности возникающих религиозных организаций. 13 мая 1942 г. он обратился к ним с письмом, основные положения которого сводились к четырем пунктам: "1. Религиозным группам категорически воспрещалось заниматься политикой. 2. Религиозные группы должны быть разделены по признакам национальным и территориальным. При этом национальный признак должен был особо строго соблюдаться при подборе возглавления религиозных групп. Территориально же религиозные объединения не должны были выходить за границы генерал-бецирка, т. е. приблизительно, в применении к Православной Церкви, за границы одной епархии. 3. Религиозные общества не должны были мешать деятельности оккупационных властей. 4. Особая предосторожность рекомендовалась в отношении Русской Православной Церкви как носительницы враждебной Германии русской национальной идеи"[2]. Последний пункт пересекался с точкой зрения Гиммлера, указавшего в одном из писем на опасность, исходящую от Православной Церкви, которая сплачивает русских "национально". Он полагал, что поэтому ее необходимо дезорганизовать, а возможно, и вообще ликвидировать[3].

Исполняя указания А. Розенберга, рейхскомиссары в июле 1942 г. издали распоряжения, в которых провозглашалось право верующих организовывать религиозные объединения, но в то же время подчеркивалось, что они являются автономными, чем ограничивалась административная власть епископов. Этим объединениям запрещалось заниматься политикой, основное внимание уделялось порядку их регистрации. Так, в распоряжении рейхскомиссара "Остланда" X. Лозе от 19 июля указывалось: "1. Религиозные организации на занятых землях должны представить генеральному (районному) комиссару следующее: а) название религиозного общества, б) вероисповедание руководства, в) список членов президиума общества, г) список имущества местных религиозных обществ... 2. а) утвердить новое общество может только рейхскомиссар района по заявлению верующих; 3. а) необходимо признание президиума районному комиссару, подтверждающее утверждение о том, что общество не носит политический характер, б) генеральный комиссар может высказать свое сомнение о характере общества; 4. а) религиозные организации на местах могут выполнять

---

[1] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 94.

[2] *Регельсон Л.* Указ. соч. С. 510.

[3] Великую победу предопределила победа духовная. С. 5.

только религиозные задачи; 5. а) при нарушении распоряжения накладывается денежный штраф, б) рейхскомиссар может распустить общество, как не выполняющее свою задачу"[1].

Чтобы не допустить возрождения сильной и единой Русской Церкви, были поддержаны некоторые раскольничьи юрисдикции на Украине, в Прибалтике и Белоруссии, которые выступили против Московской Патриархии и объявили о своем намерении образовать автокефальные (независимые) церковные организации. Особенно активно эта политика проводилась рейхскомиссаром "Украины" Э. Кохом. В "Остланде" она осуществлялась менее последовательно. Х. Лозе относился в Прибалтике терпимо к хорошо организованной Русской Церкви и ее миссионерской деятельности на северо-западе России, но не разрешал церковно-административного объединения Прибалтийского экзархата с Белоруссией, где всеми мерами, хотя и без особого успеха, содействовал развитию церковного сепаратизма. Полностью реализовать на практике принципы, указанные в майском 1942 г. письме А. Розенберга, оказалось невозможно. Сам министр восточных территорий понимал это и предусматривал, например, возможность избрания украинского Патриарха, что означало бы объединение многих епархий. Правда, ему фактически удалось не допустить в оккупированные районы католических миссионеров и священников Русской Православной Церкви за границей. Хотя и здесь существуют архивные документы, свидетельствующие, что осенью 1942 г. разрабатывались планы проведения Поместного Собора в Ростове-на-Дону или Ставрополе с избранием Патриархом митрополита Берлинского Серафима (Лядэ) — немца по национальности, находившегося в юрисдикции карловчан. По этому вопросу даже велась переписка с некоторыми ставропольскими священнослужителями[2].

Большое внимание со стороны оккупационных властей уделялось использованию религиозной темы в своей идеологической работе. В прессе всячески подчеркивалось, что новый режим несет религиозную свободу. Настойчиво "рекомендовалось" в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданнические чувства к А. Гитлеру и третьему рейху. Духовенство заставляли участвовать в "праздновании" годовщины начала войны и тому подобных дат. Активно распространялась соответствующая литература, к примеру такая листовка-молитва:

"Адольф Гитлер, ты нащ вождь, имя твое наводит трепет на врагов, да приидет третья империя твоя. И да осуществится воля твоя на земле..."[3]

Немецкие власти порой пытались управлять не только характером

---

[1] *Васильева О. Ю.* Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. С. 110–111; *Fireside H.* Icon and Swastika. P. 83–87, 120.

[2] ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 5, л. 24; *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 95.

[3] *Сергий (Ларин), епископ.* Православие и гитлеризм. С. 23.

проповедей, но и богослужебной жизнью. Знаменателен неоднократно повторявшийся случай, когда бурный протест верующих вызывали незначительные, на взгляд немецких администраторов, перемены церковного порядка — введение нового (григорианского) стиля[1]. Об этом свидетельствует, например, бюллетень Полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 г., содержащийся в фонде Главного управления имперской безопасности Германии Центра хранения историко-документальных коллекций: "В середине декабря 1941 г. некоторые коменданты местностей (в Стругах Красных и в Острове), ссылаясь на предписание вышестоящей инстанции, потребовали от православных совершать все церковные праздники, также и рождество, по григорианскому календарю. Это неожиданное требование вызвало среди верующих бурю негодования: "Такое насилие над Церковью не совершали даже большевики... Но мы не покоримся"... священник, не желая ни нарушать церковного порядка, ни вступать в конфликт с немецкими войсками, должен был покинуть Струги. После этого местный комендант распорядился привести местного священника из соседнего селения... и заставил его проводить рождественское богослужение по григорианскому календарю... В этот день почти не было прихожан, а те немногие, кто из боязни перед комендантом присутствовали на богослужении, были очень расстроены и сконфужены"[2].

С 1943 г. в германских официальных документах уже ясно чувствовалось сомнение в правильности ряда аспектов выбранного курса церковной политики. Расчеты на поддержку "нового порядка" со стороны угнетаемых в СССР религиозных организаций были одним из изначальных стереотипов идеологии оккупации. Поэтому идеологи рейха неоднократно выражали удивление тому, какое значительное место заняла Русская Церковь в патриотическом движении в Советском Союзе. В бюллетене Полиции безопасности от 7 мая 1943 г. "Донесения из оккупированных восточных областей" указывалось: "Советская пропаганда сумела ловко использовать религиозные чувства населения в своих целях. Церкви и массы все в большей степени получают поощрения. Как стало известно из Москвы, наплыв жителей в церкви в пасхальные дни был значительным. Этот факт пропагандистски весьма сильно используется и находит распространение прежде всего у союзников"[3].

Еще в 1941–1942 гг. отдельные представители германской администрации и офицеры вермахта помогали открытию храмов и даже приказывали это делать. Так, в сохранившейся в материалах Управления

---

[1]Осуществить эту акцию в 1920-е гг. активно пытались и советские власти, объявляя старый (юлианский) стиль контрреволюционным, однако все эти попытки потерпели полную неудачу. Даже обновленцы в конце 1920-х гг. отказались от григорианского календаря.

[2]Третий рейх и православная церковь. С. 23–24.

[3]Там же. С. 24–25.

пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) докладной записке З. В. Сыромятниковой "О пребывании на территории Харьковской области, оккупированной немецкими войсками с 15.XII по 22.XII 1941 г." отмечалось: "Немецкое командование особое внимание обращает на работу церквей. В ряде сел, где не разрушены церкви, они уже работают — в с. Введенка Чугуевского района и в г. Харькове. В селах, где они разрушены, дан приказ старостам немедленно подобрать помещение и открыть церкви"[1]. В том же фонде хранится справка уполномоченного Себежской комендатуры от 8 октября 1941 г.: "Дана настоящая в том, что немецкая власть, освободившая крестьянство от большевиков, ставит вопрос открыть богослужение в Ливской церкви, и поэтому уполномочиваю лично вас, Рыбакова Якова Матвеевича, за неимением священника — занять место священника и исполнять церковный обряд. Просьба: никаких отказов не может быть, в чем и выдана настоящая справка за подписью представителя немецкой власти Энгельгард"... На что Рыбаков отвечает: "Быть священником не могу, так как не получил на то от епископа благословения, кроме того, по христианскому закону двоеженцы священниками быть не могут, а я двоеженец"[2] и т. д.

Однако в 1943–1944 гг. подобное уже исключалось. Была полностью запрещена любая поддержка со стороны вермахта или германской администрации в открытии церквей, а также участие военного персонала в богослужениях в этих храмах. В бюллетене Полиции безопасности от 5 февраля 1943 г. приводились директивы А. Гитлера: "Религиозной деятельности населения не содействовать и не препятствовать. Военнопленные должны безусловно держаться в стороне от таких мероприятий населения... Запрещается далее допускать или привлекать гражданское духовенство из рейха или из-за границы в оккупированные восточные области... Военное богослужение в оккупированных восточных областях разрешается проводить только как полевое богослужение, ни в коем случае не в бывших русских церквах. Участие гражданского населения (также и фольксдойче) в полевых богослужениях вермахта запрещено. Церкви, разрушенные при советском режиме или во время военных действий, не должны ни восстанавливаться, ни приводиться в соответствие с их назначением органами немецких вооруженных сил. Это следует предоставить русской гражданской администрации"[3]. Эти директивы, вероятно, несли отпечаток и долгосрочных планов о создании для населения оккупированных территорий специальной религии и подготовке соответствующего клира.

Действия гитлеровцев перед отступлением из оккупированных областей — массовое сжигание и разграбление храмов, вплоть до

---

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 92, л. 30.

[2]Там же, л. 63.

[3]Третий рейх и православная церковь. С. 25.

снятия колоколов, депортация и убийства священнослужителей окончательно разоблачили их как врагов Православия. Свидетельств намеренного разрушения ими церквей очень много. Например, в рапорте благочинного Ленинградской епархии протоиерея Н. Ломакина от 1 сентября 1943 г. говорилось о трагедии, случившейся в Старом Петергофе: "Свои обстрелы и разрушения храмов фашисты обставили так, что вместе с храмами погибли молившиеся в них (преимущественно старики, женщины и дети), искавшие под сводами храмов убежища и спасения от обстрелов и бомбежек. Под сводами Троицкой церкви и в самой церкви собралось свыше 2000 человек, из них не менее 100 детей. В подвале Лазаревской церкви и на кладбище (в склепах) укрывалось до 2000 человек. В убежище Серафимовской церкви было до 1000 человек. Эти цифры примерно определяют число жертв, погибших под развалинами храмов"[1]. Только в Ленинградской области фашисты уничтожили 44 храма, в Московской — около 50 и т. д.

Всего же, согласно отчету Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, они разрушили и повредили 1670 православных церквей, 69 часовен и 1127 зданий других религиозных культов. В отчете приводятся конкретные примеры: "В груды кирпича превращена немцами в Киево-Печерской Лавре знаменитая Успенская церковь, построенная в 1073 году. В Чернигове они разрушили древний Борисоглебский собор... Огромным разрушениям подверглись монастыри: Ново-Иерусалимский и Иосифо-Волоколамский в Московской области, Тихвинский в Ленинградской области, Антониев, Хутынский, Зверин, Деревяницкий и другие монастыри Новгорода... Разрушая монастыри, храмы, мечети и синагоги, расхищая их утварь, немецкие захватчики глумились над религиозным чувством людей. Солдаты и офицеры приходили в храмы в шапках, курили здесь, надевали на себя церковное облачение, держали в церквах лошадей и собак, из икон устраивали нары для спанья... "[2] Правда, надо отметить, что некоторые из занесенных в отчет Чрезвычайной комиссии церквей были разрушены еще в 1930-е гг., а ряд храмов пострадал от действий советских войск. Например, Псково-Печерский монастырь в начале 1944 г. активно бомбила авиация Ленинградского фронта, а Успенский собор в Киево-Печерской Лавре был взорван 3 ноября 1941 г. специально оставленной в тылу немцев диверсионной командой капитана Лутина. В этот день храм посетили президент Словакии Й. Тисо и рейхскомиссар Э. Кох. Однако заложенная еще в сентябре 1941 г. взрывчатка сработала с

[1]Немецкие зверства в г. Старом Петергофе близ Ленинграда // ЖМП, 1943, № 2. С. 40–41.

[2]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 329, лл. 71–73.

запозданием, и фашистские руководители успели покинуть собор до взрыва[1].

Как уже отмечалось, религиозная ситуация на различных оккупированных территориях не была одинаковой. Следует более детально рассмотреть ее в отдельных регионах. Определенным своеобразием отличалось положение в Прибалтике и на северо-западе России. Там сохранился и даже вырос территориально экзархат Московской Патриархии во главе с митрополитом Сергием (Воскресенским). Владыка Сергий не эвакуировался при приближении германских войск, а остался в Риге. Существуют самые различные версии, объясняющие этот поступок. В. И. Алексеев полагает, что экзарх вследствие своих антикоммунистических убеждений накануне вступления немцев в город спрятался в подвале собора и не был найден там секретарем — приставленным к нему "агентом НКВД", позднее расстрелянным за эту неудачу[2]. По гораздо более аргументированному мнению профессора Д. В. Поспеловского, митр. Сергий стремился подготовить почву Местоблюстителю и Московскому Церковному Управлению на случай, если немцы победят или, по крайней мере, захватят Москву, *чтобы сохранить епископат* в новых условиях, а также предотвратить юрисдикционный хаос[3]. Нельзя полностью сбрасывать со счетов и свидетельство Э. И. Лисавцева о том, что экзарх специально был оставлен органами НКВД в Риге, но почти сразу же на долгий период утратил связь с советским подпольем[4]. Историк О. Ю. Васильева почти солидарна с ним: "Двойственность позиции Сергия, усилившаяся в 1943–1944 гг., его приверженность патриархии может предполагать определенные соглашения между экзархом и Советским правительством"[5].

Действительно, некоторые священнослужители Русской Церкви, оставшиеся на оккупированной территории, использовались советской разведкой. Так, один из ее руководителей П. А. Судоплатов совсем недавно писал: "Уместно отметить и роль разведки НКВД в противодействии сотрудничеству немецких властей с частью деятелей православной церкви на Псковщине и Украине. При содействии одного из лидеров в 30-х годах "обновленческой" церкви житомирского епископа Ратмирова и блюстителя патриаршего престола митропо-

---

[1] *Немчинский А.* Жертвы минной войны // Совершенно секретно, 1995, № 2. С. 27–28.

[2] *Alexeev W.* Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941–1953. P. 91.

[3] *Поспеловский Д. В.* Из истории русского церковного зарубежья // Церковь и время, 1991, № 1. С. 54.

[4] *Лисавцев Э. И.* — инструктор ЦК КПСС, курировавший религиозные вопросы в СССР в 1960–1980-е гг., автор нескольких книг и статей по истории Русской Церкви, специально изучавший историю Прибалтийского экзархата в годы Великой Отечественной войны. Устное свидетельство.

[5] *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 109.

лита Сергия нам удалось внедрить наших оперативных работников В. М. Иванова и И. И. Михеева в круги церковников, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории. При этом Михеев успешно освоился в профессии священнослужителя". От него поступала информация в основном о "патриотическом настрое церковных кругов"[1]. Возможно, и экзарх имел определенные контакты с советской разведкой. Во всяком случае, представляется несомненным, что он остался в Риге с санкции Патриаршего Местоблюстителя. Это подтверждается их близкими личными отношениями и обдуманным, энергичным характером действий митр. Сергия (Воскресенского) в первые месяцы после начала оккупации.

Ему сразу же пришлось столкнуться с серьезными проблемами. Вскоре после захвата Риги митрополит Августин (Петерсон) объявил прежний Синод действующим и 20 июля направил германским властям просьбу о разрешении восстановления автономной Латвийской Православной Церкви под юрисдикцией Константинопольского Патриарха и выдворении из Латвии "большевистского ставленника", "агента ЧК" экзарха митр. Сергия. Подобным образом события развивались и в Эстонии. 8 июля германские войска вошли в г. Печоры, а уже 17 июля настоятель местного эстонского православного прихода Петр Пякхель издал циркуляр, называя себя в нем благочинным Печерского округа, поставленным новыми гражданскими и военными властями, и требуя прекратить на богослужениях поминовения экзарха и возносить только имя митрополита Таллинского Александра (Паулуса) с титулом всея Эстонии. После взятия немцами Таллина 28 августа он ездил к митр. Александру и узаконил свое благочиние, а позднее был хиротонисан в сан епископа. Митрополит Таллинский 14 октября 1941 г. также объявил о необходимости возвращения Эстонской Православной Церкви в юрисдикцию Константинопольского Патриарха[2].

В первый же день оккупации Риги митрополит Сергий был арестован, но через 4 дня освобожден на поруки. Существуют свидетельства, что уже во время этого ареста он не без успеха убеждал германские власти, что для них политически выгоднее примириться с поминанием главы Московской Патриархии, чем содействовать возвращению Латвийской и Эстонской церквей в юрисдикцию Вселенского Патриарха, экзарх которого находился в это время в Лондоне и имел тесные связи с правительством Великобритании. После освобождения экзарх Прибалтики собрал духовенство Риги в Троице-Сергиевом монастыре и объявил, что остается "послушником митрополита Сергия (Страгородского)"[3].

---

[1] *Судоплатов П. А.* "Остаюсь единственным живым свидетелем..." // Молодая гвардия, 1995, № 5. С. 40.

[2] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, лл. 80, 92–93; *Балевиц З. В.* Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944). С. 22–23.

[3] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение, 1981, № 14. С. 131.

Первоначально германские оккупационные власти заняли выжидательную позицию, и 12 ноября 1941 г. глава экзархата обратился к ним с обширным меморандумом, доказывая, что переход Латвии и Эстонии под власть Константинополя не в их интересах. Митр. Сергий убеждал сохранить каноническое подчинение Прибалтики Московской Патриархии и заявлял, что она никогда не примирялась с безбожной властью, подчинившись ей только внешне, и поэтому он имеет моральное право призвать русский народ к восстанию. Экзарх призывал не дробить Церковь на части по национальному и территориальному признаку и предупреждал, что всякое вмешательство немцев в церковное управление будет использовано советской пропагандой как доказательство порабощения Церкви оккупационными властями: "В Латвии и Эстонии создались маленькие, но очень активные группы православных политиков, которые прежде, как светские члены так называемых синодов, играли ведущую роль в соответствующих Церквах и которые теперь стремятся снова захватить власть. Также, к сожалению, оба политиканствующих митрополита, Августин Рижский и Александр Ревельский, присоединились к этим группам. Остальные епископы и значительно превышающее большинство священников и мирян стоят далеко от этих групп, а часто настроены в отношении их и враждебно... С точки зрения церковно-политической было бы правильно положить в основу церковного порядка следующие принципы: 1) Принцип единства. — Было бы странно, если бы в Остланде существовало четыре рядом стоящих Православных Церкви — Белорусская, Литовская, Латвийская и Эстонская. Три последних уже объединены в экзархате. Стоило бы экзархат связать с белорусскими епископствами в более высокую единицу... 2) Принцип канонической законности. — Чтобы избежать теперь и в будущем неизбежно следующих за схизмой ссор, Православная Церковь в Остланде должна пока оставаться в рамках Российской Патриархии... 3) Принцип автономии... 4) Принцип церковного единоначалия..."[1]

Эти доводы частично подействовали на германские власти, которые признали существование экзархата Московской Патриархии и даже оказали ему на первых порах определенную поддержку. В Латвии свыше 60% православных верующих составляли русские, митрополита Августина поддержали немногие, и в ноябре 1941 г. гестапо потребовало немедленного прекращения деятельности его Синода. Митр. Сергий 24 февраля 1942 г. уволил пытавшегося отколоться архиерея за штат, а 15 июня наложил на него церковный запрет, хотя полного формального разрыва их не было. Нового раскола в Латвии так и не произошло. Иначе дело обстояло в Эстонии, где русские приходы составляли лишь 25%. 30 июня 1942 г. митрополит Александр окончательно отделился, и Собор епископов экзархата Московской Патриархии 2 ноября

[1] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение, 1981, № 14. С. 133–134, 136.

запретил его в священнослужении. Германские власти выпустили инструкцию, в которой указывалось, что духовенству и приходам дается свобода выбора — войти ли в Эстонскую епархию митр. Александра или русскую — епископа Нарвского Павла, оставшегося в юрисдикции экзарха. Выбор этот должен происходить без давления, но целям немецкой политики более отвечает регистрация православных приходов в экзархате. Было решено, что митрополиты Александр и Августин должны именоваться соответственно Ревельским и Рижским, а не Эстонским и Латвийским, так как митрополитом всех трех прибалтийских стран является Сергий[1].

18 июня 1942 г. в канцелярии заведующего общим отделом Министерства восточных территорий Лейббрандта состоялось совещание, на котором руководитель отдела заявил, что полное разделение верующих по национальному признаку в Прибалтике не предусматривается. Православные Церкви в Эстонии, Латвии и Литве, являясь русскими культурными учреждениями, должны оставаться именно русскими и как чуждые концепции жизненного пространства в дальнейшем будут перемещены в “рейхскомиссариат Москва”. В Белоруссии же, наоборот, следует предохранять Православную Церковь от русского влияния. Таким образом, в случае победы Германии все православные верующие Прибалтики, в том числе эстонцы, латыши, литовцы были бы выселены на восток. На совещании также было решено не препятствовать распространению сферы влияния экзархата на русские районы, занятые группой армии “Север”[2].

Организация миссионерской работы на северо-западе России стала главным в деятельности митр. Сергия в годы войны. Он взял на себя попечение о религиозных нуждах православного населения областей, прилегавших к экзархату, вполне законно, так как митрополит Ленинградский Алексий (Симанский) оказался в блокированном Ленинграде. “Мы почли долгом своим на время принять эту территорию под свое архипастырское покровительство, — писал в 1942 г. экзарх, — чтобы немедленно приступить на ней к восстановлению церковной жизни, и для этой цели направили туда миссионеров из Экзархата, духовенство которого большевики, за короткое время своего владычества в прибалтийских странах, не успели полностью уничтожить”[3]. Посылая священников в районы Ленинградской области, владыка Сергий давал им определенные указания поминать на богослужениях митрополита Алексия.

В середине августа 1941 г. было получено разрешение германских властей на создание “Православной Миссии в освобожденных областях

---

[1] *Alexeev W., Stavrou T.* The Great Revival. P. 83–89; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, лл. 110–113.

[2] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 119–120.

[3] *Бовкало А. А., Галкин А. К.* Новгородская епархия в годы оккупации (1941–1943 гг.) // София, 1995, № 2(14). С. 4.

России". Напутствуя первую группу из 14 миссионеров, среди которых было много выпускников Богословского института в Париже, экзарх говорил: "Не забывайте, что вы прибыли в страну, где на протяжении более 20 лет религия самым безжалостным образом отравлялась и преследовалась, где народ был напуган, принижен, угнетен и обезличен. Придется не только налаживать церковную жизнь, но и пробуждать народ к новой жизни от долголетней спячки, объясняя и указывая ему преимущества и достоинства новой, открывающейся для него жизни"[1].

18 августа первые миссионеры прибыли в Псков, где было создано управление Миссии. Официальной целью ее провозглашалось восстановление "разрушенной большевиками" церковной жизни; формальное руководство принадлежало экзарху Сергию. Территория, входившая в ведение Миссии, включала в себя юго-западные районы Ленинградской, часть Калининской, Великолуцкую, Новгородскую и Псковскую области, с населением около 2 млн. человек. Прибытие первых миссионеров совпало с началом массового религиозного подъема. Священник Иоанн Легкий позднее вспоминал: "Когда в августе 1941 г. мы приехали в Псков, на улице прохожие со слезами на глазах подходили под благословение. На первом богослужении в соборе все молящиеся исповедовались. Нам казалось, что не священники приехали укреплять народ, а народ укрепляет священников"[2]. В печатном органе Миссии — журнале "Православный христианин" также отмечалось: "Народ переполнял храмы... Священники не успевали передохнуть от количества треб. Давно не видели стены старых храмов Псковщины и окрестностей таких искренних слез, не слышали таких громких молитв"[3]. Согласно отчету миссионера Владимира Толстоухова, служившего в городах Новоржев, Опочка, Остров, только с 19 августа по 19 декабря 1941 г. он совершил более 2 тыс. "погребений с заочными проводами". Священник Иоанн Легкий в августе-ноябре крестил 3500 детей. Всего за первые месяцы работы Миссии было крещено около 50 000 несовершеннолетних разного возраста. В январе 1942 г. в крещенском крестном ходе с водосвятием участвовало 40% (10 тыс. из 25 тыс.) оставшегося в Пскове населения[4].

Эти сведения подтверждаются и немецкими источниками. Так, в бюллетене Полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 г. указывалось: "Успех миссионерской работы обусловлен главным образом тем, что большие массы русского народа, в особенности крестьяне, несмотря на старания большевиков, остались верны Православной вере и родной Церкви. Факты, свидетельствующие о том, общеизвестны:

---

[1] *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах. С. 44.

[2] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 148.

[3] Православный христианин (Псков), 1942, № 1. С. 4.

[4] *Балевиц З. В.* Указ. соч. С. 31; *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 148–149.

церкви переполнены молящимися, священники имеют так много дел... что едва с ними справляются, число причастников и детей, которых крестят, поразительно большое... миссионеров повсюду встречают с почтением и доверием, стараются посильно заботиться об их благополучии, родители охотно доверяют своих детей священникам для религиозного образования... Внезапное возбуждение религиозного чувства наблюдалось и во время немногих богослужений, проводившихся в лагерях военнопленных, а также в Риге, и которые были позднее запрещены... Точно такое же явление наблюдалось и в лазаретах для военнопленных, когда священникам было разрешено посещать эти лазареты, чтобы причастить умирающего и утешить страждущего". В сводке "Зихерхайтсполицай и СД" от 6 ноября 1942 г. сообщалось, что в трех церквах Пскова имеется 10 000 прихожан, и с августа 1941 по 15 сентября 1942 гг. в них было крещено 2000 детей, совершено 600 отпеваний и 20 венчаний[1].

Миссия издавала с августа 1942 г. ежемесячный журнал "Православный христианин" тиражом 2–3 тыс. экземпляров. Вела катехизические курсы для взрослых и восстановила преподавание Закона Божия во всех школах. Большинство же кандидатов в священство посылались на обучение в Ригу и Вильно. С целью возрождения религиозной жизни в регионе впервые зазвучало в эфире церковное слово. Еженедельные трансляции из Пскова охватывали значительную территорию области. В сентябре 1942 г. священником Георгием Бенигсеном по радио был прочитан доклад на тему "Религия и наука", второй доклад "Игумен всея Руси" он посвятил 550-летию со дня смерти Сергия Радонежского. Все расходы, связанные с этой деятельностью, покрывались в основном добровольными пожертвованиями населения — 10% приходского дохода посылалось в Псков. Кроме того, значительные доходы приносил хозяйственный отдел Миссии, в который входили свечной завод, магазин церковных принадлежностей и иконописная мастерская. Чистая прибыль отдела составляла 3–5 тыс. марок в месяц и покрывала расходы на выплату жалования служащих и сотрудников управления Миссии. Священники жалования не получали и существовали на пожертвования прихожан. До половины дохода пересылалось в экзархат, значительная часть из этих сумм шла на содержание богословских курсов в г. Вильно[2].

С первых дней своего существования Миссия стала вести и большую благотворительную работу. Заметную роль в ней играл Псково-Печорский монастырь. Уже 19 августа его наместнику игумену Павлу (Горшкову) из Пскова поступила записка: "Отец Павел! Умоляю Вас, посетите богадельню, окажите милосердие несчастным, никому не

---

[1]Третий рейх и православная церковь. С. 22; *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 151–152.

[2]*Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах. С. 44; *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 207.

нужным людям. Ведь подумайте, от голода один выбросился из окна, вчера умер, а другие просят отравить их". И вскоре из хранившихся в монастырских кладовых и собранных среди паломников и прихожан продуктов был составлен и отправлен в Псков обоз из 4 подвод. Оказывалась помощь и советским пленным военнослужащим. Так, 24 августа игумен Павел получил еще одну, на этот раз благодарственную записку: "Больные, раненые военнопленные и персонал госпиталя лагерного пункта 134 в городе Пскове выносят глубокую благодарность за присланные продукты — муку, хлеб, яйца и другие пожертвования"[1]. В ноябре 1941 г. Миссия выпустила обращение к населению: "Тронутые любовью к нашим в плену находящимся братьям, мы желаем им помочь и удовлетворить их нужды... Мы знаем, что русский человек не будет стоять в стороне, когда надо помочь своему ближнему... Дайте, что можете: одежду, обувь, белье, одеяла и т. д. Все будет принято с благодарностью и будет роздано военнопленным: "Рука дающего да не оскудеет". Заботой оказались окружены и дети-сироты. Так, в Пскове при храме Димитрия Солунского был создан приют, в котором содержались 137 детей 6–15 лет[2].

Первым начальником Миссии стал протоиерей Сергий Ефимов, в октябре 1941 г. его сменил прот. Николай Коливерский, после смерти которого в октябре 1942 г. новым начальником был назначен заслуженный протопресвитер Кирилл Зайц с предоставлением ему права совершать литургию по архиерейскому чину. Его помощником стал священник И. Легкий, членами управления Миссии — протоиерей Н. Шенрок, священник Г. Бенигсен, секретарем — священник Н. Жунда. Для связи с местами и наблюдения за духовенством в 1942 г. организовали институт благочинных в округах: Псковском, Новгородском, Порховском, Гдовском, Дновском, Островском, Гатчинском, Славковичском, Солецком, Ушаковском, Карташевском[3]. Миссия стремилась взять управление в свои руки, она не только наблюдала за храмами, но и назначала вновь рукоположенных священников.

За короткий срок число действующих церквей в западных районах Ленинградской области выросло в десятки раз. Согласно сведениям журнала "Православный христианин", к началу 1943 г. на территории бывшей Псковской и части Петроградской губерний имелись: 221 приходской храм и 84 священника, в том числе 14 миссионеров из Прибалтики. Кроме того, в течение 1943 г. количество церквей значительно выросло, например в Псковском районе с 6 до 23, а в целом в Псковской епархии примерно до 150. Необходимо учитывать также

[1] *Дедюхин Б. В.* Сердца сокрушенные: Беседы, интервью, очерки о русском православии. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1990. С. 193–194.

[2] *Васильева О. Ю.* Свои или чужие? (Псковская Православная Миссия). Москва, 1993. Рукопись. С. 8, 10.

[3] *Веверс Я. Я.* Псковская духовная миссия — агентура фашистской разведки. С. 7; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 9 об.

52 храма западной части Новгородской епархии, не менее 18 в Великолуцкой и 81 в Калининской епархиях[1]. Таким образом, общее число их в оккупированных районах северо-запада России составляло как минимум 409 (из них 108 в Ленинградской епархии), увеличившись по сравнению с довоенным временем примерно в 15 раз. Количество же священников к началу 1944 г. достигло 175. Их острейшая нехватка была серьезной проблемой. Местных священнослужителей и миссионеров было относительно немного, поэтому Миссия в ускоренном порядке посвящала мирян в саны диакона и иерея. Появлялись и "самосвяты"[2]. На территории собственно Ленинградской епархии миссионеров почти не было, и важными источниками пополнения духовенства служили клирики, освобожденные перед войной из мест заключения или снявшие в 1930-е гг. сан. Например, протоиерей П. Жарков с 1929 г. до начала 1940-х гг. отбывал заключение на Соловках, затем работал санитаром в Обуховской больнице, жил в Вишере, а с конца 1941 г. стал служить в Любани, Ушаках, Тайцах. В Гдовском районе возглавили приходы протоиерей В. Ирадионов и иеромонах Лин, также отбывшие 10-летнюю ссылку, причем первый снимал сан, и т. д.[3] Однако священников все равно не хватало, и весь период оккупации существовала практика "когда один служитель культа обслуживал по 3–4, а иногда и 5 приходов"[4].

Во вновь открытых церквах начали звонить в колокола, организовываться крестные ходы, как уже отмечалось, возобновилось религиозное обучение детей. Так, в Красногорском округе под руководством миссионера Ф. Ягодкина находилось 15 начальных школ, а в Пушкиногорском районе функционировало 17 подобных заведений. Попытки ввести обучение Закону Божию в общеобразовательных школах существенного успеха не имели из-за отсутствия достаточного количества преподавателей. С. Д. Плескач в своем докладе митрополиту Алексию (Симанскому) писал: "Педагоги и учителя забегали потому, что их заставили преподавать Закон Божий. А как он будет преподавать, когда он был год тому назад настоящим передовым комсомольцем. Таким образом, кадр учителей не был подготовлен, а потому здесь получился полный разрыв"[5]. В приходской жизни соборное начало было почти совершенно отменено. Циркуляром экзарха от 16 марта 1942 г. устанавливалась единоличная форма управления приходом с настоятелем во главе, запрещался созыв общих собраний в приходах. Как совещательный орган мог существовать попечительный совет, но члены его, а также церковные старосты, ревизионные комиссии подбирались всецело по усмотрению настоятеля[6].

---

[1]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1 д. 14, л. 27, д. 10, л. 26.

[2]*Балевиц З. В.* Указ. соч. С. 33, 41.

[3]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, лл. 64–65, 2 об.–3.

[4]Там же, д. 10, л. 12.

[5]Там же, д. 7, л. 3 об.

[6]*Балевиц З. В.* Указ. соч. С. 49.

Миссия создавалась под эгидой оккупационных властей, и священство ее вынуждено было реагировать на распоряжения германского командования, хотя многие из них фактически саботировались. Миссионеров обязывали в дни начала войны или захвата фашистами населенных пунктов устраивать торжественные молебны и крестные ходы, участвовать в вербовке людей на работу в Германии, а затем во власовскую "РОА". В одном из воззваний, выпущенном управлением Миссии, говорилось: "Русские патриоты обязаны всемерно содействовать уничтожению и плодов, и корней коммунизма. Мы верим, что найдется немало русских душ, готовых к участию в уничтожении коммунизма и его защитников..."[1] А в циркуляре митрополита Сергия от 8 июля 1943 г. указывалось: "В день Св. Троицы германское командование объявило торжество передачи земли в полную собственность крестьянства, а посему предлагается управлению Миссии: 1) Дать циркулярное распоряжение всему подведомственному духовенству... специально в проповедях отметить важность сего мероприятия. 2) В Духов день в Соборе, после Литургии, совершить торжественный молебен с участием всего духовенства г. Пскова..."[2]

Следует отметить, что действия священнослужителей Миссии находились под постоянным контролем партизан. Отношение последних к миссионерам было очень неоднозначным, так как разнообразными были и партизанские отряды, состоявшие отнюдь не только из прокоммунистически настроенных людей. Эти контакты не прошли мимо внимания оккупационных властей, которые с февраля 1943 г. обязали священников давать письменные отчеты о встречах с партизанами. В этом месяце начальник канцелярии экзархата И. Д. Гримм писал К. Зайцу: "Приезжающие из России миссионеры дают противоречивые сведения об отношении партизан к священникам и вообще к Церкви. По словам одних, партизаны считают священников врагами народа, с которыми стремятся расправиться. По словам других, партизаны стараются подчеркнуть терпимое и даже благожелательное отношение к Церкви... Ввиду большой важности этого вопроса, которым интересуются также и германские учреждения, прошу сообщить все относящиеся к нему факты и Ваши по их поводу соображения. В частности, меня интересует, верит ли народ агитационным сообщениям об изменении церковной политики большевиков, и как он на эти сообщения реагирует. Прошу Вас также предложить подчиненным Вам священнослужителям при всякой возможности письменно докладывать Вам об относящихся к этому вопросу фактах и наблюдениях для дальнейшего препровождения мне этой информации"[3].

Из этих письменных отчетов следует, что партизаны строго сле-

---

[1] *Балевиц З. В.* Указ. соч. С. 45.

[2] *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах. С. 45.

[3] *Ее же.* Свои и чужие? (Псковская Православная Миссия). С. 7.

дили за тем, чтобы в проповедях священников не было каких-либо выступлений против советской власти. В одном из приходов о. Иоасафу "было высказано предложение о сборе средств в церкви на Красную Армию и дан намек о незаконности обслуживания двух приходов, расположенных при этом еще в разных районах одним священником". Ему же было предложено написать письмо в Москву Патриаршему Местоблюстителю: "Последний, мол, пришлет ответ, т. е. утвердит или не утвердит данного священника в занимаемом приходе..." Священник В. Толстоухов сообщал, что "поблизости от его приходов отряд партизан временно захватил деревню, причем их начальник побуждал крестьян к усердному посещению церкви, говоря, что в Советской России Церкви дана теперь полная свобода и что власть коммунистов идет к концу". Порой миссионеры погибали во время перестрелок партизан с фашистскими солдатами. Такой случай произошел 30 января 1944 г. в церкви погоста Вельское Устье Порховского района — случайной пулей в храме был убит священник Николай Беляев[1].

Не только партизаны агитировали священнослужителей. Ленинградский митрополит Алексий, понимая все значение народного сопротивления в тылу немецких войск, неоднократно обращался к своей пастве, оказавшейся на оккупированной территории с соответствующими призывами. Особенное значение имело его Пасхальное послание от 25 апреля 1943 г.: "Продолжайте же, братие, подвизаться за веру, за свободу, за честь родины; всеми мерами, и мужчины, и женщины, помогайте партизанам бороться против врагов, сами вступайте в ряды партизанов, проявляйте себя как подлинно Божий, преданный своей родине и своей вере народ..."[2] Обращение митр. Алексия в листовках было переправлено через линию фронта и распространено среди населения. О силе его воздействия свидетельствует письмо бойца 2-й партизанской бригады А. Г. Голицына владыке: "Ваш агитлисток сыграл немалую роль среди оккупированного населения в деле оказания помощи партизанам, а вместе с этим и борьбе против фашизма. Этот листок среди населения — как Божье письмо, и за него немецкие коменданты в своих приказах грозили смертной казнью, у кого он будет обнаружен"[3].

Следует указать, что помимо части миссионеров нашлись и отдельные российские священники, сотрудничавшие с оккупантами. Настоятели приходских церквей реагировали на политические призывы Миссии очень дифференцированно. Краткая характеристика их позиции содержится в интересном, хотя и сильно тенденциозном, мартовском 1994 г. докладе А. Ф. Шишкина митр. Алексию после обследования приходов Гатчинского и Павловского районов: "В ком билось сердце

[1] *Васильева О. Ю.* Свои и чужие? С. 7–8.

[2] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 34–36.

[3] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 13, л. 18.

патриота Родины и кому действительно дорога была Русь не профашистской миссией, а Святым Владимиром Крещенная... и кровью истинных сынов своих на поле брани напоенная — тот и в немецком плену любил ее паче жизни своей и умер как истинный патриот. Таковыми были, например, священник А. Петров (г. Гатчина) и священник М. Суслин (с. Орлино). Оба они расстреляны немцами. Те же, кто не мог отнести себя к разряду героев, но кто, живя в немецком плену, думал иногда, что за фронтовым кордоном живут их братья и сестры, сыновья и дочери, терпят муки холода и голода и все во славу Отчизны своей — тот слушался миссии, не порывая молитвенного общения со своими иерархами, молился за православное русское воинство и терпеливо ожидал встречи "со своими", решив не покидать приходского места при эвакуации немцев. Таковыми были, например, протоиерей Красовский, священник Митрофанов, протоиерей Забелин. Но были и такие, которые, проявляя "ревность не по разуму", молились за Адольфа Гитлера, устраивали торжественные богослужения в "юбилейные" дни захвата немцами селений, чтили власть предержащих, получали от них подарки. Наконец, были просто предатели Родины, типа священника Амосова, которые неистовствовали по отношению к Советской власти и Ленинградскому иерарху. При наступлении частей Красной Армии они бежали с немцами, грабя храмы, забирая священные сосуды и антиминсы. Таковыми были прот. Кудринский из с. Рождествено, о. Лаптев из Орлино. А делали они так потому, что и сами этого желали и к этому же понуждала их миссия"[1].

В целом же Миссии не удалось взять под контроль религиозную жизнь на оккупированной части Ленинградской области. Уровень церковной дисциплины оставался низким. Пассивная форма протеста против отдельных указаний экзаршей власти стала довольно широко распространенной уже в первые месяцы оккупации. Так, в циркуляре от 17 февраля 1942 г., адресованном благочинным, митр. Сергий отмечал, что духовенство при богослужении не считает необходимым надевать свои духовные знаки отличия, чем проявляет пренебрежение к епархиальной власти, удостоившей их награды, а в циркуляре от 25 сентября 1942 г. указывал, что духовенство отступает от установленного епархиальной властью порядка поминания светских и духовных властей в положенных местах богослужения и т. д.[2]

Особенно острые конфликты стали возникать, когда после Пасхального 1943 г. послания митр. Алексия Миссия под давлением немцев была вынуждена запретить возносить его имя. В упоминавшемся докладе С. Д. Плескача говорилось: "Примерно в мае месяце 1943 г. гдовское духовенство прекратило поминать на ектиниях митрополита Алексия. Почему прекратило, мы не знаем, но прекратило, а иеромонах Лин продолжал поминать. Тогда его вызвали в Гдов, но он не поехал, а поехал я, и мне там дали такой выговор, что приходится

[1] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, лл. 19–19 об.

[2] *Балевиц З. В.* Указ. соч. С. 64, 72.

теперь вспоминать с удовольствием. После я узнал от протодиакона Ф. И. Юдина, что будто бы были какие-то листовки за подписью Владыки к немецким войскам с призывом прекратить бойню. В это время приехал новый благочинный из Латвии Алексий Ионов, который на литургии не поминал нашего митрополита, а только Сергия. Как только кончилась литургия и когда христиане подходили к кресту — не знаю почему, между иеромонахом Лином и новым благочинным получилась перекидка и иеромонах Лин уличил его в том, что он находится в Ленинградской епархии, забыв закон о правящих иерархах, за что иеромонах Лин чуть не поплатился приходом, но христиане заступились за него, и дело прекратилось... Во время службы русские священники, которые имели совесть, поминали митрополита Алексия, а потом Сергия, а литовские (прибалтийские) священники поминали только одного Сергия и архиепископа Нарвского Павла... Получился раскол"[1]. Подобное положение было и в других районах области. Так, в докладе митр. Алексию от протоиерея Н. Ломакина, в феврале 1944 г. посетившего Новгород, отмечалось, что в период оккупации "везде за богослужением возносились имена Патриаршего Местоблюстителя, Вашего Высокопреосвященства и литовского епископа", чтобы помешать этому фашисты даже применяли ложь — "незадолго перед изгнанием из Новгорода немцы распространили слух о смерти Вашего Высокопреосвященства"[2].

Расчеты фашистов использовать в своих целях религиозный фактор на северо-западе России не оправдались. Примеры патриотической деятельности свещеннослужителей очень многочисленны. Так, в селе Ящерово Гатчинского района фашистами были расстреляны за антигерманскую агитацию оба священника местной церкви В. Романов и о. Алексий. В характеристике Ленинградского митрополита от 2 июня 1944 г. на священника Ф. А. Пузанова, награжденного медалью, говорилось: "Во время оккупации свящ. Пузанов имел связи с партизанами, давал им хлеб, снабжал одеждою, давал им сведения о положении дел, о действиях немцев и т. д."[3] Или в ходатайстве 24 жителей Красного Села от 31 января 1945 г. об открытии в их городе церкви отмечалось, что в 1941–1944 гг. в этом храме при немцах ежедневно о. Иоанн совершал "по уставу положенное Богослужение, молясь за страну родную, за наших бойцов в Красной Армии и, вполне понятно, за свою Советскую власть трудящихся. Молитвы за всех нас были усердны о даровании скорой победы нашей Красной Армии и свободы от напавших на нас злодейски гитлеровцев"[4] и т. д. В Пасхальном 1944 г. послании Ленинградский митрополит подчеркивал: "С радостью услышал я о преданности вере, о верности Родине многих пастырей за все время пребывания в фашистской неволе... Также отрадно было узнать о том, что многие священники и

---

[1]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, лл. 2, 4.

[2]Там же, л. 15 об.

[3]Там же, л. 9 об., д. 13, л. 38.

[4]Там же, д. 24, л. 38.

миряне бестрепетно всеми имевшимися у них способами боролись против засилья оккупантов: помогали партизанам, укрывали их от врагов...”[1].

Своеобразным русским патриотом был и наместник Псково-Печерского монастыря игумен Павел. Он участвовал в подготовке антисоветских документов, подписывал официальные приветствия фашистским властям, но в это же время поддерживал тайную связь с партизанами. Через жительницу Пскова, горячую ревнительницу монастыря А. И. Рубцову игумен переправлял им целые возы продовольствия. Рубцова была арестована в 1943 г. гестапо и расстреляна. На допросах она держалась с удивительной стойкостью и не выдала наместника. Согласно другим свидетельствам (жителей Печор) игумен Павел прятал в помещении монастыря рацию, по которой передавались через линию фронта сведения о фашистах, собранные иеромонахами в приходах. В то же время, будучи в прошлом эмигрантом, участником белого движения, наместник имел мало оснований любить советскую власть. Этим, видимо, объясняются его активные попытки эвакуировать монастырь при приближении фронта в марте 1944 г. Однако подавляющее большинство братии, несмотря на жестокие бомбардировки и артиллерийские обстрелы, которым подвергалась обитель, категорически отказалось уезжать, и игумен остался вместе с монахами[2].

Еще более сложным и противоречивым было положение митрополита Сергия (Воскресенского). Он старался вести очень осторожную политику, всячески подчеркивая свою верность Московской Патриархии. Однако требования фашистов отмежеваться от июньского 1941 г. воззвания Местоблюстителя заставили экзарха отреагировать заявлением: “Советская власть подвергла Православную Церковь неслыханному гонению. Ныне на эту власть обрушилась кара Божия... За подписью Патриаршего Местоблюстителя Сергия, Митрополита Московского и Коломенского большевики распространили нелепое воззвание, призывая русский народ сопротивляться германским освободителям. Мы знаем, что Блаженнейший Сергий, муж великой учености и ревностной веры, не мог сам составить столь безграмотное и столь бессовестное воззвание. Либо он вовсе не подписывал его, либо подписывал под страшными угрозами...” В то же время экзарх порекомендовал читать это воззвание в приходах вдумчиво и внимательно, а работу по возрождению религиозной жизни вести кропотливо и неустанно. А ведь фашисты в это время уже расстреляли в других республиках нескольких священников, распространявших послание Местоблюстителя от 22 июня 1941 г.[3]

---

[1] ЖМП, 1994, № 4. С. 7.

[2] *Левитин А. Э.* Защита веры в СССР. С. 53–54; *Дедюхин Б. В.* Указ. соч. С. 195.

[3] *Васильева О. Ю.* Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. С. 102–103.

На созванном по требованию референта гестапо по делам Русской Православной Церкви 23 июля 1942 г. архиерейском совещании экзархата в Риге была направлена приветственная телеграмма Гитлеру, обнародовано заявление с отмежеванием от патриотической позиции, занятой Патриархией, и принято решение в обычных богослужениях прекратить возношение имени Патриаршего Местоблюстителя Сергия, сохранив его, однако, в архиерейских богослужениях. Под давлением отдела пропаганды при командовании группы армий "Север" экзарх в конце ноября 1942 г. организовал собрание православного духовенства Ленинградской области (на нем присутствовали главным образом миссионеры), которое также осудило патриотическую позицию Патриархии и одобрило гитлеровский "новый порядок"[1].

Подобные поступки экзарха Местоблюститель уже не мог полностью игнорировать. Интересно, что хотя публичная антикоммунистическая позиция митр. Сергия (Воскресенского) стала вполне ясна еще осенью 1941 г., вплоть до сентября 1942 г. его имя продолжало возноситься в московской церкви Преображения, настоятелем которой он ранее служил. Еще более показательно, что в изданной в 1942 г. пропагандистской книге "Правда о религии в СССР" была помещена фотография владыки Сергия (Воскресенского) вместе с Местоблюстителем, под которой указывалось имя экзарха. А ведь на это нужна была санкция цензуры. Но после получения сообщения об июльском совещании в экзархате Патриархия вскоре отреагировала на него. В своем послании от 22 сентября 1942 г. Патриарший Местоблюститель Сергий, обращаясь к чадам Православной Церкви, обитающим в Прибалтике, указывал: "Упорствующих же в неповиновении голосу Церкви и хулителей ее церковный суд не потерпит в среде епископства православного". В тот же день митр. Сергий и еще 14 архиереев подписали "Определение по делу митрополита Сергия Воскресенского с другими": "Отлагая решение по сему делу до выяснения всех подробностей... 1) Теперь же потребовать от митрополита Сергия Воскресенского и прочих вышеназванных преосвященных объяснения (с опубликованием его в печати), соответствуют ли действительности дошедшие до Патриархии сведения об архиерейском совещании в Риге. 2) В случае, если сведения признаны будут соответствующими действительности, предложить преосвященным немедленно принять все меры к исправлению допущенного ими уклонения от линии поведения, обязательной для архиереев, состоящих в юрисдикции Московской Патриархии..."[2].

Как видно из архивных документов, эта акция была предпринята при участии НКВД в расчете на реакцию международной общественности. 1 октября 1942 г. заместитель наркома внутренних дел Б. З. Ко-

---

[1] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 10 об.

[2] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 34–36.

булов писал секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову: "В фашистской газете "Островские известия" за 8 августа с. г. ...помещено сообщение о состоявшемся в Риге съезде епископов православной церкви, пославшем приветственную телеграмму Гитлеру... В целях разоблачения прибалтийских епископов, пошедших на услужение фашистам, а также для усиления значения патриотических обращений, выпускаемых церковным центром в СССР, в глазах международного общественного мнения митрополит Сергий Страгородский и состоящий при нем совет епископов в количестве 14 человек выпускает специальное обращение к верующим Прибалтийских ССР с особым церковным определением, осуждающим прибалтийских епископов. Негласно способствуя этому политически выгодному для нашей страны мероприятию, НКВД СССР принимает меры к размножению названных патриотических документов типографским способом и распространению их на территории Прибалтийских союзных республик, временно оккупированных немцами. Прошу ваших указаний о передаче этих же документов по радио для Прибалтийских республик"[1].

Впрочем, сам термин "Определение" свидетельствовал об осторожности и мягкости. Учитывая наличие фронта, разделявшего экзарха и Патриархию, все изложенные в нем требования приобретали отвлеченное значение. Митр. Сергий (Воскресенский), в отличие от ряда иерархов, выступавших с прогерманскими заявлениями в других оккупированных республиках СССР, так и не был запрещен в священнослужении. А в апреле 1944 г. Свящ. Синод постановил, что "рукоположения, совершенные им или подведомственными ему епископами... признаются действительными"[2].

Вплоть до осени 1948 г. экзарху удавалось лавировать в отношениях с германскими властями. Широко известна его фраза по поводу последних: "Не таких обманывали! С НКВД справлялись, а этих колбасников обмануть не трудно"[3]. Но после избрания в сентябре 1943 г. в Москве Патриарха митр. Сергий (Воскресенский) оказался в тяжелом положении. Известие об этом событии вызвало сильную тревогу у германского командования, решившего принять контрмеры. В начале октября Главное управление имперской службы безопасности совместно с Министерством восточных территорий решили подготовить и провести конференцию православного духовенства оккупированных областей СССР во главе и экзархом Сергием. "Пастырям предписывалось: 1) осуждение и признание недействительным избрание патриарха, 2) принятие резолюции по поводу "гонения за церковь в СССР", 3) торжественное провозглашение анафемы советскому правительству". Рижское гестапо должно было в срочном порядке выяснить

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 93, л. 18.

[2] В огне войны. Русская Православная Церковь в 1941–1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии). С. 299.

[3] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 133.

отношение экзарха к проекту. Но Владыка дал понять, что выборы Патриарха были произведены в соответствии со всеми каноническими правилами и оспариваться не могут. Об этом немедленно доложили в Берлин[1].

Тогда германские власти обратились к Зарубежной Русской Православной Церкви, отношение к которой до этого времени было очень настороженным и недоброжелательным. И 8–13 октября 1943 г. в Вене состоялось совещание православного эмигрантского духовенства, в том числе 7 архиереев Карловацкого Синода. Оно провозгласило избрание Патриарха "фактом не только неканоничным, но и не церковным, а политическим, вызванным интересами советской партийной коммунистической власти". На совещании присутствовал архиепископ Венедикт, представлявший Белорусскую Церковь. Обеспокоенные национал-социалисты даже нарушили свой принцип разделения Православной Церкви на несообщающиеся между собой части. Экзарх Сергий на конференцию не поехал, что соответствовало его позиции в отношении к эмигрантским иерархам. Так, в политической сводке, составленной СД в феврале 1942 г., указывалось: "Митрополит православной церкви Сергий предпринимал шаги для устранения "Карловацкого" епископа Серафима Лядэ, Берлин". А 6 августа 1942 г. экзарх писал руководству рейхскомиссариата "Остланд" о необходимости практического осуществления им управления русскими приходами в Средней и Западной Европе, "на основании особого поручения, данного ему Местоблюстителем Патриаршего престола". Правда, немецкие власти признали попытки митр. Сергия добиваться этих прав нежелательными[2].

Противодействовать постановлением Венского совещания означало противостоять политике нацистских верхов. И все же экзарх решительно осудил эти постановления. В неопубликованном ноябрьском 1943 г. меморандуме, найденном в немецких военных документах, он называл епископов эмигрантов схизматиками за оппозицию Московской Патриархии. Разрыв с ней, по его мнению, вообще лишал этих епископов права судить о московских делах с канонической точки зрения. Митр. Сергий убеждал немцев признать избрание Патриарха и использовать его в антибольшевистской пропаганде: возрождение Церкви является доказательством полного банкротства коммунизма и надо утверждать, что оно неизбежно приведет к гибели последнего. Упрек в неправильно начатой пропагандистской акции встревожил гитлеровцев. В препроводительной записке к меморандуму говорилось: "...я пересылаю Вам отношение Экзарха Сергия в Риге к Венскому Епископскому Собору с просьбой передать его Министерству Церковных Дел, которое в этом деле на Соборе было ведущим, и затребовать его мнение относительно канонической законности затронутых вопро-

[1] *Балевиц З. В.* Указ. соч. С. 78.

[2] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 140–141; *Веверс Я. Я.* Указ. соч. С. 9.

сов... Если же аргументы Экзарха окажутся состоятельными, то пропаганду, которую мы ведем в связи с Венским Собором, надлежало бы перевести в другую колею". Мнения министерства и Антикоминтерна оказались неблагоприятными для митр. Сергия[1].

Германские власти категорически настаивали на запрещении в богослужениях возношения имени Патриарха, и 19 ноября архиереи экзархата приняли решение прекратить поминовение его, объясняя это тем, что за ликвидацией титула Местоблюстителя отпадает необходимость и в поминании Сергия с подобным титулом. В то же время они не отдали распоряжения возносить его с новым титулом, "ссылаясь на неосведомленность о канонической правомочности избрания Патриарха", но подчеркнули свою принадлежность к Русской Православной Церкви. Это не удовлетворило гестапо. К тому же экзарх в заявлении на имя рейхскомиссара "Остланда" неосторожно написал, что православный "епископат и теперь желает падения советов, но возможно и даже определенно, — свои надежды больше не связывает с победой немцев"[2].

Начался сбор компрометирующего материала на митр. Сергия. В октябре 1943 г. под руководством начальника полиции и службы безопасности в Риге оберфюрера Ланге состоялось совещание, на котором обсуждалась деятельность экзарха. По свидетельству участника этого заседания И. Л. Глазенапа, майор СД В. В. Поздняков на нем заявил: "Все молящиеся слушают его (митр. Сергия) проповеди с замиранием сердца. Совсем недавно Преосвященный посвятил свою проповедь одной из заповедей: "не осуждай — не осужден будешь", и все свои высказывания свел в конечном итоге к тому, чтобы верующие не осуждали тех, кто проявляет недовольство существующим порядком и никуда об этом не сообщали. А проповедь о помощи ближним по заповеди "возлюби ближнего своего как самого себя" была направлена к тому, чтобы побудить слушающих "оказывать помощь семьям, кормильцы которых погибли от рук басурманов"... Его постоянные молитвы "о ниспослании мира и благоденствии нашей православной Родине" настраивают верующих против установления нового порядка на территории, освобожденной великой немецкой армией. С помощью господина Левицкого (секретаря экзарха) я подсылал к Сергию агентов-женщин, которые обращались к нему с "жалобами" на то, что арестовали их кормильцев. Он всегда помогал им материально, утешал их, говорил, чтобы "надеялись на Бога и свою великую Родину"[3].

Эти фразы о подлинных настроениях экзарха подтверждает свидетельство священника Михаила Кузменко, в конце 1943–1944 гг. исполнявшего обязанности начальника его канцелярии: "Когда был избран Святейший Патриарх... оккупанты запретили возносить его имя за бо-

---

[1] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 143–146.

[2] *Балевиц З. В.* Указ. соч. С. 79–80.

[3] *Хмыров (Долгорукий) Ю. П.* Страшное злодеяние // Голос Родины, 1972, № 27. С. 4.

гослужением. На епархиальном собрании в Вильно митрополит с волнением в голосе оповестил об этом решении оккупационных властей местное духовенство, но оставил за собой право поминать Патриарха. Я всегда в Вильно сослужил экзарху и не знаю случая, чтобы эта воля его когда-либо нарушалась. Эти три дня до смерти... в слове своем Высокопреосвященный остановился на страшном историческом моменте, переживаемом Родиной, когда "нашу святую Русскую Землю попирают враги. Близится час — и, поставленные на колени, они будут просить у нас прощения. Но мы будем тогда так же тверды и немилосердны, как они теперь к нам". А за день до убийства экзарх совершал панихиду по певцу Д. Смирнову и после нее сказал о. Михаилу: "А ведь я по себе служил панихиду... Так оно и обернется. Теперь я уже не сделаю для них того, что позволил себе сделать раньше"[1].

8 марта 1944 г. IV отдел Полиции безопасности, ведавший церковными делами в "Остланде", составил справку о деятельности экзарха. В ней отмечалось, что он в победу Германии больше не верит, предпринимает попытки отмежеваться от других иерархов, наиболее тесно сотрудничавших с немцами. Митрополиту ставилось в вину регулярное прослушивание передач московского радио, пение в компаниях советской песни "Синий платочек" и т. п. В эти же дни рижскому гестапо приказали срочно организовать в Риге конференцию православных иерархов и добиться, чтобы она приняла резолюцию, направленную против Московского Патриарха. 20 марта из Берлина пришла категоричная телеграмма — конференция должна состояться в течение 14 дней, заранее была разработана ее программа. Однако созванное архиерейское совещание не только не приняло "заказанную" гестапо резолюцию, но и в своем, в целом антисоветском, воззвании употребило термин "Первосвятитель" Русской Церкви, что по сути означало открытое признание Патриарха. 11 апреля из Берлина поступили еще две телеграммы с упреками и директивой: добиться от экзарха дополнительного заявления о том, что он не признает избрание Патриарха и считает Патриарший престол вакантным. Однако, несмотря на сильнейшее давление, митр. Сергий сделать заявление отказался[2].

28 апреля 1944 г. экзарх, его спутники и шофер, ехавшие по пустынной дороге из Вильнюса в Каунас, были убиты выстрелами из обогнавшей их машины. Нападавшие были в немецкой форме, но оккупационные власти заявили, что это сделали советские партизаны. До сих пор до конца не ясно, кто организовал убийство. В советской послевоенной литературе в нем обвинялись фашисты[3]. Об этом же свидетельствует и подавляющее большинство известных источников. Согласно сообщению И. Л. Глазенапа, убийство совершил ложный партизанский отряд

---

[1] *Кузменко М.* Письмо в редакцию // Голос Родины, 1973, № 27. С. 4.

[2] *Балевиц З. В.* Указ. соч. С. 81.

[3] Там же. С. 84; *Веверс Я. Я.* Указ. соч. С. 21; *Геродник Г.* Правда о Псково-Печерском монастыре. М.: Госполитиздат, 1963. С. 100.

из агентов СД. Впрочем, к этому свидетельству надо подходить осторожно, так как оно было опубликовано в очень тенденциозной газете "Голос Родины"[1]. В Бахметьевском русском эмигрантском архиве (Нью-Йорк) хранится письмо журналиста из Латвии М. Бачманова. В нем говорится о том, что спаслась из машины одна гимназистка, которая спряталась во рву. Она свидетельствовала, что это были немецкие СД, опознала одного из них по шраму на лице и запомнила номер машины, принадлежавшей каунасскому СД[2]. Руководитель полиции "Остланда" обергруппенфюрер СС Ф. Еккельн после ареста, на допросе 31 декабря 1945 г. показал: "Митрополит Сергий находился давно под наблюдением СД и гестапо... Фукс дал мне прочитать приказ о ликвидации митрополита Сергия за подписью Кальтенбруннера, из которого следовало, что Сергий должен быть убит таким способом, чтобы путем провокации его убийство можно было свалить на немецких партизан. Так и было сделано фактически"[3]. Наконец, указания на убийство экзарха фашистами встречаются и в документах Совета по делам Русской Православной Церкви, Совета Министров СССР второй половины 1940-х гг.[4] Относительно же совершения этой акции партизанами существует лишь свидетельство рижского священника Н. Трубецкого, отсидевшего в лагере 10 лет за причастность к деятельности Псковской Миссии. О. Николай утверждал, что встретил в заключении бывшего партизана, который сообщил ему о своем участии в убийстве экзарха, совершенном по приказу советской разведки[5]. Однако это субъективное свидетельство не подтверждается никакими архивными документами.

Известие о смерти Патриарха Московского и всея Руси германские власти встретили предупреждением, чтобы оно не было ничем отмечено. Вступивший в должность экзаршего наместника архиепископ Ковенский Даниил (Юзьвюк) 9 июня издал распоряжение о совершенном запрещении общественного поминания усопшего. Как и ноябрьское постановление, это указание встретило массовое сопротивление духовенства не только в Ленинградской епархии, но даже в Прибалтике. Так, Нарвский епархиальный совет 23 мая 1944 г. признал неканоничным прекращение поминания имени Первосвятителя Сергия (Страгородского) и решил продолжать возносить его, а 22 июня вынес свое суждение о распоряжении зкзаршего наместника, что оно "не согласно

---

[1] *Хмыров (Долгорукий) Ю. П.* Указ. соч. С. 4.

[2] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 209.

[3] Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946. С. 131.

[4] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 28; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 6, л. 25.

[5] *Шеметов Н.* Единственная встреча — памяти о. Николая Трубецкого // Вестник РХД, 1978, № 128. С. 250.

с духом Православной Церкви"[1]. 35 приходов, окормляемых архиепископом Нарвским Павлом, поминали патриарха и в 1944 г., радостно встретив советские войска. Псковская Миссия прекратила свое существование весной 1944 г.; некоторые миссионеры, как и митрополиты Августин (Петерсон) и Александр (Паулус), оказались в эмиграции, большинство же их попали в советские лагеря.

Лишь часть оккупированной территории северо-запада России в годы войны контролировалась Псковской Миссией. Западную Карелию, северные и северо-восточные районы Ленинградской области временно захватили финские войска, и религиозная жизнь там имела свои особенности. В Карелии к началу войны не осталось ни одного действующего храма, и в конце 1941 — начале 1944 гг. их открылось около 40 (после изгнания финнов на 1 ноября 1944 г. в списке действующих числилось 18 церквей). Однако значительная часть русского населения была интернирована в лагеря, и богослужения, как и восстановленное преподавание Закона Божия, проводились на финском языке. На Карельском перешейке и в Подпорожском, Вознесенском, Лодейнопольском районах Ленинградской области возобновили свое функционирование примерно 20 храмов. Служили в них, как и в карельских, в основном финские православные священники, в том числе военные и монахи Валаамского монастыря. На богослужениях они поминали главу автономной Финляндской Церкви под юрисдикцией Константинопольского Патриарха митрополита Германа и президента Финляндии Рюти[2]. В донесении командования Карельского фронта говорилось: "При Военном управлении Восточной Карелии имеется отдел просвещения, который через окружные и районные управления осуществляет контроль и руководство школьными и религиозными заведениями. В распоряжении отдела просвещения имеется группа попов, которая должна обслуживать население. В некоторых наиболее крупных населенных пунктах открыты церкви. Попам, служащим в финских частях, предоставлена также возможность обслуживать гражданское население, но это производится только по просьбе попов, состоящих в штате при Военном управлении"[3]. Все финские священники и монахи осенью 1944 г. ушли с отступавшими войсками, и 85% храмов к 1946 г. вновь оказались закрытыми.

Почти так же активно, как на северо-западе, проходило религиозное возрождение и в других районах России, хотя, конечно, там сказывались меньший срок оккупации, неустойчивость фронта, отсутствие миссионеров и т. п. В оккупированных южных областях религиозную жизнь на первых порах возглавили два уцелевших к 1941 г. и живших на покое архиерея — архиепископ Ростовский Николай (Амасийский) и

[1]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, лл. 112–113.

[2]Там же, лл. 95, 115.

[3]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 92, л. 81–81 об.

епископ Таганрогский Иосиф (Чернов), а также обновленческий епископ Пятигорский Николай (Автономов). В Ростове-на-Дону, где к началу войны оставалась одна действующая церковь, вскоре после его взятия в июле 1942 г. немецкими войсками открылось 8 храмов. Игумен Георгий позднее вспоминал: "На третий или четвертый день по занятии города ко мне пришли 7–8 прихожан храма Всех Святых с предложением осмотреть храм и немедленно начать хлопоты о закреплении его за общиной и о совершении богослужений". На следующее утро на очистке церкви, разбитой бомбой, работало 300 человек, которые отремонтировали ее за два дня. На первом богослужении храм, вмещавший 2000 человек, был переполнен. Вскоре в Ростов переехал живший в Ейске архиепископ Николай. Он организовал ростовское благочиние и епархиальное управление, начал энергично рукополагать священников из мирян. Летом 1942 г. к Владыке, по воспоминаниям игумена Георгия, "ежедневно прибывали и священники, и миряне — делегаты из провинции с радостными сообщениями об открытии храмов, организации общин, с просьбами о назначении священников"[1].

Сообщение немецкого СД от 6 октября 1942 г. также свидетельствует, что после занятия Донской области началось самопроизвольное открытие церквей везде, где было духовенство и церковные здания. А в донесении от 16 октября указывалось, что в Новочеркасск на открытие собора прибыли местный комендант и представители городского управления. После богослужения состоялся крестный ход через весь город, в котором участвовали тысячи людей. Всего в Новочеркасске было открыто 6 храмов, один из очевидцев был поражен тем, что большинство интеллигенции в городе, включая и тех, кого он считал атеистами, вернулось в Церковь. Всего в Ростовской области в период оккупации открылось 243 храма. Епископ Таганрогский Иосиф также вновь возглавил епархию и даже въехал в свой прежний архиерейский дом. К концу 1942 г. оба архиерея вошли в состав Украинской автономной Церкви Московской Патриархии, в храмах их епархий возносили имя митр. Сергия (Страгородского)[2]. Однако особым посланием Патриаршего Местоблюстителя от 20 марта 1943 г. архиепископ Николай (Амасийский) был осужден за связь с гитлеровцами[3]. На Ростовскую область стремился распространить свое влияние и Патриарх Румынской Православной Церкви Никодим, вступивший в переписку с архиепископом Николаем[4].

---

[1] *Георгий, игумен.* Из воспоминаний о церковной жизни в СССР при немецкой оккупации // Вестник института по изучению СССР, 1957, № 2(23). С. 105–108, 112.

[2] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение, 1982, № 18. С. 113–116; *Гордун С.* Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год // ЖМП, 1993, № 1. С. 45.

[3] Патриарх Сергий и его духовное наследство. С. 89.

[4] ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 6, л. 25.

Духовенство Краснодарского, Ставропольского краев, Северного Кавказа в Украинскую Церковь не входило. Здесь происходили столкновения между обновленцами и сторонниками Патриархии. Так, в сообщении СД от 18 декабря 1942 г. говорилось, что в Краснодаре сразу же после его оккупации началось открытие церквей и вспыхнула борьба "двух течений" из-за 3 храмов, особенно Екатерининского собора, который в итоге был передан "тихоновцам". Указывалось, что и они, и "живоцерковники" хотят выйти из-под контроля городского управления и создать собственные центральные руководящие органы. Обновленцы считались фашистами "агентами НКВД" и подвергались репрессиям, хотя Кубань и Северный Кавказ были единственным регионом, где их деятельность хоть в каком-то виде допускалась германскими властями. Например, в станице Прохладная обновленцам принадлежал собор, а сторонникам Патриархии лишь маленькая церковь. Репрессии гитлеровцев особенно затронули Ставрополье, где была расстреляна целая группа священнослужителей[1].

В Крыму, входившем в состав РСФСР, по сообщению СД от 12 декабря 1942 г., духовенство, сопровождавшее румынские войска, крестило 200 тыс. человек. Всего в области было открыто 70 православных храмов. Германские власти первоначально организовали для духовно-административного руководства церковный подотдел. В докладе протоиерея А. Архангельского митрополиту Алексию (Симанскому) от 13 июля 1944 г. указывалось, что заведующий подотделом А. Д. Семенов покровительствовал "всякого рода сектантам — штундистам, баптистам, евангелистам и т. д. Эти родственные немцам[2] секты получали от Семенова равное количество молитвенных домов с православными храмами, несмотря на то, что православное население г. Симферополя во много раз больше горсточки сектантов". В докладе сообщалось, что протоиерей кладбищенской церкви Симферополя Николай Швец зачитал прихожанам воззвание Патриаршего Местоблюстителя Сергия, распространять его среди верующих помогал диакон А. Бондаренко. "Их патриотический подвиг поддерживал старец Викентий, бывший обновленческий епископ... Все они... были расстреляны немецким гестапо ...о. Н. Швеца обвиняли еще в том, что он крестил евреев"[3].

С приездом епископа Серафима (Кушнерюка) Украинской автономной Церкви подотдел прекратил свое существование. Но архиерей вскоре занял профашистскую позицию, порвал с Украинской Церковью, объявил себя автономным епископом и перестал поминать патриарха Сергия. В ноябре 1943 г. епископ Серафим и члены его благочиннического совета эвакуировались в Германию. Большинство же

---

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 6, л. 25. *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 117–119

[2]Вероятно, А. Архангельский имел в виду происхождение этих сект от немецких поселенцев. — *Ред.*

[3]Там же. С. 115; Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.). С. 55.

священнослужителей Крыма проявили себя патриотами. Так, священник В. Соколов активно помогал партизанам, распространял советские газеты и новости радиопередач из Москвы. Протоиерей И. Крашаковский после освобождения полуострова с разрешения генерала Ветрова созвал всех верующих Симферополя в полуразрушенный немцами собор, в присутствии воинских частей совершил благодарственный молебен и произнес яркую речь. Он получил благодарность советского командования за патриотическую деятельность и помощь раненым бойцам[1].

Смоленскую и Брянскую области германские войска в административном отношении присоединили к оккупированной Белоруссии, и к марту 1942 г. была создана Смоленская епархия в составе Белорусской Церкви. Возглавил ее епископ Стефан (Севбо). В Смоленске в 1941 г. оставалась всего одна открытая церковь, а через год действовало уже пять храмов, имелись пастырские курсы, которые за первые 7 месяцев своего существования подготовили 40 священников. В Вязьме открылось 8 храмов, в сентябре 1942 г. было напечатано 30 тыс. молитвенников и т. д. В сводке СД от 12 декабря 1941 г. говорилось о результатах переписи населения Смоленска. На вопросы о принадлежности к церкви 24 100 жителей назвали себя православными, 1128 — верующими других конфессий и лишь 201 (менее 1%) — атеистами. Данные переписи послужили основанием для передачи православным одного из храмов города, открытого в качестве костела при помощи немецкого военного католического священника. Необходимо отметить, что подобные опросы давали от 1 до 4% атеистов и в других городах. Правда, нельзя принимать эти данные за полностью соответствующие реальной ситуации. Ведь среди ушедших на восток с советскими войсками был большой процент неверующих; кроме того, часть населения могла думать, что фашисты будут ассоциировать атеистов с коммунистами, и поэтому скрывала свои подлинные взгляды[2].

Очень активно шло возрождение религиозной жизни в Центральном Черноземье России. В Орле открылось 4 храма, в Брянске — 12, в Курске в марте 1942 г. был воссоздан Свято-Троицкий женский монастырь со 155 насельницами и т. д.[3] Посетивший в 1943 г. освобожденные города этого региона английский журналист А. Верт писал о патриотической деятельности православных общин в период оккупации: "Церкви в Орле процветали, но они превратились, чего немцы не ожидали, в активные центры русского национального самосознания... именно церкви неофициально создали кружки взаимной помощи, что-

[1] Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.). С. 55–56.

[2] *Поспеловский Д. В.* Подвиг веры в атеистическом государстве // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. С. 75, 78; *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение, 1981, № 15. С. 87, 96; *Гордун С.* Указ. соч. С. 45.

[3] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 8, л. 50.

бы помогать самым бедным и оказывать поддержку военнопленным... Церкви стали центрами "русицизма" вопреки ожиданиям немцев, что церкви превратятся в очаги антисоветской пропаганды"[1].

Этот вывод соответствует ситуации, существовавшей на всей оккупированной территории России. "Религиозное возрождение" там было самым тесным образом связано с ростом национального самосознания. Всего же в захваченных районах РСФСР открылось, по подсчетам автора, примерно 2150 храмов: около 470, как уже отмечалось, на северо-западе, в Курской области — 332, Ростовской — 243, Краснодарском крае — 229, Ставропольском — 127, Орловской области — 108, Воронежской — 116, Крымской — 70, Смоленской — 60, Тульской — 8 и около 500 в Орджоникидзевском крае, Московской, Калужской, Сталинградской, Брянской и Белгородской областях (причем в двух последних не менее 300)[2].

Возрождением Русской Церкви можно назвать и религиозную жизнь в оккупированной Белоруссии. Здесь, как и на северо-западе России, уже в конце лета 1941 г. началось быстрое восстановление закрытых храмов, причем при восстановлении церковной организации решающую роль сыграло эмигрантское духовенство, в 1939 г. оказавшееся на советской территории. Однако, несмотря на то, что Прибалтика и Белоруссия входили в один рейхскомиссариат "Остланд" и митрополит Сергий пытался объединить их церковную жизнь, германские власти жестко пресекли все подобные попытки, настойчиво проводя политику дробления единой Русской Церкви на национальные. Экзарх западных областей Белоруссии и Украины митрополит Николай (Ярушевич) остался по другую сторону фронта, и Патриарший Местоблюститель назначил в июле—августе 1941 г. экзархом Белоруссии с возведением в сан архиепископа Пантелеймона (Рожновского).

К нему и обратилось германское командование, поставив при переговорах следующие условия: "1) организовать Православную Церковь самостоятельно, без всяких сношений с Москвой или Варшавой (митр. Дионисием) или Берлином (митр. Серафим (Лядэ). 2) Церковь должна носить название: "Белорусская автокефальная православная национальная церковь". 3) Церковь управляется своими св. канонами, и немецкая власть не вмешивается в ее внутреннюю жизнь. 4) Проповедь, преподавание Закона Божия, церковное управление должны производиться на белорусском языке, 5) назначение епископов должно производиться с ведома немецкой власти, 6) должен быть представлен немецкой власти статут "Белорусской Православной автокефальной национальной Церкви", 7) Богослужения должны совершаться на

[1] *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М.: Прогресс, 1967. С. 501–502.

[2] ГАРФ, ф. 6991: оп. 1, д. 3, лл. 215–216; *Гордун С.* Указ. соч. С. 45; Русская православная церковь стала на правильный путь // Исторический архив, 1994, № 4. С. 102–103.

церковно-славянском языке". 13 мая 1942 г. А. Розенберг также писал рейхскомиссару "Остланда" Х. Лозе, что Русская Церковь не должна распространять свое влияние на православных белоруссов, а ее деятельность — простираться за границу расселения великороссов[1].

В Западной Белоруссии было значительное число католиков, которых немцы рассматривали как "пятую колонну" поляков и поэтому стремились не допустить католическую миссионерскую деятельность в восточную часть республики, предпочитая поддерживать православных. Возможности белорусских католиков были ограничены и тем, что Гродненская область отошла к Восточной Пруссии, а Пинская — к Украине, взамен чего к Белоруссии присоединили Смоленскую и Брянскую области.

Фашисты привезли белорусских националистов из Польши, Чехословакии и т. д., чтобы усилить влияние националистических и сепаратистских элементов в Белорусской Церкви. Они не пользовались влиянием среди местного населения и немедленно вступили в борьбу с православной иерархией, упорно сопротивлявшейся всем попыткам оторвать ее от Московской Патриархии. Архиепископ Пантелеймон принял в сентябре 1941 г. поставленные ему условия с оговоркой, по существу полностью противоречащей им: отделение может состояться только после того, как Белорусская Церковь организуется, созреет для автокефалии и оформит это отделение канонически, т. е. с разрешения Московской Патриархии. В марте 1942 г. Собор архиереев избрал Пантелеймона митрополитом, но он так и не провозгласил Белорусскую Церковь автокефальной. На богослужениях продолжали возносить имя Патриаршего Местоблюстителя, и владыка Пантелеймон отказывался проповедовать по-белорусски на том основании, что языком городского населения республики является русский[2].

К марту 1942 г. Церковь в Белоруссии включала в себя уже 6 епархий: 1. Минскую во главе с митр. Пантелеймоном, 2. Гродненско-Белостокскую (за пределами рейхскомиссариата "Остланд" и поэтому получившую статус экзархата) во главе с архиеп. Венедиктом, 3. Могилевскую — с еп. Филофеем (Нарко), 4. Витебскую — с еп. Афанасием (Мартосом), 5. Смоленско-Брянскую — с еп. Стефаном (Севбо), 6. Барановичско-Новогрудскую. Бурно шел процесс восстановления храмов. Только в Минске за 3–4 месяца их открылось 7 и было крещено 22 тыс. детей, в епархии же службы начались в 120 церквах. Оккупационные власти не разрешили открыть две имевшиеся ранее в Минске духовные семинарии, вместо них были образованы пастырские курсы, каждые несколько месяцев выпускавшие 20–30 священников, дьяконов и псаломщиков. В Витебске в Свято-Покровской церкви богослужения возобновились 14 октября 1941 г., а в ноябре в нее из антирелиги-

---

[1] *Регельсон Л.* Указ. соч. С. 511–512; *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение, 1981, № 16. С. 91–92.

[2] Там же. С. 93; *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 210.

озного музея перенесли мощи св. Евфросинии Полоцкой. В 1942 г. в этом городе также открылись пастырские курсы. В мае 1944 г. мощи преподобной были переданы в Полоцк, где действовали 4 храма и монастырь. В некоторых районах Белоруссии, например, в Борисовском, было восстановлено до 75% дореволюционных церквей (в самом Борисове 21 храм). Этот процесс продолжался и в 1943–1944 гг. Так, в донесении командования группы армий "Центр" за январь—февраль 1944 г. говорилось, что в районе 4-й армии вновь открыты 4 церкви, в Бобруйске впервые за время войны на Крещение состоялся крестный ход на р. Березину с участием 5000 человек[1].

Общее число восстановленных в Белоруссии храмов точно не известно. Согласно документам Совета по делам Русской Православной Церкви, на 1 января 1948 г. их численность в республике 1051, в том числе 302 в восточных областях. Отмечалось, что почти все они открыты в период оккупации (20–25% в зданиях, никогда не бывших церквами), но по сравнению с временем войны количество действующих храмов сильно сократилось. По всей видимости, их было не менее 600, так как в 1945 г. в Белоруссии считались действующими 1250 православных церквей, из них на долю восточной части республики приходилось около 500 (часть храмов к тому времени уже успели снять с регистрации)[2].

Воссозданное духовенство на 90% состояло из белоруссов. И все же германским властям к лету 1942 г. пришлось признать провал своей политики сепаратизма в церковной области. В сводке СД от 5 июня признавалось, что Белорусская Церковь стала центром великорусского по настроениям духовенства, священников-сепаратистов не существует, а митрополит Пантелеймон и его окружение не хотят проводить белоруссизацию Церкви. Архиепископ же Венедикт характеризовался как "ревностнейший великорусский организатор", через которого шла связь с русскими центрами в Польше. Пытаясь срочно исправить положение, по настоянию националистов фашисты заключили в мае 1942 г. митрополита Пантелеймона в Жировицкий монастырь и передали управление Церковью архиепископу Могилевскому Филофею. Он тоже противился вначале всяким нововведениям на том основании, что не имеет права принимать решение без ведома митр. Пантелеймона[3].

Еще 30 июля 1942 г. архиеп. Филофей писал гауляйтеру Белоруссии о ненужности излишней торопливости в введении автокефалии: "Это очень важное и ответственное положение, требующее точности и правильности церковного канона священной всеобщей Право-

---

[1] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение, 1981, № 15. С. 86–89, 98; *Гордун С.* Указ. соч. С. 45.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 593, л. 81.

[3] *Мануил (Лемешевский), митрополит.* Русские православные иерархии периода с 1893 по 1965 годы. Т. 5. С. 359–360; *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение, 1981, № 16. С. 95.

славной Церкви... Нас торопят в этой работе..."[1] Однако 5 августа он был вынужден издать распоряжение о созыве Собора для официального провозглашения отделения Белорусской Церкви от Русской. Собор проходил в Минске с 30 августа по 2 сентября 1942 г. На нем присутствовали 3 младших архиерея из 6 и представители только 2 епархий, и то в большинстве по назначению. Некоторые священнослужители не смогли вовремя приехать из-за вмешательства оккупационных властей. Митр. Пантелеймон и архиеп. Венедикт были в Минск не допущены. Собор выработал статут Белорусской Церкви, утвердил мероприятия по достижению автокефалии и белоруссизации: создание Священного Синода, завершение организации епархий, открытие Минской семинарии и т. д. В обязанность всем священникам вменялось выучить белорусский язык и сдать по нему экзамен до 1 октября. В имперскую канцелярию была отправлена телеграмма: "Фюреру Адольфу Гитлеру". Первый в истории Всебелорусский Православный Церковный Собор в Минске от имени православных белоруссов шлет вам, господин рейхсканцлер, сердечную благодарность за освобождение Белоруссии от московско-большевистского безбожного ига, за предоставленную возможность свободно организовать нашу религиозную жизнь в форме Святой Белорусской Православной автокефальной церкви и желает быстрейшей полной победы вашему непобедимому оружию"[2].

И все же, хотя в постановления Собора и вошло навязанное ему заявление о независимости Белорусской Церкви, было поставлено условие, что "каноническое объявление автокефалии наступит после признания ее всеми автокефальными Церквами" (в том числе Московской Патриархией). Послания главам других Церквей были составлены, переведены, переданы германским властям для пересылки только через год и так и не отправлены. После Собора сопротивление белоруссификации продолжалось: автокефалия не упоминалась ни в церковных документах, ни в официальной печати. А в мае 1944 г. архиерейская конференция Белорусской Церкви объявила постановления Собора 1942 г. недействительными на том основании, что на нем отсутствовали 2 старших епископа, которые не были допущены оккупационными властями. Все белорусские архиереи, эмигрировавшие в конце 1944 г. в Германию, присоединились к Карловацкому Синоду, что подчеркнуло их общерусскую ориентацию[3].

Иерархи Белорусской Церкви в годы войны неоднократно выступали с антикоммунистическими заявлениями. Например, майская 1944 г. конференция приняла резолюцию, в которой советская власть называ-

---

[1] Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. С. 81.

[2] *Суглобов Г. А.* Союз креста и меча. М.: Воениздат, 1969. С. 77; *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 110.

[3] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 211; *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 95.

лась "сатанинским отродьем" и "сыном дьявола"[1]. При этом большая часть духовенства занималась активной патриотической деятельностью. Участие его в партизанском движении в Белоруссии было особенно массовым. Правда, это движение было неоднородным. Так, из 440 тыс. учтенных партизан и подпольщиков республики 24 тыс. составляли члены антифашистских комитетов западных областей, не связанных с Москвой. Кроме того, на территории Белоруссии действовали нелегальные отряды украинских националистов и особенно активно — около 20 тыс. бойцов польской Армии Крайовой, которые нередко сражались не только с немцами, но и с партизанами (в этих боях погибло несколько тысяч человек)[2]. Далеко не сразу и многие из советских партизан стали относиться к духовенству положительно, значительная часть только с сентября 1943 г. И все-таки примеров помощи им священнослужителей с первых месяцев войны множество.

Так, священник В. Копычко из Пинской епархии вспоминал, что уже в июле 1941 г. через подпольную группу ему было передано из Москвы послание Патриаршего Местоблюстителя, которое он зачитал перед прихожанами. Затем В. Копычко стал связным партизан, собирая для них оружие и продукты. Священник Минской епархии И. Лойко в 1942 г. публично благословил трех своих сыновей идти в партизаны. В том, что его село Хоростово стало "столицей" партизанского края, была немалая заслуга о. Иоанна. 15 февраля 1943 г. фашисты захватили село, заколотили храм и сожгли в нем священника и более 300 молящихся. В характеристике, выданной 15 ноября 1944 г. командиром партизанского отряда им. С. Кирова благочинному Пинского западного округа, говорилось: "Священник Раина Кузьма Петрович... оказывал всенародную помощь партизанам... Доставлял в партизанские отряды разведданные, призывал население к оказанию содействия народным мстителям. Проявил себя как подлинный патриот нашей великой Родины". 9 октября 1943 г. К. Раина был арестован фашистами в храме, приговорен к расстрелу и чудом спасся[3]. В отчете Пинского обкома КП(б)Б в ЦК ВКП(б) от 4 июня 1943 г. говорилось: "... попы дер. Дятловичи, Востынь, Лунинец, Лунин, Вулько Лунинецкого района в первые дни войны оказывали свои услуги немцам. Проведя разъяснительную работу с этим духовенством, мы доказали им, что, помогая немцам, они изменяют своему народу... После этого они начали работать против немцев — в пользу партизан... попам было поручено провести молебен в населенном пункте, где размещались немецкие гарнизоны, с тем, чтобы эти молебны были направлены

---

[1] *Винтер Э.* Политика Ватикана в отношении СССР 1917–1968. М.: Прогресс, 1977. С. 180.

[2] *Макаревич А. Ф.* Новый взгляд на документы Национального архива Республики Беларусь в борьбе с фашистской агрессией // Отечественные архивы, 1994, № 3. С. 33, 37–38.

[3] Партизанский акафист. С. 7.

на разоблачение немецкой лжи о партизанах... Это поручение попами было выполнено. В одно из воскресений попы молились за партизан, называя их борцами за свою родину, за сохранение своего народа"[1]. Таким образом, Белорусская Церковь сделала все возможное, чтобы остаться и развиваться как часть Русской Церкви.

Значительно сложнее оказалась ситуация на Украине. Организация церковной иерархии там протекала в борьбе автономной и автокефальной церквей. Первая основывала свое каноническое положение на решении Всероссийского Поместного Союза 1917–1918 гг. о создании Украинской автономной Церкви в рамках Русской. Автокефальная принципиально разорвала всякую связь с Московской Патриархией и приняла в сущем сане священников-"липковцев" — так называемых самосвятов, которых ни одна Православная Церковь не могла считать законно посвященными священнослужителями[2].

18 августа 1941 г. большинство православных епископов, оказавшихся на оккупированной территории Украины, собрались на Собор в Почаевской Лавре и провозгласили создание автономной Украинской Церкви. Главой ее был избран Алексий (Громадский), возведенный в сан митрополита. 1 сентября 1941 г. в окружном послании к верующим он обосновал решение не возобновлять свое подчинение заявившему юрисдикционные права на всю Украину главе Польской Церкви митр. Дионисию (Валединскому). Владыка Алексий ссылался на то, что западноукраинские земли вошли в состав СССР, а местные епархии — в Московский Патриархат, и митр. Дионисий письменно отказался в 1939 г. от своих прав на эти территории. 25 ноября 1941 г. новый Собор епископов в Почаевской Лавре избрал митр. Алексия экзархом Украины[3].

Митр. Дионисий, не признав автономную церковь, сформулировал свои возражения в послании от 30 ноября 1941 г. Так как германские власти не допускали распространения его влияния на восток, он начал поддерживать и благословил возрождение антимосковской автокефальной Украинской церкви. Митр. Дионисий возвел в сан архиепископа еп. Луцкого Поликарпа (Сикорского) и назначил его администратором (управляющим церковью) на Украине. Автокефальная церковь была официально восстановлена на Соборе епископов, состоявшемся 7–10 февраля 1942 г. в Пинске. Именно он постановил принимать в общение священников "липковцев" без нового посвящения (остатки

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 69, оп. 1, д. 1075, л. 1.

[2] В 1921 г. "Собор", состоявший из мирян, дьяконов и священников "хиротонисал" протоиерея Василия Липковского в митрополиты наложением рук всех присутствующих. Созданная таким революционным путем Украинская автокефальная Церковь получила прозвище "липковщины". Советские власти первоначально поддержали ее, как и любой раскол в Церкви, но в период коллективизации заставили движение "липковцев" самоликвидироваться.

[3] *Heyer F.* Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine, 1917 bis 1945. S. 175–176.

их организовывались в Киеве на своем съезде 29 сентября 1941 г.). 17 мая 1942 г. Поликарпу решением Синода в Киеве был присвоен титул митрополита Киевского, но он остался жить в Луцке. Между автокефальной и автономной церквами развернулась борьба. Обе они посвящали новых епископов, число которых вскоре дошло до 15 у первой и 16 у второй[1].

Следуя указаниям А. Розенберга о поощрениях антирусских настроений на Украине, германские власти первоначально поддерживали автокефалистов. В директивном письме министра восточных территорий от 13 мая 1942 г. прямо писалось, что украинцы должны иметь свою, отдельную от русских, Православную Церковь. Кроме того, украинские националисты двух враждующих между собой течений — мельниковцы и бендеровцы, получив полную свободу действий и поддержку оккупантов, быстро заняли основные командные посты в созданной немцами гражданской администрации. Естественно, они помогали автокефалистам. Так, племянник Петлюры Степан Скрыпник (вскоре принявший сан епископа с именем Мстислав) 26 июля 1941 г. был назначен представителем Министерства восточных территорий при группе армий "Юг" и стал доверенным лицом по вопросу организации гражданского управления на Украине. Однако германская политика сводилась к стремлению отделить республику от России, но не к созданию независимой Украины. В связи с этим у оккупационных властей постепенно все больше стали расти конфликты с бендеровцами. Уже в сводке СД от 9 сентября 1941 г. с явным беспокойством отмечалось, что в Галиции "наиболее крайняя группа" С. Бендеры проводит пропаганду независимой Украины, используя в своих целях религиозные праздники. То же совершалось в районе Пинска. А в Луцке происходило открытое приведение к присяге бендеровцев во время богослужения. В сводке же от 8 декабря 1941 г. указывалось, что часть украинских сепаратистов арестована, политика их принимает все более антинемецкий характер, руководящие круги ОУН не верят в победу Германии и создают собственные партизанские отряды. Особенно активно националистическое украинское партизанское движение начало расти в 1943 г., что вызвало сильную тревогу оккупантов[2].

Таким образом, в отличие от Белоруссии, где германские власти всячески поддерживали достаточно слабый национализм, на Украине они были обеспокоены активной деятельностью выходцев из Галиции. Стремясь ослабить русское влияние, фашисты использовали украинский национализм, опираясь, в основном, на мельниковцев, но в то же время опасались его, не имея возможности полностью контролировать. Поэтому оккупанты допустили создание двух параллельных церковных иерархий, несмотря на то, что автономная церковь входила

---

[1]Ibid. S. 176–182.

[2]*Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 100, 119–120; *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 213.

в состав Московского Патриархата. Со временем германские власти решили не вмешиваться в церковную борьбу, которая становилась им выгодна.

Правда, перед этим была сделана попытка объединить оба движения. Судя по сводкам СД конца 1941–1942 гг., оккупанты одобрительно относились к слиянию автономной и автокефальной церквей, так как тогда, по их мнению, последняя стала бы канонической и потеряла бы остронациональный характер. 8 октября 1942 г. в Почаевской Лавре состоялась встреча митр. Алексия (Громадского) и двух епископов-автокефалистов. В результате ее было достигнуто соглашение об объединении. Однако подавляющее большинство епископов и духовенства автономной церкви отвергли его, так как эта церковь ставилась под фактический контроль автокефалистов, а канонический вопрос о "липковцах" удовлетворительно не разрешался. Соглашение было расторгнуто, и в конце 1942 г. обе церковные группировки сложились окончательно[1].

Руководство рейхскомиссариата "Украина" не допустило на свою территорию не только Польскую Православную, но и Зарубежную Русскую Церковь (РПЦЗ). Митрополит Берлинский Серафим (Лядэ) безрезультатно обращался в Министерство по делам церквей с ходатайством о создании управления РПЦЗ на Украине с центром в Полтаве. Подавлялись оккупационными властями и миссионерская деятельность униатов из Галиции, а также попытки восстановления обновленчества. Они не хотели допустить распространения влияния Ватикана, обновленцев же считали советскими агентами. Так, в сводке СД от 18 октября 1941 г. указывалось, что в г. Бердичеве были запрещены богослужения "живоцерковников"[2].

Московская Патриархия резко негативно отнеслась к деятельности автокефальной церкви. Митрополит Киевский Николай (Ярушевич) в своих посланиях Украинской пастве 1942–1943 гг. обличал похитителя церковной власти епископа Поликарпа (Сикорского), предостерегал от общения с ним, призывал хранить верность Матери Церкви и Родине. 28 марта 1942 г. с посланием к "архипастырям, пастырям и пасомым в областях Украины, пока еще занятых гитлеровскими войсками", обратился митр. Сергий (Страгородский). В нем говорилось о запрещении епископа Поликарпа в священнослужении. Собор архиереев, съехавшихся 28 марта в Ульяновск, своим "Определением" признал заключение Местоблюстителя канонически правильным и утвердил его, объявив: "Если... епископ Поликарп, "впадая в суд диаволь" пренебрежет запрещением, признать епископа Поликарпа лишившим себя сана и монашества и всякого духовного звания с самого момента его

[1] Там же. С. 213–214.

[2] *Heyer F.* Op. cit. S. 188; *Винтер Э.* Указ. соч. С. 166.

запрещения"[1]. Отношение же Патриархии к автономной церкви было сочувственным. Так, в официальном некрологе архиепископа Вениамина (Новицкого), в прошлом принадлежавшего к ней, признавалось, что оказавшись в чрезвычайно стесненных обстоятельствах, Украинская автономная церковь была единственной легальной организацией, вокруг которой могли сплотиться народные силы и в которой они находили поддержку во время величайших испытаний[2].

Религиозное возрождение на Украине особенно ярко проявилось в Киевской епархии. Киев — древний духовный центр всей России — привлекал как миссионеров западной части республики, так и уцелевших священников восточной. Митр. Алексий (Громадский) назначил 18 декабря 1941 г. в столицу Украины архиепископа Пантелеймона, которому сразу же пришлось столкнуться с давлением националистов. В сводке СД от 10 апреля 1942 г. говорилось, что бургомистр Киева, связанный с мельниковцами, при городском управлении под вывеской отдела по делам вероисповедания создал украинский церковный совет, заменивший только что распущенный национальный совет. Представители его посещали архиеп. Пантелеймона и различными угрозами пытались склонить на свою сторону. 13 марта 1942 г. в Киев приехали два автокефальных епископа — Никанор и Игорь. В городе им удалось открыть только три прихода, в то время как у владыки Пантелеймона было 28, в том числе Софийский собор. В 1943 г. число приходов в епархии достигло почти 50% дореволюционного уровня, а количество священнослужителей — 70%. Из них 500 храмов и 600 священников принадлежали к автономистам, а 298 и 434 соответственно — к автокефалистам. Все 9 открывшихся монастырей с 387 монашествующими вошли в юрисдикцию автономной церкви. Для пополнения духовенства в Киеве были образованы проверочные комиссии из лиц с богословским образованием. Главное же пополнение шло через обучение кандидатов на краткосрочных курсах (от 1 до 6 месяцев). Правда, затем оккупанты запретили их, как и организацию высшего богословского образования. В 1941–1942 гг. в начальных школах стали вводить обучение Закону Божию, но уже в следующем учебном году оккупационными властями оно было прекращено, осталось лишь обучение детей священниками при храмах[3].

В Полтаве первое богослужение состоялось уже в день прихода немцев, за первые 16 месяцев там крестили 2500 детей. В городе открылось 6 автономных и 4 автокефальных храма, всего же в епархии 359. Согласно сводкам СД, 80% верующих в области принадлежало к автономной церкви и только 20% — к автокефальной, но поставленный фаши-

[1] *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. С. 118–119.

[2] Архиепископ Вениамин Чебоксарский и Чувашский // ЖМП, 1977, № 1. С. 18–20.

[3] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 106–108, 111; *Зернов Н.* Религиозное возрождение XX века. С. 224.

стами городской голова Полтавы был националистом и поддерживал последнюю. В Днепропетровске было открыто 10 храмов, на крещение 1943 г. их посетило 60 тыс. молящихся. Менее четверти из 418 приходов епархии являлись автокефальными, и генерал-комиссар города даже приказывал арестовывать священников, не желавших подчиняться присланному митр. Поликарпом епископу Геннадию (Шиприкевичу). Ему была передана конфискованная у автономистов епископская резиденция. В Харьковской епархии открылось 155 храмов. На ее территории проживал возглавлявший в 1920-е гг. один из расколов на Украине — Лубенский епископ Феофил (Булдовский). Он провозгласил себя митрополитом Харьковским и Полтавским и присоединился к автокефальной церкви. Митр. Феофил простирал свою власть и на часть верующих в Сталинской, Курской, Воронежской областях. Но на востоке Украины влияние автономистов было подавляющим. Там, где автокефалисты не находили поддержки у населения, они обращались за помощью к оккупационным властям. Последние обычно шли навстречу до тех пор, пока не начали учащаться антигерманские акции бендеровских партизан[1].

Донесения германских властей, как и показания церковных деятелей, свидетельствуют о том, что несмотря на предпринятую бендеровцами кампанию террора, значительное большинство украинского населения поддерживало автономную церковь. Согласно сводке СД от 18 октября 1941 г., к ней принадлежало 55% верующих, а к автокефальной — 40%. Однако в октябре оккупация Украины еще только завершалась, и удельный вес западной части республики в этих расчетах был непропорционально велик. В целом, доля сторонников автокефальной церкви к 1942 г. не могла превышать 30%. Даже в Житомирской епархии она равнялась только четверти, а в более восточных областях, в основном, была еще ниже. Так, в Черниговской епархии автокефальные храмы практически отсутствовали[2].

Большая часть населения стремилась к восстановлению традиционного Православия. Всякие нововведения, вроде замены церковнославянского языка украинским, светской одежды и коротких волос священнослужителей-автокефалистов, скорее, отталкивали их. Кроме того, автокефальная церковь нарушала каноны не только принятием "липковцев", но и совершением хиротоний во епископы женатых священников.

Украинское монашество отвергало автокефальных священнослужителей как неканоничных, и первоначально все 15–17 обителей западной части республики принадлежали к автономной церкви. Ок-

---

[1] *Armstrong J.* Ukrainian Nationalism 1939–1945. New-York: Colambia University Press, 1955. P. 192; *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 214–215, 458.

[2] *Алексеев В. И., Ставру Г. Ф.* Указ. соч. // Русское Возрождение, 1982, № 7. С. 95; *Heyer F.* Op. cit. S. 189.

купационные власти поставили особые препятствия восстановлению монашества. Они запрещали пострижение мужчин рабочего возраста, расценивая это как уклонение от трудовой повинности. И все же на бывшей советской части Украины было воссоздано, по подсчетам автора, 36 монастырей: 9 в Киевской области, 5 в Житомирской, по 4 в Одесской и Ровенской, по 3 в Хмельницкой, Черниговской, Полтавской, Винницкой и по 1 в Сумской и Днепропетровской. Число их насельников превысило 2000 человек. Таким образом, около 45 обителей относилось к автономной церкви (Одесская область отошла к Румынии) и лишь два небольших монастыря на Волыни — Белевский и Дерманский с 70 иноками перешли в 1943 г. к автокефалистам[1].

В 1943 г. в результате наступления советских войск значительная часть украинского духовенства эвакуировалась в западную часть республики и там развернулась открытая межцерковная борьба. Причем автономная церковь и здесь сначала доминировала. В 1943 г. она вновь открыла духовную семинарию в Кременце, закрытую в конце 1939 г. Тогда бендеровцы развернули массовую кампанию террора против прорусски настроенных священнослужителей. 8 мая 1943 г. украинскими националистами был убит митрополит Алексий (Громадский), затем захвачен и повешен в лесу епископ Владимиро-Волынский Мануил (Тарновский), в 1942 г. перешедший из автокефальной церкви в автономную. Историк Ф. Гейер приводит имена 27 священников, убитых бендеровцами только на Волыни в течение лета 1943 г. В некоторых случаях убивали и членов их семей. Следствием террора был рост числа автокефальных приходов, особенно на Волыни, где в течение 1943 г. более 600 приходов перешло в автокефальную церковь. В этой епархии в юрисдикции автономной церкви решались оставаться, в основном, приходы в городах, где террор бендеровцев ощущался меньше[2]. Он не прекратился и с приходом советской армии. 23 сентября 1944 г. епископ Волынский Николай (Чуфаровский) докладывал Патриаршему Местоблюстителю, что за последнее время бендеровцы убили на Волыни 5 священников автономной церкви "за признание Московской Патриархии": "... многие священники говорили мне, что 3–4 м-ца они не ночуют в квартире, а уходят в поле, боясь партизан"[3]. После изгнания фашистских войск все автокефальные архиереи, кроме 80-летнего митр. Феофила (Булдовского), ушли с ними на запад, и из 14 автономных епископов 6 остались со своей паствой, седьмой вернулся из Германии после окончания войны.

Свои особенности имело положение Православной Церкви в юго-западной части Украины, оккупированной Румынией, так называемой

---

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 7, л. 18, д. 497, лл. 18–19; *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 108–109.

[2]*Heyer F.* Op. cit. S. 220; *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 215–217.

[3]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 13, л. 128.

Трансистрии. Государственной религией в Румынии было православие, и организацию религиозной жизни здесь взяла на себя Румынская Церковь. В 1943 г. Трансистрия, в которой уже работала Духовная миссия, была разделена на 3 епархии. К середине 1942 г. из 1150 дореволюционных приходов было вновь открыто почти 500. В Дубоссарах начала работать Духовная семинария, в Одессе — выходить "Православная жизнь" — церковная газета на русском языке и т. д. Дело осложнялось тем, что Церковь старались использовать в целях румынизации населения, но особого успеха эти попытки не имели[1].

Большая часть украинского духовенства в годы оккупации занимала патриотическую позицию. Так, в сводке СД от 5 декабря 1941 г. говорилось о связях автономной церкви с советской агентурой. В ней приводился характерный факт: 7 ноября в Киеве под председательством митр. Алексия (Громадского) проводилось собрание с участием 49 священников, двое из которых были изобличены как советские агенты, у них нашли и воззвание митр. Сергия. Арестованных священников А. Вишнякова и П. Остринского расстреляли, а с остальных взяли подписку о неучастии во враждебной Германии работе. В донесении СД от 6 марта 1942 г. сообщалось о расстреле бургомистра г. Кременчуга за то, что он с помощью местного священника крестил евреев, давал им христианские имена и таким образом спасал от смерти. В Черкасской области за поимку свящ. Г. Писаренко 16 ноября 1942 г. гебитс-комиссаром было объявлено вознаграждение в 10 тыс. марок, но предателей не нашлось. А о. Никита из Житомирской области 29 апреля 1944 г. писал в Московскую Патриархию: "В 1942 году в нашем лесу открылась группа партизан, с которыми я взял тесную связь и помогал им чем только мог... Когда в ноябре месяце 1943 года заняли наш район партизаны Маликовского соединения, я начал писать в Московскую Патриархию и даже послал 100 руб. денег на высылку мне какой-либо литературы или хотя бы Русского календаря, и до сих пор ничего нет. Я стараюсь всеми силами помогать Красной Армии, отдаю весь доход как хлебом, так и полотном и деньгами". Широко известен случай спасения инокинями из закарпатского женского монастыря в Домбоке 215 детей. Они были взяты монахинями из разбитого эшелона, направлявшегося в Германию, а потом 5 месяцев до подхода советской армии нелегально укрывались в обители и т. д.[2]

В целом религиозное возрождение на Украине носило патриотический характер и протекало так же бурно, как и в западных областях России. Всего за годы оккупации в республике было открыто не менее 5400 православных храмов. В отчетах Совета по делам РПЦ указывалось, что на 1 июля 1945 г. на Украине имелось 6072 действующих

[1] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 217–218; *Heyer F.* Op. cit. S. 209–212.

[2] Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) С. 53; *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. С. 101, 106; Партизанский акафист. С. 7; Тихие обители. С. 8.

храма, причем отмечалось, что 587 зданий уже изъяли у приходских общин местные власти, так как они до войны использовались как общественные учреждения (в это число не входят церкви, снятые с регистрации из-за отсутствия священнослужителей). Из получившейся цифры надо вычесть примерно 1300 храмов западных областей Украины, и остается 5400. Подсчеты по отдельным областям также подтверждают эти данные. По документам известно (хотя эти сведения неполны), что в период оккупации было открыто: в Винницкой области 822 храма, Киевской — 798, Одесской — 500, Днепропетровской — 418, Ровенской — 442, Черниговской — 410, Полтавской — 359, Житомирской — 346, Сталинской (Донецкой) — 222, Харьковской — 155, Николаевской и Кировоградской — 420 и не менее 500 в Запорожской, Херсонской и Ворошиловградской[1].

Бурное развитие церковной жизни на оккупированной территории СССР началось стихийно и сразу приняло массовый характер. Германское руководство рассчитывало использовать религиозный фактор и к началу войны уже, в основном, разработало политику по отношению к Русской Церкви, принявшую окончательные формы в 1941–1942 гг. Эта политика сводилась к раздроблению Церкви, использованию ее для помощи немецкой администрации, ликвидации Православия после окончания войны и созданию новой религии, призванной воспитывать послушных поданных рейха. Стремление к "атомизации" религиозной жизни проявлялось в поддержке иерархов, выступавших против Московской Патриархии. Однако фактически на всей оккупированной территории была восстановлена Русская Церковь. Сепаратистских национальных церквей нигде, кроме Украины, создать не удалось, да и там за ней пошло меньшинство духовенства и мирян. Не только религиозность россиян, но и Русская Церковь как организация оказалась гораздо более сильной и живучей, чем полагали германские власти.

Открывшиеся храмы превратились в центры русского национального самосознания, проявления патриотических чувств. Вокруг них сплотилась значительная часть населения. Всего за три года оккупации в условиях голода, разрухи, отсутствия материальных возможностей было восстановлено более 40% от дореволюционного количества церквей. Существуют разные цифры открытых на оккупированной территории СССР православных храмов. Современные историки, как правило, говорят о 7547, ссылаясь на отчет Совета по делам РПЦ о состоянии Церкви на 1 января 1948 г. Но к тому времени было уже закрыто в связи с нехваткой духовенства, изъятием у религиозных общин занятых ими общественных зданий не менее 850 храмов в РСФСР, 600 на Украине, 300 в Белоруссии и 100 в Восточной Молдавии (Приднестровье). Так, в другом отчете Совета по делам РПЦ указывалось, что на 1 января 1947 г. в России остались действующими

---

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 3, л. 215–216; Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 99–100; РЦХИДНИ, ф. 17, оп., д. 313, л. 156.

только 1300 церквей, открытых в период оккупации[1]. Таким образом, общее количество равнялось, как минимум, 9400. Эта цифра примерно соответствует встречавшемуся в советской литературе упоминанию о 10 тыс. храмов[2]. Кроме того, было воссоздано около 40 монастырей — 36 на Украине, 1 в Белоруссии и 2–3 в РСФСР (в Курсе и Вырице). Несомненно, что при соответствующих условиях подобный религиозный подъем произошел бы во всей России.

Последствия религиозного возрождения на оккупированной территории СССР были довольно велики. Эмигрантские историки В. И. Алексеев и Ф. Ставру склонны даже, несколько преувеличивая, придавать ему определяющее значение: "Германский фашизм был не менее враждебен христианству и особенно Русской Православной Церкви, чем советский коммунизм. Тем не менее, их столкновение, приведшее к оккупации германской армией значительной части территории СССР, приблизительно с одной третью населения страны, создало особые условия, сыгравшие решающую роль в судьбе Русской Православной Церкви... В целом по размаху и интенсивности это религиозное возрождение может быть названо вторым крещением Руси"[3]. В любом случае несомненно, что оно оказало заметное влияние на изменение религиозной политики советского руководства в годы войны.

§ 4. *Ликвидация обновленческого и григорианского расколов*

Годы Великой Отечественной войны стали временем ликвидации болезненных для Русской Церкви обновленческого и григорианского расколов, спровоцированных и в значительной степени организованных государственными органами в период нэпа. Эти два движения встретили войну по-разному. Обновленчество с началом ее пережило кратковременный период оживления своей деятельности. Уже 22 июня первоиерарх митрополит Виталий (Введенский)[4] и замести-

---

[1] Там же, д. 407, л. 5, оп. 132, д. 7, л. 2.

[2] *Титов В. И.* Православие. М: Политиздат, 1977. С. 118.

[3] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение, 1980, № 11. С. 94.

[4] Виталий (Введенский Владимир Лаврентьевич, 1870–1950). Окончил Тульскую ДС, в 1890 — Московскую ДА со степенью кандидата богословия. С 1891 священник женского монастыря в г. Белеве. В 1919 пострижен в монашество, возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Белевского монастыря. 15.08.1920 хиротонисан во епископа Епифанского. Летом 1922 уклонился в обновленчество. С 19.09.1922 "архиеп." Тульский, с 15.04.1925 "митр." Тульский, с 10.05.1930 председатель обновленческого Священного Синода. С 5.05.1933 "первоиерарх", 6.10.1941 ушел на покой. 2.03.1944 после покаяния принят в Патриаршую Церковь в сане епископа. С 1944 архиепископ Тульский и Белевский, с 1946 архиеп. Дмитровский. Скончался 25.03.1950.

тель первоиерарха митрополит Александр (Введенский) выпустили яркое патриотическое воззвание. Оно было написано Александром Введенским, обладавшим ораторским и литературным талантами. Близко знавший заместителя первоиерарха А. Левитин позднее писал, что тот взялся за дело "с необыкновенной энергией": "Война снова выдвинула его в первые ряды, в эти дни все люди с популярными именами шли в ход"[1].

Впрочем, Александр Введенский недолго оставался заместителем. Митрополит Виталий, не способный из-за болезней, возраста и характера проявлять необходимую активность, постепенно отходил от дел. В сентябре 1941 г. он отпраздновал 50-летие своего священнослужения, но это было последнее его служение в качестве первоиерарха. 6 октября митр. Виталий ушел в отпуск и передал власть своему заместителю. 10 октября в новом заявлении он уточнил свой уход, охарактеризовав как бессрочный, и указал, что все свои полномочия и прерогативы передает Александру Введенскому, назвав его новым титулом — "Святейший и Блаженнейший Первоиерарх Московский и всех Православных Церквей в СССР". Титул был введен без санкции Собора, но все обновленческие иерархи одобрили его. 12 октября А. Введенский в качестве первоиерарха написал свое первое патриотическое воззвание[2].

В эти октябрьские дни тяжелых боев под Москвой, когда не исключалась сдача столицы, А. Введенский был вызван в отдел эвакуации Московского городского Совета, и там, по свидетельству А. Левитина, генерал госбезопасности сообщил, что митрополита Александра с семьей и митрополита Виталия в ближайшее время эвакуируют в Оренбург. "Там, в глубоком тылу, вам будет удобнее управлять церковью, — вежливо заключил он разговор". Все возражения Введенского были отвергнуты. На указание полной невозможности оставить Москву без обновленческого архиерея генерал предложил рукоположить молодого архимандрита, служившего настоятелем Воскресенского собора в Сокольниках Сергия (Ларина), уже несколько лет связанного с органами госбезопасности[3].

В срочном порядке 9 и 11 октября были проведены хиротонии Анатолия (Филимонова) во епископа Коломенского и Сергия (Ларина) во епископа Звенигородского. А 12 октября состоялось последнее заседание обновленческого Высшего Церковного Управления, на котором было решено об упразднении ВЦУ и переходе всей полноты церковной власти к первоиерарху с правом передачи ее по его усмотрению любому лицу из иерархии. Было решено также образовать Московское

---

[1] *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 3. С. 376.

[2] *Кузнецов А. И.* Обновленческий раскол в Русской Православной Церкви. Т. 3. С. 545–550.

[3] *Левитин А., Шавров В.* Указ. соч. С. 383–384.

епархиальное управление в составе двух новых архиереев, под председательством епископа Коломенского Анатолия. Кроме того, ВЦУ на своем последнем заседании единогласно постановило лишить сана и отлучить от Церкви с анафематствованием бывшего Ленинградского митрополита Николая (Платонова), в 1938 г. отрекшегося от Бога. Поставление было послано благочинному церквей Ленинграда протопресвитеру Алексию Абакумову для опубликования в храмах города. Следует отметить, что в январе 1942 г., незадолго до своей смерти в голодном блокадном Ленинграде, согласно некоторым свидетельствам, Платонов раскаялся и вновь был принят в молитвенное общение с Патриаршей Православной Церковью[1].

13 октября первоиерарх и митрополит Виталий в одном вагоне с руководителями Московской Патриархии, баптистских общин, старообрядческим архиепископом выехали на восток и через несколько дней прибыли в Ульяновск. Там почти 2 года и находилась резиденция главы обновленческой церкви. Служил А. Введенский в небольшом храме в отдаленном районе Ульяновска, отданном обновленцам осенью 1941 г. (ранее он использовался под склад органами НКВД). Обладавшему большим честолюбием Введенскому очень хотелось сделать еще один шаг и официально объявить себя Патриархом. 29 октября и 4 ноября 1941 г. он отправил в Московоское епархиальное управление письма, подписанные — “Первоиерарх-Патриарх Александр” с указанием поминать его по формуле: “Великого Господина и отца, Святейшего и Блаженнейшего Первоиераха Александра, Патриарха Московского и православных церквей Богохранимой страны нашей”. 4 декабря в Ульяновске состоялась его патриаршая интронизация. Эта акция была совершена без санкции обновленческого епископата и общин. Большая часть духовенства восприняла ее негативно, Московское епархиальное управление также высказалось против патриаршества Введенского и не дало указаний церковным приходам возносить его по новому титулу. В результате в конце декабря 1941 г. глава обновленческой Церкви, вероятно, также под воздействием государственных органов, вынужден был отказаться от титулования себя Патриархом[2].

В Ульяновске первоиерарх продолжал активно писать патриотические воззвания. Так, 23 июня 1942 г. он выпустил послание к годовщине начала Великой Отечественной войны, а в августе послание “Пастырям и мирянам Кавказа”, где было сильно влияние обновленцев: “Братья и сестры наши возлюбленные, в грозный час обращаемся мы с нашим первосвятительским словом. Враг беспощадный топчет родные земли Кавказа, заливая их кровью и огнем... Православные! Все,

---

[1] В огне войны. Русская Православная Церковь в 1941–1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии). С 263; *Кузнецов А. И.* Указ. соч. С. 552–553.

[2] *Козаржевский А. И.* А. И. Введенский и обновленческий раскол в Москве // Вестник Московского университета. Серия 8. История, 1989, № 1. С. 64; *Кузнецов А. И.* Указ. соч. С. 555–563.

от священства и до малейшего мирянина, все способные братья, боритесь!.. А если Господь судит, по своему промыслу, временно попустить врагу теснить нас, то даже находясь в оккупации, не складывайте своего оружия. Подобно другим вашим братьям, которые оказались в оккупации, не склоняйте своей главы пред сатаной, боритесь с ним... Бог — Великий Мститель за попираемую правду. Бог Вседержитель, да сохранит вас, да освободит родину нашу. Да воссияют в ней мир и свободная жизнь. Молитесь, православные. Братья и сестры, помолившись, идите бороться и побеждать"[1]. В апреле 1943 г. воззвание первоиерарха, приуроченное к празднику Пасхи, было издано типографским способом в количестве 6000 экземпляров и распространено на оккупированной территории[2].

Духовенство обновленческих храмов все годы войны честно исполняло патриотический долг. Оно звало людей на ратные и трудовые подвиги, собирало средства для раненых воинов, в фонд обороны и т. д. Так, в Спасо-Преображенском кафедральном обновленческом соборе Ленинграда молебен о даровании победы Красной Армии впервые отслужили 29 июня 1941 г. В этот же день было положено и начало сбору добровольных пожертвований на оборону. Управляющий епархией протопресвитер Алексий Абакумов обратился с речью к прихожанам: "Коварный враг вероломно напал на наше отечество, намереваясь поработить землю Русскую и обратить в ничто многолетние труды ее обитателей. Огнем и мечом угрожает он нашим городам и селам, смертию устрашает сопротивляющихся, узы рабства готовит свободолюбивым сынам нашей Родины. С дерзновением восстанем против злых умыслов неприятеля, не перестанем умолять Господа о даровании победы Красной Армии и живым делом помощи откликнемся из стен нашего собора на призыв Правительства об общем сопротивлении врагу"[3]. На известие о войне регент хора, комендант храма А. Ф. Шишкин отозвался сочинением талантливого произведения для церковного хора на текст: "Боже великий и вечный, святый... Силою твоею защити страну нашу, Господи. Господи! Победи крестом твоим борющую ны... ". Этот концерт одобрил известный церковный композитор В. А. Фатеев, умерший во время блокады[4].

Ленинградские обновленцы продолжали свою патриотическую деятельность и дальше. Только в апреле 1942 г. они внесли в фонд обороны 240 тыс. рублей. Но к этому времени в Спасо-Преображенском соборе в результате смерти от голода трех членов причта остался единственный служащий священник — протопресвитер П. Фруктовский, который едва справлялся со своей службой. Наконец, 24 февраля 1943 г. двадцатка вступила в переговоры с заштатным обновленческим

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 188, лл. 20–21.

[2]Там же, л. 4.

[3]ЦГА СПб., ф. 4769, оп. 3, д. 147, л. 4.

[4]Там же, л. 13.

протоиереем Сергием (Румянцевым). Он был приглашен на вакансию второго священника с тем, чтобы впоследствии занять и остававшуюся уже пять лет вакантной обновленческую Ленинградскую архиерейскую кафедру. В марте сектор административного надзора Ленгорисполкома удовлетворил ходатайство двадцатки о регистрации С. Румянцева, вскоре он был удостоен сана протопресвитера. Его кандидатуру на архиерейскую кафедру утвердил первоиерарх, который 8 апреля прислал С. Румянцеву телеграмму: "Предлагаю Вам немедленно прибыть ко мне в Ульяновск, Радищева, 103 для хиротонии во епископа Ленинградского"[1].

В 1942 г. в Ульяновске уже была совершена одна архиерейская хиротония во епископа Рыбинского Димитрия (Лобанова), но в этот раз власти разрешили выехать ленинградскому протопресвитеру только в Москву. В столице 18 апреля 1943 г. и состоялась последняя хиротония обновленческого епископа, им стал Сергий Румянцев, женатый и имевший детей. В Московском Воскресенском соборе в Сокольниках его рукоположение во епископа Ладожского, викария Ленинградского с поручением временно управлять Ленинградской епархией совершили архиепископ Звенигородский Андрей (Расторгуев) и епископ Ташкентский и Среднеазиатский Сергий (Ларин). Румянцев, уважаемый прихожанами, был избран ими, а не назначен сверху. Этот случай оказался лебединой песней обновленческого брачного епископата[2]. К середине 1943 г. первоиерарх управлял тринадцатью правящими архиереями (6 митрополитами, 4 архиепископами, 3 епископами) и, кроме того, более 10 иерархов находились на покое как безместные. Ощущалось явное "перепроизводство" обновленческих архиерейских кадров, и А. Введенский назначал их, главным образом, на священнические места.

В 1943 г. патриотические взносы обновленцев еще более выросли. Спустя месяц после своей хиротонии, 21 мая, епископ Сергий (Румянцев) обратился с посланием, опубликованном в "Ленинградской правде", к 1-му секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Жданову: "По настоящий момент мы, ленинградские православные обновленцы, собрали и внесли в фонд обороны 820 000 рублей и с неослабевающей энергией и любовью продолжаем сбор средств. Молю Господа, да подаст он Вам, вождь трудящихся города Ленинграда, дорогой Родине и героической Красной Армии скорейшую, полную победу над врагом"[3]. В число первых церковных деятелей, награжденных в октябре—ноябре 1943 г. медалью "За оборону Ленинграда", вошли и представители обновленчества — епископ Сергий, протоиерей Лев Егоровский и не менее 5 служащих Спасо-Преображенского собора. В наградной характеристике Румянцева от 22 ноября 1943 г. говорилось: "Принимал

---

[1] Там же, ф. 7384, оп. 33, д. 67, л. 101.

[2] В огне войны. Русская Православная Церковь в 1941–1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии). С. 263.

[3] Ленинградская правда, 1943, 3 июня.

активное участие среди верующих обновленческой ориентации в сборе средств в фонд обороны государства. Собрано и внесено на оборону около полутора миллионов рублей"[1]. Общую цифру патриотических денежных взносов обновленцев СССР установить не удалось. Понятно только, что она составляла несколько десятков миллионов рублей — ленинградцы пожертвовали всего около двух миллионов рублей, еще больше внесли москвичи и т. д.

Весна—лето 1943 г. стали последним периодом относительной стабильности обновленчества. В начале мая первоиерарх разослал архиереям телеграмму: "В воскресенье 9/V предлагаю отпраздновать двадцатилетний юбилей Собора 1923 г. После литургии отслужите благодарственный молебен и передайте мое первосвятительское благословение духовенству и мирянам, дабы вся церковная жизнь епархии точно и неизменно основывалась на принципах великого Собора 1923 года. Надо всегда помнить, что мы, православные обновленцы, твердо сознаем свое обновленческое достоинство". Юбилей был торжественно отпразднован. Епископ Ладожский Сергий в архипастырском слове после молебна даже заявил: "Сейчас, в дни войны, путь церковно-общественной жизни, принятый Собором 1923 года, оправдался в полной мере"[2]. Однако уже через несколько месяцев стала ясна полная ошибочность этих слов.

Оживление обновленчества в начальный период войны оказалось очень кратковременным. Да и в то время большинство окормляемых А. Введенским архиереев старались не афишировать свою юрисдикцию и как можно меньше отличаться от "староцерковников". Возросшие в годы войны авторитет, нравственная мощь, организационное укрепление Московской Патриархии, а также изменение отношения государства к ней способствовали изживанию остатков церковных расколов "слева". В 1942 — первой половине 1943 г. государственные органы постепенно стали отвергать обновленцев. Так, когда в апреле 1942 г. первоиерарх назначил митрополита Корнилия (Попова) на Воронежскую кафедру, в облисполкоме последнему отказали в регистрации, заявив, что не знают первоиерарха Александра Введенского и не могут регистрировать присылаемых им лиц, а вот Патриаршего Местоблюстителя Сергия знают и с удовольствием зарегистрируют назначенного им епископа. Почти то же произошло и с архиепископом Филаретом (Яценко), назначенным весной 1942 г. в Свердловск. Обновленцев игнорировали при составлении комиссий по расследованиям преступлений гитлеровцев и т. д. Характерно, что когда первоиерарх пожертвовал в фонд обороны свою драгоценную панагию, И. Сталин в своей благодарственной телеграмме обратился к нему как к частному лицу, назвав его по имени и отчеству. Когда в феврале 1943 г.,

---

[1]ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 38, д. 123, л. 197 об.

[2]Там же, ф. 4769, оп. 3, д. 147, лл. 39–40.

следуя примеру Московской Патриархии, "для опровержения клеветы фашистов о положении религии в СССР" А. Ф. Шишкин написал книгу "Церковь и Государство в России", печатать ее отказались — необходимость в подобной обновленческой литературе миновала[1].

Единичные случаи перехода храмов обновленцев в Патриаршую Церковь появились уже в 1942 г. Так, Серафимовская кладбищенская церковь в Ленинграде перешла под юрисдикцию митрополита Алексия (Симанского) в апреле, а Князь-Владимирский храм на станции Лисий Нос в сентябре этого же года[2]. В начале 1943 г. часть обновленческих архиереев, осознавая надвигавшийся крах обновленчества, стала искать пути к возвращению в Патриаршую Церковь. Епископ Звенигородский Сергий (Ларин) вступил в конфиденциальные переговоры с митрополитом Николаем (Ярушевичем) об условиях, на которых могло бы произойти воссоединение. Еп. Сергий готов был пожертвовать Александром Введенским, чтобы обновленческие священнослужители воссоединились в сущем сане, хотя и с пожизненным запрещением женатых епископов. Когда об этих контактах стало известно первоиерарху, он перевел (5 апреля) Ларина из Москвы в Ташкент, и переговоры заглохли[3].

Весной 1943 г. началось все нарастающее стихийное возвращение обновленческих приходов в Патриаршую Церковь, однако окончательный перелом произошел в конце года. Решающими факторами здесь явились избрание митрополита Сергия Патриархом и прием И. Сталиным церковного руководства, удовлетворение предложений и пожеланий последнего. Теперь обновленчество утрачивало свою юридическую сущность и в глазах правительства. В секретном докладе Г. Карпова И. Сталину от 12 октября 1943 г. указывалось: "В связи с избранием Сергия патриархом Московским и всея Руси среди духовенства обновленческой церкви отмечается растерянность. Одна часть обновленческого духовенства не видит перспектив сохранения обновленческого течения и высказывает желание перейти в сергиевскую церковь. Со стороны некоторых из них есть даже прямые обращения в Московскую Патриархию". В докладе приводились многочисленные конкретные примеры. Так, архиепископ Тульский Петр (Турбин) прислал митрополиту Николаю (Ярушевичу) телеграмму, в которой приветствовал избрание Патриарха, выражал надежду на соединение обеих Церквей и просил принять его в юрисдикцию Патриархии. Заштатный архиепископ Михаил (Постников), проживавший в Москве, в своем заявлении митр. Николаю также высказался за необходимость объединения Церквей. А управляющий Московской обновленческой епархией

---

[1] ЦГА СПб., ф. 4769, оп. 3, д. 147, л. 45.

[2] В огне войны. Русская Православная Церковь в 1941–1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии). С. 263.

[3] *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. С. 125.

архиепископ Андрей (Растогуев) даже обратился к настоятелю патриаршего храма на Пятницком кладбище с просьбой принять его на службу в качестве второго священника. Г. Карпов подчеркивал, что "отмечены также случаи, когда верующие обновленческих приходов стремятся уйти из обновленчества и перейти в подчинение патриарха Сергия". Например, в трех районах Ставропольского края они отказались от обновленческих священников и обратились к благочинному патриарших храмов, прося назначить им настоятелей. Приходы в городах Армавире и Майкопе Краснодарского края уже перешли к Патриархии. В Туле 20 сентября 1943 г. на собрании прихожан обновленческого собора Всех Святых была принята резолюция: "В переживаемое наше тяжелое время не место в жизни Православной Русской Церкви внутренним спорам и разногласиям... Приветствуем с духовной радостью избрание на пост главы Православной Церкви митрополита Сергия и образование Священного Синода. Выражаем надежду на будущее умиротворение и соединение Православной Русской Церкви" и т. д.[1]

Обновленческому епископату было не все равно, приносить покаяние при присоединении индивидуально или объединяться с Патриаршей Церковью, создав общий коллегиальный орган типа Синода, что внешне выглядело бы как добровольное слияние двух равноправных течений в Русском Православии. В сентябре — начале октября 1943 г. архиереи "Московского епархиального управления", во многом игравшего роль руководящего центра обновленчества в период эвакуации первоиерарха, начали проявлять инициативу в направлении создания подобного коллегиального органа. Однако из нее ничего не вышло. Помешали ширящийся переход кающихся обновленческих священников к Патриархии, отрицательная позиция Патриарха Сергия и возвращение в Москву А. Введенского. Первоиерарх еще в июне 1943 г. высказывал "большое недовольство таким длительным пребыванием в эвакуации"[2], но получил разрешение властей переехать в столицу только в середине октября.

А. Введенский не желал смириться с надвигавшимся крахом обновленчества и считал, что оно может сохраниться в качестве своеобразного течения — типа старообрядческого толка или секты. При этом он опирался на наиболее стойкую часть своего епископата — митрополита Свердловского Филарета (Яценко), епископов Сергия (Румянцева), Димитрия (Лобанова) и некоторых других. Г. Карпов в докладе от 12 октября 1943 г. писал, что А. Введенский, "не допуская возможности объединения обеих церквей на равных началах", "узнав об избрании Сергия патриархом, предполагал даже ставить вопрос о патриаршестве в обновленческой церкви в целях уравнения ее положения

[1]Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 143–144.
[2]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 188, л. 18.

с сергиевской церковью", но видя растерянность среди своего духовенства и возможность распада обновленчества, отказался от своего намерения[1].

Вернувшись в столицу, первоиерарх вступил в управление Московской епархией, состоявшей из 9 приходов. К 7 ноября он, по установившейся традиции, послал телеграмму И. Сталину, опубликованную в прессе. Однако юридическое положение обновленчества оставалось неясным. В связи с образованием двух государственных органов, курировавших религиозные организации, А. Введенский поставил вопрос о передаче обновленческой Церкви и ведение Совета по делам религиозных культов, что фактически узаконило бы ее существование как полностью независимой организации. Но первоиерарху без каких-либо оснований отказали в просьбе, возглавляемые им иерархи и приходы остались в ведении Совета по делам Русской Православной Церкви. Власти отказывались рассматривать обновленчество как независимое религиозное течение, и это не предвещало ничего хорошего[2]. Осенью 1943 г. позиция государственных органов уже окончательно определилась. В упоминавшемся докладе И. Сталину Г. Карпов, излагая свою точку зрения, писал, что возглавляемый им Совет, "исходя из того, что обновленческое течение сыграло свою положительную роль на известном этапе и последние годы не имеет уже того значения и базы, и принимая во внимание патриотические позиции сергиевской церкви, считает целесообразным не препятствовать распаду обновленческой церкви и переходу обновленческого духовенства и приходов в патриаршую сергиевскую церковь". Эти соображения получили полное одобрение председателя Совнаркома, написавшего на докладной записке две резолюции: "Тов. Карпову. Согласен с Вами. И. Сталин" и "Правильно. И. Сталин". 16 октября Г. Карпов направил в Совнаркомы союзных республик, в краевые и областные исполкомы секретное письмо: "Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР сообщает для сведения, что в тех случаях, когда обновленческое духовенство по своему желанию переходит из обновленческой ориентации в патриаршую сергиевскую церковь, препятствовать не следует. Также не следует препятствовать переходу групп верующих или в целом приходов по желанию верующих из обновленческой в сергиевскую церковь. Условия приема митрополитов, епископов и священников обновленческой ориентации устанавливает патриарх Сергий и на месте его епископат"[3].

Выбор И. Сталина в пользу Патриаршей Церкви был продиктован прежде всего прагматическими соображениями. Обновленчество не пользовалось широкой поддержкой верующих внутри страны и за

---

[1] Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 144.

[2] *Левитин А., Шавров В.* Указ. соч. С. 397.

[3] Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 144–145, 148; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1, л. 16.

рубежом, большая часть поместных Православных Церквей их не признавала, воспринимая как "раскольников" и "узурпаторов церковной власти". Кроме того, на оккупированной территории германским командованием были закрыты почти все обновленческие храмы, а духовенство репрессировано, в то время как там появились тысячи новых патриарших храмов. Причина отвержения обновленчества заключалась и в том, что относительно консервативная Московская Патриархия являлась в гораздо большей степени носительницей национальных традиций. Это было особенно важно в годы войны.

Патриархия проводила по отношению к кающимся обновленцам твердую линию. Причем она несколько ужесточилась в течение последних месяцев 1943 г. В первой половине октября в беседе с Г. Карповым Патриарх Сергий, возражая против какого-либо общения с А. Введенским, ставил "следующие условия принятия обновленческого духовенства: а) женатых митрополитов и епископов, не лишая сана, отстранить от церковной деятельности, оставив их за штатом; б) монашествующих (или вдовых) митрополитов и епископов принять в патриаршую церковь, но переводя митрополитов в архиепископы или епископы, а епископов в священники, допуская в последующем их восстановление в прежнем сане"[1]. Однако после сессии Священного Синода 20–28 октября, рассматривавшей среди прочих вопросов прошения о воссоединении обновленческих митрополита Ярославского Корнилия и архиепископа Тульского Петра, эти условия стали более жесткими. В дальнейшем в сущем сане принимались только священнослужители, получившие его до 1923 г., когда обновленцы были запрещены Патриархом Тихоном, если они не вступали в брак. А священнослужители обновленческого поставления принимались мирянами или в том сане, который они имели до уклонения в раскол.

5 ноября 1943 г. в зале заседания Священного Синода в Москве был совершен чин приема в Патриаршую Церковь первого обновленческого архиерея — архиепископа Михаила (Постникова). Свое письменное покаяние он прочитал вслух и был принят в сане епископа, как рукоположенный в 1922 г., с назначением на Архангельскую кафедру. А затем в течение нескольких месяцев по стране прокатилась волна ликвидации обновленческих общин и массового возвращения духовенства. Произошло это не без вмешательства гражданских властей.

В декабре у А. Введенского родилась дочь и ему был выдан пропуск для поездки в Ульяновск к семье с правом возвращения в Москву. Однако затем в течение 10 дней ему не разрешали обратный выезд в столицу. За эти дни в юрисдикцию Патриарха перешли 6 из 7 обновленческих московских храмов, и 21 декабря архиепископ Звенигородский Андрей (Расторгуев) со всем причтом кафедрального собора Воскресения в Сокольниках. Одновременно прекратилась связь с цитаделью обновленчества — Средней Азией. "Отчаянные телеграммы

[1]Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 144.

первоиерарха оставались без ответа, наконец им было получено сообщение, что Средне-Азиатская епархия признала Патриарха, "в связи с чем поминовение Вашего имени за богослужением нами прекращено". Епископ Ташкентский Сергий (Ларин) 27 декабря был присоединен мирянином, но вскоре после этого получил поставление во епископа Патриаршей Церкви. Позднее выяснилось, что из Средней Азии шли в Москву и Ульяновск к А. Введенскому десятки писем и телеграмм от священников и мирян с запросами, но ни одного из них первоиерарх не получил. Вслед за Средней Азией пали две другие обновленческие твердыни — Кубань и Северный Кавказ[1].

Присоединение принесшей покаяние общины ленинградского Спасо-Преображенского собора с Патриаршей Церковью произошло 9 января 1944 г. В феврале на заседании Священного Синода митрополит Алексий (Симанский) выступил с докладом о принятии им в церковное общение всех обновленческих приходов епархии[2].

Завершилась история обновленчества в Ленинграде принятием С. Румянцева в общение с Патриаршей Церковью. Его прошение на имя митр. Алексия было подано в июне 1944 г., однако к нему подошли особенно требовательно. В постановлении Священного Синода и Патриаршего Местоблюстителя от 28 июня указывалось: "Принимая во внимание крайний соблазн, посеянный среди духовенства и верующих Ленинграда принятием обновленческого епископского посвящения Румянцевым, служившим до последнего времени председателем православных двадцаток в ряде храмов Ленинграда и являвшимся, таким образом, представителем православных общин верующих, хотя Румянцев в то же время пребывал в обновленчестве, будучи заштатным обновленческим священником... для принятия его в каноническое общение с Православной Церковью, необходима такая же гласность его обращения, какою сопровождалось его выступление в качестве обновленческого епископа, когда им открыто совершались службы, посвящения клириков и произносились проповеди". Синод поручил принять Румянцева "через публичное покаяние по установленному для приема обновленческих епископов чину... как мирянина"[3]. 24 июля последний в Никольском кафедральном соборе принес покаяние перед лицом архиепископа Псковского и Порховского Григория (Чукова). Румянцев был принят как мирянин, но уже вскоре удостоен рукоположения в сан диакона и священника, став настоятелем Троицкой церкви в Лесном. Оставаясь пресвитером, он еще долго служил в Ленинграде.

Кроме правящих и пребывающих на покое обновленческих архиереев присоединилось к Патриархии не менее 4 вернувшихся к 1945 г. из ссылки митрополитов и архиепископов. Всего, по некоторым сведениям, принесли покаяние 25 архиереев старого — до 1923 г. поставления,

---

[1] ЖМП, 1944, № 1. С. 5; *Левитин А., Шавров В.* Указ. соч. С. 398–399.

[2] ЖМП, 1944, № 2. С. 9, 35–36.

[3] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 13, л. 70.

в том числе 2 марта 1944 г. митрополит Виталий (Введенский), и 13 архиереев нового поставления[1]. Происходило оно, как правило, в зале заседания Священного Синода, покаяние рядового духовенства также совершалось келейно — в алтаре храма. Епархии, являвшиеся в основном обновленческими, принимались архиереями, специально назначенными для этого Патриархией (Средне-Азиатская, Северо-Кавказская и Кубанская).

Попытки не столько принести покаяние, сколько воссоединиться, оставшись почти в полном одиночестве, начал предпринимать и глава обновленческой Церкви. В письме епископу Александру (Толстопятову) от 20 апреля 1944 г. Патриарх Сергий сообщал: "А. Введенский решил сделать нечто великое или, по крайней мере, громкое. Прислал мне к Пасхе телеграмму: «Друг друга обымем!» — себя именует руководителем меньшинства в православии, меня — руководителем большинства. Телеграмма подписана: доктор богословия и философии, Первоиерарх православных церквей в СССР. Я ответил: «А. И. Введенскому. Воистину Христос Воскресе! Патриарх Сергий»"[2].

Первоиерах служил в единственном оставшемся у него Пименовском храме столицы, вместе с митрополитом Филаретом (Яценко), но последнему в конце 1944 г. московский уполномоченный Совета по делам РПЦ запретил служить как незарегистрированному. Перед Всероссийским Поместным Собором в январе 1945 г. А. Введенский пытался получить приглашение на него через Г. Карпова, но потерпел неудачу. Неудачей закончились и попытки встретиться с прибывшими в Москву на заседания Собора Восточными Патриархами. После этих тщетных попыток первоиерарх стал поминать в храме нового Патриарха Алексия, а в июне 1945 г. написал ему письмо с просьбой о приеме в юрисдикцию Московской Патриархии. Начались переговоры. В частных беседах Введенский говорил, что готов принести покаяние с условием остаться в сане епископа, не запрещенного, а действующего. Но в сентябре последовало окончательное решение — он может быть принят лишь мирянином и занять единственное возможное место — рядового сотрудника "Журнала Московской Патриархии". Поэтому воссоединение не состоялось. 26 июля 1946 г. первоиерарх умер от паралича, а 9 октября этого же года была отслужена последняя обновленческая литургия в Пименовском храме — накануне поступило предписание Совета по делам РПЦ о передаче церкви Патриархии[3].

Таким образом, в 1946 г. остатки обновленчества фактически прекратили существование. Лишь архиепископ Александр (Щербаков) и митрополит Филарет (Яценко) еще несколько лет не сдавались. Первый приезжал из Казахстана, где он жил, в Москву, просил в Совете по делам религиозных культов зарегистрировать общину в г. Джамбуле,

---

[1] *Козаржевский А. И.* Указ. соч. С. 64.

[2] *Прот. Владислав Цыпин.* Указ. соч. С. 126.

[3] *Левитин А., Шавров В.* Указ. соч. С. 408–414; *Козаржевский А. И.* Указ. соч. С. 65.

открыть там молитвенный дом, а его самого признать первоиерархом, главой обновленчества. После неоднократных отказов в 1948 г. он был принят в юрисдикцию Московской Патриархии в сане протоиерея. Митрополит Филарет не раз подавал прошения о принятии его в сане епископа, но получал отказы. Так и не покаявшись, он до середины 1950-х гг. считал себя заместителем первоиерарха и продолжателем дела обновленчества, однако не имел ни одного прихода[1].

К середине 1940-х гг. исчезло и другое церковное течение, отколовшееся от Патриархии — григорианство. Начало войны застало его в состоянии глубокого упадка. В октябре 1941 г. после переезда в Ульяновск Местоблюстителя Сергия (Страгородского) остававшаяся там небольшая кладбищенская григорианская церковь перешла в его юрисдикцию. 12 июля 1943 г., еще до избрания Патриарха, принес покаяние епископ Фотий (Тапиро), он был принят в звании монаха, но затем поставлен на Краснодарскую кафедру. Вскоре после этого покаялись последние три григорианских епископа: Гермоген (Кузьмин), Иосиф (Вырыпаев) и Феодосий (Григорович). Двое первых были приняты в сане архимандритов, а Феодосий — в сане иеромонаха[2].

Хотя обновленчество и григорианство так же, как и Московская Патриархия, с началом Великой Отечественной войны заняли патриотическую позицию, к этому времени они уже фактически изжили себя. Экстремальные условия, в которых была страна, лишь наглядно выявили этот факт. Первые признаки начала стихийного процесса возвращения раскольнических приходов и духовенства в Патриаршую Церковь появились в конце 1941–1942 гг. Ликвидация обновленческого и григорианского движения сопровождалась давлением на них государственных органов. Советское руководство, прежде всего из прагматических соображений, осенью 1943 г. сделало окончательный выбор в пользу Московской Патриархии. Его диктовала И. Сталину политическая ситуация в СССР и за рубежом. Кроме того, Патриаршая Церковь была кровно заинтересована в ликвидации расколов. И государственные органы, изменив в 1943 г. курс своей религиозной политики, не могли не учитывать это, полностью перестав поддерживать уже не интересовавшие их (в значительной степени созданные ими же в 1920-е гг.) церковные движения. К середине 1940-х гг. и обновленчество, и григорианство практически полностью исчезли.

§ 5. Религиозная политика советского государства в годы войны

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война коренным образом изменила привычный уклад жизни в СССР. Не могло

---

[1] *Кузнецов А. И.* Указ. соч. С. 610–612.

[2] *Иоанн (Снычев), митрополит.* Церковные расколы в Русской церкви 20-х и 30-х годов XX столетия. С. 79–80; *Прот. Владислав Цыпин.* Указ. соч. С. 126.

не измениться и положение Церкви, отношение к ней советского государства. Уже первые слова обращения И. Сталина к народу 3 июля 1941 г.: "Дорогие соотечественники! Братья и сестры!" были подсказаны не марксистско-ленинской идеологией, а скорее церковной проповедью. По свидетельству советского религиоведа Э. И. Лисавцева, первая краткая встреча председателя Совнаркома с Патриаршим Местоблюстителем состоялась в июле 1941 г. и оба остались ею довольны[1]. Реальная действительность заставляла И. Сталина, руководство ВКП(б) начать пересмотр своей религиозной политики, перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе с общим врагом России.

Впрочем, первоначально изменения были небольшие. Митрополитам Сергию, Алексию, Николаю не препятствовали распространять свои патриотические воззвания, хотя это и являлось нарушением закона. Полностью прекратилась антирелигиозная пропаганда, была свернута деятельность "Союза воинствующих безбожников", правда, формально он не был распущен. И. Сталин через секретаря А. Н. Поскребышева порекомендовал "главному безбожнику" Е. Ярославскому публично отметить новую патриотическую позицию Церкви. Тот не посмел ослушаться и после долгих сомнений 2 сентября подготовил статью "Почему религиозные люди против Гитлера" для печати, подписав ее экзотическим трудноузнаваемым псевдонимом Каций Адамиани. В статье, первоначально предназначенной только для зарубежного читателя, высоко оценивалась патриотическая деятельность Московской Патриархии, а также некоторых других религиозных объединений СССР[2]. А в 1942 г. вышла другая статья Е. Ярославского о православном христианском писателе Ф. М. Достоевском. Предметом исследования была приписываемая Достоевскому ненависть к немцам[3]. Метаморфоза главного гонителя Церкви в 1920–1930-х гг. особенно показательна. К октябрю 1941 г. были закрыты практически все антирелигиозные периодические издания. Флагман же советского атеизма журнал "Под знаменем марксизма" начал печатать статьи о выдающихся русских исторических деятелях, великом русском народе, героизме советских солдат и т. п., а в 1944 г. и совсем прекратил свое существование.

В июле—августе 1941 г. еще нередко проводились аресты священнослужителей. Например, когда Ленинград очищался от неблагонадежных элементов, было арестовано несколько членов клира Никольской Большеохтенской церкви, в том числе 28 августа священник Ни-

---

[1]См. доклад *Э. И. Лисавцева* на международной конференции "Исторический путь православия в России после 1917 г." СПб., 2 июня 1993 г.

[2]*Алексеев В. А.* "Штурм небес" отменяется? С. 184.

[3]*Ярославский Е.* Федор Михайлович Достоевский против немцев // Большевик, 1942, № 16. С. 38.

колай Ильяшенко. 4 сентября он был эвакуирован в тюрьму г. Новосибирска, а 15 июля 1942 г. освобожден. Также 28 августа оказался в заключении настоятель Никольской церкви в пос. Саблино Ленинградской области прот. Николай Близнецкий. Его эвакуировали в Новосибирскую область, где он и умер в тюремной больнице г. Мариинска 10 февраля 1942 г.[1] Но с осени 1941 г. аресты клириков Московской Патриархии почти прекратились. Более того, из лагерей освободили десятки священнослужителей, в том числе к сентябрю 1943 г. 6 архиепископов и 5 епископов. Постепенно начали возрождаться епископские кафедры. Появились первые, пока еще редчайшие случаи восстановления закрытых храмов. Так, последняя Троицкая церковь г. Горького перестала функционировать 10 декабря 1940 г. и была вновь открыта 10 августа 1941 г.[2] Религиозные центры СССР признали де-факто, им снова разрешили устанавливать связи с заграничными церковными организациями.

Осень 1941 г. была очень тяжелым временем для страны. Фронт приблизился к Москве. 12 октября митр. Сергий написал завещание, в котором на случай своей смерти передавал полномочия Местоблюстителя митр. Алексию (Симанскому). За несколько дней до этого, 7 октября, по указанию центральных властей Московский горисполком принял решение об эвакуации из столицы руководителей основных религиозных организаций СССР. Эту, по существу, принудительную эвакуацию провели 14 октября, несмотря на то, что у митр. Сергия была высокая температура. Историк В. И. Алексеев высказал вполне обоснованную точку зрения, что церковное руководство отправили в тыл с целью не допустить возможности захвата его германскими войсками в случае падения Москвы и использования фашистами в пропагандистских целях[3]. Первоначально планировалась эвакуация в Оренбург, но затем по просьбе митр. Сергия его заменили на Ульяновск. Здесь с 19 октября 1941 г. до конца лета 1943 г. и проживал Патриарший Местоблюститель вместе с сотрудниками канцелярии Патриархии. Был эвакуирован из Москвы и митрополит Николай (Ярушевич), но уже в ноябре 1941 г. ему разрешили вернуться в столицу. Экзарх Украины стал заместителем митр. Сергия. Он сразу же начал активно сотрудничать с властями в организации пропаганды за границей и

---

[1] Справки Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области № 10/16-10918 от 18 января 1994 г. и № 10/14-1779 н/с от 10 мая 1995 г.

[2] *Васильева О. Ю.* Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. С. 131; Крестный путь патриарха Сергия. С. 71.

[3] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение, 1981, № 13. С. 83.

вскоре был включен в качестве представителя Патриархии в различные государственные и международные организации (Всеславянский комитет).

В феврале 1942 г. было разрешено в пропагандистских целях возобновить издательскую деятельность Русской Церкви. Предисловие к книге "Правда о религии в России" написал Патриарший Местоблюститель. Подготовлена она была в чрезвычайно короткие сроки и уже летом вышла из печати. Интересно, что ее напечатали в типографии практически переставшего существовать "Союза воинствующих безбожников", и часть тиража по оплошности имела гриф антирелигиозного издательства. Книга эта была издана тиражом 50 тыс. экземпляров, одновременно на нескольких языках и распространялась, согласно свидетельству Совета по делам Русской Православной Церкви, в США, Великобритании, Швеции, на Ближнем Востоке и за линией фронта[1]. В 1943 г. была подготовлена и напечатана еще одна пропагандистская книга "Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война", посвященная патриотической деятельности Московской Патриархии. Однако, когда митрополит Ленинградский Алексий обратился к властям с ходатайством о разрешении издать подобную книгу, посвященную Ленинградской епархии, ему ответили отказом[2].

Явной уступкой Церкви было последовавшее в апреле 1942 г. разрешение в Москве, Ленинграде и ряде других городов совершать Пасхальный крестный ход вокруг храмов с зажженными свечами, на эту ночь отменили комендантский час. Произошло фактическое снятие некоторых ограничений на внебогослужебную деятельность, проведение массовых религиозных церемоний. Характерно, что в блокадном Ленинграде в самую страшную голодную зиму 1941–1942 гг. все православные храмы снабжались минимально необходимым количеством вина и муки для причащения богомольцев[3].

С помощью властей в марте 1942 г. в Ульяновске был проведен Собор епископов, осудивший создание автокефальной Украинской Православной Церкви. В этом же году вновь появилась возможность совершать архиерейские хиротонии. В мае—октябре были хиротонисаны во епископов предварительно постриженные в монахи вдовые протоиереи: Сергий Городцов (в монашестве Варфоломей), Владимир Градусов (в монашестве Димитрий) и Николай Чуков (Григорий). К концу пребывания Патриаршего Местоблюстителя в Ульяновске число архиереев Патриархии достигло семнадцати.

Однако отношения Церкви и государства в первый год войны подлинным диалогом еще не стали. В это время нередки были рецидивы прежней политики, грубо-административных, насильственных акций,

---

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 6, л. 18; *Fletcher W.* A Study in Survival. P. 111–112.

[2]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 12.

[3]Там же, ф. 7384, оп. 33, д. 209, л. 156.

прежде всего по отношению к приходам. Так, например, 29 января 1942 г. председатель двадцатки Серафимовской церкви К. Андреев писал в адмотдел Ленсовета, что здание храма оказалось самовольно "взято райсоветом Приморского района под склад-распределитель для приема покойников ...по распоряжению председателя тов. Белоусова без меня и члена двадцатки церковь была вскрыта, причем все имущество, утварь и проч. свалено к алтарю". Деньги и продукты, хранившиеся в церкви, оказались расхищенными, запас дров сожжен. Церковь вернули верующим только в апреле 1942 г.[1]

К лету 1942 г., когда стала очевидной политическая значимость церковного вопроса, сложилась система сбора информации о деятельности религиозных организаций на оккупированной территории и в пределах СССР. Основным информатором правительственных и партийных органов стал Наркомат внутренних дел. От него же исходили инициативы по проведению различных акций в отношении религиозных организаций. В архивах сохранилось большое количество докладных записок заместителей наркома внутренних дел В. Н. Меркулова (с апреля 1943 г. наркома госбезопасности) и Б. З. Кобулова секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову, в 1942–1943 гг. курировавшему религиозные вопросы по партийной линии. В этих записках запрашивались санкции на издание типографским способом и распространение патриотических воззваний священнослужителей, проведение соответствующих радиопередач, ограничение контактов православного духовенства с военнослужащими и т. д.[2]

5 января 1943 г. Патриарший Местоблюститель предпринял важный шаг на пути к фактической легализации Церкви, использовав сборы на оборону страны. Он послал И. Сталину телеграмму, прося его разрешения на открытие Патриархией банковского счета, куда вносились бы все деньги, пожертвованные на нужды войны в храмах СССР. 5 февраля председатель СНК дал свое письменное согласие и от лица Красной Армии поблагодарил Церковь за ее труды. Получив разрешение открыть банковский счет, Патриархия приобрела урезанный статус юридического лица[3].

В начале 1943 г. И. Сталин и его ближайшее окружение пришли к окончательному решению о необходимости приступить к нормализации государственно-церковных отношений. На него повлияла целая группа внутренних и внешнеполитических факторов. Одной из причин была активная патриотическая деятельность подавляющего большинства духовенства и мирян. За полтора года войны, несмотря на отсутствие необходимого аппарата управления, печатного органа и юриди-

---

[1] В огне войны. Русская православная церковь в 1941–1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии). С. 263, 282.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 93, л. 18, д. 188, лл. 1, 4, 8, 9, 13,18, 19, д. 261, л. 34.

[3] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 187.

ческого статуса, Православная Церковь показала свою силу в борьбе против фашизма, сумела во многом расширить и упрочить влияние в стране. Один из руководителей органов безопасности и разведки, П. А. Судоплатов, свидетельствовал, что информацию оперативных работников НКВД, действовавших на оккупированной территории, "о патриотическом настрое церковных кругов совпала с неофициальными зондажными просьбами Рузвельта, переданными через Гарримана Сталину, улучшить политическое и правовое положение православной церкви". Кроме того, Судоплатов отмечал роль сотрудников госбезопасности: "В своей записке в правительство мы также поддержали эти предложения, имея в виду важную консолидирующую роль русской православной церкви в набиравшем силу антифашистском движении славянских народов и на Балканах"[1].

Определенное значение имело обращение в ходе войны к русским национальным патриотическим традициям. "Идеологическая работа в массах" приобрела совершенно иные, чем прежде черты. Этот поворот осуществлялся целенаправленно во всех областях — от культурно-исторической до религиозной. В процессе завершения перехода от интернационального к национально-патриотическому курсу Церкви отводилась роль катализатора и цементирующего компонента. В ней снова увидели опору государственности и патриотизма. Были введены ордена и медали в честь великих русских полководцев, в том числе в июле 1942 г. орден святого князя Александра Невского. В кинохронике начали показывать немыслимые еще недавно кадры: в освобожденных городах жители с иконами встречают советских солдат, и некоторые из бойцов, осеняя себя крестным знамением, прикладываются к иконам; освящается танковая колонна, построенная на пожертвования верующих и т. д. Кроме того, советское руководство стремилось нейтрализовать воздействие гитлеровской пропаганды, представлявшей Германию защитницей христианства в России. В конце 1942 — начале 1943 гг. были освобождены некоторые края и области на юге РСФСР, и Московская Патриархия понадобилась для введения в контролируемое русло стихийно возродившейся церковной жизни на подвергшихся оккупации территориях. Уже вскоре на эти земли было направлено до 50% начавшего быстро расти епископата Патриархии. Изменение государственно-церковных отношений можно рассматривать как негласное признание "вождем народов" своей крупной политической ошибки, которое далось ему не без труда. Но И. Сталин руководствовался прежде всего прагматическими расчетами, в свете которых все идеологические и т. п. аргументы отходили на задний план. Инициатива этого поворота всецело принадлежала председателю СНК, никто из его окружения, как показывает анализ их идейных позиций, изучение личных качеств, документов, не мог предложить таких радикальных

[1] *Судоплатов П. А.* "Остаюсь единственным свидетелем... " // Молодая гвардия, 1995, № 5. С. 40.

перемен. Говорить о будто бы проявившейся к концу жизни у И. Сталина религиозности не приходится. Хотя временами вождь, по свидетельству очевидцев, и был склонен к мистике, любил цитировать Библию. "Члены его охраны рассказывали, как он по ночам таинственно ездил на могилу своей жены — Аллилуевой, как суеверно относился к Троцкому, исступленно желая его смерти, как настойчиво добивался сохранения тела Ленина для трепетного поклонения ему народа и т. д. Он суеверно, но искренне считал, что народ не может нормально жить без создания культа"[1]. Однако прагматизм у И. Сталина, несомненно, преобладал. И в атеизме, и в религии он видел общественные феномены, которые должны служить его системе каждый по-своему. Атеизм был для вождя народов лишь политическим средством, элементом в общей системе формирования людей в нужном направлении. Широко известен следующий случай. Составляя библиотеку для дачи, Сталин собственноручно выписал все необходимые издания. И приписал: "Прошу, чтобы не было никакой атеистической макулатуры!" Историк Д. А. Волкогонов совершенно справедливо по этому поводу заметил: "Он мог терпеть атеизм, но только как средство пропаганды тех догм, которые содержались в его собственных работах"[2].

Неизбежность значительного изменения курса государственной религиозной политики стала ощущаться многими связанными с Церковью людьми уже вскоре после победы в Сталинградской битве. По донесениям органов госбезопасности, весной—летом 1943 г. многочисленные "бродячие" священники и епископы агитировали верующих подавать властям ходатайства об открытии храмов, среди московского духовенства распространялись слухи о том, что вскоре должна состояться встреча иерархов с руководством страны. Кое-где местные власти уже фактически отказались от прежней линии. Так, в 1942–1943 гг. в 14 районах Ярославской области беспрепятственно, хотя и неофициально, без юридического оформления стал функционировать 51 храм. Иногда церкви открывались даже при содействии руководящих деятелей государства. Так, в документах Совета по делам РПЦ отмечалось, что в 1943 г. М. И. Калинин "указывал Ярославскому облисполкому на неправильное отклонение ходатайств жителей Сусанинского района об открытии церкви. При этом он указал, что не следует возбуждать недовольство верующих теперь, когда требуется единство всего народа для победы над фашизмом, и разрешил открыть церковь в Сусанинском районе". По личному указанию председателя Президиума Верховного Совета СССР (еще в 1920-х гг. являвшегося сторонником либеральной религиозной политики) в 1943 г. также открыли две церкви в Ивановской области[3].

В Красноярске в январе—феврале профессор медицины, ссыльный

[1] *Алексеев В. А.* Указ. соч. С. 185–186.

[2] *Волкогонов Д. А.* Сталин и религия // Наука и религия, 1989, № 2. С. 11.

[3] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 2, лл. 49, 51–52.

епископ Лука (Войно-Ясенецкий) был вызван первым секретарем обкома ВКП(б), который сказал ему, что отношения между Церковью и государством скоро улучшатся, и Владыка сможет вернуться к своему епископскому служению. И вскоре, к началу марта 1943 г., открылся первый храм в пригороде краевого центра, а Владыку Луку назначили архиепископом Красноярским. 5 марта он писал сыну: "Я думаю, что резко изменилось отношение правительства к Церкви: всюду открываются и ремонтируются за счет горсоветов храмы, назначаются епископы, митрополит Николай Киевский назначен членом комиссии по немецким зверствам..."[1] Затем в Красноярске был открыт второй храм.

Впрочем, еще далеко не везде местные власти шли навстречу желанию верующих. Например, в июне 1943 г. начальник Управления Наркомата госбезопасности по Пензенской области полковник Николаев с тревогой и недоверием писал в обком ВКП(б): "За последнее время среди верующих слоев населения области широко распространились настроения за открытие церквей. В мае с.г. епископ Филарет (Волокитин Х. Т.) установил связь с активными церковниками в гор. Пензе и районах области, распространил слух, что он направлен в Пензу митрополитом Сергием, от которого якобы имеет полномочия на открытие церквей. Собрал более 1000 подписей верующих и возбудил ходатайство об открытии церкви в Пензе... Особое влияние на религиозно настроенную массу оказывают бродячие попы, монахи, появившиеся за последнее время в области после отбытия срока наказания и выселения из режимных городов". В этом спецсообщении отмечалось, что за организацию религиозного шествия ста женщин в с. Николо-Азясь Мокшанского района в начале июня были арестованы 3 "церковницы"[2].

Весной—летом 1943 г. в руководстве страны обсуждался вопрос о том, какому органу поручить проведение новой религиозной политики. На первом этапе было решено оставить это право за созданным в апреле Наркоматом государственной безопасности. Но скоро стало ясно, что ему данное направление деятельности явно не удается (сказывались традиции 1930-х гг.). И среди религиозных организаций он воспринимался как наследник их гонителей — ГПУ и НКВД. Для внешнеполитического имиджа СССР также было полезно хотя бы внешне вывести Церковь из-под контроля спецслужб. В результате возобладало мнение, что при Совнаркоме следует образовать специальный орган, который осуществлял бы связь правительства с Русской Церковью. Тогда же родилась идея встречи И. Сталина с ее иерархами. К ней стали интенсивно готовиться. С июля начались оживленные переговоры работников НКГБ с представителями Патриархии —

---

[1] *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. С. 340–341.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 181, лл. 10–13.

митрополитом Николаем (Ярушевичем) и управляющим делами протоиереем Н. Колчицким. Органами госбезопасности И. Сталину были представлены подробные материалы о состоянии Церкви, наиболее видных ее руководителях, патриотической деятельности духовенства, возможных кандидатах для избрания Патриархом и т. д.[1]

Конкретный момент для намеченной встречи — первые числа сентября — был выбран неслучайно. В начале осени 1943 г. подготавливалась Тегеранская конференция, на которую возлагались большие надежды, связанные с открытием второго фронта. Для оказания воздействия на союзников — Великобританию и США — было решено использовать влияние Англиканской Церкви, руководство которой уже не раз обращалось с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Встреча последней с русскими иерархами во главе с Патриархом отвела бы многие обвинения СССР за религиозные преследования. Инициатива государства встретила ответную положительную реакцию Церкви. И могла ли Московская Патриархия поступить иначе — не быть вместе с правительством своего народа в Отечественной войне, не пойти по трагическому, но в конечном счете неизбежному пути через церковно-государственную пропасть? Не могла она и не использовать возможность хотя бы частичного религиозного возрождения на основной территории СССР. Окончательное "примирение" с властью далось церковной иерархии ценой компромиссов, болезненных для религиозного сознания. В частности, это касалось участия в кампании прославления И. Сталина, а также содействия осуществлению планов сталинской имперской внешней политики.

В конце августа 1943 г. власти разрешили возвращение митр. Сергия из эвакуации, о чем он уже неоднократно просил сам. К примеру, 3 июля нарком госбезопасности В. Н. Меркулов докладывал А. С. Щербакову: "Руководители церковных центров... в последнее время высказывают большое недовольство таким длительным пребыванием в эвакуации. Митрополит Сергий даже опасается отстранения его от руководства церковью в связи с тем, что находящийся в Москве митрополит Николай (Ярушевич) не только управляет практическими делами Московской Патриархии, но и состоит членом Чрезвычайной государственной комиссии по выявлению и расследованию немецких зверств, принимает по церковным вопросам иностранных представителей и корреспондентов"[2].

Важнейшей вехой новой религиозной политики стало 4 сентября 1943 г. Днем на даче у Сталина состоялось совещание с участием Г. Маленкова, Л. Берии, представителей НКГБ, а также, по утверждению Э. И. Лисавцева, Патриаршего Местоблюстителя Сергия

[1] Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.). С. 42.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 188, л. 18.

(Страгородского)[1]. Именно на нем оказались практически решены вопросы об открытии приходов, духовных учебных заведений, выпуске церковных изданий, выборах Патриарха и др. Итоги обсуждения были подведены на ночном официальном приеме в Кремле И. Сталиным и В. Молотовым митрополитов Сергия, Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича).

В архивном деле сохранилась запись беседы в ходе этой "исторической" встречи[2], сделанная присутствовавшим на ней полковником Госбезопасности Г. Г. Карповым[3].

Сообщение о приеме в Кремле уже на следующий день — 5 сентября — было опубликовано в газете "Известия". Вскоре после завершения встречи митр. Сергий передал властям список священнослужителей, находившихся в заключении. 27 октября он написал еще одно заявление, адресовав его Г. Карпову: "Прошу Вас возбудить перед Правительством СССР ходатайство об амнистии перечисленным в прилагаемом списке лицам, которых я бы желал привлечь к церковной работе под моим ведением. Я не беру на себя решать вопрос, насколько эти лица заслужили отбываемое ими наказание. Но я питаю уверенность, что оказанная им со стороны Правительства милость побудит их (и даст возможность) приложить все свое старание, чтобы показать свою лояльность Правительству СССР и без следа загладить прошлую вину". К заявлению был приложен список на 26 священнослужителей, в том числе 24 архиереев[4]. Большинство их к тому времени уже было расстреляно или погибло в лагерях ОГПУ-НКВД. Уцелевших освободили, но это была очень небольшая часть томившихся в тюрьмах и лагерях священнослужителей.

Здесь, как и во многом другом, надежды Патриархии не оправдались. Целый ряд обещаний выполнен не был. Для И. Сталина оказалось важным прежде всего создать видимость благополучия в религиозном вопросе, а за этой ширмой поставить Церковь под жест-

[1]Устное заявление автору, 1993 г.

[2]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1, лл. 1–10.

[3]Карпов Георгий Григорьевич (1897–1967). Закончил духовную семинарию. В годы гражданской войны воевал в Красной Армии. В 1920-е учился в Петроградском унив., но не закончил его. Затем на партийной и советской работе. В 1937–1938 начальник Псковского окружного отдела НКВД. С 1940 возглавил отдел, ведавший церковными делами в центральном аппарате наркомата. В 1941 коллегия войск НКВД Ленинградского окр. возбудила уголовное преследование в связи с деятельностью Карпова в Пскове, но дело было прекращено. К 1943 полковник госбезопасности. В 09.1943–02.1960 Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, к концу службы генерал-майор. В 1960 отправлен на пенсию.

[4]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 5, л. 1.

кий контроль, встроить ее в систему режима своей власти. Неслучайно данную работу он поручил Наркомату госбезопасности. Для осуществления контролирующей роли по постановлению СНК от 14 сентября был создан специальный орган — Совет по делам Русской Православной Церкви при правительстве СССР во главе с полковником госбезопасности Г. Г. Карповым. Последний с 1940 г. возглавлял 3-й отдел 5-го управления, осуществлявший различные антицерковные акции. Заместителем председателя Совета стал также полковник госбезопасности К. А. Зайцев. В беседе с Карповым 13 октября 1943 г. В. Молотов указал ему и уполномоченных Совета в основных областях и республиках подобрать "из чекистов". Характерно, что Г. Карпов некоторое время совмещал свою новую деятельность с исполнением прежних обязанностей начальника 3-го отдела. На его соответствующий вопрос В. Молотов ответил: "Если Ваше должностное положение в НКГБ не публикуется в газетах и не придано официальной гласности, то я считаю возможным совмещение"[1]. Закончил свою карьеру Карпов в чине генерал-майора. И вплоть до середины 50-х гг. Совет по делам Русской Православной Церкви находился под опекой прежде всего всемогущих тогда органов госбезопасности.

Решение ключевых проблем государственной религиозной политики И. Сталин оставил за собой. Менее важными вопросами в правительстве занимались В. Молотов, а с 1946 г. К. Ворошилов, в ЦК ВКП(б) — поочередно Г. Маленков и А. Жданов. Самостоятельная роль руководимого Карповым Совета на первых порах была не слишком значительной. В то же время надо отметить, что относительная внутренняя самостоятельность Церкви в первое послевоенное десятилетие была гораздо большей, чем в последующие периоды. В данных осенью 1943 г. И. Сталиным устных принципиальных указаниях Г. Карпову говорилось: "... б) Совету не представлять собой бывшего обер-прокурора, не делать прямого вмешательства в административную, каноническую и догматическую жизнь церкви и своей деятельностью подчеркивать самостоятельность церкви; в)... обеспечить соответствующие встречи, приемы, формы общения с патриархом, которые могли бы быть использованы для соответствующего влияния; г) не смотреть в карман церкви и духовенства...; е) Совету обеспечить, чтобы епископат являлся полновластным хозяином епархии... право архиерея распоряжаться церковными суммами; ж) не делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т. п."[2] Конечно, самостоятельность Патриархии была сильно ограниченной, но все же в тот период она касалась и комплектования кадров духовенства. Государственные органы еще не видели необходимости в проведении специальной кадровой политики, осуществлении отбора

[1] *Васильева О., Кнышевский П.* "Тайная вечеря" // Ленинградская панорама, 1991, № 7. С. 27.

[2] ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 669, лл. 4–5.

лояльных священнослужителей среднего и низшего звеньев. Служба госбезопасности могла без соблюдения какой-либо законности арестовать почти любого нежелательного священника или архиерея. В отчете Г. Карпова генеральному прокурору СССР А. Вышинскому на приеме в Совнаркоме в конце 1943 г. по вопросу назначения и перемещения священнослужителей говорилось: "Совет имеет предложения: а) патриарх согласовывает вопрос с Советом только о назначениях, касающихся Синода, епископата и первосвященнослужителей кафедральных (соборов); б) на местах епископы согласовывают вопрос с уполномоченными по делам церкви только в отношении настоятелей церквей и благочинных; в) назначение всех остальных (вторые священники, диаконы) решается епископатом самостоятельно"[1].

Глубокие изменения в жизни Русской Православной Церкви начались сразу же после встречи в Кремле. Уже 8 сентября в Москве состоялся Собор епископов, на котором 19 иерархов единогласно избрали Патриархом Московским и всея Руси митр. Сергия. Собор также обратился к христианам всего мира с призывом объединиться для окончательной победы над фашизмом. 12 сентября произошла интронизация Патриарха, и через неделю в здании бывшего германского посольства, переданного Патриархии, он приветствовал прибывшую из Великобритании делегацию Англиканской Церкви во главе с архиепископом Йоркским Кириллом Гарбеттом. В сентябре 1943 г. вышел первый номер "Журнала Московской Патриархии".

Много внимания уделялось возрождению духовного образования. Главным вдохновителем и организатором его был архиепископ Григорий (Чуков). Он разработал проект создания средних и высших богословских школ, одобренный на октябрьском заседании Синода. В лице архиеп. Григория, ректора Ленинградского Богословского института в 1920-е гг., устанавливалось преемство новой школы от старой. По его замыслу, возрождаемая школа должна была стать богословской, а не просто пастырско-практической. Перечень аналогичных наук в ней не только соответствовал дореволюционной программе Духовной Академии, но даже вводились новые предметы — история русской религиозной мысли и т. д. "Таким образом, замысел следует признать высоким: мыслилось возрождение богословской науки и русской богословской традиции"[2]. Однако в полном объеме он оказался неосуществленным: помешали противодействие властей, неподготовленность студентов и преподавателей. И все же после массовых чисток и репрессий уцелела небольшая группа профессоров старых духовных школ, обеспечившая определенное преемство традиций: Н. В. Чепурин, В. В. Четыркин, А. И. Сагарда, С. В. Савинский, Т. Д. Попов и др. 28 ноября 1943 г.

[1] *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 131–132.

[2] *Прот. Александр Шмеман.* Богословская школа в СССР (1943–1955) // Вестник института по изучению СССР, 1957, № 1(22). С. 85.

Совнарком разрешил открытие в Москве Богословского института и пастырских курсов в 1944 г.

План воссоздания организационной структуры Русской Церкви, также лишь частично реализованный на практике, разработал другой выдающийся церковный деятель — архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). 15 июня 1944 г. он изложил его в письме к митр. Алексию (Симанскому). Власти вовсе не желали восстановления мощной церковной организации. Это ярко проявилось в вопросе открытия храмов. 28 ноября 1943 г. Совнарком принял постановление, согласно которому ходатайства верующих сначала рассматривались местными органами, в случае их одобрения пересылались в Совет по делам Русской Православной Церкви, после предварительного решения которого поступали в Совнарком, а затем снова в Совет. Такая многоступенчатая процедура была выработана с целью тщательно дозировать открытие новых храмов. Бесконтрольный стихийный рост количества приходов вызывал сильнейшую тревогу в правительстве. Так, в феврале 1944 г. в Ярославской области, по неполным данным, самовольно действовало уже более 90 церквей. Властям представлялось необходимым обуздать этот поток, превратив его в тоненький ручеек. В одной из ноябрьских бесед с Г. Карповым В. Молотов указывал: "Пока не давать никаких разрешений на открытие церквей... В последующем по вопросу открытия входить за санкцией в правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы... Открыть церкви в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать решения этого вопроса"[1]. И только 5 февраля 1944 г. Совет принял поставление об официальном открытии первых 18 храмов[2]. Кроме того, по мере освобождения оккупированных территорий — на Украине, в Ставропольском крае и т. д. началась кампания по изъятию у церковных общин зданий, до 1941 г. использовавшихся для общественных целей, причем порой без предварительного предупреждения верующих.

28 сентября 1944 г. епископ Сумский Корнилий отправил Патриаршему Местоблюстителю доклад о закрытии в епархии 30 храмов. В нем указывалось: "Одиозное отношение местных сельских соввластей выражается местами весьма грубо: в селе Павленковы Хутора храм был закрыт накануне праздника Успения Пресвятыя Богородицы, что особенно возбудило верующих против местной соввласти. В некоторых местах представители соввласти выбрасывали иконы из храмов... с руганью обращались со священниками, ударяя кулаками по столу, кричали на председателей церковных советов и церковных старост, не стесняясь выпускать со своих уст грязную ругань по адресу последних..."[3] Это явление приняло такой массовый характер, что встревожило руководство Совета по делам РПЦ. 5 октября 1944 г. в

---

[1] *Васильева О., Кнышевский П.* Указ. соч. С. 27.

[2] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 2, лл. 11, 51.

[3] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 13, л. 130.

докладной записке В. Молотову по итогам первого года работы Совета Г. Карпов приводил ряд фактов "административного и самочинного" закрытия храмов. Так, в слободе Ново-Астрахани Ворошиловградской области открытая в период оккупации церковь в течение трех месяцев была 5 раз закрыта и 5 раз открыта. Председатель Совета выдвинул целый ряд предложений: "1) Воздержаться от закрытия приходских церквей ... хотя бы они (церкви и молитвенные дома) были открыты и в период временной оккупации. 2) Занятые в период немецкой оккупации под молитвенные собрания государственные и общественные здания... разрешить изымать из пользования церковных общин, представляя последним месячный срок для подыскания на правах аренды других помещений для культовых целей. 3) В целях борьбы с нелегальными церковными группами там, где они приняли широкие размеры, и в тех областях и районах, где настойчиво ставится вопрос об открытии церквей, пойти на расширение сети действующих церквей до 2–3 на район... 4) Разрешать слом недействующих церковных зданий только в исключительных случаях, в случае угрозы обвала и т. п. Переоборудование недействующих церковных зданий не разрешать. 5) Не препятствовать церковным приходским советам в производстве необходимого ремонта церковных зданий... Строительство же новых молитвенных зданий ... не разрешать"[1]. Большая часть предложений Г. Карпова была одобрена, и 1 декабря 1944 г. Совнарком принял соответствующее постановление. Но и в 1945 г. под предлогом отсутствия священников у прихожан Украины, Белоруссии, западных областей РСФСР были изъяты сотни храмов.

Тяжелую борьбу по этому поводу пришлось выдержать управляющим Ленинградской епархии. Первоначально, несмотря на то, что многие клирики, как отмечалось в отчете уполномоченного за II квартал 1944 г., "высказывали свое удивление и недовольство проведенными мероприятиями, заявляя: "А почему это при немцах можно было служить без всяких ограничений в отношении количества приходов?"[2], 16 июня архиепископ Григорий (Чуков) указывал, чтобы все священнослужители совершали богослужения только в тех храмах, при которых они состоят. Однако уже в августе наличие огромного количества бездействующих церквей заставило архиеп. Григория и митр. Алексия (Симанского) ходатайствовать перед Советом по делам РПЦ о разрешении клирикам проводить службу и требы в соседних пустующих храмах. В ответ на соответствующий запрос Совета уполномоченный по Ленинградской области 23 сентября высказал по этому поводу резко негативное мнение, приведя следующие основания: "1. В инструкции Совета по делам РПЦ при СНК СССР для уполномоченных Совета, раздел III, § 4, пункт 3 говорится: "Район деятельности приход-

[1]Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.). С. 62–63.

[2]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 10, л. 12.

ского причта ограничивается местожительством верующих данного прихода". 2. На основании этой же инструкции была проведена регистрация священников к определенному и одному приходу в соответствии с назначением служителя культа правящим архиереем"[1] и т. д.

Хотя в епархии совершались новые рукоположения, в августе был составлен список кандидатов в священники и диаконы на 23 чел., утверждено в должности 43 клирика бывших оккупированных районов, их остро не хватало, у Владыки скопилось 30 прошений верующих о назначении священников в церкви. 1 сентября архиеп. Григорий был вынужден издать указ: "Недостаток священнослужителей при большом числе вакантных священнических мест в Епархии вызывает необходимость сосредоточения наличного состава духовенства в храмах наиболее центральных..."[2] В отчете Патриархии о состоянии 5 порученных его управлению епархий от 22 ноября 1944 г., в списке главнейших нужд, он вновь указывал: "2. Возможно скорее разрешить въезд в зоны, ранее оккупированные немцами, т. к. из 208 существующих в названных Епархиях церквей — в 119 церквах нет священников, а пока разрешить причтам обслуживать верующих соседних приходов совершением требоисправлений и богослужений в храмах, не имеющих священников. 3. Организовать по Епархиям особые "фонды церковной утвари" из закрытых, разрушенных или ограбленных немцами церквей для пополнения недостающего в действующих храмах. 4. Устроить по Епархиям свечные заводы и организовать печатание разрешительных молитв и венчиков и изготовление нательных крестиков..."[3]

Но разрешение на служение клириков одновременно в нескольких храмах так и не было получено. Взаимоотношения с властями налаживались постепенно и с большим трудом. Многие церкви в западных районах епархии вследствие длительного отсутствия в них богослужений в 1944–1945 гг. были официально исключены из списка действующих. Характерным для такой двойственной тактики является ответ Совета по делам РПЦ на запрос Ленинградского уполномоченного от 28 февраля 1944 г.: "Во время оккупации немецкими войсками части районов Ленинградской области в некоторых действующих церквах были повешены колокола и служба проходила с колокольным звоном. При освобождении от оккупантов этих районов нашей Красной Армией церкви оставались функционировать с колокольным звоном. Прошу Ваших указаний". Резолюция Совета гласила: "В действующих церквах, в которых служба производится с колокольным звоном, колокола снимать не следует, но колокольный звон не производить, объяснив это

---

[1] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 9, л. 49.

[2] Там же, д. 13, л. 106.

[3] Там же, д. 7, л. 117.

условиями военного времени"[1]. Следует указать, что в 1944–1945 гг. на освобожденных территориях также проводились многочисленные аресты духовенства "за сотрудничество с фашистами", в подавляющем большинстве случаев без всяких реальных оснований. Только на северо-западе России было арестовано не менее 50 священнослужителей, в том числе уже утвержденных в должности архиереями Патриархии и даже иногда назначенных благочинными. В январе 1945 г. в Ленинграде в здании Дома офицеров состоялся судебный процесс над членами управления Псковской Православной Миссии, большинство обвиняемых были приговорены к 15–20 годам лагерей. Всех их полностью реабилитировали еще в 1956 г.[2] Один из осужденных по этому процессу — ныне покойный протоиерей Ливерий Воронов — до недавнего времени служил проректором Петербургской Духовной Академии.

Ярко характеризует атмосферу поиска "изменников" и "предателей" спецсводка начальника Управления НКВД по Ленинградской области Шикторова за октябрь 1944 г.: "4-го октября с. г. при попытке проникнуть в Ленинград органами УНКВД ЛО был задержан Амозов И. В. ... который оказался активным участником к/р организации, называвшейся "Управление Православной Миссии"... В ходе расследования раскрыта вторая к/р организация "Епархиальный Совет Эстонии", который путем националистической агитации среди населения вел борьбу за отторжение Эстонии от Советского Союза и образование королевства. Такая же организация существовала и на территории Псковской области с центром в пос. Пальцево, под руководством барона Врангеля. Выявлено 86 участников этой к/р организации, активных агентов гестапо, проводивших агит. работу среди населения Эстонии, Латвии, Литвы, Украины, Ленинградской, Псковской и Новгородской областей"[3].

По данному делу был арестован и настоятель Псково-Печерского монастыря игумен Павел (Горшков). Осужденная вместе с ним Т. А. Хитрова была в 1944 г. отпущена в числе 10 других заключенных из немецкого лагеря в монастырь по ходатайству игумена о выделении "рабочих рук". Позднее она вспоминала: "Вскоре за этой радостью пришла другая радость: Печоры были освобождены Красной Армией. На другой день о. Павел выступил на митинге перед печорской общественностью. По окончании речи ему бурно аплодировали и выразили благодарность местные Советы и, конечно, народ. И вдруг в конце недели монастырь посетил следователь, который потребовал от о. Павла список, кто с ним работал. Он всех переписал и ушел. Через несколько дней я была вызвана и посажена в Печорскую тюрьму, а оттуда этапом

[1]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 9, лл. 4–5.

[2]Справки Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Псковской области № 10/5–624 от 19 июля 1995 г. и № 10/5–2028 от 18 апреля 1994 г.

[3]ЦГА СПб., ф. 7179, оп. 53, д. 89, лл. 140–141.

нас отправили в Ленинград". Пытками от нее добились "признания" в изменнической деятельности и вместе с другими вызволенными игуменом из фашистского концлагеря приговорили к 10 годам заключения. О. Павел был осужден на 15 лет и умер в тюремной больнице[1].

В ВКП(б) существовала мощная оппозиция новому "примиренческому" курсу религиозной политики. Согласно информационным запискам в ЦК 1994–1945 гг. партийные агитаторы на местах нередко заявляли: "Это решено сейчас, во время войны, потому что союзники нам предложили, а после войны изменится отношение к церкви"[2]. И уже 27 сентября 1944 г., когда исчезли сомнения в победе, появилось постановление ЦК ВКП(б) "Об организации научно-просветительской пропаганды". Оно было сформулировано очень осторожно, говорило о вреде суеверий, предрассудков, о необходимости борьбы с пережитками прошлого, но совершенно не упоминало о задачах антирелигиозной работы[3]. Историк В. А. Алексеев справедливо считает, что инициатором принятия постановления был сам председатель СНК: "Сталин не мог не осознавать, что ... партийные, комсомольские кадры, идеологические работники и активисты плохо понимали весь замысел его новой линии в области церковно-государственной политики. Некоторым из них казалось, что "братание с попами" есть измена заветам основоположников марксизма-ленинизма... он и решил совершить определенный маневр — напомнить партии и комсомолу о важности борьбы с предрассудками и суевериями... И вместе с тем, старательно избежав... конкретных упоминаний об антирелигиозной работе... Сталин продолжил свою линию на дальнейшую "легализацию" церковных институтов в стране"[4].

Интересно, что в 1944 г., вскоре после смерти Е. Ярославского, созданный им Центральный музей истории и атеизма лишили помещения. Его здание передали Комитету по делам кинофикации под киностудию "Союзмультфильм", а музей фактически оказался выброшенным на улицу. К этому времени антирелигиозная секция при институте философии Академии Наук была уже ликвидирована, не подавал никаких признаков жизни и Центральный совет Союза воинствующих безбожников. Некоторые из его бывших активистов не желали смиряться. Широко известный в 1930-е гг. литератор и лектор Б. П. Кандидов весной 1945 г. отправил обширное послание секретарю ЦК А. А. Жданову, напоминая ему о сотрудничестве в прошлом с Е. Ярославским и предлагая "развернуть антирелигиозную работу".

---

[1] *Дедюхин Б. В.* Сердца сокрушенные. Беседы, интервью, очерки о русском православии. С. 195.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 88, д. 351, л. 51

[3] О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М.: Политиздат, 1977. С. 64–66.

[4] *Алексеев В. А.* Указ. соч. С. 196–197.

Однако отзыв Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) на это письмо оказался резко негативным. Автора упрекали в том, что он "живет старыми взглядами". Так как Б. Кандидов не собирался перестраиваться, по-прежнему клеймя в своих лекциях "реакционную роль церковников", "Правда" 23 июня 1945 г. специально выступила против методов "этого вредного лектора", а партийное руководство Казани, где он тогда находился, вообще запретило ему выступать по антирелигиозной тематике[1].

В конце 1943–1944 гг. Совнарком принял более 10 постановлений, касающихся условий и порядка функционирования религиозных организаций, льгот духовенства, прав и обязанностей государственных органов, ведавших церковной политикой. В первые же месяцы этой работы стало очевидно, что новый церковный курс требует и изменения правовой основы — законодательства о религиозных культах. В конце 1943 г. Совет по делам РПЦ сообщал правительству, что ранее принятые декрет 1918 г. и постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1929 г., кроме основных положений, устарели и необходимо новое, теперь уже союзное законодательство. Проект его был подготовлен, на заседании Совета по делам РПЦ 7 января 1944 г. принят за основу и представлен в правительство, однако так и остался нерассмотренным[2]. Вероятно, в этом случае также повлияли опасения И. Сталина перед лицом недовольства в партии открыто продемонстрировать законодательное закрепление нового курса. Секретными же поставлениями Совнарком неоднократно вносил изменения в статьи закона 1929 г., касающиеся прав религиозных обществ.

Урегулирование государственно-церковных отношений распространилось и на другие религиозные организации. В октябре 1943 г. Совнарком принял постановление об организации при СНК Армянской ССР Совета по делам Армяно-григорианской Церкви, а в мае 1944 г. — о создании Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. Их права, обязанности и организационная структура строились по аналогии с Советом по делам Русской Православной Церкви[3].

Важные изменения произошли в последний год войны. 15 мая 1944 г. скончался Патриарх Сергий. В этот же день на экстренном заседании Священного Синода было принято постановление о вступлении в должность Патриаршего Местоблюстителя, согласно завещанию Патриарха, митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского). На этот раз с выборами нового главы Русской Православной Церкви Сталин не торопился, желая придать им крупный международный резонанс. 21–23 ноября в Москве состоялся Собор епископов, на котором был обсужден проект положения об управлении в Церкви и

---

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 313, лл. 68–70, д. 407, л. 45.

[2]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 2, лл. 4об, 6об; *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России. XX век. С. 108–109.

[3]Там же. С. 110.

определен порядок избрания Патриарха. При обсуждении последнего вопроса архиеп. Лука напомнил постановление Поместного Собора 1917–1918 гг. о том, что Патриарх должен избираться тайным голосованием и жребием из нескольких кандидатов. Это предложение не встретило поддержки, был выдвинут единственный кандидат — митр. Алексий[1].

В своем выступлении он доложил об открытии новых многочисленных храмов, начале богословского образования, возобновлении издательской деятельности. А 24 ноября епископов принял Г. Г. Карпов и заявил, что при содействии Совета по делам РПЦ: "...3) дана возможность изготовления и получения церквами необходимых предметов религиозного культа; 4) все священнослужители, состоящие на службе в церковных приходах, освобождаются от призыва по мобилизации, независимо от возраста; 5) внесен ряд поправок в налоговые вопросы, облегчающих условия жизни служителей религиозных культов"[2].

31 января 1945 г. в Москве начал свою работу Поместный Собор Русской Православной Церкви. Такого полномочного собрания ее духовенства и мирян не было с 1918 г. На Собор были также впервые приглашены православные Патриархи и их представители из Румынии, Болгарии, Сербии, стран Ближнего Востока, Грузии, зарубежные русские иерархи. Значительную сложность в тех условиях представляло уже размещение и обеспечение всем необходимым 204 участников. Собор вообще стал единственным, исключая военные, правительственные совещания, собранием такого масштаба в годы войны. На первом его заседании было обсуждено и принято "Положение об управлении Русской Православной Церковью", составленное при активном участии работников Совета по делам РПЦ, а на втором — 2 февраля — митрополита Алексия открытым голосованием избрали Патриархом.

Согласно принятому положению Церковь становилась сплоченной иерархически, на всех уровнях соподчиненной организацией. Высшая власть принадлежала Поместному Собору, который при необходимости созывал Патриарх. Последний управлял Церковью вместе со Священным Синодом из 6 членов, в том числе 3 постоянных — митрополитов Киевского, Ленинградского и Крутицкого. По вопросам, требующим согласования с правительством, Патриарх сносился с Советом по делам РПЦ. Круг этих вопросов не очерчивался, что давало Совету возможность неограниченного вмешательства в церковную жизнь. При Синоде могли существовать учебный комитет, издательский отдел, хозяйственное управление, отдел Внешних Церковных Сношений и т. п., которые вскоре и были образованы. Епархии управлялись епископами, назначаемыми Патриархом. Настоятели храмов, в свою очередь назначенные епархиальными архиереями, были непременными членами приходской общины и председателями ее исполнительного органа —

---

[1] *Поповский М.* Указ. соч. С. 397–398.

[2] ЖМП, 1944, № 2. С. 18.

церковного совета[1]. Положение значительно расходилось с существовавшей ранее практикой, например, строгим разграничением функций в приходе — богослужебные для пастырей, хозяйственно-финансовые для мирян, и санкция на его принятие была серьезной уступкой со стороны государства.

Проведение Поместного Собора способствовало дальнейшему оживлению религиозной жизни в стране. Об этом писал 30 августа 1945 г. в своей докладной записке в ЦК ВКП(б) и Г. Карпов. Встревоженный организационно-инструкторский отдел ЦК даже стал собирать информацию о реагировании различных групп населения на решения Собора. Картина для властей складывалась неутешительная. Так, рабочие Харьковского тракторного завода считали, что "избрание Святейшего Патриарха имеет большое значение и этим самым руководители Церкви будут влиять на наше государство. При предстоящих выборах в Верховный Совет церковники смогут попасть в состав депутатов и будут отстаивать интересы Церкви". Рабочие Сталинградской области думали, что "наверное, скоро в школах введут изучение Закона Божия". Многие жители Мордовии также полагали, что в этом плане вскоре "все вернется к старому". Крестьяне нередко вычитывали в официальных документах то, чего в них не было. В результате рождались различные полулегендарные слухи. Например, житель с. Краснопавловка Харьковской области М. С. Исиков обратился к местному уполномоченному Совета по делам РПЦ с письмом, в котором, ссылаясь на речь Г. Карпова на Соборе, просил установить 12 годовых праздников, "признаваемых всем христианским миром"[2].

Иллюзии радикального изменения положения Церкви в государстве поддались и некоторые партийные работники. Так, в тезисах отдела пропаганды и агитации Дрогобычского обкома КП(б)У "Об исторических особенностях Православной Российской и Западно-Украинской Греко-католитической церквей", написанных 26 февраля 1945 г., говорилось, что "религия в истории человечества играла и передовую прогрессивную роль в национальной жизни народа", освобожденная Октябрьской революцией, Православная Церковь "обновила свое благородное лицо" и т. п. Тезисы с санкции первого секретаря обкома зачитывались на организованных районных совещаниях священников. Реакция на подобные действия последовала жесткая. В докладной записке организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) от 16 апреля 1945 г. указывалось: "1. Рассылка и разработка тезисов, ориентирующих партийные организации на проведение политической работы среди духовенства, является неправильной и ошибочной. 2... Составители этих тезисов в трактовке вопроса о взаимоотношениях между

---

[1] *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. С. 136, 138.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 88, д. 317, л. 12, д. 351, лл. 46–47, 49–50.

религией и наукой, церковью и государством переоценивают роль церкви и занимают позицию, граничащую с заискиванием перед духовенством..." В результате ЦК КП(б)У принял специальное решение по вопросу о выпуске этих тезисов[1].

По всей стране был предпринят ряд мер по ограничению влияния духовенства на широкие слои населения. Запрещались имевшие еще место в некоторых городах страны (Сарапул, Ижевск и др.) случаи шефства церковных общин над госпиталями, детскими садами, инвалидными домами, непосредственная выдача священниками пособий раненым воинам и их семьям.

И все же к концу войны уже можно говорить о частичном возрождении Московской Патриархии. Было восстановлено большинство архиерейских кафедр, воссозданы епархиальные управления, открыты свечные мастерские и т. п. К январю 1945 г. число архиереев достигло 41, а к началу 1946 г. — 61. За три года (1943–1946) были хиротонисаны 36 человек, 17 же удалось выжить в тюрьмах и лагерях. Так, например, подвергавшийся арестам четырежды епископ Мануил (Лемешевский) был освобожден в сентябре 1944 г. и в феврале 1945 г. назначен на Чкаловскую (Оренбургскую) кафедру[2]. Прежде всего архиереев направляли в подвергшиеся оккупации епархии. 29 октября 1944 г. на приеме в Совете по делам РПЦ Г. Карпов спросил Патриарха и членов Синода, не считают ли они целесообразным "назначения епископов делать в первую очередь для епархий на освобожденной от немцев территории, а затем уже в тыловых епархиях". Согласно записи беседы, "патриарх и митрополиты нашли это правильным"[3].

За 1944 г. поступило 6702, а за 1945 г. еще 5986 заявлений об открытии 4292 церквей. Из них было удовлетворено 716, то есть всего около 17%. На 1 июня 1945 г., по подсчетам Совета по делам РПЦ, общее количество действующих храмов Патриархии составляло 10243, в том числе на Украине — 6072, в РСФСР — 2297. Распределены они были крайне неравномерно. Если в некоторых украинских областях имелось по 400–500 церквей, то в большинстве автономных республик, краев, областей Сибири, Дальнего Востока и Поволжья их число не превышало 2–4. Количество священников и диаконов в начале 1946 г. равнялось 9254. В 1945 г. еще функционировало 104 монастыря (вместе с 22 закарпатскими), в которых проживало 4632 насельника[4].

Подводя итоги, следует отметить, что изменения, которые произошли в государственной религиозной политике с началом Великой Оте-

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 313, лл. 3–7.

[2] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 4, л. 27; *Иоанн (Снычев), митрополит.* Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. С. 185.

[3] Крестный путь патриарха Сергия. С. 74.

[4] ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1, л. 38, оп. 2, д. 4, лл. 27–29; Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.). С. 43, 58–59; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 313, лл. 157–158.

чественной войны, оказались небольшими. В целом они соответствовали курсу, наметившемуся в 1939 г. в связи с отказом от массированного наступления на Церковь 1929–1938 гг. Поэтому можно говорить о едином периоде религиозной политики в СССР в 1939 — августе 1943 г. Для него было характерно прежде всего вынужденное допущение значительной активизации церковной деятельности без серьезных видимых уступок, закрепленных законодательно.

Качественно новый этап начался в сентябре 1943 г. Правительство СССР разрешило выборы Патриарха, возобновление церковной издательской деятельности, духовного образования, открытие сотен храмов. Были внесены соответствующие изменения в законодательные акты. Эти перемены были вызваны целым комплексом причин: активной патриотической деятельностью Московской Патриархии, обращением в ходе войны к русским национальным патриотическим традициям, массовым религиозным возрождением на оккупированной территории, стремлением нейтрализовать воздействие фашистской пропаганды. Самым существенным образом влияли и отношения с союзниками — США и Великобританией.

Несомненно, Верховный главнокомандующий действовал по заранее разработанному плану, в котором с некоторых пор стал уделять Церкви значительное внимание для придания собственному режиму власти видимости демократического, веротерпимого государства. В его расчетах Московской Патриархии отводилась существенная роль в налаживании контактов с патриотическим движением, религиозными кругами на Балканах, Ближнем Востоке, в Северной Африке, установлении связей с влиятельными течениями в Англии, США, Канаде, способными оказать воздействие на правительство. Шаги И. Сталина навстречу Церкви вызвали симпатию в этих странах. Однако даже отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции были здесь не главными. Внешнеполитические планы вождя народов были гораздо более глобальными. С весны 1943 г., когда исход войны стал ясен, он начал размышлять о будущем послевоенном переделе мира, разрабатывать планы создания мировой державы. В этих имперских замыслах Церкви отводилась немаловажная роль.

Однако уступки государства оказались не такими значительными, как представлялось первоначально. Для И. Сталина было важным в первую очередь сделать Патриархию послушной частью режима, существовавшего в СССР. Полностью этого добиться не удалось, хотя церковные иерархи были вынуждены пойти на многие компромиссы, болезненные для православного сознания. И все же необходимо подчеркнуть, что в суровых, порой жесточайших условиях Русская Православная Церковь сумела выстоять. Пройдя через гонения, прещения, террор первых двух десятилетий советской власти, она вновь начала возрождаться во время тяжелых испытаний для всего русского народа.

Глава III.

ЦЕРКОВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В СССР

§ *1. Иосифлянское движение*

Антицерковная, антихристианская политика советского государства в первые десятилетия после Октябрьской революции вызвала массовое сопротивление духовенства и мирян. В разные годы оно принимало различные формы. Особенно эта борьба обострилась в период великого перелома — конца 1920-х — начала 1930-х гг.

Вплоть до 1927 г. попытки гражданских властей подчинить Православную Церковь, поставить ее под полный контроль, сделать в конечном итоге придатком государственного аппарата (обновленческий, григорианский расколы и т. п.) в целом заканчивались неудачей. Рубежом в этом плане явилась легализация Временного Патриаршего Священного Синода (ВПСС) при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском), потребовавшая значительных уступок. "Декларация 1927 г.", допускавшая уход с позиций аполитичности, перемещения епископов по политическим мотивам и ряд подобных актов создавали новые условия взаимоотношений Патриаршей Церкви с государством. Именно с этого времени начал утверждаться почти тотальный контроль последнего над внутрицерковной жизнью. Такие компромиссы были негативно восприняты многими священнослужителями и мирянами.

Часть православного духовенства попыталась спасти Церковь от внедрения в нее чужеродных государственных начал. Возникшее в 1927 г. движение "непоминающих" (гражданской власти и митр. Сергия) было достаточно широко распространено по стране. Всего первоначально насчитывалось более 40 архиереев, отказавшихся от административного подчинения Заместителю Патриаршего Местоблюстителя. Однако большинство из них не было связано между собой. Центральное место занимала наиболее сильная и сплоченная иосифлянская группа, получившая свое название по имени руководителя — митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых)[1]. Именно владыка Иосиф

---

[1]Иосиф (Петровых Иван Семенович, 1872–1937) — митрополит. Род. в г. Устюжна Новгородской губ., окончил Устюженское ДУ и Новгородскую ДС; после окончания Московской ДА (1899) оставлен профессорским стипендиатом при Академии. Пострижен в монашество (26.08.1901), рукоположен во иеродиакона (30.09.1901), во иеромонаха (14.10.1901); магистр богословия и доцент (с 02.1903), экстраординарный профессор и инспектор Московской ДА (с 09.12.1903). Возведен в сан архим. (18.01.1904), назначен настоятелем Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря Холмской епархии (06.1906). (*См. продолжение сноски на стр. 218*)

ввел термин "Истинно-Православная Церковь", употребив его в 1928 г. в одном из своих писем.

Недовольство "Декларацией митр. Сергия" в одной из ведущих епархий страны — Ленинградской — проявилось уже в августе 1927 г. В сентябре оно резко усилилось вследствие постановления Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Синода о переводе митрополита Ленинградского Иосифа, отбывавшего ссылку в Моденском монастыре, на Одесскую кафедру. Ситуацию в северной столице очень обострил и указ митр. Сергия от 21 октября о поминовении во всех храмах за богослужением властей и об отмене поминовения епархиальных архиереев, находящихся в ссылке. В ноябре в городе появились приходы, не поминавшие Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Желая предотвратить надвигавшееся разделение, группа духовенства и мирян Ленинграда решила предупредить об этом митр. Сергия и, если возможно, заставить изменить намеченный им курс. Их основные требования были изложены в специальном обращении, написанном в начале декабря проф. прот. В. Верюжским: "1. Отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви государству. 2. Отказаться от перемещений и назначений епископов помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых и назначаемых епископов. 3. Поставить Врем. Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его учреждении в смысле совещательного органа, и чтобы распоряжения исходили только от имени Заместителя. 4. Удалить из состава Синода пререкаемых лиц (в т. ч. епископа Алексия). 5. При организации Епарх. Управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной Церкви, каноны, постановления Поместного Собора 1917–1918 гг. и авторитет епископата. 6. Возвратить на Ленинградскую кафедру митр. Иосифа (Петровых). 7. Отменить возношение

Хиротонисан во еп. Угличского вик. Ярославской епархии (15.03.1909), позднее возведен в сан архиепископа. Архиепископ Ростовский вик. Ярославской епархии (1920–1921); временно управлял Новгородской и Старорусской епархиями (1920–1925). Назначен митр. Ленинградским (08.1926), служил в Ленинграде лишь три дня, затем жил в Ростове, управлял епархией через викариев. В 11.1926 вступил в должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В 12.1926 арестован в Ростове, сослан в Никольский Моденский монастырь Новгородской губ., в 09.1927 освобожден, вернулся в Ростов. Митр. Сергием назначен митр. Одесским (17.09.1927), назначение не принял, продолжал руководить Ленинградской епархией из Ростова. Вместе с митр. Ярославским Агафангелом (Преображенским) и его викариями подписал акт отхода от митр. Сергия и его Синода (06.02.1928). Арестован 29.02.1928 и вновь сослан в Моденский монастырь. Вновь арестован в 12.09.1930 и сослан в г. Чимкент (Казахстан), служил тайно. Арестован в Алма-Ате 22.09.1937. Расстрелян 20.11.1937.

имени Заместителя. 8. Отменить распоряжение об устранении из богослужений молений о ссыльных епископах и о возношении молений за гражданскую власть"[1].

Еще до получения ответа значительная часть высшего и низшего духовенства, а также мирян Ленинграда направила своих представителей к митр. Сергию. 12 декабря они передали ему 3 соответствующих послания, одно из которых подписали 6 из 8 ленинградских архиереев. Однако переговоры закончились безрезультатно. 14 декабря Заместитель Патриаршего Местоблюстителя вручил одному из членов делегации свой ответ на обращение, составленное Верюжским, практически во всех требованиях было отказано. "Митр. Сергий убеждал пришедшего к нему представителя согласиться с ним, и, почти прыгая по комнате, говорил: "Ну нас гонят, а мы отступаем! Но зато мы сохраним единство Церкви!" Представитель пришел к убеждению, что сговориться с ним невозможно"[2]. Делегация вернулась в Ленинград с твердым намерением порвать молитвенное общение с митр. Сергием.

26 декабря еп. Гдовский Димитрий (Любимов) и еп. Нарвский Сергий (Дружинин), взяв на себя инициативу руководства, подписали акт отхода: "Не по гордости, да не будет сего, но ради мира совести, отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего великое смущение... Почему, оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя апостольское преемство через Патриаршего Местоблюстителя Петра, митр. Крутицкого, и имея благословение нашего законного епархиального Митрополита, мы прекращаем каноническое общение с митр. Сергием и со всеми, кого он возглавляет; и впредь до суда "совершенного собора местности", т. е. с участием всех православных епископов, или до открытого полного покаяния перед Святою Церковью самого Митрополита Сергия... "[3] Действительно, митр. Иосиф одобрил готовившийся отход, Патриарший же Местоблюститель митр. Петр (Полянский), который упоминается с этом документе, с 1925 г. находился в тюрьмах и ссылках и участвовать в церковной жизни не мог (он был расстрелян 10 октября 1937 г. в Магнитогорской тюрьме).

Акт об отделении был зачитан в кафедральном соборе Воскресения Христова, ставшем центром иосифлянского движения в Ленинграде. В дальнейшем еп. Димитрий объявил митр. Сергия безблагодатным и потребовал немедленного разрыва молитвенного общения с ним. В

---

[1] *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917–1945. С. 136–137.

[2] *Иоанн (Снычев), митрополит.* Расколы // Христианское чтение, 1991, № 6. С. 23.

[3] Там же. С. 27.

ответ Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Синод 30 декабря приняли постановление о запрещении в священнослужении отошедших ленинградских епископов и их сторонников. Раскол стал фактом.

Иосифлянам удалось довольно быстро — к лету 1928 г. — распространить свое влияние далеко за пределы Ленинградской области — в Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Вологодскую, Витебскую епархии. В Великоустюжской епархии часть приходов увлек за собой епископ Никольский Иерофей (Афоник), в Архангельской — епископ Каргопольский Василий (Дохтуров). Эти Владыки быстро установили связи с ленинградскими иосифлянами. В Московской епархии движение охватило города Коломну, Волоколамск, Клин, Загорск, Звенигород, но признанным центром стал Серпухов. В мае 1928 г. сюда был назначен иосифлянского поставления епископ Максим (Жижиленко)[1]. 7–8 храмов находилось в разделении в Москве. На Украине наибольших успехов иосифляне добились в Киеве, Харьковском, Сумском и Полтавском округах. К ним присоединились живший в Харькове епископ Старобельский Павел (Кратиров) и епископ Бахмутский и Донецкий Иоасаф (Попов) из г. Новомосковска[2]. В Центрально-Черноземной области и на юге России десятки иосифлянских, или, как еще их называли здесь, "бýевских" приходов возглавил епископ Козловский, управляющий Воронежской епархией Алексий (Буй). Его представителем на Северном Кавказе стал еп. Майкопский Варлаам (Лазаренко). Отдельные приходы присоединились к иосифлянам на Урале, в Татарии, Башкирии, Казахстане, в городах Красноярске, Перми, Енисейске, Арзамасе, Смоленске. Параллельно с ленинградским в декабре 1927 г. возникло самостоятельное разделение во главе с 3 епископами в Вятской и Вотской (на территории Удмуртии) епархиях. Оно получило название "викторианского движения" и быстро объединилось с иосифлянским. В целом же волна отхода от митрополита Сергия охватила меньшую часть территории страны. Согласно данным государственных органов регистрации, за Заместителем Патриаршего Местоблюстителя последовало до 70% приходов (в 1928 г. 8–9% приходов отпали в автокефалию — иосифлянство, викторианство и т. п., около 5% подчинялось григорианскому Церковному Совету и около 16% — обновленческому Синоду)[3]. Так как в конце 1927 г. в стране имелось примерно 30 тысяч действующих православных храмов — иосифлянскими по этим, вероятно, несколько заниженным данным, являлись 2400–2700 или до

[1] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Москве и Московской области (Архив УФСБ РФ МО), ф. архивно-следственных дел, д. 28850.

[2] Центральный государственный архив общественных организаций Украины, ф. 263, оп. 1, д. 65744.

[3] *Шишкин. А. А.* Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви. С. 335.

11,5% приходов. Численность же иосифлянского духовенства как белого, так и черного, составляла, по подсчетам автора, как минимум 3,5 тысячи человек.

Подобное общесоюзному положение существовало и в Ленинградской епархии. Хотя движение "непоминающих" в ней было значительно шире, открыто присоединился к иосифлянам по уточненным архивным данным 61 приход, в том числе 23 в Ленинграде (из примерно 100 принадлежавших в северной столице к Патриаршей Церкви). В области по 2 отделившихся от митр. Сергия храма имелось в г. Петергофе и поселках Стрельна и Вырица, важную роль играли Федоровский собор в Детском Селе, Свято-Троицкий Зеленецкий мужской и Старо-Ладожский Успенский женский монастыри, а также Макарьевская Пустынь под Любанью, насельники которой, правда, в основном разделяли взгляды катакомбников, но были тесно связаны с ленинградскими иосифлянами. Всего, по словам самих сторонников митр. Иосифа, в епархии их поддерживало около 300 священников и монахов, а также несколько сотен монахинь. По оценке автора, их действительно могло быть в общей сложности до 500 человек. Но все же это была меньшая часть духовенства епархии. Еп. Димитрию не удалось склонить на свою сторону и основную часть причта и прихожан его родного храма — Покровской церкви в Коломне. Видные церковные деятели, служившие в ней — протоиереи Василий Акимов и Николай Чепурин — поддержали еп. Петергофского Николая. 5 января общее собрание прихожан, рассмотрев заявление еп. Димитрия и еще 2 священников об оставлении ими службы в храме, решило просить их отложить свои намерения и "быть в единении со всею Православною Церковью"[1]. Однако просьба не подействовала, и в заявлении двадцатки в районный стол регистрации от 20 января уже говорилось, что из ее состава за еп. Димитрием последовало 6 членов, и "с этого момента они перестали быть нашими единоверцами и членами одного с нами исповедания"[2].

На ситуации в Ленинграде сказались многообразные меры увещания и прещения митр. Сергия, например, оглашенное в воскресное богослужение почти во всех храмах города его послание от 30 января 1928 г. "К архипастырям, пастырям и верным чадам Православной Церкви Ленинградской епархии"[3]. Важным фактором стали активные действия специально присланных в Ленинград сторонников митр. Сергия авторитетных архиереев — назначенного митрополитом Серафима (Чичагова) и еп. Серпуховского Мануила (Лемешевского). Свое воздействие, конечно, оказала и позиция государственных органов.

Иосифлянское движение с самого начала приобрело политическую антиправительственную окраску, выйдя за чисто религиозные рам-

[1] ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 321, л. 90.

[2] Там же, лл. 100–101.

[3] Там же, л. 147.

ки. Не без оснований некоторые исследователи считают, что "ядро идеологии иосифлянского раскола — отрицательное отношение к отечественной советской действительности, а церковно-канонические мотивы лишь внешняя оболочка"[1]. В трагические годы великого перелома движение имело немалую оппозиционную властям социальную базу. Очевидцы вспоминали: "В церкви Воскресения-на-Крови тогда было очень много народу... Сюда хлынула масса раскулаченных... Сюда приходили все обиженные и недовольные. Митрополит Иосиф невольно стал для них знаменем"[2]. Не случайно одним из основных требований всех "непоминающих" было отстаивание постановления Всероссийского Поместного Собора от 15 августа 1918 г. о свободе политической деятельности членов Церкви. И государственные органы, по свидетельству архивных документов, расценивали именно иосифлян как своих главных противников среди всех религиозных течений и конфессий.

Наиболее активных участников движения из среды мирян можно условно разделить на 3 категории: представители ученой интеллигенции, которые по своим религиозным взглядам не могли идти на сделку с совестью; фанатично верующие люди — блаженные, юродивые, странники, провидцы и т. п.; представители социальных слоев, недовольных новым строем; именно они придавали движению политическую окраску. В иосифлянском же духовенстве имелось особенно много людей идейных, отличавшихся нравственной чистотой, широко в нем было представлено монашество. Не зря еп. Мануил (Лемешевский) в своей проповеди 29 апреля 1928 г. в Ленинградском Троицком соборе выражал свою скорбь по поводу их отделения: "Отпали, откололись наилучшие пастыри, которые своей непорочностью в борьбе с обновленчеством стояли много выше других"[3].

Конечно, и в иосифлянском духовенстве, объединявшем противников политики митр. Сергия и советской власти, имелись самые разнообразные течения. Некоторые из самых стойких иосифлян отличались либеральными взглядами — прот. Иоанн Стеблин-Каменский, другие были убежденными монархистами — еп. Варлаам (Лазаренко). Причем монархическая тенденция постепенно усиливалась. Логика ожесточенной борьбы доводила до крайности. Неслучайно многие верующие называли собор Воскресения Христова в Ленинграде "белым храмом", в противоположность "красным" церквам.

---

[1]Цит. по: *Иоанн (Снычев), митр.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие. Их особенность и история. Куйбышев, 1966. Рукопись. С. 5.

[2]*Мещерский Н. А.* На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною... С. 10.

[3]*Иоанн (Снычев), митр.* Указ. соч. С. 238.

Неоднородность состава иосифлян определяла и различие их взглядов в церковных вопросах. Большинство смотрело на митр. Сергия, как на иерарха, превысившего свои полномочия и допустившего по этой причине неправильные действия, а часть видела в нем настоящего отступника от Православия, предателя и убийцу церковной свободы, общение с которым невозможно даже в том случае, если его действия признает сам Патриарший Местоблюститель. Последние говорили: "Если только митр. Петр признает законным послание митр. Сергия и вступит с ним в молитвенное общение, тогда мы прервем молитвенное общение с митр. Петром и священниками, возносящими его имя. Если и все церкви отберут от нас, тогда мы будет совершать молитвы в подвалах тайно. При гонении на веру Христову, подражая первовековым христианам, мы пойдем с радостью на костры и в тюрьмы, но не допустим добровольно, чтобы в Церкви Божией был хозяин антихрист коммунист Тучков. За свободу Церкви мы готовы умереть"[1].

К выразителям умеренных взглядов из руководителей движения принадлежали сам митр. Иосиф, еп. Сергий (Дружинин), прот. Василий Верюжский; более жесткую позицию, доходившую до отрицания таинств сергиан, занимали еп. Димитрий (Любимов), прот. Феодор Андреев, свящ. Николай Прозоров и профессор М. А. Новоселов. Частично эти различия были связаны с политическими пристрастиями. В 1930 г. на допросе иосифлянский прот. Николай Дулов показывал: "Некоторые московские священники, как Сидоров, Воронков и др., фамилии которых не помню, стали говорить, что архиепископ Димитрий не сочувствует позиции, занятой Иосифом, и считает ее не конечной. По его мнению, сказав "А", т. е. указав, что советская власть является незаконной, надо указать, какая же власть считается законной. При этом он разумел под законной властью — власть монархическую"[2]. Эти сведения подтверждаются показаниями прот. Иоанна Стеблин-Каменского о появлении осенью 1928 г. в Воронеже привезенной из Москвы брошюры, в которой говорилось, что "митрополит Иосиф не доводит дело отхода от митрополита Сергия до конца, что надо соединить идею монархии с нашей церковной ориентацией"[3].

Однако из определенного различия взглядов в среде иосифлян вовсе не следовало (как посчитали некоторые следователи ОГПУ), что иосифлянское движение в дальнейшем раскололось на 2 группировки — "левую" во главе с митрополитом Ленинградским и "правую" во главе с архиепископом Гдовским. Владыка Димитрий пока было возможно — до осени 1929 г. — поддерживал постоянную связь с жившим в ссылке в Никольском Моденском монастыре митр. Иосифом, с

---

[1] *Иоанн (Снычев), митр.* Расколы. С. 35.

[2] Центр документации новейшей истории Воронежской области (ЦДНИ ВО), ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 1, лл. 2–3.

[3] Там же, т. 5, л. 649.

уважением относился к нему и старался исполнять почти все его указы. В январе 1929 г. к Рождеству владыка Иосиф возвел своего викария в сан архиепископа.

Существует традиция называть иосифлян раскольниками. Она восходит к указу митр. Сергия и Св. Синода от 6 августа 1929 г., фактически приравнявшего их к обновленцам и григорианам: "Таинства, совершенные в отделении от единства церковного... последователями быв. Ленинградского митр. Иосифа (Петровых), быв. Гдовского епископа Димитрия (Любимова), быв. Уразовского епископа Алексия (Буй), как тоже находящихся в состоянии запрещения, также недействительны, и обращающихся из этих расколов, если последние крещены в расколе, принимать через таинство Св. Миропомазания"[1]. Сами же иосифляне себя раскольниками никогда не считали. Так, митр. Иосиф в своем письме к архим. Льву (Егорову) в феврале 1928 г. указывал: "... не только не выходили, не выходим и никогда не выйдем из недр истинной Православной Церкви, а врагами ее, предателями и убийцами считаем тех, кто не с нами и не за нас, а против нас. Не мы уходим в раскол, не подчиняясь митр. Сергию, а вы, ему послушные, идете за ним в пропасть осуждения"[2].

Главной тактической целью иосифлян было привлечение на свою сторону большей части духовенства, прежде всего епископата, и в конечном счете завоевание Высшего Церковного Управления в существующей Патриаршей Церкви. Именно поэтому ленинградские архиереи вышли из области своих полномочий — обращались с архипастырскими посланиями в различные города с целью склонить на свою сторону духовенство и мирян, рукополагали священников и с мая 1928 г. начали совершать хиротонии тайных епископов для других епархий. Всего иосифлянами было поставлено 28 таких архиереев: еп. Серпуховский Максим (Жижиленко), еп. Ингерманландский Роман (Руперт), еп. Вытегорский Модест (Васильков), еп. Псковский Иоанн (Ложков), еп. Донской Иннокентий (Шишкин), единоверческий еп. Охтенский Алипий (Ухтомский) и другие. Полный их список сохранился в архиве одного из епископов катакомбного движения. Со временем тактика иосифлян менялась. Так, на январском 1928 г. акте отхода воронежского духовенства от митр. Сергия владыка Иосиф написал резолюцию: "Управляйтесь сами, самостоятельно — иначе погубите и меня и себя"[3]. Аналогичные ответы разослал митрополит и другим сочувствовавшим ему архиереям, таким образом показывая, что в тот период он не желал централизации движения и брал на себя лишь идейное руководство. Но уже вскоре стало ясно, что для завоевания Высшего Церковного Управления нужна сплоченная, хорошо организованная сила. И весной 1928 г. митр. Иосиф заявлял прот. Николаю

[1] *Регельсон Л.* Указ. соч. С. 168–169.

[2] *Иоанн (Снычев), митрополит.* Расколы. С. 36.

[3] ЦДНИ ВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 4, л. 458.

Дулову о необходимости создания какого-нибудь центра для объединения движения. В это время он даже высказывал идею о том, чтобы провозгласить себя Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, но впоследствии еп. Димитрий отговорил Владыку от подобного шага[1]. Следует отметить существование свидетельств о заявлениях митр. Иосифа, что Патриарх Тихон еще в 1918 г. тайно назначил его своим первым Заместителем.

Желая заручиться поддержкой со стороны "соловецкого" епископата, в январе 1928 г. еп. Димитрий тайно посылал в Соловецкий лагерь особого назначения своего послушника Сергия. Но в беседе с ним епископы заявили, что они осуждают действия ленинградцев. В феврале митр. Иосиф направил к епископу Мануилу (Лемешевскому), только что освобожденному из Соловецкого лагеря, иеромонаха с предложением возглавить порвавших молитвенное общение с митр. Сергием в Москве и на юге России и в случае согласия приехать к нему для возведения в сан митрополита. Однако епископ Мануил как представитель большинства "соловецкого" епископата, поклявшегося не отделяться от митр. Сергия, отказался. Не вызывает сомнения, что в условиях конца 1920-х гг. шансов возглавить Русскую Православную Церковь у иосифлян не было.

Уже в 1928 г. начались первые репрессии властей против них — прошли аресты в Воронеже, Москве, Никольске, Вятской епархии. В Ленинграде 25 февраля был арестован настоятель Спасо-Преображенской церкви в пригородном поселке Стрельна — протоиерей Измаил Рождественский. Заявление в ОГПУ стрельнинских прихожан с просьбой освободить о. Измаила не помогло, и его выслали на 3 года на Урал. В 1928 г. подверглись арестам также протоиереи Василий Бондарев, Сергий Тихомиров и Феодор Андреев. Первый из них в том же году умер. О. Сергий, духовный отец многих академиков и профессоров Ленинградского университета, был через несколько месяцев освобожден. Осенью 1928 г. второй раз был арестован и главный идеолог иосифлянского движения прот. Феодор Андреев, магистр богословия, бывший профессор Московской Духовной Академии, а затем Петроградского Богословского института. Академик Д. С. Лихачев вспоминал о нем: "Это был в двадцатых годах знаменитейший проповедник, на проповеди которого в Сергиевскую церковь, угол Литейного и Сергиевской, стекалась вся интеллигенция Петрограда"[2]. Профессор И. М. Андреев (Андреевский) также писал: "Отец Феодор Андреев прославился своими замечательными проповедями, слушать которые собиралось так много народа, что огромный собор не мог вместить всех желающих услышать вдохновенное православное слово. Среди слушателей было много профессоров и студентов Военно-Медицинской академии и университета и научных сотрудни-

---

[1] ЦДНИ ВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 4, л. 631.

[2] Письмо Д. С. Лихачева дочерям о. Феодора Андреева Анне и Марии от 16 сентября 1992 г.

ков Академии Наук, которые постепенно стали духовными чадами о. Феодора... Митр. Иосиф, архиеп. Димитрий и еп. Сергий Нарвский чрезвычайно высоко ценили о. Феодора Андреева, называли его "адамантом Православия", незаменимой "жемчужиной". Благоговели перед ним и проф. С. А. Аскольдов, проф. А. И. Бриллиантов, проф. М. А. Новоселов и многие другие выдающиеся богословы-философы и общественно-политические деятели"[1].

Несмотря на начавшиеся репрессии властей, весной 1928 г. иосифлянское движение оформилось организационно и идеологически. Важным этапом здесь стало майское совещание руководителей иосифлян в их "главном штабе" — на квартире прот. Феодора Андреева (Лиговский пр., д. 21а). В начале мая епископ Алексий (Буй) приезжал в Москву по вызову ОГПУ, которое запретило ему жить в Воронеже. После визита в Госполитуправление он выехал в Ленинград вместе с влиятельным московским прот. Николаем Дуловым. На квартире о. Феодора кроме хозяина и приехавших из Москвы гостей собрались епископ Димитрий и проф. М. А. Новоселов. Должен был придти и епископ Сергий (Дружинин), но он по каким-то причинам не смог. Епископ Алексий познакомился с Владыкой Димитрием еще в январе 1926 г., когда участвовал в его хиротонии, а с Андреевым и Новоселовым встретился впервые. Особое внимание к Воронежскому владыке выказал последний. Прот. Николай Дулов позднее говорил на допросах: "Новоселов проявил интерес к еп. Алексию. Помню, что проф. Новоселов при входе в кабинет архиепископа Димитрия высказывался по вопросу епископа Алексия, называл его "столпом южной церкви" и указывал на умелое ведение дела еп. Алексием... Новоселов интересовался у еп. Алексия вопросом отношения паствы и духовенства к антихристу. Еп. Алексий отвечал, что паству смущает закрытие церквей и активная антирелигиозная работа, а поэтому почва для распространения идей об антихристе благоприятна"[2]. В связи с запретом ОГПУ обсуждался выбор места жительства епископа Алексия. Первоначально предлагались Стрельна или Сестрорецк под Ленинградом, но затем был выбран г. Елец. Важнейшим итогом совещания стало распределение сфер влияния. Владыка Димитрий поручил епископу Алексию управление всем югом России и Украиной, в том числе окормляемыми ранее им самим приходами, мотивируя это их удаленностью от Ленинграда.

Епископ Козловский полностью признал руководство епископа Димитрия и уладил все спорные вопросы с ним. Близкий в 1928 г. к епископу Алексию настоятель Владимирской церкви в Ельце свящ. Сергий Бутузов через 1,5 года на допросе заявил: "Для меня и епископа Алексия Ленинград был святыней, и я верил всему, что оттуда исходило"[3].

---

[1] *Польский М.* Указ. соч. Т. 2. С. 135, 137.

[2] ЦДНИ ВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 1, л. 16.

[3] Там же, т. 4, л. 449.

Таким образом, в мае 1928 г. организационная стадия иосифлянского движения в основном завершилась. Окончательно ставший после ссылки в феврале 1928 г. митр. Иосифа руководителем движения епископ Димитрий был признан в этом качестве всеми другими вождями движения. Кроме того, весной 1928 г. он непосредственно окормлял иосифлянские приходы на северо-западе России, частично на Украине, Кубани, Ставрополье, в Московской, Тверской, Витебской и других епархиях, викториан бывшей Вятской губернии и Удмуртии.

В это же время завершилось создание идеологической базы движения. Весной 1928 г. ленинградскими иосифлянами было написано несколько программных и агитационных документов. Стремясь канонически обосновать свой отход от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и снять обвинения со стороны части православного епископата, они в марте в специальном документе "Почему мы отошли от митрополита Сергия" в виде резюме из 10 разделов изложили ряд основных правил, являвшихся основанием для отделения: "Мы идем за своим каноническим митрополитом Иосифом, от которого не должны отступать и прекращать возношений его имени и Божественном тайнодействии, "прежде соборного рассмотрения", каковрго не было ... В действиях митр. Сергия усматривается наличие ереси и даже худшего ее, что дает право на отхождение "прежде соборного рассмотрения" даже и от Патриарха... "[1] и т. д. Несколько листовок, предназначенных для широкого распространения, в том числе очень популярную "Об исповедничестве и подвижничестве" написал прот. Феодор Андреев. Кроме того, он и профессор М. А. Новоселов стали авторами знаменитой брошюры "Что должен знать православный христианин?", проходившей позднее в качестве вещественного доказательства почти на всех судебных процессах над иосифлянами. Так, например, в обвинительном заключении по делу "буевцев" в 1930 г. подчеркивалось: "Рассчитанная на верующую крестьянскую массу, эта брошюра, составленная в виде вопросов и ответов на политические темы, замаскированные ссылками на "священное писание" и "святых отцов" церкви, сыграла огромную роль в вербовке верующих в состав контрреволюционной организации "буевцев" и способствовала быстрому ее росту". Вместе с тем, пропаганда идей этой брошюры создавала исключительно благоприятную почву для антисоветских выступлений на почве проводимых на селе мероприятий по реконструкции сельского хозяйства и подготавливала крестьянские массы к восстановлению монархии... "[2]

Роль упомянутой брошюры была очень велика. Позднее большинство арестованных иосифлян так или иначе обосновывали свои взгляды ее основными положениями: "На современную нам гражданскую власть каждый христианин должен смотреть, как на попуще-

---

[1] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917–1943. С. 584–585.

[2] ЦДНИ ВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, т. 1, л. 4.

ние Божие для нашего наказания и вразумления...Христианство и коммунизм взаимно исключают друг друга, и борьба между ними неизбежна... Введен гражданский брак, который в самом корне уничтожает идею семьи, установленную самим Богом, и получается скотская жизнь, патриотизм заменен интернационализмом и классовой борьбой... Гражданская власть предъявляет Православной Церкви требование оправдать ее противные Христианству действия, т. е. признать революцию, которая есть насилие, и Церковью никогда оправдана быть не может... Причина гонения на Церковь со стороны неверующей власти заключается в стремлении подчинить Церковь своему влиянию и через Церковь приготовить народ к будущему принятию антихриста как политического и духовного главы падшего человечества... Богоборчество окончится тогда, когда нечестивец (антихрист) задумает воспротивиться самому Богу и увидим царей земных и воинства их собранные, чтобы сразиться с сидящим у власти антихристом и с воинством его... если православного христианина обвиняют в контрреволюции — этим не следует смущаться; это обвинение ложное и выдуманное врагом Христа и есть удел всех исповедников веры..."[1] После получения всех указанных документов у воронежских иосифлян, например, сложилось общее впечатление, что "ленинградское духовенство подвело настоящий прочный богословский фундамент под разрыв с митр. Сергием"[2]. Следует отметить, что в июле 1928 г. иосифлянское движение поддержал и проживавший в королевстве сербов, хорватов и словенцев митрополит Антоний (Храповицкий). Он тайно переслал из-за границы свое послание с призывом всем "верным архипастырям" примкнуть к Карловацкому Синоду. Это письмо широко распространялось иосифлянами.

Неверным является утверждение, что движение постепенно угасло само. Несомненно, главной причиной его упадка стали широкомасштабные репрессии органов ОГПУ. Документы ЦГА Санкт-Петербурга свидетельствуют, что из 22 иосифлянских храмов города лишь 6 перешли затем под управление митр. Сергия, 17 же были закрыты властями. Несколько приходов епархии присоединились к иосифлянству осенью 1928 г. А нижний храм церкви Воскресения Христова (Малоколоменской) в Ленинграде стал иосифлянским 31 октября 1929 г.[3] Община храма отнюдь не угасла, несмотря на репрессии (в декабре 1930 г. был арестован диакон, в июне 1931 г. — регент храма). Ее доходы быстро росли — с 13 тыс. рублей в 1930 г. до 26 тыс. — за январь–октябрь 1931 г. Но в марте 1932 г. церковь была закрыта и снесена[4].

[1] Архив УФСБ РФ МО, ф. арх.-след. дел, д. 28850, лл. 11–12.

[2] ЦДНИ ВО, ф. 9323, оп. 2, д. П-24705, л. 460.

[3] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ РФ СПб), ф. арх.-след. дел, дд. П-28774, П-42182, П-66675.

[4] ЦГА СПб., ф. 4914, оп. 3, д. 2, лл. 50, 200, 206, 210.

Постепенно гонения на иосифлян нарастали, архиеп. Димитрий был арестован 29 ноября 1929 г. по обвинению в том, что он "состоял фактическим руководителем церковной группы "Защита истинного православия", совместно с руководящим ядром этой группы вел контрреволюционную агитацию, направленную к подрыву и свержению советской власти. Принимал духовенство и руководил этой группой по СССР". Постановлением Коллегии ОГПУ от 3 августа 1930 г. архиеп. Димитрий был приговорен к 10 годам концлагеря[1]. Сменившего его в качестве руководителя течения еп. Сергия (Дружинина) через год постигла та же участь. Оба они погибли в середине 30-х гг. Настоятель кафедрального собора Воскресения Христова прот. В. М. Верюжский был арестован 3 декабря 1929 г.[2] А 18 ноября 1930 г. закрыли и сам собор.

Однако в 1930 г. "автокефалия" иосифлян не распалась, как считают многие исследователи. Хотя в 1931–1932 гг. в Ленинграде и пригородах сохранились лишь 9 их официально незакрытых церквей, общественная деятельность сторонников митр. Иосифа не прекратилась, а ее антиправительственная окраска даже усилилась. Роль центрального храма перешла к церкви Св. Моисея на Пороховых. В докладных записках, сводках инспекторов по вопросам культа, сотрудников ОГПУ за 1932 г. указывалось: "В церкви Моисея "истинно-православными" церковниками производятся сборы денег и продуктов в пользу репрессированного за контрреволюционную деятельность духовенства и монашества... Церковь Моисея была и есть место, где устраиваются пострижения фанатически настроенных верующих в тайное монашество (ранее постригал епископ Василий Докторов и в последнее время — иеромонах Иванов и Анатолий Согласнов)". Церковь Моисея после ареста 4 ноября 1932 г. особенно активных элементов "истинно-православных" церковников стали обслуживать скрывающиеся от арестов иеромонах Аркадий и священник П. Петухов... Надо полагать, что скрывающиеся от ареста представители духовенства... на регистрацию идти не хотят, т. к. они ее считают вообще недопустимой с канонической точки зрения"[3].

Считается, что в 1933 г. с легальной деятельностью "непоминающих" было покончено. Действительно, в этом году в Москве был закрыт их последний храм. Аналогичные попытки предпринимались в Ленинграде. Еще в 1932 г. была уничтожена одна из основных опор иосифлян — монашество. В одну ночь 18 февраля в ленинградских тюрьмах исчезли практически все оставшиеся на свободе иноки, а также связанные с монастырями представители приходского духовенства и мирян — всего около 500 человек[4]. 21 ноября 1932 г. Президиум Лен-

---

[1] Архив УФСБ РФ СПб., ф. арх.-след. дел, д. П-78806.

[2] Там же.

[3] ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 50, д. 29, лл. 18,20.

[4] *Краснов-Левитин А.* Лихие годы. 1925–1941. С. 222; *Мещерский Н. А.* Указ. соч. С. 102–106.

совета вынес решение закрыть 3 из 4 еще действовавших иосифлянских церквей города, в том числе Моисеевскую. Прихожане последней пытались сопротивляться, подали жалобу во ВЦИК, но 25 января 1933 г. храм закрыли. А 16 марта, при проведении паспортизации населения, совещание районных инспекторов по делам культов по указанию ОГПУ постановило "не выдавать паспорта служителям культа иосифлянского вероисповедания"[1], что означало автоматическое выселение последних из Ленинграда.

Несмотря на все попытки государственных органов, окончательно запретить открытую деятельность иосифлян не удалось. Слишком массовой поддержкой они обладали в северной столице. Власти, видя, что в других регионах наиболее стойкая часть сторонников митр. Иосифа после исчезновения легальных возможностей деятельности переходила на катакомбный путь, видимо, опасались повторения этого в значительно больших масштабах в Ленинграде. Все 1930-е гг. в городе функционировал маленький деревянный иосифлянский храм Пресв. Троицы на окраине в Лесном.

Судьба церкви много раз висела на волоске. Но прихожане, которые переполняли храм, сумели отстоять его. Причем отчасти, несмотря на репрессии, эта церковь сохраняла роль центра притяжения и для политических противников режима. В многочисленных доносах тех лет говорится о пребывании в храме "высланных попов", "лишенок монашек", "беспаспортных темных личностей" и т. д.[2] Постепенно сокращалась численность членов его клира, насчитывавшего осенью 1933 г. 5 человек. Так, в марте—апреле 1935 г. в Ленинграде было проведено массовое выселение "чуждого населения" — так называемый "Кировский поток". Всего из 429 православных священнослужителей города и пригородов выслали в сельскую местность, на периферию, тогда почти половину — 198 человек[3]. Был снят с учета "как белогвардейский офицер" в прошлом и настоятель Троицкой церкви, последний легально служивший крупный иосифлянский деятель, неоднократно арестовывавшийся прежде, протоиерей Александр Советов[4]. После страшного 1937 г. в храме остался лишь один священнослужитель — настоятель иеромонах Павел (Лигор). Правда, многие катакомбники считали существование данного прихода провокацией. Что это было далеко не так, подтверждают хотя бы массовые аресты членов двадцатки (приходского совета) храма Пресв. Троицы в 1939–1940 гг.: М. С. Паращука, В. А. Проворова, А. Ф. Семеновой, М. С. Юскиной и других.

Кроме Троицкой церкви в Ленинграде почти до самого начала Великой Отечественной войны легально действовал иосифлянский храм

---

[1]ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 2, д. 20, л. 5.

[2]Там же, оп. 33, д. 114, лл. 98, 129.

[3]Там же, д. 112, лл. 2–3, 5–34.

[4]Там же, д. 114, л. 208.

Благовещения вблизи подмосковной станции Мичуринец. В нем служили освобожденный к середине 1930-х гг. протоиерей Николай Дулов и о. Иосиф. Закрыли его только в начале 1941 г. Однако в обеих столицах подавляющая часть иосифлян в тот период посещала тайные службы. По свидетельству очевидцев, в Ленинграде в 1937–1941 гг. их проводилось очень много — в зданиях морского техникума, школ подводного плавания и водного транспорта, помещениях ряда больниц, закрытых учреждений со входом по пропускам, на квартирах горожан, в том числе некоторых академиков, профессоров Военно-Медицинской академии и университета. Часто тайные службы иосифлян шли в ближних и дальних пригородах Ленинграда: Шувалово, Озерках, Коломягах, д. Юкки, ст. Поповка, Колпино, Саблино, Елизаветино, Волосово, Ораниенбауме, Мартышкино, Стрельне, Гатчине и т. д. Совершались они и в Новгородском округе — в Чудово, Малой Вишере, Окуловке, на ст. Оксочи (в детской колонии им. Ушинского)[1].

В Москве катакомбных иосифлянских служб было значительно меньше и многие москвичи окормлялись в Ленинграде, хотя и в столице эти службы, конечно, проводились. Сохранились воспоминания их активной участницы: "Возвратившись в Москву [в конце 1937 г.]... я узнала очень скоро о существовании и здесь тайных Иосифлянских церквей, т. е. не о церквах, а о богослужениях в тайных комнатах, где собирались иногда по 20–25 человек. Служение шло шепотом, со строгим контролем молящихся, ввиду возможности предательства. Приходили обычно на рассвете по условному знаку. Большею частью осторожно стучали в водосточную трубу у окна, где кто-нибудь стоял, прислушиваясь. Один старый монах священник о. Александр Гомановский самоотверженно ездил всюду, куда его звали, и даже в больницах умудрял его Господь приобщать больных. Сидя около них, как посетитель, он исповедовал и затем, как бы подавая лекарство или питье, приобщал. До прихода немцев в Можайск в 1941 г. я жила тихо в этом городе и ездила на тайные богослужения в Москву"[2].

Еще в одном важнейшем районе иосифлянского движения — бывшей Центрально-Черноземной области — последние, отделившиеся от митр. Сергия храмы, за редчайшими исключениями, были закрыты в 1935 г. В этом году в Воронежской епархии арестовали еще одну значительную группу "буевцев" во главе с иеромонахом Иеронимом и монахиней Трифеной из быв. Покровского монастыря, почти все ее участники погибли в лагерях. Уцелевшие последователи еп. Алексия стали служить исключительно тайно. Так, например, в г. Мичуринске (Козлове) действовал катакомбный приход, обслуживавшийся жив-

[1] *Андреев И. М.* Заметки о Катакомбной церкви в СССР // Русская жизнь, 1948, 20 февраля.

[2] *Польский М.* Указ. соч. Т. 2. С. 4.

шим нелегально и работавшим печником известным "буевцем", архимандритом Александром (Филиппенко). Приезжими тайными священниками периодически совершались службы на квартирах и в Воронеже. В 1937–1938 гг. по епархии прокатилась новая волна арестов иосифлян, был схвачен и замучен иеромонах Антоний из быв. Толшевского монастыря. Однако даже и в этих условиях продолжали создаваться новые обители. Например, "Комсомольская правда" осенью 1937 г. сообщала, что в Воронежской области "женская молодежь недавно основала "тайный монастырь" — в монахини ушли сразу 15 девушек из двух соседних колхозных сел"[1]. Далеко не всегда иосифляне без сопротивления позволяли себя арестовывать и громить их храмы. В 1930-е гг. нередко случалось, что они давали и вооруженный отпор сотрудникам ОГПУ и НКВД — в Липецкой, Тамбовской, Воронежской областях, на Дону и Кубани, в Башкирии, Сибири, а также в г. Серпухове.

Второй после 1930–1932 гг. пик репрессий иосифлян пришелся на 1937–1938 гг., когда выявлялись скрывавшиеся священнослужители и уничтожались отбывавшие сроки заключения вожди движения. Так, например, в 1938 г. в Арзамасе были арестованы члены тайной иосифлянской общины во главе со свящ. Иоанном Ходоровским. Его и несколько монахинь-странниц расстреляли. В 1937 г. были арестованы и расстреляны: 17 сентября — епископы Сергий (Дружинин) и Григорий (Лебедев), 16 ноября — бывший ключарь собора Воскресения Христова протоиерей Никифор Стрельников, 20 ноября — митрополит Иосиф (Петровых) и др.[2]

Уцелевшие тайные иосифлянские общины с 1939 г. очень оберегались, и попасть в них стало трудно. Количество служб значительно сократилось. На северо-западе России перед войной паству окормляли так и не разысканные НКВД тайные епископы: Вытегорский Модест (Васильев), Ингерманландский Роман (Руперт) и Псковский Иоанн (Ложков). Яркую картину нелегальной деятельности иосифлян на Северном Кавказе и в Ставрополье накануне войны рисует докладная записка уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Орджоникидзевскому краю председателю КПК А. А. Андрееву от 18 июня 1941 г.: "В Буденновском районе, являвшемся за последнее время центром контрреволюционного тихоновско-

---

[1] Комсомольская правда, 1937, 15 сентября.

[2] Справка УФСБ РФ по Тверской области N 10/1058 от 15 июля 1994 г.; *Польский М.* Указ. соч. Т. 2. С. 1; *Хрусталев М. Ю., Гусев О. А.* Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых) в сонме новомучеников и исповедников Российских // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1993. С. 151; Московский церковный вестник, 1993, № 4. С. 5; Справка Комитета национальной безопасности Республики Казахстан N 11/1-762 от 15 сентября 1994 г.

имяславского"[1] церковного подполья, функционировало 4 церкви, в одной из которых вскрыт и ликвидирован подпольный монастырь. На территории Орджоникидзевского края с центром в г. Буденновске действовал контрреволюционный тихоновско-имяславский церковно-повстанческий центр, ликвидированный во второй половине 1940 года. В ряде районов края этими церковниками были организованы глубоко законспирированные кельи и молитвенные дома, обитаемые, в большинстве своем, беглыми монашескими элементами, беглыми попами и особенно ревностными фанатиками-верующими. Некоторые из них действуют до настоящего времени. Церковники в Буденновском районе развернули свою контрреволюционную клеветническую деятельность, направленную к подрыву колхозного строительства и оборонного могущества СССР. Участники контрреволюционного подполья Лапшин и Никитин в беседах с верующими о подрывной работе внутри колхозов заявили: "... колхозникам нужно разъяснить, что они находятся и закрепостились навечно в руках антихриста. Нужно внушать колхознику порвать это дело и бежать из колхоза"[2].

В начальный период Великой Отечественной войны легальные ленинградские иосифляне держали себя более отчужденно по отношению к военным властям города, чем другие верующие. Первый взнос в 15 тыс. рублей обществу Красного Креста они сделали только 2 ноября 1941 г., но уже к сентябрю 1943 г. внесли на нужды обороны 137 тыс.[3] Патриотический подъем и сплочение верующих в критической обстановке блокадного Ленинграда (более миллиона жителей которого умерло от голода) коренным образом изменили ситуацию.

24 ноября 1943 г. прихожане Троицкой церкви обратились к митр. Алексию с просьбой принять их под свое архипастырское покровительство: "Отделившись от Русской Православной Церкви, руководимой Его Святейшеством Патриархом Московским и Всея Руси Сергием, мы, последователи митрополита Иосифа, совершили великий грех перед Русской Церковью, нарушив ее единство, и одновременно

---

[1]Имяславие — религиозное движение в Русской церкви, возникшее в 1910–1912 гг. в православных монастырях на Афоне (Греция). Имяславцы считали, что человек в силу своей греховности может славить в молитвах не самого Бога, а лишь его имя, требовали с благоговением относиться ко всему, что составляет христианский культ. В 1912–1913 гг. движение монахов было подавлено, их отлучили от Церкви. После Октябрьской революции получило распространение во многих районах страны, участники его выражали в основном монархические, антисоветские взгляды. Имяславцы (несмотря на отлучение) в 1920-е гг. принимались Патриаршей Церковью даже без покаяния. С 1927 г. подавляющее число имяславцев стало активными участниками иосифлянского движения.

[2]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, л. 80.

[3]ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 126, л. 184.

неменьший грех совершили мы и перед Советской властью и Родиной, стремясь поставить себя в какое-то изолированное положение вне государства... Прошедшие годы и особо годы Великой Отечественной войны показали ненужность, несостоятельность существования иосифлян, мы оказались "заблудшей овцой", оторванной от своего стада. Когда все паствы и пастыри других храмов творили горячие молитвы к Господу нашему о даровании победы воинству нашему над ненавистниками всего рода человеческого фашистскими грабителями... и делали посильные денежные вклады в фонд Красного Креста и на нужды обороны Родины нашей, — мы, иосифляне, были в стороне и горько теперь сознавать нам это... "[1]

В тот же день митр. Алексий наложил резолюцию о принятии общины Свято-Троицкого храма в каноническое общение с Патриаршей Церковью. Причём последний иосифлянский священнослужитель церкви иеромонах Павел был лишен монашества и сана "за клятвопреступления перед Богом, измены совести, попрания святости священного служения Богу"[2]. Правда, он долго не смирялся, до 1950-х гг. пытался незаконно совершать требы на ленинградских кладбищах, но затем все же перешел в Патриаршую Церковь и в 1960-е гг. служил псаломщиком в Смоленском кладбищенском храме.

До войны в Ленинграде активно действовали тайные иосифлянские общины. В период блокады они расценивались как вражеские, активно выявлялись и уничтожались органами НКВД. В справке начальника Управления НКВД по Ленинградской области от 1 октября 1942 г. указывалось, что в городе с начала войны вскрыто и ликвидировано 625 контрреволюционных групп и формирований, из них 7 церковно-сектантских[3] "Истинно-православных" власти называли сектантами, так что речь идет, вероятно, именно о них. Пока известна только одна из этих групп — тайная иосифлянская община, существовавшая с 1937 г. в северном ленинградском пригороде Коломяги и возглавлявшаяся проживающим нелегально архимандритом Клавдием (Савинским). В справке Управления НКВД по Ленинградской области, направленной 1 октября 1942 г. в горком ВКП(б), указывалось: "За время Отечественной войны в Ленинграде и Ленинградской области церковники и сектанты активизировали свою подрывную работу... В 1942 г. в пригороде Ленинграда вскрыта и ликвидирована антисоветская организация церковников... В состав этой организации входили бывшие кулаки-церковники, монахини, лица без определенных занятий, приверженцы так называемого иосифлянского церковного течения... Показаниями арестованных установлено, что Савинский и его активные

[1]ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 126, лл. 214–215.

[2]Там же, д. 76, л. 187.

[3]Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.), ф. 24, оп. 2-б, д. 1323, л. 83.

сообщники, создав в местечке Коломяги нелегальную церковь, на протяжении ряда лет совершали тайные религиозные обряды, привлекали через обряды к церковной деятельности чуждые и антисоветские элементы, молодежь и вели среди них антисоветскую агитацию...”[1]

Аресты членов общины продолжались с 17 июня по 14 июля 1942 г. Всего по делу проходило 18 человек. 3 августа Военный Трибунал войск НКВД Ленинградского округа приговорил 3 человек — архимандрита Клавдия, монахиню Евдокию (Дешкину) и А. Ф. Чистякова к смертной казни, а остальных 15 к различным срокам заключения. 12 августа трех осужденных расстреляли. Хотя страшная блокадная зима 1941–1942 гг. и массовая эвакуация многократно сократили иосифлянскую паству в Ленинграде, известны случаи разгрома тайных общин в городе и после октября 1943 г. Так, известный стрельнинский протоиерей Михаил Рождественский, освободившись из Беломорбалтлага, в 1938 г. нелегально поселился в Ленинграде, скрывался у знакомых и служил по ночам. Арестован он был только 19 января 1942 г. на Крещение Господне во время Божественной литургии вместе с другими членами тайной общины. 13 марта Военный Трибунал войск НКВД Ленинградского округа приговорил о. Михаила к 10 годам лагерей, и он находился в заключении под Воркутой до 1955 г.[2]

В период Великой Отечественной войны на оккупированной германскими войсками части Ленинградской области иосифляне нередко легализовали свою деятельность. “Псковская Православная Миссия” воссоединяла их с Московской Патриархией: прот. Алексия Кибардина, диакона Михаила Яковлева, прот. Димитрия Кратирова и др. Последний в 1943 г. был вывезен из Новгорода в Германию. В 1945–1946 гг. он служил настоятелем русского собора в Берлине, община которого перешла в юрисдикцию Московского Патриархата[3].

Подобная ситуация существовала и в других районах страны — на Украине, южных областях России. Так, в Таганроге и Азове в период оккупации активно действовали вышедшие из подполья иоанниты[4]. Они выпускали свои воззвания, сотрудничали в периодических изданиях. После разгрома германских войск многие их руководители ушли на Запад. Некоторые были арестованы и осуждены. Часть иоаннитов снова перешла на нелегальное положение[5].

---

[1]ЦГАИПД СПб., ф. 24, оп. 2-б, д. 1323, л. 87.

[2]Судьба российского священника // Православная Русь (Джорданвилль), 1995, № 14. С. 8–9.

[3]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 130, л. 480.

[4]Иоанниты — группа почитателей св. о. Иоанна Кронштадтского (канонизированного в 1990 г.), доходивших до его обожествления. Патриаршая Церковь порицала их поведение. Иоанниты не приняли советской власти и с 1927 г. влились в иосифлянское движение. Некоторые архиереи-иосифляне рукополагали иоаннитов-мирян в священнический сан.

[5]*Суглобов Г. А.* Союз креста и меча. М.: Воениздат, 1969. С. 91.

Середину 1940-х гг. можно считать фактическим концом иосифлянского движения. Последние его представители окончательно теряют свою обособленность. Значительная часть из немногих выживших в лагерях известных иосифлянских деятелей примирилась с Патриархией — протоиереи Василий Верюжский, Алексий Кибардин, Василий Венустов, Константин Быстреевский и др. За ними последовала и их прежняя паства. Так, в 1945 г. в г. Гатчина под Ленинградом внутри Патриаршей Церкви возникла община бывших иосифлян во главе со священником Петром Белавским, близким когда-то к архиеп. Димитрию.

К таким бывшим иосифлянам представители властей относились недоброжелательно, зачастую даже враждебно. Например, в апреле 1951 г. ленинградский уполномоченный Совета по делам РПЦ А. И. Кушнарев с явным недовольством писал председателю Совета: "... Верюжский, б. настоятель храма "Воскресения-на-Крови", был репрессирован в свое время, как заядлый иосифлянин, и по возвращении в Ленинград ни разу не служил, продолжая оставаться враждебным Советской власти и не желая участвовать в богослужениях, на которых за Советскую власть молятся. Несмотря на это или в уважении к этому патриархия всячески поддерживает Верюжского. Ему дали в Москве ученую степень доктора богословия, первую в Советском Союзе, его усердно желали продвинуть профессором в ЛДА, и только несогласие властей воспрепятствовало этому протежированию... В Москве насчет кафедры Византологии и истории славянских церквей начали действовать очень осторожно. Сначала отдельным решением открыли с осени 1951 года кафедры этого предмета... Потом... стали подыскивать формулу, как протянуть в Академию Верюжского так, чтобы власть это проглядела и пропустила. Выход был найден во временном назначении Верюжского... Таким образом, Верюжский собирается читать лекции"[1].

Бывший настоятель главного иосифлянского храма все же стал профессором Ленинградской Духовной Академии. Однако некоторые примирившиеся с Патриархией священнослужители в конце 1940-х — начале 1950-х гг. были арестованы и осуждены. Так, прот. Алексия Кибардина, с августа 1945 г. служившего настоятелем Казанской церкви в пос. Вырица, арестовали 21 января 1950 г. и приговорили к 25 годам лагерей[2].

Другая часть представителей иосифлянского движения, до конца оставшаяся непримиримой, полностью слилась с катакомбниками, составив в их среде особую традицию. Произошло окончательное разделение "левого" и "правого" крыла иосифлян. К числу непримиримых относилось большинство бывших буевцев. Центральное Черно-

---

[1]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 37, лл. 85–86.

[2]Справка УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области № 34/3–2127 от 6 сентября 1994 г.

земье России — второй по значению регион деятельности иосифлян, стало основной "базой" катакомбников. Это признавали и советские исследователи. Так, например. А. И. Клибанов писал, что "здесь находился наиболее значительный и активный очаг этих течений (ИПЦ и ИПХ), распространявшихся и далеко за пределы Черноземного Центра" (прежде всего Тамбовской, Воронежской, Липецкой, Рязанской областей)[1].

Религиозное возрождение в годы Великой Отечественной войны самым непосредственным образом повлияло и на оживление деятельности "буевцев", тем более что значительная часть их традиционной территории подвергалась оккупации. Особенно заметно это оживление проявилось в Тамбовской и Липецкой областях. На Тамбовщине в 1940-е гг. была предпринята попытка восстановить единую централизованную организацию. Ее организационная и идейная преемственность с иосифлянскими группами начала 1930-х гг. несомненна. Л. Н. Митрохин, изучавший на материале специальных экспедиций Института истории Академии Наук СССР данную проблему, также писал: "Среди деятелей ИПЦ этого времени мы постоянно встречаем или активных буевцев, или людей, в свое время связанных с ними"[2]. Так, отбывшая срок заключения руководительница "буевской" группы в г. Мичуринске (Козлове) в 1931–1932 гг. П. П. Филатова организовала там же новую группу в 1940-е гг.

Воссозданные группы концентрировались вокруг небольших "домашних" монастырей, во главе которых обычно находились монахини. В этих монастырях тайно проводились моления верующих по 10–12 человек. Л. Н. Митрохиным были собраны данные о 98 активистах ИПЦ 1949–1950 гг. в Мичуринске (94 женщинах и 4 мужчинах). Сведения о роде их занятий имелись на 62 человека — 45 являлись монахинями, 8 — бывшими торговцами и 9 не обладали определенными источниками дохода. Лишь 8 человек были моложе 40 лет[3]. Несмотря на преемственность, в деятельности сторонников ИПЦ конца 1940-х гг. уже появились качественно иные черты. Она вся проходила в подполье, в условиях строгой конспирации. Так как до 1940-х гг. в некоторых храмах Центрального Черноземья еще служили представители духовенства, не поминавшие советскую власть и митрополита Сергия (Страгородского), эти церкви посещали и иосифляне. К концу войны таких храмов уже не осталось, во вновь открывшиеся церкви пришли исключительно священнослужители, признававшие Московскую Патриархию, в том числе и некоторые "буевцы". Последователи ИПЦ остались с относительно небольшим количеством священников и

---

[1] *Клибанов А. И.* Конкретные исследования современных религиозных верований (Методика, организация, результаты). М.: Мысль, 1967. С. 13.

[2] *Митрохин Л. Н.* Реакционная идеология "истинно православной церкви" на Тамбовщине. С. 154.

[3] Там же. С. 155.

почти без иерархов. Полное прекращение легальной деятельности способствовало отказу не только от государственной регистрации общин верующих и духовенства, но и от выполнения ряда других советских законов: участия в выборах, различных общественных мероприятиях, праздновании революционных праздников, подписке на займы и т. п. В 1950–1951 гг. большинство групп ИПЦ в Тамбовской области было разгромлено органами госбезопасности, лишь немногие из них, в основном в городах, сохранились к началу 1960-х гг.[1]

Параллельно с угасающим движением ИПЦ на Тамбовщине в 1940–1950-е гг. активно действовали и гораздо более многочисленные группы ИПХ, включившие в свой состав и многих бывших буевцев мирян. Историк З. А. Никольская, изучавшая "истинно-православных христиан" Тамбовской области, отмечала, что в 1932 г. в селах Отъясы и Малые Пупки Сосновского района существовали организации ИПЦ, к началу 1940-х гг. они в основном распались и к середине десятилетия на их основе возникли группы ИПХ. Подобный процесс происходил в с. Кочетовке Хоботовского района, с. Чутановке Кирсановского района и др.[2]

Значительная активизация тамбовских ИПХ происходила во многом под непосредственным воздействием и руководством их липецких единомышленников. В этой области влияние иосифлян в лице буевцев в 1930-е гг. было слабее. "Истинно-православные христиане" имели здесь своими руководителями священнослужителей епископа Уара (Шмарина) и свящ. М. Венцова, арестованных в 1935 г. Последний из них — архимандрит Митрофан — служил в Липецке до 1943 г., когда был арестован за "антисоветскую проповедь".

В Воронежской области — бывшем центре буевщины — катакомбные общины с 1943 по 1966 гг. возглавляли известные иосифлянские деятели — архимандрит Никандр (Стуров), иеромонах Анувий (Капинус) и протоиерей Иоанн Андриевский. Первые два из них были освобождены из лагеря в 1943 г. и сразу же поселились в только что освобожденном от фашистов Воронеже. В дальнейшем иер. Анувий был посажен вторично.

С 1956 г. воронежских катакомбников возглавлял вернувшийся из ссылки прот. Иоанн Андриевский, принявший вскоре монашеский постриг с именем Иларион. В том же году из лагеря был освобожден и иеромонах Анувий, он также вернулся в Воронеж и был там тайно пострижен в схиму с именем Амвросия. 26 июня 1961 г. скончался иеромонах Иларион, перед смертью вручив церковные ключи управления о. Амвросию со словами: "Со дня раскола Церкви каноническое Православие не было прервано, эта золотая ниточка жива, все цер-

---

[1] *Митрохин Л. Н.* Реакционная идеология "истинно православной церкви" на Тамбовщине. С. 155–162; *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. С. 189.

[2] *Никольская З. А.* К характеристике течения истинно православных христиан. С. 167.

ковные дела передаю вам до появления православного епископа. А искать такового надо!"[1] Вплоть до своей смерти 14 октября 1966 г. иеромонах Амвросий (Капинус) окормлял Воронежскую и ряд других общин, оставшихся без священников. Канонического тайного епископа ему найти так и не удалось. Монахиня Маргарита (Чеботарева) позднее вспоминала, что с 1966 г. "в Воронеже православных катакомбных священников уже не было. С требами приходилось ездить по всем сторонам. Бывало, попадали и на неканонических, сомнительных и самозванцев..."[2].

Крупнейший центр иосифлянского движения — Ленинград — утратил после окончания войны подобное значение для ИПЦ. Сказались особенно жестокие репрессии, усиленный контроль за религиозной жизнью северной столицы и массовая смертность в Ленинграде и пригородах в период блокады. Население города на Неве по сравнению с довоенным существенно обновилось, однако полностью искоренить катакомбные общины в нем властям не удалось. Большую группу сторонников ИПЦ возглавлял освобожденный в 1955 г. из лагеря упоминавшийся протоиерей Михаил Рождественский — брат о. Измаила Рождественского. Из 28 тайных архиереев иосифлянского поставления подавляющее большинство погибло еще в 1930–1940-е гг. и лишь двое указанных дожили до 1960-х гг.[3]

В Ленинграде после войны было три основных места поклонения сторонников ИПЦ — захоронения святых Иоанна Кронштадтского, Ксении Петербургской и большой мозаичный образ распятого Христа на стене знаменитого храма Воскресения Христова. В конце 1940-х — 1950-е гг. к ним постоянно совершалось паломничество, нередко из отдаленных мест России и зарубежья. В антирелигиозной книге 1992 г. издания признавалось существование последователей ИПЦ, "организованной" митр. Иосифом (Петровых), и подчеркивалось: "Примером наглого и беззастенчивого нарушения советского законодательства является организация паломничества верующих к бывшей церкви "Спаса-на-Крови." Указывалось, что возле образа Христа появились горшочки с живыми цветами, на гвоздиках и выступах — расшитые полотенца и яркие ленты. Постоянно стоявшие там женщины рассказывали о чудесах, знамениях и случаях, происходивших у образа Христа Распятого, в том числе о стонах убиенных. А в одну из Пасхальных заутрен вокруг здания храма был устроен крестный ход с зажженными свечами и пением Пасхальных тропарей[4].

---

[1] *Маргарита (Чеботарева), монахиня.* Катакомбные исповедники // Возвращение, 1993, № 2. С. 26.

[2] Там же. С. 26.

[3] Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 278; *Сиверс Амвросий.* Истоки и связи Катакомбной Церкви в Ленинграде и области (1992–1992 гг.). С. 27–28.

[4] *Юдин Н. И.* Правда о петербургских "святых". Л., 1992. С. 118–119.

В срочном порядке в соборе начали реставрацию, его покрыли лесами, обнесли глухим высоким забором, который убрали лишь недавно.

Деятельность нескольких десятков, а возможно и сотен бывших иосифлянских общин, влившихся в катакомбное движение под названием ИПЦ, прослеживается до 1970-х гг. Причем нередко она выходила за границы прежнего ареала распространения, в основном в восточном и южном направлениях (перемещаясь в места ссылок, депортаций и т. п.). Так, в февральской 1961 г. докладной записке Управления КГБ по Карагандинской области в ЦК КПСС обращалось внимание на активизацию ИПЦ с середины 1950-х гг. В августе–сентябре 1956 г. в г. Темиртау и трех районах Караганды были организованы общественные суды над 41 активистом, в том числе 6 руководителями групп. Больше половины из них были приговорены к выселению из области на 5 лет. Некоторые члены общин были лишены родительских прав. Алма-Атинская киностудия сняла специальный агитационный фильм "Душа из мрака". Однако и в начале 1960-х гг. деятельность нелегальных групп ИПЦ в 5 рабочих поселках и г. Темиртау общей численностью более 250 человек продолжалась. Несмотря на репрессии, существовали тайные монашеские женские общины, молитвенные дома. Довольно крупный подпольный монастырь имелся на станции Металлургической. "Истинно-православные" уклонились от переписи 1959 г., отказывались от получения советских документов, службы в армии, участия в общественной жизни. Они имели связи с подпольем ИПЦ в Тамбовской, Харьковской и Горьковской областях. В сентябре 1960 г. по карагандинским общинам органами госбезопасности был нанесен сильнейший удар — практически все их руководители были арестованы[1].

В советской, а затем и в зарубежной историографии в последние десятилетия, прежде всего под влиянием исследований А. И. Демьянова, утвердилась точка зрения, что ИПХ и ИПЦ — это не самостоятельные течения, а одно общее, и двух параллельных организаций в "истинном православии" никогда не существовало. А наименование "истинно-православные христиане" употреблялось по отношению к тем общинам, которые не имели священников. Поскольку очень редко удавалось заменить арестованного священнослужителя, все большее число катакомбных приходов превращалось в группы мирян-ИПХ[2]. Пришедший к почти такому же выводу эмигрантский историк М. Бернштам, к примеру, писал: "В 1920-е — 1930-е годы, когда год за годом насильственно прерываются даже тайные связи сельских православных общин тихоновской ориентации в Центральном Черноземье с иерархией

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 190, лл. 32–33, 36.

[2]*Демьянов А. И.* Истинно православное христианство. С. 13–14; *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 314.

и священством той же ориентации в религиозных и административных центрах, а ... потом с 1945 года, когда после смерти Патриарха Сергия часть членов иосифлянских групп и Катакомбной Церкви столиц признает Московскую Патриархию и Патриарха Алексия, — сельские истинно-православные группы в Тамбовщине, Воронежской, Липецкой и Рязанской областях остаются без священников и выделяются в самостоятельные и сепаратные внецерковные православные организации..."[1]

Однако, когда А. И. Демьянов в 1970-х — начале 1980-х гг. проводил свои исследования в Центральном Черноземье, различия между ИПЦ и ИПХ уже практически полностью стерлись. Но и он был вынужден отметить, что в некоторых районах "все еще сохранилось ничем не обоснованное деление" на эти течения, существовали и существуют "истинно-православные", "именующие себя последователями ИПЦ"[2].

В период религиоведческо-социологических экспедиций Института истории Академии Наук СССР конца 1950-х — начала 1960-х гг. граница между ИПХ и ИПЦ еще была более четкой, и участники экспедиций без колебаний считали их отдельными движениями, в то же время подчеркивая идеологическую и генетическую связь. Они полагали, что группы ИПХ появились впервые только в годы Великой Отечественной войны, сначала в Рязанской, Воронежской, Липецкой, а с 1947 г. и в Тамбовской областях в среде крестьян-единоличников. А. И. Клибанов писал, что "на позднем этапе существования ИПЦ из нее выделилось течение ИПХ, и оно в религиозном наследии ликвидированного класса кулачества почерпнуло больше, нежели в идеологии тихоновщины-буевщины"[3]. То есть отмечалось, что у истоков будто бы возникшего нового движения стоят, помимо ИПЦ, и катакомбные группы 1930-х гг. Указывалось также на параллельное существование ИПХ и ИПЦ в 1940–1960-е гг.[4]

А. Клибанов, З. Никольская и Л. Митрохин сделали свои выводы только на материале одного своеобразного локального региона, и поэтому в них вкрались ошибки. Дело в том, что в Центральном Черноземье в конце 1920-х — 1930-х гг. среди "истинно-православных" полностью доминировали иосифляне-буевцы. Группы же ИПХ в тот период были немногочисленны и имели очень ограниченное количество священнослужителей. Когда же в 1940-е гг. начался значительный рост этих групп, в том числе и за счет бывших "буевцев", то у части советских исследователей сложилось неверное представление, что родилось новое движение. В других регионах — например, на Урале, в Башкирии, где влияние иосифлян почти не ощущалось и

[1] *Бернштам М.* Стороны в гражданской войне 1917–1922 гг. С. 273.

[2] *Демьянов А. И.* Указ. соч. С. 70; *Его же.* Критика идеологии истинно православного христианства. С. 15.

[3] *Клибанов А. И.* Современное сектантство в Тамбовской области. С. 95.

[4] См.: *Никольская З. А.* Указ. соч.; *Митрохин Л. Н.* Указ. соч.

большая часть катакомбного духовенства еще в 1930-е гг. принадлежала к ИПХ, существовала другая ситуация. На материале большинства республик и областей СССР сделать вывод о рождении в период Великой Отечественной войны "внецерковного православного движения" было бы невозможно. О действовавших с 1918 г. катакомбниках или "истинно-православных христианах" (термин, введенный архиеп. Андреем (Ухтомским)) и их непростых отношениях со сторонником митр. Иосифа будет рассказано в следующей главе.

§ 2. *Катакомбное движение*

В истории имелось достаточно много примеров, когда в каком-нибудь государстве существовала нелегальная Христианская Церковь. Прямым же прецедентом ситуации, сложившейся в СССР, являлось положение Католической Церкви во Франции времен Великой революции. Появившиеся там общины так называемого "неприсягнувшего священства" не приняли решений революционных гражданских властей и подверглись жестоким репрессиям. Они также не признали легитимность Наполеона I и его конкордат с Ватиканом и отказались от общения с официальным клиром. Когда вернувшиеся Бурбоны попытались урегулировать положение Церкви, некоторые общины вышли из подполья, но нормализации отношений между ними и церковными властями так и не произошло. Имеются сведения, что отдельные группы "неприсягнувшего священства" просуществовали до франко-прусской войны, а затем вымерли или слились со старокатоликами[1].

Эти события очень напоминают историю деятельности катакомбного движения в СССР, хотя и характеризуются значительно меньшим размахом и продолжительностью. Первые тайные православные общины появились в советской республике уже вскоре после Октябрьской революции — в 1918 г., вслед за выходом январского воззвания Патриарха Тихона, предававшего анафеме гонителей Церкви. Ярко проявившее себя в годы гражданской войны крестьянское повстанчество в России возникло во многом на религиозной почве. Советские исследователи даже полагали, что следствием январского 1918 г. воззвания Патриарха явились 1414 восстаний и выступлений верующих[2]. Вероятно, эта цифра сильно завышена. Однако подобная связь была. Так, очевидец крестьянского восстания в Тамбовской губернии эмигрантский историк К. Криптон в своих работах привел много доказательств его религиозного характера[3]. И в Центральном Черноземье России

---

[1] См.: *Ревуненков В.* Очерки по истории Великой французской революции. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.

[2] *Клибанов А. И.* Современное сектанство в Тамбовской области. С. 92.

[3] *Криптон К.* К вопросу исторического прошлого Русской Православной Церкви // Вестник РХД, № 118, 1976. С. 91; *Его же.* О тамбовском восстании 1921 г. Из записок очевидца // Вестник РХД, № 121, 1977. С. 361–362.

тайные общины верующих появились именно в период восстаний "Союза Трудового Крестьянства", деятельности отрядов А. С. Антонова и И. Колесникова 1918–1922 гг., впервые в Кирсановском, Моршанском и Борисоглебском уездах[1].

Возникновение обновленчества как господствующего течения весной 1922 г. стало основной причиной появления тайных церквей, где службы проходили нелегально, уже в значительной части районов страны. Ушли в "катакомбы" также выступавшие против изъятия церковных ценностей и "ревнители" Православия, вошедшие в конфликт с Патриархом Тихоном и митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским), которые (по мнению этих катакомбников) соглашались на заключение компромиссов с безбожной властью. Практическим создателем сети нелегальных приходов и монастырей выступила влиятельная даниловская группа архиереев (наименование по нахождению в Свято-Даниловом московском монастыре), возглавляемая архиепископом Волоколамским Феодором (Поздеевским). Эта группа стала оппозицией не только обновленцам, но и пошедшему на компромиссы Патриарху и создала в 1923 г. так называемый "параллельный Синод" ввиду "недостаточной" эффективности Патриаршего Синода[2]. С даниловцами был связан и архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский), который совершил в 1920-е гг. хиротонии (вместе с другими архиереями) более 10 тайных епископов[3].

На северо-западе России катакомбников возглавили епископ Стефан (Бех) и схиепископ Макарий (Васильев), поставленный в 1923 г. архиеп. Андреем (Ухтомским). Макарий был настоятелем Воскресенского монастыря (Макарьевской Пустыни) в Новгородской губернии, в определенной степени игравшего роль и авторитетного общероссийского центра ИПХ. В 1925 г. указанные лица не признали избрание Патриаршим Местоблюстителем митр. Петра (Полянского), продолжая свое основное служение тайно.

И все же до 1927 г. катакомбных общин было неизмеримо меньше легально действующих приходов Русской Церкви. Значительную часть их составляли враждебно настроенные по отношению к советской власти полусектантские группы верующих. Особенное распространение они получили в Центральном Черноземье. Этому способствовал ряд социально-экономических факторов: особенно высокий процент сельского населения (90,5% в 1927 г.); сильное снижение жизненного уровня и падение урожаев после гражданской войны; глубокие традиции свободы и независимости, связанные с меньшим, чем

[1] *Бернштам М.* Стороны в гражданской войне 1917–1922 гг. С. 272.

[2] *Сиверс Амвросий.* Государство и "катакомбы". С. 1–2.

[3] См.: *Зеленогорский (Гринберг) М.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (Ухтомского). М.: Терра, 1991.

в большинстве других районов Европейской России, распространением крепостного права; длительное вооруженное сопротивление советской власти местного населения; полный провал агитации обновленцев[1].

В середине 20-х гг. в Центральном Черноземье уже активно действовали группы федоровцев, чердашников, самарян, еноховцев и др. По их представлениям Бог есть дух, способный перевоплощаться в людей. У федоровцев он якобы воплощался в монаха Феодора (Рыбалкина), у чердашников — Николая Хакилева, у николаевцев — в Николая II, у иоаннитов — в о. Иоанна Кронштадского, у михайловцев — в Михаила Ершова и т. д.[2]

Одной из первых в 1921 г. в Никитовском уезде (ныне Белгородской области) возникла основанная мирянином Поддубным группа "Правильный путь ко спасению". Она была маленькой и насчитывала около 300 человек. Наибольшее распространение в южных районах Центрального Черноземья получило движение федоровцев, созданное к середине 1920-х гг. монахами Ново-Донского монастыря. Его сторонники предсказывали возвращение белых и неизбежное падение советской власти. Монах Феодор также объявлял, что светопреставление и приход "белого воинства во главе с архангелом Михаилом" свершится в новогоднюю ночь 1926 г. В следующем году в связи с проведением переписи населения в различных катакомбных группах вновь возобновились проповеди конца света. Федоровцы считали, что антихрист пришел в мир в 1917 г., но царствовал только до 1922 г., когда свершилось второе пришествие Христа на землю и началось 1000-летнее царство. Движение было в основном разгромлено в 1928 г., его руководители предстали на судебном процессе. Но полностью оно не исчезло, действуя в подполье до 1970-х гг. В Тамбовской губернии к 1925 г. в Уметском уезде появилась группа во главе с мирянином Ермошкиным, у которой в роли воплощенного Христа выступал младенец — сын руководителя и т. д.[3]

Помимо Центрального Черноземья в начале-середине 1920-х гг. возникли группы "истинных" в Татарской и Мордовской АССР, евлампиевцев в Брянской области, ерофеевцев в Вологодской, скрытников и васильевцев в Иваново-Вознесенской. В период коллективизации, церковных расколов конца 1920-х гг. все они значительно расширили свою деятельность. Часть подобных групп Центрально-Черноземной области (ЦЧО) — имяславцы, иоанниты, стефановцы, "Ревнители церкви" — влилась в возникшее иосифлянское буевское движение. Но некоторые остались самостоятельными, не согласившись с рядом пунктов программы иосифлян. Так, например, широкую пропаганду своих взгля-

---

[1] *Демьянов А. И.* Истинно православное христианство. С. 16–17; *Клибанов А. И.* Указ. соч. С. 60–69.

[2] *Демьянов А. И.* Критика идеологии истинно-православного христианства. С. 8

[3] *Его же.* Истинно православное христианство. С. 19, 81, 85–86; Клибанов А. И. Указ. соч. С. 94.

дов вели чердашники. Одетые в длинные черные одежды, они ходили от села к селу и агитировали против колхозов за торжество "царства Бога на земле". В 1930 г. ОГПУ на юге ЦЧО раскрыла подпольную религиозную организацию, имевшую связи с Северным Кавказом, Кубанью и Украиной, которая использовала "чудесно спасшихся" членов царской семьи[1].

Эти группы в конечном итоге вошли в движение "истинно-православных христиан". Оно окончательно оформилось также в 1927–1928 гг. Вскоре после опубликования "Декларации митр. Сергия" по всей стране развернулся переход на нелегальное положение сотен приходов и монастырей. Помимо иосифлянского в СССР возникли даниловский, мечевский и украинский уклоны "непоминающих". Уже упоминавшаяся даниловская группа включала более 10 архиереев. Мечевцы получили свое название по фамилии влиятельного московского протоиерея Сергия Мечева. К ним относились еп. Серпуховский Арсений (Жадановский), еп. Дмитровский Серафим (Звездинский), еп. Ковровский Афанасий (Сахаров) и еще 3–4 архиерея. В украинскую группу входили в основном иерархии, проживавшие в Киевской и ближайших епархиях (5–6 человек), возглавлял их схиархиепископ Таврический Антоний (Абашидзе). Кроме того, существовали отдельные "непоминающие" архиереи, стоявшие вне этих уклонов. Так, значительное число священнослужителей было андреевцами или кирилловцами, то есть шло за архиеп. Андреем (Ухтомским) и митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым)[2].

Большинство "непоминающих", не порывая молитвенного общения, старались обособиться от митр. Сергия и находиться в стороне от церковной жизни, оставаясь в рамках легальности. Эти архиереи, уходя от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, в сущности, уходили за штат, в архивах почти нет сведений, чтобы они рукополагали других священников или епископов. Иную тактику выбрали значительная часть даниловцев и андреевцы. Весной–летом 1928 г. они провели тайный "Кочующий собор", который в итоговом определении объявил сторонников митр. Сергия еретиками, безблагодатными и предал их анафеме. "Сергианство" наряду с обновленчеством было признано тяжелейшей экклезиологической ересью, разрушающей все догматическое понимание Церкви Христовой[3]. Таким образом завершилось идеологическое оформление движения ИПХ.

Основной идеологемой "истинно-православных христиан" был ан-

---

[1] *Никольская З. А.* К характеристике течения так называемых истинно православных христиан. С. 164–165; *Демьянов А. И.* Истинно православное христианство. С. 20.

[2] См.: *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917–1945; Центральный государственный архив общественных организаций Украины, ф. 263, оп. 1, д. 66923.

[3] *Сиверс Амвросий.* Истоки и связи Катакомбной Церкви в Ленинграде и области (1922–1922 гг.). С. 3–4.

тикоммунизм, имевший специфический религиозный характер. "С самого начала на всех уровнях: от епископов до малограмотных старух... утвердился взгляд на сов. власть как на власть антихриста, а на Ленина как на сущего антихриста". Красная пятиконечная звезда была понята как физическая печать антихриста. Невозможность участия катакомбников в любых советских общественных организациях также объяснялась желанием не поклоняться антихристу. Отказ от регистрации, советского паспорта, участия в выборах диктовались теми же соображениями. Важными пунктами в идеологии ИПХ были запреты на членство в колхозах, службу в советской армии и нежелательность любой государственной службы. Колхозы трактовались как "антихристовы учреждения", образующие новую форму жизни крестьян, поклонившихся дьяволу. Многие деревенские катакомбники, не желая участвовать в "грехах безбожников", отказывались даже от радио и электричества. Иосифляне до такого, как правило, не доходили; лишь часть из них была монархистами. Среди ИПХ монархизм доминировал, хотя он и заключался "преимущественно в оплакивании рухнувшего дореволюционного порядка и опасении в появлении "лже-царей"[1].

Еще одним краеугольным камнем идеологии "катакомб" являлось абсолютное отрицание Московской Патриархии и всех с ней какимлибо образом сообщающихся. В мистическом видении она трактовалась как "вавилонская блудница, сидящая на красном звере", катакомбное движение как "жена, бегущая в пустыню от дракона". С 1928 г. у катакомбников установилась форма возгласа "О еже избавити люди своя от горькия мучительства безбожныя власти"[2]. Это все означало явный раскол.

Уже в 1930–1933 гг. по всему СССР была проведена кампания ликвидации широко распространившихся общин "истинно-православных христиан". Так, в феврале 1932 г. была закрыта Макарьевская пустынь, всех ее монахов арестовали. Был арестован и приговорен к трем годам лагерей и схиеп. Макарий. Сильный удар нанесла и проводившаяся в 1933 г. паспортизация. Именно в это время в "катакомбах" возникло движение "беспаспортников". Почти все служившие тайно архиереи благословили советские паспорта не брать, так как при оформлении документов выявлялись "бывшие", подлежавшие репрессиям. Одновременно отказ от паспорта трактовался как отрицание печати антихриста и объявление себя негражданином СССР. В 1932 г. был арестован и выслан, а в 1934 г. заключен в политизолятор архиеп. Андрей (Ухтомский). Его расстреляли 4 сентября 1937 г.[3]

---

[1] *Сиверс Амвросий.* Государство и "катакомбы". С. 5.

[2] Там же. С. 7.

[3] *Краснов-Левитин А.* Лихие годы 1925–1941. С. 222; *Мещерский Н. А.* На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною... С. 102–106; Справка Управления ФСБ РФ по Ярославской области № 10 / 320 от 21 июня 1995 г.; Справка Главного информационного центра МВД Российской Федерации № 34/3-2127 от 6 сентября 1994 г.

Второй удар по ИПХ пришелся на 1937–1938 гг., когда выявлялись скрывавшиеся в подполье священнослужители и уничтожались отбывавшие сроки заключения руководители антисергиан. Но несмотря на все гонения деятельность "истинно-православных" продолжалась. Освобожденный в 1935 г. из лагеря схиеп. Макарий (Васильев) вновь возглавил катакомбные общины северо-запада России. "По его собственным словам, в течение более 10 лет он не ночевал подряд двух ночей в одной и той же квартире. С большими предосторожностями и постоянной опаской и оглядкой он скитался из селения в селение, из одного города в другой, работал у крестьян в колхозах в качестве пастуха. Он имел многочисленных духовных чад — мирских, тайных монахов и тайных священников. Шутя говорил, что у него была своя духовная семинария и академия, он тайно готовил людей к принятию священнического сана"[1]. Действительно, почти до начала Великой Отечественной войны Макарий курировал своеобразную тайную семинарию, в которую приезжали слушать лекции и из очень отдаленных мест. Преподавали в ней, по данным архивов, периодически даже такие известные профессора, как И. Андреевский, философы С. Аскольдов и А. Мейер[2]. Одна из подобных подпольных семинарий была раскрыта и разгромлена НКВД в 1938 г. в Москве.

Следует отметить, что в 1930-е гг. произошло очень сильное изменение состава катакомбников. Если в конце 1920-х гг. в подполье находились лишь ИПХ и часть иосифлян, то теперь они стали составлять меньшинство. Катакомбность не обязательно означает непримиримость. Этот термин охватывает всякую неофициальную и поэтому не контролируемую государством церковную деятельность. В 1930-е гг. из-за закрытия почти всех православных храмов самую многочисленную часть катакомбников составили верующие, никогда не порывавшие с митр. Сергием. Они ушли в подполье только потому, что открытое совершение религиозных обрядов стало невозможным, и когда положение изменилось (после 1943 г.), восстановили с избранным Патриархом Сергием каноническую связь и литургическое общение. В "катакомбы" были вынуждены уйти и умеренные группы "непоминающих", они в большинстве считали отход от Московской Патриархии временным явлением, что и подтвердилось в дальнейшем[3].

Годы Великой Отечественной войны стали переломными для катакомбников. Ее начало было положительно воспринято значительной частью ИПХ. "Истинно-православные" были не пацифистами, а сторонниками всяких, в том числе вооруженных форм сопротивления. Отношения их с оккупационными германскими властями складывались по-разному. На северо-западе России катакомбники в основном предпочитали оставаться в подполье. Дело в том, что существовав-

---

[1] *Польский М.* Указ. соч. Т. 2. С. 285.

[2] *Сиверс Амвросий.* Истоки и связи Катакомбной Церкви в Ленинграде и области (1922–1992 гг.). С. 7.

[3] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 174.

шая в 1941–1943 гг. с разрешения командования группы армий "Север" "Псковская Православная Миссия", принадлежавшая в каноническом отношении к Московской Патриархии, пыталась выявлять тайные общины. Поселившийся в конце 1941 г. в Псково-Печерском монастыре схиепископ Макарий предсказывал неудачное окончание войны для Германии. Вместе с тайным епископом Псковским Иоанном (Ложковым) он попытался связаться с митрополитом карловацким Берлинским и Германским Серафимом (Лядэ). Однако посланный ими иеромонах Никифор (фон Рихтер-Меллин) был ссажен в Кенигсберге с поезда и отправлен обратно[1].

Американский историк И. Андреев (Андреевский) писал, что несмотря на настойчивые требования экзарха Прибалтики "истинно-православные" священники, начавшие служить в некоторых из открывшихся храмов, отказывались поминать Патриаршего Местоблюстителя: "Так, напр., в г. Сольцы Новгородской епархии митрофорный протоиерей о. В., бывший благочинный церквей города Минска, а затем ставший катакомбным священником, несмотря на строжайший приказ благочинного Новгородского района о. Василия Рушанова... категорически отказался поминать Сов. Митрополита Сергия. Это было в 1942 г. А в 1943 и в 1944 гг. о. В. стал тайно поминать Митрополита Анастасия" (главу карловчан)[2].

То, что большая часть общин ИПХ Ленинградской области в период оккупации осталась в подполье, позволило им продолжить свою деятельность и после окончания войны, несмотря на смерть основных руководителей. В ночь на 1 апреля 1944 г. схиеп. Макарий был убит осколком бомбы, сброшенной с советского самолета при бомбардировке г. Печоры, еп. Иоанн (Ложков) скончался 3 декабря 1945 г.

В ряде других районов страны германское командование более благосклонно относилось к катакомбникам — в Брянской, Орловской, Воронежской областях, а также в Белоруссии, Крыму и на Дону. Там они зачастую выходили из подполья. В г. Мозырь Гомельской области начал служить и открыто рукополагать во священники вышедший из подполья архиерей. В Житомире вскоре после прихода немцев организовал приход катакомбник архимандрит Леонтий (Филиппович). Вскоре он был посвящен во епископы и вошел в состав автономной Украинской церкви и т. д. Часть наиболее непримиримо настроенных к Московской Патриархии катакомбников сотрудничала с оккупационной администрацией. А в Центральном Черноземье и Брянской области были созданы антисоветские вооруженные формирования во главе с "истинно-православными" — Каминским, Воскобойниковым и другими. После отступления вермахта немалая часть ИПХ ушла на Запад,

---

[1] *Сиверс Амвросий.* Указ. соч. С. 7.

[2] *Андреев И.* О положении Православной Церкви в Советском Союзе. Катакомбная Церковь в СССР. С. 13.

в том числе и вступившие в известную бригаду Каминского (сам он был в конце концов расстрелян фашистами)[1].

Советские власти с началом войны заняли по отношению к находящимся в подполье общинам и священнослужителям жесткую позицию. Уже говорилось о репрессиях в отношении иосифлян в блокадном Ленинграде. Документы органов госбезопасности по Костромской области также свидетельствуют о подобных акциях. Так, 25 декабря 1941 г. был арестован священник с. Сидоровское А. Богословский, в 1935 г. порвавший с митр. Сергием. Он обвинялся в том, что "привлекал" в нелегальную моленную на своей квартире верующих, которых "обрабатывал в антисоветском духе", "восхвалял фашизм" и т. п. На допросе о. Александр отвечал: "Виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю, так как среди приходящих ко мне лиц пораженческой агитации я не вел, так как я не сторонник немцев и объяснял присутствующим, что немцы нам не братья по крови, по духу... В разговоре о поддержании защиты отечества в настоящей войне я присутствующим у себя на квартире высказывал свои чувства, что для меня отечество является злой мачехой ... все же считаю своим христианским долгом свое отечество защищать". Однако Богословского приговорили к высшей мере наказания и 14 мая 1942 г. расстреляли[2]. 28 августа 1942 г. в г. Нерехта арестовали активного члена тайной монашеской общины, духовную дочь "непоминающего" архиеп. Варлаама (Ряшенцева) М. Чернову. Ей предъявили обвинение в "антисоветской агитации среди церковников", но 25 сентября дело прекратили за отсутствием состава преступления, и Чернову освободили. В 1943 г. был арестован тайный бродячий священник Ф. Смирнов, по показаниям свидетелей, "активный церковник до фанатизма". Военный трибунал войск НКВД Ярославского гарнизона приговорил его к 8 годам лишения свободы и т. д.[3] Сам архиеп. Варлаам, арестованный в 1941 г. и приговоренный к 10 годам заключения, скончался 20 февраля 1942 г. в тюрьме № 1 г. Вологды.

В Подмосковье к 1941 г. действовало не менее 10 катакомбных священнослужителей. Часть из них — протоиерей Петр Шипков, архимандриты Иеракс (Бочаров) и Серафим (Батюков) признавали духовный авторитет епископа Афанасия (Сахарова). С началом войны они заняли в целом патриотическую позицию. Одна из прихожанок архим. Серафима, тайно служившего в Загорске, вспоминала. "На вопрос "Кто победит?", который задавали ему все, он отвечал: "Победит Матерь Божия". Многие задавали вопрос — как молиться об исходе

---

[1] *Алексеев В. И., Ставру Ф. Г.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение, 1981, № 16. С. 105; *Сиверс Амвросий.* Государство и "катакомбы". С. 13–14.

[2] Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО), ф. 3656, оп. 2, д. 2411-с.

[3] Там же, д. 2413-с, лл. 50–54.

войны. Батюшка отвечал: "Молитесь: да будет воля Твоя!"... "Ни один христианин такого креста не примет", — сказал батюшка и начертал в воздухе знак свастики"[1]. Архимандрит умер 19 февраля 1942 г. А остальных священнослужителей этой группы выследили и арестовали 6 ноября 1943 г. Через день, 7 ноября, в г. Ишиме был арестован находившийся в бессрочной ссылке в Омской области еп. Афанасий. Все они обвинялись в групповой контрреволюционной деятельности в составе общесоюзной организации "Антисоветское церковное подполье". По этому сфабрикованному делу кроме владыки Афанасия, прот. П. Шипкова, архим. Иеракса проходили также монахиня Ксения (Гришанова) и Н. В. Тропани, оставившая подробные воспоминания. 14 июля 1944 гг. их приговорили к 5–8 годам заключения и отправили в Мариинские лагеря (Кемеровская область)[2].

Преследования тайных священнослужителей особенно усилились с осени 1943 г. Советские власти наряду с радикальным улучшением отношения к Московской Патриархии в 1943–1946 гг. попытались окончательно разгромить "катакомбы", что им почти удалось. В 1944 г. большинство выявленных "истинно-православных" на неоккупированной европейской части СССР было депортировано или заключено в лагеря, в последующие два года происходило жесткое преследование их на бывших оккупированных территориях. В "особой папке" И. Сталина, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации, содержится документ о депортации ИПХ в 1944 г. Л. Берия 7 июля в своем секретном письме вождю отмечал, что на территории Воронежской, Орловской, Рязанской областей было выявлено несколько организаций "истинно-православных христиан", но арест активных участников не оказал должного воздействия на других членов и поэтому целесообразно провести массовое выселение этих людей в Омскую, Новосибирскую области и Алтайский край. И 15 июля 1673 человека одновременно из 87 населенных пунктов насильственно переселили на восток[3].

Это был, вероятно, единственный пример массовой депортации русского населения в тот период. Он свидетельствует о том, что деятельность ИПХ всерьез беспокоила высшее руководство страны. К нему стекались неутешительные сведения о значительном росте влияния катакомбного движения в первые годы войны. Так, в июньском 1943 г. спецсообщении начальника Управления НКГБ по Пензенской области говорилось о деятельности более 20 нелегальных и полулегаль-

---

[1]Два портрета (по воспоминаниям *В. Я. Васильевской*. Катакомбы XX века). Сообщения В. Глазова // Вестник РХД, 1972, № 106. С. 498.

[2]*Тропани Н. В.* Воспоминания. Владимир, 1965. Рукопись. С. 5–7; *Апушкина Е. В.* Воспоминания. Владимир, 1962. Рукопись. С. 25–26; *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. С. 355–360.

[3]ГАРФ, ф. Р-9401сч, оп. 2, д 65, лл. 305–306.

ных групп, устраивавших моления на частных квартирах[1]. В некоторых регионах таких групп насчитывались сотни. В докладной записке председателя Совета по делам РПЦ Г. Карпова В. Молотову от 5 октября 1944 г. подчеркивалось: "В областях с незначительным количеством действующих церквей и в районах, где нет церквей, отмечается массовое распространение групповых богослужений в домах верующих или под открытым небом... причем в этих случаях для совершения обряда верующими приглашается не состоящее на регистрации духовенство... В своей значительной части актив таких церковных незарегистрированных групп и духовенство, в них состоящее, оппозиционно настроены по отношению к легальной патриаршей православной церкви, осуждая последнего за лояльное отношение к советской власти и за патриотические позиции в своей деятельности. Большое количество верующих-фанатиков, находясь под влиянием этих групп... в своих настроениях резко отличаются от групп верующих, находящихся под влиянием патриотически настроенного духовенства легальной церкви. Это же положение влечет за собой всякого рода "рецидивы" значительного оживления религиозных настроений в виде так называемого "обновления" икон, распространения "святых", писем ... а также агитации о гонении в СССР на религию и церковь"[2].

Но уже в скором времени ситуация изменилась. Появившиеся возможности легально совершать религиозные обряды, открывать храмы способствовали постепенному возвращению в окрепшую Московскую Патриархию ее паствы, вынужденно ушедшей в 1930-е гг. в подполье. Власти подстегивали этот процесс. Согласно свидетельству историка И. Андреева, после интронизации Патриарха Алексия в феврале 1945 г. духовенство, находившееся в лагерях, прошло специальную "перерегистрацию", во время которой спрашивали: признают ли заключенные нового Патриарха. Непризнававшие получала новые сроки наказания, а иногда и расстреливались. Признавшие нередко досрочно освобождались и назначались на приходы[3]. Данный факт частично подтверждается документами архивов госбезопасности. В 1944–1945 гг. в лагерях была сфабрикована целая серия дел о контрреволюционных церковных организациях, по которым многие священнослужители приговаривались к увеличению срока наказания или расстрелу.

Перед нелегким выбором оказались различные группы и течения "непоминающих"и "истинно-православных". Со смертью Патриаршего Местоблюстителя Петра (Полянского) с избранием Патриарха Алексия отпадало прежнее каноническое основание для самостоятельного управления — "узурпация" первосвятительской власти митр. В

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 181, л. 10.

[2] **Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.). С. 62.**

[3] *Андреев И.* Указ. соч. С. 9–10.

то же время прежняя практика в отношениях с государством была продолжена новым Первоиерархом.

В итоге в Патриаршую Церковь вернулись не только часть иосифлян, но и большинство "непоминающих". Существенную роль здесь сыграла позиция имевшего значительный авторитет среди катакомбников епископа Ковровского Афанасия (Сахарова). В 1955 г. в письме к духовной дочери он так вспоминал события десятилетней давности: "...когда в 1945 году, будучи в заключении (в Мариинских лагерях), я и бывшие со мной иереи, непоминавшие митр. Сергия, узнали об избрании и настоловании Патриарха Алексия, мы, обсудивши создавшееся положение, согласно решили, что так как кроме Патриарха Алексия, признанного всеми Вселенскими Патриархами, теперь нет иного законного Первоиерарха Русской Поместной Церкви, то нам должно возносить на наших молитвах имя Патриарха Алексия как Патриарха нашего, что я и делаю неопустительно с того дня"[1]. Эта группа священнослужителей послала Первоиерарху поздравительное письмо с просьбой принять их в общение. Епископ Афанасий написал также окружное послание в катакомбные общины и скиты с призывом "вернуться в лоно" Патриаршей Церкви. Кроме того, в марте 1945 г. Владыка обратился к Патриарху с прошением возбудить ходатайство перед правительственными органами о замене ему пребывания в лагере заключением в одну из московских тюрем с предоставлением возможности работать там с богослужебными книгами. Правда, ответа он не получил, 30 августа 1946 г. был вновь арестован в лагере и отправлен отбывать срок в Мордовию. Вышел еп. Афанасий на свободу только 18 мая 1954 г.[2]

Во второй половине 1940-х гг. в "катакомбах" остались в основном "истинно-православные христиане" и часть ИПЦ. Хотя имелось и относительно небольшое количество тех, кто стал возносить молитвы за Патриарха Алексия, продолжая находиться на нелегальном положении. Один из таких катакомбных лидеров — епископ Петр основал к концу войны тайный монастырь с 300 насельниками на Тянь-Шане. В 1951 г. монастырь был обнаружен с вертолета и все его обитатели арестованы[3]. В целом же численность катакомбников существенно уменьшилась. Уже 14 февраля 1947 г. Г. Карпов в итоговом отчете

---

[1] *Афанасий (Сахаров), епископ.* Можно ли посещать храмы Московской Патриархии? Из письма к духовной дочери // Вестник РХД, 1972, № 106. С. 96.

[2] *Тропани Н. В.* Указ. соч. С. 8–9; *Апушкина Е. В.* Указ. соч. С. 27–28; Крестный путь преосвященного Афанасия // Вестник РХД, 1973, № 107. С. 170–211; Письмо еп. Афанасия (Сахарова) патриарху Алексию от 2 апреля 1955 г. // Архив Научно-информационного центра "Мемориал" Санкт-Петербург. (Архив НИЦ "Мемориал" СПб.), ф. Р, п. 5.

[3] *Чаев П. О.* Катакомбные монастыри // Грани, 1982, № 123. С. 190–191.

ЦК ВКП(б) за 1946 г. с удовлетворением писал, что внутренняя работа "способствовала сокращению роста церковного подполья в стране"[1].

Однако в первые послевоенные годы в ряде районов страны деятельность подпольных общин продолжала оставаться заметным явлением. Об этом можно судить даже по официальной церковной печати. Так, в январском 1948 г. номере "Журнала Московской Патриархии" отмечалось, что в Краснодарской епархии православные скорбят "под натиском агитации баптистов и всяких подпольных антипатриарших агитаторов: иовцев, соляновцев (выродившихся из секты имяславцев) и других сектантов"[2]. А в речи 1948 г. епископа Тамбовского и Мичуринского Иоасафа говорилось: "Радость моя омрачена тем, что среди вас есть люди, которые, называя себя христианами, на деле не являются ими. Эти люди — сектанты и так называемые самосвяты, они отрицают храм Божий, не признают его и даже глумятся над этой святыней... Только себя они считают православными христианами"[3].

Эмигрантские историки того времени сообщали самые противоречивые сведения о тайной церковной жизни в СССР. В. И. Алексеев, например, писал, что у катакомбников, по одним сведениям, 30 епископов, а по другим — даже 100[4]. Это чистая фантазия. Гораздо более близок к истине И. Андреев. Он указал, что до зарубежья дошли сведения о деятельности свыше 10 тайных епископов. Священников же явно не хватало. Их недостаток восполнялся главным образом многими тайными монахинями и мирянами, "совершающими чтение акафистов или общие групповые моления, именуемые "собраниями на свещу". Таких мирян называли "подпасками". Крупнейший же эмигрантский церковный историк 1950–1960-х гг. Д. В. Константинов пришел к следующему выводу: "...военный период, вернее, период после поворота политики власти, характерен сокращением явлений в духе Катакомбной Церкви и всех вообще нелегальных форм церковной деятельности. Если этой цели добивалась также советская власть, вводя "церковный НЭП", то надо сказать, что результаты в данном смысле получились совершенно определенные"[5].

Ставшие доступными в последние годы документы свидетельствуют о том, что проблема катакомбников Церкви во второй половине 1940-х гг. продолжала оставаться достаточно острой. В справке отдела пропаганды и агитации Воронежского обкома ВКП(б) от 9 апреля 1948 г., составленной в ответ на специальный запрос соответствующего управления ЦК, сообщалось: "Наряду с официально действующими

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д 407, л. 40.

[2] *Каргашинский Д.* Из Краснодарской епархии // ЖМП, 1948, № 1. С. 76–77.

[3] *Сперанский М.* Из Тамбовской епархии // ЖМП, 1948, № 2. С. 65–66.

[4] *Alekseev W.* Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941–1953. P 58.

[5] *Константинов Д. В.* Православная молодежь в борьбе за Церковь в СССР. С. 44.

православными церквами в области существует большое количество нелегальных групп верующих православного толка, из которых наиболее распространенным течением являются "истинно-православные христиане"... "ИПХ" исповедуют православную веру, но не признают ныне действующих церквей, как связанных с "безбожной Советской властью и коммунистами". Основные кадры "ИПХ" состоят в основном из бывших монашек, монахов, черничек[1] и религиозно настроенных бывших кулаков... За 1947 год и 3 месяца 1948 года Управлением МГБ вскрыто и ликвидировано 11 антисоветских групп "ИПХ" с общим количеством арестованных 50 человек... Члены группы "ИПХ" систематически участвовали в нелегальных сборищах, где наряду с молениями, обсуждали вопросы форм ведения антисоветской деятельности среди населения. Распространяли провокационные слухи о якобы скорой войне СССР с Америкой и другими капиталистическими странами и гибели в этой войне Советского Союза. В период выборов в Верховные органы Советской власти призывали население не участвовать в них, не работать в колхозах, отказываться от уплаты налогов и госплатежей. Вели работу по вовлечению и антисоветские группы новых участников..." В документе говорилось и о том, что в Воронеже и Воронцовском районе было выявлено несколько групп иоаннитов, численностью 70–80 человек. Через своих "курьеров" они поддерживали связь с "единомышленниками" ряда городов СССР: Новгорода, Калинина, Харькова и др.[2]

Аналогичные справки поступили и из других районов страны: в Витебской области существовало 11 подпольных религиозных групп, в Пензенской — во многих селах незарегистрированные священники проводили службы в частных домах и т. д. А в Рязанской области на 1 января 1948 г. специальная проверка выявила действующие нелегальные молитвенные дома в 189 населенных пунктах, в том числе в городах Михайлов, Скопин и Касимов. Причем в 91 их этих населенных пунктов верующие не подавали ходатайств об открытии в ней церкви[3].

Насильственное переселение в 1944 г. более полутора тысяч ИПХ в Западную Сибирь и Алтайский край способствовало созданию и там крупных очагов катакомбного движения. В докладной записке Управления МГБ по Алтайскому краю от 6 апреля 1948 г. указывалось: "Имеется некоторая часть православных верующих, попавшая под влияние антисоветского элемента, которая бойкотирует вновь от-

---

[1]Черничками в деревнях называли девушек, которые читали Псалтирь по усопшим. Они не принимали монашеского пострига, но ходили в черном, жили обособленно (иногда по две—три вместе), как правило, в строгой аскезе и ежедневно посещали храм. (*Прим. ред.*).

[2]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 593, лл. 24–31.

[3]Там же, лл. 10, 39–45, 63, 114.

крытые церкви, мотивируя тем, что в них совершаются богослужения за Советскую власть... Верующая, проживающая в Змеиногорском районе, заявила так: "Священники в этих церквах поставлены из партии, под ризой у них медали, службу они ведут сокращенно, не так как раньше была служба, они обновленцы, поэтому в церковь ходить никогда не надо, надо избегать этой церкви, крестики покупать также не надо, т. к. на них находили серп и молот, колоски, пятиконечную звезду и СССР... В то же время деятельность православных церквей, молитвенных домов и нелегальных религиозных сборищ резко сократилась. В 1946 г. нелегальных групп церковников по краю насчитывалось 138, в то время как в настоящее время их имеется только 32. Резкое сокращение нелегальных групп произошло в результате проведенных профилактических мероприятий со стороны органов МГБ..." Но и оставшие 32 группы ИПХ объединяли 1500 верующих. Кроме того, в крае активно действовали "истинно-православные христиане странствующие" (ИПХС) — катакомбная ветвь старообрядцев[1].

Во второй половине 1948–1949 гг. ситуация еще более изменилась. В связи с новым виражом государственной церковной политики в худшую сторону, прекращением открытия храмов произошел определенный "рост рядов" катакомбного движения. 5 августа 1948 г. Г. Карпов писал в Совет Министров СССР, что Совет по делам РПЦ "находит нужным совместно с МГБ и МВД СССР разработать мероприятия по ликвидации всякого рода нелегальных отправлений религиозных служб и обрядов и нелегальных молитвенных домов". Карпов ссылался на большие масштабы подобной деятельности и указывал, что в Рязанской области при 86 официально действующих церквах в 193 населенных пунктах проводят службы незарегистрированные священники. Начальник Управления МГБ по Тульской области в ноябре 1948 г. сообщал об активизации в последнее время церковников нелегалов, бродячих монахов, отмечая деятельность 30 священников не признающих Московскую Патриархию. В Гомельской области в 1949 г. нелегально служили 4 таких священника и т. д.[2]

25 апреля 1949 г. встревоженный Г. Карпов направил секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову специальную секретную информационную записку "О религиозных пережитках, выражающихся в исполнении обрядов и массовых молений по нелегальной (не состоящей на регистрации) церкви, и о лицах, занимающихся нелегальной церковной деятельностью". В ней подчеркивалось: "Деятельность в течение многих лет таких нелегальных молитвенных домов, пещер, тайных избушек и

---

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 593, лл. 121, 124–135.

[2]Там же, оп. 132, д. 6, лл. 88, 94, 244–252, д. 111, лл. 127–130.

т. п. представляют собой крайне политически вредные явления, т. к. организаторы этих молитвенных домов и их священнослужители нередко имеют благоприятную почву для своей деятельности, а местные органы, в том числе и административные, не знают, как с ними бороться". Борьба сильно затруднялась сложностью выявления тайных общин. Г. Карпов писал, что подавляющее большинство их существует на территории РСФСР. Так, в Рязанской области было выявлено 174 нелегальных молитвенных дома, Горьковской — 47, в г. Бугульме Татарской АССР — 3 и т. д. В другом документе Совета по делам РПЦ указывалось, что если в 1948 г. в Рязанской области действовало 175 незарегистрированных молитвенных домов, то в 1949 уже 190, причем в них служило около 200 священнослужителей. Следует указать, что в ноябре 1949 г. ИПХ даже провели тайный собор в г. Чирчик под Ташкентом.[1]

Особенно сильно активизация катакомбников в конце 1940-х гг. проявилась в областях Центрального Черноземья, прежде всего в Тамбовской. Некоторые советские историки считают ее третьей, последней волной оживления ИПХ, новым этапом, характеризующимся усилением проповеднической деятельности и заметным ростом групп "истинно-православных христиан"[2]. Другие — А. Клибанов, З. Никольская, Л. Митрохин — даже самим фактором рождения движения ИПХ. Успеху агитации катакомбников способствовала высокая доля единомышленников среди сельского населения Тамбовской области — 10–15%, а также их лучшее по сравнению с колхозниками экономическое положение. В 1947–1948 гг. на Тамбовщине сложились 3 основных очага деятельности ИПХ в 13, в основном северных районах. На первом этапе большинство руководителей, были выходцами из Липецкой области: В. Титов. П. Мордасов, П. Половинкин, Е. Прибыткова и др. Священнослужителей было очень мало, и в качестве пастырей выдвинулись "проповедники" и "старшие братья по духу", странствовавшие по области. Группы ИПХ включали, как правило, жителей одного населенного пункта и состояли из 10–15 человек. Во главе их находились "старший брат" или "старшая сестра" (только в 2 случаях). Общим руководителем "истинно-православных" Тамбовской и Липецкой областей считался В. Д. Титов, от которого исходила большая часть обращений и воззваний, широко расходившихся в списках. Но в его "Беседах о разных вопросах к сомневающимся на пути спасения" подчеркивалось: "Мы получили слова наставления от наших пастырей... Слово-проповедь было сказано во хра-

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 109, лл. 70–77, д. 497, л. 203; См.: *Осипова И.* Истинно-Православная Церковь. М., 1997. Рукопись, готовая к печати.

[2]*Демьянов А. И.* Религиозность: тенденции и особенности проявления (социально-психологический анализ). С. 99; *Его же.* Истинно провославное христианство. С. 32.

мах ко христианам из уст епископа Уара и архимандрита Митрофана"[1].

Существенной особенностью тамбовских ИПХ являлось присутствие в их составе значительного количества молодежи. Так, в Мичуринском районе в конце 1940-х гг. из 83 руководителей 53% были младше 30 лет, а старше 50 лишь 14,5%. В 7 районах области возникли так называемые группы "юношей"в основном из детей "истинно-православных" или сочувствовавших им единомышленников. На них "проповедниками" возлагалась пророческая миссия, изложенная в "Новом Завете": "И будет в последние дни... пророчествовать сыны ваши и дочери ваши и юноши будут видеть видения..."[2] Молодые ИПХ, по свидетельству советских исследователей, были даже более нетерпимыми к установившемуся в обществе порядку, чем большинство старых. Часть их них приняла обет безбрачия. Во многих отношениях они пересматривали прежнюю умеренную политику и в некоторых смешанных по возрасту группах брали на себя руководство. А. Демьянов отмечал, что если в 1930-е гг. считалось грехом участие только в колхозом производстве, то в 1940–1950-е гг. — во всех государственных предприятиях и учреждениях. До войны детям "истинно-православных" разрешалось учиться до 4 класса, а в послевоенное время в большей части семей учеба в школе запрещалась полностью. На этой почве возникали конфликты радикальных и более умеренных катакомбников, приводившие к расколу некоторых групп[3]. Несомненно, что здесь советские авторы описывали процесс трансформации части иосифлян-буевцев в ИПХ и радикализации их взглядов под влиянием молодежи, принявшей традиционную идеологию "истинно-православных христиан", относительно мало распространенную в 1930-е гг. в Тамбовской области. Высокая доля молодых людей среди ИПХ от 30 до 60% существовала в конце 1940-х гг. и в других районах Центрального Черноземья. Так, в Липецкой области из 288 обследованных катакомбников 116 — 40,5% были моложе 30 лет. А. Клибанов признавал: "Молодежь составила весьма деятельную организаторскую и проповедническую силу истинно-православных христиан в Тамбовской, Липецкой, Рязанской и Воронежской областях"[4].

Местом общения ИПХ служили святые источники, которых в Центральном Черноземье имелось около 80: "Мамонтовское озеро", "Источники камень святого старца Симеона" и др. Источник "Трех дубов" в с. Горелое Тамбовской области даже постепенно приобрел значение постоянно функционирующего храма. Здесь развесили иконы, а

---

[1] *Никольская З. А.* К характеристике течения так называемых истинно православных христиан. С. 166.

[2] *Клибанов А. И.* Религиозное сектанство и современность (социологические и исторические очерки). С. 173.

[3] *Демьянов А. И.* Истинно православное христианство. С. 39.

[4] *Клибанов А. И.* Указ. соч. С. 173.

на время богослужений устанавливалась деревянная разборная церковь. Отношение к местным властям было, как правило, враждебным, порой дело доходило до вооруженных конфликтов. Так, в 1949 г. руководитель ИПХ в с. Устье Мичуринского района Силаев организовал покушение на председателя сельсовета, а 30 августа 1953 г. в с. Стаево произошло кровопролитное столкновение с группой В. Ряховских, в результате которого было сожжено 14 домов, убито и тяжело ранено 6 человек. Общая численность ИПХ Тамбовской области в конце 1940-х гг., по оценке советских исследователей, составляла 1 тыс. человек, а в Центральном Черноземье около 3 тысяч. Эти цифры, вероятно, занижены во много раз, но можно в основном согласиться с мнением З. Никольской, что в начале 1950-х гг. количество ИПХ на Тамбовщине сократилось наполовину[1].

Дело в том, что в 1950–1953 гг. по всей стране прокатилась вторая после 1943–1946 гг. волна ожесточенных преследований катакомбного движения, затихнувшая со смертью Сталина. Только в сентябре 1950 г. военные трибуналы войск МВД осудили несколько десятков ИПХ: группу в Ярославской, 10 человек в Тамбовской и группу в Рязанской областях, причем в ходе операции по аресту членов последней группы было убито двое ее руководителей[2]. Весной-летом 1951 г. в Рязанской области специальную проверку провел Совет по делам РПЦ. В его итоговой докладной записке отмечалось, что количество выявленных нелегальных молитвенных домов сократилось по сравнению с 1949 г. в два с половиной раза: со 190 до 120 в 1950 г. и 77 (с 77 незарегистрированными священнослужителями) на 1 апреля 1951 г.[3]

В Костромской области 27 марта был арестован уже упоминавшийся священник Ф. А. Смирнов, в 1945 г. освобожденный досрочно по болезни. Свящ. А. Артамонов дал на него следующие показания: "Смирнов убежденный церковник-фанатик. Постоянного места жительства не имеет, ведет бродячий образ жизни, все время ходит по селениям Буйского, Ореховского и др. районов... он мне отвечал так: "По специальности фельдшера работать не буду потому, что я не доверяю Советской власти, снова подберут материал и пропаду в лагерь. Служить в церковь тоже не пойду, потому что не доверяю архиерею, он идет вместе с Советской властью и тоже через него могу попасть в лагерь..." В заключение должен добавить, что Смирнов среди церковников гор. Буй пользуется авторитетом..." 18 октября арестованного приговорили к 10 годам лагерей. Одновременно по показаниям Артамонова было заведено дело 14 членов тайной женской монашеской общины[4] и т. д.

---

[1] *Никольская З. А.* Указ. соч. С. 171, 180; *Демьянов А. И.* Указ. соч. С. 32, 43.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17. оп. 132, д. 569, л. 37.

[3] Там же, д. 497, л. 203.

[4] ЦДНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 2413-6, лл. 73–77, 108.

Но полностью искоренить катакомбников оказалось невозможно. А в мартовской 1954 г. докладной записке Н. Хрущеву от заведующего отдела пропаганды и агитации и отдела науки и культуры ЦК КПСС подчеркивалось существование "большого количества бродячих (незарегистрированных) попов", сотни которых были выявлены в 1953 г.[1] Правда, подобных документов немного.

Новая активизация деятельности катакомбников началась с середины 1950-х гг. Из лагерей были выпущены сотни, возможно, тысячи ее священнослужителей и проповедников-мирян, составлявшие значительную часть "узников за веру". Например, епископ Мануил (Лемешевский), освобожденный 7 декабря 1955 г. из лагеря в Мордовской АССР, писал пропресвитеру Н. Колчицкому: "Сколько оскорблений от верующих выслушал я в последних Темниковских лагерях за то, что подчиняюсь "коммунистическому советскому Патриарху", что я остался верен ему, а не ушел в оппозицию"[2]. Епископ Афанасий (Сахаров) 2 апреля 1955 г. в письме Патриарху также отмечал: "Во время нахождения моего в заключении мне нередко приходилось встречаться и с иереями, и с мирянами, которые, ревнуя о чистоте веры, имели, как я считаю, ревность не по разуму. Такие ревнители, даже весьма благожелательно относившиеся ко мне, не принимали у меня благословения и не хотели быть со мной в молитвенном общении как с епископом, возносящим на молитве имя Вашего Святейшества"[3].

Примерно с 1957 г. доклады КГБ, партийных и государственных органов вновь запестрели сведениями о нелегальной деятельности "истинно-православных". В ноябре все ЦК компартий республик СССР прислали заведующему сектором агитации К. У. Черненко отчеты о состоянии религиозной жизни в их регионах. В них говорилось и о существовании катакомбников. Например, в отчете Казахстанского ЦК сообщалось о том, что вблизи г. Темиртау "образовался целый поселок фанатиков ИПХ". В нем живут исключительно верующие, мужчины не стригутся и не бреются, женщины носят только длинные черные платья. "Газеты и книги не читают, в общественной жизни никто не участвует, детей в школе не учат, в выборах не участвуют, отказываются служить в Армии"[4]. 25 ноября 1957 г. справку об активизации религиозных объединений и групп на территории СССР К. Черненко прислал и председатель Совета по делам религиозных культов А. Пузин. Он подчеркивал, что отколовшиеся от Русской Церкви, не признавшие Советскую власть группы ИПХ имеются в Черниговской, Харьковской, Тамбовской и некоторых других областях[5].

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 16. д. 650, л. 18

[2]*Иоанн (Снычев), митрополит.* Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. С. 245.

[3]Архив НИЦ "Мемориал" СПб., ф. Р, п. 5.

[4]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 90, л. 130.

[5]Там же, л. 100.

20 августа 1961 г. КГБ направил в ЦК КПСС докладную записку об "изуверской деятельности церковников", предлагая активизировать борьбу с ней. В этом документе шла речь о иоаннитах, последователях ИПЦ, ИПХ и ИПХС, приводились многочисленные факты. Так, в г. Мариинске Кемеровской области в 1961 г. было обнаружено несколько тайников на чердаках и в подвалах, в одном их них 3–4 года жили 3 молодые девушки. В Винницкой области долго действовали иоанниты, существовал нелегальный монастырь, насельницами которого являлись 2 школьницы. ИПХ особенную активность проявляли в Полтавской области и Алтайском крае[1].

10 ноября 1963 г. председатель КГБ В. Семичастный отослал в ЦК КПСС еще одну подобную справку с информацией о том, что в 1961–1962 гг. на территории Ивановской, Кемеровской, Пермской, Новосибирской, Челябинской областей и Казахстана стали появляться представители ИПХ, в ряде случаев создавшие подполье. В с. Ногино Ивановской области они распространяли антисоветские письма среди населения, в пос. Тюлькубас под Чимкентом организовали "школу" по подготовке проповедников из молодежи, в ней 2 монахини обучали 6 девушек-послушниц 18–28 лет. Деятельность ИПЦ также в основном носила "антиобщественный характер подполья", иногда перерастая в открыто враждебную властям — проповедник Котов во Владимирской и Горьковской областях распространял антисоветские листовки. А член его группы Зубков в ночь с 5 на 6 ноября 1961 г. повредил 3 памятника В. Ленина. В пос. Шексна Вологодской области существовала нелегальная молодежная группа ИПЦ, и в марте 1963 г. там отказалось от участия в выборах в органы власти более 20 человек, в том числе депутат Никольского сельсовета[2]. Наконец, в еще одной справке КГБ о "враждебных проявлениях" сект в Средней Азии от 29 января 1964 г. сообщалось, что в Киргизии этой "враждебной работой" активно занималась нелегальная группа ИПХ, имевшая специальные схроны и тайники. Арестом ее руководителей и специальными профилактическими мерами ее деятельность "удалось" прекратить[3].

Историю нелегальной церковной деятельности в СССР можно разделить на 4 основных периода. Первый продолжался с 1918 по конец 1920-х гг. В подполье в это время находилась небольшая часть православных священнослужителей и мирян — исключительно ИПХ, а с 1928–1929 гг. и некоторые общины ИПЦ. Второй период приходится на 1930-е — середину 1940-х гг. В результате ожесточенных гонений происходит резкий рост рядов катакомбного движения, на нелегальное положение перешло большинство приходов, основная часть которых сохранила верность Патриархии. В последние годы войны они снова вышли из подполья. Общее количество катакомбников многократно

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 190, лл. 146–147.

[2]Там же, оп. 55, д. 10, лл. 210–211.

[3]Там же, д. 72, лл. 1,7.

уменьшилось. Правда, в конце 1940-х гг. возросли активность и численность ИПХ, но в результате ожесточенных репрессий со стороны властей с 1950 г. и в их среде начался спад. Заключительный период охватывает конец 1950-х — начало 1990-х гг. Хотя общин ИПХ и ИПЦ становилось все меньше, ряды катакомбников вновь заметно выросли вследствие очередной кампании борьбы с религией в СССР. В "катакомбах" произошли качественные изменения: оформилось 8 основных течений как на базе групп "истинно-православных", так и, главным образом, на основе нового пополнения.

Создание и расширение религиозного подполья в стране было во многом "делом рук" самих органов государственной власти, их ошибочной политики по отношению к Церкви. В то же время следует отметить, что феномен так называемых катакомб (религиозных нонконформистов) показал свою не только чрезвычайную устойчивость в разных условиях, но и наличие тенденции к самовоспроизводству и увеличению за счет обращенных.

§*3. Религиозные диссиденты*

Возникновение такого нового для СССР и Русской Православной Церкви явления, как деятельность религиозных или церковных диссидентов, было в значительной степени связано с началом так называемого русского религиозного возрождения. Этот постепенный, часто болезненный процесс поиска людьми своих национально-религиозных корней зародился в СССР примерно в середине 1950-х гг. Связанное с критикой сталинизма частичное развенчание прежних идеалов, подрыв авторитета КПСС породил у определенной части населения страны, не поддавшейся иллюзиям "социализма с человеческим лицом", желание определить свою собственную веру и свой подход к жизни. Некоторое расширение границ духовной свободы позволило заняться поисками альтернативных культур.

Самая близкая культура была в Церкви. "Когда мыслящие люди в СССР старались обрести и восстановить культуру прошлого в ее чистой, противостоящей идеологическим искажениям форме, они встречались с Православием в любой области — в искусстве, архитектуре, музыке, литературе, поэзии"[1]. Начавшееся в России после смерти Сталина постепенное восстановление исторической памяти часто вело к Православию. Следует отметить, что в конце 1950-х гг. в СССР впервые пробудился интерес и к восточным религиям, йоге и т. п., но и через них многие впоследствии приходили в христианство. В результате постепенно развернулось движение к Церкви людей, воспитанных в религиозно-индифферентных семьях.

---

[1] *Эллис Д.* Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие. С. 8.

Священник М. Аксенов-Меерсон справедливо отмечал: "Первоначально "религиозным возрождением" называлось обращение к христианству молодежи, принадлежавшей ко второму и третьему поколению советских граждан, получивших атеистическое воспитание. Для нее это обращение было в значительной мере окрашено реакцией на коммунизм, разочарованием в советской государственной идеологии, представляющейся историческим тупиком, самый верный выход из которого лежит через возврат к христианству в его тысячелетней национальной форме — Православию"[1]. Только в 1980-е гг. термин "русское религиозное возрождение", стал применяться в более широком смысле: общенациональное пробуждение интереса к религии с ежегодным заметным ростом посещений храмов, числа крещений, отпеваний, венчаний и т. д.

Строго говоря, религиозное возрождение, начавшееся в середине 1950-х гг., было его второй волной в СССР. В предыдущих главах уже говорилось о первом проявлении этого процесса в военные и первые послевоенные годы, когда Русская Церковь менее чем за 10 лет смогла восстать из руин. К 1948–1949 гг. властям фактически удалось прекратить этот процесс. Новый этап религиозного возрождения качественно отличался от предыдущего своей нелегальностью, диссидентством. Послевоенное восстановление церковных институтов было официально разрешено и в основном не носило политически конфликтного характера. Совсем иначе дело обстояло с обращением к вере в 1950-х — 1980-х гг., идущем помимо воли и "поверх запретов" властей. Ведь в этот период теоретически даже любая семья, желавшая крестить ребенка, рисковала в той или иной форме конфронтацией с ними. Первый и второй этапы религиозного возрождения различались и составом их участников. Если в период войны возвращавшиеся в Церковь представители интеллигенции терялись в огромной массе "простого" верующего народа, то в 1956–1970-х гг. они доминировали.

Следует отметить, что духовное образование и религиозная литература в СССР были почти недоступны молодежи, окончившей вузы или средние специальные учебные заведения. На этот счет существовала строгая система запретов. Так, например, о. Георгий Эдельштейн недавно вспоминал, что ему пришлось добиваться священства 24 года — с 1956 по 1979. Он решил стать священнослужителем на последнем курсе института иностранных языков. Начал с походов к инспекторам семинарий в Ленинграде, Москве, Саратове. Но они отказывались даже принять документы. Обращался к правящим архиереям 11 епархий в разных концах страны, прося принять на любое церковное послушание, однако всегда получал отказ, так как Г. Эдельштейн был кандидатом наук и работал доцентом в вузе. Лишь в ноябре 1979 г.

---

[1] *Аксенов-Меерсон М.* Русская Православная Церковь сегодня // Религия и атеизм в СССР, 1980, № 9–10. С. 2.

с огромным трудом ему удалось добиться посвящения в сан[1]. Естественно, что интеллигенция, приходившая к христианству, стала заниматься самообразованием. Носившее стихийный, спонтанный характер религиозное возрождение с самого начала приняло полуподпольные формы: самиздата, кружков, молодежных дискуссионных групп, семинаров, собиравшихся на частных квартирах для изучения Священного Писания и богословия.

Существовало несколько источников распространения христианской идеологии, сыгравших важную роль в развитии религиозного возрождения. Одним из них были православные братства, сложившиеся или окрепшие в 1917–1920-е гг. К началу 1930-х гг. все они перешли на нелегальное положение, подвергались репрессиям, но смогли в той или иной форме просуществовать до 1950-х гг. Остатки братств многое сделали для передачи веры и церковности новым поколениям, что подтверждают некоторые материалы религиозного самиздата. Частичное возобновление их деятельности произошло благодаря освобождению из заключения некоторых бывших руководителей. Так, скончавшийся в конце 1980-х гг. о. Таврион, выйдя в 1956 г. из лагеря, обращал в веру и образовывал братства и общины всюду, где он поселялся, до последних дней жизни в скиту под Ригой[2]. Продолжателями этих традиций и стали некоторые молодежные религиозные семинары. В 1960–1970-е гг. происходило формирование братств новообращенных интеллигентов. Их целью было возрождение христианского мышления, покаяние за вину безучастности к судьбе Церкви в самые тяжелые ее периоды и борьба за восстановление церковной организации и веры в стране[3]. Миссионерскую деятельность вели и некоторые катакомбные священнослужители, число которых, как уже отмечалось, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. резко выросло.

Еще одним важным источником появления религиозных настроений стала литература — зарубежная, самиздатовская и даже советская. Уже в 1956–1957 гг. в связи с начинавшейся "литературной оттепелью" в СССР появился целый ряд произведений писателей, в которых специально заострялся вопрос народной религиозности: романы, повести, рассказы Н. Вирта "Крутые горы", О. Горчакова "Комсомолка Надя", П. Нилина "Жестокость", Н. Жданова "Поездка на родину", М. Алексеева "Наследники", Г. Гулиа "Каштановый дом", Т. Журавлева "В пригороде". В пьесе С. Алешина "Все остается людям" ("Факел") одним из героев являлся священник Серафим. Можно упомянуть и стихотворение В. Корнилова "Ровесники", в положительном свете

---

[1] *Эдельштейн Г.* Из записок советского священника // На пути к свободе совести. С. 241–244.

[2] *Поспеловский Д. В.* Подвиг веры в атеистическом государстве. С. 81–82, 85.

[3] *Денисов И.* Слово отступников // Вестник РХД, 1971, № 99. С. 112–121.

показавшее молодого священника. В июльском 1969 г. докладе председателя Совета по делам религий В. А. Куроедова на всесоюзном совещании уполномоченных говорилось об опубликованном в журнале "Огонек" стихотворении Е. Евтушенко "религиозно-мистического, богоискательского характера":

"Подняв глаза с молитвой ввысь, среди распада и разврата, остановись, остановись!..

Когда шагаешь к цели бойко, как по ступеням, по телам, остановись, забывший Бога, ты по себе шагаешь сам"[1].

В докладе В. Куроедова с негодованием подчеркивалось: "В нашу печать за последнее время стали просачиваться материалы, амнистирующие религию, появилась тенденция либерализма, благосклонности, снисхождения и даже определенной симпатии к церковникам. Некоторые православные "святые" возводятся советскими литераторами в ранг крупнейших деятелей отечественной истории. В отдельных произведениях неоправданно преувеличивается роль церквей и монастырей. Посмотрите произведения такие В. Солоухина, как "Сказка", "Родная красота", "Письма из Русского музея", "Черные доски" — ведь они воспевают религию и церковь... А возьмите роман О. Гончара "Собор". Это же апологетика прошлого, апологетика религии, очернение нашей жизни... Не случайно папа Павел VI рекомендовал выдвинуть это произведение Гончара на соискание Нобелевской премии"[2]. Не меньшее значение имели книги В. Максимова, Г. Владимова и особенно А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича", "Матренин двор" и др.

Трудно преувеличить и роль зарубежной, в том числе эмигрантской религиозной литературы, которая с конца 1950-х гг. начала активно поступать в СССР. Яркие воспоминания об этом явлении написал в 1970-х гг. Марк Поповский: "Лет 15–17 назад что-то дрогнуло и покачнулось в неизменном, как казалось, отношение ученой публики к проблемам религии. Сначала среди молодых столичных и ленинградских научных работников возник интерес к церковному искусству, иконе, архитектуре и храмовому пению. Ученые стали задумываться о судьбе разоренных и заброшенных наших храмов, заговорили о спасении памятников старины. Следующий этап религиозного пробуждения оказался связанным с проникновением в СССР книг русских философов-христиан — Бердяева, Лосского, Шестова, Франка, С. Булгакова. < ... > В московских квартирах все чаще стал появляться журнал "Вестник русского христианского движения". Все было внове для нас в

[1] О современном состоянии религий в СССР и задачах усиления контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах. Доклад председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета. 31 июля 1969 года. М., 1969. С. 27–28.

[2] Там же. С. 26–27.

этих книгах и журналах, внове, но не вчуже. У молодых математиков, физиков, биологов появились новые темы разговоров: христианство и культура, вера и наука, вера и мораль. Еще более подлила масла в разгорающийся огонь жадного интереса к религиозной философии вышедшая в 1965 году книга каноника Тейяра де Шардена "Феномен человека". Правда, захватывая все более широкие круги интеллигенции, интерес этот вырождался подчас в моду, в игру. Неверующие университетские преподаватели принялись украшать свои квартиры иконами, студенты стали щеголять ладанками и нательными крестами. Некоторые мои друзья писатели предсказывали, что "возня" с иконами и с вышедшими за рубежом религиозными книжками скоро кончится. Но время шло, а "мода" на религиозные споры и раздумья как-то не спешила сойти со сцены. "Разговоры в гостиных" стали приобретать все более конкретный характер"[1].

Большое значение имело и распространение так называемого религиозного самиздата. Оно имело давние традиции. Известный диссидент 1960-х гг. Е. Вагин не случайно писал, что самиздат "как таковой" зародился еще до Великой Отечественной войны и "как раз в среде людей верующих". Это была "религиозная подпольная литература, в рукописях расходившаяся между верующими, целые рукописные (машинописные) журналы"[2]. Действительно, в 1920–1930-е гг. по Советской России "ходило" немало листовок, воззваний, брошюр, открытых писем и т. п., направленных против политики властей. Целый ряд подобных публикаций сохранил свою популярность и в послевоенное время. Особой популярностью в 1920-е гг. пользовалось 9-ти томное рукописное "Полное собрание сочинений протоиерия В. Свенцицкого". И в 1960-е гг. среди основных произведений религиозного самиздата был сборник проповедей этого видного церковного деятеля "Монастырь в миру"[3]. Большой комплекс самиздатовской литературы хранится в следственном деле 1928 г. ленинградской нелегальной организации "Воскресенье". Его просмотр позволил обнаружить некоторые произведения, известные ранее только по послевоенным спискам. Например, приписываемый С. Есенину "Ответ Демьяну Бедному на его стихи «12 евангелий»":

"Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил, ты не задел его своим пером нимало. Разбойник был, Иуда был — тебя лишь не хватало.

Ты сгустки крови из Христа копнул ногой, как толстый боров. Ты только хрюкнул на Христа, Ефим Лакеевич Придворов"[4].

---

[1] *Поповский М.* Во что верит и во что не верит советский ученый? // Посев, 1979, № 2. С. 26.

[2] *Вагин Е.* Религиозное инакомыслие в сегодняшней России // Русское Возрождение, 1978, № 1. С. 53.

[3] В чем же виноват отец Павел Адельгейм? // Вестник РХД, 1972, № 106. С. 322.

[4] Архив УФСБ РФ по СПб., ф. арх.-след. дел, д. П-81782, лл. 247–247 об.

1940-е гг. обогатили самиздат религиозно-философской книгой архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) "Дух, душа, тело". А с конца 1950-е гг. его объемы начали быстро расти. Уже в сентябре 1959 г. в "Комсомольской правде" отмечалось, что анонимные богословы составляют трактаты о вере, подбирают религиозную литературу и высказывания известных деятелей Церкви, в том числе Иоанна Кронштадтского, для распространения их в рукописях среди советских людей[1]. Религиозный самиздат 1960-х — 1980-х гг. был явлением исключительно многообразным. Это не только статьи, брошюры, книги оригинальных авторов, огромное количество переводов с иностранных языков и рефератов, но и журналы и информационные бюллетени с констатацией фактов гонений за веру, многочисленные обращения, петиции, открытые письма, заявления верующих. В этом смысле самиздат служил зеркалом напряженной религиозной жизни в СССР.

На пробуждение религиозного чувства в среде интеллигенции влияли порой сама появившаяся возможность обсуждать духовные поиски, публикации в прессе статей о жизни Церкви (хотя в основном и негативных) и даже принявшая широкие масштабы атеистическая "обработка" населения. Так, член-корреспондент Академии Наук СССР И. Р. Шафаревич в своем интервью 1990 г. отмечал, что уроки антирелигиозной пропаганды против воли их организаторов порой превращались в нечто вроде уроков Закона Божия. Он рассказал об одном ему знакомом священнике, который в 1960-е гг. учился в Свердловском университете на философском факультете. Изучая курс научного атеизма, любознательные студенты решили поближе познакомиться с первоисточниками и пошли в церковь. В итоге группа выпускников после защиты диплома решила креститься. Был громкий скандал, знакомого Шафаревича поместили в психиатрическую больницу. Но в конце концов, после освобождения он все-таки принял сан[2].

Своеобразным "очагом" распространения христианства являлись советские лагеря. Религиозность среди заключенных всегда была очень высока. Историк и публицист Владимир Осипов свидетельствовал, что он, как и почти все молодые люди, посаженные с ним в лагерь в конце 1950-х — начале 1960-х гг., входили туда марксистами, выходили же на свободу христианами. Сам Осипов в момент ареста в 1961 г. за распространение самиздата был сторонником "югославского варианта" социализма, а после освобождения в 1968 г. из лагеря основал нелегальный религиозно-националистический журнал "Вече". По его словам, "недаром концлагерь официально называется

---

[1]Комсомольская правда, 1959, 20 сентября.

[2]*Дедюхин Б. В.* Сердца сокрушенные. Беседы, интервью, очерки о русском православии. С. 118–119.

исправительно-трудовой колонией. Приходят атеистами, уходят христианами. Исправились..."[1]. Подобную эволюцию пережили и 6 членов подпольной организации московских студентов, разгромленной в ноябре 1958 г. Ее руководитель Юрий Машков позднее писал, что он и его единомышленники проделали в лагере духовный путь от марксизма "еврокоммунистического толка" к религиозной вере. В их числе был и Б. Хайбулин, ставший в 1970-е гг. иеродиаконом Варсонофием, известным правозащитником[2].

Обращение к христианству в лагерях в значительной степени проходило под влиянием сотен заключенных в них священников. Е. Вагин на основе собственных впечатлений писал: "Их вера, очищенная и просветленная страданием — не только личным, но и глубоко переживаемым страданием всего русского народа, — зажигает молодые души, ведет их в ограду церкви. Видимые плоды их молитвенного подвига, совершаемого десятилетиями в тюремных застенках и за колючей проволокой — все увеличившееся число религиозных обращений в лагерях. Поэтому с полным основанием мы можем назвать советские лагеря для политзаключенных одним из очагов духовного возрождения"[3].

Начало роста религиозных настроений в среде интеллигенции быстро почувствовали представители власти. Уже 18 апреля 1959 г. председатель КГБ А. Шелепин с тревогой писал в ЦК КПСС, что некоторые представители профессорско-преподавательского состава, артисты, научные работники активно участвуют в церковной жизни, препятствуют атеистической пропаганде, распространяют соответствующие взгляды. В докладе приводились многочисленные примеры: профессор военно-инженерной академии им. Куйбышева Н. В. Зволинский и заведующий кафедрой Московского экономического института профессор Н. Е. Пестов написали несколько религиозных брошюр и распространяли их у знакомых; доктор наук, сотрудник Ленинградского института теоретической астрономии Е. И. Казимирчак-Полонская "обрабатывала" учащуюся молодежь в религиозном духе, заявляя: "Я обязана нести идеи христианства в массы" и т. д. В итоге А. Шелепин предлагал применить репрессии. "Учитывая, что связь отдельных представителей интеллигенции с церковью несовместима с их участием в идеологической работе среди населения, Комитет госбезопасности считал бы целесообразным через администрацию учреждений и партийные организации принять соответствующие меры воздействия в

[1] *Дэнлоп Д.* Национально-религиозное возрождение в современной России // Русское Возрождение, 1978, № 1. С. 26; *Осипов В.* Площадь Маяковского, статья 70 // Грани, 1971, № 80. С. 119, 131–132; *Фудель С.* У стен церкви // Посев, 1979, № 2. С. 234.

[2] *Машков Ю. Т.* Голос с родины // Русское Возрождение, 1978, № 4. С. 12–14.

[3] *Вагин Е.* Указ. соч. С. 54.

отношении этих лиц"[1]. Интересно, что даже дочь И. Сталина Светлана Аллилуева крестилась весной 1962 г. в московском православном храме.

Конечно, обращенные приходили в Церковь по разным причинам, и поэтому трудно было ожидать единомыслия ее новых членов. Нелегко им оказалось найти общий язык и с традиционно мыслящими верующими. А эти зачастую малообразованные люди и составляли "костяк" церковных общин, где находились благодаря семейной традиции, и именно они сохранили Церковь во время длившихся десятилетиями гонений. Общение между недавно обращенными интеллигентами, придерживающимися разных воззрений, и массой традиционно верующих неизбежно приводила к конфликту. Многие из тех, кто приходил в Церковь из среды, чуждой христианству, сами пытались учить ее, прилагая к церковной жизни мерки, вынесенные из совсем иных сфер. В 1960–1970-е гг. появились кружки, критиковавшие Патриархию (иногда справедливо), в религиозном сознании участников которых порой царила смесь из трудносоединяемых мистических и политических воззрений.

Вероятно, многих новообращенных нельзя было до конца считать православными. Не вполне ясны и масштабы религиозного возрождения конца 1950-х — 1970-х гг. Сами его участники сильно расходились в оценках. Одни считали, что возрождение очень распространено и быстро развивается. Другие же указывали на то, что оно довольно ограничено и охватывает главным образом молодую городскую интеллигенцию. Последние были ближе к истине. Лишь во второй половине 1980-х гг. это явление приняло по-настоящему массовый характер.

Но религиозными диссидентами стали не только новообращенные интеллигенты, но и целый ряд священнослужителей. В идеократическом обществе, в котором не было четких границ между коммунистической партией и государством, эта религиозная организация все же обладала относительной свободой и автономией в силу того, что сохраняла свою иерархию и собственную идеологию. Православная Церковь во многом являлась хранительницей национального самосознания, живым звеном между Россией дореволюционной и советской, сохраняла историческую и культурную преемственность. Конфликт православного и национального, в принципе консервативных и охранительных направлений, с советским государством толкал их представителей в ряды диссидентского движения. Свящ. М. Аксенов-Меерсон писал, что "Православие вступило в него путем борьбы за религиозную свободу"[2].

Начало второй волны религиозного возрождения практически совпало по времени с развертыванием ожесточенного наступления на

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 126, лл. 85–87.

[2]*Аксенов-Меерсон М.* Указ. соч. С. 5.

Церковь. Священнослужители и миряне, не согласные с политикой Московской Патриархии, не проявляли себя открыто до конца 1950-х гг. Не протестовали они даже после смерти И. Сталина в 1953 г. Однако быстрое нарастание с 1958 г. антирелигиозной кампании создало новую ситуацию. Высшие иерархи в основном молчали. В. Куроедов и другие деятели Совета по делам РПЦ, парализовав деятельность Первосвятителя и его окружения, способствовали появлению в Церкви священнослужителей и мирян, которые, не дождавшись соответствующей реакции на действия властей иерархов, стали пытаться самостоятельно бороться с новой волной "государственного атеизма". 9 июня 1961 г. уже сам Патриарх Алексий говорил членам Совета по делам РПЦ, что "на него плохо смотрят верующие и духовенство, считают, что патриарх потерял своим бездействием авторитет в глазах верующих и духовенства и не пользуется уважением в глазах советских властей, правительства, которое не хочет его принять"[1]. Интересно, что через месяц Владыке было отправлено письмо с призывом поднять голос протеста, подписанное "Инициативной группой верующих по спасению Русской Православной Церкви от ее физического истребления". В послании подчеркивалось: "Мы собрали многочисленный материал о уже закрытых храмах, монастырях и духовных школах. Нами зафиксированы все фактические подробности и мельчайшие данные о "механизме" этих насильственных закрытий... и если вы, Святейший Владыко, бессильны оградить Церковь нашу от уничтожения, то мы вынуждены будем передать все эти фактические данные... на форум в ООН"[2]. Так постепенно появилась группа лиц, получивших название церковных диссидентов. На раннем этапе движения — до 1970 г. — они действовали в основном в рамках Московской Патриархии.

Самые первые акции церковных диссидентов, появление новых произведений религиозного самиздата относятся к началу 1958 г. В марте молодой священник Псковской епархии Сергий Желудков написал открытое письмо бывшему священнику-ренегату П. Дарманскому. "Почему Вы порвали с религией?", в котором говорилось: "Можно потерять веру, иногда это бывает нужно по ходу нашего духовного развития, но никогда, никогда не станет человек оплевывать и публично поносить то, что действительно было его святыней. А Вы это сделали < ... >, черта заведомой безнаказанности в Вашей ругани против безмолвствующей Церкви была особенно отвратительна. Конечно, неверующие осудят эту, извините, пропаганду подлости, с которой Вы выступили от имени атеизма: как же мы будем строить лучшее общество, если каждый из нас будет так низок..."[3]

Уже 27 мая 1958 г. Ленинградский уполномоченный А. Чернов писал в Совет по делам РПЦ и секретарю обкома КПСС, что письмо

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 309, лл. 10–11.

[2]Там же, д. 308, л. 31.

[3]ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 74, лл. 165–174.

С. Желудкова и анонимное стихотворение "Новый Иуда" получили широкое распространение среди учащихся Духовной Академии и семинарии. Чернов сообщал, что выясняет вопросы, как они попали туда и по чьей инициативе размножены. В Совете по делам РПЦ по этому факту завели специальное дело. Стихотворение "Новый Иуда" было направлено против другого ренегата - бывшего преподавателя Саратовской семинарии Е. Дулумана, также выступавшего в печати с резкими антицерковными заявлениями:

"Первый Иуда, предавший Христа, чувствовал — совесть его нечиста. Мучился, точно в кипящем котле, и успокоился только в петле.

У Дулумана иная сноровка. Совести нет, не нужна и веревка — был бы лишь туго набитый карман... Умер духовно Евграф Дулуман"[1].

К началу 1970-х гг. С. Желудков написал книгу "Почему и я — христианин?", в которой разбирался вопрос, почему люди сознательно приходят к вере в Бога и христианству. В 1970–1971 гг. в самиздатовском варианте она уже широко распространялась по стране[2], а в 1975 г. была издана в ФРГ.

В 1958 г. начал свою чрезвычайно активную борьбу с антирелигиозной пропагандой и известный историк Русской Церкви, диссидент Анатолий Левитин, писавший под псевдонимом А. Краснов. В упоминавшемся докладе А. Шелепина в ЦК КПСС сообщалось, что в конце 1958 г. преподаватель средней школы рабочей молодежи № 116 Дзержинского района Москвы А. Э. Левитин при участии профессора кафедры логики МГУ П. С. Попова написал труд "Библиографические заметки" в ответ на книгу Е. Дулумана "Почему я перестал верить в бога?"[3]. В первой половине 1960 х гг. А. Краснов-Левитин напечатал в самиздате несколько десятков своих произведений, до июня 1960 г. сотрудничая и с "Журналом Московской Патриархии". В основном он защищал определенных людей или отдельные церковные святыни: Почаевскую лавру, монахов Псково–Печерского монастыря, старообрядца Е. Бобкова и др. Кроме того, подробно письменно отвечал на антицерковные статьи в советской печати и иногда пытался опубликовать их в соответствующих изданиях. Эти попытки не увенчались успехом, но уже в 1966 г. первая его книга, попавшая за границу, вышла в Париже[4].

Энергично сопротивлялся пропаганде атеизма и друг Левитина, его соавтор Вадим Шавров, обратившийся в христианство, когда они оба сидели в одном лагере в начале 1950-х гг. Он прерывал своими

---

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 228, лл. 10, 21.

[2]Хроника // Православный Вестник в Канаде. Церковный печатный орган Канадской епархии Русской Православной Церкви за границей, 1971, № 8. С. 4.

[3]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 86.

[4]*Левитин А. Э.* Защита веры в СССР. Рукопись, привезенная из Советской России. Париж: ИМКА–Пресс, 1966.

выкриками антирелигиозные лекции так настойчиво, что их порой приходилось прекращать[1]. Активная деятельность А. Левитина привлекала повышенное внимание властей, и 21 мая 1965 г., после прекращения "хрущевской" антирелигиозной кампании он был приглашен на беспрецедентную встречу с представителями государственных учреждений: двумя крупными работниками ГКБ, секретарем Ждановского райкома партии, директором Госполитиздата, заместителем директора Дома научного атеизма и др. Беседа касалась литературной деятельности А. Левитина, его пытались переубедить, запугать, подкупить. Так, заместитель редактора журнала "Наука и религия" Григорьян заявил: "... я узнал о тех безобразиях, которые творились в Почаеве, раньше Вас и сделал для их прекращения больше, чем Вы. Я в свое время звонил об этом в ЦК и говорил об этом в ЦК. Вы, очевидно, знаете, что наш журнал выступил недавно против такой одиозной личности, как Алла Трубникова". Московский уполномоченный Совета по делам РПЦ подчеркнул, что на последнем совещании в Совете было дано специальное указание действовать в строгом соответствии с законодательством и предложил Левитину (уже уволенному из школы) работать у него библиографом с окладом 150 рублей[2].

Но Анатолий Эммануилович остался верен своим убеждениям. В марте 1968 г. он в числе 12 авторов подписал петицию Международному совещанию компартий в Будапеште, вскоре был арестован и заключен в лагерь в Сычевке Смоленской области, а в 1974 г. выслан из СССР. Левитин поселился в Швейцарии и во второй половине 1970–1980-х гг. опубликовал десятки своих исторических и публицистических трудов, в том числе известные книги-воспоминания: "Лихие годы", "Рук твоих жар", "Родной простор. Демократическое движение" и "В поисках нового града".

Движение религиозных диссидентов на первом этапе достигло своего пика в 1963–1966 гг. Заключительная волна "хрущевских гонений" была особенно жестока, фактически встал вопрос о самом существовании церковной организации. Соответственно значительно усилилось сопротивление священнослужителей и мирян, все более открыто выражавших свое недовольство позицией Московской Патриархии. К 1963 г. относятся обращения защитников Почаевской лавры к Н. С. Хрущеву, Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко, во Всемирный Совет Церквей и ООН, ставшие широко известными на Западе[3]. Осенью 1963 г. было написано послание группы ленинградских верующих зарубежным русским религиозным организациям, так называемое "Письмо из Советского Союза", опубликованное в ежемесячнике "Православный Вестник в Канаде"[4]. В феврале 1964 г. ано-

[1] *Эллис Д.* Указ. соч. С. 13.

[2] *Левитин А. Э.* Указ. соч. С. 88–95.

[3] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д, 125, лл. 17, 169, оп. 55, д. 10, л. 231.

[4] Антицерковные гонения в Ленинградской епархии: 1958–1964. С. 155–156.

нимная группа мирян смогла передать заседавшему в Одессе Исполкому ВСЦ "Обращение к Всемирному Совету Церквей христиан России, Украины и Белоруссии". Оно заканчивалось просьбой ознакомить с его содержанием ООН, Восточных Патриархов, Папу Римского и передать обращение по радио, чтобы христиане всего мира могли молиться о верующих в СССР. Авторы объясняли анонимность страхом перед КГБ: "Если они поймают нас, они смешают с грязью, уничтожат"[1] и т. д.

Во много раз выросли масштабы распространения религиозного самиздата. Так, 5 марта 1963 г. Ленинградский уполномоченный Совета по делам РПЦ Г. С. Жаринов в своем докладе руководству "О контроле за проповеднической деятельностью духовенства в церквах Ленинградской области" писал, что в последнее время "среди наиболее активной части церковников стала распространяться всевозможная противоатеистическая литература, как завезенная из-за рубежа, так и своих "доморощенных авторов". В том числе статьи А. Краснова-Левитина и В. Шаврова "Атеизм и наука — несовместимы", "Ответ клеветникам", рукопись архиеп. Луки "Дух, душа, тело", анонимные сочинения "Ответ на статью К. Л. Воропаевой "Жил ли Христос?", "Как товарищ Осипов в коммунизм пропускает" и многие другие[2]. Через несколько месяцев, 25 июня, председатель Совета по делам РПЦ В. А. Куроедов на всесоюзном совещании уполномоченных в своем докладе значительное внимание уделил "идеологическим диверсиям" священнослужителей: "В Ленинграде, например, среди части духовенства недавно в большом количестве распространялась антисоветская религиозная литература, изданная на русском языке за границей... И кое-кто из духовенства клюнул на эту вонючую литературу. Некоторые служители культа составляют и распространяют в рукописном виде злобные, фанатичные, полные угроз письма бывшим деятелям православной церкви, отрекшимся от религии. Например, бывший богослов Осипов получил сотни таких писем. Отдельные представители духовенства прибегают и к таким приемам. Священник Кузнецов из деревни Старово Ярославской области записывал на магнитофон заграничные религиозные передачи, а затем проигрывал их при открытых окнах, привлекая таким образом население. За эту своеобразную идеологическую диверсию уполномоченный Совета снял его с регистрации и правильно сделал"[3]. А 12 ноября 1964 г. Г. Жаринов в докладе на совещании уполномоченных вновь подчеркнул всю остроту

[1] *Эллис Д.* Указ. соч. С. 14.

[2] ЦГА СПб., ф. 2017, оп. 1, д. 3, лл. 6–7.

[3] О задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах в свете решений июньского пленума ЦК КПСС. Доклад председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета с участием заместителей председателей и секретарей облисполкомов и крайисполкомов 25 июня 1963 года. М., 1963. С. 23.

проблемы, назвав появившиеся новые произведения самиздата: книгу Лелотта "Решение проблемы жизни", работы А. Левитина "Голосует сердце", "Натянутая тетива", анонимную статью "Откуда произошла вера в Бога?"[1].

В августе 1963 г. в газете "Правда" появилось сообщение об аресте священника о. Григория, занимавшегося подпольной миссионерской деятельностью. При обыске у него были найдены антисоветские листовки и приспособления для их размножения[2]. А в 1965 г. в Москве были разгромлены две подпольные группы, занимавшиеся изданием религиозной литературы, молитвенников, церковных календарей, икон. Эти работы выполнялись по ночам в государственных типографиях Института сельскохозяйственных исследований и фабрики ламп. Были произведены многочисленные аресты. Главного обвиняемого И. Старикова задержали в аэропорту в тот момент, когда он собирался отвезти в Киев чемодан и мешок с только что отпечатанными иконами. В советской прессе упоминались также Р. Мартынов и художник Ю. Якунинский, на квартире которого был обнаружен склад религиозных изданий[3]. Эти сообщения перекликаются со свидетельством американского студента, в 1964–1965 гг. проживавшего в СССР и встречавшегося с верующими студентами Московского университета — членами тайной религиозной организации. Она состояла из отдельных небольших кружков, участники которых собирались для совершения богослужений и миссионерско-просветительной деятельности[4].

Широко известно "самиздатовское" дело священника православной церкви г. Каган Узбекской ССР Павла Адельгейма. Хотя он был арестован в декабре 1969 г., почти все из изъятых у него 21 документа самиздата относились к 1963–1966 гг.: "Сила Православия", "По поводу письма В. Куроедова", "Открытое письмо из России церковному комментатору Би-Би-Си В. Родзянко", "О евреях и неохилиастах", "Письмо митр. Никодиму от прот. В. Шпиллера" и др. Ташкентский городской суд осудил П. А. Адельгейма на 3 года лишения свободы. В приговоре говорилось: "...хранил и распространял как в письменной, так и в устной форме рукописные тексты религиозно-философской литературы, машинописные тексты со статьями зарубежных религиозных деятелей реакционного, идеологически вредного и клеветнического содержания. А также сам писал письма и стихи такого же содержания"[5].

Важной вехой в истории религиозного диссидентства стало создание 2 февраля 1964 г. крупной подпольной организации, руководители

---

[1] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 528, л. 30.

[2] Правда, 1963, 18 августа.

[3] *Константинов Д.* Религиозное сопротивление в СССР. С. 47–48.

[4] *Румянцев П.* Живые свидетели истины // Русская Жизнь (Сан-Франциско), 1966, № 6. С. 2–3.

[5] В чем же виноват отец Павел Адельгейм? С. 320–338.

которой были сторонниками ведущей роли Русского Православия в обществе — "Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа". ВСХСОН возник в среде студентов и преподавателей Ленинградского университета, его особенностью была изначальная четкая христианская ориентация, деятельность организации началась с провозглашения своеобразного манифеста — "Десяти тезисов социал-христианства", составивших впоследствии основу "положительной части" программы. Союз смог просуществовать три года и к моменту своего разгрома включал, по данным следствия, 60 членов и кандидатов (фактически же, по воспоминаниям участников, около 100). Его ячейки существовали не только в Ленинграде, но и в Петрозаводске, Москве, Шяуляе, Томске, Иркутске и других городах. Возглавляли организацию выпускники ЛГУ: востоковеды И. В. Огурцов — руководитель, М. Ю. Садо — "начальник личного состава", литературовед Е. А. Вагин — "начальник идеологического отдела", юрист Б. А. Аверичкин — "хранитель материалов". Большинство зарубежных исследователей считает, что ВСХСОН являлся самым значительным подпольным объединением в СССР после смерти И. Сталина, а некоторые даже — первой за историю советской власти политической партией (возникшей в подполье)[1]. И действительно, например, две наиболее крупные нелегальные группы 1950-х гг. — Трофимова в Ленинграде и Краснопевцева-Генделя в Москве — не превышали 10 человек.

Союз намеревался скрытно и постепенно увеличивать количество своих членов с целью свержения коммунистической власти и построения в России социально-христианского строя. Были разработаны оригинальная программа, устав, "наставление по конспирации". В программе делалась попытка построения конкретной национальной модели христианского государства с опорой на три главных принципа: христианизацию политики, христианизацию экономики и христианизацию культуры. Верховным органом власти провозглашался Всероссийский Верховный Собор, в котором не менее трети мест предполагалось закрепить за духовенством. Эта идея христианского государства продолжала традицию русской религиозно-философской мысли XIX–XX вв. (А. Хомяков, В. Соловьев, В. Иванов, Н. Бердяев и др.). Для организации были характерны военная структура и четкая иерархичность: ее члены входили в боевые группы, отделения, взводы. В дальнейшем планировалось создать батальоны и корпуса. Это обеспечивало поддержание высокой дисциплины и облегчало сбор членских взносов (10% от зарплаты)[2].

Были созданы обширные библиотеки религиозной, философской,

---

[1]Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа // Посев, 1971, № 1. С. 38–43; *Дэнлоп Д.* Указ. соч. С. 56; *Эллис Д.* Указ. соч. С. 15; Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. С. 7, 100.

[2]Там же. С. 97–100; *Потапов В.* Православное инакомыслие в СССР // Русское Возрождение, 1979, № 7–8. С. 79.

политической литературы, в том числе фонд собственных произведений. Несколько переводчиков систематически обрабатывали иностранные издания. Их размножали машинописью, фотоспособом и конспектированием (имелось 15 пишущих машинок и более 10 фотоаппаратов). Среди распространяемой литературы были книги Н. Бердяева, Г. Федотова, А. Керенского, Кларксона, М. Джиласа, мемуары белых генералов и др. Следует отметить, что почти все члены организации были выходцами из несвязанных с Церковью интеллигентских семей, имели высшее или незаконченное высшее образование и в 1950-е гг. пережили процесс крушения коммунистических идеалов. В феврале 1967 г. союз был разгромлен, около 60 человек арестовано. Состоялось два судебных процесса: в ноябре–декабре 1967 и марте–апреле 1968 гг. Обвиняемых приговорили к различным срокам заключения — от 10 месяцев до 15 лет[1]. В дальнейшем их судьбы сложились поразному: Е. Вагин умер в эмиграции, И. Огурцов и сейчас продолжает заниматься политической деятельностью, М. Садо преподает в Санкт-Петербурской Духовной Академии и т. д.

Отношение к Русской Православной Церкви у ВСХСОН не было, как у большинства других религиозных диссидентов, реакцией на политику руководства Московской Патриархии, на которую эта организация обращала мало внимания. Оно являлось выражением того значения, которое должна была в идеале, по мнению членов союза, иметь Церковь. ВСХСОН представлял собой уникальное явление, хотя различных кружков, групп и обществ со сходными идеями, не сложившихся в обладавшие четкой структурой и собственной программой организации, было немало. Так, в середине 1960-х гг. КГБ "обезвредил" молодежное религиозное общество, созданное выпускниками и студентами Киевского университета, состоявшее примерно из 300 человек[2].

В 1965 г. ряд открытых акций протеста совершили священнослужители Московской Патриархии. Начал эту кампанию борьбы за освобождение Церкви от подчинения государственным структурам архиепископ Калужской Ермоген (Голубев). В 1962 г. он уже писал достаточно резкое послание Н. Хрущеву. А летом 1965 г. составил петицию на имя Патриарха Алексия с предложением изменить "положение о Русской Православной Церкви", принятое под давлением властей Архиерейским Собором 1961 г. Этот документ подписали еще 4 архиепископа и 3 епископа. В ответ 25 ноября архиеп. Ермоген был уволен на покой. Около двух лет он поддерживал контакты с оппозиционно настроенными священниками Глебом Якуниным и Николаем Эшлиманом и принимал участие в подготовке их знаменитых петиций. Вызванный в октябре 1966 г. в Патриархию, Владыка отказался подписать заявление об осуждении действий этих священников. А в ноябре 1967 г.

[1] Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа. С. 7–10, 95–97.

[2] *Алексеев В. А.* "Штурм небес" отменяется? С. 241.

архиепископ послал Патриарху еще одно письмо, в котором указывал на тягостное положение Церкви, произвол гражданских властей, бездействие руководства Патриархии. Владыка Ермоген был фактически заключен под домашний арест в Жировицкий монастырь. Священный Синод в 1969 г. под давлением Совета под делам РПЦ осудил его "вредную" церковную деятельность. После смерти Патриарха Алексия среди архиереев имелись сторонники избрания архиеп. Ермогена Патриархом, но его даже не вызвали на Собор 1971 г., и вплоть до своей смерти в 1978 г. Владыка так и находился под домашним арестом[1].

Из всех выступлений церковных диссидентов в 1960-е гг. наибольшее впечатление на широкую общественность произвели два открытых письма, подготовленных священниками Московской епархии Г. Якуниным и Н. Эшлиманом. Первое из них было написано 21 ноября 1965 г. и с приложением от 13 декабря отправлено Патриарху Алексию. В нем подробно перечислялись репрессивные акции, совершенные Советом по делам РПЦ, и указывалось на отсутствие сопротивления со стороны Патриархии. Оба священника настойчиво просили Первосвятителя принять срочные меры. Второе открытое письмо от 15 декабря было адресовано председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному. В нем содержался протест против "беззаконных действий руководителей и уполномоченных Совета по делам РПЦ, преступно нарушающих принципы социалистической законности и основные законодательные установления советской власти, определяющие отношение советского государства к Церкви". 13 мая 1966 г. авторы писем были запрещены митрополитом Крутицким и Коломенским Пименом (Извековым) в священнослужении[2].

Эти послания были быстро переведены на иностранные языки, получили мировую огласку и дали толчок для развертывания широкой кампании в зарубежных средствах массовой информации. Они стимулировали рост оппозиции в Патриаршей Церкви. Воодушевленные смелыми действиями, верующие стали высказывать свои взгляды на политику руководства Московской Патриархии. В 1966 г. А. Краснов-Левитин писал по этому поводу: "Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство русских священников и мирян горячо одобряют петицию двух героев. Правда, они пока молчат, ограничиваясь выражением самой тесной и трогательной симпатии к авторам героического документа. Это ничего — они заговорят завтра"[3].

Влияние открытых писем 1965 г. распространилось и далеко за

---

[1] *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. С. 165–166; *Константинов Д.* Указ. соч. С. 42–43; *Потапов В.* Указ. соч. С. 73–74.

[2] *Эллис Д.* Указ. соч. С. 16–17; *Самарин В.* Торжествующий Каин. Очерк крестного пути Русской Церкви // Православный путь (Джорданвилль), 1971. С. 142, 144.

[3] *Константинов Д.* Указ. соч. С. 39.

пределами Церкви. В результате усилилась религиозная струя в самиздате, в диссидентском движении в целом интерес к церковной проблематике стал постоянным, произошла определенная христианизация политической оппозиции в СССР. Так, Александр Солженицын позднее писал: “Еще весной 1966 г. я с восхищением прочел протест двух священников — Эшлимана и Якунина, смелый, чистый и честный голос в защиту церкви, искони не умевшей, не умеющей и не хотящей саму себя защитить. Прочел и позавидовал, что сам так не сделал, не найдусь. Беззвучно и неосознанно во мне это, наверно, лежало и проворачивалось. А теперь с неожиданной ясностью безошибочных решений проступило: что-то подобное надо и мне”[1].

Ярким подтверждением вывода А. Краснова-Левитина стало “Открытое письмо верующих Кировской (Вятской) епархии Патриарху Алексию и всем верующим Русской Православной Церкви” от 10 ноября 1966 г. Его подписали 12 человек, но автором являлся бывший преподаватель математики, пенсионер Борис Талантов. В послании содержалось требование предать духовному суду Кировского епископа, как нарушившего церковные каноны и способствовавшего закрытию храмов. Оно также прогремело на весь мир. Редактор парижского журнала “Вестник русского христианского движения” Н. Струве писал: “Вятский документ — первое “аминь”, произнесенное словам двух священников. Но его значение и в другом. Московские священники обобщили страдальческий опыт Русской Церкви за последние годы. Вятский документ — потрясающая иллюстрация к их обобщениям”. 30 марта 1967 г. Б. В. Талантов написал статью “Тайное участие Московской Патриархии в борьбе КПСС с Православной Христианской Церковью”, а затем еще несколько. В 1969 г. больной пенсионер был арестован и приговорен к двум годам заключения. В последнем слове на суде он подтвердил свою верность Христу и простился с близкими, так как предчувствовал, что уже никогда не выйдет на свободу. В 1971 г. Б. Талантов умер в тюремной больнице[2].

Участие священнослужителей Московской Патриархии в диссидентском движении в 1960-е гг. не ограничивалось указанными примерами. Известный московский протоиерей Всеволод Шпиллер также написал открытое послание, оказывал сильное сопротивление попыткам подорвать деятельность своего прихода после назначения туда неверующего старосты. В 1967 г. при попытке перейти границу Чехословакии был арестован священник Борис Заливако, вместе со своим другом А. Чинновым пытавшийся попасть на Запад с целью получения богословского образования (после службы в армии его не принимали в

[1] *Солженицын А.* Бодался теленок с дубом. Париж: ИМКА-Пресс, 1975. С. 168.

[2] Вестник РХД, 1966, № 86. С. 1; *Потапов В.* Указ. соч. С. 75–77; *Самарин В.* Указ. соч. С. 148, 151; *Константинов Д.* Зарницы духовного возрождения. С. 36.

духовные учебные заведения). Оба "преступника" оказались в психиатрической больнице, а затем в лагере. Только в 1975 г. Б. Заливако был освобожден и "сослан" в Томскую область[1].

В конце 1960-х гг. начал свои ставшие широко известными проповеди свящ. Димитрий Дудко. Он был осужден в 1948 г. за хранение и распространение стихов, призывавших к борьбе с безбожием, в 1956 г. освобожден и в 1960 г. рукоположен после завершения богословского образования. С 1962 г. о. Димитрий служил в Никольской церкви на Преображенке в Москве. Наталья Солженицына, знавшая его с 1968–1969 гг., через 10 лет вспоминала: "Это было время начала религиозных поисков многих людей, родившихся и выросших под гнетом коммунистической идеологии... Возврат в Церковь в те годы еще не был массовым, как сейчас, но уже заметно влиял на общую атмосферу общества. Люди искали живого слова о Боге, искали духовных наставников... Как только начал отец Димитрий свои проповеди — беседы в храме, — сотни молодых людей пришли к нему за духовным руководством. Беседы переписывали от руки, перепечатывали и широко распространяли по всей стране. Власти реагировали немедленно: обыски, допросы, переводы в дальние от Москвы храмы, автомобильная катастрофа при неестественных обстоятельствах..."[2]

Беседы Д. Дудко заключались главным образом в изложении основ христианского учения. Но он говорил и о роли Церкви в современном обществе, призывал ее быть нравственной силой. В этих проповедях мало упоминалась политика, однако все же затрагивались темы присутствия доносчиков в церкви или существования трудовых лагерей. В 1977 г. тексты бесед вышли отдельной книгой в США[3]. Кроме того, о. Димитрий хранил и распространял самиздат, зарубежную литературу. Подобную деятельность он продолжал до ареста 15 января 1980 г.

В советской атеистической литературе содержание его бесед в значительной степени искажалось и представлялось следующим образом: "Духовный пастырь использовал церковный амвон для далеко не религиозных проповедей. Заранее подготовленные его приспешниками вопросы были сформулированы так, чтобы Дудко имел возможность, отвечая на них, делать выпады против государственной власти, в искаженном виде изображать нашу действительность, настраивать паству против "безбожников". Делал он выпады и против Московской патриархии"[4].

Деятельность церковных диссидентов вызвала сильную тревогу властей. В июльском 1969 г. докладе В. А. Куроедова на всесоюз-

---

[1] *Эллис Д.* Указ. соч. С. 13; *Потапов В.* Указ. соч. С. 67.

[2] Там же. С. 84–85.

[3] *Дудко Д.* О нашем уповании. Нью-Йорк: Свято-Владимирская семинария, 1977.

[4] *Белов А., Шилкин А.* Диверсия без динамита. С. 99.

ном совещании уполномоченных Совета по делам религий указывалось: "В русской православной церкви группа фанатиков-демагогов под руководством епископа Ермогена, Краснова-Левитина, Эшлимана, Якунина пыталась внести смятение в среду православного духовенства. Она хотела спровоцировать служителей культа на выступления против законодательства о религиозных культах, на борьбу за возврат православию всех храмов, духовных семинарий и монастырей, прекративших существование за годы Советской власти. В результате своевременно предпринятых мер само духовенство осудило деятельность этой группы. Но мы не должны забывать, что среди служителей культа есть немало людей, скрывающих свое подлинное лицо, держащих, как говорится, камень за пазухой на Советскую власть ... Реакционерам всех мастей не нравится, что попы у нас выбиты со своей командной высотки управления делами церкви. Не случайно и все эти мракобесы-фанатики-ермогены, красновы-левитины, эшлиманы, якунины и другие в своих демагогических, клеветнических выступлениях прежде всего выдвигают вопрос о возврате к старым порядкам, когда поп был полновластным хозяином в религиозном обществе"[1].

В это время прошла серия арестов церковных диссидентов: Б. Талантова, П. Адельгейма, А. Левитина и некоторых других отправили в лагеря. Однако движение не только не пошло на убыль, но и вскоре в значительной степени выросло. На 1970-е гг. приходится качественно иной этап религиозного диссидентства, которое перешагнуло рамки Московской Патриархии и достигло высшего пика своего развития. Появляется новая сила, особенно активно проявившая себя в конце 1970-х гг. Это — активность мирян, возраставшая вне связи с Патриархией.

К 1970-м гг. церковные диссиденты составляли одну из известных групп независимо мыслящих людей, искавших большей свободы в разных областях советской жизни. Самая крупная и известная из них — объединение интеллигентов, боровшихся за гражданские права, проведение реформ, учитывавших опыт политических систем стран Запада и называвших себя Демократическим движением. Между его членами и растущей группой диссидентов в Русской Церкви существовало активное сотрудничество. Примером его является поддержка в начале 1970-х гг. двумя правозащитниками В. Челидзе и Б. Цукерманом попыток православных верующих зарегистрировать свой приход в Наро-Фоминске под Москвой[2].

Другим основным направлением мысли независимой советской интеллигенции, имевшим значительное влияние на членов Церкви, был русский национализм. Националисты считали, что нравственными и

[1] О современном состоянии религий в СССР и задачах усиления контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах. С. 23, 31.

[2] *Эллис Д.* Указ. соч. С. 20–21.

духовными ценностями народа на протяжении его истории были ценности Православия, и что их следует возродить. Они также полагали, что в будущем Русская Церковь займет центральное место в народной жизни, хотя различные группировки по-разному смотрели на ее роль. Между демократами и националистами порой возникало известно братство и сознание общности. Однако они коренным образом расходились в том, что касается осуществления перемен, будущего русской нации и Советского Союза в целом. Это нередко приводило к резкой полемике. Подобные дискуссии имели большое значение для православных диссидентов, их симпатии колебались между демократами и националистами различных оттенков.

Главным журналом самиздата, выражавшим русское национальное самосознание, в котором Православию отводилось ведущее место, было "Вече". Десять номеров журнала вышли в 1971–1974 гг. Его появление подготовил бурный рост русского самосознания в 1964–1970 гг. Издавал "Вече" "либеральный националист" Владимир Осипов, освобожденный в конце 1968 г. из лагеря, где он обратился к вере. В ноябре 1974 г. Осипов был вторично арестован и приговорен к 8 годам лишения свободы[1].

1971 г. вошел в историю русского диссидентства не только появлением "Вече", но и всплеском религиозного инакомыслия в связи с подготовкой и проведением Поместного Собора. В его адрес было отправлено несколько открытых писем. Одно из них — "Обращение к Поместному Собору Русской Православной Церкви по поводу богословской деятельности высокопреосвященного Никодима, митрополита Ленинградского и Новгородского и других единомысленных ему лиц", содержало резкую критику этой деятельности. Его авторы — свящ. Николай Гайнов, миряне Ф. Карелин, Л. Регельсон, В. Капитанчук попытались начать внутри Церкви дискуссию по богословским вопросам. С другим документом обратились к Собору свящ. Георгий Петухов, иеродиакон Варсонофий (Хайбулин) и мирянин Л. Фомин, призывая добиться у государства открытия церквей и монастырей, преподавания Закона Божия в школах и т. п. Иркутский свящ. Евгений Касаткин также отправил послание, описывая пагубные последствия реформы 1961 г. в приходской жизни. Подобное же требование выражали и не менее 5 архиереев. Наиболее известное заявление было подано архиепископом Иркутским Вениамином (Новицким)[2].

10 июня 1971 г. московский уполномоченный Совета по делам религий А. Плеханов писал В. А. Куроедову: "...среди духовенства есть и

[1] *Дэнлоп Д.* Указ. соч. С. 17; *Потапов В.* Указ. соч. С. 79; *Вагин Е.* Указ. соч. С. 56.

[2] Вече (Москва), 1971, 19 мая, № 2. С. 2–4; *Потапов В.* Указ. соч. С. 82–83; Проект резолюции IV раздела "Положения об управлении Русской православной церковью" // Вестник РХД, 1977, № 120. С. 297–300.

такие лица, которые ожидали от Поместного Собора внесения некоторых изменений в церковную реформу 1961 года, в части предоставления права духовенству избираться в церковные советы, а некоторые жили надеждой, что им будет предоставлено право управлять финансово-хозяйственными делами церкви"[1]. А в информационном отчете Совета в ЦК КПСС за 1971 г. указывалось: "Другая, хотя и небольшая часть епископата, хотела бы избрать главой церкви такого деятеля, который по своим взглядам был бы близок к взглядам патриарха Тихона, известного своими антисоветскими высказываниями и анафемами; имели место и нелегальные вылазки экстремистов. Так, в начале 1971 г. появилось анонимное обращение к епископату и клиру с призывом "не избирать в качестве патриарха теперешних членов Священного Синода, продавшихся властям", а выдвинуть на этот пост архиерея, способного противостоять государству, атеизму и укрепить церковь, возродить ее былые позиции. В качестве кандидатов на патриарший пост в анонимке выдвигались 24 архиерея, а первым среди них назывался архиепископ Ермоген"[2].

Неудача обращений к Поместному Собору заставила многих сделать вывод, что членам Церкви, в попытках добиться для нее большей свободы, необходимо прибегать к другим мерам воздействия. Правда, еще вплоть до 1974 г. основные выступления церковных диссидентов — "Великопостное письмо" Патриарху 1972 г. А. Солженицына и споры вокруг него, отчет И. Шафаревича "Законодательство о религии в СССР" для Комитета по правам человека и т. д. — концентрировались на роли Московской Патриархии и возможности перемен в ней. Но постепенно становилось все яснее, что Патриархия, по крайней мере в обозримом будущем, не сможет перемениться, и призывы к руководству ее с годами раздавались все реже и реже.

В 1974 г. одновременно и независимо друг от друга возникли два религиозно-философских семинара — в Москве и в Ленинграде. Последний выпускал несколько самиздатовских периодических изданий, из которых самым продолжительным был журнал "37" (выходил до 1981 г.). Московский семинар под руководством А. Огородникова также в 1978 г. начал издавать собственный неофициальный журнал "Община". Традиции "Вече" продолжали новые самиздатовские христианско-националистические периодические издания "Земля", "Московский сборник" и др. Религиозная струя все сильнее проявлялась в диссидентском движении. Уже к середине 1970-х гг., по подсчетам "Архива самиздата", около 50% его выходило из рук верующих. Расцвет же православного диссидентства пришелся на 1976–1979 гг. Этот период далеко выходит за временные рамки книги и поэтому подробно характеризоваться не будет. Следует отметить только особую роль, которую сыграл созданный в декабре 1976 г. "Христианский комитет

---

[1] Пимен (Извеков) — последний "советский" патриарх. С. 42.

[2] Там же. С. 43.

защиты прав верующих в СССР" — первая православная правозащитная организация, действовавшая от имени всей Церкви. Комитет работал в тесном сотрудничестве с Московской Хельсинской группой. Его основателями были исключительно православные — свящ. Г. Якунин, иеродиакон Варсонофий (Хайбулин) и В. Капитанчук, к 1980 г. их ряды пополнили священники Н. Гайнов, В. Фонченков и мирянин В. Щеглов. Только в 1981 г. среди новых тайных членов комитета появились представители других конфессий — баптисты, адвентисты, пятидесятники[1].

На 1980-е гг. пришелся последний третий период деятельности религиозных диссидентов. Волна репрессий в конце 1979–1982 гг. нанесла по ней тяжелейший удар. Арестованы были почти все основные активисты — Г. Якунин, Д. Дудко, Л. Регельсон, А. Огородников, В. Капитанчук, В. Пореш, Т. Щипкова и многие другие. КГБ смог на время в значительной степени подавить движение. Хотя полностью "искоренить" церковных диссидентов не удалось. И в первой половине 1980-х гг. существовало немало неофициальных религиозных групп и семинаров, выходили самиздатовские журналы "Надежда", "Многая лета" и т. д. А с середины десятилетия, после некоторого ослабления репрессий, освобождения большинства "узников совести", в СССР вновь происходит бурный рост самиздата, особенно в период подготовки и празднования тысячелетия крещения Руси. Причем доля религиозного самиздата по сравнению с 1970-ми гг. еще более возросла. Набиравшая силу и влияние независимая печать подвергала резкой критике пассивность высшего духовенства, печатала документы, свидетельствовавшие о подчинении епископата Совету по делам религий, требовала от священнослужителей вести борьбу за Церковь. В эту деятельность включились освобожденные из лагерей Г. Якунин, А. Огородников, В. Пореш и многие другие[2]. Условной границей завершения третьего периода церковного диссидентства можно считать 1991 г. — время крушения советской власти и распада СССР. К этому времени в основном на базе религиозно-философских семинаров, кружков, оппозиционных и государству и Московской Патриархии, уже возникло несколько небольших христианских партий, движений и союзов, активно включившихся в политическую жизнь страны.

Мы видим, что формы сопротивления разовых верующих и священнослужителей Русской Церкви антирелигиозной политике советского государства были достаточно многообразны. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. особенно важную роль играло движение "непоминающих" и прежде всего иосифлян, пытавшихся вести легальную оппозиционную деятельность. В дальнейшем массовое распространение получают

---

[1] *Эллис Д.* Указ. соч. С. 146–158: Хроника // Посев, 1980, № 58. С. 21–32; *Аксенов-Меерсон М.* Указ. соч. С. 3, 5.

[2] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 388–389; *Эллис Д.* Указ. соч. С. 259–266.

тайные катакомбные общины, впервые возникшие еще в 1918 г. А в конце 1950-х гг. появляются религиозные диссиденты. Возникновение их связано как с началом процесса обращения к вере некоторых групп советской интеллигенции, так и с кризисом доверия к руководству Патриархии среди определенных слоев священнослужителей и мирян в период хрущевских гонений.

Известно, что часть православных верующих не считала открытое диссидентское движение правильным с церковной точки зрения. Одни, включая и иерархов, опасались конфронтации с властями, чтобы не потерять и существовавшую ограниченную свободу. Другие, побуждаемые скорее духовными соображениями, полагали, что не дело Церкви заботиться о людских правах. Но отсутствие прямой поддержки в широких массах еще не означало, что деятельность диссидентов не пользовалась у них одобрением. Действительно, на протяжении почти 30 лет основную активность проявляла сравнительно небольшая группа, состоявшая, главным образом, из интеллигенции. Однако по мере того, как ряды активистов ослабевали в результате арестов или эмиграции, движение продолжало пополняться новыми членами из числа прежде молчавших.

Деятельность церковных диссидентов в СССР делится на три основных этапа. Первый — начальный — приходится на 1958–1969 гг., когда постепенно набиравшее силу движение существовало еще в рамках Московской Патриархии. На втором этапе — в 1970–1979 гг. — оно вышло из них и пережило бурный подъем. 1980–1991 гг. характеризуются сначала сильным спадом под ударами КГБ, а затем новым ростом с 1986–1987 гг. Все указанные формы религиозного сопротивления помогали Русской Церкви выстоять даже в периоды самых жестоких гонений, оказывали непосредственное воздействие на государственную политику, являлись важной причиной изменения ее курса, тех или иных уступок советского руководства.

Глава IV
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

§1. *Русская Церковь в центре "большой политики"*

К началу Великой Отечественной войны Московская Патриархия уже несколько лет не вела международную деятельность. В докладе 1946 г. в ЦК ВКП(б) председателя Совета по делам РПЦ Г. Карпова отмечалось, что к 1935–1936 гг. она полностью прекратила связь с заграницей[1]. Правда, еще оставалось 5 приходов в ее юрисдикции в Западной Европе, несколько в США, но их связи с Москвой практически оборвались. Государственные органы целенаправленно ликвидировали все контакты Русской Церкви с внешним миром, чтобы сведения о ее разгроме и уничтожении духовенства не стали достоянием мировой общественности.

С нападением Германии ситуация изменилась. Теперь для руководства СССР большое значение приобрели отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции, прежде всего Великобританией и США. Правительствам этих стран было небезразлично положение Церкви в Советском Союзе. Так, особую заинтересованность в этом вопросе проявил президент Ф. Д. Рузвельт — очень набожный человек. Уже в конце октября 1941 г. прибывший в Москву его личный представитель А. Гарриман сообщил И. Сталину об обеспокоенности американской общественности судьбой Русской Церкви и передал просьбу президента улучшить ее правовое и политическое положение. Советское руководство учло и имевшиеся у Московской Патриархии значительные возможности для установления тесных контактов с влиятельными религиозно-клерикальными течениями в западных странах и ее способность влиять на антифашистскую борьбу в оккупированной Восточной Европе. В поступившей к И. Сталину докладной записке из НКВД отмечалась важная консолидирующая роль Русской Церкви в набиравшем силу антифашистском движении славянских народов на Балканах[2].

И сразу же после наступившего перелома в ходе Сталинградской битвы, когда положение на фронтах улучшилось, руководство Московской Патриархии выступило с целым рядом посланий к православным верующим восточно-европейских стран. В ноябре и декабре 1942 г. митр. Сергий обратился к румынскому духовенству и солдатам ру-

---

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125. д. 407, л. 14.

[2]*Судоплатов П. А.* "Остаюсь единственным живым свидетелем...". С. 40; *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. С. 361.

мынской армии с призывами "окончить войну с русским народом, с которым румыны связаны узами христианского братства, и прекратить пролитие братской единоверной крови"[1]. Эти послания готовились и распространялись с санкции высшего партийного руководства. Например, 23 апреля 1943 г. заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов писал секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову: "По просьбе Всеславянского комитета борьбы с фашизмом, глава православной церкви в СССР митрополит Сергий составил антифашистское обращение к славянским народам"[2]. После одобрения ЦК обращение "Всем христианам в Югославии, Чехословакии, Элладе и прочих странах и народам, томящимся под гнетом фашистских оккупантов" было напечатано в типографии и переправлено через линию фронта.

Особенно активно участвовал в организации пропаганды за границей митр. Николай (Ярушевич). Он был членом созданного правительством Всеславянского комитета, призывавшего братьев-славян поддержать СССР в борьбе с нацистами. В мае 1943 г. митрополит впервые появился в президиуме на III Всеславянском митинге в Москве и его речь опубликовали в газетах. Состоя членом Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений фашистских захватчиков, митр. Николай оказался в числе подписавших заявление о том, что убийство тысяч польских офицеров под Катынью было совершено немцами. Неоднократно писал митр. Николай и антифашистские послания к народам Европы, например "Братьям-славянам!" от 11 июня 1943 г.[3]

Но подобная деятельность являлась только началом. Уже весной 1943 г. И. Сталина стал беспокоить вопрос о будущем разделе сфер влияния в Европе. Он понимал, что преодолеть идеологический барьер с ее народами будет неизмеримо легче, если прибегнуть к религии, обеспечить передачу своих идей по церковным каналам. Прежде всего предполагалось использовать Православные Церкви Восточной Европы. Кроме того, с Московской Патриархией были связаны и более глобальные планы утверждения ее первенства в православном мире, превращение в своего рода "Московский Ватикан". Определенное значение имело и то, что во многих странах имелась паства Русской Церкви. Советскому руководству представлялось возможным распространять свое влияние таким образом на добрую половину мира. Ведь существовали экзархаты, епархии, благочиния, духовные миссии в Китае, Японии, Северной и Южной Америке, Палестине, Корее, Бельгии, Венгрии и т. д. Лишь небольшая часть из них оставалась в каноническом подчинении Московской Патриархии, однако духовные связи с Церковью Матерью сохранялись. И 5 июня 1943 г. И. Сталин

[1] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 77.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 188, л. 8.

[3] Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.). С. 65–67; *Fletcher W.* A Portrait of the Most Praised and Vilified of Modern Churchmen. P. 43–44.

подписал секретное постановление Государственного комитета обороны "Об утверждении мероприятий по улучшению зарубежной работы разведовательных органов СССР", в котором религиозные организации впервые были отнесены к категории интересов советской внешней разведки[1].

Международная деятельность Московской Патриархии существенно активизировалась с сентября 1943 г., сразу же после приема председателем СНК митрополитов Сергия, Алексия и Николая. Конечно, нельзя ее оценивать исключительно с политических позиций. Русская Православная Церковь имела традиционные многовековые связи с различными религиозными конфессиями. И поэтому было естественным, как только были сняты запреты, восстановление их. Эти контакты касались и сугубо церковных вопросов. Однако внешние связи Патриархии являлись областью, в которой зависимость Церкви от государства ощущалась более всего. Некоторые иерархи были заинтересованы в восстановлении могущественной Русской Церкви с ее дореволюционным международным влиянием, сочувствовали они и идее "Великой Руси". Правда, активность руководящих деятелей Патриархии в выполнении чисто политических акций, тяготивших их, оказалась весьма далека от расчетов сталинского окружения.

8 сентября, в день избрания Патриарха, было принято "Обращение Собора епископов Русской Православной Церкви ко всем христианам мира". А через полторы недели произошла встреча Первосвятителя с делегацией Англиканской Церкви. В начале осени руководители стран антигитлеровской коалиции готовились к первой личной встрече в Тегеране. Для оказания воздействия на союзников с целью скорейшего открытия второго фронта И. Сталин использовал различные способы, в том числе влиятельные общественные движения. В числе таких организаций, с руководителями которых председатель СНК вел личную переписку, был Объединенный комитет помощи Советскому Союзу в Англии во главе с одним из высших деятелей Англиканской Церкви, настоятелем Кентерберийского собора Х. Джонсоном. В движение за скорейшее предоставление помощи СССР в Великобритании активно включились и другие иерархи, в том числе архиепископ Кентерберийский Коэмо Г. Ланг, написавший специальную молитву о даровании победы русскому воинству[2]. Руководство Англиканской Церкви в конце лета 1943 г. обратилось к советскому правительству с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Накануне Тегеранской конференции такой визит был признан И. Сталиным желательным и полезным.

---

[1] *Кнышевский П. Н.* Истоки тотального шпионажа // Государственная безопасность и демократия, 1993, № 2. С. 45.

[2] *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. С. 336–337; Русская Православная церковь 988–1988. Очерки истории 1917–1988 гг. С. 52.

Делегация прибыла в Москву 19 сентября и за 10 дней своего пребывания несколько раз встречалась с иерархами Московской Патриархии, осмотрела разрушенный фашистами Ново-Иерусалимский монастырь в г. Истре. Пропагандистская цель визита была полностью достигнута. Во время прощального посещения Патриарха архиепископ Йоркский С. Ф. Гарбетт заявил: "По приезде в Англию меня будут осаждать корреспонденты, они будут спрашивать "есть ли в России свобода отправления религиозного культа", и я отвечу, что "безусловно, да",а когда книга "Правда о религии в России" будет переведена в Англии на английский язык, она принесет много пользы в деле понимания в Англии разных сторон русской церковной жизни"[1].

Делегацию Московской Патриархии несколько раз приглашали посетить Лондон. Но И. Сталин в тот момент высказался против поездки, и когда Патриарх обратился за разрешением на ответный визит к Г. Карпову, то получил отказ. Заместитель председателя СНК В. М. Молотов 13 октября 1943 г. дал председателю Совета по делам РПЦ следующие указания: "От посылки в Англию церковной делегации следует воздержаться. В разговоре с патриархом, если он будет напоминать, скажите, что в силу национальной гордости нам не следует кланяться и так быстро реагировать на их предложение, к тому же и воюют они еще плохо. Одно дело, когда они приезжали к нам на поклон, другое дело нам ехать туда. Я считают, что нужно воздержаться"[2].

Получив отказ, Патриарх Сергий больше не проявлял особой инициативы в международных делах. Например, даже после трехкратных просьб о приеме в Москве греческой принцессы Ирины, он так и не сделал запрос в правительство (впрочем, там знали об этих просьбах, но молчали). Тем не менее Патриархии приходилось все больше внимания уделять внешнеполитическим проблемам. На заседаниях Свящ. Синода 20–28 октября 1943 г. рассматривался доклад патриаршего экзарха, митрополита Алеутского и Северо-Американского Вениамина об общем положении дел, образовании нового прихода в Буэнос-Айресе, ему было поручено возбудить ходатайство перед правительством США о передаче Московской Патриархии зданий и имущества, принадлежавших когда-то Русской Церкви. Кроме того, "Синод определил необходимым провести надлежащее выяснение об имуществе и зданиях, ранее принадлежавших б. Русской Православной Духовной Миссии в Палестине, после чего возбудить ходатайство о возвращении их"[3].

К 1945 г. Русской Церкви удалось возобновить многие международные связи. Большой резонанс имели антифашистские обращения

---

[1]Русская православная церковь стала на правильный путь // Исторический архив, 1994, № 3. С. 143.

[2]Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.). С. 47.

[3]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 3, лл. 21–21 об.

патриарха Алексия к православным румынам и болгарам. Завязалась активная переписка с Восточными патриархами. Теснимые другими религиозными течениями, они ожидали получить от сильной и богатой Русской Церкви разнообразную помощь. Ярким примером роста авторитета последней явилось обращение в ноябре 1944 г. через штаб 4-го Украинского фронта представителей Мукачевско-Пряшевской епархии о принятии ее в юрисдикцию Московской Патриархии. 8 декабря делегация посетила митр. Алексия, а 11 декабря Карпова, через которого передала письмо Сталину о желании не только Церкви, но и всей Карпатской Руси (входившей до войны в состав Чехословакии) воссоединиться с великой Россией[1].

На январском 1945 г. Поместном Соборе присутствовали главы и представители 8 автокефальных Православных Церквей, не только заявившие о своей признательности правительству СССР, но и фактически давшие согласие на совместную борьбу с Ватиканом, который представлялся советскому руководству основным противником в новой религиозной международной политике. В ответ гостям Собора было подарено 80 музейных предметов драгоценной церковной утвари[2]. Щедрая материальная поддержка Восточных Патриархов, как инструмент воздействия на них активно применялась и в дальнейшем. Установившиеся связи были закреплены поездкой Патриарха Алексия в мае-июне 1945 г. с официальным визитом к Иерусалимскому, Антиохийскому, Александрийскому Патриархам, опиравшейся на традицию паломничества к святым местам. В начале 1946 г. Карпов предлагал Сталину "усилить влияние на восточные патриархаты, которые хотя и малочисленные, но считающиеся авторитетными в православном мире, с целью использования их в будущем на своей стороне при решении ряда важных церковных вопросов". Согласие было получено, и в ноябре-декабре 1946 г. митр. Григорий (Чуков) побывал в Сирии, Ливане, Египте, одаривая крупными суммами валюты, и везде получал заверения местных иерархов, что "возглавляемые ими патриархаты и церкви всегда будут поддерживать Московскую Патриархию в международных церковных вопросах"[3]. Наибольшую озабоченность вызывала позиция Константинопольского Патриарха Максима V, и ему в 1946 г. выделили 50 тыс. долларов[4]. Это дало свои плоды. Так например, Вселенский Владыка (несмотря на давление турецкого правительства) отказался осудить греческих коммунистов, развернувших вооруженную борьбу в своей стране.

Еще больший успех был достигнут в Восточной Европе. В январе 1945 г. Патриарх Алексий активно содействовал снятию Константино-

---

[1] Русская православная церковь стала на правильный путь // Исторический архив, 1994, № 4. С. 266–268.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 21.

[3] *Васильева О. Ю.* Кремль против Ватикана. С. 39.

[4] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125. д. 407, л. 34.

польской Патриархией схизмы с Болгарской Православной Церкви, и в апреле глава последней митрополит Стефан заявил Московской делегации: "Православная Русская Церковь заняла ведущее место в большом семействе славянских народов, как старшая и передовая среди православных церквей"[1]. Правда, взаимоотношения Болгарского экзарха с новым правительством страны нормализовались далеко не сразу. Посетившие в апреле-мае 1945 г. Югославию и Румынию делегации Московской Патриархии были торжественно приняты руководителями этих государств. В октябре 1946 г. Румынский Патриарх Никодим, всю войну занимавший крайне недоброжелательную позицию к СССР, нанес ответный визит в Москву. Была достигнута договоренность, что возглавляемая им Церковь не примет участие в экуменическом движении, Московской Патриархии передадут храм в Бухаресте для организации подворья. Согласно докладной записке Г. Карпова в Совнарком, "Патриарх Никодим и участвовавшие в беседе румынские епископы Николай и Юстиниан высказывали также мысль о том, что Москва должна стать центром Православия, а Русская Православная Церковь возглавить борьбу с католицизмом. При этом они дали согласие принять участие в 1947 г. в совещании православных церквей славянских государств для обсуждения этой проблемы"[2]. И после возвращения Патриарх принялся оказывать помощь демократическому фронту в подготовке к выборам. В докладе в ЦК ВКП(б) об итогах работы за 1946 г. Г. Карпов подчеркивал, что в период разгара борьбы в Румынии духовенство активно поддержало сторонников социалистических преобразований: "Это особенно сказалось во время последних выборов в парламент, когда Румынская православная церковь, по указанию Никодима, только что вернувшегося из Москвы, во многом способствовала победе демократического фронта"[3]. Неслучайно Патриарха Алексия и Г. Карпова наградили орденом "Звезда Румынии", причем это награждение было одобрено 23 декабря 1946 г. специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б)[4]. Особенно тесными стали связи Русской и Румынской Церквей после смерти Никодима и избрания в мае 1948 г. нового Патриарха Юстиниана.

Сербский Патриарх Гавриил, заключенный в 1944 г. в концлагерь Дахау на территории Германии, после освобождения поселился в Италии и долгое время не желал переезжать в Югославию, ожидая возвращения в страну короля Петра. Только переговоры осенью 1946 г. с представителем Московской Патриархии архиепископом Елевферием заставили его изменить решение. В докладе Г. Карпова в ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1947 г. отмечалось, что архиеп. Елевферий "по поручению патриарха Алексия, провел с Гавриилом ряд бесед и убедил

[1] ЖМП, 1945, № 5. С. 19; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 65, л. 280.
[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, лл. 91–92.
[3] Там же, л. 31.
[4] Там же, д. 506, л. 102.

его в необходимости вернуться в Югославию и сотрудничать с демократическим правительством"[1]. После возвращения Патриарх занял лояльную позицию к гражданским властям страны и вплоть до своей кончины в 1950 г., несмотря на разрыв И. Сталина и И. Б. Тито, оставался верным другом Русской Церкви.

В Чехословакии после расстрела фашистами в 1942 г. единственного епископа Горазда и значительной части священников встал вопрос о самом существовании Православной Церкви в стране. Позволила ей возродиться и многократно вырасти прежде всего помощь из СССР. Приехавший в октябре 1945 г. архиепископ Орловский и Брянский Фотий провел переговоры с представителями верующих о принятии Чехословацкой Православной Церкви в юрисдикцию Московской Патриархии. Этот вопрос был решен в январе 1946 г., а в апреле главой учрежденного экзархата архиепископом Пражским и Чешским был назначен бывший епископ Ростовский Елевферий. В 1947 г. первый чехословацкий студент стал учиться в Ленинградских Духовных школах, а 14 ноября 1948 г. удалось открыть Православную семинарию в Карловых Варах[2]. В апреле 1948 г. глава делегации Московской Патриархии в Албании епископ Ужгородский и Мукачевский Нестор участвовал в хиротонии во епископа бывшего партизана архимандрита Паисия (Водица). Последний в 1949 г. возглавил Албанскую Православную Церковь, целиком ориентируясь на Москву.

Более сложная ситуация существовала в Польше. Местная Православная Церковь в 1920-е гг. объявила себя автокефальной, независимой от Российской. После окончания войны глава ее, "антисоветски настроенный" митрополит Дионисий, был отстранен от управления, и Патриарх Алексий настаивал на вхождении Польской Церкви в юрисдикцию Московского Патриархата. Однако польское правительство заняло в этом вопросе резко отрицательную позицию. В ноябре 1946 г. в беседе с Карповым министр юстиции Г. Свентковский заявил о необходимости автокефалии, одновременно подчеркнув, что о руководителе Польской Церкви "должен позаботиться ваш патриарх Алексий, на которого мы смотрим как на главу всех славянских церквей"[3]. 22 июня 1948 г. Синод Русской Церкви согласился с самостоятельностью польского Православия, а в 1951 г. на кафедру митрополита Варшавского и всея Польши был поставлен недавний архиепископ Львовский и Тернопольский Макарий.

Успешно на первых порах проходило и воссоединение русских эмигрантских приходов. Этому способствовало массовое патриотическое движение в эмигрантской среде в годы войны, появление чувства гордости за свою великую, победившую фашистские державы родину,

---

[1]Там же, д. 407, л. 27.

[2]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 130, л. 457; *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. С. 141.

[3]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 10, л. 39.

связь с которой для большей части была возможна только лишь через церковные каналы. "Атмосфера, существовавшая во Франции к концу войны и в период сразу после войны, была исключительно благоприятной как для Советского Союза, так и для Московской Патриархии... Сильная волна советского патриотизма захватила этот район русской эмиграции"[1]. Уже вскоре после освобождения Парижа, в ноябре 1944 г., глава Западно-Европейской русской епархии, находившейся в юрисдикции Константинопольской Патриархии, митрополит Евлогий (Георгиевский) написал Патриарху Алексию о желании пересмотреть свой статус и восстановить связи с Москвой.

В книге воспоминаний митр. Евлогия Т. Манухина так оценивала его настроения: "Огромная непобедимая Россия, от Ледовитого океана до Индийского (мечта!), гроза пограничных сильных держав, покровительница малых, сестра родная всех славян... и Москва — кто знает! — быть может, всемирный центр Православия... Известие о прекращении гонений, а потом о Соборе и избрании Патриарха Владыка воспринял как великую радость духовной победы, связанную с победой на полях сражений, как знак "прощенности" русского народа"[2]. В марте 1945 г. планировался приезд митр. Евлогия в Москву, но он не состоялся из-за его болезни. Воссоединение 75 евлогианских приходов с Московской Патриархией произошло в сентябре этого года в результате поездки во Францию митрополита Николая (Ярушевича). Из епархии был образован особый экзархат. Правда, данное достижение "церковной дипломатии" в конечном итоге оказалось временным. Уже 25 декабря 1945 г. заместитель наркома иностранных дел В. Деканозов с тревогой писал Г. Карпову: "Успехи митрополита Николая Крутицкого вовсе не закреплены и могут быть легко разрушены. Тов. Богомолов (посол во Франции) считает, что следует поспешить с присылкой в Париж постоянных представителей Московской патриархии и закрепить первоначальные успехи Николая, иначе англо-американцы захватят заграничные православные организации в свои руки и обратят их в орудие борьбы против нас"[3]. Но это предложение казалось тогда советскому руководству явной перестраховкой.

В сентябре 1945 г. воссоединился с Московской Патриархией и глава Западно-Европейской епархии Заграничного Архиерейского Синода митрополит Серафим (Лукьянов). Подобные процессы охватили русские приходы в Германии, Австрии, Венгрии, Югославии, Великобритании и многих других странах Европы, Африки и Азии. Так, сразу же после избрания Патриарха Алексия архиереи дальневосточных

---

[1] *Kolarz W.* Religion in the Soviet Union. P. 59.

[2] ***Евлогий (Георгиевский), митрополит.*** Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 611–612.

[3] ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 65, л. 452.

епархий Заграничной Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Харбинским и Маньчжурским Мелетием стали возносить за богослужениями его имя, несмотря на угрозы и репрессии японских властей. В октябре 1945 г. они были приняты в юрисдикцию Московской Патриархии, как и Русская Духовная Миссия в Китае[1].

В Финляндии монахи Валаамского монастыря еще в ноябре 1944 г. ходатайствовали о воссоединении. В октябре 1945 г. в эту страну приехал митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, принял в каноническое общение Коневецкий и Валаамский монастыри, 2 прихода в Хельсинки и взял письменные обязательства архиереев Финляндской Православной Церкви о скором возвращении их из Константинопольского Патриархата в Московский. В 1946 г. и правительство Финляндии, судя по заверениям ее посла в СССР, было согласно с этим актом, намеченным на декабрь[2]. Но запланированный приезд финской делегации в Москву не состоялся. Видя, что разработанный план сорвался, в Совете по делам РПЦ решили изменить тактику и другим способом завоевать нового союзника. В мае 1948 г. Патриарх Алексий известил архиепископа Германа о своем решении даровать возглавляемой им Финляндской Православной Церкви полную автокефалию при условии предварительного возвращения в юрисдикцию Московского Патриархата. 16 ноября Патриарх даже составил соответствующее постановление Синода, однако Собор Финляндской Церкви был перенесен с осени 1948 г. на 1950 г., причем и тогда отложил решение этого вопроса до 1955 г. Таким образом, в Финляндии воссоединились с Московским Патриархатом лишь упомянутые монастыри и приходы.

Подводя итоги работы Совета по делам РПЦ за 1943–1946 гг., Г. Карпов писал И. Сталину, что его роль, функции и объем работы значительно вышли за рамки, предусмотренные положением о Совете, так как после окончания войны основное внимание уделялось внешнеполитической деятельности, предусматривавшей расширение сфер влияния Русской Церкви. Только в 1945 г. были организованы выезды ее делегаций в 15 стран. В результате в юрисдикацию Русской Церкви вошли три митрополита, 17 епископов и 285 приходов[3]. В другом отчете в ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1947 г. указывалось: "Русское духовенство, в частности, сыграло большую роль в деле агитации за принятие советского гражданства бывшими эмигрантами... Русская эмигрантская печать, пользующаяся поддержкой церкви, также почти повсеместно изменила свое политическое лицо, благожелательно относясь к Советскому Союзу... Осуществляя мероприятия по воссоединению Русской православной церкви за границей с Московской патриархией

---

[1]Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 86–87, 95.

[2]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 130, л. 552.

[3]Русская православная церковь стала на правильный путь // Исторический архив, 1994, № 3. С. 100.

и развивая связи с православными церквами славянских государств, Совет ставил основной целью использование Русской церкви в качестве канала для проведения нашего влияния за рубежом"[1]. Так как до революции в крупнейших городах мира действовало 55 посольских храмов России, Г. Карпов считал возможным вернуть их и организовать на базе этих церквей Духовные Миссии. Намечалось добиться и возвращения зданий, имущества уже существовавших ранее Русских Миссий в Палестине, США, Китае, Японии, Корее (что частично удалось). В упоминавшемся отчете от 14 февраля 1947 г. подчеркивалось, что они "являлись бы надежной базой для распространения русского влияния за границей"[2].

Возвращению русских эмигрантских приходов в юрисдикцию Московской Патриархии первоначально способствовал острый кризис Зарубежной Русской Православной Церкви (Карловацкой). Ее высший орган — Архиерейский Синод — в 1944 г. по разным причинам сократился до 3 членов и фактически больше года активно не функционировал. Советская пропаганда распространяла утверждение о том, что он перестал существовать. Окончательная ликвидация влиятельной в своей сфере Зарубежной Русской Церкви была важной задачей Совета по делам РПЦ. 10 августа 1945 г. Патриарх Алексий написал обращение "К архипастырям и клиру так называемой карловацкой ориентации", призывая их принести покаяние. Однако ожидаемого результата оно не принесло. Зарубежная Церковь пополнилась оставившими в годы войны Родину десятками тысяч верующих из Украины, Белоруссии, России и постепенно восстановила многие свои позиции. Весной 1946 г. в ней насчитывалось уже 26 иерархов, и 10 мая Архиерейский собор в Мюнхене принял заявление по поводу обращения Патриарха: "Мы не находим для себя нравственно возможным пойти навстречу этим призывам до тех пор, пока высшая церковная власть в России находится в противоестественном союзе с безбожной властью, и пока вся Русская Церковь лишена присущей ей по ея Божественной природе истинной свободы"[3].

На настроениях русских эмигрантов неблагоприятно сказывались политические акции, которые предпринимала Московская Патриархия под давлением государственных органов. Если бы не эта явная компрометирующая зависимость, воссоединение эмигрантских приходов шло бы значительно успешнее. Сыграло свою роль и открытое давление властей ряда западных государств, прежде всего США. Так, например, священники русских приходов Египта и Южной Кореи, вернувшихся в юрисдикцию Московской Патриархии, были арестованы

---

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, лл. 25, 32.

[2]Там же, л. 25.

[3]*Польский М.* Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1948. С. 120.

и после тюремного заключения высланы из этих стран[1]. В 1946 г. православные японцы обратились к Патриарху Алексию с просьбой прислать им епископа, но американские военные власти не пропустили его и вскоре спровоцировали раскол, способствовав приезду в Японию епископа из США и передав ему все храмы и помещение Русской Духовной Миссии. Ощутимую неудачу потерпела Московская Патриархия после смерти в августе 1946 г. возглавлявшего Западноевропейский экзархат митрополита Евлогия. 17 октября епархиальное собрание клира и мирян высказалось за пребывание в качестве автономного экзархата в лоне Константинопольской Патриархии. Верными Патриарху Алексию остались лишь около 20 приходов[2].

Упорная борьба развернулась в Северной Америке. Ряд православных архиереев и священнослужителей перешли там в юрисдикцию Московской Патриархии в 1944–1945 гг. Автономная Северо-Американская митрополия, в 1935 г. восстановившая связь с Заграничным Архиерейским Синодом, с октября 1943 г., кроме его главы митрополита Анастасия, стала возносить за богослужением и имя Патриарха Сергия. В феврале 1945 г. делегация митрополии посетила Москву с ходатайством о предоставлении автономии в составе Патриархии. Однако она получила указ с требованием, чтобы Американская Церковь соборно декларировала распоряжение по всем приходам об отказе от политических выступлений против советской власти. Именно это далекое от церковных канонов условие стало главным препятствием и вызвало категорическое несогласие с переходом в юрисдикцию Московского Патриархата Собора епископов митрополии в мае 1945 г. В дальнейшем оно было заменено требованием прекращения всякого общения с Заграничным Синодом. И состоявшийся 26–29 ноября 1946 г. Всеамериканский Собор клира и мирян подавляющим большинством голосов постановил просить Московского Патриарха принять их в лоно своей Церкви при условии сохранения полной автономии, с прекращением какого-либо подчинения Заграничному Синоду. Глава американской Церкви митрополит Феофил в феврале 1947 г. послал телеграмму с согласием на приезд делегации Патриархии для окончательного урегулирования вопроса, но вскоре не без воздействия внешних сил изменил свою позицию. Он отказался от встречи с находившимся в июле-октябре 1947 г. в США митрополитом Григорием (Чуковым). Последнему передали проект автономии Русской Православной Церкви в Северной Америке, фактически предусматривавший полную внутреннюю самостоятельность, вплоть до необязательности постановлений Патриарха и Поместных Соборов. Проект шел вразрез с объединительной тенденцией Московской Патриархии на началах централиза-

---

[1] Православие на Дальнем Востоке. С. 95–96, 142.

[2] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 231–232.

ции. Соглашение не состоялось, и Американская Церковь по-прежнему осталась независимой[1].

Отпугивала русских эмигрантов и открытая борьба Московской Патриархии с Ватиканом, и постепенно назревавший конфликт с Англиканской Церковью. В 1945 г. отношения с последней были еще вполне лояльными. В мае Великобританию посетил митр. Николай (Ярушевич), встречавшийся с королем Георгом VI, архиепископом Кентерберийским и эмигрантской русской общиной. Он прозондировал почву для организации в Лондоне приходов Московской Патриархии, участия англичан в планируемой всемирной конференции христианских Церквей в Москве. В ходе визита архиепископ Йоркский выступил с антикатолическими заявлениями, назвав Ватикан общим врагом Православия и Англиканства. Это дало повод Г. Карпову в отчете ЦК ВКП(б) сделать вывод, что "Англиканская церковь, так же как и Русская православная церковь, отрицательно относится к Ватикану и готова принять участие в тех или иных мероприятиях, направленных против Ватикана, хотя и занимает пока в этом вопросе пассивные позиции"[2].

В июне-июле 1945 г. почти два месяца по личному приглашению И. Сталина находился в СССР настоятель Кентерберийского собора Х. Джонсон. Председатель СНК проявлял заинтересованность в контактах с ним, в письмах неизменно посылал приветы, теплые пожелания. И на июньской пресс-конференции в Ереване, накануне открытия Потсдамской конференции, Х. Джонсон заявил: "Я полностью и от всего сердца согласен с тем, что области, отторгнутые от Турции, должны быть как можно скорее возвращены Армении"[3]. И. Сталин высоко оценил большую работу Х. Джонсона на посту председателя Объединенного комитета помощи СССР, удостоив его не только теплого приема в Кремле 6 июля 1945 г., но и проведя через Президиум Верховного Совета решение о награждении его орденом Трудового Красного Знамени[4].

Однако уже в 1946 г. отношения с англиканами стали портиться. Камнем преткновения стала их руководящая роль в экуменическом движении, выступавшем за объединение христианских конфессий (от греческого ойкумена — вселенная, обитаемый мир). В февральском 1947 г. отчете Совета по делам РПЦ указывалось: "...экуменистическое движение во главе с англиканской церковью все более и более скатывается на реакционные политические рельсы, оставляя церковные вопросы на заднем плане. Об этом особенно красноречиво говорят при-

---

[1] *Григорий (Граббе), епископ.* К истории русских церковных разделений за границей. С. 49–56; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 23.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 37.

[3] Правда, 1945, 29 июня.

[4] *Алексеев В. А.* Указ. соч. С. 354–355.

нятые на последнем заседании экуменистов в Женеве в 1946 г. решения с требованием пересмотра потсдамских решений в отношении Германии, борьбе с марксизмом и т. д."[1] Правда, в то время еще считалось возможным, как писал Г. Карпов, обеспечить "руководящее влияние в экуменистическом движении Русской православной церкви и других религиозных организаций СССР"[2]. Для этого Московская Патриархия должна была в 1947 г. предъявить во время переговоров с архиепископом Кентерберийским два условия своего участия в движении: "а) отказ экуменистов от политических выступлений и обеспечение чисто церковной деятельности этого движения; б) значительное расширение представительских мест для православных церквей во главе с Русской церковью"[3]. Однако соглашения с англиканами достигнуто не было, не вступили они в конечном итоге и в создаваемый антиватиканский церковный блок.

Борьба с Ватиканом была одной из важнейших составляющих сталинского плана создания мирового религиозного центра в Москве, но разгорелась далеко не сразу. Внешняя политика Ватикана имела непростую динамику. В 1939–1942 гг. для нее была характерна двойственная линия. Сначала попытки избежать крупного военного конфликта, чреватого катастрофой для западного мира, затем оказание моральной поддержки оккупированной Польше, но и нежелание открыто осудить лидеров германского нацизма. Папа Пий XII не поддался давлению держав "оси", настаивавших, чтобы он после нападения Германии на СССР провозгласил "крестовый поход" против коммунизма, однако ватиканская дипломатия активно сотрудничала с немецкой, рассчитывая добиться разрешения на деятельность католических миссионеров в восточных землях. 14 августа 1941 г. было заключено соглашение с германским военным командованием о совместных мероприятиях с Ватиканской восточной миссией, но без санкции руководства НСДРП и Главного управления имперской безопасности, из-за чего оно так и не вступило в силу[4].

С 1943 г. дипломатическая роль Ватикана значительно возросла, он стремился стать посредником между странами "оси" и западным союзниками. Так, Папа резко отозвался о совместном заявлении Ф. Рузвельта и У. Черчилля о безоговорочной капитуляции фашистских держав, сделанном в Касабланке 20 января. Он видел в будущей Европе сильную, по возможности не нацистскую Германию, протянувшуюся как можно дальше на Восток католическую Польшу, очень

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 38.

[2] Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 100.

[3] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 38.

[4] *Васильева О. Ю.* Ватикан в горниле войны // Наука и религия, 1995, № 6. С. 14–15; *Шейнман М. М.* От Пия IX до Павла VI. М.: Наука, 1979. С. 100; *Винтер Э.* Политика Ватикана в отношении СССР 1917–1968. М.: Прогресс, 1977. С. 162.

опасался возможной "коммунизации" Италии. С сентября 1943 г., после капитуляции фашистской Италии обострилась дипломатическая борьба США, Великобритании и Германии за влияние на Ватикан. Речь все больше шла о планах послевоенного переустройства мира[1].

За колебаниями в политике Римского престола внимательно следили в Москве. Продвижение советских войск на Запад, в регионы традиционного католического влияния, поставило перед дипломатическим ведомством СССР задачу поиска контактов с Ватиканом. В декабре 1943 г. И. Сталин попросил через начальника 2-го Управления НКГБ составить справку "О состоянии римско-католических костелов на территории СССР" (подготовленную 4 мая 1944 г.)[2]. Этой темой вплотную занялись работники госбезопасности, Совет по делам РПЦ, а с лета 1944 г. и недавно созданный Совет по делам религиозных культов. Первоначально государственные органы приступили к поиску компромиссов с руководством католических общин в западных районах СССР. В Латвии было разрешено возобновить деятельность духовной семинарии. В апреле-мае 1944 г. СССР посетил американский католический священник С. Орлеманьский. Он был принят И. Сталиным и В. Молотовым, которые заявили, что Советский Союз готов к сотрудничеству с Папой Римским и не собирается ущемлять права католиков[3].

Летом 1944 г. был освобожден Львов, и, вопреки зарубежным прогнозам, отношение новых властей к униатам Западной Украины сначала оказалось вполне терпимым. Глава Греко-Католической (Униатской) церкви митрополит Андрей Шептицкий в конце августа направил в Москву письмо с заявлением о лояльности и просьбой принять его делегацию для окончательного урегулирования отношений. Смерть Шептицкого и избрание нового главы униатов — митрополита Иосифа (Слипого) задержали приезд делегации до декабря 1944 г. Ее члены выразили "приветствие и благодарность Советской власти, Красной армии и ее Главнокомандующему товарищу Сталину" и заявили об осуждении бендеровского движения, стремлении участвовать в "устроении мирной жизни" на освобожденной территории Украины. Руководство Совета по делам религиозных культов, по согласованию с В. Молотовым и Н. Хрущевым, в свою очередь, указало, что все просьбы униатов, не расходящиеся с законом, будут удовлетворены. От делегации приняли 100 тыс. рублей в фонд Красного Креста[4]. Председатель Совета И. В. Полянский, встречаясь в первых числах января 1945 г. с американским журналистом Д. Фишером, подчеркнул, что некий компромисс Католической и Униатской Церквей с государством

---

[1] *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 16; *Одинцов М. И.* Как появился этот документ // Наука и религия, 1995, № 6. С. 10.

[2] ГАРФ, ф. Р-9401сч, оп. 2, д. 65, лл. 25–31.

[3] *Одинцов М. И.* Указ. соч. С. 11.

[4] Униаты и советская власть. С. 56–71.

достигнут, и эти церкви "живут"[1]. Таким образом Москва всячески демонстрировала свое желание нормализовать отношения с Ватиканом.

Однако Папа не понял подаваемых сигналов и не изменил своей позиции в отношении безбожного большевистского режима. В определенной мере это было и успехом германских дипломатов, осознавших, что между СССР и Ватиканом возможно урегулирование отношений, и не допустивших такого развития событий. В начале 1945 г. в выступлениях Пия XII вновь зазвучали мотивы враждебности к коммунистам, СССР и одновременно призывы к милосердию к побежденным в войне и установлению мягкого мира. У Ватикана возникли идеи создания конфедерации Придунайских стран, организации комитета "Католического действия"("Акцио Католика") для развертывания борьбы против леворадикальных элементов[2]. В этих условиях советское руководство отказалось от поисков компромиссов, и курс в отношении католицизма начал меняться. Отныне Ватикан характеризовался как "защитник фашизма", стремящийся к усилению своего влияния в послевоенном мире. Стратегия закрепления в восточноевропейских странах стала включать и задачу преодоления этого влияния.

Антикатолические планы впервые были опробованы на Поместном Соборе 1945 г. В обращении его участников, принятом 6 февраля, решительно отвергалось предложение Папы о "мягком мире"[3]. В соответствии с указаниями В. Молотова от 2 марта 1945 г., через 13 дней Г. Карпов направил И. Сталину докладную записку, в которой говорилось: "Политический блок с фашизмом усилил профашистскую деятельность Ватикана, особенно ярко выраженную в дни войны. Римско-католическая церковь в своем стремлении к мировому господству ведет наступление и систематическую борьбу за поглощение православия католицизмом"[4]. Следует отметить, что руководство СССР располагало документальными подтверждениями для некоторых из подобных утверждений. Так, например, в "особой" папке И. Сталина хранятся заявления бывшего начальника церковного отдела Главного управления имперской безопасности К. Нейгауза, взятого в плен 28 мая 1945 г. и вывезенного в СССР. В них говорилось: "Несмотря на общеизвестный антагонизм, существовавший перед второй мировой войной между Гитлером и католической церковью, в ходе войны папа Пий XII проводил скрытую политику в пользу гитлеровской Германии

---

[1] *Одинцов М. И.* Государственно-церковные отношения накануне и в годы Великой Отечественной войны // Религиозные организации СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Материалы "Круглого стола", посвященного 50-летию Победы 13 апреля 1995 г. М.: РА гос. службы при Президенте РФ, 1995. С. 37.

[2] Там же. С. 38; *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 1–5.

[3] ЖМП, 1945, № 2, с. 17.

[4] Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 93.

и оказывал ей моральную поддержку. Это стало мне известно на основе изучения ряда секретных документов и личных бесед с наиболее крупными агентами СД по католическому духовенству"[1]. В советской зоне Германии был арестован ряд лиц, упомянутых К. Нейгаузом. Все они подтвердили содержавшиеся в его показаниях сведения. И. Сталин получил дополнительные подтверждения "необходимости" жесткого курса по отношению к Ватикану. Прежде всего он самым трагическим образом сказался на судьбе униатов в СССР. Наличие в стране более 4 миллионов верующих, объединенных в особую церковь, контролируемую Папой, показалось председателю СНК крайне нежелательным.

В осуществлении замыслов вождя заставили участвовать и Московскую Патриархию. 15 марта 1945 г. Г. Карпов писал Сталину, что Православная Церковь "может и должна сыграть значительную роль в борьбе против римско-католической церкви... Совет предлагает: а) организовать в г. Львове православную епархию... б) предоставить епископу и всем священнослужителям данной епархии права на проведение миссионерской работы... е) организовать внутри униатской церкви инициативную группу, которая должна будет декларативно заявить о разрыве с Ватиканом и призвать униатское духовенство к переходу в православие"[2]. Для привлечения Патриархии правительство пошло на значительные уступки в западных областях СССР. Так например, 28 августа 1945 г. Совет утвердил представленный Патриархом проект типового устава православных духовных братств, подлежащих организации во Львове, Минске, Вильнюсе и других городах. Согласно уставу, братствам разрешалось не только издание листков, брошюр, молитвенников, но и благотворительная деятельность. Подобные уступки вызвали заинтересованность части иерархов.

Сначала униатскому епископату предложили "самоликвидироваться". Некоторое время глава униатов митрополит Иосиф (Слипый) вел переговоры с Московской Патриархией. Когда же определенно выяснилось, что все 5 униатских архиереев не желают переходить в Православие, в апреле 1945 г. их арестовали. Через месяц появилась инициативная группа по воссоединению во главе с протопресвитером Г. Костельником, которая развернула широкую агитацию. Следует отметить, что движение полностью инспирировано не было. Среди верующих Западной Украины традиционно существовала сильная тяга к Православию. Об этом свидетельствуют массовый переход греко-католиков в Русскую Церковь в 1914–1915 гг., православное движение на Лемковщине в 1925–1939 гг. и т. п. Значительная часть униатов стала бы пра-

---

[1] Откровения бывшего штурмбанфюрера СС, доктора теологии и философии Карла Нейгауза // Наука и религия, 1995, № 6. С. 8, 16.

[2] *Одинцов М. И.* Хождение по мукам. 1939–1954 годы // Наука и религия, 1990, № 8. С. 21.

вославными добровольно, и вмешательство государственных органов, кровавые репрессии только дикредитировали данный процесс.

К весне 1946 г. 997 из 1270 униатских священников Западной Украины подписали заявления о присоединении к "инициативной группе", и 8–10 марта на Львовском Соборе греко-католического духовенства и мирян было принято решение о воссоединении с Православной Церковью и упразднении Брестской унии 1596 г. Как видно из документов ЦК ВКП(б), осуществление акции контролировал 1-й секретарь компартии Украины Н. С. Хрущев, который по всем значительным деталям запрашивал санкции Сталина[1]. Львовский Собор нанес ощутимый удар по Ватикану. Но это оказалось только началом. 14 февраля 1947 г. Г. Карпов представил на утверждение новую программу борьбы с центром католицизма: "а) окончательно ликвидировать униатскую церковь в СССР; б) подготовить проведение аналогичных мероприятий в некоторых странах за границей... д) создать альянс христианских церквей в виде международного движения во главе с Русской православной церковью для борьбы с Ватиканом, пригласив участвовать в нем все другие вероисповедания"[2].

Еще более детально эта программа была изложена в совместной докладной записке в ЦК ВКП(б) руководителей Советов по делам РПЦ и религиозных культов от 1 февраля 1947 г. В ней отмечалось, что предпринятые попытки борьбы с католицизмом как с вероисповеданием успеха не имели: "Борьба против привычного, устоявшегося ритуала и традиций, не оправданная логически и политически, вызывает лишь раздражение в массах, усиливая тем самым сопротивление". Предлагался другой вариант: "Католическая церковь при условии очищения ее от элементов, прямо диктующих вмешательство в политическую борьбу и устанавливающих теократию, освобожденная от централизма и разделенная на национальные ("автокефальные") церкви... могла бы быть терпима"[3].

Создание независимых от Ватикана Церквей в СССР, Восточной Европе и других регионах мыслилось основным средством борьбы с ним. Главная роль опять отводилась Московской Патриархии. Она должна была выступить инициатором международного христианского движения и в качестве первого шага выпустить "Обращение ко всем христианам мира", в котором бы говорилось, что "долг христиан всего мира помочь католикам освободиться от папизма" и "для этого должны быть объединены силы всех христиан, независимо от различий в вероисповедании". Предполагалось, что после опубликования обращения к нему декларативно присоединятся другие христианские Церкви как в СССР (что считалось гарантированным), так и за рубежом: православные, лютеране, баптисты, методисты, старокатолики, англика-

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 313, лл. 29–48.

[2]Там же, д. 407, лл. 36–37.

[3]Там же, д. 506, лл. 13–14.

не, копты и некоторые католики (в Польше, Югославии, Бразилии, США). Далее эти присоединения будут рассматриваться планируемым на сентябрь 1947 г. в Москве совещанием глав Православных Церквей, которое призовет к созданию исполнительного органа нового движения. И уже этот орган с местопребыванием в Москве поведет текущую организационную и пропагандистскую работу и подготовит созыв всемирной конференции христианских Церквей (задуманной еще в марте 1945 г.)[1]. Таким образом, в конечном итоге через борьбу с Ватиканом Русская Церковь должна была возглавить всемирное христианство (и осуществлять через него советское влияние на большую часть человечества).

Одно время казалось, что планы создания "Московского Ватикана" близки к осуществлению. В сентябрьском 1946 г. номере "Журнала Московской Патриархии" говорилось "об исключительном оживлении в лоне Православной Вселенской Кафолической Церкви, под фактическим водительством Русского Православия: "Москва — третий Рим, а четвертому не бывать..."[2] Еще в марте 1946 г. митрополит Николай (Ярушевич) писал в Совет по делам РПЦ о необходимости проведения в Москве Вселенского Собора. Трудно сказать, у кого родилась эта идея, но она была полностью одобрена И. Сталиным, возлагавшим на ее осуществление большие надежды. Первоначальный замысел отличался грандиозностью. 13 января 1947 г. Патриарх Алексий писал Карпову о предполагаемом проведении 1–10 октября в Москве Собора всех существовавших тогда в мире автокефальных Православных Церквей, причем представлены они должны были быть своими главами. Планировалось и участие делегаций Сиро-Халдейской, Армяно-Григорианской, Коптской Церквей в связи с обсуждением вопроса об их соединении с Православием. 23 января начала работать подготовительная комиссия Патриархии, в программу Собора намечалось включить 9 вопросов, главные из которых носили "политический" характер — отношение к воинствующему католицизму и экуменическому движению. Для создания заинтересованности у будущих участников в начале 1947 г. готовилась передача подворий Иерусалимской, Сербской, Антиохийской, Александрийской церквам в Москве, Киеве и Ленинграде; выплата денежных подарков в валюте главам Константинопольской, Кипрской, Греческой, Албанской, Сербской Церквей. В свою очередь, и Московской Патриархии пообещали передать все здания Троице-Сергиевой Лавры, собор в Новодевичьем монастыре и т. п.[3]

В середине февраля планы были откорректированы — в сентябре 1947 г. намечалось проведение уже предсоборного совещания, основной

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 313, лл. 14–16; Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 96.

[2] ЖМП, 1946, № 9. С. 56.

[3] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 17, лл. 3–4; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, лл. 1–4.

целью которого провозглашалась подготовка созыва в 1948 г. Вселенского Собора "для решения вопроса о присвоении Московской патриархии титула вселенской"[1].

Однако все эти замыслы сразу стали рушиться. Еще в январе 1947 г. тяжело заболел и полностью отошел от дел лояльный к СССР Константинопольский Патриарх Максим. Его окружение, почувствовав в Московской Патриархии соперника по вопросу лидерства в православном мире, заняло гораздо более жесткую позицию. На Константинополь всецело ориентировались Греческая и Кипрская Церкви. Так, от главы последней архиепископа Леонтия 29 июня 1947 г. в Москву пришла телеграмма: "К сожалению не принимаем приглашения на всеправославный Собор, каковое полномочие имеет одна лишь Вселенская Патриархия Константинопольская"[2]. Сыграла свою роль и широкая кампания в западной прессе по компрометации Русской Церкви. В борьбу за срыв московского замысла активно включился Ватикан, роль которого в мире явно недооценили. На Восточных Патриархов оказывалось разностороннее давление, представители различных американских организаций подкупали их крупными суммами валюты. Например, руководитель международного общества по охране свободы религии Ж. Нусбаум даже в Софии и Праге убеждал православных иерархов отказаться от поездки в Москву, обещая значительную материальную помощь.

В результате срыв первоначальных планов стал очевиден. Советское руководство решило ограничиться более скромной задачей — проведением в Москве летом 1948 г. совещания глав Православных Церквей под благовидным предлогом празднования 500-летия автокефалии Русской Церкви. Поскольку на приезд значительной части Восточных Патриархов надежды уже не было, на совещании намечалось окончательно оформить европейский Православный блок. В связи с этим в сентябре 1947 г. в Сочи готовилась еще одна встреча Патриарха Алексия со Сталиным, но из-за нездоровья Владыки и по ряду других причин она не состоялась[3].

В конечном итоге совещание оказалось даже более представительным, чем ожидалось. В Москву приехали делегации 11 автокефальных Церквей из 13. Иерусалимский Патриарх прислал телеграмму с извинениями, что только война в Палестине и осада Иерусалима помешали его представителям прибыть в СССР, и впоследствии одобрил все решения совещания. Лишь Кипрская Церковь не изменила своей бескомпромиссной позиции. Сербский же Патриарх Гавриил мужественно приехал, несмотря на запрещение и прямые угрозы репрессий со стороны своего правительства. А ведь в Югославии в это время действительно проводились массовые аресты православных священников.

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 34.

[2]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 16, л. 57.

[3]*Алексеев В. А.* "Штурм небес" отменяется? С. 193.

В беседах с Карповым владыка говорил о своей верности России, поддержке Москвы и ее конфликте с И. Б. Тито и желательности иметь во главе правительства не хорвата, а серба. Две делегации — Константинопольская и Греческая (Элладская) прибыли только на празднества и в работе совещания непосредственно не участвовали, пытаясь воздействием на некоторых глав Церквей сорвать принятие ряда решений[1].

Празднества и заседания проходили в Москве почти всю первую половину июля. Об их ходе Г. Карпов чуть ли не ежедневно писал доклады секретарям ЦК ВКП(б) — сначала А. Жданову, а затем Г. Маленкову. Копии докладов передавались Сталину. Все решения совещания заранее получили санкцию партийного руководства. Так, отдел пропаганды и агитации ЦК 6 июля высказал мнение: "В проекте резолюции "Ватикан и Православная Церковь" желательно было бы сказать сильнее о реакционном, антинародном характере деятельности Ватикана и папизма. В особенности необходимо указать на поддержку папою фашизма и на организацию борьбы против СССР"[2]. Пожелания были учтены.

В результате предварительной работы удалось достичь единства позиций участников совещания, хотя без борьбы не обошлось. Колебался Болгарский митрополит Стефан, и его поведение определила только телеграмма министра иностранных дел о принципиальном согласии правительства Болгарии на установление Патриаршества. Единогласно были приняты постановления "Ватикан и Православная Церковь", "Экуменическое движение и Православная Церковь", направленные против Римского Папы и гнезда протестантизма Америки, а также схожее по характеру "Обращение к христианам всего мира". В резолюции "Об англиканской иерархии", хотя и в мягкой форме, ей фактически отказывали в признании действительности[3]. Конфронтация бывших военных союзников повлияла на межцерковные связи, Англиканская Церковь рассматривалась уже как претендент на европейское лидерство. Между тем на совещании решались и вопросы, которые вполне могли бы ставиться на Вселенском Соборе. Изданные деяния его содержат большой и интересный материал по многим и сейчас злободневным богословским вопросам. К сожалению, это был кратковременный прорыв православной мысли, возможно, "по недосмотру" контролирующих государственных органов.

С точки зрения советского руководства, как видно из итогового отчета Карпова, совещание прошло вполне успешно. Задача-минимум — сплочение восточноевропейских Церквей под руководством Московской Патриархии — была выполнена, намеченные постановления приняты. В Совете Министров приступили к подготовке так и не состоявшихся решений об организации новых встреч глав Православных Церквей,

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 8, лл. 100–103.

[2] Там же, л. 25.

[3] Там же, лл. 104–105.

увеличении денежной помощи Восточным Патриархиям, усиление деятельности Русской Церкви за границей[1]. Но международные и внутренние аспекты советской религиозной политики уже начали существенным образом меняться.

Во второй половине 1948 г. произошло резкое падение заинтересованности руководства СССР во внешнеполитических акциях Русской Церкви. Потерпели крах все "средиземноморские" планы И. Сталина в Греции, Турции, Израиле, и соответственно, не так нужны стали Восточные православные иерархи. Кроме того, 1 ноября 1948 г. новым Константинопольским Патриархом был избран "американский ставленник" архиепископ Нью-Йоркский Афинагор, настроенный антикоммунистически. 27 января 1949 г. на интронизации он призвал к сотрудничеству христиан и мусульман для борьбы против коммунизма[2]. В основном завершилось выполнение Московской Патриархией своей "миссии" в восточноевропейских странах, там утверждались режимы народной демократии. У. Флетчер во многом справедливо писал: "Над Восточной Европой успешно устанавливался советский контроль; влияние Московской патриархии могло быть полезно, но теперь уже не было так важно. И покуда не откроется какая-нибудь другая сфера приложения услуг церкви, период использования Русской Православной Церкви в интересах сталинской внешней политики подошел к концу"[3].

Явной неудачей закончились планы создания "Православного Ватикана" в Москве. Да и основные цели борьбы с Ватиканом настоящим не были достигнуты. Всемирно-христианского антипапского движения создать не удалось. Более того, после окончания войны политический вес и влияние Римского престола в международных делах значительно выросли. Во многих европейских странах появились активные демохристианские группировки, с успехом противостоявшие коммунистам. В ряде государств Католическая Церковь стала главным препятствием продвижения последних к власти. В мае 1947 г. не без участия Ватикана коммунисты были устранены из французского и итальянского правительств. Упорная борьба разгорелась на парламентских выборах в апреле 1948 г. в Италии. Демохристиане выдвинули лозунг "Рим или Москва". Папа в своем послании объявил "дезертиром и предателем любого, кто окажет... поддержку... партиям или властям, не признающим Бога". В итоге Христианско-демократическая партия победила, набрав 48,7% голосов[4].

Кроме Римского папы у Московской Патриархии появились новые

---

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 32, д. 8, л. 108.

[2]Там же, д. 111, л. 212.

[3]*Fletcher W.* Religion and Soviet Foreign Policy, 1945–1970. P. 29.

[4]*Григулевич И. Р.* Папство. Век XX. М.: Политиздат, 1978. С. 260–261; Винтер Э. Указ. соч. С. 191, 194.

сильные конкуренты — Константинопольский Патриарх и Всемирный Совет Церквей (ВСЦ), созданный на проходившей в августе-сентябре 1948 г. Ассамблее экуменического движения в Амстердаме. Несмотря на все противодействие СССР, в организации ВСЦ участвовали и 3 автокефальные Православные Церкви.

Таким образом, Русская Церковь недолго играла одну из центральных ролей в "большой политике" советского руководства — с осени 1943 по лето 1948 гг. В этот период она являлась одним из важнейших инструментов реализации наступательной стратегии СССР, осуществления попытки установить доминирующее влияние в послевоенном мире. Основными направлениями международной деятельности Московской Патриархии в эти годы были переводы в свою юрисдикцию всех русских заграничных приходов, обеспечение поддержки христианскими конфессиями в восточно-европейских странах режимов народной демократии, борьба с Ватиканом и утверждение своего первенства в Православии и даже во всем христианском мире. Далеко не все из поставленных задач были реализованы. Но это объясняется прежде всего их чрезмерной глобальностью, авантюристическим подходом советских государственных органов, разрабатывавших данные планы.

§ 2. *Ослабление внешнеполитической активности Патриархии*

1948 г. стал во многом поворотным во внешней политике СССР. Начиналась "холодная война". Еще 5 марта 1946 г. бывший премьер-министр Великобритании У. Черчилль произнес свою знаменитую речь в Фултоне, которую И. Сталин в интервью "Правде" расценил как "призыв к войне с СССР"[1]. А через год — в марте 1947 г. — президент Г. Трумэн декларировал "право" США оказывать влияние на политику других стран, вскоре продемонстрировав его на практике в Греции и Турции. Блокада Берлина показала, что Запад готов активно сопротивляться, появились проблемы с Югославией. В таких условиях советское руководство отказалось от наступательной стратегии и переориентировало внешнюю политику на укрепление и консолидацию сил образовавшегося восточноевропейского лагеря. Кроме того, началась эпоха ядерного противостояния. Правительство СССР было сильно встревожено значительным военным перевесом стран Запада и опасалось нападения.

Существовавшее военное неравновесие была призвана частично компенсировать активно развернувшаяся "борьба за мир". В этих обстоятельствах появился новый фактор заинтересованности советского руководства в международных акциях Московской Патриархии — ее

[1] Правда, 1946, 14 марта.

миротворческая деятельность. Новая роль Церкви оказалась неизмеримо скромнее прежней. Она была очень полезным, но не необходимым элементом внешней политики Советского Союза.

Многомиллионное движение за мир, охватившее весь земной шар в конце 1940-х гг., отнюдь не было целиком и полностью инспирировано СССР, однако активно использовалось советским руководством в пропагандистских целях. И с первых шагов движения в его работу включилась Московская Патриархия. "Проблема мира, как таковая, во многих аспектах представляла собой идеальную сферу для сотрудничества между церковью и государством потому, что здесь существовала большая возможность оправдать христианскую заинтересованность и христианское участие в деятельности, инициатива в осуществлении которой исходит от нехристианского государства"[1]. Подобная деятельность также позволяла Патриархии укреплять свой международный авторитет, оказывать влияние на собственных мирян и священников, выражая их желание предотвратить новую войну. Мировая политика вообще заложена в самом существе Церкви, тогда как у государства она может быть преходящим этапом.

Движение сторонников мира оформилось в апреле 1949 г. на конгрессе в Париже, положившем начало работе Всемирного Совета Мира (ВСМ). Представлявший Московскую Патриархию митрополит Крутицкий Николай выступал на одном из заседаний конгресса и был избран в состав постоянного комитета ВСМ. Делегаты от Русской Православной Церкви участвовали в августе 1949 г. в деятельности I Всесоюзной конференции сторонников мира, а также и всех последующих, были представлены в Советском комитете защиты мира. Постепенно иерархи и священники включились в работу республиканских и областных комитетов защиты мира. Епископат и духовенство стали систематически выступать с проповедями на миротворческие темы. С мая 1949 г. в "Журнале Московской Патриархии" появился постоянный раздел "В защиту мира". Большой вклад Церковь внесла в 1950 г. в сбор подписей под Стокгольмским воззванием постоянного комитета ВСМ о запрещении ядерного оружия. В аналогичных кампаниях Патриархия сразу заняла руководящее положение в отношении всех других конфессий в СССР. Так, в мае 1952 г. в Троице-Сергиевой Лавре состоялась "Конференция всех Церквей и религиозных объединений в СССР в защиту мира". Не оставлялись в стороне и дружественные Православные Церкви других стран. В июле 1954 г. собравшиеся на праздновании памяти преподобного Сергия Радонежского главы четырех Патриархий в Болгарский митрополит приняли "Обращение к христианам всего мира" с призывом умножить усилия в деле защиты мира. Естественно, подобная деятельность носила во многом односторонний, выгодный СССР характер. Роль "поджигателей войны" предназначалась исключительно западным державам.

---

[1] *Fletcher W.* A Portrait of the Most Praised and Vilified of Modern Churchmen. P. 109.

Неслучайно Патриарх Алексий в ноябре 1952 г., как и в 1946 г., был награжден орденом Трудового Красного Знамени[1].

Кроме того, Московская Патриархия своим авторитетом поддерживала разнообразные меры советского правительства или осуждала действия его противников. После начала войны в Корее Патриарх и Священный Синод 21 августа 1950 г. послали обращение в Совет Безопасности ООН, настаивая на прекращении американских бомбардировок и выводе иностранных войск из страны. Протестовали они против вооруженной борьбы с греческими коммунистами и т. п.[2] Исходившие от духовенства заявления оказывали гораздо более сильное воздействие на верующих капиталистических стран, чем обычная советская пропаганда.

В конце 1940 х — начале 1950-х гг. блок восточноевропейских Православных Церквей в основном сохранялся, хотя интерес к нему со стороны правительства СССР значительно снизился. Выделяемые государством валютные ассигнования на международную деятельность Московской Патриархии резко упали. В ноябре 1951 г. ею официально была предоставлена автокефалия окрепшей Чехословацкой Православной Церкви, причем решение об этом заранее принял Совет Министров СССР в своем секретном постановлении от 30 января 1950 г.[3]. Главой новой Поместной Церкви остался прежний экзарх митрополит Елевферий (Воронцов). Совмин в декабре 1951 г. разрешил принять ему чехословацкое гражданство. За 1947–1953 гг. количество православных приходов в стране увеличилось с 47 до 315 основных и 1037 бывших "филиальных". Такой резкий рост объяснялся прежде всего переходом в Православие униатов. 14 августа 1954 г. Г. Карпов писал в ЦК КПСС, что "организация экзархата была вызвана необходимостью ликвидировать униатскую церковь в Чехословакии", и эта ликвидация "успешно завершена" в 1950 г. — православными стали 230 греко-католических приходов[4]. Униатский епископ Словакии в январе 1951 г. был приговорен к длительному сроку заключения. К середине 1950-х гг. чехословацкие власти высказали пожелание, чтобы во главе Православной Церкви стоял чех, но приемлемую кандидатуру подобрать не удалось. В результате было решено "не спешить", тем более, что положение в Церкви оставалось, по их оценке, "еще напряженным, особенно в Восточной Словакии"[5].

Ликвидация униатских приходов была проведена во всех странах

[1] *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. С. 147, 149; Русское православие. Вехи истории. С. 655–656.

[2] Известия, 1952, 21 марта; *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 265.

[3] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 569, л. 254.

[4] ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 118.

[5] ЦХСД, ф. 5, оп. 16, лл. 119–120; *Рар Г.* Плененная церковь. Очерк развития взаимоотношений между церковью и властью в СССР. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. С. 64.

социалистического содружества. В 1948 г. перестала существовать Греко-Католическая Церковь в Румынии — 700 ее священников перешли в Православие. В августе 1949 г. в Мукачевском Успенском монастыре закарпатские греко-католики приняли решение о ликвидации Ужгородской унии 1649 г. Два их епископа попали в лагеря. Всего в СССР из 590 униатских священников и монахов, отказавшихся от перехода в Православие, арестовали 344. Около 3000 приходов влилось в Русскую Церковь, 230 не воссоединившихся были сняты с регистрации, закрыли и 48 греко-католических монастырей[1]. Кроме того, лишь небольшая часть униатских приходов сохранилась в Болгарии, Венгрии, Югославии, Польше.

Предоставление в 1948 г. автокефалии Польской, а в 1951 г. — Чехословацкой Православным Церквам объяснялось не только пожеланиями правительств этих стран. Продолжалась, хотя и со все меньшей активностью, борьба с Ватиканом. В январе 1950 г. в Польше состоялся процесс ксендзов — "участников диверсионных банд", в 1950–1951 гг. в Праге и Братиславе прошли 3 крупных процесса над католическим духовенством как "диверсантами, террористами, шпионами, спекулянтами"[2]. И дарование автокефалий в немалой степени предназначалось для пропагандного воздействия. Утверждалось, что в католицизме социалистические правительства не устраивает только власть папы, и независимые национальные Церкви Польши, Чехословакии, Венгрии не имели бы никаких конфликтов. Поэтому католикам было продемонстрировано, что православный "Папа" — Московский Патриарх — не проявляет такого "властолюбия", как Папа Римский, и тем самым указывает путь для установления нормальных взаимоотношений между церковными организациями и народно-демократическими государствами. Правительства Польши и Чехословакии покровительствовали православным. Историк Г. Рар в 1954 г. справедливо отмечал: "Им нужна "процветающая" православная церковь, чтобы доказать гонимым католикам, что стоит им стать столь же "лояльными", как православные и их перестанут преследовать"[3]. Подобная тактика приносила результаты. Например, 27 сентября 1951 г. в Праге состоялся общегосударственный съезд католического духовенства, на котором большинство примкнуло к движению борьбы за мир. Попытки использовать для указанных целей Православную Церковь предпринимались и в Венгрии, но не могли увенчаться успехом из-за крайней малочисленности православного населения в стране.

В свою очередь, Папа Пий XII продолжал занимать ярко выраженную антикоммунистическую позицию: отлучал священников, принимавших участие в движении за мир, протестовал против ликвидации Униатских Церквей, наложил суровые дисциплинарные санкции

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 53, л. 1; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 47.

[2]*Рар Г.* Указ. соч. С. 85.

[3]Там же. С. 86.

на участников возникшего во Франции движения священников-рабочих и т. д. Одной из кульминационных точек "холодной войны" стал декрет конгрегации священной канцелярии от 13 июля 1949 г., который отлучал от Католической Церкви верующих за принятие коммунистического учения и его пропаганду, членство в компартии, сотрудничество с ней, чтение и распространение ее прессы[1]. Конечно, Патриарх Алексий осудил декрет. Митрополит Николай (Ярушевич) на Всесоюзной конференции сторонников мира в августе 1949 г. также публично выступил с резкой критикой "агрессивной деятельности" Ватикана[2]. Но это были одни из последних подобных акций. Без мощного давления советского государства конфронтация православных и католических иерархов заметно ослабевала.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. в основном удавалось удерживать в сфере влияния Москвы Антиохийскую, Александрийскую и Иерусалимскую Церкви, хотя именно они периодически дистанцировались от Московской Патриархии. Александрийский Первосвятитель даже писал протесты против гонений на духовенство в странах народной демократии. Приходилось оказывать давление. Так, Г. Карпов 7 февраля 1949 г. писал в ЦК ВКП(б), что по его рекомендации Патриархом Алексием разработан "проект письма главам православных церквей, участвовавшим в июле прошлого года в Московском совещании. Это письмо имеет целью побудить глав церквей, подписавших все решения Московского совещания, к реализации этих решений"[3]. Проект получил одобрение.

Ярко выраженную прорусскую позицию занимал Антиохийский Патриарх Александр III, хотя на него неоднократно пытались повлиять со стороны США. Например, Нью-Йоркский митрополит Антиохийской Церкви Антоний в 1954 г. передал Первосвятителю большую денежную сумму с призывом "избавиться от русского влияния"[4]. Впрочем, СССР также оказывал владыке через Московскую Патриархию значительную помощь: в 1950–1952 гг. ему подарили 60 тыс. долларов, а в 1954 г. во время визита в Советский Союз вручили 220 тыс. рублей, 35 тыс. долларов, различные драгоценности. Часть денег выделялась на строительство духовной семинарии, по словам Патриарха, "для составления в будущем кадров священнослужителей, преданных и обязанных Русской церкви"[5]. Выражая свою благодарность, члены антиохийской делегации заявили, "что во главе всех православных церквей должна встать Русская православная цер-

[1] *Лозинский С. Г.* История папства. М.: Политиздат, 1986. С. 367; *Винтер Э.* Политика Ватикана в отношении СССР 1917–1968. С. 201–202.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 109, лл. 107–108.

[3] Там же, л. 23.

[4] ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 62.

[5] Там же, л. 175; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 250, л. 261.

ковь, т. к. Константинопольская церковь намного слабее Русской и потеряла свой былой престиж, являясь орудием американской политики"[1].

В 1954 г. у советского руководства вновь пробудился усиленный интерес к Ближнему Востоку и с Патриархом Александром III обсуждались пути полного привлечения на сторону Московской Патриархии других восточных первосвятителей, им послали ценные подарки. Интересно, что в это время архиепископ Севастийский Афинагор просил у Русской Церкви денег на кампанию избрания его Иерусалимским Патриархом. Но, к чести Владыки Алексия, он посчитал эту просьбу "странной и моральной неприемлемой"[2]. За все время своего Патриаршества он ни разу не пошел на участие в подобных сомнительных акциях.

Помимо Православных Церквей Московская Патриархия поддерживала контакты с христианскими конфессиями западных стран. В 1951–1953 гг. СССР неоднократно посещали представительные делегации Англиканской и Германской Евангелическо-Лютеранской Церквей. Значительно хуже обстояло дело с влиянием Москвы на русскую эмиграцию. Так, во Франции у Московской Патриархии осталось всего 10 приходов и функционировали они в очень тяжелых условиях. Французское правительство так и не допустило в страну назначенного экзархом Западной Европы архиепископа Фотия (Топиро), Патриархия была вынуждена освободить его и поручить управление экзархатом проживавшему в Берлине архиеп. Борису (Вику). Для непосредственного руководства приходской жизнью в Париже был образован совет при экзархе из местных граждан СССР. Но власти неоднократно угрожали выслать из страны (и высылали) наиболее активных его членов. К примеру, 4 февраля 1952 г. М. Суслов и З. Вышинский писали в Бюро Президиума Совета Министров СССР, что французское правительство угрожает выслать всех священников Московской Патриархии из эмигрантов, принявших советское гражданство, и поэтому необходимо осуществить поездку в эту страну архиеп. Бориса[3]. И только в 1953 г. такого разрешения удалось добиться.

Негативно сказывались не только противодействие западных государств, но и утрата в значительной степени интереса руководства СССР к зарубежным приходам Московской Патриархии. Глава Российской Духовной Миссии в Китае архиепископ Пекинский Виктор (Святин) во второй половине 1940-х гг. послал целый ряд рапортов Патриарху Алексию с просьбами прислать священников из СССР, подчеркивая, что может пропасть огромное имущество. Весной 1949 г. в очередном рапорте он почти молил о помощи: "Ваше Святейшество,

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 156.

[2]Там же, л. 176.

[3]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 569, л. 33.

помогите Миссии выйти из тупика, в котором она находится не по своей вине, введите в ее организм новые животворные силы, протяните ей в наступающий 12-й час спасительную отеческую руку". Но помощь не поступила. В 1954 г. по соглашению между правительствами СССР и КНР Миссия прекратила свое существование, архиеп. Виктор в 1956 г. был вызван в Советский Союз и назначен на Вологодскую кафедру[1].

Начальник Российской Духовной Миссии в Корее архимандрит Поликарп (Приймак) за отказ перейти в юрисдикцию Американской Русской Церкви дважды подвергался арестам южнокорейскими властями и 29 июня 1949 г. был выслан из страны, как принявший советское гражданство. Правда, Миссия недолго принадлежала "американцам", 25 декабря 1955 г. съезд корейских православных христиан принял решение присоединиться к Константинопольскому Патриархату[2]. В Манчжурии деятельность Русской Церкви была прервана уже советскими репрессиями. Ставший после смерти митр. Мелетия экзархом в Харбине митр. Нестор был в начале 1950-х гг. арестован вместе со своим секретарем свящ. В. Герасимовым и другими священнослужителями и вывезен в лагерь на территории СССР[3].

Неудачей закончились последние попытки привести Финляндскую Православную Церковь в юрисдикцию Московского Патриархата: 18 января 1952 г. Г. Карпов еще писал В. Молотову о необходимости проведения новых переговоров с главой этой Церкви митр. Германом для выяснения условий, на которых он согласен вернуться в Русскую Церковь. Московской Патриархии, в свою очередь, рекомендовалось: выступить в "ЖМП" с заявлением о незаконности пребывания Финляндской Церкви в юрисдикции Константинопольского Патриарха, обратиться к последнему с письмом протеста, призвать глав других Церквей присоединиться к протесту. Кроме того, намечалось оказать соответствующее влияние через Карело-Финскую ССР на правительство Финляндии[4]. Но успеха указанные акции не имели.

Тяжелая ситуация для Московской Патриархии сложилась и в США. Если в 1948 г. она имела в этой стране 70 приходов, то через 10 лет всего 20. В 1955 г. экзарх архиеп. Борис был выдворен из Соединенных Штатов и под давлением американских властей экзархат оказался на грани развала. Но в 1958 г. виза для группы московских священнослужителей была все же получена, и положение постепенно стабилизировалось[5]. Со второй половины 1950-х гг. вновь началось

[1] Православие на Дальнем Востоке. С. 98.

[2] *Буевский А. С.* Православная Церковь за границей // ЖМП, 1950, № 10. С. 31; *Анисимов Л.* Православная Миссия в Корее // ЖМП, 1991, № 5. С. 57; Известия, 1949, 21 июля.

[3] Вестник института по изучению СССР, 1957, № 1(22). С. 123–124.

[4] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 569, лл. 48–49.

[5] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 65.

оживление связей Патриархии со своими зарубежными приходами. Так, например, удалось добиться разрешения советских властей на отправку в 1955–1958 гг. группы монахинь из украинских областей в Горненский монастырь под Иерусалимом[1].

К этому времени у руководства СССР, пересматривавшего сталинскую внешнюю политику начала 1950-х гг., опять стало появляться желание активно использовать Московскую Патриархию в своих международных акциях. 24 марта 1956 г. из Совета по делам РПЦ писали в ЦК КПСС о том, что "надо сделать значительно больше в деле использования церкви в международном отношении в наших государственных интересах"[2].

Вновь резко увеличились валютные ассигнования Церкви, которые она, правда, с лихвой компенсировала многочисленными рублевыми взносами в государственный бюджет. В результате Патриархия активизировала миротворческую деятельность. Так, в июле 1955 г. собравшиеся в Москве на торжества преподобного Сергия Радонежского делегации 8 Православных Церквей приняли послание "К христианам всего мира" с призывом поддержать мирные чаяния человечества. Особое внимание на них уделялось Александрийскому Патриарху Христофору. 9 мая Совет Министров принял решение выделить ему 5 тыс. египетских фунтов и передать храм в Одессе в качестве подворья с тем, чтобы ежегодные доходы в пользу Патриарха составляли 10–15 тыс. долларов. Руководство СССР стремилось всячески упрочить связи с новым правительством Египта. Неслучайно после окончания интервенции войск Великобритании, Франции и Израиля против этой страны Московская Патриархия выделила еще 3,5 тыс. фунтов для помощи пострадавшим Александрийской и Коптской Церквам[3]. Интересно, что приезжавший в августе 1954 г. в СССР глава Эфиопско-Коптской Церкви архиепископ Мар-Лукос просил о присоединении ее к Русской Православной, ему порекомендовали обратиться к Александрийскому Патриарху и заверили в своей поддержке[4].

К середине 1950-х гг. Московская Патриархия постепенно передала свои приходы и монастыри, расположенные в Болгарии, Румынии и Югославии, Поместным Церквам. В ноябре 1955 г. сложил с себя полномочия главы Чехословацкой Церкви митрополит Елевферий; его преемник уже не являлся гражданином СССР. В 1957 г. была предоставлена автономия Китайской Православной Церкви, восстановлено молитвенно-каноническое общение с Финляндской, с признанием ее автономного статуса в составе Константинопольской Патриархии и передачей Валаамского монастыря. Подобная тактика приносила некоторый успех. В февральской 1956 г. справке Совета по делам РПЦ

---

[1] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 530, л. 2.

[2] ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 642, л. 164.

[3] Там же, д. 704, лл. 136, 153.

[4] Там же, д. 669, л. 215.

для ЦК КПСС указывалось, что из 14 автокефальных Православных церквей 11 в той или иной мере поддерживают Московскую Патриархию и лишь с тремя — Константинопольской, Греческой и Кипрской — она имеет только формальную связь[1]. Происходило улаживание спорных вопросов и со Вселенским Престолом.

Большую роль руководство СССР отводило Русской Церкви в налаживании советско-югославских контактов, прерванных в конце 1940-х гг. Уже в начале 1955 г. Сербский Патриарх Викентий демонстративно отслужил молебен в русском храме Белграда. Начал готовиться его приезд в Москву, состоявшийся в октябре 1956 г. А ровно через год ответный визит в Югославию нанес Патриарх Алексий, причем обоих Владык принимали высшие руководители страны[2]. Значительный вклад в осуществление международных акций Русской Церкви продолжал вносить митрополит Николай; неслучайно в августе 1955 г. он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Новые мотивы зазвучали в отношениях Московской Патриархии с Ватиканом, экуменическим движением, протестанскими организациями. Окончательно прекратилась прямая конфронтация. Произошел обмен делегациями богословов с Англиканской и Западногерманской Евангелической Церквами. После Эванстонской ассамблеи Всемирного Совета Церквей 1954 г. Патриархия фактически стала принимать эпизодическое участие в экуменической работе. В марте 1956 г. в СССР приезжала многочисленная делегация Национального Совета Церквей Христа США. В ходе переговоров столкнулись две разные точки зрения на способы сохранения мира на земле. Более успешно протекал ответный июньский визит представителей христианских Церквей СССР. На этот раз совещание закончилось опубликованием общего компромиссного коммюнике. Предполагалось продолжить обмен мнениями. Однако 8 ноября 1956 г. президент НСЦХ Е. Блейк письменно попросил Московскую Патриархию сделать "представление властям Вашей страны о том, чтобы венгерскому народу было предоставлено право самому определить свою судьбу"[3]. Патриарх ограничился в конце ноября заявлением об участии в посылке материальной помощи пострадавшим в Венгрии. Это, в свою очередь, вызвало негодование властей. 15 декабря член Совета по делам РПЦ И. И. Иванов с возмущением писал в ЦК КПСС: "До сего времени ни патриарх, ни митрополит Николай... не сказали ни слова против реакции"[4]. В результате встречи с американскими христианами прервались на несколько лет.

Неприятный инцидент, связанный с венгерской революцией, был

---

[1] ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 754, л. 32.

[2] Там же, д. 704, л. 164; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 201, лл. 26–27.

[3] *Боголепов А. А.* Церковь под властью коммунизма. С. 73–74.

[4] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 53, л. 36.

несколько сглажен активным участием Московской Патриархии в подготовке и работе VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Фестиваль проходил в июле—августе 1957 г. в Москве и включал несколько встреч, собеседований, диспутов молодых христиан западных стран и СССР, которые должны были убедить иностранцев в существовании свободы совести в советском государстве. Все намеченное прошло достаточно успешно[1]. Стали готовиться новые крупные внешнеполитические акции Русской Церкви.

В 1948 г. международная деятельность СССР претерпела серьезные изменения. Начиналось ядерное противостояние, балансирование на грани "горячей войны". В этой связи советское руководство потеряло интерес к использованию Московской Патриархии в мировой политике, стала очевидной ограниченность возможностей последней в новых условиях. Однако Церкви все же нашлась определенная роль — участие в движении за мир, призванном компенсировать отставание СССР по военному и экономическому потенциалу странам Запада. В целом же в конце 1940-х — начале 1950-х гг. позиции Московской Патриархии на международной арене значительно ослабли. Их новое укрепление началось с 1955 г. и происходило по мере того, как советское руководство опять стало проявлять все большую заинтересованность в использовании Церкви в своих внешнеполитических целях.

§ 3. Новая активизация международной деятельности Церкви

В конце 1950-х гг. руководство СССР стало все более явно выражать свое недовольство недостаточной активностью внешнеполитической деятельности Московской Патриархии. Прежде всего, власти были неудовлетворены ее неэффективным проникновением на Ближний Восток. Интерес к этому региону в СССР постоянно рос с середины 1950-х гг. После поражения тройственной интервенции в Египте в 1956 г. в Советском Союзе поняли, что позиции Запада там не так уж сильны. Постепенно созревало решение переориентироваться с Восточных Православных Церквей на мусульманские религиозные организации, как гораздо более влиятельные. Кроме того, власти не устраивала слабая, как им представлялось, роль Московской Патриархии во всемирном Православии, недостаточность ее миротворческих усилий. Слабость позиций Русской Церкви на международной арене стала одной из причин возобновления в 1958 г. ожесточенных гонений на нее внутри страны. Н. С. Хрущев заявил своему окружению, что поскольку надежды на внешнеполитическую деятельность Православной

---

[1] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 302–303; ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 53, лл. 134–136.

Церкви не оправдались, стоит ли ей уделять внимание дальше[1]. Это утверждение, казалось, получило свое подтверждение весной 1958 г.

В конце 1957 г. было принято решение провести крупнейшую после Московского совещания глав и представителей Православных Церквей 1948 г. подобную акцию. Задача сводилась к тому, чтобы все Патриархи осудили проведение ядерных испытаний, а также изготовление и накопление ядерного оружия, к чему призывал мировые державы СССР. Эта инициатива неоднократно высказывалась по разным поводам Хрущевым и стала важным предметом советской пропаганды. Руководству страны показалось крайне необходимым и выгодным подключить к данной кампании религиозные организации. Патриарх и Святейший Синод ответили согласием, рассчитывая добиться ответных уступок и прежде всего долгожданного приема у Н. Хрущева, чтобы лично донести до него озабоченность намечавшимся ухудшением церковно-государственных отношений. Было решено провести в мае 1958 г. в Москве, используя празднование 40-летия восстановления Патриаршества в Русской Церкви, международную межправославную встречу. Изначально в ЦК считали целесообразным помимо глав всех автокефальных Православных Церквей пригласить и представителей других конфессий, но Патриарх Алексий эту идею не поддержал[2].

18 апреля в Совете по делам РПЦ были окончательно согласованы план мероприятий и проекты резолюций. Митрополит Николай заявил о возможной отрицательной реакции на них греков и сербов, но подчеркнул готовность бороться за то, чтобы документы "подписали по возможности" главы всех Церквей. Ему посоветовали отодвинуть намеченную дату подписания для удлинения срока "соответствующей работы с делегациями". Патриархии рекомендовали также "использовать все каналы для популяризации вопроса о запрещении атомного и водородного оружия"[3].

В результате на московские торжества, открывшиеся 11 мая, приехали делегации 12 из 14 автокефальных Православных Церквей, отсутствовали посланцы Кипра и Иерусалима. К тому же влиятельные Сербская, Элладская и Константинопольская Церкви не были представлены своими главами. Правда, Сербский Патриарх Викентий хотел отправиться в Москву, но И. Б. Тито, лично утверждавший список выезжавших, вычеркнул его. Сразу же после начала встречи стали происходить конфликты. Выяснилось, что Константинопольская и Элладская делегации не хотят обсуждать и подписывать каких-либо документов, касающихся вопроса защиты мира, ссылаясь на отсутствие у них полномочий.

Указанные неблагоприятные обстоятельства отразились на ходе состоявшейся все же 17 мая первой и последней официальной встрече

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 53, л. 37.

[2]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 227, лл. 14–15.

[3]Там же, лл. 16–18.

Н. Хрущева в качестве главы государства с руководством Московской Патриархии. Патриарх и митрополит Николай информировали его о переговорах с приехавшими делегациями. Председателю Совета Министров сообщили о просьбах Александрийского Патриарха выплатить ему единовременно 40 тыс. долларов вместо полагавшихся 20 тыс. ежегодно, Болгарского Патриарха — выдать ему 300 тыс. левов, а также и о желательности увеличения валютных расходов на зарубежные поездки Московской Патриархии. Н. Хрущев попросил прислать письменную заявку, которую он постарается рассмотреть. В отношении просьб поддержать православных греков на острове Кипр и разрешить послать монахов в русские монастыри на Св. горе Афон в Греции глава правительства обещал поручить рассмотрение этих проблем министру иностранных дел А. А. Громыко. Самым острым был вопрос о принятии итогового коммюнике московской межправославной встречи. Патриарх указывал, что греки, а возможно, и сербы не подпишут приготовленное заявление о запрещении ядерного оружия и поэтому не стоит вносить раздор, а лучше подписать другой "маленький документ, составленный им, а не Советом". Н. Хрущев был вынужден согласиться с принятием данного документа. Затем владыки высказывали целый ряд просьб относительно внутреннего положения Русской Церкви: об открытии новых храмов, учреждении церковных орденов и медалей, создании патриаршей типографии, ускорении передачи всех помещений Троице-Сергиевой Лавры, прекращении появившихся в последнее время выпадов против Церкви, оскорблений чувств верующих в газетах и радиопередачах, подтверждении относительно либерального постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. На эти заявления Н. Хрущев отвечал уклончивым согласием, обещая рассмотреть, помочь и т. п.[1] Однако в дальнейшем почти все просьбы так и не были выполнены.

Московская межправославная встреча закончилась относительной неудачей. Воззвание к христианам всего мира с призывом не ослаблять борьбы за мир и способствовать прекращению ядерных испытаний подписали главы 9 делегаций. Представители Сербской, Элладской и Константинопольской Церквей это сделать отказались. Другой документ — акт, выражавший стремление к единству Православия и мира между народами 20 мая подписали все делегации, кроме Константинопольской, которая, оказавшись в одиночестве, заявила, что запросит санкции своего Патриарха, и тот известит телеграммой Владыку Алексия. Отсутствие глав 5 автокефальных Православных Церквей на Московской встрече дало возможность противникам ее заявлять, что собравшиеся говорили не от имени мирового Православия и поэтому их обращения не столь уж авторитетны. Соответствующие комментарии появились в западной прессе, что породило негативную реакцию советского руководства, разочарованного

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 33, д. 53, лл. 28–30.

слабой эффективностью международных акций Московской Патриархии. После этого дорога к наступлению на Церковь была окончательно открыта.

В это время общее усиление СССР (запуск спутника, появление водородной бомбы, баллистических ракет) временно придало определенную самоуверенность руководству страны, которое считало возможным занимать более жесткую позицию во внешней политике и в основном обходиться без таких организаций, как Церковь. Правда, уже вскоре действительность заставила советских руководителей изменить свои оценки. Впрочем, и в конце 1950-х гг. определенная заинтересованность правительства в международной деятельности Московской Патриархии сохранялась. Например, в январе-феврале 1959 г. ее делегация посетила Эфиопию с целью установления контактов с Коптской Церковью, выяснения причин двухкратного отказа в 1956 г. и 1957 г. главы последней архиепископа Базилоса посетить СССР и изыскания возможностей вновь пригласить его. Совет по делам РПЦ информировал ЦК КПСС, что Коптская Церковь в Эфиопии, являясь государственной, имеет большое влияние на правительство и на двор императора. Миссия была успешно выполнена — посланцев Патриархии принимал сам император, вручивший им золотые памятные медали. И уже в июле Хайле Селассие I приехал в СССР, причем посетил Владыку Алексия, наградив его орденом, а в августе в Москве побывала делегации Эфиопской Церкви[1]. Так, эта важная в стратегическом отношении страна Африки начала попадать в сферу советского влияния.

Для Московской Патриархии планировались и гораздо более масштабные международные акции. Стало известно о том, что в 1961–1962 гг. должны состояться 2 крупнейших для всех христиан планеты события — Католический Собор и Генеральная ассамблея Всемирного Совета Церквей (ВСЦ). В ЦК КПСС решили найти для них достойную альтернативу. 2 апреля 1959 г. Г. Карпов обсудил эти проблемы с руководством Патриархии. Правда, на вопрос — могут ли они выступить инициатором созыва Собора Православных Церквей, иерархи ответили отказом, заявив, что право созывать такие Соборы, конференции или совещания есть только у Константинопольского Патриарха. Председатель Совета все же настойчиво указывал им на необходимость проведения подобного совещания в 1960–1961 гг., приурочив к какому-либо празднику. По поводу Католического Собора Патриарх Алексий отметил, что русские иерархи участвовать в нем не могут и хотят принять меры по преуменьшению его значения. Отношения СССР с Ватиканом в тот период оставались довольно напряженными — влиятельные католические круги даже хотели отлучить от Церкви всех борцов за мир, как проводников коммунистического влияния, и Карпов полно-

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 126, лл. 1,25.

стью одобрил мнение Патриарха[1]. Совет начал проводить политику неучастия всех Православных Церквей в намеченном Соборе. 21 июня 1959 г. в "Известиях" было напечатано резкое опровержение статьи в итальянском журнале "Темпо" о возможном появлении на нем русских представителей. Наконец, на апрельской встрече решили осуществлять активные контакты с экуменическим движением, не вступая в члены ВСЦ.

Эти контакты были нужны в значительной степени для вовлечения Всемирного Совета Церквей в зародившееся просоветское "Христианское движение в защиту мира". Первая Христианская мирная конференция (ХМК), на которой присутствовало лишь 37 делегатов, почти исключительно из социалистических стран, состоялась в Праге в июне 1958 г. На вторую Пражскую конференцию в апреле 1959 г. приехало уже 90 человек, в том числе около трети из капиталистических государств. Казалось, что у движения большое будущее. II конференция обсудила вопросы о введении всемирного "дня покаяния", приурочив его к дате атомной бомбардировки Хиросимы, об организации в 1961 г. Вселенского христианского мирного Собора, переименовав его затем во Всемирный конгресс. Как видно из заявления главы русской делегации на конференции митрополита Минского и Белорусского Питирима, важнейшей задачей было приглашение на этот конгресс представителей ВСЦ, объединявшего в основном протестантов Англиканской Церкви, на католиков с самого начала особых надежд не возлагалось[2].

Всемирный Совет Церквей привлекал повышенное внимание ЦК КПСС и КГБ, рассчитывавших использовать эту влиятельную организацию в своих целях, еще с середины 1950-х гг. 27 октября 1956 г. Президиум ЦК принял постановление о разрешении Московской Патриархии послать делегацию для встречи и обсуждения с руководством ВСЦ вопроса об участии русских представителей в работе данной организации. Уже была достигнута договоренность о том, что встреча должна состояться в январе 1957 г. в Париже, однако действия советских войск в Венгрии сорвали ее проведение. Первые официальные переговоры об установлении контактов довольно успешно прошли 7–9 августа 1958 г. в Утрехте. Было принято совместное коммюнике и обсужден план взаимоотношений — присутствие наблюдателей Патриархии на заседаниях ЦК ВСЦ и посещение его генеральным секретарем СССР. В то же время руководство Русской Церкви в тот период отказывалось вступить в члены ВСЦ, считая, что именно Православие есть продолжение неразделенного христианства[3]. 22 августа митрополит Николай заявил Г. Карпову, что речь может идти только о представительстве наблюдателей. Впрочем, и председатель Со-

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 126, лл. 75–76.

[2]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 71, лл. 110, 209, 218.

[3]*Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. С. 162–163.

вета придерживался того же мнения. В августе — начале сентября 1959 г. представители Московской Патриархии впервые присутствовали на ежегодной сессии ЦК Всемирного Совета Церквей. 24 сентября замещавший болевшего Карпова В. Васильев писал в ЦК КПСС, что ВСЦ, "желая заполучить" Русскую Церковь, изменяет позицию — принял решение по вопросу прекращения ядерных испытаний и запрещения ядерного оружия. Поэтому "становится более очевидным, что Московской патриархии целесообразно продолжать развитие контактов с ВСЦ с тем, чтобы влиять на его деятельность в вопросах защиты мира, а также в определенной степени и борьбы с политикой Ватикана"[1].

К изменившейся тактике Московской Патриархии привлекли и другие Православные Церкви. Так, в июле — начале августа 1959 г. в СССР приезжал новый Антиохийский Патриарх Феодосий VI. Он был принят председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошиловым, получил солидную материальную помощь. В итоге Владыка договорился с Московской Патриархией, что не будет участвовать в Католическом Соборе, направит наблюдателей на августовскую сессию ЦК ВСЦ, поддержит решения Пражской конференции о созыве Всемирного христианского конгресса в защиту мира и пошлет на него своих представителей[2]. Интересно, что когда Патриарх Алексий обратился 23 ноября 1959 г. к главам Православных Церквей с призывом поддержать предложение правительства о всеобщем и полном разоружении, Феодосий VI тут же энергично откликнулся на это обращение. Уже 13 декабря в "Известиях" был опубликован "Призыв Антиохийского Патриарха о разоружении и всеобщем мире". В октябре 1959 г. Патриарху Алексию и митрополиту Николаю с санкции ЦК КПСС к 10-летию движения сторонников мира вручили юбилейные медали Всемирного совета мира.

Однако очень скоро оценка международной деятельности Патриархии вновь изменилась. В декабре 1959 г. состоялся долгожданный визит в СССР руководства ВСЦ во главе с генеральным секретарем В. А. Виссерт-Хуфтом, желавшим договориться о вступлении Русской Церкви в экуменическое движение. Существовала предварительная договоренность о принятии совместного коммюнике о единстве Церквей в борьбе за мир, разоружение, запрещение ядерного оружия. И все же задуманные планы выполнены не были. Совет рекомендовал Патриархии принять некоторые предложения приехавшей делегации — обмен литературой, участие в различных экуменических конференциях, но вопрос о вступлении в члены ВСЦ не обсуждать. В результате гости категорически отказались подписывать какое-либо коммюнике. 3 января 1960 г. Г. Карпов писал в ЦК КПСС, что причиной отказа стало несогласие с оценкой международной обстановки, а митрополит

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 226.

[2]Там же, л. 196.

Николай не проявил должной настойчивости. В дальнейшем же необходимо продолжать контакты, влиять на политику ВСЦ, "однако, имея в виду" его "идеологические задачи", вступать в члены "нецелесообразно" [1]. Неудача была тяжелой. Возникали очень большие сомнения в участии ВСЦ в задуманном Всемирном христианском конгрессе. К тому времени стало окончательно ясно, что и с Всеправославным совещанием в Москве ничего не получится. Многие Поместные Церкви считали, что деятельность ВСЦ не соответствует сущности вероучения, и неодобрительно отнеслись к контактам Московской Патриархии с экуменистами. К тому же продолжавшиеся антирелигиозные акции в СССР дали основания заявить ряду первоиерархов, что на роль православного лидера Русская Церковь претендовать не может, так как не свободна в собственной стране. В феврале 1960 г. был смещен и отправлен на пенсию председатель Совета по делам РПЦ Г. Карпов, новым руководителем этой организации был назначен В. А. Куроедов. Среди обязанностей, возложенных на него директивными органами, было и активное "подключение" Церкви к внешнеполитической деятельности. Руководство СССР вновь решило обеспечить моральную поддержку со стороны верующих различных стран своей борьбе "за мир и разоружение", используя Московскую Патриархию, расширить и укрепить внешние связи Советского Союза. Однако властей не устраивали ни "старые кадры" Церкви, ни "архаичные", с их точки зрения, формы работы на международной арене. Патриарху Алексию прямо указали на "неспособность" митр. Николая (Ярушевича), отвечавшего за внешнецерковные связи, вести дело по-новому.

15 июня 1960 г. состоялась соответствующая беседа В. Куроедова с Первосвятителем. Председатель Совета заявил, что внешняя работа Церкви "поставлена совершенно неудовлетворительно... Патриархия за последние годы не провела ни одного крупного мероприятия по объединению православных церквей вокруг Русской православной церкви... мероприятий, связанных с разоблачением реакционных действий папы Римского и усилением борьбы за мир. Патриархия не использует всех тех огромных возможностей, которыми она располагает; не проведено ни одной крупной акции за рубежом... Совет рекомендовал митр. Николаю разработать и дать предложения об усилении внешней работы. Однако митр. Николай не выполнил эту просьбу..." Указав также, что Владыка, по существу, не согласен с "оценкой агрессивных действий США", данной Н. С. Хрущевым на Парижском совещании и, кроме того, распространяет слухи об изменении государственной политики по отношению к Церкви, которую якобы ждет физическое уничтожение, Куроедов предложил снять митр. Николая с занимаемого поста. Некоторые сомнения Патриарха были быстро преодолены [2]. Нужно отметить, что руководство Совета, не гнушаясь и клеветой, всячески множило и подогревало разногласия первого и

---

[1] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 162, лл. 1–4.

[2] Письма и диалоги времен "хрущевской оттепели". С. 63–64.

второго лиц в церковной иерархии. В итоге 21 июня на посту председателя отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) митр. Николая сменил его заместитель архимандрит Никодим (Ротов), возведенный в сан епископа, а затем и митрополита.

Владыка Никодим придерживался иной тактики, чем его предшественник. Как писал Д. Поспеловский, он решил, что в условиях ожесточенного преследования верующих "надо идти на поддержку советской власти во внешних отношениях и, не проявляя признаков непослушания, завоевывать на Западе для Церкви ключевые международные позиции, поставить власть в такое положение, чтобы она для успеха своей внешней политики и престижа нуждалась в Церкви. Сильные внешнеполитические позиции Церкви заставят власть как-то считаться с ней"[1]. Новый глава ОВЦС стремился к прорыву изоляции Московской Патриархии в мировом христианстве, установлению постоянных связей, контактов, взаимного обмена в объеме, необходимом Русской Церкви, чтобы выжить внутри советского общества, до той поры, пока государство не осознает необходимость ее активной роли в общественной жизни.

Политика митр. Никодима в отношении Запада носила отпечаток искренности и доброй воли, чего нельзя было сказать о вынужденных контактах с ним митр. Николая. В этом заключалась одна из важных причин большой популярности и высокого престижа митр. Никодима в церковных кругах Запада. По воспоминаниям Д. Поспеловского, Владыка, объясняя причины, почему Московский Патриархат в 1969 г. (под его прямым нажимом) решил допускать в своих храмах католиков к причастию, сказал: "В нашем современном мире агрессивного атеизма различия между христианами гораздо меньше того, что объединяет их в противостоянии материализму и атеизму, и мы должны подчеркивать нашу общность, а не противоречия"[2]. Хотя и не сразу, тактика митр. Никодима все же принесла успех.

Планы Владыки по значительной активизации международной деятельности Патриархии первоначально во многом совпали с намерениями руководства СССР. Через несколько недель обстоятельную записку в ЦК представил В. Куроедов. Он предлагал обратить особое внимание на влиятельный Всемирный Совет Церквей, отмечая необходимость вступления Московской Патриархии в члены ВСЦ, "чтобы через него более эффективно воздействовать на христианское общественное мнение за рубежом; способствовать ослаблению позиций Ватикана за счет усиления антиватиканской коалиции протестанских и православных церквей, входящих в ВСЦ; парализовать стремление Константинопольского патриарха представлять в ВСЦ православные церкви мира; подорвать позиции белоэмигрантских церковных центров". Идеологи-

[1] *Поспеловский Д. В.* Митрополит Никодим и его время // Посев, 1979, № 2, с. 21.

[2] *Его же.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 313.

ческий отдел ЦК в целом одобрил предложенный план: "Как видно из представленных документов, внешняя деятельность религиозных организаций в СССР инспирируется государственными организациями и является одним из действенных каналов советской пропаганды и контрпропаганды в зарубежных странах, действенным средством борьбы за мир". Однако отдел отмечал и серьезные минусы прежней деятельности: недостаточно обширные связи Патриархии, особенно с Церквами Азии и Африки, отставание Совета от важнейших событий в мире, отсутствие плановой работы и т. д. Подчеркивалось, что дополнительных указаний по борьбе с Ватиканом не требуется, так как ЦК КПСС уже принял постановление по данному вопросу. Совету впервые предлагалось представить на утверждение план внешнеполитической работы на 1961 г. и финансовый валютный отчет[1].

В ноябре-декабре 1961 г. многочисленная делегация Русской Церкви участвовала в работе III Генеральной ассамблеи ВСЦ в Нью-Дели. Перед отъездом она получила следующие инструкции: "Укрепляя сотрудничество с прогрессивными кругами ВСЦ, срывать всякие попытки реакционных сил направить ВСЦ на путь идеологической борьбы против стран социалистического лагеря. Используя противоречия в вероучениях католиков и протестантов, добиться осуждения со стороны ВСЦ реакционной политической линии Ватикана... Стремиться к тому, чтобы ВСЦ в целом не поддерживал идей Вселенского Собора в Риме и чтобы церкви — члены этой организации не принимали в нем участия... При наличии резолюций, в которых в какой-то мере будут осуждаться решения СССР о возобновлении испытаний ядерного оружия, делегаты РПЦ принимают все меры к тому, чтобы такие резолюции были сняты с обсуждения, а в противном случае — голосуют против"[2]. На одном из первых заседаний ассамблеи Московская Патриархия почти единогласно (142 участника за, 4 воздержалось и 3 против) была принята в члены организации, 5 ее представителей включили в состав ЦК. В итоговом отчете Совета по делам РПЦ говорилось, что ассамблея в целом приняла выгодные СССР решения — осудила колониализм, призвала все правительства и народы к разоружению, прекращению испытаний ядерного оружия, отклонила осуждение коммунистического атеизма. Однако, считая, что упорная борьба еще впереди, Совет предлагает ввести в ВСЦ другие христианские деноминации СССР, а также согласовать действия делегаций из социалистических стран. Для достижения такой согласованности в феврале 1962 г. в Будапеште было проведено совещание руководителей ведомств по делам религиозных культов восточноевропейских государств. 19 марта Священный Синод решил учредить постоянное

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 336 д. 162, лл. 32, 42, 172.

[2]Там же, д. 427, лл. 1–3.

представительство Русской Церкви при ВСЦ в Женеве[1]. Из приведенных фактов однако не следует, что вся внешняя деятельность Патриархии — следствие давления советских властей. Разнообразные связи с другими христианскими конфессиями были характерны для Русской Церкви и до Октябрьской революции. В экуменическом же движении она сделала много важного и полезного в борьбе с рассовой, этнической и национальной дискриминацией, неграмотностью, голодом и т. п.

Кроме того, вступив в ВСЦ, Московская Патриархия значительно укрепила свой международный авторитет. Немецкий богослов Г. Гесслер не без оснований подчеркивал в 1979 г.: "Роль в основании ВСЦ и членство в нем играет гораздо большее значение для Русской Православной Церкви, чем для любой другой Церкви — члена ВСЦ и имеет непосредственное касательство к ее выживанию. Только много времени спустя советское руководство осознало, что это членство будет иметь долгосрочный эффект... Самим фактом вступления в экуменическое движение Церковь приобрела новое измерение в глазах советского режима. Русская Православная Церковь вышла из собственной изоляции и стала частью международного сообщества, всемирной общины Церквей... Советскому государству приходится примиряться с фактом, что любое действие против этой Церкви будет отныне воспринято как вызов всемирному содружеству Церквей и удар по международной христианской общественности"[2].

Энергичные усилия предпринимались в начале 1960-х гг. для развития Пражского христианского движения в защиту мира. Правда, успехи здесь были довольно скромными. В июне 1961 г. в Праге удалось провести I Всемирный общехристианский конгресс, на который съехались 628 участников из 42 стран, Н. С. Хрущев послал ему телеграмму с пожеланием успехов. На заключительном пленарном заседании было принято "Послание к христианам всего мира", в нем, помимо прочего, впервые "христиане всех континентов" подчеркивали опасность для человечества политической линии Ватикана, ставшего опорой наступательного фронта против восточной половины света. И все же конкурировать с Генеральной ассамблеей ВСЦ или готовившимся Католическим Собором конгресс ни в коей степени не мог, влиятельные западные организации его игнорировали[3]. Стремясь расширить рамки Пражских христианских мирных конференций, Совет по делам РПЦ 30 декабря 1961 г. предлагал ЦК КПСС провести совместно с исполкомом движения в следующем году в одной из африканских стран региональную конференцию "Церкви Африки в борьбе

---

[1] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 190, лл. 162–166.

[2] Цит. по: *Аксенов-Меерсон М.* Русская Православная Церковь сегодня. С. 9.

[3] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 81, лл. 7–8.

за независимость своих народов". В феврале 1962 г. архиепископ Никодим с профессором И. Громадкой ездили к императору Эфиопии по вопросу организации подобной конференции. В марте в Женеве состоялась встреча представителей ВСЦ и Пражских ХМК, ограничившихся обсуждением различных вопросов. С ноября стал выходить журнал "Христианская мирная конференция"[1]. Сохранялась надежда, что II Всемирный конгресс, намеченный на 1964 г., действительно, станет наконец "общехристианским".

В начале 1960-х гг. улучшились отношения Русской Церкви с Константинопольским Патриархом Афинагором. В ноябре-декабре 1960 г. Патриарх Алексий посетил несколько стран Ближнего Востока, встретился с главами 7 Православных и Монофизитских Церквей. Патриархам Антиохийскому, Александрийскому, Иерусалимскому было присвоено звание почетных членов Московской Духовной Академии, вручены ордена Св. Владимира и драгоценные подарки. Состоялась и личная встреча Московского Патриарха с Константинопольским, подвергавшимся в тот период преследованиям турецких властей. Многолетняя борьба за лидерство двух основных сил в Православии была приостановлена достигнутым компромиссом. С 1952 г. Патриарх Афинагор безрезультатно пытался созвать Всеправославное совещание на выгодных для него условиях. Московская Патриархия, желая обеспечить для себя большинство голосов, обусловливала свое участие предварительным урегулированием спорных вопросов, в первую очередь, признанием в качестве равноправных участников Болгарской, Чехословацкой, Польской и Албанской Церквей. Во время стамбульской встречи Патриарх Афинагор согласился удовлетворить почти все требования Русской Церкви и обещал в следующем году посетить СССР. После этого Патриарх Алексий примирился с проведением Всеправославного совещания на острове Родос в Греции. Оно состоялось в сентябре-октябре 1961 г.[2] На совещании шла упорная борьба. Попытка провести выборы его председателя не удалась, им стал глава Константинопольской делегации, но во всех 6 комиссиях представители Московской Патриархии добились проведения намеченной линии. Из подготовленного проекта дня было снято несколько вопросов, в том числе о борьбе с атеизмом, добавлены пункты об участии Православных Церквей в борьбе за мир, против рассовой дискриминации и колониализма. Кроме того, по предложению русской делегации совещание в конце работы приняло послание, в котором подчеркивалось согласование повестки дня будущего Предсобора, внутреннее единство всех Православных Церквей и содержался призыв к сохранению мира. Не прошло только предложение создать комитет для подготовки Предсобора с равным участием автокефальных Церквей; Константинопольская Патриархия категорически настаивала лишь на своем праве

[1] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 455, л. 35.

[2] *Бессонов М. Н.* Православие в наши дни. С. 292.

созывать соборы и совещания[1]. На I Родосском совещании Московская Патриархия проводила антиватиканскую линию, но уже на II подобном форуме в сентябре-октябре 1963 г. ее позиция в этом вопросе была прямо противоположной. Под давлением русской и константинопольской делегаций совещание постановило начать диалог с Римско-Католической Церковью на равных условиях и разрешить каждой Православной Церкви по своему желанию посылать наблюдателей на II Ватиканский Собор.

В 1962 г. резко изменилось отношение к Папе Римскому руководства СССР. Экономическая и внутриполитическая обстановка в стране сильно ухудшилась, катастрофически не хватало продовольствия. У Н. Хрущева появились планы поправить положение путем улучшения отношений с богатыми государствами Запада и получением от них долгосрочных кредитов, помощи продуктами питания и т. п. В качестве "платы" он был готов пойти на значительное разоружение. Связующим звеном с руководящими деятелями западных стран, многие из которых были ревностными католиками, как бы гарантом серьезности намерений Н. Хрущева, был избран Папа Римский. Через него Западу намеревались внушить, что советское общество (несмотря на Берлинский и Карибский кризисы) является миролюбивым. Советские дипломаты и спецслужбы начали наводить мосты для контактов с Ватиканом, глава которого в тот период — "красный Папа" Иоанн XXIII также старался наращивать мирные усилия. Понтификат Иоанна XXIII начался 28 октября 1958 г., но первые годы он не менял прежней политики, в то же время энергично обновляя состав кардиналов. Признаки существенных перемен в традиционном курсе появились в 1961 г. В апреле после победы на Плайя-Хирон правительство Кубы выслало из страны священников-иностранцев, составляющих большую часть католического духовенства. Но Папа не только не осудил эту акцию, а даже укрепил дипломатические отношения с революционными властями. На аккредитации посла Кубы в Ватикане он одобрительно отозвался о деятельности правительства Ф. Кастро. 15 мая 1961 г. Иоанн XXIII опубликовал первую свою энциклику, посвященную социальным проблемам "Mater et Magistra" ("Мать и Наставница"), в ней осуждался неоколониализм, католикам с некоторыми оговорками разрешалось "вступать в отношения с лицами, имеющими другие взгляды на жизнь"[2]. Выступая в сентябре 1961 г. по радио, Папа призвал великие державы сесть за стол переговоров, разрядить международную обстановку, чреватую катастрофой термоядерной войны. И тут же — 21 сентября, в интервью газете "Правда" Н. Хрущев назвал усилия Иоанна XXIII в интересах всеобщего мира "добрым знаком", а в ноябре он направил главе Ватикана поздравление в связи с его 80-летием[3].

---

[1] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 426, лл. 1–5, 24.

[2] *Лозинский С. Г.* История папства. С. 370.

[3] *Винтер Э.* Политика Ватикана в отношении СССР 1917–1968. С. 212–214.

В 1962 — начале 1963 гг. политика "красного Папы" стала еще более радикальной. В тревожные дни "Карибского кризиса" он несколько раз лично звонил президенту США, настойчиво призывая к мирному урегулированию конфликта. 8 декабря на аудиенции польских епископов произнес знаменитую фразу о "западных землях, навечно возвращенных" польскому народу, что вызвало протесты со стороны некоторых германских кругов[1]. 14 апреля 1963 г. была опубликована энциклика Иоанна XXIII "Pacem in terris" ("Мир на земле"), в которой он, обращаясь "ко всем людям доброй воли", выступал с осуждением гонки вооружений, за всеобщее и полное разоружение, запрещение ядерного оружия, политику мирного сосуществования без каких-либо ограничений[2]. В этот период Папа уже говорил своему нунцию В. Роберти о намерении установить дипломатические отношения с СССР. Первоначально обсуждалась возможность учреждения в Москве консульства для постоянных консультаций без предварительного дипломатического признания[3]. Намечалась даже личная встреча главы Ватикана с Н. Хрущевым, к которой последний также стремился. Посланец Папы падре Морлссон имел прямое отношение к подготовке аудиенции, данной в Риме Иоанном XXIII в начале 1963 г. зятю Н. Хрущева А. И. Аджубею. А 13 декабря 1962 г. состоялись примечательные переговоры в Кремле самого 1-го секретаря с тайным миссионером Н. Казенсом. Хрущев ответил согласием на предложение посланца Папы установить пока неофициальные отношения с Ватиканом. Зашел разговор о печальном положении Московской Патриархии. И тут недавний "гонитель" заявил, что "у нас" больше нет трудностей с Церковью, и "мы" могли бы поддерживать ее, если она будет держаться подальше от политики. Сказал Хрущев и о недавней встрече с Патриархом Алексием. Какие-либо другие сведения о ней отсутствуют, и скорее всего Никита Сергеевич просто сочинил ее с понятными целями. Всю первую половину 1963 г. шла оживленная переписка лидера КПСС с Папой Римским. И когда в начале июня Иоанну XXIII на смертном одре доложили о получении телеграммы от Н. Хрущева с пожеланиями скорейшего выздоровления, "Папа просил ее прочитать, затем улыбнулся и сказал три раза по-русски: «Господи, помилуй!» Столь приятен был ему этот жест внимания"[4].

Начала нормализовывать свои отношения с Ватиканом и Московская Патриархия. Во время конфиденциальной встречи в августе 1962 г. в Париже секретаря комиссии по содействию христианскому единству монсеньера И. Виллебрандса с митрополитом Никодимом выяснилось, что "Кремль мог бы согласиться на присутствие наблюдателей Русской Церкви на II Ватиканском Соборе, если бы Ватикан смог

---

[1] *Ковальский Я. В.* Папы и папство. М.: Политиздат, 1991. С. 225.

[2] *Лозинский С. Г.* Указ. соч. С. 370.

[3] *Винтер Э.* Указ. соч. С. 217.

[4] *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. С. 369–370.

гарантировать, что этот Собор не станет антисоветским форумом"[1]. 27 сентября — 2 октября Виллебрандс уже официально посетил Москву, и 10 октября Священный Синод, рассмотрев приглашение прислать наблюдателей на Собор, постановил принять его. Через 2 дня представители Русской Церкви неожиданно для многих прибыли в Рим на открывшуюся 1-ю сессию Собора.

Еще одним обстоятельством, несколько улучшившим отношение части советского руководства к Московской Патриархии, стали ее активные действия в период Карибского кризиса. Патриарх Алексий в срочном порядке направил главам Православных Церквей, генеральному секретарю ООН телеграммы с призывом сделать все возможное для недопущения военной катастрофы в результате крайне опасных для дела мира действий правительства США. Тактика расширения международных связей Церкви с целью спасения ее от уничтожения внутри страны начала приносить результаты. За какие-то 2–3 года Русская Церковь получила широкую известность в мире, ее судьба начала интересовать всемирное христианство. А значит, ликвидировать, заявить, что она самораспалась, в то время как митрополит Никодим за рубежом постоянно говорил о десятках миллионов верующих в СССР, переполняющих храмы, — стало крайне сложно.

Однако во второй половине 1963 г. ряд неблагоприятных международных факторов негативно повлияли на положение Московской Патриархии, "защитный экран" ее внешнеполитической деятельности оказался "пробит" в нескольких местах. 4 июня умер Папа Иоанн XXIII, избранный новым главой Ватикана Павел VI постепенно все больше начал отходить от курса своего предшественника, хотя сначала руководство СССР также возлагало на него определенные надежды. В июле 1963 г. на приеме в Совете по делам РПЦ делегаций, приехавших на празднование 50-летия архиерейского служения Патриарха Алексия, представителям Ватикана после теплых слов о политике Иоанна XXIII было сказано, что советское правительство поддержит любые мирные шаги Папы Павла VI. 15 сентября в Риме состоялись переговоры главы Ватикана с митрополитом Никодимом. Согласно информации Совета в ЦК КПСС, Папа заверял, что курс Иоанна XXIII, устраивавший Русскую Церковь, будет продолжен, вторая сессия Собора пройдет в этом отношении не хуже первой, просил передать благодарность правительству СССР за освобождение униатского митрополита Иосифа (Слипого) и разрешение ему выехать из страны[2]. В результате представители Московской Патриархии присутствовали и на второй сессии Ватиканского Собора, проходившей 29 сентября — 4 декабря 1963 г.

Итоги сессии были восприняты руководством СССР скорее негативно. Группа корреспондентов ряда советских газет, журналов, АПН,

---

[1] *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. Т. 3. С. 17.

[2] ЦХСД, ф. 5, *оп.* 55, д. 10, *лл.* 177, 192.

присутствовавшая на ней, в докладной записке секретарям ЦК КПСС Л. Ильичеву и Б. Пономареву писала о некоторых антикоммунистических выступлениях, продолжении идеологической борьбы с социализмом и предлагала развернуть в печати "принципиальную критику" идеологии и политики Ватикана, а также довести до его руководства, что всякая попытка в какой-либо форме осудить коммунизм на следующих сессиях Собора "вызовет крайне отрицательную реакцию со стороны социалистических государств и ... невыгодные для католической церкви последствия". Идеологический отдел ЦК поддержал предложения журналистов и тут же созвал совещание работников, имевших отношение к этим вопросам. Позиция КГБ была еще более нетерпимой. В справке заместителя председателя Комитета госбезопасности С. Банникова о Католическом Соборе отмечалось, что Ватикан намерен проводить политику сближения с протестантами и другими Церквами с целью создания единого фронта, направленного против социалистических стран и коммунистического движения. По сведениям агентуры КГБ, руководство Римско-Католической Церкви становится на более жесткую позицию в вопросе отношений с государствами советского блока, признается целесообразность некоторой нормализации отношений с ними, но лишь добиваясь максимальных уступок. В смысле борьбы "либералов" и "консерваторов" вторая сессия характеризовалась топтанием на месте, однако якобы существовавшие "подрывные католические центры" в СССР активизировались. Папа Павел VI официально принял делегацию украинских униатов и обратился к ним с приветственной речью, чего Иоанн XXIII никогда не делал[1].

В той же записке С. Банникова, составленной по просьбе идеологического отдела ЦК, содержался и уничижительный отзыв о Пражских христианских мирных конференциях. Отмечалось, что религиозная общественность Запада не проявляет большого интереса и желания сотрудничать с ХМК, небольшие региональные комитеты их в ряде капиталистических стран контролируются государством и полицией, в комиссиях движения участвуют одни и те же лица, число которых постепенно сокращается. Неоднократные попытки вовлечь в ХМК Церкви стран Азии и Африки были парализованы ВСЦ, который оказывал им материальную помощь и препятствовал вступлению в Пражское движение. В целом ХМК не смогли стать серьезным противником ВСЦ. Не стали они и "авангардом движения за мир" из-за боязни оттолкнуть представителей Запада, документы принимались в "обтекаемой и слишком общей форме". Мешали и идеологические колебания чешского руководства ХМК, неумелая организационная работа их президента — "буржуазного интеллигента" И. Громадки. Движение

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 55, д. 72, лл. 28–31, 68–75.

"напоминает дом отдыха, куда люди приезжают питаться, беседовать, наблюдать, узнавать новости", а принятые резолюции считаются чем-то формальным и ими не думают руководствоваться. КГБ предлагало для укрепления ХМК заменить центральный аппарат, четче координировать действия Церквей социалистических стран и т. д.[1]

Более успешно развивалась деятельность Московской Патриархии во Всемирном Совете Церквей. В феврале 1964 г. даже удалось провести сессию исполкома ВСЦ на территории СССР в Одессе. Совет по делам РПЦ составил детальный план ее проведения, в котором говорилось: "1. Обеспечить, чтобы представители Московской патриархии добивались решений исполкома по международным вопросам, соответствующих основным принципам воззвания Варшавской сессии Всемирного Совета мира... 2. Проведение сессии исполкома... использовать... для разоблачения утверждений буржуазной пропаганды об отсутствии свободы совести и якобы гонений на религию и церковь в СССР". Заранее намечалась и тактика действий. При решении кадровых вопросов: "а) стараться не допустить немца на пост директора научного отдела, б) Вольфа (директора экуменического института) оставить на третий срок в Боссе, в) продумать другие кандидатуры из нейтральных кругов" и т. д. Почти все из намеченного было выполнено. Сессия приняла с учетом поправок русской делегации заявление "Проблемы и возможности разоружения в настоящем времени", которое было направлено правительствам ведущих государств мира[2].

И все же подобных успехов оказалось недостаточно, чтобы предотвратить ожесточенное наступление на Церковь в СССР в 1964 г. Но это была последняя вспышка. И она впервые вызвала заметную негативную реакцию международной общественности. Стало ясно, что замалчивать антирелигиозные гонения внутри страны больше не удастся. Хотя после смерти Иоанна XXIII Русская Церковь уже не представляла такого острого интереса для советского руководства, она, сумев значительно расширить свои международные связи и влияние, по-прежнему играла определенную роль во внешней политике СССР. И эта роль была гораздо более важной, чем в конце 1940–1950-х гг.

Так, в 1964 г. Московская Патриархия, помимо сессии исполкома ВСЦ, участвовала в целой серии крупных международных мероприятий. 27–29 июля в Токио состоялся Всемирный конгресс религиозных деятелей в защиту мира, 28 июня — 3 июля в Праге — II Всемирный общехристианский конгресс. Следует отметить, что пражский форум в целом прошел удачнее, чем думали в начале 1964 г. в КГБ и ЦК КПСС. Всей подготовительной работой и ходом заседания руководили представители Московской Патриархии, отодвинувшие на второй план чешских организаторов движения. В итоге на конгресс приехали деле-

---

[1] ЦХСД, ф. 5, оп. 55, д. 72, лл. 61–67.

[2] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 534, лл. 119, 122.

гации 10 из 14 автокефальных Православных Церквей, 147 посланцев стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые полностью поддержали русские предложения[1].

С 1 по 15 ноября 1964 г. проходило III Всеправославное Родосское совещание. Оно решило образовать специальные богословские комиссии для ведения диалога с англиканами и старокатоликами и постановило, что каждая Православная Церковь по собственному почину, а не от имени всего Православия может свободно развивать братские отношения с католиками. Папа Павел VI, хотя и не проявлял того сердечного участия к "братьям с Востока", которым отличался его предшественник, в целом стремился продолжить курс нормализации отношений с социалистическими странами. Так, 15 сентября 1964 г. было заключено соглашение Ватикана с Венгрией, а 25 июня 1966 г. с Югославией[2]. В этих условиях Русская Церковь активно осуществляла контакты с католиками. Ее наблюдатели присутствовали на третьей сессии Ватиканского Собора в конце 1964 г., в Ленинградской Духовной Академии состоялось собеседование русских богословов с делегацией Римско-Католической Церкви, впервые в истории произошел обмен Пасхальными посланиями Папы и Патриарха Московского[3].

В ноябре 1964 г. состоялась важная поездка главы Русской Церкви в Грецию, Швейцарию и Великобританию. Он вел переговоры с Восточными Патриархами, президентом Кипра архиеп. Макариосом, который выразил благодарность СССР за поддержку его страны в борьбе за независимость. Премьер-министр Греции Папандреу в беседе с Патриархом Алексием заявил о желании улучшить советско-греческие отношения. Во время посещения Патриархом Женевы генеральный секретарь ВСЦ В. Виссерт-Хурт предложил поддержать его кандидатуру при переизбрании на предстоящей в январе 1965 г. сессии ЦК ВСЦ, ссылаясь на "нападки англичан и американцев" за его "хорошее отношение к Русской Церкви" (в итоге Виссерт-Хурт был переизбран на новый срок). Наконец, в Лондоне Патр. Алексий вел переговоры с главой Англиканской Церкви архиепископом М. Рамзеем. Председатель Совета по делам РПЦ В. Куроедов высоко оценил эту поездку[4].

Сменившее Н. Хрущева новое советское руководство сразу же постаралось продемонстрировать свою заинтересованность и одобрение международной деятельности Московской Патриархии. 15 января 1965 г. Председатель Президиума Верховного Совета А. Микоян торжественно принял в Кремле представителей Пражского движения,

---

[1]Там же, д. 455, л. 93.

[2]*Шейнман М. М.* От Пия IX до Павла VI. С. 155–156; *Винтер Э.* Указ. соч. С. 221.

[3]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 455, л. 104; *Прот. Владислав Цыпин.* Указ. соч. С. 164.

[4]ЦХСД, ф. 5, оп. 55, д. 72, лл. 132–135.

вручивших ему "Обращение ко всем правительствам, парламентам и видным деятелям мира" II Всемирного общехристианского конгресса в защиту мира. Характерно, что В. Куроедов 21 июня 1966 г. в своем докладе на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам РПЦ впервые отметил позитивную сторону существования религиозных организаций: "Активная деятельность церквей Советского Союза и социалистических стран на международной арене позволяет нам успешно противодействовать империалистическим силам... Церкви СССР играют решающую роль в деятельности Пражского Христианского движения в защиту мира, объединяющего христиан 60 стран, оказывают большое влияние на деятельность Всемирного Совета церквей, где представлены все христианские церкви (кроме католической) 80-ти стран и в ряде других международных организаций... Нередко церковные каналы связи со странами, где религия играет большую роль, служат эффективным средством нашего влияния на развитие отношений по государственной линии"[1].

Подводя итоги международной деятельности Московской Патриархии в исследуемый период, необходимо отметить, что ее активность на различных этапах существенно менялась. Если в 1943–1948 гг. она была значительной, то затем резко пошла на убыль, вновь начав расти с 1955, а особенно явно с 1958 г., превысив в середине 1960-х гг. даже уровень первого этапа. Эти колебания напрямую связаны со степенью заинтересованности советского руководства во внешнеполитических акциях Русской Церкви. С другой стороны, со временем в Московской Патриархии появилась группа архиереев во главе с митр. Никодимом (Ротовым), которая пыталась всемерно расширять международные связи, стремясь укрепить позиции Церкви за рубежом и внутри страны. В результате их действий Патриархии удалось установить тесные контакты с религиозными организациями нескольких десятков государств мира. При всех колебаниях внешнеполитической активности Русской Церкви изменение ее роли на международной арене сразу же оказывало влияние на положение в своем Отечестве, большей частью определяя его.

[1] О современном состоянии и деятельности религиозных организаций и задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах. С. 38.

Глава V
ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1945–1964 гг.

§ 1. *Временное "перемирие" 1945–1953 гг.*

На 1945–1946 гг. пришелся пик в улучшении церковно-государственных отношений. И это объяснялось, как уже отмечалось, острой заинтересованностью советского руководства в международной деятельности Московской Патриархии. В первые послевоенные годы государство сделало целый ряд значительных уступок, нарушающих закон 1929 г. Правда, и в данный период его религиозной политике явно недоставало последовательности. Изменения охватили не все существовавшие в СССР вероисповедания, по-разному проявлялись в союзных республиках (в Прибалтике, Средней Азии отношение к Русской Церкви было гораздо более негативным). Московская же Патриархия с окончанием войны всячески пыталась упрочить свое положение, используя расширившиеся возможности. Многие иерархи правильно оценивали ситуацию, сознавая, что несмотря на все заверения властей, относительно благоприятные для них условия, вероятно, продлятся недолго.

10 апреля 1945 г. состоялась вторая и последняя встреча И. Сталина с руководством Русской Церкви — Патриархом Алексием, митр. Николаем (Ярушевичем), протопресвитером Н. Колчицким. В ходе ее обсуждались прежде всего задачи Патриархии в области международных отношений. В свою очередь, председатель СНК обещал поддержку планам церковного руководства. Именно эта встреча предопределила характер государственной религиозной политики в ближайшие два года. На ней шла речь даже о сооружении в Москве специального православного центра с дворцом, типографией, духовными учебными заведениями, свечным заводом и т. п.[1]

Правда, не все из данных обещаний были выполнены. И. Сталину пришлось учесть настроение большей части партийного и государственного аппарата, считавшей некоторые уступки чрезмерными. 22 мая 1945 г. Г. Карпов писал В. Молотову, предлагая поддержать просьбу Патриархии о выделении земельного участка в Москве для строительства здания (с резиденцией первосвятителя, духовными учебными заведениями, мастерскими), утверждении его проекта и т. д. Уже был составлен текст постановления Совнаркома, но его так и не приняли[2]. Ненамного дальше продвинулось решение вопроса о создании церковной типографии. Еще 17 марта 1945 г. И. Сталин лич-

[1] *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. С. 140; *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. С. 347–348.

[2] ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 29, лл. 172–173.

но утвердил соответствующие предложения Совета по делам РПЦ, в мае даже вышло специальное распоряжение Совнаркома. Патриархия смогла приобрести полиграфическое оборудование, шрифты на четырех языках и с осени планировала начать выпуск Священного Писания, богословских трудов, церковных календарей[1]. Однако здание для типографии выделено не было и оборудование много лет без употребления лежало на территории Новодевичьего монастыря.

Не оправдались и расчеты окружения Патриарха на открытие всех 4 дореволюционных Духовных Академий, семинарий чуть ли не в половине епархий, развертывание широкой миссионерской работы, хотя И. Сталин утвердил предложения Г. Карпова от 15 марта 1945 г. об организации при Синоде миссионерского совета и создании Богословско-пастырских курсов, кроме Москвы и Саратова, в Ленинграде, Киеве, Минске, Одессе, Луцке, Львове и Ставрополе[2]. В итоге не удалось осуществить даже, казалось бы, согласованное открытие Духовной Академии в Киеве и семинарий во Львове и Вильнюсе. Так, действовавшая в период оккупации Вильнюсская православная семинария была закрыта по постановлению Совнаркома Литовской ССР. И когда 25 августа 1945 г. Г. Карпов написал В. Молотову о необходимости открыть в столице этой республики Богословско-пастырские курсы, заместитель председателя СНК, учтя мнение литовского руководства, наложил резолюцию: "Вы торопитесь, надо обдумать, как это отзовется на католической церкви и т. п."[3]

Но в целом руководство СССР в 1945–1946 гг. все же старалось продемонстрировать благожелательное отношение к Московской Патриархии. Например, 5 ее представителей получили приглашение присутствовать на июньском параде Победы, причем их разместили вблизи иностранных дипломатов, чтобы, как сообщал Г. Карпов в правительство, обеспечить "благоприятное впечатление на заграницу"[4]. А вскоре Совнарком постановлением от 22 августа 1945 г. предоставил Патриархии, епархиальным управлениям, приходским общинам, вопреки ленинскому декрету 1918 г., ограниченное право юридического лица. Им разрешалось создавать финансовые счета, заключать сделки, покупать строения, открывать предприятия, осуществлять найм работников. Интересно, что до середины 1950-х гг. купленные представителями других конфессий здания считались национализированными и передавались лишь в пользование, а приобретенные православными общинами становились их собственностью. Благодаря указанному по-

---

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 29, л. 167.

[2]Русская православная церковь стала на правильный путь // Исторический архив, 1994, № 4. С. 97.

[3]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 30, лл. 93,98; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 506, л. 202.

[4]ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 29, л. 194.

становлению была получена возможность снова звонить в колокола[1]. Ведь некоторое время в стране существовала парадоксальная ситуация: в западных областях Украины, Белоруссии и на бывших оккупированных территориях РСФСР звон в храмах допускался, а на основной части СССР он был строжайше запрещен.

Важной проблемой являлось юридическое оформление существования монастырей (в основном открывшихся в период оккупации). В 1944–1945 гг. местные власти стали выселять монахов, конфисковывать их земельные угодья и т. п. Однако это вызвало недовольство центра, в первую очередь, из экономических соображений. Дело в том, что многие монастыри (в основном на Украине и в Молдавии) представляли собой зажиточные хозяйства. Они занимались земледелием, садоводством, ремеслами, различными промыслами. Только 24 молдавским обителям принадлежало 754 га пахотной земли, 230 га фруктовых садов и 116 га виноградников. По замыслу советского руководства, монастыри должны были кормить разоренную страну. Их приравняли по нормам сдачи продуктов животноводства и земледелия к подсобным хозяйствам государственных предприятий и организаций. Помимо выполнения госпоставок монастырям приходилось также оказывать значительную помощь соседним колхозам и совхозам.

В результате функционирование обителей было узаконено постановлением СНК от 22 августа 1945 г., предписывавшим местным властям "впредь до особых указаний не препятствовать деятельности мужских и женских монастырей", сохранять их здания, землю, инвентарь, скот[2]. А согласно постановлению от 29 августа, обители освобождались от земельной ренты и уплаты налога со строений, монашествующие же — от налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. Как писали Г. Карпову его молдавские "коллеги", такая политика создавала "условия более быстрого восстановления монастырских хозяйств, и они могут стать культурными хозяйствами, будут давать государству немало хозяйственной продукции"[3].

Но этого показалось мало. В сентябре 1945 г. Совет по делам РПЦ провел обследование 75 обителей. В заключении, сделанном по его итогам, говорилось о необходимости возвращения изъятых у монастырей после освобождения от оккупации земель, наделения ею безземельных обителей, выведения с монастырской территории государственных учреждений и предприятий[4]. Все указанные пожелания нашли отражение в постановлении Совета Министров "О православных монастырях" от 29 мая 1946 г., окончательно определившем их правовое и хозяйственное положение. Действительно, были возвращены не толь-

[1]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 31, л. 101.

[2]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 497, л. 5.

[3]Тихие обители. С. 9.

[4]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 8, лл. 50–52.

ко изъятые земли, но и в ряде случаев выделены новые из госфонда — по 0,15 га на одного насельника, монастырям разрешили заниматься промыслами, организовывать мастерские и т. п. Всего за обителями закрепили около 2000 га, причем более 400 из них составляли новые земли. В то же время монастырям установили жесткие обязательства по натуральным поставкам сельхозпродукции[1]. Они были довольно высоки и особенно тяжелы для российских монастырей, вынужденных закупать на рынке продукты для сдачи их государству. Этот порядок просуществовал до середины 1950-х гг.

После нормализации положения монастырей, в 1946 г., Патриархии были переданы часть помещений и храмов Троице-Сергиевой Лавры, мощи преподобного Сергия Радонежского и некоторых других канонизированных святых, ряд чудотворных икон из запасников музеев. Казалось, что за этим последуют новые уступки Церкви. 14 февраля 1947 г., когда еще сохранялись надежды на проведение Всеправославного Собора в Москве, Г. Карпов в своей докладной записке в ЦК ВКП(б) предлагал разрешить вопросы о миссионерской работе, передаче Патриархии всех помещений Троице-Сергиевой Лавры, собора и 2 корпусов в Новодевичьем монастыре, одной из типографий, храмов в Москве, Ленинграде, Киеве для организации подворий заграничных Православных Церквей. Просил он и изменить порядок открытия храмов, так как местные органы власти всячески тормозили этот процесс. Г. Карпов считал, что им надо оставить лишь право высказывать свое мнение, а рассмотрение и окончательное решение вопроса предоставить Совету по делам РПЦ с последующим одобрением правительства[2]. Но почти все его предложения в конце концов были отвергнуты.

21 мая 1947 г. в письме В. М. Молотову Г. Карпов уже сам рекомендовал не удовлетворять усиленные просьбы Патриархии о передаче в храмы мощей свв. Иоасафа Белгородского, Иннокентия Иркутского, Иоанна Тобольского, Иакова Боровичского и др.: "Относясь к передаче "мощей" отрицательно, поскольку это способствовало бы оживлению религиозного фанатизма и паломничества, а также увеличению доходов духовенства, Совет под благовидным предлогом оттягивал передачу "мощей" церквам"[3]. Правда, приняв во внимание подготовку Всеправославного совещания, Совмин 9 июня издал распоряжение о разрешении перенесения мощей св. митр. Московского Алексия в патриарший Богоявленский собор в Елохове. Последнее подобное разрешение на передачу мощей св. Анны Кашинской из музея в храм г. Кашина последовало в январе 1948 г.[4]

---

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 497, лл. 5,21.

[2]Там же, оп. 125, д. 407, лл. 10–11, 41–42.

[3]Там же, д. 503, лл. 105–106.

[4]Там же, л. 199, д. 593, л. 21.

Ситуация с открытием новых церквей была достаточно неоднозначной. В первые годы своего существования (1943–1944) Совет по делам РПЦ очень скупо давал санкции на их проведение. В 1945–1946 гг. подобные вопросы стали разрешаться гораздо успешнее для верующих. Но затем положение вновь ухудшилось. Критерии, которыми руководствовался Совет, принимая положительное решение, были следующими: отсутствие действующих храмов во всем районе или удаленность ближайшей церкви более чем на 10 км; наличие фактически действующей общины и ее крупные пожертвования в различные фонды; незаконное, без соответствующего оформления документами, закрытие храма в 1930-е гг.; повторность, настойчивость ходатайств в течение нескольких лет и многочисленность подписей под ними[1].

Так, например, верующие с. Верхново Новгородской области в 1945 — начале 1947 гг. безуспешно ходатайствовали о возобновлении служб в своей церкви, действовавшей в период оккупации. В январе 1947 г. им удалось провести 12 общеколхозных собраний в соседних селах. Везде были приняты резолюции об открытии храма, причем в 9 случаях единогласно, а в 3 — абсолютным большинством голосов. Резолюции и 3 коллективных заявления 22 мая доставили в Совет по делам РПЦ и 31 мая он указал уполномоченному оформить регистрацию церкви и не препятствовать богослужениям. Одновременно были "приняты меры" и к организаторам колхозных собраний[2]. Впрочем, не всегда и подобная настойчивость приводила к успеху. Скандальный случай произошел во время Всеправославного совещания в 1948 г.: 11 июля во время богослужения в Богоявленском соборе пенсионер Б. Д. Зубов сумел передать митрополиту Константинопольской Патриархии Германосу коллективное заявление верующих с. Горбуново Московской области с жалобой на безуспешность их попыток добиться открытия храма. За 1944–1947 гг. было подано 27 ходатайств и все они закончились безрезультатно. Не помогла и акция Б. Д. Зубова, сам же он оказался передан органам МГБ[3]. Существовали и другие случаи арестов "чрезмерно" активных ходатаев.

Всего за 1944–1947 гг. в Совет по делам РПЦ и его уполномоченным поступило 20 689 коллективных заявлений об открытии 5998 церквей, из которых было открыто 1270. 77,3% ходатайств было отклонено или не рассматривалось. По годам динамика была следующей: 1944 г. — 6629 заявлений о 2704 храмах, службы возобновились в 207; 1945 г. — соответственно 5986 о 1585, 509; 1946 г. — 5002 о 1150, 369; 1947 г. — 3072 о 559, 185. Процесс сокращения числа ходатайств продолжался до 1952 г., затем он вновь стал расти: 1948 г. — 3174, 1949 г. — 2297, 1950 г. — 1143, 1951 г. — 729, 1952 г. — 818, 1953 г. — 1031 и т. д. Этот

[1] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 274–275.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 506, лл. 107–109.

[3] Там же, оп. 132. д. 8, лл. 110–111.

спад объясняется некоторым снижением религиозности после окончания войны, прекращением открытия церквей и негативным отношением властей к коллективным заявлениям верующих в конце 1940-х — начале 1950-х гг. 95,6% всех письменных ходатайств за 1944–1947 гг. поступило из РСФСР — 19 772, в том числе 2490 из Рязанской области, 1819 — из Московской, 1467 — из Калининской, 1153 из Воронежской и т. д. Кроме того, за данный период уполномоченные приняли 24 607 индивидуальных посетителей, просивших об открытии церквей[1]. Всего же с подобными ходатайствами в 1944–1947 гг. обратилось к властям не меньше 2 млн. человек, ведь под некоторыми заявлениями стояло более 3 тыс. подписей. И несмотря на все ограничительные меры, в некоторых областях число официально действующих храмов выросло в десятки раз. Например, на Рязанщине с 2–3 в 1942 г. до 85 в 1948 г.[2]

В рамках проводимой в первые послевоенные годы политики произошла и окончательная ликвидация "Союза воинствующих безбожников". В началом Великой Отечественной войны деятельность его оказалась свернута, но формального роспуска не было. В октябре 1946 г. и.о. председателя ЦС СВБ после смерти Е. Ярославского Ф. Олещук и ответственный секретарь Е. Тучков (бывший руководитель "церковного" отдела ОГПУ), попытались, используя приглашение чешского "Союза свободомыслящих" на его съезд, возродить деятельность своей организации. Однако письмо на имя А. Жданова успеха не принесло. Не помогло и то, что на состоявшемся в Брюсселе заседании Совета "Всемирного Союза свободомыслящих" СССР было заочно предоставлено 3 места, в том числе — вице-председателя[3].

17 января 1947 г. М. Суслов от лица отдела внешней политики ЦК ВКП(б) рекомендовал секретарю ЦК А. Кузнецову отклонить предложение об участии советских представителей в работе интернационального Союза. Кроме того, он отмечал, что "целесообразность дальнейшего существования" самой организации безбожников "вызывает сомнения" и она "едва ли необходима", "к тому же работа СВБ на местах за последние годы по существу замерла". И в феврале ЦК ВКП(б) принял решение о прекращении деятельности СВБ[4].

Энергичные попытки возобновления атеистической работы предпринимал и В. Д. Бонч-Бруевич. 30 марта 1946 г. он писал в ЦК о бедственном положении музея истории религии, выселенном из своего здания. Ветеран антирелигиозного фронта предлагал создать Институт истории религии Академии Наук с музеем при нем в прежних помещениях. В итоге музей был сохранен, В. Бонч-Бруевича назначили его директором, но в создании института отказали. Правда, в 1947 г. вместо последнего был организован сектор истории религии и

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 7, лл. 6, 17, 27, д. 6, лл. 84–85.

[2] Там же, оп. 125, д. 593, л. 38.

[3] Там же, д. 407, лл. 81–87.

[4] Там же, лл. 88–89.

атеизма, являвшийся несколько последующих лет единственной подобной научной организацией в стране[1].

К концу 1940-х гг. почти всю работу с Церковью и внутри страны и за рубежом осуществлял Совет по делам РПЦ. Его роль и численный состав заметно выросли. Так, в 1946 г. количество уполномоченных увеличилось с первоначальных 89 до 114, а сотрудников центрального аппарата с 9 до 57 человек. Еще 29 марта 1945 г. В. Молотов дал телеграфное указание местным властям о недопустимости отправления уполномоченных в длительные командировки и необходимости обязательного согласования назначения или устранения их с Советом. Хотя значительную часть работников последнего в тот период составляли офицеры госбезопасности, все же 4 уполномоченных сняли за взятки и "сращивание с церковниками", в отношении еще 4 велось следствие. До начала 1947 г. Совет по делам РПЦ находился в центре внимания правительства и МГБ. Так, в 1946 г. Совмин принял на основе его информации 6 постановлений и 33 распоряжения[2]. Подобная активность и самостоятельность по отношению к партийным органам вызывала у них все большее недовольство. Но пока Совет находился под постоянной опекой службы госбезопасности, он мог особенно не тревожиться.

Ситуация изменилась в начале 1947 г. МГБ стало утрачивать интерес к Русской Церкви, и уже в феврале число уполномоченных сократилось до 105. Их состав также претерпел изменения — к августу 1948 г. лишь 20% уполномоченных были офицерами госбезопасности, остальные пришли с советской (46%), партийной (19%) и хозяйственной (10%) работы. А 4 августа 1952 г. Г. Карпов жаловался в ЦК на засоренность случайными кадрами Советов по делам РПЦ и религиозных культов: "По понятным причинам аппарат обоих Советов в своей оперативной части надо укомплектовать из кадров органов МГБ или они должны проходить ту же проверку, которую проходят там при приеме на службу, и для этого желательно было бы поручить т. Игнатьеву помочь обоим Советам кадрами и восстановить тот порядок работы с ними, который был в свое время (до 1947 г.), т. е. до освобождения т. Меркулова из МГБ"[3].

Одной из причин подобных просьб Г. Карпова послужило общее ухудшение положения возглавляемой им организации. Еще в 1947 г. последовали первые акции по отношению к ней со стороны партаппарата. Причем начались эти нападки с более слабого и уязвимого Совета по делам религиозных культов. Так, в июле заместитель начальника Управления агитации и пропаганды Д. Т. Шепилов писал в

[1] *Кидан Ю. Я.* В. Д. Бонч-Бруевич и научно-атеистическая работа Академии Наук СССР (1946–1955) // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 12. М., 1964. С. 11–12; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, лл. 45–51.

[2] ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 130, л. 594, оп. 2, д. 2, л. 11.

[3] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 6, л. 56, д. 569, л. 199.

Секретариат ЦК: "Совет по делам религиозных культов... руководствуется в своей работе ошибочными и вредными взглядами на роль религии в условиях советского общества... Докладная записка т. Полянского свидетельствует об опасности сращивания... с церковниками и превращения Совета из органа наблюдающего и контролирующего в орган помощи и потворства религиозникам". Как свидетельствует резолюция на этой докладной — на специальном заседании Секретариата ЦК И. Полянскому и Г. Карпову были "даны задания". А в октябре 1947 г. на секретариате обсуждался вопрос о подарках со стороны Патриархии руководителям Совета по делам РПЦ, и эту практику запретили [1].

Идеологические работники ЦК ВКП(б) не зря тревожились. После окончания войны Русская Церковь активно продолжала расширять сферу своего влияния и нередко при "попустительстве" государственных служащих различных рангов. Например, 9 мая 1945 г. архиеп. Алма-Атинский Николай совершил на городской площади благодарственный молебен и по его инициативе жители г. Челкар в Актюбинской области решили увековечить память погибших воинов устройством "Братского памятника" в виде огромного металлического креста с именами павших. Памятник был изготовлен и 24 июня освящен архиепископом. В Красноярском крае духовенство также добилось сооружения памятника героям войны, устраивало общественные обеды на церковные средства. В Ростове-на-Дону, Алма-Ате, Одессе были попытки организации публичных духовных концертов, а в Таганроге на нем даже присутствовали представители городского руководства[2].

Порой местные власти привлекали священнослужителей к дежурству в сельсоветах, использовали их в качестве агитаторов при выборах в советы. Особенно это было распространено в Молдавии. В 1947 г. в "Кишиневском епархиальном вестнике" даже опубликовали соответствующие темы для обязательного произнесения проповедей духовенством. Яркий пример приводил в своей докладной записке в ЦК от 27 августа 1946 г. Г. Карпов: "Секретарь Печорского РК ВКП(б) т. Пичугина позвала к себе настоятеля Псково-Печерского монастыря архимандрита Агафона и попросила его включиться в предвыборную агитацию. Агафон побывал во всех церквах района, в которых после службы в проповедях агитировал за выдвинутые кандидатуры. Духовенство г. Печоры задолго до голосования собралось в монастыре и оттуда во главе с настоятелем... явилось на избирательный участок. В комнату, где были урны, вошли первыми и опустили свои бюллетени"[3].

Подобные случаи пресекались. Строго наказывалось и совершение коммунистами религиозных обрядов. В 1946–1947 гг. за эти действия

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 497, л. 179, оп. 125, д. 506, лл. 134–135.

[2] Там же, д. 313. л. 167, оп. 122. д. 187, лл. 7–8.

[3] *Alexeev W.* Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941–1953. P. 58; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, лл. 71–72.

из ВКП(б) было исключено: в Воронежской области — 40 человек, в Калининской — 56, в Горьковской — 35 и т. д. Но наказания помогали мало. Например, в 1948 г. в архиерейской церкви г. Минска крестилась дочь министра сельского хозяйства БССР Крупеня. Регулярно посещали храм и дочери министров Рыжикова и Волошина[1].

Докладные записки Г. Карпова в ЦК ВКП(б) свидетельствуют, что в значительной части регионов страны рост религиозности продолжался до середины 1948 г. Так, в Свердловской области в 1945 г. было 476 венчаний, а в 1946 г. уже 1101, в Куйбышеве 867 и 2516 соответственно. В 1946 г. ощущался и заметный рост посещаемости храмов мужчинами — их доля увеличилась с 10 до 30–40% всех молящихся. И даже в мае 1948 г. ночные пасхальные службы в Москве привлекли 270–300 тыс. человек, в Ленинграде 110 тыс. Освящать же куличи в столице пришло в храмы в 2–3 раза, а в Киеве в 1,5 раза больше людей, чем в 1947 г. В 1949 г. количество освящавших куличи в Москве сократилось, но и тогда оно составляло 600–650 тыс. человек. В некоторых районах РСФСР в это время крестилось до 90% всех новорожденных (например, в Курской области)[2].

Целый ряд иерархов стремился еще больше расширить влияние Церкви. Так, архиеп. Крымский Лука в 1948 г. добивался предоставления верующим права свободно посещать храмы в праздничные дни (колхозников заставляли работать и в воскресенье), читал пастве в кафедральном соборе серию антиматериалистических проповедей, излагая основные идеи своей неизданной книги "Дух, душа, тело"[3]. Подобную активность Церкви не могли терпеть долго.

Первые признаки охлаждения государственно-церковных отношений проявились уже в 1947 г., по мере того как ясны становились ограниченные возможности использования Патриархии на международной арене и соответственно падал интерес к ней. Вдвое по сравнению с предыдущим годом снизилось количество официально открытых храмов. Вплоть до начала 1947 г. Церковь вносила сотни миллионов рублей на общественно-политические цели, в том числе большую часть в благотворительные организации и фонды — помощи детям сиротам, семьям военнослужащих, Красный Крест и т. п. Многие выплаты имели конкретные адреса — детских интернатов, домов ветеранов, отдельных инвалидов войны через собесы. Эта практика, поднимавшая авторитет Церкви, вызывала озабоченность властей, и в феврале 1947 г. согласно указанию из Совета Министров Патриарх предписал полностью прекратить все сборы на патриотические цели. Сокращение поступлений в государственный бюджет было компенсировано обязательной подпиской духовенства и прихожан на займы восста-

---

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 593, лл. 15, 17, 32, 113.

[2]Там же, д. 407, лл. 30, 46, 68, д. 593, лл. 107–108, оп. 132, д. 285, л. 35.

[3]*Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Париж: ИМКА-Пресс, 1979. С. 421.

новления народного хозяйства, а также усилением налогового бремени. Так, в марте 1947 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий был вынужден отправить Патриарху телеграмму: "Налоговое обложение сильно завышенное, совершенно не соответствующее фактической доходности — ставит причты ленинградских церквей в полную невозможность оплаты... Необходимо неотложное вмешательство центра"[1].

Появились первые помехи на пути поступательного роста духовных школ. Не удалось добиться запланированного Патриархией открытия Новосибирской семинарии. Правда, недостаток семинарий в 1947–1948 гг. удавалось отчасти компенсировать большим количеством краткосрочных Богословско-пастырских и церковно-певческих курсов. Постепенно, несмотря на жесткие нормы, росло количество учащихся в духовных школах. Самым большим достижением было получение в 1948 г. под предлогом подготовки православных пастырей в западных областях страны разрешения на открытие заочного сектора обучения в Ленинградской Академии и семинарии. Попытки же митрополита Григория добиться почти двойного увеличения дозволенных норм приема на первые курсы духовных школ закончились неудачей[2].

В 1947 г. вновь появляется и стремление оживить практически свернутую атеистическую пропаганду. До И. Сталина доходили сведения, что среди партийных кадров некоторая часть критикует "забвение ВКП(б) необходимости решительной антирелигиозной борьбы". Вождь не мог полностью игнорировать такие настроения. Выдвинув в 1947 г. на пост секретаря ЦК М. А. Суслова, он посоветовал ему "не забывать об атеистической пропаганде среди народа", в то же время отметив, что этот вопрос сейчас не самый главный. В июле 1947 г. было создано "Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний", естественно, на основе материализма. Секретариат ЦК ВКП(б) в октябре на закрытом заседании обсудил состояние отношений правительства с Церковью и пришел к выводу, что их надо развивать, не переоценивая перспективы последней и без излишне настойчивой опеки ее[3].

Эти симптомы предвещали, скорее, изменение всего положения Московской Патриархии. В 1948 г. в количественном отношении она достигла пика своего развития за послевоенное время. На 1 января в стране насчитывалось 14 329 православных храмов. На регистрации у Совета по делам РПЦ числилось 13 104 священника и диакона, 70 архиереев, причем 46% из них ранее подвергались арестам. В двух Духовных Академиях и 8 семинариях обучалось 562 человека. Количество монастырей за 1946–1947 гг. сократилось с 104 до 85, в них

[1] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 11, л. 37.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 127.

[3] *Алексеев В. А.* "Штурм небес" отменяется? С. 200, 202.

имелось 4632 насельника. Небольшой рост продолжался до 1949 г. В марте 1948 г. было получено разрешение на открытие еще 27 храмов, кроме того, в Православие продолжали переходить униатские приходы. Таким образом, к 1 января 1949 г. число храмов достигло 14 447, а количество духовенства к 1 июля — 13 483. Цифры, которые сообщались мировой общественности, с 1944 г. значительно завышались — до 22 или даже до 26 тыс. приходов. Однако, учитывая нелегальные молельные дома, они, возможно, фактически не слишком отличались от реальных[1].

Перелом в государственно-церковных отношениях, который произошел во второй половине 1948 г., был вызван целым комплексом различных причин. Прежде всего, повлияло изменение международного положения СССР, о чем рассказывалось в предыдущей главе. Существовала и другая группа факторов: переключение внимания И. Сталина к новому витку внутриполитической борьбы, чисток и репрессий, уже отмечавшиеся уступки части партийного аппарата, не одобрявшей послаблений Церкви, некоторые кадровые перестановки и т. п. Вновь заработала полным ходом "машина устрашения". Власти попытались обуздать выпущенные в годы войны духовные силы: национального, личностного самосознания, религиозного жизнеощущения. Политика ограничения свободы совести не могла не коснуться Церкви, которую, несмотря на все стремления, не удалось превратить в элемент тоталитарной системы. Раздражение чиновников государственного аппарата вызывало и постоянное настойчивое стремление руководящих деятелей Патриархии расширить сферу ее влияния, явно переходящее в их (чиновников) представлении рамки дозволенного.

Первые существенные ограничения деятельности Церкви последовали в конце лета 1948 г. 25 августа под давлением Совета Синод был вынужден принять решение о запрещении крестных ходов из села в село, духовных концертов в храмах вне богослужений, печатания в епархиях без разрешения Синода акафистов, посланий епископов, недопустимости разъездов архиереев в период сельских работ, запрещении всяких молебствий на полях и т. д.[2] А вскоре состоялась беспрецедентная акция, показавшая всю мстительность И. Сталина. 10 августа 1948 г. распоряжением Совета Министров, подписанным в качестве заместителя председателя К. Ворошиловым, разрешалось открыть 28 православных храмов. Однако 28 октября Совет Министров постановил отменить распоряжение под предлогом того, что оно не было подписано председателем И. В. Сталиным. Решение ЦК ВКП(б) по данному вопросу было разослано всем местным партийным организациям. Этот факт и последовавшее за ним насильственное закрытие только что открытых церквей вызывало резкое изменение в отношении к ходатайствам верующих как в центре, так и на местах. Напрасно

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 7, лл. 2–28, д. 109, л. 70.

[2]Там же, д. 109, л. 48.

Совет по делам РПЦ посылал 4 и 11 декабря 1948 г., 24 ноября 1949 г. представления К. Ворошилову о необходимости открытия 28, а затем хотя бы 4 храмов — они даже не ставились на рассмотрение[1].

Вплоть до смерти И. Сталина ни один новый православный храм официально разрешен не был. Более того, для конца 1940-х — начала 1950-х гг. характерно массовое изъятие церковных зданий для их переоборудования под клубы. Активно выявлялись и ликвидировались нелегальные молельные дома. 16 ноября 1948 г. Синод вынудили принять решение о запрещении превращать проповеди в храмах в уроки Закона Божия для детей. Новые ограничения вызывали сопротивление как мирян и рядового духовенства, так и некоторых архиереев. Например, 15 августа 1949 г. Г. Карпов сообщал М. Суслову о массовых случаях молений под открытым небом, в связи с чем в январе—июне уполномоченные Совета сняли с регистрации 12 священников. Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука написал Патриарху письмо с протестом против "абсолютного" запрещения обучения детей основам христианской религии. Примечательно, что с ответным посланием Патриарха Алексия от 18 января 1949 г. было ознакомлено 15 высших партийных и государственных руководителей[2].

Удар по Патриархии готовился сильный. Уже в сентябре 1948 г. под руководством М. Суслова был подготовлен проект постановления ЦК ВКП(б) "О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды". Однако с ходу он не прошел. Тогда часть аппарата, вдохновленная откровенно недружественным к Церкви октябрьским жестом вождя, фактически организовала крупную провокацию, причем одновременно и против Совета по делам РПЦ. 6 декабря Г. Карпов, вряд ли самостоятельно, разослал уполномоченным инструктивное письмо, предлагая принять меры к тому, чтобы на местах не чинились препятствия к проведению крестных ходов на воду, молебнов и Крещенских водосвятий. Естественно, многолюдные крестные ходы состоялись во многих городах и селах. Повод для нагнетания антицерковных настроений был найден скоро. 5 февраля 1949 года министр госбезопасности СССР В. Абакумов написал Г. Маленкову, что в Саратове в молебне водосвятия на Волге участвовало 30 тыс. жителей и свыше 500 из них купалось в специально оборудованной проруби, предлагая разобраться с виновными[3]. Тут же в "Правде" появилась разгромная статья "Саратовская купель".

Непрошедший сентябрьский проект постановления ЦК был назван — "О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний" и переработан с учетом "саратовского козыря". Серьезные обвинения выдвигались теперь и против Совета по делам РПЦ, уполномоченные которого якобы "стали видеть свое главное назначение в оказа-

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 669, лл. 8–9.

[2]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 109, лл. 36–37.

[3]Там же, д. 110, лл. 28–29, 44, 54–55.

нии содействия церковным организациям". В разработанном проекте нового положения о Совете, по существу, эта организация должна была подвергнуться разгрому, все должности уполномоченных ликвидировались, а сами они, вероятно, большей частью оказались бы в лагерях[1]. Но И. Сталина не устроил и второй вариант. Тогда в апреле заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК Д. Т. Шепилов представил на рассмотрение вождя новый, еще более скромный проект постановления под названием "О массовом совершении религиозного обряда в день церковного праздника "крещение" в городе Саратове". Пытаясь скомпрометировать в глазах И. Сталина Г. Карпова, в сопроводительной записке Шепилов подчеркивал, что тот регулярно дарил и сам принимал подарки от руководства Патриархии. В приложенном переработанном проекте положения о Совете ликвидировалась лишь треть должностей уполномоченных, его права сужались в меньшей степени, чем раньше. Однако и третий вариант 13 мая был отправлен в архив с пометкой: "Решения не принималось. Вопрос тов. Маленковым был доложен тов. Сталину"[2].

Интересно, что в апреле отдел пропаганды и агитации уже разослал на места материалы для очередных семинаров секретарей райкомов ВКП(б) по 6 темам, в том числе "Научно-атеистическая пропаганда", во многом составленные в привычных традициях 1930-х гг. А через 3 недели специально созданная комиссия во главе с Д. Шепиловым была вынуждена заново отредактировать и разослать их, убрав всякую критику Совета по делам РПЦ, фразы о "воинствующем пролетарском атеизме", "непримиримой" борьбе и т. п.[3] В 1949 г. очередная антирелигиозная война все-таки не захлестнула Церковь. Продемонстрировав партийным кадрам верность заветам классиков марксизма, И. Сталин не желал кардинально менять избранный курс в религиозном вопросе. Церковь была еще нужна. Вождь учитывал фактор усталости населения СССР от коммунистической пропаганды и тот эффект, который приносило использование выступлений священнослужителей в его целях. Кроме того, Церковь вновь приобрела такой вес, что война с ней могла привести к слишком большим издержкам. Сохранялась и определенная заинтересованность в международной деятельности Патриархии.

В последние годы жизни И. Сталина государственные органы взяли на вооружение тактику постепенного повсеместного ограничения влияния Церкви при сохранении внешне ровных отношений. Антирелигиозная пропагандистская кампания, начавшая было разворачиваться в 1949–1950 гг., вскоре оказалась свернутой. На XIX съезде партии в октябре 1952 г. эта тема практически вообще не поднималась. Но уже в октябре 1949 г. Г. Карпов указал Патриарху Алексию, что "Синоду

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 10, лл. 21–26.

[2]Там же, л. 20, д. 110, л. 26.

[3]Там же, д.10, лл. 15–18.

и патриархии следовало бы продумать сумму мероприятий, ограничивающих деятельность церкви храмом и приходом"[1]. Неоднократные попытки Первоиерарха добиться встречи со Сталиным и как-то изменить ситуацию закончились неудачей. Совет по делам РПЦ все больше сосредоточивался на функциях надзора, хотя отчасти сохранял прежнюю традицию, порой амортизировал особенно ущемлявшие интересы Церкви указы и постановления.

Начиная с 1949 г., постепенно были прекращены службы вне стен храмов, отменены крестные ходы, кроме Пасхальных, ограничены разъезды духовенства по населенным пунктам, не допускалось обслуживание одним священником нескольких церквей. Стали еще активнее преследоваться совершавшие религиозные обряды коммунисты и комсомольцы. Так, бюро Ивановского обкома ВКП(б) по этой причине исключило из партии в 1949 г. 105, а в I квартале 1950 г. — 44 человека. В 1950 г. по рекомендации Совета был принят указ о пострижении в монашество только с разрешения Патриарха, начали призывать в армию учащихся духовных школ, не имевших сана. Увеличились налоги. В 1951 г. не только стали облагать ими причтовые отчисления в пользу епархии и подарки духовенству, но и в принудительном порядке заставили уплатить соответствующие суммы за 1949–1950 гг. В этом году при уборке урожая только в Курской области по распоряжениям райисполкомов около 40 зданий действующих храмов были на много месяцев засыпаны зерном[2]. Значительно участились случаи арестов наиболее активных священников и архиереев. Например, в сентябре 1948 г. был в седьмой раз репрессирован архиепископ Мануил (Лемешевский), а в 1949 г. осудили на 10 лет епископа Красноярского только за то, что он "спровоцировал" дочку коммунистки "преподнести от имени пионеров" торт приехавшему в город митрополиту Новосибирскому Варфоломею. Причем ЦК ВКП(б) утвердил решение краевого комитета о снятии с должности "за пособничество церковникам" красноярского уполномоченного, несмотря на активную защиту его Г. Карповым[3].

Нарастание ограничений в конце концов привело к острому конфликту даже с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем, наиболее часто используемым властями в различных внешнеполитических акциях. В августе 1952 г. из отдела пропаганды и агитации ЦК к Г. Маленкову поступила записка о том, что "Николай публикует в "ЖМП" свои богословские проповеди, которые сеют среди верующих пессимизм, мракобесие, не содержат призывов к бодрости, к самоотверженному труду на пользу родине и на укрепление мира". В своей

---

[1]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 32, д. 109, л. 47.

[2]ЦХСД, ф.5, оп. 16, д. 669, лл. 12–14, д. 704, л. 44.

[3]*Иоанн (Снычев), митрополит.* Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. С. 203–206; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 285, л. 131.

беседе с митрополитом Г. Карпов поднял этот вопрос. Реакция Владыки была крайне резкой. В его письменном ответе в Совет заявлялось, что произведенное внушение "недалеко от замысла сделать меня врагом своего народа ... лишить меня свободы церковного слова". В знак протеста митр. Николай ликвидировал в журнале отдел проповедей, хотя продолжал ежедневно произносить их в храмах Москвы. Видимо, тяготясь некоторыми своими функциями, он неоднократно ставил вопрос об освобождении от участия в работе Всемирного Совета Мира. В свою очередь, и отдел пропаганды рекомендовал подобрать "более соответствующую" целям советской политики кандидатуру, но в тот период найти ее не удалось[1].

В целом к 1953 г. — концу второго этапа своей послевоенной истории — Патриаршая Церковь заметно сократилась количественно. На 1 января 1952 г. в стране насчитывалось 13 786 официально открытых православных храмов, 120 из которых не действовали ввиду использования их для хранения зерна. Количество священников и диаконов уменьшилось до 12 254, монастырей до 62 с 4639 насельниками. Только в 1951 г. было закрыто 8 обителей. Уже распались братства, ранее существовавшие на Западной Украине почти при каждой сельской церкви. Не лучшие времени переживали духовные школы. Количество учащихся на дневном отделении по сравнению с 1948 г. почти не увеличилось, составив 633 человека. В полтора раза сократилось число подававших заявления о приеме на первый курс Академии или семинарии. Совет энергично отсеивал абитуриентов по политическим мотивам. Исключение составляло заочное отделение в Ленинграде. Численность его учащихся бурно росла, достигнув к июлю 1952 г. 216 человек. Это особенно беспокоило власти, и намеченное на сентябрь открытие подобного отделения в московских духовных школах так и не состоялось[2].

На территории СССР имелось 63 правящих архиерея. В июньском 1951 г. информационном докладе тайного осведомителя властей профессора протоиерея А. Осипова содержится хотя и тенденциозная, но не лишенная интереса их характеристика. Костяк составляла группа иерархов с многолетним стажем, "большей частью побывавших в заключении... внешне подчеркнуто лояльных, но внутренне старых монархических тенденций". К ним примыкали 3 другие категории. Бывшие обновленцы "патриархией держатся на подозрении. В них видят часто агентов КГБ, людей неустойчивых". Вернувшихся эмигрантов "очень ценят, но боятся их выдвигать на видные места... как остатки старой гвардии синодской церкви старой России". Основную массу уже составляли архиереи нового поставления из вдовых протоиереев, монахов, архимандритов. "Здесь производится строгий выбор и в подавляющем большинстве они изрядные фанатики.

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 542, лл. 9–14.

[2]РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 569, лл. 50–84.

Правда, с точки зрения образованности — это все люди невысокого полета. Но для укрепления костяка церкви — подбора нового, фанатически преданного церкви духовенства, эти архиереи делают очень много". Иерархи делились на две основные партии — григорьевцев, сторонников митрополита Ленинградского Григория, и николаевцев — по имени митрополита Крутицкого, "между которыми лавировал патриарх". Причем Алексий доверял "едва ли не больше всех других" Владыке Григорию. Основным настроением в церковном центре было якобы желание продержаться еще несколько лет, "а там история покажет"[1].

Рассматриваемый в этой части нашей работы временной промежуток делится на два этапа государственно-церковных отношений. В 1945 — первой половине 1948 гг. в основном продолжались и даже на первых порах получали дальнейшее развитие тенденции, зародившиеся осенью 1943 г. Правительство сделало ряд существенных уступок в пользу Церкви. Но все эти уступки в значительной степени объяснялись заинтересованностью государства в тех или иных международных акциях Московской Патриархии и зачастую предшествовали им. Осенью 1948 г. произошел перелом, государственные органы избрали новую тактику: вместо жесткого контроля влияния Церкви — повсеместное вытеснение ее на периферию общественной жизни. Здесь сказались не только внешнеполитические обстоятельства, но и начало курса на общее ужесточение репрессий против всякого инакомыслия. Большая часть партийно-советского актива сохраняла приверженность в идеологической работе антирелигиозным стереотипам и догмам 1930-х гг. Линия на потепление государственно-церковных отношений воспринималась ими как вредная для ВКП(б). Немало было тех, кто говорил о "сползании" с марксистских позиций, необходимости "закрутить гайки". Учитывая подобные взгляды, И. Сталин дал согласие на разработку специального антирелигиозного постановления ЦК, поручив ее М. Суслову. Но в конце концов вождь, более дальновидный и прагматичный, чем большинство его соратников, все же сумел свернуть подготовку этого документа. Повторения разгрома Церкви 1930-х гг. не произошло. Но подобная опасность не была устранена, она лишь отодвинулась на время.

§ 2. *Укрепление позиций Патриархии — 1953–1957 гг.*

Середина 1950-х гг. стала для Московской Патриархии относительно благоприятным временем, хотя начало этого этапа предвещало для нее мало хорошего. В государственном и партийном аппаратах началась переориентация в отношении к религиозному вопросу. Если для И. Сталина и В. Молотова в церковной политике не требовалось санкции органов ВКП(б), и в контактах с Патриархией они подчеркну-

[1] ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 37, лл. 62–84.

то выступали от имени советского государства, то с 1953 г. вопросы этой политики постепенно перемещались в сферу партийного влияния и увязывались с целями и задачами атеистической работы. В руководстве КПСС выявилось два подхода к проблемам Церкви — антирелигиозный и "государственный" (рассматривание Патриархии как своеобразной части общей системы управления страной). Почти все 1950-е гг. между сторонниками этих подходов шла борьба с переменным успехом. Правительство же все больше дистанцировалось от проблем религиозной сферы, выражая готовность выполнять указания той части партийной элиты, которая одержит победу в споре о церковной политике.

Смерть Сталина вызвала среди иерархов Московской Патриархии противоречивые отклики. С одной стороны, проснулись надежды на будущее религиозное возрождение, с другой — возникли опасения, что без сдерживающего влияния вождя целый ряд лиц из его окружения постарается свести старые счеты с Церковью. И серьезные основания для таких опасений были. Уже вскоре появились первые тревожные симптомы. Из подготовленного четвертого номера "Журнала Московской Патриархии" была изъята статья "Вместе с народом", в которой говорилось о приемах И. Сталиным церковных делегаций. Было запрещено издание в 1953 г. третьего тома статей и речей митрополита Николая. Г. Карпову вернули посланную им 7 мая 1952 г. в Совет Министров очередную записку об открытии 8 храмов, пролежавшую там без рассмотрения около года. 29 апреля 1953 г. в ЦК на имя Н. С. Хрущева поступила докладная с предложением разработать план "ликвидации и локализации" святых источников, к которым осуществляется массовое паломничество, и создать для этой цели специальную комиссию. Правда, отдел пропаганды и агитации в своем отзыве порекомендовал ограничиться мерами местных партийных организаций[1]

В июне 1953 г. в ЦК ВКП(б) с пространным заявлением обратился Г. Карпов. Он желал выяснить, "какой линии следует придерживаться, какие принципы и методы работы допустимы" теперь. Председатель Совета по делам РПЦ предлагал значительно расширить его права, в том числе позволить самостоятельно, не входя в правительство, открывать храмы — "не более 25 в год"; решать вопросы, связанные с издательской деятельностью Патриархии, работой ее мастерских; обращаться в обкомы партии по фактам администрирования. Учитывая просьбу Патриарха, Карпов рекомендовал взимать налоги с духовенства, как с лиц свободной профессии, и таким образом несколько облегчить финансовое бремя Церкви и т. д. В заключение председатель Совета указывал, что он "чувствует неправильное отношение и явное недоверие к нему со стороны соответствующих органов, где он работал раньше", то есть МГБ. Практически все предложения

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 542, лл. 78–80, 120.

Карпова были отклонены согласно отзыву отдела пропаганды. В частности, подчеркивалось, что расширение прав Совета “может привести к значительному укреплению церкви и росту ее влияния на население”[1].

19 апреля 1954 г. Г. Карпов повторил свои предложения, приведя дополнительные аргументы. Настаивая на необходимости официально разрешить деятельность нескольких десятков храмов, он указывал, что в Казахстане и ряде других мест происходят массовые собрания в молитвенных домах, открытых явочным порядком. В письме содержалась критика грубых антицерковных акций некоторых местных властей, особенно в Курской области и Карело-Финской ССР. Карпов считал возможным удовлетворить просьбы Патриарха о встрече с председателем Совета Министра Г. Маленковым, высказанные Первоиерархом 4 и 28 ноября 1953 г. и 1 января 1954 г. Однако и второе письмо постигла та же участь[2].

Начинавшееся оживление религиозной жизни, которое Г. Карпов считал аргументом для шагов навстречу Патриархии, как раз и вызывало сильную тревогу у многих партийных функционеров. 27 марта заведующие отделами пропаганды и науки ЦК представили Н. Хрущеву совместную докладную “О крупных недостатках в естественно-научной, антирелигиозной пропаганде”, в которой, намеренно сгущая краски, писали о быстром росте Церкви (в 1949 г. — 200 посвящений в сан, в 1953 г. — 344 и т. п.) и развале атеистической работы. Впрочем, убеждать возглавившего ЦК ВКП(б) Н. Хрущева особенно и не требовалось[3]. Сформировавшись как политический деятель в 1930-е гг., он немало сил приложил к уничтожению храмов в Москве и на Украине. Кроме того, являясь своеобразным “революционным романтиком”, новый лидер партии искренне верил в возможность скорого построения коммунизма, в котором не должно быть места для религиозных представлений. Как только Н. Хрущев со своими единомышленниками устранил Л. П. Берию, провел ряд первоочередных мер по развитию экономики, он обратил свой взор на область идеологической работы. И одним из первых крупных решений партии здесь было постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. “О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения”, в подготовке которого активно участвовали Д. Т. Шепилов, А. Н. Шелепин, М. А. Суслов. В этом документе фактически пересматривалась и даже осуждалась как “примиренческая” прежняя политика в “церковном вопросе”. Предлагалось, по сути, вернуться на довоенный путь “наступления на религиозные пережитки”. Содержались призывы к активной борьбе с ними, к разоблачению “реакционной сущности и

---

[1] ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 542, лл. 124–126.

[2] Там же. д. 669, лл. 1–5.

[3] Там же, д. 650, лл. 18–21.

вреда религии"[1]. Перед принятием постановления В. Молотов предупреждал Н. Хрущева, что оно "поссорит нас с духовенством и верующими, принесет массу ошибок". На это лидер партии заявил: "Будут ошибки — исправим". В возобновлении атак на Церковь определенную роль сыграла и "старая гвардия воинствующих безбожников" — Ф. Н. Олещук, В. Д. Бонч-Бруевич и др.[2] Последний положил начало изданию Институтом истории Академии Наук СССР "Научно-атеистической библиотеки". В июле—августе он наметил план выпуска в 1954–1955 гг. 20 томов произведений антирелигиозных авторов (правда, и к 1963 г. вышло лишь 16 из них). Именно В. Бонч-Бруевич сыграл основную роль в подготовке постановления Президиума Академии Наук от 30 октября 1954 г. о развертывании научно-атеистической пропаганды ее учреждениями. Этим постановлением Академия впервые полностью, а не отдельными звеньями включалась в разработку проблем антирелигиозной пропаганды. Для согласования мероприятий при Президиуме была создана Координационная комиссия в составе ученых—представителей гуманитарных и естественных наук во главе с В. Бонч-Бруевичем. Последней акцией ветерана "богоборческого фронта" стало составление под его руководством к февралю 1955 г. так и не реализованного сводного плана "Работ Академии Наук СССР по научно-атеистической пропаганде", включавшего подготовку и издание 143 книг и брошюр (14 июля 1955 г. В. Бонч-Бруевич скончался)[3].

Наступление достигло своего пика летом 1954 г. — преследовались прихожане, разгонялись молящиеся в храмах, закрывались церкви. Все это вызвало сильнейшую негативную реакцию духовенства и мирян. Уже 23 марта архиепископ Лука писал Патриарху о необходимости созвать Собор епископов для обсуждения тяжелого положения Церкви, на постановление ЦК он откликнулся яркой проповедью: "Не бойся, малое стадо"[4]. И если в конце июля Г. Карпов готовил в соответствии с новыми директивами ориентировку уполномоченным Совета о тщетном желании церковников "как-то оттянуть неизбежный конец своего существования", то через месяц принялся усиленно писать в ЦК о массовом недовольстве и попытках организовать сопротивление антирелигиозным акциям[5]. Так, активную борьбу начал митрополит Ленинградский Григорий. На уговоры не отправлять резкое письмо в

---

[1] КПСС в резолюциях в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. С. 428–432.

[2] *Grossman J.* Khrushchev's Antireligions Policy and the Campaign of 1954 // Soviet Studies, 1973, V. 24, N 3. P. 377–370; *Алексеев В. А.* "Штурм небес" отменяется? С. 211, 213.

[3] *Кидан Ю. Я.* В. Д. Бонч-Бруевич и научно-атеистическая работа Академии Наук СССР (1946–1955). С. 17–21.

[4] *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. С. 467–470.

[5] ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 669, лл. 84–86.

Совет из-за возможностей репрессий, он ответил: “Ну что же — придется сломать голову, а я все-таки напишу доклад”. С острой публичной критикой действий властей Владыка выступал даже перед учащимися Духовной Академии. Согласно сообщениям Г. Карпова, большое значение посланиям митр. Григория придавал Патриарх. С призывами к “мученичеству” выступал Ростовский Владыка Вениамин. Негодующие письма шли от отдыхавшего в Сухуми митрополита Николая: “Духовенство и верующие Грузии по-прежнему переживают панику в связи с антирелигиозной пропагандой, ждут чисто физические репрессии, хотят прекращать архиерейские служения, прекратили звон, проповеди и т. д.” Для подобных опасений имелись основания и у самого митр. Николая. В эти же месяцы лектор Московского горкома КПСС Владимирцев в своих выступлениях называл его “первым врагом народа”, заявлял, что “он пока еще нужен нам для заграницы, а в свое время мы его обезвредим”[1]

В ЦК КПСС, правительство стала поступать информация не только о случаях недовольства и сопротивления новой религиозной политике, но и о значительном росте в стране, в связи со слухами о скором закрытии храмов, церковных обрядов, массовом крещении детей и скупке религиозных предметов. Часть членов Президиума ЦК — Г. Маленков, К. Ворошилов, В. Молотов, участвовавшие в сталинской политике интегрирования Церкви в структуру государственной системы, стали проявлять беспокойство по поводу очередной антирелигиозной войны, утверждая, что это приведет к нежелательным последствиям внутри страны и за рубежом. Как раз в сентябре в СССР с большим почетом принимали Антиохийского Патриарха. Но желанный гость, с которым обсуждались пути привлечения на сторону Московской Патриархии других православных иерархов, настойчиво просил прекратить “перегибы в отношении церкви, так как это выбивает у нас все козыри и затрудняет нашу работу по сближению между нашими церквами и народами”[2]. И уже в сентябре Н. Хрущев со своими сторонниками были вынуждены отступить. Началась подготовка принятого 10 ноября 1954 г. постановления ЦК КПСС “Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения”[3]. По ряду пунктов оно было прямо противоположно июльскому, осуждало произвол, наклеивание ярлыков, оскорбление верующих и, в частности, задержало появление журнала “Наука и религия”, посвященного пропаганде атеизма в массах: обещанный в 1954 г., он начал выходить только в 1958 г. Новое постановление вызвало волну благодарственных телеграмм от духовенства различных епархий.

Всего через месяц — 11 декабря — Патриарха Алексия официально

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 669, лл. 150, 178–179.

[2]Там же, л. 154.

[3]КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. С. 446–450.

принял Г. Маленков. Первоиерарх говорил о необходимости облегчения налогов с духовенства, передачи Церкви всех помещений Троице-Сергиевой Лавры, объединения Советов по делам Русской Православной Церкви и по делам религиозных культов. Патриарху обещали учесть его просьбы. Митрополита Николая, желавшего поставить вопросы о созыве Поместного Собора, расширении сети духовных школ, проповеднической деятельности, на встречу не пригласили. Правда, вскоре Маленков был снят с поста председателя Совета Министров и даже часть обещанного им Патриарху не была выполнена. Интересно, что по вопросу снижения налогообложения в Совете по делам РПЦ было специальное заседание 3 августа 1954 г., на котором ярым противником снижения выступил заместитель Г. Карпова С. К. Белышев. Он заявил, что переквалификация налогообложения духовенства с 19-й (где налоги составляли 81%) на 18-ю (69%) статью была бы равносильна признанию Церкви в качестве "какой-то общественно-полезной организации в нашем социалистическом обществе". При голосовании большинством в 7 голосов против 3 Совет высказался за переквалификацию на 18-ю статью. Однако приведено в жизнь это решение было только с января 1981 г.[1]

И все же 1955–1957 гг. стали самыми благоприятными для Православной Церкви после 1947 г. Впрочем, ее рост, несмотря на вспышку гонений, ощущался уже в 1954 г. Впервые за последние пять лет не сократилось, а увеличилось число священнослужителей — с 11 912 до 11 993. Прекратился и процесс старения духовенства — доля лиц моложе 40 лет в его составе изменилась с 9,1 на 11,2%. 312 человек поступило в монастыри, и среди них было много молодежи, чего не наблюдалось ранее. Так, насельницами Пюхтицкого монастыря стали 5 молодых ленинградок. В октябре 1954 г. инициативная группа из 50 женщин в Фалештском районе Молдавии ходатайствовала об открытии нового монастыря и т. д.[2]

Выросло число паломников. Например, к источнику у Курской Коренной пустыни с 8 до 15 тысяч. Появлялись и новые места поклонения, возрождались старые святыни. В Ленинграде только на Смоленском кладбище была восстановлена часовня "Анны-босоножки", воздвигнуты кресты с надписями "Антонида-блаженная", "Платонида-страдалица", "Иван-Богослов" и т. д. Но особым почитанием стала пользоваться новая святыня — могила "сорока мучеников" (1930-х гг.). Ухаживавшие за ней прихожанки кладбищенского храма рассказывали всем желающим: "Сорок священников здесь похоронены. Собрали их в церквах, прямо от службы, привезли сюда, да так, в полном облачении и закопали живыми... До сей поры... по ночам стоны слышны... А в день мученической кончины их стоит над могилой столб до само-

[1] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 276.

[2] ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 704, лл. 33, 53–54.

го неба"[1]. Появление такого "антисоветского" места поклонения было особенно знаменательно.

Увеличилось число желающих поступить в духовные учебные заведения: в 1951 г. было подано 382 заявлений (принято 275), в 1952 г. — соответственно 411 и 245, а в 1954 г. — 560 и 312. Почти в 3 раза за это время выросло количество заочников. Сократился отсев из Академий и семинарий. Уполномоченные Совета по делам РПЦ в процесс зачисления новых учащихся почти не вмешивались, следя лишь за непревышением лимитов, установленных для первых курсов[2]. Однако существовавших духовных школ не хватало, и епархиальные архиереи при поддержке Патриарха стали подавать прошения об открытии семинарий в Черновцах, Краснодаре, Львове, Ростове-на-Дону, Ярославле, Смоленске, Таллине. На все ходатайства последовал отказ, относительно Львовской семинарии окончательно уже в 1955 г. Тогда осенью 1954 г. Патриарх попросил у Г. Карпова разрешения хотя бы допускать эстонцев-мирян в специальную секцию заочного отделения Ленинградских духовных школ (где разрешалось учиться только священнослужителям). Патриарх Алексий обосновывал свою просьбу тем, что в Эстонии усиливается давление протестантов и там особенно необходимо просвещенное православное духовенство. Но Карпов заявил, что никакого давления нет. В 1954 г. появлялись и все более настойчивые ходатайства об открытии краткосрочных пастырских курсов, а также одномесячных курсов летом в семинариях для повышения квалификации приходского духовенства. На последнюю просьбу инспекторский отдел Совета, отдавая это дело на усмотрение Патриархии, ответил, однако, что нельзя курсы делать постоянным явлением, так как они якобы не соответствуют Уставу Русской Церкви[3].

Сокращалось количество закрываемых храмов: в 1952 г. — 216, в 1953 г. — 86, а в 1954 г. — 46. Кроме того, за указанный год число церквей с регулярными ежедневными службами увеличилось на 354. А в конце 1954 г. впервые после долгого перерыва в СССР был открыт православный молитвенный дом в г. Поти (Грузия). Следует отметить, что летом 1955 г. духовенство находившейся в бедственном положении Грузинской Церкви предприняло попытку присоединиться к Русской. В июне собрание верующих Мцхетского кафедрального собора единогласно приняло такое решение и архимандрит Георгий (Дедиани) отправил телеграмму митр. Николаю (Ярушевичу), что подавляющее большинство верующих Грузии хочет воссоединения. Однако власти решительно воспротивились этому, в итоге архим. Георгий был лишен сана. Совет по делам РПЦ писал в ЦК КПСС: "Дей-

---

[1] *Юдин Н. И.* Правда о петербургских "святых". С. 36, 112, 114, 129.

[2] ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 704, лл. 2–3.

[3] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 271.

ствительно верно, что Грузинская православная церковь находится на грани распада... но не в наших интересах способствовать ее укреплению"[1].

Развернувшийся в середине 1950-х гг. процесс либерализации, развенчания сталинизма, расширения возможностей духовной жизни не мог не сказаться благотворно на положении Церкви. Стали выпускать на свободу выживших в лагерях и тюрьмах священнослужителей, вначале по амнистии, а затем и по реабилитации. 14 июля 1954 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета об условно-досрочном освобождении отсидевших две трети срока и престарелых заключенных. В соответствии с ним многие священники стали писать прошения Патриарху о ходатайстве перед властями по поводу их актировки по возрасту. К маю 1955 г. Первосвятитель уже сумел выхлопотать освобождение епископа Вениамина (Новицкого) и быстро назначил его на кафедру в Саратов. В ноябре—декабре этого же года получили свободу упоминавшиеся епископ Мануил (Лемешевский) и митр. Нестор (Анисимов). Среди освобожденных из лагерей были епископы Афанасий (Сахаров), Николай (Муравьев-Уральский) и многие другие архиереи[2].

С 1955 г. стало правилом присутствие представителей Московской Патриархии на приемах в Верховном Совете и в иностранных посольствах. Это давало возможность церковным иерархам непосредственно общаться с руководителями государства и излагать им свои пожелания и ходатайства. Так, в июне 1955 г. на приеме председателем Совета Министров Н. А. Булганиным президента Индии Д. Неру Патриарх Алексий заявил советскому премьер-министру о желательности их официальной встречи, и Булганин ответил согласием. В 1955 г. подобной встречи не состоялось, но Церкви были сделаны серьезные уступки. 17 февраля Совет Министров принял постановление "Об изменении порядка открытия молитвенных зданий", согласно которому Совету по делам РПЦ предоставлялось право регистрировать церковные общины, которые давно фактически действовали без официального разрешения. Кроме того, решения об открытии новых храмов теперь принимались Советами Министров союзных республик, а не СССР, как раньше. В результате количество православных храмов в стране вновь стало расти. В 1955 г. было зарегистрировано 37 неофициально действовавших церквей и открыто 4 новых[3].

Практически впервые за всю советскую историю Православной Церкви разрешили напечатать Библию, Евангелие, и в 1956 г. они вышли общим тиражом 50 тыс. экземпляров[4]. Правда, количество

---

[1]ЦХСД, ф. 5., оп. 16, д. 704, лл. 33, 49, 120.

[2]*Иоанн (Снычев), митрополит.* Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. С. 222, 228, 236; *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. С. 150, 152.

[3]ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 704, лл. 174–175.

[4]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2. д. 127, л. 34.

церковных изданий оставалось незначительным. "Журнал Московской Патриархии" имел тираж всего лишь 15 тыс. экземпляров, выпускалось 50 тыс. стенных и настольных календарей, печаталось около 1 млн. венчиков и разрешительных молитв для умерших. Причем заказы Церкви исполнялись с опозданием в несколько месяцев и не полностью. 30 марта 1956 г. Патриархия обратилась в Совет по делам РПЦ с просьбой разрешить издание периодического сборника "Богословские труды", ссылаясь на внешнеполитические обстоятельства: "Дело подготовки пастырских и научно-богословских кадров не может быть полноценным при отсутствии возможности печатать богословские труды наших профессоров. Это ясно не только для нас, но и для зарубежных христианских Церквей... Получая от них многочисленные издания богословских трудов, мы оказываемся в крайне затруднительном положении, не имея возможности отвечать им тем же... оно подает повод зарубежным Церквам обвинять Русскую Православную Церковь в беспомощности, чем наносится ущерб не только нашей Церкви, но и престижу нашего государства"[1]. Вопрос решался очень долго и только в 1960 г. сборник стал выходить тиражом 3 тыс. экземпляров.

С прекращением репрессий и возвращением к т. н. "ленинской законности" значительно выросла потребность в информаторах внутри Церкви. 8 декабря 1955 г. появилось циркулярное письмо Совета по делам РПЦ своим уполномоченным, впервые определявшее задачи специальной работы по выделению групп лояльного духовенства на местах с целью получения от них различной информации. А через 3 месяца председатель Совета рекомендовал ЦК "для использования патриархии в международных делах еще кое в чем" пойти ей навстречу: передать Троицкий собор Александро-Невской Лавры в Ленинграде, все помещения Троице-Сергиевой Лавры, часть старых церковных книг, 50–60 облачений, несколько сот икон из музеев. Г. Карпов указывал на необходимость открыть 25–40 новых храмов, так как отклонять "все просьбы и не считаться с интересами верующей части населения по существу будет беззаконием"[2]. Фразы о беззаконии из уст сталинского генерала госбезопасности могли прозвучать только в связи с разоблачениями XX съезда.

Сразу после съезда у руководство Патриархии появились сомнения, не затронет ли избавление страны от сталинизма и их, в свете неоднократных обвинений в частных беседах Н. Хрущевым иерархов в "низкопоклонстве" перед Сталиным. Патриарх предпринял новые усилия для встречи с лидерами государства. Н. Хрущев от переговоров отказался, а Н. Булганин 26 марта 1956 г. встретился с православными архиереями. Он успокоил их, заявив, что ни о каком наступлении на религию не может быть и речи. Больше того, после осуждения

[1] *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Т. 2. С. 25, 31–35.

[2] ЦХСД, ф. 5, оп. 16. д. 542, лл. 166–167.

сталинских беззаконий должна появиться возможность дальнейшего развития демократических начал в обществе. Воспользовавшись этим, иерархи сразу подняли вопрос о необходимости освобождения из ссылок и лагерей духовенства. В ответ было заявлено, что невиновные священники скоро выйдут на свободу. И с весны 1956 г. резко усилился процесс освобождения духовенства. В этом году 293 освобожденных из лагерей священнослужителей вновь стали служить в храмах[1]. После встречи с Булганиным многим представлялось, что церковно-государственные отношения развиваются успешно. 9 июля Г. Карпов писал Патриарху, отдыхавшему в Одессе, что его может не беспокоить вопрос об открытии новых храмов — в 1955 г. было разрешено служить в 41 церкви, а за 6 месяцев 1956 г. — еще в 24; нет препятствий и к передаче Церкви мощей св. Никиты Новгородского, всех зданий Троице-Сергиевой Лавры; в принципе решен вопрос о распространении на часть церковнослужителей трудового законодательства[2]. Сам тон письма свидетельствовал, что работники Совета по делам РПЦ готовы и дальше оказывать Церкви в определенных пределах активную помощь.

В августе 1956 г. Совет Министров РСФСР наконец-то принял давно обещанное решение "О передаче Московской Патриархии зданий и сооружений расположенных на территории Троице-Сергиевой Лавры в г. Загорске", через год был освящен возвращенный Церкви Троицкий собор Александро-Невской Лавры в Ленинграде, на рабочих и служащих храмов распространили трудовое законодательство, разрешили перезахоронить останки митр. Московского Макария. В 1957 г. Патриархия уже ставила вопросы о возвращении ей Новодевичьего или Донского монастыря, организации церковной типографии, причем при поддержке Совета по делам РПЦ они оказались близки к разрешению[3].

К 1 января 1957 г. количество зарегистрированных православных храмов в СССР выросло до 13 478, численность духовенства в них достигла 12 288 человек. Состав архиереев, по мнению властей, изменился к худшему. Из 70 правящих иерархов, в ряды которых влились недавно освобожденные из лагерей, примерно половина подвергалась репрессиям. Многих из них контролировать было крайне сложно. Так, в мае 1957 г. на совещании в Совете по делам РПЦ отмечалось, что умерший полтора года назад митрополит Ленинградский Григорий "не терпел никаких советов уполномоченного и если узнавал про отдельные советы, рекомендованные уполномоченным, то как правило, делал все наоборот. Преследовал духовенство, которое периодически посещало уполномоченного"[4]. Успешно развивалось духовное

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 53, л. 23.

[2]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 176, лл. 4–5.

[3]Там же, лл. 22, 26, 31, д. 201, лл. 29–30.

[4]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 53, лл. 66-68.

образование. Осенью 1956 г. по сравнению с 1951 г. удвоилось число абитуриентов в академиях и семинариях. Количество учащихся дневного отделения увеличилось до 1094 человек, а заочного превысило 400. В 57 монастырях и 7 скитах проживал 4661 насельник. В РСФСР примерно треть всех родившихся младенцев крестилось, а умерших отпевалось. Стремительно росли доходы Церкви. Если в 1948 г. они составляли 180 млн. рублей, то в 1955 — 347, а в 1957 — 667 млн. рублей. В целом за 1949–57 гг. только Патриархат израсходовал на содержание духовных учебных заведений 99 млн. рублей, на восстановление и ремонт храмов, пособия епархиям — 82,4 млн., выплату пенсий духовенству и помощь верующим — 75,2 млн., на внешнеполитическую деятельность — 21,8 млн., приобретение облигаций государственных займов — 5,4 млн. и т. д.[1]

Но относительное благополучие Церкви было очень непрочным. В КПСС имелись влиятельные силы, готовые в любой благоприятный момент возобновить антирелигиозное наступление. Да и сам 1-й секретарь Н. С. Хрущев, например, в сентябре 1955 г. заявил в беседе с делегацией французских парламентариев: "Мы продолжаем быть атеистами. Мы будем стараться освободить от дурмана религиозного опиума, который еще существует, большую часть народа"[2]. После XX съезда в партийных документах все явственнее стали проступать антицерковные установки. С началом КПСС новой "всенародной кампании" по строительству коммунистического общества в очередной раз о себе заявили настроения в пользу атаки на религию — "мораль рабов". Но единства по этому вопросу в ЦК не было.

Некоторое время борьба шла и в Совете по делам РПЦ. 15 декабря 1956 г. заведующий его инспекторским отделом И. Иванов написал в ЦК КПСС письмо о серьезных разногласиях в организации, появлении после XX съезда различных мнений и предлагал свой план новой тактики Совета по ограничению влияния Церкви. Критиковал Иванов и внешнеполитическую деятельность Патриархии, рекомендуя для лучшего проникновения на Ближний Восток переориентироваться с православных иерархов на мусульманское духовенство, главный же упор сделать на связи с неправославными церквами капиталистических стран. Через 3 дня в ЦК направил письмо заместитель Иванова В. Спиридонов, резко критикуя своего начальника за планы нанести удар по церковному центру, "перетряхнуть епископов": "Совет не должен превращаться в штаб политической войны с религией и не делать ничего такого, что нарушило бы нормальные отношения между церковью и государством... В этом главное, а не в том, чтобы изобретать

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 53, лл. 21–28; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 201, л. 74, д. 263, лл. 30–43, 48–52, д. 254, лл. 33-87.

[2]О положении Церкви в Советской России и о духовной жизни русского народа. Доклад Архиерейскому Собору 1959 года епископа Лос-Анжелосского Антония. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1960. С. 12.

какие-то стратегические и тактические действия в войне с религией". В другом своем письме Спиридонов даже доказывал необходимость "отменить законы и постановления, противоречащие духу конституции", свободе совести[1].

К сожалению, подобных, толерантно настроенных руководителей в КПСС было немного. Ровную линию в государственно-церковных отношениях отстаивали в основном бывшие ближайшие соратники И. Сталина. И первые предвестники новой антирелигиозной кампании почти совпали с крупной победой Н. Хрущева над сталинистами в 1957 г.

Позиция Совета по делам РПЦ объективно была на стороне той части партийного аппарата, которая выступала за "мягкую" церковную политику, но она проигрывала борьбу. И по мере того, как это становилось все более очевидно, осложнялось положение Совета. Ему давали понять, что задача состоит не в расширении религиозной свободы, а в сокращении ее, не в способствовании жизнедеятельности церковных организаций, а во всемерном их ограничении. Большинство руководителей Совета пытались противостоять такому курсу. В мае 1957 г. Г. Карпов на заседании уполномоченных, не соглашаясь с навязываемым ему порядком действия, говорил о своем понимании задач возглавляемой им организации: "Главное — для этого Совет, собственно, и образован... — это обеспечить стойкие нормальные отношения между государством и церковью и путем связи с патриархом и другими руководящими деятелями церкви... обеспечить, чтобы церковь, как религиозное объединение в стране, и духовенство, как ее кадры, не скатились и не вернулись бы на позиции реакционной политики по отношению к государству. И совсем уж будет не только недопустимым, но и преступным, если бы это произошло в результате наших неправильных, непродуманных, поспешных или каких-либо других ошибочных действий"[2]. Становилось очевидно, что политика Совета не соответствует партийной точке зрения на содержание и перспективы развития государственно-церковных отношений.

Иерархи Патриархии сразу после июньского пленума ЦК КПСС поняли, что расстановка политических сил в стране сложилась не в пользу Церкви. В газетах появились статьи отрекшихся от Бога бывших священников. Выросла антицерковная пропаганда — если в 1956 г. в СССР было прочитано 1875 тыс. атеистических лекций, то в 1957 г. — 3875. Начал издаваться ежегодник Ленинградского музея истории религии и атеизма. Подготовительные шаги к будущему широкомасштабному наступлению был сделаны на "сугубо камерной" конференции 350 теоретиков атеизма в Москве в августе 1957 г.[3] Начиналось проведение антирелигиозных мер по административной линии.

---

[1] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 53, лл. 34–42.

[2] *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России. XX век. С. 117–118.

[3] *Struve N.* Les chretiens en URSS. P. 293.

2 декабря 1957 г. и Совет по делам РПЦ, уступив давлению, разослал уполномоченным указ о снятии в первом полугодии 1958 г. с учета зарегистрированных, но фактически не действующих по различным причинам храмов. Русская Православная Церковь оказалась на пороге нового периода тяжелейших испытаний, гонений и репрессий.

Этап 1953–1957 гг. государственно-церковных отношений оказался довольно противоречивым. Предпринимались попытки ужесточить курс религиозной политики в СССР, но в основном преобладала благоприятная для расширения церковной деятельности ситуация. Столкновение и борьба двух противоположных точек зрения в партийном аппарате, выжидательная позиция государства, реформирование органов госбезопасности отчасти развязали руки Совету по делам РПЦ. Какое-то время он был предоставлен самому себе и, пользуясь этим, попытался вернуться к курсу, намеченному при его создании в середине 1940-х гг. Более того, Г. Карпов, как и председатель Совета по делам религиозных культов И. В. Полянский, считал, что в условиях потепления общественной жизни необходимо сделать шаги к предоставлению большей свободы Церкви. Однако число сторонников жесткой линии в руководстве КПСС явно преобладало, и к 1958 г. они смогли одержать решительную победу. Это, в конечном итоге, предопределило и дальнейшую тактику действий Совета по делам РПЦ.

§ 3. Снова "война" — 1958–1964 гг.

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. вошли в историю как трагический период последних попыток руководства СССР радикально, в кратчайшие сроки решить религиозную проблему в стране. Времена хрущевской оттепели обернулись для представителей различных конфессий лютым морозом. Сильнейший удар был нанесен и по Русской Православной Церкви как самой влиятельной и многочисленной в стране.

К 1958 г. сравнительно ровные государственно-церковные отношения первого послевоенного десятилетия стали постепенно обостряться. Новый существенный поворот курса государственной религиозной политики в СССР был вызван целым комплексом причин. В партийных верхах все более зрели убеждения в возможности построения в СССР в скором будущем коммунистического общества. Значительная часть советского руководства, вполне добросовестно заблуждаясь, полагала, что отрешившись от негативных черт сталинизма, можно, наконец-то, воплотить в действительность "светлое будущее всего человечества". Считалось, что коммунистическая идеология жизнеспособна, еще далеко не исчерпала своих потенций и теперь, очистившись от сталинского наследия, проявит их. А раз она, несомненно, победит, то в каких-либо альтернативах, в том числе религиозной, ей необходимости нет.

Эти иллюзии частично разделяли и довольно значительные слои населения, среди них и многие представители демократически настроенной интеллигенции — так называемые шестидесятники. Они полага-

ли, что можно построить в СССР справедливо устроенное, социально ориентированное государство. Христианская идеология, как лишняя, ими отвергалась.

Одним из необходимых условий длительных широкомасштабных религиозных гонений является индифферентность к ним существенной части населения страны. И это условие в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в СССР было. Конечно, оппозиционно настроенные шестидесятники шли дальше властей, они хотели построить демократический, а не "либеральный" социализм. Но, в сущности, они также разделяли необходимость последнего "романтического" натиска коммунистической идеологии.

Сыграли свою роль значительные кадровые изменения в партийном руководстве. В своей борьбе 1957 г. со сталинистским большинством в Президиуме ЦК Н. С. Хрущев в значительной степени опирался на группу идеологов — М. А. Суслова, Е. А. Фурцеву, П. Н. Поспелова, Л. Ф. Ильичева, давно выражавших неодобрение существовавшей практикой работы с Церковью. Искал поддержку 1-й секретарь и у руководителей ВЛКСМ — А. Н. Шелепина, В. Е. Семичастного, С. П. Павлова, А. И. Аджубея, доверяя многим их советам и предложениям. Поэтому группа комсомольских вождей, желавшая начать решительную борьбу с религией, в некоторых вопросах оказывала давление на деятелей ЦК КПСС. Спокойные отношения с Церковью преподносились как сталинское наследие, которое следует ликвидировать, хотя именно религиозные организации особенно пострадали от репрессивных кампаний вождя народов. Кроме того, и у Хрущева все больше крепло желание объявить о начале перехода СССР в период "предкоммунистических отношений", где, по его словам, не должно быть места пережиткам капитализма. 29 ноября 1957 г., например, в беседе с газетным магнатом В. Г. Херстом 1-й секретарь поделился своими "заветными мыслями", что "народное просвещение, распространение научных знаний, изучение законов природы не оставляет места для веры в бога"[1]. Таким образом, нагнетание антирелигиозных настроений к концу 1950-х гг. в партийных и комсомольских верхах делало почти неизбежной новую войну с религией. И если в свете сталинской политики создания национальной империи, борьбы с космополитизмом, замкнутости границ Русская Церковь не расценивалась как прямо враждебная сила, то с обращением к идее интернациональной сущности коммунизма ситуация коренным образом изменилась.

Важнейшим побудительным мотивом смены курса государственной церковной политики явилась острая тревога в верхних эшелонах власти в связи с начинавшимся русским религиозным возрождением. Этот процесс, как уже отмечалось, начал вновь разворачиваться в СССР примерно в середине 1950-х гг.[2]

Следует учесть также значительную религиозность выпущенных

---

[1] *Алексеев В. А.* "Штурм небес" отменяется? С. 221.

[2] *Эллис Д.* Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие. С. 8.

на свободу сотен тысяч заключенных ГУЛАГа. Изживание страхов сталинской эпохи способствовало резкой активизации и широких слоев традиционно верующих. Так, если в 1955 г. к уполномоченным Совета по делам РПЦ поступило 1310 ходатайств и пришло 1700 просителей об открытии храмов, то в 1956 г. уже соответственно 2265 и 2299[1]. Почти все данные статистики второй половины 1950-х гг. свидетельствуют о подъеме Православия. Американский историк У. Флетчер вполне справедливо писал о религии в СССР, что, "когда условия становились благоприятными (годы войны или период "оттепели" 50-х), она быстро развивалась"[2].

Власти попытались компенсировать вынужденные потери нанесением мощного удара по одному их важнейших центров духовной жизни — Церкви. Они были убеждены, что в преддверии создания коммунистического общества не должно существовать никакой идейной оппозиции. Поэтому ответ на ее фактический рост мог быть только один — подавление. Государственных чиновников также сильно раздражали все более настойчивые требования руководства Московской Патриархии. В 1957 г. Патриарх Алексий неоднократно ставил вопрос о передаче Церкви одного из московских монастырей, открытии новых храмов, создании своей типографии. А в январе 1958 г. митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) в беседе с председателем Совета по делам РПЦ Г. Карповым впервые официально заявил о необходимости избрания духовенства в представительные органы власти, порекомендовал наградить кого-нибудь из руководства Патриархии международной Ленинской премией мира[3]. Подобные претензии вызвали негодование в ЦК КПСС.

Не последней по значимости причиной наступления на Церковь были экономические расчеты властей. В конце 1950-х гг. они активно искали источники пополнения "прохудившейся" государственной казны — продажа колхозам техники МТС, сокращение оборонных расходов и т. п. Не смогло руководство страны, как когда-то в 1922 г., и удержаться от искушения "запустить руку в церковный карман". Первые крупномасштабные антицерковные акции в октябре 1958 г. начались именно с постановлений о фактическом экономическом ограблении Церкви. Наконец, свою роль сыграли упоминавшиеся в IV главе внешнеполитические обстоятельства. После относительной неудачи Московской межправославной встречи в мае 1958 г. дорога к наступлению на Церковь была полностью открыта. Подготовка мощной антирелигиозной кампании началась еще в конце 1957 г. В ноябре все республиканские ЦК и председатели Советов по делам РПЦ и религиозных культов представили согласно запросу заведующего сектора

---

[1] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 90, лл. 64, 140.

[2] *Флетчер У.* Советские верующие. С. 34.

[3] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 91, лл. 5, 20.

агитации К. У. Черненко справки об активизации религиозных организаций и состоянии научно-атеистической пропаганды. 7 декабря на имя председателя Президиума Верховного Совета К. Е. Ворошилова поступила тенденциозная “Информация о письмах граждан по религиозным вопросам” от заведующего отдела писем А. Шмакова, с которой были ознакомлены все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК. В этом документе говорилось о настоящем потоке ходатайств от открытии, регистрации церквей и делался устрашающий вывод о массовой самовольной организации религиозных общин, ослаблении атеистической пропаганды и т. п. Все поступившие материалы были использованы отделом пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам для подготовки докладной записки о необходимости усиления антирелигиозной работы. 19 апреля 1958 г. записка была доложена секретарю ЦК Е. А. Фурцевой, курировавшей церковные проблемы. Существенную роль сыграло и апрельское письмо секретарю ЦК М. А. Суслову от корреспондентки “Литературной газеты” В. Шапошниковой о повсеместном наступлении Церкви, на которое было обращено самое серьезное внимание. В связи с ним в начале мая состоялось совещание ответственных работников отделов пропаганды, науки, школ и вузов, культуры ЦК КПСС, Госполитиздата, ЦК ВЛКСМ и т. д. На нем говорилось о необходимости приступить к выполнению открыто антирелигиозного постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г., в том числе начать издание массового научно-популярного журнала “Наука и религия”, звучала критика деятельности Совета по делам РПЦ[1].

Прежнее, слишком “примиренческое к церкви” руководство этой организации было в значительной степени заменено в январе 1958 г. После знакомства с 3 новыми членами Совета 17 января Патриарх встревоженно заявил управляющему делами Патриархии протопресвитеру Н. Ф. Колчицкому: “Я думаю, что это подготовка к уходу Карпова с должности председателя — это крайне нежелательно... Новым товарищам, вероятно, будет трудно работать, так как они, наверное, были активны в антирелигиозной работе”[2]. Интересно, что в мае пребывавший на лечении в санатории Г. Карпов несколько раз просил ЦК разрешить ему присутствовать на встрече Хрущева с Патриархом, но получил отказ. 13 февраля митрополит Николай впервые спросил у председателя Совета, не наступили ли изменения в отношении Русской Церкви “свыше”, отметив, что посольства социалистических стран перестали приглашать представителей духовенства на дипломатические приемы. Вскоре смета валютных расходов Московской Патриархии на 1958 г. была сокращена с 2560 тыс. до 1800 тыс. инвалютных рублей, в том числе по Ближнему Востоку на 644 тыс. В августе Совет по делам РПЦ направил своим уполномоченным несколько инструктивных писем: о противодействии активизации церковников, “не допуская

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, оп. 33, д. 90, лл. 44–143, д. 91, лл. 23, 30.

[2]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 227, л. 25.

администрирования"; улучшении информирования; пресечении торжественного празднования юбилейных церковных дат. Московские власти закрыли доступ к почитаемому верующими Глинковскому источнику вблизи Троице-Сергиевой Лавры[1]. Но это было только начало.

26 августа комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей приняла решение подготовить проекты постановлений Совета Министров о новом порядке налогообложения церковных предприятий, а также о православных монастырях. Через несколько дней проекты были готовы. 10 сентября Г. Карпов вылетел к отдыхавшему в Одессе Патриарху для зондирования возможной реакции Первоиерарха на готовящиеся акции. Председатель Совета выразил негативное отношение к "излишествам" архиереев, притоку молодежи в церкви, низким налогам на свечи, слишком "обильному" рукоположению новых священников. Заговорили он и о положении Киево-Печерской Лавры. Правильно поняв намек, встревоженный Патриарх категорически отверг возможность закрытия известных монастырей, заявив о возможном уходе на покой, в знак протеста[2]. О том же, какие "драконовские" решения правительства вскоре увидят свет, руководство Церкви осталось в неведении.

Важнейшим звеном начала атаки на религию оказалось секретное постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. "О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»". В нем всем партийным, общественным организациям и государственным органам предписывалось развернуть наступление на "религиозные пережитки" советских людей. По тотальности намечаемых мер эта акция не имела прецедента. В соответствии с указаниями ЦК и лично Хрущева 16 октября Совет Министров СССР принял первые антицерковные постановления: "О монастырях в СССР" и "О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей". В первом из них монастырям запрещалось применять наемный труд, предусматривалось значительное уменьшение земельных наделов, а также сокращения самого количества обителей. Кроме того, вновь вводились отмененные в 1945 г. налог со строений и земельная рента, резко повышались ставки налога с земельных участков[3].

Антирелигиозная кампания не случайно началась с гонений на монастыри. Их духовная роль всегда являлась чрезвычайно важной в России. Они были и оставались местами паломничества, где можно исповедоваться и получить совет духовника, центрами духовной поддержки верующих, национальными источниками веры. И во второй половине XX столетия православные монастыри сохраняли свое значение. Например, только одна Почаевская Лавра в Тернопольской

---

[1] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 201, лл. 57–58; ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 91, л. 35.

[2] Письма и диалоги времен "хрущевской оттепели". С. 44–48.

[3] Законодательство о религиозных культах. С. 35–36.

области за 1957–1958 гг. получила от верующих 11 024 посылки и более 16 тыс. денежных переводов на сумму 3,4 млн. рублей; среди поступивших в конце 1950-х гг. в Закарпатские обители 84,6% составляли люди моложе 30 лет.[1] Кроме того, монастыри не имели "двадцаток" и мирян для своего правового представления перед властями. Таким образом, стремясь к их ликвидации, советское руководство пыталось поразить слабое в правовом отношении звено Церкви и лишить массы верующих важной части их духовной пищи.

Поход на монастыри быстро набирал темпы. Уже 24 октября в ЦК КПСС поступила докладная записка секретаря компартии Украины Н. Подгорного, предлагавшего в ближайшее время закрыть 13 из 40 украинских монастырей и скитов, а также передать территорию нижней части Киево-Печерской Лавры с ближними пещерами музею-заповеднику. Записка встретила полное одобрение заведующего отделом пропаганды ЦК Л. Ильичева. Постановлением Совета Министров УССР от 1 ноября из 357 га их земли украинским монастырям было оставлено лишь 60, причем Мукачевской обители отказали даже в 2 гектарах огорода и сада. В январе 1959 г. без согласия и уведомления Совета по делам РПЦ были выселены 32 монаха из Киево-Печерской Лавры. Молдавские власти пошли еще дальше, предлагая за несколько месяцев закрыть 12 из 14 монастырей республики. В РСФСР Псково-Печерскому монастырю из 26,5 га земли оставили только 4,4 внутри двора, да и за ту установили такой высокий налог — 40 руб. с сотки, что впору было от нее отказаться. Областной партийный актив решил добиваться ликвидации обители. С большим трудом Совет несколько упорядочил этот процесс, утвердив план закрытия в 1959–1960 гг. 28 из 63 монастырей и скитов Русской Церкви, в том числе 7 в Молдавии и 17 на Украине. Кроме того, он добился от Патриарха согласия не давать никаких дотаций обителям без санкции Совета, а также запрещения приема в монастыри лиц моложе 30 лет[2].

Тяжелый удар был нанесен по материальной базе Патриархии. Повышение налога на доход свечных мастерских коснулось каждого прихода. По принятому постановлению мастерские были вынуждены отпускать свечи по 200 руб. за килограмм, и в то же время запрещалось повышать значительно более низкие цены на них в храмах. Чтобы найти выход, во многих приходах начали распускать платные хоры, уменьшились доходы священников. Духовенство буквально разорялось. По московской мастерской увеличение налога на свечи составило 1033%. В целом для Патриархии он начал обходиться в 12 млн. рублей в месяц, тогда как на содержание духовных учреждений и выплату пенсий вместе тратилось 2,75 млн. рублей. Важную роль играло и то, что постановление, сообщенное Церкви 28 октября, вступало

---

[1] *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Т. 2. С. 186.

[2] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 91, л. 115, д. 126, л. 53.

в силу с 1 октября, что повлекло за собой взыскание дополнительной платы за уже проданные свечи. Епархии и приходы, не имевшие в запасе денежных средств, оказались в крайне затруднительном положении. Патриархат захлестнула волна отчаянных просьб архиереев о помощи. Так, Ивановской епархии необходимо было заплатить налог за 4 квартал 1958 г. в 3088 тыс. руб., а в епархиальной кассе было лишь 100 тыс., у Ярославской епархии соответственно 586 и 37 тыс. и т. д.[1]

Руководство Патриархии отреагировало крайне болезненно. Уже 29 октября Совет по делам РПЦ посетила группа работников хозяйственного управления во главе с его председателем архиепископом Макарием и горячо убеждала в необходимости отменить акты, подрывавшие всю экономическую жизнь Церкви. Однако последовал твердый отказ. Ходатаи в сердцах заявили, что "правительство изыскивает таким способом необходимые средства на нужды государства". 4 ноября Совет информировал ЦК о резко негативной реакции работников Патриархии. Заместитель председателя хозяйственного управления личный секретарь Патриарха Алексия Д. А. Остапов в знак протеста даже предлагал отказаться от внешнеполитической деятельности, не принимать иностранные церковные организации и не давать им денег на подарки. Вскоре Остапов был привлечен к уголовной ответственности за "незаконное" печатание в мастерской Патриархии "венчиков" и "разрешительных молитв". Сверх дозволенных 200 тыс. экземпляров было изготовлено еще 1 млн. и 900 тыс. их уже продано. Но затем следственное дело прекратили, так как всю ответственность Патриарх взял на себя[2]. Первосвятитель также был возмущен постановлением от 16 октября. 17 ноября он писал в Совет: "Это мероприятие... явилось для Патриархии беспрецедентным и совершенно неожиданным, как предпринятое без всякой консультации с заинтересованной стороной". В частных беседах Патриарх заявлял о необходимости порекомендовать церковным организациям закупать свечи в государственной торговле, а также наладить их нелегальное производство. В ноябре руководство Патриархии просило власти хотя бы отсрочить введение новых налогов до 1 января 1959 г., но и в этом им было отказано[3].

Вскоре последовали новые удары. В ноябре-декабре 1958 г. прошла массовая чистка церковных библиотек, многие книги были изъяты, вся иностранная литература поставлена на цензорский контроль. Для ограничения поступления новых изданий выпустили "Инструкцию о порядке пропуска в СССР религиозной литературы и предметов религиозного культа". 28 ноября ЦК КПСС принял постановление "О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам»". Сроки ставились жесткие, через полгода местные партийные

---

[1] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 91, лл. 140–144.

[2] Там же, лл. 136–137.

[3] Там же, л. 145; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 227, лл. 90–91.

организации должны были отчитаться о проделанной работе. В результате, чтобы прекратить доступ верующих к 700 учтенным властями по СССР святым местам, применялись любые методы. Территория вокруг источника в Коренной Пустыни под Курском была огорожена, выставлена милицейская охрана, планировалось изменение русла реки. В Ульяновской области к святому месту у пос. Сурское паломничество нескольких тысяч людей пресечь не удалось, но в наказание арестовали и привлекли к судебной ответственности 4 организаторов. На Украине несколько почитаемых источников засыпали и, видимо, вспомнив кампании 20-х гг. выпустили кинофильм "Правда о мощах". Намеренно оскорбляя чувства верующих, на месте святого источника в с. Вязовое Тамбовской области устроили летний лагерь для свиней и т. п.[1]

Вновь возобновилось закрытие храмов — в 1958 г. была снята с регистрации 91 церковная община. И здесь порой происходили нарушения всяких норм законности. Так, в Приморском крае Сучанский горисполком пытался насильственным путем, с арестом священника закрыть кладбищенскую церковь, чем вызвал открытую вспышку недовольства населения. Антирелигиозная волна нарастала: Ростовский облисполком потребовал запретить колокольный звон в городских церквах, у архиереев снимали телефоны, храмы отключали от водопроводной сети, запрещали в них текущий ремонт и т. д.[2]

Все эти акции вдохновлялись высшим партийным руководством. На XXI съезде КПСС в январе-феврале 1959 г. активно звучала тема о необходимости разработки программы быстрого перехода советского общества к коммунизму, и Н. Хрущев в своем докладе заявил, что одна из главных задач предстоящей семилетки — преодоление пережитков капитализма в сознании масс. Об этом же говорили на съезде официальные советские идеологи — М. Суслов, Е. Фурцева, П. Поспелов. Ряд зарубежных историков — Д. Поспеловский и некоторые другие[3] даже считают, что могло существовать секретное постановление XXI съезда по уничтожению религиозных организаций в стране в ходе выполнения принятого семилетнего плана, но какие-либо сведения о нем в рассекреченных архивных документах ЦК КПСС отсутствуют.

В январе 1959 г. состоялись закрытое собрание коммунистов Совета по делам РПЦ и всесоюзное совещание его уполномоченных по обсуждению новых задач в свете постановления ЦК от 4 октября 1958 г. На них подверглась резкой критике вся прошлая деятельность организации за примиренчество и пособничество церковникам.

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 91, лл. 149–150; ЛОГАВ, ф. Р-1397, оп. 1, д. 394, лл. 29–30.

[2]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 126, лл. 50–51.

[3]*Stoyen W.* Communist Russia and the Russian Orthodox Church, 1943–1962. Wash., 1967. P. 89–93; *Power D.* Antireligions Propaganda in the Soviet Union: A Study of Mass Persuasion. Cambrigde, 1978. P.-39–40; *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 310.

Подчеркивалось, что Совет поддерживал ходатайства об открытии и ограничивал ликвидацию храмов, дважды добивался более льготного обложения духовенства, принимал инструкции, способствовавшие распространению религиозной идеологии. В докладе одного из новых членов Совета И. И. Сивенкова в качестве главного виновника "ошибок и извращений" указывался отсутствовавший по болезни Г. Карпов, который будто бы не сумеет их исправить, так как не хочет признавать и критически оценивать[1].

И. Г. Карпов, возглавлявший Совет с момента его возникновения в 1943 г., действительно решил не сдаваться. 6 марта он направил Е. Фурцевой заявление с просьбой принять его, а 14 марта передал ее помощнику обстоятельное письмо, причем просил не знакомить с его текстом до намеченной встречи аппарат отдела пропаганды ЦК. В письме Г. Карпов сообщал о серьезных недоразумениях в его деле, которые могут привести к неблагоприятным последствиям. Он подчеркивал несколько принципиальных возражений против доклада И. Сивенкова: нормализация отношений государства с Церковью является одной из главных задач Совета, а не политической ошибкой, необходимо сохранять патриотическую позицию Церкви, а не разоблачать "стремление духовенства выдавать себя за активных помощников советской власти" и т. д. Отмечая недопустимость сознательного ухудшения церковно-государственных отношений, Карпов ссылался на важность использования религиозных организаций в государственных интересах СССР за границей: "Из 14 автокефальных православных церквей мира 9 церквей целиком поддерживают начинания Московской патриархии... Сейчас предполагается подготовить и провести в течение 1–2 лет Вселенский собор или совещание всех православных церквей мира... Как же можно проводить эту работу... если мы будем... поощрять грубое администрирование по отношению к церкви и не реагировать на извращения в научно-атеистической пропаганде... Я считаю недопустимыми такие действия, как взрыв церковных зданий". Председатель Совета приводил многочисленные вопиющие факты администрирования, ссылался на массовое недовольство духовенства, размышления Патриарха об отставке и даже предлагал сделать некоторые уступки Церкви, например, разрешить построить здание для Киевской семинарии[2].

В результате Г. Карпов еще почти на год сохранил свою должность. Наметился временный отход от некоторых крайних форм антирелигиозного наступления. Важную роль здесь сыграло сопротивление самой Православной Церкви. Так, 18 февраля руководство Совета приняло митрополита Крутицкого Николая по его просьбе. Согласно записи беседы, "в раздраженном тоне, нервничая и возмущаясь, Николай за-

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 126, лл. 37–41.

[2]Там же, лл. 35–36, 43–53.

явил, что с осени 1958 г. началось наступление на церковь, равнозначное походу на церковь до войны 1941–1945 гг." Владыка указал, что в этой обстановке он не может посещать дипломатические приемы и уже 2 раза не являлся на них, кроме того, Патриархия хочет отказаться от издания журнала, так как публикуемые там материалы используются для борьбы с религией[1]. 20 февраля по тому же вопросу на прием в Совет пришел Патриарх, он настаивал на снижении налогов, открытии новых храмов и заявил о желании добиваться встречи с Н. Хрущевым[2]. А 31 мая Первосвятитель и митрополит Николай обратились к 1-му секретарю ЦК с письмом: "Мы вынуждены просить Вас, глубокоуважаемый Никита Сергеевич, каким-нибудь актом подтвердить действенность постановления партии от 10 ноября 1954 года. За последние месяцы имеют место многие факты оскорбления религиозных чувств, а также отдельных ничем не опороченных священнослужителей и печатание в прессе заведомой неправды о некоторых явлениях нашей церковной жизни". Далее приводились многочисленные примеры газетной клеветы или грубого администрирования местных властей[3].

Определенный результат это письмо принесло. В редакционной статье "Правды" от 21 августа "Против религиозных предрассудков" критиковались отдельные органы печати, обращалось внимание партийных организаций на недопустимость "искривления" линии партии в религиозном вопросе. Кроме того, отдел пропаганды ЦК указал редакциям ряда газет на необходимость исключить в дальнейшем оскорбления чувств верующих. Рекомендовалось также не упоминать в атеистических статьях руководителей Патриархии и почитаемые святыни. Правда, данные указания выполнялись не долго.

Наступление на религию в 1959 г. не прекратилось, лишь на время несколько сбавило темпы. 22 апреля Совет по делам РПЦ направил своим уполномоченным инструктивное письмо "О введении регистрации членов исполнительных органов и ревизионных комиссий приходских церквей" (отмененной в октябре 1955 г.), в целях ограничения единовластия настоятелей, ослабления материального положения Церкви и принижения авторитета духовенства. В подобном письме от 12 июня требовалось прекратить продолжавшуюся в широких размерах благотворительную деятельность религиозных организаций, а также принять меры к полному прекращению ходатайств от открытии храмов. 29 августа последовал указ об ограничении совершения треб духовенством в домах верующих и т. д.[4]

К ноябрю 1959 г. было закрыто 13 православных монастырей, на конец года и в 1960 г. была намечена ликвидация еще 17. Вопреки

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 126, лл. 56–58.

[2]Письма и диалоги времен "хрущевской оттепели". С. 48–51.

[3]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 152.

[4]Там же, лл. 103–105, 142.

предварительной договоренности Патриарха с Советом по делам РПЦ некоторые обители закрыли не постепенно, а в ускоренном порядке — иногда в 24 часа. Из 1013 насельников лишь 266 перевели в другие монастыри, 26 трудоустроили, 7 отправили в больницы и дома престарелых, остальные были предоставлены самим себе. Не обошлось без эксцессов, особенно при ликвидации Кременецкого и Речульского монастырей. 150–200 инокинь последнего и многочисленные верующие пытались воспрепятствовать закрытию, заняли церковь. 1 июля при их изгнании работники милиции открыли стрельбу, одного богомольца застрелили. А 8 октября в день памяти преподобного Сергия Радонежского на территории Троице-Сергиевой Лавры милиционеры задерживали верующих и не выпускали их из-под ареста несколько суток, требуя расписок, что они никогда больше не придут в Лавру[1].

Местные власти все меньше считались с Советом по делам РПЦ, уполномоченные которого порой были вынуждены подчиняться решениям областного или республиканского руководства, а не своего непосредственного начальства. 17 сентября Патриарх, возлагая надежды только на помощь лично Г. Карпова, писал ему по поводу рапорта архиепископа Ростовского Иннокентия: "Он просит меня дать ему указаний... Но каких я ему могу дать указаний, когда по ряду пунктов я могу только сказать, что требования уполномоченного по меньшей мере незаконны? Как, например, сочетать требование его о недопущении в храм лиц до 18-летнего возраста с пунктом конституции о признании свободы отправления религиозных культов за всеми гражданами?.. Как оценить его требование священникам "отказаться от Бога" и т. д.?"[2]

Однако и сам Г. Карпов постепенно терял возможность принимать самостоятельные решения. Например, отправляясь 22 сентября в Одессу на переговоры с Патриархом о необходимости увольнения Крымского, Львовского, Ташкентского и Чебоксарского архиепископов за их "нездоровые акции", председатель Совета впервые запрашивал санкции на подобную поездку у ЦК КПСС. Первосвятитель пытался отстоять многих намеченных к устранению архиереев, и в некоторых случаях это удавалось. Так, архиепископа Луку Совет неоднократно настойчиво рекомендовал отправить на покой еще с июня 1959 г., но Патриарх отклонял все "пожелания" вплоть до смерти Владыки в 1961 г. Встретившись с сопротивлением Первосвятителя, Г. Карпов в декабрьской беседе с уполномоченным по Узбекистану Н. Ф. Вороничевым пытался смягчить конфликт вокруг Ташкентского архиепископа: "Взамен Еромогена к Вам будет назначен другой епископ, а другой, Вы думаете, лучше будет? Все равно, — сказал товарищ Вороничев, — Ермогена дальше держать в Ташкенте невозможно"

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 126, лл. 168, 227.

[2]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 176, л. 48.

Уполномоченный подчеркнул, что на него оказывает сильное давление руководство Узбекистана, так как архиепископ под видом ремонта фактически построил несколько новых храмов, развернул широкую благотворительную деятельность. Председатель Совета ответил, что поговорит об этом с Патриархом снова только после его возможной встречи с Хрущевым[1].

Новый импульс активизации антицерковной политики в конце 1959 — начале 1960-х гг. придали некоторые руководящие республиканские и областные партийные работники. Кроме того, свою "лепту" внес и Комитет государственной безопасности. После объявления "войны религии" работники его специальных подразделений воспряли духом, почувствовав свою необходимость, и резко усилили деятельность по сбору данных о "подрывных актах церковников". Так, 18 апреля 1959 г. председатель КГБ А. Шелепин писал в ЦК КПСС об участии некоторых научных работников, профессоров, артистов в церковной жизни и предлагал через администрацию учреждений принять "соответствующие меры воздействия" на них. В начале декабря работники КГБ приказали давно связанному с ними профессору Ленинградской Духовной Академии А. А. Осипову заявить о своем разрыве с Церковью и Богом. Через полторы недели они отправили в отдел пропаганды ЦК два аналитических обзора А. Осипова "Об общем положении православия в СССР" и "Об антирелигиозной работе", написанных им по заданию КГБ[2]. Всего различными мерами шантажа, подкупа и угроз в конце 1950-х — начале 60-х гг. удалось склонить около 200 православных священнослужителей к отречению от сана. Хотя многих из них затем использовали в агитационных целях, сколько-нибудь существенного воздействия на верующих эта акция не оказала. Ренегаты вызывали лишь презрение, и впоследствии от подобной практики властям пришлось отказаться. Архивные документы свидетельствуют, что многие из отрекшихся от сана уже к середине 1960-х гг. спились, покончили с собой, некоторые просили своих архиереев о прощении. Священный Синод еще 30 декабря 1959 г. изверг из сана и отлучил от Церкви бывших клириков, "публично похуливших Имя Божие"[3]. Это открытое осуждение ренегатов вызвало резкую реакцию атеистических пропагандистов.

Руководство Патриархии пыталось остановить нарастание новой антирелигиозной волны. 24 ноября митрополит Николай в разговоре с Карповым жестко поставил вопрос о "фактах физического уничтожения Православной Церкви". По словам Владыки, и "Патриарх считает, что в настоящее время ведется явная линия на уничтожение Церкви и религии вообще и более глубоко и широко, чем это было в 20-х годах"

---

[1] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 255, л. 138.

[2] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 126, лл. 85–89, 255–266.

[3] *Прот. Владислав Цыпин.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. С. 156–157.

Начиная с 11 номера "Журнала Московской Патриархии" митрополит запретил печатать свои проповеди. Первосвятитель же, не желая быть ликвидатором Церкви, вновь заявлял о своей возможной отставке. Вскоре Патриарх написал Г. Карпову письмо о 10 самых больных вопросах, которые он хотел бы обсудить с Н. Хрущевым[1]. Но все попытки организовать встречу с 1-м секретарем ЦК КПСС закончились неудачей.

9 января 1960 г. было принято постановление ЦК КПСС "О задачах партийной пропаганды в современных условиях", в котором с неудовольствием отмечалось, что руководители некоторых партийных организаций занимают пассивную позицию по отношению к враждебной марксизму-ленинизму религиозной идеологии. Еще более жестко прозвучало постановление ЦК КПСС от 13 января "О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах". Антирелигиозная война вышла на новый уровень. Речь шла уже об изменении самих основ деятельности Русской Православной Церкви. В постановлении указывалось, что "вопреки советскому законодательству о культах, предоставлявшему право управления религиозными общинами, органам, выбранным из числа самих верующих, церковнослужители сосредоточили все руководство приходами в своих руках и используют это в интересах укрепления и распространения религии". Сильное негодование и тревогу партийного руководства вызывал тот факт, что несмотря на все антицерковные акции и атеистическую пропаганду религиозная активность в СССР не снижалась. Так, в апреле 1960 г. Совет по делам РПЦ извещал ЦК КПСС, что по всей стране верующих присутствовало на пасхальных службах в целом больше, чем в прошлом году. В Москве, в частности, "на богослужениях было много мужчин и женщин, особенно молодежи — значительно больше, чем в "пасху" 1959 г. Все церкви города были переполнены народом. Кроме того, десятки тысяч людей находились в ограде церквей, на прилегающих улицах и многие из них — с горящими свечами в руках"[2]. Ставка была сделана на дальнейшее усиление антирелигиозного натиска.

Г. Карпов не слишком подходил на роль церковного гонителя, хотя в соответствии с новыми требованиями он и пытался перестроиться. 22 января председатель Совета повел беседу с митрополитом Николаем в небывалом прежде жестком тоне, заявив, что вскоре с ним и Патриархом состоится большой разговор о невыполнении Русской Церковью советского законодательства о культах и, очевидно, произойдут некоторые изменения в Положении о Церкви. Г. Карпов резко поставил вопрос о проповедях Владыки против массированной атеистической пропаганды в московских храмах и указал, что она будет вестись и

---

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 255, лл. 100–101; Письма и диалоги времен "хрущевской оттепели". С. 51–53.

[2]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 254, лл. 86, 105.

впредь, а всякие попытки сопротивления этому найдут "соответствующее реагирование"[1]. Но 16 февраля последовало беспрецедентное публичное выступление Патриарха с речью на конференции советской общественности за разоружение. Начав с перечисления заслуг Православной Церкви за тысячелетнюю историю русского народа, Первосвятитель достаточно ясно заявил и о нынешних гонениях: "Церковь Христова, полагающая своей целью благо людей, от людей же испытывает нападки и порицания, и тем не менее она выполняет свой долг, призывая людей к миру и любви. Кроме того, в таком положении Церкви есть и много утешительного для верных ее членов, ибо что могут значить все усилия человеческого разума против христианства, если двухтысячелетняя история его говорит сама за себя, если все враждебные против него выпады предвидел Сам Христос и дал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что и врата адовы не одолеют Церкви Его"[2]. После такого провала карьера Г. Карпова закончилась. 21 февраля он был отправлен на пенсию, а председателем Совета по делам РПЦ назначен партийный функционер, в прошлом идеологический работник, зарекомендовавший себя старательным исполнителем указаний начальства, В. А. Куроедов.

Хотя в дальнейшем отношение В. Куроедова к Церкви претерпело определенную эволюцию, начало оказалось очень жестким. 11 марта, впервые встретившись с руководством Патриархии, новый председатель Совета заверил, что курса на уничтожение Церкви не существует, но органы власти будут значительно строже, чем раньше, контролировать выполнение духовенством законодательства о культах[3]. Фактически это означало волну дополнительных запретов и стеснений. В апреле на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета В. Куроедов заявил: "Давайте, товарищи, будет откровенно говорить, у нас в ряде республик и областей имеется слишком густая сеть церковных учреждений, не вызываемая никакой практической необходимостью". И после такого вступления предложил перейти к плановому сокращению церквей, монастырей, духовных учебных заведений и духовенства, епархий и епархиальных центров[4].

Для осуществления намеченного плана необходимо было преодолеть сопротивление ряда открыто враждебных новой религиозной политике властей иерархов и прежде всего самого активного и влиятельного из них — митрополита Крутицкого и Коломенского Николая. Это был сложный и противоречивый деятель, но в тот трагический для Церкви период он порой проявлял незаурядное мужество. Власти не без оснований опасались, что Владыка станет знаменем, лидером всех

---

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 284, лл. 42–46.

[2]ЖМП, 1960, № 3. С. 34–35.

[3]Письма и диалоги времен "хрущевской оттепели". С. 58–61.

[4]*Одинцов М. И.* Хождение по мукам 1954–1960 годы // Наука и религия, 1991, № 7. С. 3.

недовольных в Патриархии и может сплотить некую внутрицерковную оппозицию, что усложнит ситуацию в стране. Кроме того, их не устраивала и внешнеполитическая позиция митр. Николая. В начале июня 1960 г. КГБ и Совет по делам РПЦ вошли в ЦК КПСС с предложением отстранить его от активной церковной деятельности и участия в работе общественных организаций, так как митрополит неоднократно высказывал "крайне реакционные настроения", фактически отказался руководить отделом внешних церковных сношений (ОВЦС), "допускал двурушничество" и т. д. ЦК полностью одобрил их предложения[1].

15 июня состоялась соответствующая беседа В. Куроедова с Первосвятителем. Председатель Совета заявил, что внешняя работа Церкви "поставлена совершенно неудовлетворительно... Патриархия за последние годы не провела ни одного крупного мероприятия по объединению православных церквей вокруг Русской православной церкви... мероприятий, связанных с разоблачением реакционных действий папы Римского и усилением борьбы за мир. Патриархия не использует всех тех огромных возможностей, которыми она располагает; не проведено ни одной крупной акции за рубежом... Совет рекомендовал митр. Николаю разработать и дать предложения об усилении внешней работы. Однако митр. Николай не выполнил эту просьбу... ". Указав также, что Владыка по существу не согласен с "оценкой агрессивных действий США", данной Н. С. Хрущевым на Парижском совещании, и, кроме того, распространяет слухи об изменении государственной политики по отношению к Церкви, которую "якобы" ждет физическое уничтожение, В. Куроедов предложил снять митр. Николая с занимаемого поста. Некоторые сомнения Патриарха были быстро преодолены[2]. Нужно отметить, что руководство Совета, не гнушалось и клеветой, всячески множило и подогревало разногласия первого и второго лиц в церковной иерархии. В итоге 21 июня на посту председателя ОВСЦ митр. Николая сменил его заместитель архимандрит Никодим (Ротов), возведенный в сан епископа.

Но митрополит Крутицкий не отказался от избранного пути. Он разрешил передачу по Би-Би-Си своей проповеди в Голландии об антицерковных гонениях в СССР. В июле приехавшему в Москву епископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию (Кривошеину) Владыка заявил, что его уволили за борьбу с безбожием и привел многочисленные факты надругательств над чувствами верующих: "... по всей России на Пасху прокатилась волна грубейших и безобразных антирелигиозных демонстраций. Мне даже неловко описывать их... В одном из городов на Украине во время службы в церковь ворвалась толпа молодых людей, они несли на руках обнаженную девушку, направились к алтарю и пытались через царские врата войти в него и положить девку на

[1] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 190, л. 153.

[2] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 284, лл. 20–23.

престол. Конечно, это им не удалось, верующие вмешались и помешали, произошла общая драка и свалка... милиция в подобных случаях просто исчезает и появляется только по окончании бесчинств" и т. д. Действительно, пытаясь сорвать Пасхальные богослужения, в 1960 г. хулиганствующая молодежь врывалась в кафедральные соборы Киева, Таллина, Риги, во многих храмах били стекла, стреляли в окна из ружей. Причем чувствовалось явное попустительство, а то и содействие властей. На вопрос епископа Василия, нужно ли сделать за границей известным рассказанное ему, митр. Николай заявил: "Можно и даже полезно"[1]. Подобные же сведения Владыка пытался распространять в августе через председателя Христианских мирных конференций чехословацкого профессора-богослова И. Громадку, главу американского экзархата митр. Бориса и др. Опальный митрополит явно стремился привлечь внимание мировой общественности к положению Церкви в СССР, рассчитывая с ее помощью остановить нарастание антирелигиозной кампании в стране. К сожалению, находясь под впечатлением хрущевской оттепели после сталинских "лютых холодов", влиятельные зарубежные политики и общественные деятели далеко не сразу стали прислушиваться к свидетельствам о трагедии Русской Церкви.

Вскоре митр. Николай, которого изолировали от общения с иностранцами, подвергся новым преследованиям. В конце августа В. Куроедов поставил вопрос об устранении его от руководства Московской епархией. Патриарх предложил перевести Владыку на Ленинградскую кафедру. Митр. Николай ответил категорическим отказом. 9 сентября он послал письмо Н. Хрущеву: "Пощадите меня ради этой моей посильной многолетней работы для Великой Родины, верным сыном и патриотом которой я был и буду до моего издыхания"[2]. Ответа не последовало. 15 сентября Патриарх, известив Куроедова об отказе митр. Николая, который, "видимо, решил идти ва-банк", предложил в связи с поступлением заграничных материалов о гонениях на него не принимать сейчас решения об освобождении Владыки, а предоставить ему полугодовой отпуск. Однако, в очередной раз оклеветав митр. Николая, В. Куроедов настоял на немедленном полном отстранении его от руководящей работы в Патриархии. Через 4 дня Священный Синод принял решение освободить Николая от поста митрополита Крутицкого и Коломенского с увольнением на покой. А 13 декабря 1961 г. Владыка умер в больнице при странных обстоятельствах. По свидетельству очевидцев, близкие потребовали медицинского свидетельства о смерти. Было сделано врачебное заключение, что болезнь усопшего якобы объясняется "переменой климата". У морга собралась большая толпа верующих,

---

[1] *Василий (Кривошеин), архиепископ.* Последние встречи с митрополитом Николаем (Ярушевичем) (бывшим Крутицким и Коломенским) // Вестник РХД, 1976, № 117. С. 210, 213, 215.

[2] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 162, л. 180.

кричавшая людям, приехавшим за телом: “Убийцы”. Сохранились анонимные письма в адрес Верховного Совета и правительства СССР с требованием расследовать это “несомненное убийство”, все они передавались для выявления авторов в КГБ[1]. Кроме того, вскоре был снесен дом, где жил митр. Николай, и закрыт храм, в котором он служил.

Репрессии коснулись и других неугодных иерархов. 31 мая 1960 г. был перемещен на Оренбургскую кафедру архиепископ Львовский Палладий, 15 сентября освобожден с предоставлением отпуска архиеп. Ермоген. “Отпуск” затянулся на 1,5 года, и Владыке пришлось писать лично Н. Хрущеву, чтобы Совет перестал противиться его назначению на новую кафедру. С целью запугать архиереев, которые боролись с наступлением на Церковь, в 1960 г. был арестован и осужден на 3 года архиепископ Казанский Иов. Его обвинили в неуплате налогов с расходов на представительство, которые ранее налогом не облагались. Таким образом, все иерархи предупреждались, что они могут быть осуждены на основе аналогичного обвинения, если окажутся неугодны. В 1961 г. арестовали архиепископа Иркутского Вениамина, который через 2 года скончался в заключении, и т. д. Отстранялись от служения и наиболее активные священники. Так, только уполномоченный по Минской области в 1960 г. снял с регистрации “в порядке наказания” 6 священнослужителей[2].

На время ослабив церковное сопротивление, власти приступили к осуществлению намеченных планов. К ноябрю 1960 г. по заданию ЦК КПСС была разработана “Инструкция по применению законодательства о культах”, утвержденная в марте 1961 г., которая запрещала религиозным центрам организовывать детские и женские собрания, кружки, паломничество, благотворительность, санаторную и лечебную помощь, экскурсии, библиотеки, использовать средства для возрождения затухающих церквей и монастырей, принудительно взыскивать сборы, применять к верующим меры принуждения и наказания. Запрещение благотворительности дошло до того, что с 1960 г. власти стали оказывать давление на священников и церковные советы, вынуждая их изгонять нищих из храмов. Во многих городах начали препятствовать проведению крестных ходов и в церковной ограде, в ноябре В. Куроедов впервые внес в ЦК КПСС предложение о запрещении колокольного звона. Значительно выросло количество закрываемых церквей: если в 1959 г. власти сняли с регистрации 364 православные общины, то в 1960 г. — 1398[3].

Сильный удар был нанесен по духовным учебным заведениям. К 1958 г. они достигли пика своего развития за все послевоенное вре-

---

[1] *Самарин В.* Торжествующий Каин. Очерк крестного пути Русской Церкви // Православный путь, 1971. С. 155; ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 162, лл. 177–178; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 529, лл. 28–31.

[2] Там же, д. 426, л. 23, д. 284, лл. 20, 40; ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 190, л. 80.

[3] Антицерковные гонения в Ленинградской епархии: 1958–1964. С. 132.

мя. В 8 семинариях и 2 Академиях обучалось свыше 1200 человек на дневном отделении и более 500 на заочном. Но с этого времени государство начало прилагать усилия к тому, чтобы сократить количество учащихся духовных школ. С юношами, подавшими прошения в семинарии о приеме на учебу, встречались местные уполномоченные, партийные и комсомольские деятели, работники КГБ и военкомата и различными способами, вплоть до отбирания паспортов, удерживали их от поступления. Кроме того, оказывалось давление на приходских священников, дававших рекомендации абитуриентам. Поступающих часто брали на срочные военные сборы на период сдачи вступительных экзаменов, иногда уже принятым отказывали в прописке. С 1959 г. отсрочка от призыва в армию перестала даваться даже учащимся выпускных курсов, в семинарии стали приниматься только отбывшие воинскую службу. Время подачи заявлений абитуриентам было ограничено 1 августа. За месяц, остававшийся до вступительных экзаменов, списки их пересылались в Совет по делам РПЦ, а оттуда заинтересованным уполномоченным на места для обработки юношей. В начале 1960-х гг. эти акции переросли в настоящую охоту за каждым желающим поступить в семинарию или Академию. Особые усилия направлялись на то, чтобы не допустить в них лиц с высшим образованием. В результате принятых мер количество учащихся духовных школ стало уменьшаться. Например, в октябре 1962 г. Совет по делам РПЦ с удовлетворением сообщал ЦК КПСС, что из 560 юношей, подавших в 1961–1962 гг. заявления о приеме в семинарии, 490 в результате "индивидуальной работы" их забрали[1].

Таким образом была подготовлена почва для ликвидации духовных учебных заведений, перекрытия канала "воспроизводства" кадров духовенства. Краткосрочные пастырские курсы, частично выполнявшие эту задачу в 1940–1950-е гг., также были окончательно запрещены. 17 июля 1959 г. под нажимом Совета учебный комитет Патриархии принял решение о постепенном закрытии единственного существовавшего заочного сектора Ленинградских Духовных школ. Архиереям не рекомендовалось делать взносы на содержание конкретных Академий и семинарий. 4 мая 1960 г. Патриарх был вынужден согласиться с предложением В. Куроедова закрыть Киевскую, Саратовскую и Ставропольскую духовные семинарии. На ликвидацию же Минской и Волынской не было получено согласия руководства Патриархии, и они прекратили свое существование исключительно в результате принятых административных мер. Минская семинария из-за открытого противодействия местных властей не могла с 1959 г. произвести набор воспитанников и поэтому после выпуска 1963 г. последних 5 учащихся фактически перестала функционировать. Подобным же способом в соответствии с постановлением ЦК Компартии Украины должна была в 1963 г. прекратить существование и Волынская семинария.

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 258, л. 180, д. 285, лл. 52, 46–74.

Но все усилия республиканского руководства оказались тщетны, полностью сорвать набор новых учащихся не удалось. Тогда горисполком изъял у семинарии второй этаж здания, снял номерные знаки с ее автомашины и т. п. В 1964 г., утратив возможность нормально функционировать, она была вынуждена прекратить свою деятельность[1].

В 1961 г. встал вопрос уже о существовании Ленинградской Духовной Академии и семинарии. Местная газета "Смена" целый номер посвятила "гнезду контрреволюции" в городе трех революций. В Академию перестали пускать посетителей, верующим запретили посещать ее храм. Казалось, что крупнейший центр духовного образования обречен. Но он не сдавался и в декабре 1962 г. даже ходатайствовал о возобновлении приема на заочный сектор. Помог Академии выстоять назначенный в октябре 1963 г. главой Ленинградской епархии митрополит Никодим (Ротов). Как Председатель Отдела внешних церковных сношений он энергично стал включать Академию в международную деятельность, зачастили иностранные делегации, профессора начали значительно активнее посещать различные богословские конгрессы. Зная о ярко выраженных симпатиях Н. Хрущева к развивающимся африканским странам, митрополит смог пригласить на учебу 7 африканцев из Уганды и Кении. Еще больше представителей государств "третьего мира" обучалось в Московской Духовной Академии. Под предлогом необходимости иметь подготовленные кадры для международной деятельности Патриархии удалось открыть в ней в 1964 г. небольшой заочный сектор и аспирантуру[2].

В целом же к осени 1964 г. количество учащихся духовных школ по сравнению с 1958 г. сократилось более чем вдвое — в 3 семинариях и 2 академиях числилось 411 человек на дневном отделении и 334 заочника. В результате с каждым годом все острее в Церкви стала ощущаться нехватка священнослужителей. Умирали последние представители дореволюционного духовенства. Архиереи вынуждены были рукополагать лиц не только без духовного образования, но часто просто малограмотных. К худшему изменилась ситуацию и в уцелевших духовных школах. Не сумев до конца их ликвидировать, государство пошло по пути жесточайшего контроля над ними. Уходила из жизни старая профессура, новым же талантливым преподавателям ставились всяческие препятствия. Запрещалось издавать учебные пособия, преподавать общеобразовательные дисциплины (психологию, логику, историю философии, историю литературы), необходимые для усвоения

---

[1] *Гордун С.* Русская Православная Церковь при святейших патриархах Сергии и Алексии // Вестник РХД, 1990, № 158. С. 129–131; *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 301.

[2] Антицерковные гонения в Ленинградской епархии: 1958–1964. С. 133; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 84, л. 126, д. 93, л. 126.

богословия. Власти опасались всесторонне подготовленных священнослужителей. Именно с конца 1950-х гг. начала осуществляться целенаправленная кадровая политика по качественному изменению состава духовенства.

В 1961 г. наступление на Церковь продолжалось. 16 марта Совет Министров СССР принял закрытое постановление "Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах", подписанное Н. Хрущевым. Теперь к обеспечению "контроля" в обязательном порядке привлекались местные органы власти. При райисполкомах, поселковых и сельских советах начали создаваться комиссии содействия по наблюдению за выполнением законодательства о культах. Зачастую их деятельность сводилась к слежке, доносам, вмешательству во внутрицерковную жизнь. Важным пунктом принятого постановления было разрешение закрывать молитвенные здания по решениям не Советов Министров союзных республик, а областных (краевых) исполкомов, при условии согласования с Советами по делам РПЦ и религиозных культов. Это ускорило и облегчило процедуру ликвидации храмов. В результате в 1961 г. было снято с регистрации 1390 православных обществ, а в 1962 г. еще 1585. Согласно постановлению от 16 марта все священнослужители и церковнослужители, а не только приходское духовенство, как ранее, облагались подоходным налогом по статье 19 соответствующего указа Верховного Совета. Кроме того, предусматривалось ограничение колокольного звона, "если это вызывается необходимостью и поддерживается населением". Подобная формулировка заставила на несколько десятилетий замолчать колокола большинства храмов в стране. Так, например, в Ленинградской области 31 марта 1961 г. Гатчинский горисполком, а 29 августа Всеволожский райисполком приняли решения о запрещения церковного звона и т. д.[1]

Довольно скоро ощутив последствия мартовского постановления правительства, многочисленные представители духовенства начали обращаться к Патриарху с просьбой, чтобы он добился отмены или хотя бы смягчения отдельных пунктов. В апреле-мае 1961 г. Первосвятитель направил в Совет и правительство несколько писем с просьбой пересмотреть религиозную политику государства, одернуть представителей власти на местах, "увлекшихся" закрыванием церквей, открыто притеснявших духовенство и мирян. Однако эти письма, как и многочисленные ходатайства Патриарха Алексия об организации его встречи с Н. Хрущевым, остались без внимания[2]. Более того, Патриарху пришлось пойти даже на изменения "Положения об управлении Русской Православной Церкви".

---

[1] ЛОГАВ, ф. Р-654, оп. 1, д. 402, л. 10, ф. Р-1328, оп. 4, д. 40, л. 216; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 302, лл. 2–3.

[2] Письма и диалоги времен "хрущевской оттепели". С. 67–73.

31 марта В. Куроедов заявил руководству Патриархии о необходимости проведения "церковной реформы". Суть ее заключалась в отстранении священнослужителей от руководства приходами. Роль главы общины переходила от настоятеля к исполнительному органу — приходскому совету, которому передавалась вся финансово-хозяйственная деятельность. "Реформа" во многом разрушила традиционное управление Церкви, ее организация юридически расчленялась. Священнослужители отделялись от приходской жизни и должны были наниматься общиной по договору для "исполнения религиозных потребностей". Духовенство не допускалось на собрание, избиравшее церковный совет, куда власти, имевшие законное право отвода его членов, постепенно вводили своих людей. Фактически же руководителями приходской жизни становились старосты, назначавшиеся райисполкомами из людей, часто совершенно нецерковных и иногда даже неверующих, морально весьма сомнительных. Без их согласия священник или епископ не могли принять на работу или уволить даже уборщицу в храме. Юридический статус архиереев и Патриарха вообще никак не оговаривался, в правовом отношении их как бы не существовало, и они не имели никакой законной формы связи с приходской жизнью[1].

18 апреля Священный Синод принял навязанное Советом постановление "О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни". Утвердить его должен был намеченный на 18 июля Архиерейский Собор. В. Куроедова беспокоило, как бы он не "вышел из-под контроля" и не отверг бы проводимой им "реформы". Трех архиереев, которые высказались отрицательно о постановлении Синода, не пригласили на Собор, а архиепископа Ермогена, который явился без приглашения, не допустили к заседанию. Собор утвердил изменения в "Положении об управлении Русской Православной Церкви", а также увеличил число постоянных членов Синода, принял решение о вступлении во Всемирный Совет Церквей и одобрил участие во Всемирном общехристианском конгрессе в защиту мира[2].

Последствия "церковной реформы" проявились быстро. Уже в июле в Ленинградской епархии власти попытались провести тотальную "чистку" духовенства, сократив его почти на 40% и изгнав наиболее бескомпромиссных. Митрополит Гурий не стал в этом участвовать и не издал ни одного указа, но через церковные советы удалось уволить 29 из 60 намеченных священнослужителей[3]. Это было вопиющим нарушением канонического права. Ситуация в Ленинграде оказалась очень тяжелой. Митрополит не мог служить без особого, каждый раз, разрешения уполномоченного, духовенство не имело права проповедовать без предварительного просмотра текста проповедей. Для того, чтобы якобы не отвлекать людей от работы, запретили ранние литургии в будние дни. В июле 1961 г. здание епархиального управления в

---

[1]Письма и диалоги времен "хрущевской оттепели". С. 67–73.

[2]Там же. С. 65–66.

[3]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 77, лл. 22–26, 44–45.

Александро-Невской Лавре было передано вечерней школе, уникальную библиотеку вытащили во двор и частично уничтожили. Состав управления сократили в несколько раз, а 25 августа из его бывшего здания перезахоронили в склеп под Троицким собором прах Ленинградских митрополитов Григория и Елевферия с указанием "в него никого не допускать"[1].

Во многих других епархиях было не легче. Духовенство лишили права выезжать в соседние населенные пункты, отправлять требы в домах граждан, запрещали посещать квартиры мирян под каким-либо предлогом, кроме тяжелой болезни. С 1961 г. относительно широкое распространение получила "индивидуальная работа" с верующими, напомнив практику конца 1930-х гг. Комсомольские, партийные, профсоюзные организации, отделения общества "Знание" назначали своих членов персональными проводниками атеизма к известным им верующим. Если методы убеждения не помогали, они привлекали внимание своих коллективов, и эти факты "религиозной отсталости" обсуждались на собраниях. В случае неудачи далее следовали административные санкции, часто означавшие понижение в должности или исключение из института. Нередко встречались и физические наказания верующих учеников их учителями[2].

Продолжалась ликвидация монастырей. Вся Русская Церковь оплакивала потерю Киево-Печерской Лавры — колыбели христианства на Руси. Власти же расценили ее закрытие, как важную победу. Отличившийся в этой акции местный партийный работник И. И. Бражник за "особую лихость" был вскоре взят в отдел пропаганды ЦК КПСС на должность инструктора, курировавшего религиозные вопросы. К ликвидации монастырей готовились, как к серьезной военной операции. Например, для выполнения постановления Совета Министров УССР от 16 июня 1961 г. о закрытии Глинской Пустыни выделили 250 милиционеров, дружинников, сотрудников КГБ, партийных активистов, 23 автомашины. Помимо этого, специальные группы полностью изолировали усадьбу монастыря и дополнительные посты с задачей не пропускать посторонних были выставлены на всех прилегающих дорогах[3]. Но даже в этих условиях противостояния государственному аппарату подавления верующим, монахам иногда удавалось отстоять обители.

Настоящее сражение с 1961 г. развернулось за Почаевскую Лавру. С самого начала власти избрали административные методы. Монахов запугивали, вызывая в милицию и КГБ, лишали прописки и угрожали отдать под суд за нарушение паспортного режима, здоровых иноков согласно медицинскому "освидетельствованию" отправляли в психиатрические больницы. 28 февраля 1962 г. Тернопольский обком

---

[1]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 79, лл. 12, 34–36.

[2]*Lowrie D., Fletcher W.* Khrushchev's Religious Policy, 1959–1964. P. 141–143.

[3]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 190, л. 138.

КПСС докладывал секретарю ЦК Л. Ф. Ильичеву, что за год количество монахов удалось сократить со 130 до 75, в Лавре ликвидировано производство утвари, свечей, уволены наемные работники, отобрана вся земля, сад, часть жилых помещений, транспорт. Казалось, победа близка, однако обитель не сдавалась. Тогда власти взяли на вооружение тактику насильственных выселений. Было совершено несколько варварских нападений, с разгоном помогающих монахам мирян пожарной водой. Каждый верующий житель Почаева состоял в государственных органах на специальном учете. В октябре 1962 г. даже Совет по делам РПЦ писал в ЦК, что "лавра превратилась в очаг разного рода беззаконий". Вместо "умелой работы" сотрудники МВД и КГБ принудительно вывозили монахов за пределы области. В результате же в Лавру "резко увеличился приток верующих". Если 10 сентября 1961 г. в праздник преподобного Иова было 2 тысячи паломников, то через год — 5 тысяч. Доводы Совета не подействовали, прежняя тактика продолжалась, и в первой половине 1963 г. 19 июня милиционеры устроили избиение паломников, отобрали у них паспорта. Монахов сажали в тюрьму, в том числе настоятеля архимандрита Севастиана, одного послушника замучили насмерть, но десятки иноков проявляли невероятное упорство. Так, иеромонах Аркадий (Копылов) 26 июля 1963 г. писал Патриарху: "Пусть что хотят, то и делают, я с Лавры не пойду и под видом расстрела". Первосвятитель не давал согласия на закрытие обители, но и реально помочь ничем не смог. Определенную роль сыграли заявления защитников Лавры руководителям страны и прежде всего в различные международные организации. На Западе стали известны их обращения к Н. Хрущеву и Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко: "В Лавре за все время не было ни одного такого агитатора, который смог бы научно доказать, что Бога нет, а только доказывают угрозами, насилиями, высылкой и расправой в тюрьму. Известно всем, что десять монахов за веру Христову сидели в тюрьме, один даже вторично сидит"; "Власти... с дубинами в руках разрушают нашу духовную культуру, разрушают и оскверняют наши церкви, святые места... Унижения до невозможности. Вернулась история гонения на христианство первых веков". Оборона монастыря стала приобретать международную известность. В ноябре 1963 г. председатель КГБ В. Семичастный извещал ЦК КПСС, что во Всемирный Совет Церквей и ООН поступила жалоба монахов Почаевской Лавры на гонения органов власти с требованием обсудить этот вопрос перед мировой общественностью[1]. И гонителям пришлось отступить. Лавра выстояла. Удалось сохранить и намеченные было к закрытию Псково-Печерский и Пюхтицкий монастыри.

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 215, лл. 17, 169, оп. 55, д. 10, л. 231; *Левитин А. Э.* Защита веры в СССР. С. 72, 86; Православный вестник в Канаде, 1964, № 8. С. 5–6.

Состоявшийся в октябре 1961 г. XXII съезд партии расширил антирелигиозное наступление, подняв его на новую ступень большей интенсивности и нетерпимости принятием Программы КПСС, провозгласившей построение коммунизма в основном за 20 лет. Во всех своих докладах и выступлениях на съезде Н. Хрущев чрезвычайно актуализировал задачи борьбы с религией. Лидер партии настаивал на организации атеистической работы среди всего населения страны, в том числе и среди верующих. Съезд внес в Устав КПСС категоричную формулировку, обязывавшую члена партии "вести решительную борьбу с религиозными предрассудками". Естественно, что в казавшееся таким близким коммунистическое общество Церковь никак не вписывалась. Известно печально "знаменитое" обещание Н. Хрущева как музейную редкость показать по телевидению "последнего советского попа"[1]. Здесь явно сказалось свойственное 1-му секретарю нежелание считаться с действительностью, хотя особенной ненависти к Церкви он, вероятно, не испытывал. Некоторые другие руководители партии отличались большей нетерпимостью. Особенное неистовство в борьбе с религией проявлял секретарь ЦК Л. Ильичев. Н. Хрущев впоследствии отмечал, что тому был нужен "пропуск в Политбюро", поэтому он и старался со всякого рода шумными пропагандистскими кампаниями[2]. Так, в декабре 1961 г. на Всесоюзном совещании по идеологическим вопросам Ильичев утверждал, что формирование научного мировоззрения и коммунистической морали немыслимо без борьбы с религиозной идеологией.

Но несмотря на все усилия по "совершенствованию общественного сознания", данные статистики свидетельствовали об отсутствии сколько-нибудь значительного сокращения "религиозных пережитков". Так как применение широкомасштабного террора подобно сталинскому было уже невозможно, власти пошли по пути усиления административного нажима, добавив локальные репрессивные акции. В 1961–1964 гг. было осуждено по религиозным мотивам 1234 человека. Многих отправили в лагеря, ссылки, на поселения[3]. Крупная административная акция в соответствии с постановлением Совета Министров была проведена по всей стране в конце 1961 г. — "единовременный учет религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находившегося в пользовании религиозных организаций". Учет проводился с целью получить всестороннюю и точную информацию о Церкви, в том числе "самовольно" приобретенном имуществе, незарегистрированных группах верующих, всех постоянно или временно прислужи-

[1]Антицерковные гонения в Ленинградской епархии: 1958–1964. С. 135.

[2]Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1989. С. 349.

[3]ЦХСД, ф. 5, оп. 55, д. 72, лл. 141–149; *Яковлев А. Н.* По мощам и елей. С. 96; *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы // Агитатор, 1989, № 16. С. 23.

вавших в храмах, для дальнейших мер по ослаблению Патриархии[1]. В справке об итогах учета, составленной Советом по делам РПЦ, уполномоченным предлагалось не выдавать религиозным обществам разрешений на строительство или приобретение каких-либо строений и транспортных средств. В последующие несколько месяцев у приходов и епархиальных управлений была изъята большая часть машин, хозяйственных построек и жилых домов, причем священники нередко выселялись прямо на улицу. Весной 1962 г. все православное духовенство в стране, несмотря на упорное сопротивление, перевели на твердые оклады, а получавших плату непосредственно от верующих десятками снимали с регистрации. С июля была также введена регистрация 5379 учтенных в СССР штатных псаломщиков. Приходские советы всеми мерами "очищались" от членов клира, молодежи, "религиозных фанатиков". В соответствии с постановлением комиссии по текущим делам Президиума Совета Министров СССР от 3 июня ВЦСПС пересмотрел и значительно сократил круг лиц, работавших в религиозных организациях, на которых распространялись трудовое законодательство, права членов профсоюзов. Была введена рабочая неделя со скользящим выходным днем, лишавшая верующих возможности присутствовать на воскресных богослужениях. В 1962 г. выходной день с Пасхального воскресенья 29 апреля перенесли на понедельник и т. п.[2]

Особенно сильный удар по Церкви был нанесен введением к лету 1962 г. жесткого контроля над совершением треб — крещений, венчаний, отпеваний. Все они заносились в специальные книги с указанием фамилий, паспортных данных, адресов участников. Для крещения ребенка требовалось обязательное присутствие обоих родителей, а кое-где и письменные заявления, выдавались квитанции. В некоторых областях пытались ввести регистрацию проскомидийных записок, причащений и т. п. Эта акция преследовала сразу несколько целей. Резко усилился налоговый контроль. Деньги за требы стали поступать исполнительным органам, которые сдавали "излишки" их в фонд Мира. Информация об участии в церковных обрядах нередко передавалась советским официальным лицам и могла служить причиной преследований по месту работы или учебы. Так, в июне 1963 г. на Всесоюзном совещании в Совете по делам РПЦ уполномоченный по Ростовской области в своем докладе подчеркивал: "При проверке данных о лицах, совершающих обряды, есть возможность точно определить, кто именно совершал их. Так, Батайский горисполком в 1963 г. выявил, что своих детей окрестили 11 коммунистов. 7 из них обком КПСС исключил из рядов КПСС. Характерно, что 4 человека вначале отрицали, что они давали согласие на крещение, но были

---

[1]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 84, л. 129, д. 91, лл. 26–32.

[2]ЦХСД, ф. 5, оп. 55, д. 10, лл. 21–22.

уличены подписями на заявлениях, сохранившихся в делах церкви"[1]. Таким образом, религию пытались уничтожить руками самой Церкви, чтобы она при этом сама себя еще и компрометировала. Именно введение обязательной регистрации совершения таинств и обрядов вызвало снижение их количества в некоторых районах страны, в первую очередь в крупных городах. Многие врачи, инженеры, студенты были вынуждены прекратить ходить в храмы. Люди старались договориться со знакомым священником, которому доверяли и который не стал бы регистрировать их обращения. Но теперь появилась возможность выявлять таких "нелояльных к властям" представителей духовенства и изгонять их с приходов.

6 июля 1962 г. появились 2 постановления ЦК КПСС, адресованных руководству Минского и Куйбышевского обкомов с призывом их к ответу за недостаточно активную антицерковную работу. Основной акцент был сделан на прекращении распространения религиозных идей среди детей и молодежи. На XIV съезде ВЛКСМ (апрель 1962 г.) также заявлялось, что "свобода совести не распространяется на детей и ни один родитель не имеет права калечить свое дитя духовно". Вскоре главный печатный орган юристов СССР "Советское право" подвел законные основания: родители могут быть лишены прав на своих детей государством, так как они государством и дарованы[2]. Матерей начали вызывать в школу или милицию и предлагать им под угрозой принудительной передачи детей в интернат прекратить посещение храма. Практически повсеместно были предприняты попытки не пускать в церкви, в том числе с помощью дружинников, милиции, детей от 4 до 18 лет. Некоторых архиереев, например, Минского митрополита, удалось "убедить" издать соответствующие указы духовенству. Естественно, что верующие ответили массовым сопротивлением.

Своеобразный аспект антирелигиозной кампании обнаружился в феврале 1962 г. на Всесоюзной конференции по научно-атеистической пропаганде. На ней господствовало мнение, что "религиозные обычаи и традиции следует вытеснять новыми праздниками и ритуалами для удовлетворения эстетических и эмоциональных потребностей верующих". 25 августа 1962 г. соответствующее решение приняло бюро ЦК КПСС по РСФСР[3]. Фактически это означало возрождение среди советских атеистов замаскированных идей богостроительства 1920-х гг. В печати начали появляться предложения о введении псевдорелигиозных ритуалов, которые бы при помощи определенных символов устанавливали мистическую связь людей с обещанным коммунистическим обществом будущего. Заявлялось, что будут построены специальные храмы с символическими украшениями, прославляющими коммунизм как высшее достижение человеческого ума, и т. д. Еще

---

[1]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 91, л. 135.

[2]*Lowrie D., Fletcher W.* Op. cit. P. 143, 145.

[3]ЦХСД, ф. 5, оп. 55, д. 10, л. 21.

с конца 1950-х гг. вводились торжественные ритуалы бракосочетания, регистрации рождения ребенка, вручения паспортов подросткам, "гражданские панихиды". Однако они не получили распространения по всей России; в тех же городах, где советские обряды становились относительно массовыми, их постигала участь многих других "общественных начинаний" — превращение в серые, казенные, скучные мероприятия[1].

К осени 1962 г. столкновения местных властей с духовенством и рядовыми верующими достигли особенного ожесточения. 13 октября Совет по делам РПЦ, извещая ЦК КПСС о том, что с января 1960 г. "сеть" церквей сократилась более чем на 30%, а монастырей почти в 2,5 раза, подчеркивал заметный рост письменных заявлений по фактам грубого администрирования. В 1961 г. таких протестов было 1540, а за 9 месяцев 1962 г. 2660, кроме того, уполномоченных Совета лично посетило 2162 жалобщика. Во многих местах дело дошло до "боевых действий". Так, в г. Клинцы Брянской области тысячная толпа помешала снять кресты с недавно закрытой церкви. Для "усмирения" ее пришлось вызвать наряд милиции, 200 дружинников, "а затем и подразделения воинской части, вооруженной автоматами"[2]. В селе Ново-Збурьевка Херсонской области верующие выставили пикеты и более года не допускали к закрытой в приказном порядке церкви представителей властей. Даже в Киеве прихожане одного храма 2 недели "держали оборону", не позволяя вывезти церковное имущество, и т. д. Совет отмечал, что в последнее время Патриарх, отдельные епископы, священники обращались с заявлениями о грубом произволе и предлагал обратить внимание местных властей на недопустимость администрирования[3]. В начале 1963 г. последовали другие подобные отношения Совета в ЦК, и в апреле особенно вопиющие случаи уже обсуждались на зональных идеологических совещаниях. К этому времени самостоятельная роль Совета по делам РПЦ значительно выросла, с конца 1950-х гг. он стал постепенно все более выходить из-под влияния КГБ, изменился и кадровый состав уполномоченных, теперь лишь единицы их были офицерами госбезопасности. В. Куроедов, имея тесную связь с членом Президиума ЦК А. П. Кириленко, нередко заставлял считаться с собой и местных партийных работников. В Совете понимали, что постоянная организация антицерковных кампаний серьезно вредит появившимся широким международным планам. Начинали понимать это и некоторые члены партийного руководства.

С конца 1962 г. антирелигиозная волна временно пошла на спад. Одним из первых симптомов стало появление 8 ноября указа Президиума Верховного Совета о награждении Патриарха Алексия к 85-летию

---

[1] *Powell D.* Op. cit. P. 69; *Ушинин Д.* Новые веяния в атеистической пропаганде СССР // Грани, 1966, № 60. С. 198–222.

[2] ЦХСД, ф. 5, оп. 55, д. 10, л. 221.

[3] Там же, оп. 33, д. 215, лл. 166–170.

четвертым орденом Трудового Красного Знамени. Вручен он был, конечно, за внешнеполитическую деятельность Патриархии, которая к тому времени значительно расширилась. Следует отметить, что с 1962–1963 гг. в Московской Патриархии началась определенная "модернизация" социально-этических воззрений[1]. Ряд иерархов в своих выступлениях и богословских трудах стали проводить параллели между христианством и коммунизмом. Появилась концепция "социального или коммунистического христианства", одобрявшая с религиозных позиций социально-нравственные принципы и идеалы советского общества. В богослужебный обиход Патриархии вошла новая служба — "неделя молитв о христианском единстве", на которую приглашались и представители инославия и т. д.[2] Правда, подобные взгляды вызывали неприятие у многих священнослужителей, и в 1970-е гг., когда волна гонений схлынула, процесс такой "модернизации" по существу прекратился.

Активной деятельности Московской Патриархии на международной арене, развернутой в 1962–1963 гг. митр. Никодимом, оказалось недостаточно, чтобы предотвратить последнее, но, вероятно, самое ожесточенное наступление на Церковь в СССР. Намеченный срок построения коммунизма приближался, а заметного прогресса с преодолением "религиозных пережитков" в сознании людей не наблюдалось. В июне 1963 г. состоялся пленум ЦК КПСС, целиком посвященный задачам идеологической работы партии. С докладом выступал Л. Ильичев, претендовавший на пост "главного идеолога". Располагая поддержкой Н. Хрущева, он намеревался, сместив М. Суслова, занять в Президиуме ЦК его место. Секретарь ЦК заявлял, что "религиозный опиум" — одна из крайних форм буржуазной идеологии, главный противник научного мировоззрения и необходимо нанести удар по "пережиткам прошлого". Пленум обязал все партийные и советские организации добиваться быстрейшего освобождения советских людей от них[3]. Внутриполитическое положение в стране в тот период было сложным и, возможно, часть руководства КПСС решила переключить внимание партии и народа на борьбу с "враждебными элементами".

Понемногу в антицерковную кампанию вновь стали включаться и государственные органы. Так, 31 июля 1963 г. Совет Министров РСФСР издал распоряжение о переоценке страховой стоимости церковных зданий, что вызвало резкий рост суммы платежей. Проверки Министерства финансов установили, что сотни священников, переве-

---

[1] Русское православие. Вехи истории. С. 661; *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 310.

[2] Русское православие. Вехи истории. С. 661–662; *Эллис Д.* Указ. соч. С. 31–33.

[3] *Алексеев В. А.* "Штурм небес" отменяется? С. 236; *Ильичев Л. Ф.* Очередные задачи идеологической работы партии. Доклад на пленуме ЦК КПСС 18 июня 1963 г. М.: Политиздат, 1963. С. 8, 9, 21–26, 46.

денных на твердые оклады, получали вознаграждения от верующих. Последовали репрессии, был усилен контроль. Если за первые 8,5 месяцев 1963 г. было снято с регистрации 310 православных общин, то есть почти в 4 раза меньше уровня предыдущего года, то с октября Совет по делам РПЦ выражал готовность усилить данную "работу"[1].

Но этого казалось мало. 10 ноября 1963 г. председатель КГБ В. Семичастный представил в ЦК КПСС обширную справку о негативной деятельности церковников и сектантов, которые "оказывают серьезное реакционное, а в ряде случаев враждебное влияние на определенную часть населения, мешают делу идеологического воспитания трудящихся"[2]. Через пару недель факты из нее уже использовались как главные аргументы в докладе Л. Ильичева на расширенном заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС. По указанию Н. Хрущева комиссией были приняты грандиозные "Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения". Оформленные 2 января 1964 г. как постановление ЦК, эти мероприятия стали "государственным планом преодоления религиозного сознания масс". Документ имел характер тотального наступления на Церковь. В своей программной статье в январском номере журнала "Коммунист" Л. Ильичев еще более усилил зловещий смысл постановления. Перед партийными организациями фактически ставилась утопическая задача через 12–17 лет в соответствии с Программой КПСС полностью освободить сознание людей от религиозных предрассудков. Секретарь ЦК "предал анафеме" 1943–1953 гг. относительной терпимости, считал это неправильным пониманием со стороны Сталина "ленинской законности", так что растущие преследования были представлены как возвращение к советской "законности"[3].

Антирелигиозная истерия захлестнула страну. В вузах в качестве обязательного или факультативного курса были введены "Основы научного атеизма", значительно усилилась антицерковная направленность школьных программ, в Академии общественных наук при ЦК КПСС появился институт научного атеизма. В Центральном доме литераторов 18 марта провели встречу писателей с учеными на тему "Наука, литература и искусство — против религии", и уже 25 августа секретарь правления Союза писателей К. Воронков докладывал в ЦК, что в ближайшие месяцы выйдет более 40 литературно-художественных атеистических произведений. Как обычно, в первых рядах безбожников шел комсомол, в июле ЦК ВЛКСМ предлагал партийному руководству запретить любую деятельность церковников по приобщению к религии детей и подростков, установив за нее уголов-

---

[1] ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 486, лл. 106, 112–116.

[2] ЦХСД, ф. 5, оп. 55, д. 10, л. 205.

[3] Антицерковные гонения в Ленинградской епархии: 1958–1964. С. 137; Коммунист, 1964, № 1. С. 24.

ную ответственность. Государственный исторический музей пытался лишить Патриархию права аренды у него части Новодевичьего монастыря и т. д. Во главе этой кампании стоял идеологический отдел ЦК КПСС, и у некоторых его работников появилась идея создать сектор по делам атеизма и религии, то есть специальный партийный орган, который был добивал Церковь[1].

Подобный ожесточенный "штурм небес" вызывал неодобрение даже в некоторых государственных организациях, несогласных с его явными "перегибами". Одним из первых дал негативный анализ последней антирелигиозной кампании в своей февральской докладной записке начальник 5-го управления КГБ полковник Ф. Д. Бобков. 14 мая ЦК компартии Украины принял специальное постановление "О фактах грубого администрирования некоторых местных органов власти по отношению к верующим", в которых критиковались участившиеся случаи разгона молитвенных собраний, избиений прихожан и т. д. В июле Совет по делам религиозных культов провел совещание своих уполномоченных, посвященное вопросу ликвидации административных перегибов[2].

Естественно, что новое небывалое наступление на Церковь вызвало массовое возмущение и сопротивление духовенства. 19 марта Совет по делам РПЦ докладывал в ЦК КПСС о почти всеобщей негативной реакции священников и архиереев на заявление Ильичева, в том числе митрополитов Никодима (Ротова) и Иоанна (Вендланда). Лейтмотивом высказываний было утверждение, что руководство партии и правительства сейчас "осуществляют фундаментальный пересмотр политики по отношению к религии и религиозным организациям" и отныне борьба с ними "будет носить и государственный характер". Известный московский протоиерей В. Шпиллер писал в Совет: "Что же остается от религии — частного дела по отношению к государству, раз в активной борьбе с ней должна участвовать советская общественность, все общественные и государственные учреждения до министров включительно!" Ленинградский протоиерей А. Медведский заявлял: "Растет антирелигиозный фанатизм, требующий как можно скорее и не стесняясь в средствах покончить с религией. Слышатся призывы закрыть все церкви, отбирать детей у верующих матерей, уничтожить духовенство как класс, одним словом, требуют насилия над человеческой совестью" и т. д. Совет отмечал, что у части духовенства появилось стремление к активному сопротивлению, вплоть до объединения с Ватиканом: "Лучше подчиниться папе, чем безбожной власти"[3].

Активизировались и церковные диссиденты, которые стали резко и гораздо более масштабно протестовать против новых волн гонений,

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 55, д. 72, лл. 102–109, 112; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 529, л. 58.

[2]ЦХСД, ф. 5, оп. 55, д. 72, лл. 86, 87.

[3]Там же, лл. 49–60.

апеллируя к различным организациям. В целом западное общественное мнение реагировало на преследования Церкви в СССР значительно слабее, чем в 1920–1930-е гг. Но постепенно и за границей начало все более усиливаться осуждение антирелигиозной политики советского руководства. События 1964 г. наконец всколыхнули и западную общественность. В начале марта в Париже состоялся трехтысячный митинг, на котором выдающийся французский писатель, лауреат Нобелевской премии Ф. Мориа заявил: "Когда Христа распинают в Москве — мы в Париже слышим Его стоны на кресте". После митинга был отправлен протест Н. Хрущеву, и 4 марта создан международный "Комитет информации об антирелигиозном положении в СССР", в который вошли писатели О. Клеман, П. Эммануэль, Ж. Мадоль, Доменак и другие[1]. В различных городах Европы и США прошли подобные акции. В этой обстановке и ряд известных представителей компартий капиталистических стран сочли необходимым высказать аналогичное мнение. Морис Торез в своем заявлении канадскому телеграфному агентству 19 апреля 1964 г. выразил осуждение гонений на религию, имевших место в СССР. О том же заявлял Роже Гароди, письмо с протестом в ЦК КПСС отправили итальянские коммунисты. Все это начинало сильно сказываться на международной репутации СССР, отрезвляюще действовать на советское правительство, болезненно воспринимавшее мировое общественное мнение.

Антирелигиозная политика партийного и государственного руководства Советского Союза у большинства мирян и духовенства персонифицировалась с Н. Хрущевым. Авторитет 1-го секретаря и его ближайшего окружения в народе стремительно падал, в том числе и из-за авантюрной антицерковной деятельности. Поэтому, когда 14 октября 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС Н. Хрущев был снят со всех своих постов, миллионы верующих не без оснований стали надеяться на скорую смену курса в политике государства по отношению к религии. По свидетельству ленинградского уполномоченного, после получения известия об уходе Хрущева в городских храмах самочинно прекращали жесткий контроль за совершением обрядов, резко выросло количество треб. Так, если за все первое полугодие 1964 г. в Троицкой церкви "Кулич и Пасха" крестилось 575 человек, за 1 день 18 октября — 53 чел.[2] Подобное происходило и в других областях.

И действительно, падению Н. Хрущева сопутствовало почти немедленное смягчение антицерковных нападок. Опасаясь социального взрыва, новое руководство страны предприняло ряд мер по снятию общественного напряжения вокруг религиозной проблемы. По свидетельству инспектора ЦК КПСС Э. И. Лисавцева, курировавшего

---

[1]Православный вестник в Канаде, 1965, № 3. С. 7; ЦХСД, ф. 5, оп. 55, д. 72, л. 47.

[2]ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 101, л. 34.

религиозные вопросы, возобладало мнение, что люди и так обозлены и незачем их еще дополнительно злить в этом вопросе. 21 ноября председатель Совета по делам религиозных культов А. Пузин уже с негодованием писал в ЦК, что за последние три с половиной года к уголовной ответственности привлекли более 700 верующих и, кроме того, многих сослали по указу Президиума Верховного Совета РСФСР о тунеядцах. Он подчеркивал, что как тунеядцев "судят стариков, получающих пенсию, рабочих и колхозников, добросовестно работающих на предприятиях и в колхозах". А. Пузин просил ЦК: дать указания местным партийным организациям и редакциям газет пресечь нарушения законности в отношении верующих, поручить Генеральному прокурору и Верховному суду исправить ошибки и наказать виновных; подготовить для публикации официальное толкование статей Уголовного кодекса, касающихся религиозных культов; разрешить зарегистрировать фактически действовавшие религиозные общества и группы. Характерна резолюция на этой докладной Л. Ильичева: "Видимо, надо найти способ, чтобы не допускать произвола"[1]. Вскоре "главный гонитель" был с большим понижением перемещен в МИД СССР на должность заместителя министра.

В декабре в Верховном суде СССР с участием КГБ прошло специальное совещание по вопросам нарушения социалистической законности в отношении верующих, председателям Верховных судов союзных республик было поручено изучить все соответствующие уголовные дела 1962–1964 гг. А в январе 1965 г. и Президиум Верховного Совета СССР принял постановление "О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих". Много осужденных мирян и священнослужителей было освобождено и реабилитировано. Тогда же прекратили существование 2 академические антирелигиозные серии: "Ежегодник музея истории религии и атеизма" и "Проблемы истории религии и атеизма". В справке идеологического отдела ЦК от 10 февраля 1965 г. отмечалось, что так как некоторые местные работники препятствуют устранению ошибок в борьбе с религией, факты администрирования будет позволено критиковать в журналах "Партийная жизнь" и "Социалистическая законность"[2].

Советское руководство постаралось и публично продемонстрировать смену курса религиозной политики. 19 октября 1964 г. митрополиты Никодим и Питирим были приглашены на правительственный прием в честь космического полета корабля-спутника "Восток". Из подчеркнутых знаков внимания советского руководства можно также отметить поздравительную телеграмму в феврале 1965 г. нового Председателя Совета Министров А. Косыгина в связи с 20-летием избрания Патриарха Алексия на пост Первосвятителя Русской Церкви.

Правда, все эти изменения были в основном внешнего порядка. Глу-

---

[1]ЦХСД, ф. 5, оп. 55, д. 72, лл. 141–149.

[2]Там же, лл. 150–155.

бинных перемен в отношении партийных вождей к религии не произошло, да и не могло произойти. Антицерковная политика была продолжена, изменились только ее формы и методы. За осуществлением курса атеистической работы КПСС строго следил "ветеран" борьбы с религией М. А. Суслов. Но при этом он предпочитал руководствоваться советами, данными ему еще в 1948 г. И. Сталиным — "не выпячивать" данный вопрос, осуществлять подрыв влияния Церкви "полуконспиративно", не обнародуя широко соответствующие решения ЦК КПСС, чтобы не провоцировать кампании протеста на Западе и внутри страны[1].

И все же руководство СССР фактически было вынуждено признать свое поражение. Откровенные гонения на Церковь не принесли желаемых результатов. "Хрущевская" кампания явно провалилась. Она противопоставляла верующих и советскую систему вместо того, чтобы обратить людей в атеистов; загнала религиозную жизнь в подполье, что было для режима опаснее, чем открытая религиозность; привлекла симпатии многих неверующих, безразличных людей к страданиям верующих, пробудила интерес мировой общественности к положению Церкви в Советском Союзе. Конечно, Московская Патриархия понесла тяжелый урон. На 1 января 1966 г. она имела всего 7523 храма, 16 монастырей, численность зарегистрированного духовенства к 1967 г. снизилась до 7410 человек. Однако религиозность населения в целом не уменьшилась, а в ряде регионов страны даже выросла. Так, в Молдавии к середине 1960-х гг. число православных приходов было снижено на 60%, а количество крещений новорожденных возросло с 46 до 57%. В РСФСР число церковных обрядов осталось примерно на прежнем уровне. В 1962 г. в республике отпевалось 33% умерших и крестилось 30% новорожденных. А в Чувашии, Тамбовской, Рязанской, Ульяновской, Кемеровской областях и в начале 1960-х гг. наблюдался заметный рост. Даже в Москве за 1963–1964 гг. количество венчаний, крещений и отпеваний увеличилось с 45 914 до 54 916. Прекращение же открытых преследований верующих вызвало в 1964–1967 гг. рост церковных обрядов уже по всей стране. За один 1965 г. доходы Московской Патриархии выросли на 5 миллионов и достигли 90 млн. рублей в год (в новых ценах). На Украине с 1964 по 1967 гг. число крещений выросло с 48 до 51%[2]. Русская Православная Церковь выстояла и на этот раз. Лицезреть "последнего советского попа" миру не пришлось.

---

[1] *Алексеев В. А.* Указ. соч. С. 200, 202; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 568, л. 9; ЦГА СПб., ф. 2017, оп. 1, д. 3, лл. 62–64.

[2] ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 91, л. 21; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 529, лл. 3–4, д. 567, л. 19; *Алексеев В. А.* Указ. соч. С. 233, 244; К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества). М.: Политиздат, 1970. С. 61.

Описанные выше процессы наглядно иллюстрирует сводная таблица о численности приходов, монастырей, священнослужителей, Духовных школ и учащихся в них за 1945–1965 гг. Составлена она по материалам 4 архивов Москвы и Санкт-Петербурга[1]. Сведения даны, как правило, на 1 января избранного года (см. в разделе "Приложения").

Приведенные цифры показывают, что улучшение государственно-церковных отношений сразу же приводило к росту числа приходов, священнослужителей, учащихся духовных школ, монашествующих. Ужесточение же религиозной политики государства в обязательном порядке сопровождалось сокращением их количества. В борьбе с влиянием Церкви в стране упор делался именно на количественные показатели. Стоит обратить внимание, что главные "атаки" были направлены против Православной Церкви. Так, за 1958–1964 гг. число ее приходов уменьшилось на 5863, а религиозных объединений других конфессий — только на 865. Общая численность последних в 1965 г. достигла 60% от количества Православных храмов[2], что явно не соответствовало распределению населения страны по вероисповеданиям. Материалы таблицы дают представление и об оживлении церковной деятельности в середине 1950-х гг., опровергая тем самым утверждения советских исследователей о неуклонном снижении религиозной активности в СССР после окончания Великой Отечественной войны. Развенчание И. Сталина, деидеологизация общества толкали людей на поиски иной веры с ценностями, противоположными материализму.

Это и стало одной из важнейших причин начала нового наступления на Церковь. Здесь в полной мере проявилось давление окрепшего партаппарата, большей частью настроенного резко антирелигиозно. Если в 1943, 1948 и отчасти в 1953–1954 гг. основная роль в изменении характера государственно-церковных отношений принадлежала внешнеполитическим факторам, то в 1958 г. доминировали уже внутренние причины. С этого времени религиозная политика стала в значительной мере определяться пониманием роли и места атеизма в системе идеологической работы КПСС. Верующие были зачислены в разряд носителей чуждых социализму взглядов и нравов, а идея построения атеистического общества оказалась доминирующей. Фактически впервые за всю историю СССР ставилась цель полностью ликвидировать религиозные организации. Собственно государственная церковная политика начала "растворяться" в партийных установках и последующие годы шла за линией КПСС в области идеологии, повторяя ее колебания. Указания ЦК и его отделов стали определяющими в работе

[1]ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 201, л. 74, д. 263, лл. 30–43, 48–52, д. 254, лл. 33-87, д. 486, лл. 113–116, д. 528, л. 26, д. 529, лл. 3–4; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 7, лл. 2–28, д. 109, л. 70, д. 569, лл. 50–84; ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 53, лл. 1, 21–28, 66, д. 91, л. 21; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 37, лл. 62–84, д. 60, лл. 9–10.

[2]*Одинцов М. И.* Государство и церковь в России. XX век. С. 123–124.

Совета по делам РПЦ, которому теперь отводилась роль инструмента для воплощения в жизнь идеологических установок партии. Правда, руководители Совета Г. Карпов, а затем со временем и В. Куроедов, каждый в меру обстоятельств и личных качеств, вели линию против тотального наступления на религию. Этап 1958–1964 гг., несмотря на временные смягчения гонений, оказался за рассматриваемый период самым тяжелым для Церкви. И все же она сумела выстоять, доказать бесперспективность попыток уничтожить ее. И осенью 1964 г. новое руководство СССР было вынуждено отказаться от подобных акций, перейдя к значительно более умеренной тактике постепенного вытеснения религиозных организаций из общественной жизни страны, одновременно активно используя Московскую Патриархию на международной арене.

Заключение

Государственно-церковные отношения на протяжении многих столетий были существенной частью политической истории России. Не стал исключением и XX век. Более того, после Октябрьской революции они обрели особые драматизм и остроту, порой оказывая заметное влияние на общую ситуацию внутри страны и международное положение СССР.

На протяжении XX века в Российской Империи, СССР, России сменялись, только как основные официальные, идеологии Православного государства, интернационального коммунизма, социалистической великодержавности, демократического социализма, либеральной демократии, национальной государственности (в настоящее время). И их смена так или иначе влияла на отношения с Церковью. В середине и второй половине столетия советское общество трижды переживало идеологический кризис: в начале 1940-х, середине 1950-х и конце 1980-х гг. И все они совпадают с началом трех ступеней религиозного возрождения в СССР. Строй советской России был таков, что религиозные, идеологические и культурные течения в жизни общества, не укладывающие в рамки официальной идеологии, не имели возможности открыто развиваться. Это не делало их менее жизненными, хотя и вело к угнетению и деформациям, связанным с вынужденной закрытостью. И только в кризисные периоды подобные течения неожиданно для властей давали себя знать в виде организованных или стихийных проявлений. И руководство страны было вынуждено корректировать курс своей религиозной политики.

Религиозную политику властных структур СССР и их отношения с Московской Патриархией в избранный для нашей книги период, по мнению автора, можно разделить на 5 основных этапов. В 1939–1943 гг. произошел отказ от курса на истребление духовенства, была постепенно свернута атеистическая пропаганда, Патриархия впервые начала использоваться государственными органами для распространения советского влияния на западных границах страны. Но диалогом отношения Церковь — государство еще не стали. Ситуация существенно изменилась в 1943–1948 гг. В это время руководство СССР, не располагая ядерным оружием, для реализации своих широкомасштабных международных планов было вынуждено активно использовать деятельность Церкви. В сложившихся относительно благоприятных условиях Патриархия сумела заметно расширить свое влияние в стране. Но в то же время между ней и правительством существовала лишь видимость взаимопонимания. Для И. Сталина было важным поставить Церковь под жесткий контроль, сделать ее послушно управляемой в своей политической игре. Это особенно ярко проявилось на третьем этапе — в 1948–1953 гг. Как только международная деятельность Московской Патриархии ограничилась участием в просоветском движе-

нии за мир, все возможности для дальнейшего роста числа ее приходов тут же были ликвидированы. Более того, стала целенаправленно проводиться политика вытеснения Церкви из общественной жизни, правда, без афиширования смены курса. 1953 г. послужил началом нового этапа. Хотя государственная религиозная политика "потеплела" лишь с конца 1954 г., но явное оживление церковной деятельности в стране стало ощущаться на год раньше. Вплоть до середины 1958 г. Патриархия, используя общее смягчение политического климата, внутрипартийную борьбу, в целом успешно расширяла свое влияние. На 1958–1964 гг. приходится завершающий этап. Вновь в государственно-церковных отношениях начал преобладать административно-силовой подход, резко активизировалась атеистическая пропаганда. В связи с принятыми планами построения коммунистического общества над религиозными организациями нависла угроза полного уничтожения. В то же время существенно расширилась международная деятельность Московской Патриархии, что и явилось одной из основных причин прекращения антицерковных акций сразу же после смещения Н. Хрущева в октябре 1964 г.

В соответствии с курсом государственной религиозной политики существенно менялась в сторону смягчения (середина 1940-х гг.) или ужесточения (начало 1960-х гг.) конституционно-правовая база. Еще в 1943 г. впервые при правительстве был создан специальный орган, ведавший церковными делами — Совет по делам РПЦ. На протяжении двух десятилетий он заметно изменился — значительно вырос численно, расширил свои функции, избавился от чрезмерной опеки службы госбезопасности. Но одновременно под жестким давлением партаппарата Совет из органа, контролирующего и регулирующего деятельность Патриархии в интересах государства, постепенно превращался в проводника идеологических антирелигиозных установок ЦК КПСС.

Не оставались неизменными и формы, масштабы репрессивных акций. Улучшение государственно-церковных отношений не означало их (репрессий) полного прекращения, хотя, конечно, влияло на размеры. Так, в 1939 г. число арестованных священнослужителей и мирян по церковным делам упало по сравнению с 1937–1938 гг. в десятки раз, однако все же составило 1500 человек (из них 900 расстреляно). В 1940 г. их было соответственно 5100 и 1100, в 1941 г. — 4000 и 1900, в 1943 г. — 1000 и 500. Даже в самый благоприятный для Московской Патриархии период — 1944–1946 гг. — количество смертных казней составляло ежегодно более 100. Эти акции являлись важной составной частью сталинского механизма контроля и устрашения. Масштабы репрессий священнослужителей заметно выросли в конце 1940-х — начале 1950-х гг., но затем резко пошли на убыль. Картина вновь изменилась с 1958–1959 гг. Правда, теперь в основном применялись иные формы наказания нелояльных священнослужителей — снятие с регистрации, изгнание из пределов епархии и т. п. Однако и в это

время были аресты, судебные процессы, инакомыслящих стали отправлять в психиатрические лечебницы. Всего в 1961–1964 гг. было осуждено по религиозным мотивам 1234 человека. С одной стороны, репрессии помогали удерживать под контролем значительную часть духовенства Московской Патриархии, подавлять особенно активные проявления церковного сопротивления. Но с другой — загоняли религиозную жизнь в подполье, были непосредственной причиной значительного роста рядов катакомбного движения, подрывали доверие к власти среди широких слоев верующих, способствовали падению престижа СССР в глазах мировой общественности. И, в конечном итоге, расчеты на них властных структур не оправдались.

Реакция Московской Патриархии на гонения, как правило, была очень активной. И властям в той или иной степени приходилось ее учитывать. Значительную часть исследуемого периода Русская Церковь находилась в центре "большой политики", и самостоятельность ее руководства, особенно на международной арене, была небольшой. Следует отметить, что Церковь много сделала в налаживании контактов Восток—Запад, предотвращении глобальных конфликтов, чреватых мировой катастрофой во время Берлинского, Карибского кризисов. В то же время нельзя оценивать внешнюю деятельность Русской Церкви исключительно с политических позиций, основным был чисто религиозный диалог.

Руководство Московской Патриархии шло на частичное выполнение отведенной ему роли с целью сохранения в атеистическом государстве легальной многомиллионной церкви, оно желало обеспечить ее целостность. Сказывалось и влияние многовековой традиции "симфонии" с государственной властью. Следует отметить, что постоянное давление на Церковь, широкомасштабные антирелигиозные акции подрывали духовные основы общества, губительно сказывались и на сфере производства, разрушая трудовую этику. Они стали одной из причин нарастания острейшего кризиса в СССР.

Антирелигиозному курсу властей всегда противостояло церковное сопротивление, принимавшее в разные периоды различные формы. Важнейшими из них были: иосифлянское движение, катакомбная церковь и религиозное диссидентство. Порой это сопротивление достигало значительных масштабов, заставляя считаться с собой государственные органы. Следует подчеркнуть, что всеобщая политизация общественной жизни в СССР вела, с одной стороны, к трактовке властными структурами любых независимых групп и сообществ как политически оппозиционных. Они соответственно подавлялись. С другой стороны, объединения, руководствовавшиеся в своей деятельности принципами христиансткой морали, зачастую не пытались полностью осознать свои собственные интересы, осознавая себя политической оппозицией режиму. Такой оппозицией, к примеру, по существу, стали церковные диссиденты.

Рассмотренные в книге вопросы напрямую связаны с проблемами современности. В условиях, когда после краха коммунистической концепции российское общество обратилось к поискам иной веры и новых путей организации своей жизни, некоторые церковные деятели проявили неумение наладить взаимодействие с людьми, ищущими путь к Церкви. Подобная неготовность объясняется прежде всего наследием прежних времен, когда религиозные организации были в основном вытеснены за пределы реальной общественной жизни. Это мешает Церкви полноценно выполнять социальные функции. В результате активизируются внеконфессиональные поиски веры, растут проявления духовной эклектичности, множатся ряды членов тоталитарных сект.

Впрочем, далеко не благополучная ситуация с религиозным вопросом сейчас не только в России, но и в Европе в целом. На Западе констатация духовного и культурного кризиса стала практически общим местом. А духовный кризис неизбежно связан с проблемами безопасности и стабильности. После завершения "холодной войны" в Европе вышли наружу многие скрытые прежде противоречия, особенно в области межнациональных отношений. И в ряде восточноевропейских стран, в том числе бывших союзных республик, политическая борьба и межэтнические конфликты приобрели религиозную окраску. Так, например, в Югославии раскол произошел именно по конфессиям, хотя верующие составляли там меньшинство населения.

В этой связи особенно важной представляется необходимость выработки новой российской государственностью своей модели церковной политики и обязательно с учетом исторического опыта. Государство должно быть светским, пресекая попытки использовать религию в политических целях, но оставляя ее в числе приоритетных интересов, чтобы не допустить расколы общества по национально-религиозному признаку, обеспечить равные условия для всех категорий граждан. Государство должно строить отношения с религиозными организациями на конституционно-правовой основе и отказаться от использования их для достижения своих прагматических целей внутри страны и за рубежом. Важно не повторить ошибок, совершенных в государственно-церковных отношениях в предшествующие десятилетия, а также использовать положительный, пусть и небольшой, опыт, существовавший в их истории.

Статистические данные о положении Русской Православной Церкви в СССР (1945–1965 гг.)

Год	Храмы и молитвенные дома	Архиереи, священники и диаконы	Духовные академии семинарии, их учащиеся	Монастыри и насельники
1945	10 243	41 архиерей	1 институт, 4 курсов	104 мон., 4632 нас.
1946	10 544	62 арх., 9254 св. и диак.	2 ДА, 6 ДС	101 мон.
1947	14 092	66 арх., 9617 св. и диак.	2 ДА – 31 уч., 8 ДС – 309 уч.	99 мон., 4668 нас.
1948	14 329	70 арх., 11 846 св. и диак.	2 ДА – 49 уч., 8 ДС – 513 уч.	85 мон. — 41 муж. (1110 нас.) и 44 жен. (3522)
1949	14 477	73 арх., 11 835 св. и 1280 диак.	2 ДА, 8 ДС	75 мон., 4787 нас.
1950	14 273	71 арх., 11 571 св. и 1664 диак.	2 ДА–107 дн., 38 заоч., 8 ДС–546 дн., 39 заоч.	75 мон., 4748 нас.
1951	13 867	69 арх., 11 222 св. и 1152 диак.	2 ДА–83 дн., 61 заоч., 8 ДС–471 дн., 90 заоч.	70 мон. — 28 муж. (1079) 42 жен. (3687)
1952	13 740	65 арх., 11 093 св. и 1161 диак.	2 ДА–133 дн., 85 заоч., 8 ДС–500 дн., 122 заоч.	62 мон. – 25 муж. (1011), 37 жен. (3628)
1953	13 508	65 арх., 12 089 св. и диак.	2 ДА–124 дн., 101 заоч., 8 ДС–541 дн., 138 заоч.	60 мон.
1954	13 422	65 арх., 11 912 св. и диак.	2 ДА и 8 ДС — 1000 уч.	59 мон. – 22 муж. (850), 37 жен. (3631)
1955	13 376	66 арх., 10 863 св. и 1064 диак.	2 ДА–155 дн., 144 заоч., 8 ДС–690 дн., 252 заоч.	57 мон., 4487 нас.
1956	13 417	65 арх., 12 185 св. и диак.	2 ДА–141 дн., 140 заоч., 8 ДС–741 дн., 260 заоч.	57 мон. – 20 муж. (878), 37 жен. (3686)

Год	Храмы и молитвенные дома	Архиереи, священники и диаконы	Духовные академии семинарии, их учащиеся	Монастыри и насельники
1957	13 430	71 арх., 1122 св. и 1095 диак.	2 ДА–157 дн., 139 заоч., 8 ДС–924 дн., 302 заоч.	57 мон. — 20 муж. (893), 37 жен. (3768)
1958	13 414	73 арх., 11010 св. и 1086 диак.	2 ДА–168 дн., 160 заоч., 8 ДС-1112 дн., 340 заоч.	56 мон., 4706 нас.
1959	13 324	68 арх., 10835 св. и 1077 диак.	2 ДА–178 дн., 150 заоч., 8 ДС–940 дн., 320 заоч.	56 мон. – 20 муж. (880), 36 жен. (3769)
1960	13 008	11407 св. и диак.	2 ДА и 8 ДС–667 дн.	42 мон. – 14 муж. (813), 28 жен. (2911)
1961	11 572	8252 св. и 809 диак.	2 ДА-197 дн., 65 заоч., 5 ДС–380 дн.	33 мон. – 13 муж. (721), 20 жен. (2327)
1962	10 149		2 ДА–? 5 ДС–364 дн., 128 заоч.	22 мон., 2185 нас.
1963	8580	73 арх., 7236 св. и 748 диак.	2 ДА и 5 ДС–442 дн., 180 заоч.	16 мон. – 6 муж. и 10 жен.
1964	7873		2 ДА–200 дн., 157 заоч., 4 ДС–211 дн., 177 заоч.	16 мон.
1965	7551	1967 г.– 6694 св. и 653 диак.	2 ДА, 3 ДС	16 мон., 1500 нас.

Содержание

ЛР № 071334 от 22.08.96

Подписано в печать 01.06.98 Формат 60×88/16

Печать офсетная Бумага офс. № 1

Усл. печ. л. 24,42 Уч.-изд. л. 28,62 Тираж 3000 экз. Зак. 4791

Издательский дом “Грааль”

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНИТИ, 140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

Тел. 554-21-86

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Книга 24

Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве

